

В. М. ХОЛОДКОВСКИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ
В ФИНЛЯНДИИ
И
ГЕРМАНСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. М. ХОЛОДКОВСКИЙ

РЕВОЛЮЦИЯ
1918 года
в ФИНЛЯНДИИ
И ГЕРМАНСКАЯ
ИНТЕРВЕНЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1967

В книге исследуется насыщенный классовыми столкновениями период в истории Финляндии с конца 1917 г. до конца 1918 г. На большом фактическом материале автор показывает, как финский народ благодаря победе Октябрьской революции получил независимость. Центральное место в работе занимает изучение массового революционного движения, завершившегося революцией. Освещаются мероприятия революционного правительства, характер и ход гражданской войны, предательство финской буржуазией национальных интересов Финляндии. Отдельная глава вскрывает военные, политические и экономические цели германской интервенции. Большое внимание уделено рассмотрению позиций рабочих партий Германии и Швеции в отношении финляндской революции и разоблачению фальсификации истории этого периода в буржуазной историографии.

Ответственный редактор

доктор исторических наук | Л. И. ЗУБОК |

Финляндское рабочее движение развивалось в условиях, отличных от российских. Даже когда Финляндия входила в состав России, она выглядела как некое другое государство, живя в значительной степени по собственным законам. Это было обусловлено исторически. Когда в 1809 г. она была присоединена к России в результате войны со Швецией, Александр I, заботясь о том, чтобы в случае новых войн Финляндия не восстала против России и не поставила под угрозу близлежащую русскую столицу, постарался сделать так, чтобы Финляндии в составе России было не хуже, а даже лучше, чем прежде. Ради этого Финляндии были сохранены ее прежние конституционные законы и предоставлена широкая автономия во внутренних делах. Так Финляндия заняла в Российской империи исключительное положение. Она имела даже собственную денежную систему и парламент (сейм), который царское правительство, впрочем, стало созывать только после польского восстания 1863 г. Своеобразие условий в Финляндии, этом островке буржуазной демократии западноевропейского типа, по сравнению с условиями в остальной России сохранилось даже несмотря на то, что при последнем царе началось грубое наступление на автономные права Финляндии, лишь временно прерванное революцией 1905—1907 гг. и имевшее конечной целью ликвидацию тех демократических свобод, которыми Финляндия выделялась на фоне равно бесправных российских губерний.

Следствием более либеральных условий в Финляндии было то, что финляндское рабочее движение имело больше сходства с западноевропейским, чем с российским. В то время как в остальной России социал-демократические организации вынуждены были находиться в подполье, за рекой Сестрой начинался другой мир: социал-демократическая партия и профсоюзы действовали легально, регулярно созывали свои съезды, издавали газеты, а социал-демократические депутаты с 1907 г. составляли в сейме самую многочисленную фракцию. Правда, в годы «похода на Финляндию» демократические права урезывались и нарушались, рабочие газеты штрафовались или временно закрывались, а

некоторые партийные работники и даже депутаты сейма подвергались аресту.

Основанная в 1899 г. социал-демократическая партия имела крупные заслуги перед рабочим движением Финляндии. Под ее руководством оно освободилось из-под «опеки» буржуазии и превратилось в самостоятельную политическую силу, которая стала выступать с собственной платформой. Используя легальные возможности, социал-демократы энергично взялись за политическое просвещение рабочих, что облегчалось высоким уровнем грамотности в Финляндии. Существовала богатая рабочая пресса: при населении 3,3 млн. выходило более полутора десятков рабочих газет общим тиражом около 130 тыс.¹, а главная газета партии «Тюэмиес» («Рабочий») стала наиболее распространенной газетой на финском языке². По всей стране как грибы росли рабочие дома, которые воздвигались по инициативе, на средства и руками самих рабочих. В 1904 г. в Финляндии было 37 рабочих домов, а в 1916 г. — уже 940³. Рабочие дома стали очагами культуры и политических знаний для трудящихся. В них имелись библиотеки с социалистической литературой, проводились собрания, делались доклады, устраивались спектакли и концерты силами рабочих коллективов самодеятельности, которые в Финляндии насчитывались десятками. Докладчики и агитаторы социал-демократической партии разъезжали по городам и выступали перед рабочими с политическими лекциями. Благодаря всему этому социалистические идеи проникли в самые широкие слои рабочих.

Финляндские социал-демократы проявляли солидарность с революционным движением в России, оказывали братскую помощь скрывавшимся в Финляндии русским революционерам, в том числе В. И. Ленину. В 1905 г. вслед за началом всеобщей стачки в России рабочая Финляндия тоже начала всеобщую стачку. Финляндский пролетариат создал Красную гвардию, численность которой достигала 25 тыс. человек⁴. Во время восстания русских солдат и матросов в крепости Свеаборг летом 1906 г. часть финских красногвардейцев присоединилась к восставшим.

Социал-демократическая партия не только руководила борьбой трудящихся за частичные экономические и социальные тре-

¹ A. Hyvönen. Suomen vanhan työväenpuolueen historia. Helsinki, 1959, s. 221.

² E. Valpas. Die Tätigkeit der Sozialdemokratischen Partei Finnlands.— «Die Sozialistische Arbeiterinternationale. Berichte der sozialdemokratischen Organisationen Europas, Australiens und Amerikas an den internationalen Sozialisten-Kongress zu Stuttgart (18. bis 24. August 1907) über ihre Tätigkeit in den Jahren 1904—1907». Berlin, 1907, S. 195.

³ A. Hyvönen. Op. cit., s. 222.

⁴ Y. K. Laine. Suomen poliittisen työväenliikkeen historia, osa I. Helsinki, 1944, s. 318.

бования, но через свою прессу старалась мобилизовать общественное мнение в поддержку экономических требований рабочих, организовать сбор средств среди населения в пользу стачечников.

Воспользовавшись первой русской революцией, финляндские социал-демократы с большой энергией стали бороться за всеобщее избирательное право и замену сословного четырехпалатного сейма однопалатным и добились успеха. Благодаря тому, что русский революционный пролетариат, по выражению Ленина, «тряхнул самодержавием», маленький финляндский народ добился самого демократического по тем временам избирательного права, которое впервые в Европе было распространено на женщин, и наиболее демократического в буржуазных условиях однопалатного парламента. На первых же выборах в 1907 г., проведенных на основе всеобщего избирательного права, финляндские социал-демократы получили 80 мест в сейме из 200, сразу затмив крупнейшие буржуазные партии. Так как в сейме социал-демократы стали отстаивать интересы трудящихся, получаемая ими от последних поддержка росла, и почти на каждом новых выборах социал-демократам удавалось проводить все больше своих представителей. Высшим триумфом для них явились выборы 1916 г., когда им досталось 103 мандата из 200. Впервые в мире рабочая партия получила около половины голосов на выборах и абсолютное большинство мест в парламенте. Это красноречиво говорило о высоком уровне классовой сознательности финляндского пролетариата и о популярности социал-демократической партии среди трудящихся масс, видевших в ней выразительницу и защитницу своих интересов.

Однако успехи на выборах, действительно замечательные, и привычка к только легальным методам породили у руководства партии и у ее сеймовой фракции парламентские иллюзии и стремление избегать насильственных средств. Ориентация на парламентские методы предполагала и соблюдение во что бы то ни стало организационного единства партии. Идеино единой партия не могла быть уже потому, что в нее по принципу коллективного членства входили многие профсоюзы. В партии были и явные ревизионисты, сторонники соглашательства и сотрудничества с буржуазией, вроде Таннера, но господствовало в партии так называемое силтасааревское крыло (от названия района Гельсингфорса Силтасаари, где находилась редакция «Тюэмиес»), стоявшее на позициях непримиримой классовой борьбы. Лидерами этого крыла были молодые и наиболее выдающиеся деятели партии: Отто Куусинен, уже тогда являвшийся крупнейшим теоретиком в финляндском рабочем движении, занимавший пост политического редактора «Тюэмиес» в 1907—1916 гг.; Юрьё Сирола, являвшийся секретарем социал-демократической

партии в 1905—1906 гг., редактором газеты «Кансан лехти» в 1904—1906 гг., а с 1906 г. — редактором «Тюэмиес»; Куллерво Маннер, в 1917—1918 гг. председатель Партийного комитета (центральный руководящий орган партии, соответствующий Центральному Комитету); Эдвард Валпас-Хяннинен, председатель Партийного комитета социал-демократической партии в 1906—1909 гг., главный редактор «Тюэмиес» в 1901—1918 гг.; Карл Вийк, видный теоретический работник партии, заведывавший Архивом рабочего движения. Силтасааревские лидеры были высокообразованными людьми, прекрасными ораторами и журналистами, игравшими заметную роль в политической жизни страны. Все они много раз избирались в сейм, причем Сирола в 1908—1909 гг. был вице-председателем сейма, а Маннер в 1917 г. — председателем. Однако, зная западноевропейские языки, они не знали русского и не были знакомы с печатавшимися на этом языке работами В. И. Ленина. Позже О. В. Куусинен писал: «Силтасааревские «теоретики» были настолько несведущими, что до 1918 г. не читали ни одного произведения Ленина»⁵.

Таким образом, к началу бурного и революционного 1917 г. социал-демократическая партия Финляндии пришла с большим опытом использования легальных возможностей для организации и политического просвещения рабочих и для парламентской борьбы, с заслуженным авторитетом среди рабочих и деревенской бедноты, но в то же время идеологически и психологически не подготовленной к непосредственным практическим революционным действиям, которые скоро поставила на очередь дня русская революция. Для изживания парламентских иллюзий и психологической перестройки руководства социал-демократической партии в духе революционного марксизма, для осознания необходимости и неизбежности революционных средств потребовалось определенное время и определенный опыт, который приобретает лишь в атмосфере обострившейся классовой борьбы. Не удивительно, что быстро развивавшиеся события иногда опережали этот процесс.

Революционный подъем в стране начался уже после свержения самодержавия. Словно рухнула плотина, сдерживавшая стачечное движение, и оно половодьем затопило Финляндию. Количество забастовок достигло в 1917 г. невиданной цифры — 483; в них участвовали 140 тыс. рабочих — практически весь рабочий класс; средняя продолжительность забастовок составляла 19 дней⁶. Пролетариат, реальная зарплата которого за годы войны сократилась на треть, а рабочий день составлял 10 часов

⁵ O. W. Kuusinen. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta, 1949, s. 11.

⁶ P. Notko. Katsauksia Suomen työväenliikkeen nuorison luokkataisteluliikkeen historiaan, osa I. Leningrad, 1935, s. 139.

и больше, потребовал улучшения условий жизни, прежде всего повышения зарплаты и введения 8-часового рабочего дня. Предприниматели вынуждены были пойти на некоторые уступки, так как русская революция изменила соотношение классовых сил в пользу трудящихся: жандармско-полицейский аппарат царизма, относительно незначительный в Финляндии, вышел из строя, а русские солдаты и матросы, входившие в состав воинских частей, расквартированных в Финляндии, были настроены революционно и проявляли полную солидарность с финскими рабочими. Именно благодаря прямой поддержке солдат и матросов финским рабочим удалось уже в апреле 1917 г. добиться от предпринимателей 8-часового рабочего дня, который, правда, не был закреплён законодательно. Рабочие создали коллективные органы — сеймы (представительства) рабочих организаций, которые в основном отстаивали экономические интересы трудящихся; наибольшую роль играл Гельсингфорсский сейм рабочих организаций (ГСРО). Вместо прежней полиции порядок поддерживала рабочая милиция. Не останавливаясь иногда перед насильственными действиями — арестами членов буржуазных муниципалитетов, рабочие многих городов добились введения своих представителей в эти органы породкового управления.

Упорные классовые бои развернулись и в деревне. В Финляндии больше трех четвертей семей, занятых в сельском хозяйстве, не имели собственной земли. Часть их арендовала земельные участки у крупных и средних землевладельцев. Мелкие арендаторы, так называемые торпары, не были владельцами ни избышек, где они жили, ни скота, ни инвентаря. Помимо платы за аренду, они должны были определенное число дней в году работать на хозяина, а кроме того — подрабатывать на стороне, потому что убогое хозяйство торпаря не обеспечивало его семье даже прожиточный минимум. Еще более жалкое существование владели так называемые бобыли, арендовавшие лишь крошечный клочок земли с лачужкой. И торпарю, и бобылю грозило выселение по истечении срока аренды, а у десятков тысяч из них этот срок в 1917—1918 гг. истекал. В полном смысле слова пролетариями деревни являлись батраки — сельскохозяйственные рабочие, почти низведенные до положения рабочего скота. Они всю жизнь работали на хозяев, отдыхали лишь несколько праздничных дней в году и были так бедны, что обычно не имели возможности даже завести семью. В Финляндии во время мировой войны были приблизительно 55 тыс. семей торпарей, 95 тыс. бобылей и 315 тыс. батраков⁷ — огромная армия деревенских бедняков, недовольных своим положением и способ-

⁷ «Suomen työväen vallankumous». Leningrad, 1928, s. 58—60; L. H a r m a - j a. Effects of the war on economic and social life in Finland. New Heaven, Yale University Press. London, 1933, p. 106, 107; «Kommunisti», 1948, № 1-2 (108-109), s. 25, 26.

ных стать революционными союзниками рабочих. Стоило пасть самодержавию и установленному им в Финляндии военному режиму, как торпари и батраки немедленно воспользовались относительной свободой и начали энергичную борьбу за улучшение своего положения, переняв у рабочих метод забастовок. По неполным данным, в сельском хозяйстве в 1917 г. было 78 забастовок, в которых участвовало более 17 тыс. торпарей и батраков⁸. Прекращение весенних и летних сельскохозяйственных работ, не терпевших отлагательства, ставило хозяев в трудное положение и вынуждало соглашаться на некоторые требования стачечников, например, на сокращение рабочего дня до 10 часов и меньше.

На бурный подъем стачечного движения и политической активности масс эксплуататорские классы ответили тем, что уже с весны 1917 г. стали создавать свои классовые вооруженные отряды под видом спортивных команд, пожарных и стрелковых обществ; позже они стали называться шюцкорами (отрядами защиты). Кровавые расправы шюцкоровцев с бастующими в Виттис (Хуиттисет), Суоденниemi и некоторых других местах летом 1917 г. раскрыли контрреволюционный характер этих организаций и вызвали возмущение трудящихся всей Финляндии. Видя, что буржуазия вооружается, и рабочие стали с лета 1917 г. организовывать свои отряды. Часть их носила название Рабочей гвардии порядка, чем подчеркивалось, что их целью является лишь охрана общественного порядка; часть же по примеру 1905 г. пожелала принять революционное название Красной гвардии.

Период между Февралем и Октябрем характеризовался тем, что трудящиеся Финляндии все больше разочаровывались в возможности добиться осуществления своих законных требований только парламентскими средствами. В сейме социал-демократы имели незначительное большинство, а в коалиционном сенате (правительстве) Финляндии, сформированном в марте 1917 г., им принадлежало 6 мест из 12. Таким образом, в обоих этих высших органах страны существовало приблизительное равновесие между социал-демократами и буржуазией. Поэтому представители последней имели полную возможность препятствовать любым мерам, которые не соответствовали интересам эксплуататорских классов (следует иметь в виду, что в сейме для принятия важных решений требовалось большинство не менее чем в две трети). К тому же входившие в сенат правые социал-демократы были вообще склонны к соглашательству с буржуазией. В результате сенат ничего не сделал для рабочих, а сейм даже элементарнейшие демократические законы — о 8-часовом рабочем дне и о демократизации системы выборов в органы местно-

⁸ P. Notko. Op. cit., s. 141.

го самоуправления — принял только под давлением массовых выступлений финских рабочих, поддержанных русскими солдатами и матросами.

Согласно существовавшим при царе порядкам, принятые финляндским сеймом законы не могли вступить в силу без утверждения их правительством России; последнее всегда пользовалось этим для отклонения негодных ему законов. Социал-демократы, неизменно выступавшие за расширение автономии Финляндии и за всяческое ограничение вмешательства русского правительства в финляндские дела, внесли в сейм законопроект о верховной власти, согласно которому право окончательного утверждения финляндских законов, равно как и право созыва и прекращения работы сейма, должно было принадлежать самому сейму, а не правительству России. Опять внепарламентские средства — грандиозная демонстрация перед сеймом и угроза начать всеобщую забастовку — помогли социал-демократам 18 июля добиться принятия сеймом закона о верховной власти. Осуществление его сделало бы Финляндию независимой от Временного правительства, за исключением вопросов внешнеполитических и военных. По мнению финляндских социал-демократов, это облегчило бы трудящимся Финляндии классовую борьбу. Но финляндской буржуазии было выгодно, чтобы существовала высшая инстанция, которая накладывала бы вето на радикальные законопроекты, принятые сеймом. Представители буржуазии обратились к Временному правительству с просьбой распустить сейм. Последнее и само было против ограничения верховной власти России в Финляндии, а потому 31 августа разогнало «красный сейм». Законы о верховной власти, о 8-часовом рабочем дне и о демократизации системы выборов в органы местного самоуправления так и не вступили в силу. Таким образом, результат всей напряженной парламентской и внепарламентской борьбы за эти законы равнялся нулю.

После роспуска сейма социал-демократы вышли из коалиционного сената. Даже упорно не желавший расставаться с министерским креслом Таннер вынужден был, наконец, это сделать после специального решения социал-демократической фракции сейма. В сенате остались одни представители буржуазии. Они воспользовались своей властью для содействия тайным приговорениям буржуазии к установлению вооруженной рукой твердого буржуазного «порядка», т. е. подавления в Финляндии каких бы то ни было революционных сил. С этой целью в Куопио, Миккели, Вильпула, Ялсъярви, Вимпели, Вёюри, Саксанними были организованы тайные школы для военной подготовки шюцкоровцев и полицейских. Оружие тайно поставлялось из Германии, а частью приобреталось через специальную агентуру в Петрограде и у контрреволюционно настроенных офицеров русских войск в Финляндии.

Осень 1917 г. пришла под знаком возраставших продовольственных трудностей и материальных лишений для трудящихся Финляндии. Некоторое повышение зарплаты, которого рабочим удалось добиться в результате стачечной борьбы, было сведено на нет ростом цен на продовольствие. Тысячи рабочих оказались без средств к существованию из-за прекращения оборонных работ. Надвигался голод. Но сенат не принимал эффективных мер для его предотвращения, а тайно сосредоточивал продовольствие в северной половине страны, населенной в основном крестьянами; она должна была стать базой контрреволюции в случае гражданской войны.

1 и 2 октября 1917 г. состоялись выборы в сейм. Хотя социал-демократы получили несколько больше голосов, чем на предыдущих выборах, буржуазным партиям благодаря блокированию между собой, привлечению к участию в выборах прежде пассивных слоев, а кое-где и благодаря прямой фальсификации результатов голосования удалось добиться большинства в сейме. Социал-демократы получили 92 места из 200.

Новое соотношение сил в сейме делало парламентскую борьбу заранее бесперспективной для социал-демократов: буржуазное большинство могло без труда блокировать любое их предложение. Между тем принятие мер против голода и безработицы превращалось для рабочих в вопрос жизни и смерти. Социал-демократы попытались апеллировать к рассудку имущих классов. В день открытия нового сейма, 1 ноября 1917 г., была опубликована декларация совета социал-демократической партии и социал-демократической фракции сейма. Она называлась «Мы требуем». Буржуазия, говорилось в декларации, проводит безумную политику. «Ее не заставляет задумываться даже крайняя нужда рабочего класса. В своей политике... она не сделала пролетариату ни одной честной уступки, как будто она совершенно потеряла способность понять, что если вовремя не уступить, то натянутая пружина лопнет». Мы, социал-демократы, говорилось в декларации, «требуем от данного сейма и всех учреждений, находящихся во власти буржуазии, немедленно предоставить необходимые условия для спасения жизни пролетариата: Хлеб и права!» Предлагалась целая система практических мер для борьбы с продовольственным кризисом, ликвидации безработицы, уничтожения бюрократизма, введения в силу закона о 8-часовом рабочем дне, освобождения торпарей от власти хозяев, разоружения и роспуска вооруженных отрядов буржуазии, реформы налогообложения, введения страхования по старости, потере трудоспособности и по болезни. «Решительное осуществление данных требований в самое ближайшее время, — говорилось в декларации, — является необходимым для спасения рабочего класса Финляндии. Предупреждаем строго буржуазию, чтобы она не отодвигала и не тормозила их выполнения.

Скоро увидим, поможет ли это наше предупреждение»⁹. Чтобы покончить с таким положением, когда буржуазия имела возможность тормозить осуществление реформ, социал-демократы предлагали избрать Учредительное собрание, облеченное неограниченной верховной властью во всех делах страны. Оно должно было принять новую конституцию и провести основные реформы. Решения в нем должны приниматься простым большинством голосов.

В декларации выражалась солидарность с социал-демократическими партиями других стран, ведущими борьбу за прекращение войны. Документ заканчивался словами: «Особо мы высказываем наше приветствие негибаемым русским товарищам по классовой борьбе, которые героически ведут дело российской революции, а через него и дело освобождения угнетенных народов и пролетариев всех стран. Пусть будут уверены рабочие великих стран, что и финляндский пролетариат, с своей стороны, исполнит свой долг в нынешней борьбе нашего общего международного освободительного движения»¹⁰.

Буржуазия не обратила внимания на сделанное ей строгое предупреждение. Напротив, уже начало работы сейма показало ее намерение все более нагло проводить жесткий курс, не идя ни на какие уступки. Вопреки парламентской традиции пропорционального распределения руководящих постов в сейме она на сей раз не допустила социал-демократов ни на один из этих постов. Заняв командные позиции, она сразу же получила возможность препятствовать даже постановке тех насущнейших вопросов, которые были выдвинуты в декларации «Мы требуем». Сейм стал говорильней, от которой трудящимся нечего было ожидать. Буржуазия не подозревала, что всем этим она дает великопелный политический урок трудящимся и сама уничтожает у них последние парламентские иллюзии.

В. И. Ленин уже вскоре после свержения царизма в одном из «Писем из далека» указывал на то, что революционные победы российского пролетариата дают возможность финляндским рабочим добиться новых успехов на пути к социализму. Он писал в марте 1917 г.: «Не забудем также, что под боком у Питера мы имеем одну из самых передовых фактически республиканских стран, Финляндию, которая с 1905 по 1917 г., под прикрытием революционных битв в России, сравнительно мирно развила демократию и завоевала *большинство* народа на сторону социализма. Российский пролетариат обеспечит Финляндской республике полную свободу, вплоть до свободы отделения (теперь едва ли хоть один социал-демократ колебнется на этот счет, когда кадет Родичев так недостойно отторговывает в Гельсингфорсе

⁹ И. И. Сяккяйнен. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962, стр. 286—288.

¹⁰ Там же, стр. 289.

кусочки привилегий для великороссов) — и именно этим завоеует *полное* доверие и товарищескую помощь финских рабочих общероссийскому пролетарскому делу. В трудном и большом деле ошибки неизбежны, — их не избежать и нам — финские рабочие лучшие организаторы, они нам помогут в этой области, они двинут *по-своему* вперед учреждение социалистической республики»¹¹.

Что Ленин имел в виду возможность установления в Финляндии социалистической республики еще до взятия власти российским пролетариатом, видно из его совета финляндским социал-демократам брать власть, не дожидаясь российского пролетариата. Менее чем через год участники учредительного съезда компартии Финляндии, бывшие социал-демократы, так вспоминали об этом в открытом письме Ленину, написанном при непосредственном участии О. В. Куусинена: «Прошлой осенью, накануне рабочей революции в России, вы, товарищ Ленин, давали и нам, финнам, совет: «Вставайте, вставайте немедленно и берите власть в руки организованных рабочих!»»¹².

Хотя совету Ленина о взятии власти финские социал-демократы не последовали, некоторая мобилизация сил рабочего класса была проведена. 31 октября совет социал-демократической партии призвал отряды Красной гвардии подготовиться на всякий случай, так как возможны крупные события. На следующий день руководство гвардии опубликовало обращение, в котором говорилось: «Крупные события могут призвать нас раньше, чем мы думаем, и тогда рабочие гвардии должны быть готовы выполнить свою задачу, чтобы мы могли быть на высоте событий»¹³.

Великие события действительно произошли: грянула Великая Октябрьская революция, которая показала, как надо добиваться осуществления чаяний трудящихся, и которая оказала могучее влияние на весь мир, а тем более на расположенную «под боком у Питера» Финляндию.

Весть об Октябрьской революции подействовала на финляндское рабочее движение как мощный катализатор, ускоряющий назревание революционного кризиса. На другой же день после нее, 8 ноября, социал-демократы потребовали от сейма осуществления всего того, что было изложено в декларации «Мы требуем». В то же время из представителей Партийного комитета социал-демократической партии, ее сеймовой фракции, исполкома Организации профсоюзов и Рабочей гвардии порядка был создан Центральный революционный совет в качестве высшего руководящего органа рабочего класса всей стра-

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 46.

¹² О. В. Куусинен. Избранные произведения (1918—1964). М., 1966, стр. 14.

¹³ «Työmies», 1.XI 1917; «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 33, 34.

ны. В совет вошли, в частности, О. В. Куусинен, Ю. Сирола, К. Маннер и К. Х. Вийк.

Моментально реагировала на Октябрьскую революцию и финляндская буржуазия. Она сразу ребром поставила вопрос о власти. Пока в России было буржуазное правительство, она признавала его верховную власть в Финляндии, это соответствовало ее интересам. Октябрьская революция коренным образом изменила положение. Подчиняться классово враждебной ей Советской власти финляндская буржуазия не собиралась. Едва в Гельсингфорсе стало известно о большевистской революции, как директор банка Лундсон внес в сейм поддержанное всей буржуазией предложение о передаче верховной власти в Финляндии директории из трех человек. Фактически имелось в виду установить буржуазную диктатуру. 9 ноября буржуазное большинство сейма приняло предложение о директории вопреки возражениям социал-демократов. Но рабочие, великолепно понимавшие, о чем идет речь, показали, что настал момент, когда они становятся решающим политическим фактором. Они решительно выступили против передачи власти «трем королям». 9 ноября Гельсингфорсский сейм рабочих организаций избрал Революционный комитет из 25 человек, которому было наказано ни в коем случае не допустить осуществления буржуазной директории¹⁴. Видя боевое настроение рабочих и не располагая в тот момент значительными вооруженными силами, поскольку шюцкоры были еще сравнительно немногочисленны, буржуазия не рискнула идти напролом; предполагавшийся триумвират так и не был создан.

Открывшийся в столице Финляндии 12 ноября съезд профсоюзов заявил сейму, что если насущные требования трудящихся, изложенные в декларации «Мы требуем», не будут осуществлены, то рабочие объявят всеобщую забастовку. На следующий день буржуазное большинство сейма отклонило эти требования. В ночь на 14 ноября пролетариат Финляндии начал всеобщую забастовку. Явно под влиянием событий в России забастовка приняла такие масштабы и такой революционный характер, какого Финляндия еще не знала. Рабочие не только бросили работу, но и заняли правительственные учреждения, вокзалы, телефон и телеграф, арестовывали ярых контрреволюционеров, производили обыски в домах буржуазии, конфискуя оружие и излишки продовольствия, и т. д. Газеты не выходили, за исключением «Известий Центрального революционного совета рабочих». Буржуазная власть была парализована, рабочие были хозяевами положения.

Дело пахло революцией. «В дни ноябрьской всеобщей забастовки, — говорится в Обращении ЦК КПФ по случаю 40-летия

¹⁴ И. И. Суюкяйнен. Указ. соч., стр. 105, 106.

**ПОЛУЧЕНИЕ ФИНЛЯДИЕЙ
НЕЗАВИСИМОСТИ.
ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ**

**ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
НЕЗАВИСИМОСТИ ФИНЛЯДИИ**

Нам говорят, что Россия раздробится на отдельные республики, но нам нечего бояться этого. Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем.

Из речи В. И. Ленина на I Всероссийском съезде военного флота 5 декабря 1917 г.

Октябрьская революция впервые в истории предоставила финляндскому народу, как и другим народам России, возможность решать самому свою судьбу. 15 (2) ноября 1917 г. в Декларации прав народов России Советское правительство провозгласило не только равноправие и суверенность народов России, отмену всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений и свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России, но и «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства»¹.

Несмотря на то, что Финляндия еще входила в состав России, она после Октябрьской революции стала фактически свободной. В день опубликования Декларации прав народов России финляндский сейм принял закон о том, что верховная власть в Финляндии временно принадлежит сейму. При Временном правительстве такой акт оказался роковым для сейма: он был за это распущен. Теперь же со стороны Советского правительства не последовало никаких репрессий против финляндского сейма; верховная власть сейма в Финляндии стала фактом. В обращении

¹ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 14, 15.

нии Центрального комитета компартии Финляндии по случаю 40-летия финляндской рабочей революции совершенно справедливо отмечалось, что «объявление Финляндии независимой в действительности произошло уже 15 ноября, когда рабочие массы заставили сейм утвердить закон о верховной власти, вступлению которого в силу буржуазия до того времени противилась»².

Внутри Советской России Финляндия оставалась буржуазной республикой. Большевики не вмешивались в ее внутренние дела, считая, что социальные преобразования в Финляндии являются делом самого финляндского народа. «Против Финляндской буржуазной республики, которая остается пока буржуазной,— говорилось в манифесте Совета Народных Комиссаров к украинскому народу,—мы не сделали ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа, и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих и желающих входить в состав Российской республики»³.

Руководящие деятели Советского государства подчеркивали, что финляндскому народу предоставлена полная свобода в устройении своей судьбы. Так, народный комиссар по делам национальностей И. Сталин, выступая в качестве представителя партии большевиков на ноябрьском съезде финляндской социал-демократической партии, заявил, что Советское правительство признает за народами России, в том числе и за финляндским народом, право на свободное самоопределение и готово провести его в жизнь. Руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров Сталин сформулировал так: «Полная свобода устройства своей жизни за финляндским, как и за другими народами России! Добровольный и честный союз финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом!»⁴.

Что над финляндским народом теперь действительно не было надзора и опеки со стороны центральной власти в России, наглядно проявилось и в вопросе о правительстве Финляндии. Раньше состав финляндского сената согласовывался с Петроградом и утверждался там. Советское правительство не претендовало на это. Финляндский сейм утвердил состав правительства Свинхувуда. Ясно, что большевики предпочли бы видеть в Финляндии не буржуазное, а рабочее правительство, и если бы они пожелали вмешаться, они могли бы добиться этого. Но они не вмешивались в это внутреннее дело Финляндии. Таким обра-

² «Новая и новейшая история», 1958, № 2, стр. 121.

³ «Внешняя политика СССР. Сборник документов», т. I. М., 1944, стр. 27.

⁴ И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 3, 4.

зом, уже в первые недели после Октябрьской революции Финляндия фактически имела широкую самостоятельность.

Октябрьская революция вызвала «революцию» в отношении финской буржуазии к России. Пока Россия была буржуазной, финские промышленники и аграрии и не думали об отделении от нее. Связи с ней были им очень выгодны. В экономическом отношении это открывало свободный доступ на российский рынок. В политическом отношении буржуазное правительство России защищало интересы эксплуататорских классов Финляндии, которые чувствовали себя как за каменной стеной. Если даже сейм принимал (как это было летом 1917 г.) негодные буржуазии законопроекты, их не утверждали в Петрограде. Даже буржуазные авторы признают, что финскую буржуазию вполне устраивало бы либеральное правительство в России. Она, по словам М. Г. Шибергсона, «прежде всего солидаризировалась с Временным правительством»⁵. И. Эквист пишет, что конституционалисты (буржуазные партии младофинская и шведская, выступавшие при царе против нарушений финляндской конституции) не верили в возможность независимой Финляндии и кадетская Россия являлась для них воплощением идеального государства, в рамках которого Финляндия могла быть счастливой. Бывшие пассивисты (сторонники пассивного сопротивления русификаторской политике царизма) также, по словам Эквиста, мыслили себе будущее Финляндии в союзе с либеральной Россией⁶. Финляндские буржуазные юристы Р. Хермансон и Р. А. Вреде обосновали право Временного правительства на верховную власть в Финляндии⁷. Единственное, что огорчало финскую буржуазию во Временном правительстве, — это его слабость, неспособность подавить революционное движение. Его малоуспешные попытки в этом направлении демонстрировали его обреченность, и именно это обстоятельство побудило финскую буржуазию в последние дни его существования подумывать об ориентации на более надежную реакционную силу — кайзеровскую Германию, с которой уже давно поддерживали связи финские «активисты»⁸.

С момента Октябрьской революции даже те финляндские торговцы и промышленники, которые были заинтересованы в экономических связях с Россией, сразу стали сепаратистами.

⁵ M. G. Schybergson. Politische Geschichte Finnlands 1809—1919. Gotha — Stuttgart, 1925, S. 405.

⁶ J. Ohqvist. Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit. Berlin, 1923, S. 122.

⁷ A. Hyvönen. Suurten tapahtumien vuodet 1917—1918. Helsinki, 1957, s. 10.

⁸ См. И. И. Кяйвярйнен. Истоки германо-финского антисоветского блока. — «Ученые записки Карело-Финского государственного университета», т. III. 1948, вып. 1. Исторические и филологические науки, стр. 26—50.

Утрата русских рынков была куда меньшим злом, чем грозящая ликвидация буржуазного строя. Скорей отгородиться от очага революции и не допустить распространения ее на Финляндию — такова была общая мысль всей финляндской буржуазии. Ее взоры обратились к ближайшей империалистической державе — Германии, к ней полетели просьбы о присылке войск в Финляндию или хотя бы на Аландские острова. Пусть Германия оккупирует острова, оккупирует Финляндию, превратит ее в своего вассала, но только пусть спасет от революции!

В тот момент Германия не считала возможной посылку войск в Финляндию, но 26 ноября 1917 г. Людендорф высказал представителям сената Э. Ельту и А. Бунсдорфу пожелание, чтобы после начала перемирия между Германией и Советской Россией финляндское правительство сделало заявление о независимости и потребовало вывода из Финляндии русских войск⁹. 27 ноября германская радиостанция передала в Финляндию следующую телеграмму Э. Ельта и А. Бунсдорфа: «Немедленно пошлите Свинхувуду надежным курьером следующее сообщение. Есть вероятность перемирия с Россией. Необходимо заявление о независимости. Подготовьте мнение в сейме, чтобы сейм после заявления о независимости направил Германии предложение о том, чтобы при переговорах о перемирии Германия поставила условием полный вывод русских войск из Финляндии...»¹⁰. После этого Э. Ельт выехал в Стокгольм, чтобы оттуда воздействовать на Гельсингфорс в этом смысле.

С своей стороны социал-демократы, не зная о тайных связях Свинхувуда с Германией старались ускорить решение вопроса о самостоятельности Финляндии. 29 ноября их фракция внесла в сейм предложение «рекомендовать сенату как можно скорее подготовить для обсуждения в сейме предложение о новой форме правления страны в соответствии с правом Финляндии на полное самоопределение»¹¹.

4 декабря, на другой день после начала советско-германских переговоров о перемирии, Бунсдорф послал из Германии радиogramму Свинхувуду и Э. Ельту: «Безусловно необходимо немедленное заявление о независимости»¹².

В тот же день Свинхувуд сделал в сейме заявление о независимости Финляндии и внес на рассмотрение проект, согласно которому Финляндия объявлялась независимой республикой.

⁹ E. Hjelt. Vaiherrickailta vuosilta. Muistelmia. II. Sotavuodet ja oleskelu Saksassa. Helsinki, 1919. s. 66—70.

¹⁰ «Finlands frihetskrig skildrat av deltagare». Del I. Helsingfors, 1921, s. 259.

¹¹ K. Hämäläinen. Sosialistinen ulkopolitikka. Piirteitä Suomen ja Neuvostoliiton välisistä suhteista historian valituksessa. Helsinki — Lahti, 1946, s. 31.

¹² «Finlands frihetskrig...» Del I, s. 260, 261.

Он выразил надежду, что русский народ и его Учредительное собрание не будут препятствовать стремлению Финляндии занять место среди свободных и независимых наций и что другие державы признают независимость Финляндии. Свинхувуд заявил, что сенат немедленно установит связи с иностранными государствами для ввоза продовольствия и товаров¹³.

6 декабря 1917 г. сейм должен был выразить свое отношение к декларации Свинхувуда о независимости. Так как буржуазия рвалась отделиться от революционной России, а социал-демократы всегда были за максимальную самостоятельность Финляндии, то объективно получилось так, что реакционер Свинхувуд в данном вопросе выразил в этот момент волю всего финляндского народа. Внешне дело выглядело так, словно Свинхувуд, как смелый патриот, по своей инициативе ребром поставил близкий всем вопрос (о тайных берлинских суфлерах народ не знал). В сейме никто, разумеется не возразил против независимости. Разногласие возникло лишь из-за того, что буржуазные фракции в своем проекте резолюции не говорили ни слова о том, что независимость должна быть достигнута по соглашению с Советской Россией, тогда как социал-демократы в своем проекте подчеркивали это условие. Поскольку буржуазные партии располагали большинством, был принят их проект 100 голосами против 80¹⁴. Это была установка на то, чтобы добиться отделения Финляндии от России без обращения к Советскому правительству, помимо него.

Правильной ли была позиция финской социал-демократии? Эта позиция не совсем согласовалась с ленинским положением о том, что социалисты малых наций должны бороться против мелконациональной узости, переносить центр тяжести своей агитации не на отделение, а на добровольное соединение наций и оценивать требования о национальном отделении под углом зрения интересов классовой борьбы пролетариата. Что отделение было выгодно буржуазии, не подлежало сомнению: недаром она его желала. Могло ли оно быть одновременно выгодным и рабочему классу, если в России теперь была рабоче-крестьянская власть, готовая в любой момент оказать классовую помощь финским трудящимся? Однако осуждать позицию финских социал-демократов было бы неправильно. Именно рабочий класс Финляндии и его партия являлись поборниками независимости еще в годы царизма, когда большая часть финляндской буржуазии об этом и не думала. Стремление к полной независимости естественно у народа, испытавшего в прошлом национальное угнетение. Если бы социал-демократы выступили против предложения о независимости, они

¹³ «Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma». Toim. A. Pakslähti. Helsinki, 1937, s. 1—3.

¹⁴ Ibid., s. 4; «Kommunisti», 1954, № 12, s. 752, 753; A. Cederberg, Y. Ruutu, U. Toivola, Suomen itsenäisyys. Porvoo, 1937, s. 43, 44.

восстановили бы против себя широкие слои народа, национальные чувства которых особенно обострились в результате гонений царизма и Временного правительства. Они дали бы удобный случай своим классовым противникам выступать в роли единственных поборников независимости и нажать на этой идее еще больший политический капитал. Социал-демократы сами толкнули бы часть трудящихся в объятия буржуазии. Занятой ими позицией они, напротив, заранее затруднили и ослабили действие буржуазной клеветы об антипатриотизме социал-демократов. Отделение Финляндии от России по соглашению с Советским правительством должно было содействовать преодолению сложившегося у финского народа недоверия к России. Таким образом, сепаратизм финских социал-демократов был оправдан. Если бы они заняли другую позицию, массы их не поняли бы. К тому же в долговечность существования Советской власти в первое время не верили не только буржуа, но и многие социал-демократы; считали, что со временем Россия снова станет буржуазной. Поэтому воспользоваться благоприятным моментом для достижения независимости Финляндии социал-демократам представлялось целесообразным даже с точки зрения перспектив дальнейшей классовой борьбы: это должно было избавить Финляндию от вмешательства будущего буржуазного правительства России в ее дела.

Стремление к независимости Финляндии не мешало финским социал-демократам (за исключением нескольких правых лидеров) быть искренними друзьями Советской России, и они стремились с самого начала заложить основы для добрососедских отношений с ней. Во время прений в сейме о директории О. Куусинен заявил: «Впервые в России у власти находится такое правительство, которое действительно признаёт право народов на полное самоопределение»¹⁵. Но Советское правительство, продолжал он, должно иметь гарантию, что самостоятельная Финляндия на другой же день после получения независимости не нанесет русской революции удар ножом в спину. Орган, обладающий верховной властью в Финляндии, должен дать русскому правительству гарантии, что Финляндия не ведет нечестной игры. Куусинен призвал тех, кто готовы были бы помогать немцам против России, пересмотреть свою позицию¹⁶.

Еще до решения финляндского сейма о независимости Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин ясно заявил, что Советское правительство не будет препятствовать отделению от России самостоятельных республик и что Финляндия оно предоставляет полную свободу. В своем выступлении на I Всероссийском съезде военного флота 5 декабря 1917 г. Ленин

¹⁵ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 18, 19.

¹⁶ Ibidem.

сказал: «Пусть буржуазия затевает презренную жалкую грызню и торг из-за границ, рабочие же всех стран и всех наций не разойдутся на этой гнусной почве». Слова эти были встречены бурными аплодисментами. Ленин продолжал: «Мы сейчас, — я употреблю нехорошее слово, — «завоевываем» Финляндию, но не так, как это делают международные хищники-капиталисты. Мы завоевываем тем, что, предоставляя Финляндии полную свободу жить в союзе с нами или с другими, гарантируем полную поддержку трудящимся всех национальностей против буржуазии всех стран»¹⁷.

Эти прекрасные слова Ленина буржуазные фальсификаторы истории неизменно искажают. Ленин сам признал, что большевики завоевывают Финляндию — так «резюмировали» они речь Ленина от 5 декабря 1917 г. Что слово «завоевываем» Ленин употреблял не в прямом смысле, это замалчивается; наоборот, «цитирующие» придают ему прямой смысл. Именно так преподносится ленинское высказывание в многотомной «Освободительной войне в Финляндии», в книгах Х. Седерьельма, М. Г. Шиббергсона, О. Таласа, Э. Хорнборга и др.¹⁸ Правда, некоторые не довольствовались этим и для того, чтобы «агрессивность» Советов стала яснее, еще больше искажали «цитату» в нужном им духе. У Лонгфорса это место из речи Ленина выглядит так: «Россия снова завоевывает Финляндию и присоединяет ее теснее, чем когда бы то ни было»¹⁹. А депутат сейма Вуоримаа «процитировал» Ленина следующим образом: «Мы как раз завоевываем Финляндию обратно с помощью финнов и присоединим ее к России прочнее, чем когда-либо раньше»²⁰.

Правительство Свинхувуда не могло не знать выступления главы Советского правительства, прямо касающегося Финляндии (речь Ленина была опубликована в «Известиях ЦИК» 8 декабря 1917 г.). И хотя было ясно, что для получения Финляндией независимости достаточно обратиться к СНК, сенат не сразу сделал это. Он все еще хотел избежать обращения к Советскому правительству. По словам буржуазного депутата сейма Кайрамо, финляндское правительство «по принципиальным причинам» не могло обратиться «к проклятым большевикам»²¹. Просьбы о признании независимости Финляндии правительство Свинхувуда направило только капиталистическим странам, в том числе даже

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 115, 116.

¹⁸ H. Söderhjelm. Der rote Aufruhr in Finnland im Jahre 1918. Leipzig, 1918, S. 67, 68; O. Talas. Ei se niin tapahtunut. Vastaus Väinö Tannerille. Hämeenlinna, 1949, s. 36; E. Hornborg. Det fria Finland. Helsingfors, 1957, s. 38; I. Leiviskä. Finnland in der Welt. Dresden, 1934, S. 52.

¹⁹ A. Långfors. La révolution rouge en Finlande (janvier — mai 1918). Paris, 1918, p. 9.

²⁰ «Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjat». Osa I. Helsinki, 1920, s. 169.

²¹ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 52, 54.

таким отдаленным, как Иран, Венесуэла, Уругвай, но не обращалось к правительству Советской России, в состав которой Финляндия еще входила. В нотах иностранным государствам сенат Свинхувуда утверждал, что в России-де нет общепризнанного правительства²².

Но сейм правительство Финляндии не информировало о принимаемых им шагах. Социал-демократы, видя, что правительство избегает контроля сейма над внешней политикой, и подозревая, что оно что-то предпринимает тайно, не раз ставили в сейме вопрос о необходимости открытой внешней политики. Еще 7 декабря 1917 г. во время прений в сейме Ю. Сирола сказал, что во внешней политике «есть для выбора два пути: общепотребительная в отношениях между суверенными государствами тайная дипломатия с ее наглой ложью и взаимными грабительскими договорами, а также милитаризм, в качестве их общего орудия против «внутренних и внешних врагов». Второй путь внешней политики — это демократическая внешняя политика: никаких тайных договоров, никаких козней, направленных против народа»²³. Естественно, что социал-демократы выступали за демократическую внешнюю политику.

Чтобы окончательно выяснить позицию Советского правительства в вопросе о независимости Финляндии, 8 декабря в Петроград выехала делегация социал-демократической фракции сейма в составе К. Маннера, Э. Хуттунена и Э. Салина; они были приняты В. И. Лениным. Услышав от них, что большинство финского народа безусловно за независимость, Ленин высказал мнение, что СНК признает право Финляндии на полное самоопределение в случае официального обращения по этому вопросу к СНК или ЦК большевистской партии²⁴.

12 декабря в Петроград прибыла и делегация буржуазных фракций сейма, состоявшая из С. Алкио, Р. Холсти, Анни Фуруельм, Х. Раутапя и К. Г. Идмана. Уверенная в скором падении большевиков и в том, что судьбу России будет определять Учредительное собрание, где большевики составляли лишь около трети, делегация не сочла нужным обратиться к Советскому правительству и вела переговоры с представителями остальных партий, составлявшими в этом собрании большинство, в частности с меньшевиками и эсерами.

²² «Suomen itsenäisyyden tunnustaminen». Helsinki, 1937, s. 5, 6, 9; Y. Nurmi. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo — Helsinki, 1957, s. 15. Поскольку в книге проф. Ю. Нурми приводится много не публиковавшихся до этого документов из германских архивов по рассматриваемым здесь вопросам, эта книга используется как источник.

²³ K. Hä m ä l ä i n e n. Op. cit., s. 37, 38.

²⁴ C. Enckell. Poliittiset muistelmät. Osa I. Porvoo — Helsinki, 1950, s. 169; K. G. I d m a n. Maamme itsenäistymisen vuosilta. Muistelmia. Porvoo — Helsinki, 1953, s. 198—199. И. И. С ю к и я н е н. Указ. соч., стр. 149, 150.

15 декабря социал-демократы внесли в сейме предложение о создании специальной комиссии из 17 человек для подготовки представляемых на утверждение сейма предложений, касающихся международных отношений Финляндии. Обосновывая это предложение, социал-демократы указывали, что сейм, обладающий высшей властью в Финляндии, не должен стоять в стороне от вопросов внешней политики. Сейм принял решение о создании комиссии, но с меньшими полномочиями: она должна была только готовить вопросы, представленные ей сеймом²⁵.

Тем временем сенат Свинхувуда, опасаясь, что Германия придет к соглашению с Советской Россией и оставит Финляндию без своей помощи, 15 декабря тайком от сейма уполномочил «активистов» Э. Ельта, Р. Эриха и С. Сарно участвовать в качестве представителей Финляндии в брест-литовских переговорах и «заключить необходимые договоры» с Германией и ее союзниками. Но центральные державы вовсе не хотели осложнить переговоры присутствием представителей Финляндии, независимость которой в то время никем еще не была признана²⁶.

Поскольку сейм был в неведении, делает ли что-либо сенат для того, чтобы добиться признания независимости Финляндии, Ю. Сирола и другие социал-демократы выступили 18 декабря 1917 г. с интерпелляцией. В ней отмечалось, что несмотря на то, что вопрос о независимости Финляндии оживленно обсуждается в финляндской и зарубежной прессе, нет никаких данных, которые свидетельствовали бы, что правительство Свинхувуда начало переговоры с государственными органами Советской России по этому вопросу, и у граждан возникает опасение, предпринял ли сенат какие-либо шаги в России в пользу независимости Финляндии, или же он проявил враждебность по отношению к правительственным кругам в России. «В то же время,— говорилось далее в этом запросе,— в газетах появились сообщения о том, что предполагается прибить в Финляндию шведских войск, которые должны будут попытаться вытеснить из Финляндии русские войска и действовать здесь якобы в интересах восстановления «порядка». В связи с этими намеками высказывается мысль, что в качестве платы за это Швеция получила бы Аландские острова. Говорят, что даже такое ответственное и видное лицо, как бывший вице-председатель финляндского сената и ныне

²⁵ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 48.

²⁶ M. Jääskeläinen. Itä-Karjalan kysymys. Helsinki, 1961, s. 76, 77. Спустя примерно месяц идея участия финских представителей в брест-литовских переговорах возникла и во внешнеполитической комиссии сейма. Правительство сделало вид, что для него она является новой, и выделило в качестве представителей тех же Эриха, Ельта, а также О. Стенрота. 25 января сейм дополнил делегацию двумя социал-демократами — Ю. Сирола и К. Х. Вийком. Но через несколько дней вопрос отпал: в Финляндии началась революция.

канцлер университета Э. Ельт высказался в Швеции о возможности передачи Аландских островов»²⁷.

Авторы интерpellации требовали ответа на следующие вопросы:

«1). Что сделал сенат в связи со ставшими достоянием гласности предложениями о возможности прибытия шведских войск на территорию Финляндии и передачи Швеции Аландских островов?»

2) Что сделал сенат для того, чтобы добиться признания Финляндии независимой республикой со стороны России и других стран, какие в этом деле достигнуты результаты и что предполагается сделать в ближайшем будущем для урегулирования этого вопроса?»²⁸.

На эту интерpellацию правительство Свинхувуда не ответило. Правительства всех стран, к которым обратился сенат, в том числе и дружественно настроенные правительства скандинавских стран и Германии, не соглашались признать независимость Финляндии до тех пор, пока ее не признает Россия.

8 декабря представители сената Паасикиви и Тёрнгрён были приняты премьер-министром Швеции Эденом. Сообщение о провозглашении Финляндии независимой Эден воспринял как неожиданность и отнесся с явным сомнением к идее независимой Финляндии. Он заявил, что его правительство займет выжидательную позицию, пока не станет ясно, сможет ли независимая Финляндия существовать и будет ли она жизнеспособна. Эден сказал, что шведское правительство должно принять во внимание позицию бывших союзников России и действовать в единстве с Норвегией и Данией. Эден заверил в благожелательной позиции Швеции и предостерег финнов от необдуманных действий²⁹. На всякий случай шведское правительство поинтересовалось, как отнесутся к независимости Финляндии великие державы. 12 декабря министр иностранных дел Швеции Хельнер поручил дипломатическим представителям в Лондоне, Париже и Берлине произвести соответствующий зондаж. С аналогичной просьбой относительно позиции США он обратился и к американскому посланнику в Стокгольме Моррису. Хельнер сообщил Моррису, что представитель Советского правительства в Швеции Воровский выразил уверенность в том, что Советское правительство без колебаний признаёт независимость Финляндии³⁰.

²⁷ K. Nāmäläinen. Op. cit., s. 51. Ельт действительно в интервью газете «Афтонднинген» заявил, что если Швеция поможет Финляндии получить независимость, то «независимая Финляндия в знак признательности к своей прежней метрополии уступила бы Швеции Аландские острова» (Ibid., s. 56).

²⁸ Ibid., s. 52.

²⁹ «Suomen vapaussota vuonna 1918». Osa I. Helsinki, 1921, s. 136; Y. Nurmi. Op. cit., s. 16.

³⁰ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States (далее: FRUS), 1918, Russia», vol. II. Washington, 1932, p. 735.

28 декабря представители финляндского правительства Паасикиви, Палохеймо и Гриппенберг были приняты шведским королем и зачитали ему декларацию о независимости Финляндии. Король в своем ответе высоко оценил тот факт, что финны обратились в первую очередь к Швеции, но о готовности Швеции признать независимость Финляндии не сказал ни слова. «Важным обстоятельством во всем этом вопросе,— подчеркнул он,— является возможность соглашения между вашей страной и Россией»³¹.

Уполномоченные финляндского правительства отправились дальше, в Данию и Норвегию. Везде их любезно встречали, но независимость Финляндии не признавали. В Дании им было сказано, что важно получить признание великих держав, а не скандинавских стран. Министр же иностранных дел Норвегии сделал упор на том, что большое значение имеет позиция России³².

Германское правительство при всей своей заинтересованности в отделении Финляндии от России и при всей своей ненависти к большевикам тоже не хотело признавать независимость Финляндии до тех пор, пока этот вопрос не будет решен Советским правительством. Кайзеровское правительство опасалось, что если оно раньше, чем Петроград, признает независимость Финляндии, то это создаст препятствия к заключению мира с Советской Россией. А в заключение сепаратного мира на Востоке Германия была крайне заинтересована, так как готовила наступление на Западном фронте, которое, по ее расчетам, должно было принести ей решающие успехи до прибытия в Европу американских войск.

Поэтому и в Берлине представители финляндского правительства на просьбу о признании независимости Финляндии не получили положительного ответа. Но находившемуся в Брест-Литовске посланнику Розенбергу было поручено осторожно выяснить позицию Советского правительства в этом вопросе. 14 декабря Розенберг сообщил в Берлин, что руководитель советской делегации А. А. Иоффе в частной беседе сказал ему, что Советское правительство не будет возражать против независимости Финляндии. «Я спросил у господина Иоффе,— писал Розенберг,— ...что он сделал бы на месте Германии, если бы Финляндия сообщила нам о своей независимости и попросила бы признать ее. Господин Иоффе ответил, что, пока еще не достигнуто решение в переговорах о перемирии или мире, наше признание, по его мнению, должно было, конечно, зависеть от предварительного достижения соглашения между правительством России и Фин-

³¹ «Hufvudstadsbladet», 2.I 1918; «Suomen vapaussota vuonna 1918», I, s. 333; «FRUS 1918, Russia», II, p. 739.

³² «Suomen vapaussota vuonna 1918», I, s. 325—327.

ляндией»³³. В последующие дни германские дипломаты подтверждали готовность Советского правительства признать независимость Финляндии. Так, 21 декабря в Берлине была получена телеграмма от Розенберга из Брест-Литовска, в которой сообщалось, что русская делегация снова подтвердила ему, что «русское правительство готово немедленно признать независимость Финляндии, как только Финляндия попросит об этом»³⁴. 24 декабря германский посланник в Стокгольме Люциус в разговоре с секретарем шведского кабинета Адлеркрейцем сказал, что Россия, по словам русской делегации в Брест-Литовске, готова признать независимость Финляндии по получении просьбы об этом от нее самой³⁵. Еще раньше Люциус и тайный советник германского посольства в Стокгольме Рицлер передал в Берлин (телеграмма эта была получена там 15 декабря) заявление советского представителя в Швеции Воровского о том, что Советское правительство, без сомнения, должно признать полную самостоятельность Финляндии³⁶.

Таким образом, в Берлине определенно знали, что Советское правительство готово признать независимость Финляндии и что оно не сделало этого до сих пор только потому, что Финляндия не обращалась к нему с такой просьбой. Более того: германское правительство, заинтересованное в тот момент в скорейшем заключении мира с Россией, само учло высказанное Иоффе мнение, что Германии не следует признавать независимость Финляндии до тех пор, пока этот вопрос не будет решен по соглашению между правительствами России и Финляндии. Это видно из следующей директивы, которая была направлена 15 декабря статс-секретарем по иностранным делам германскому посланнику в Стокгольме: «Согласно благоприятным сведениям, полученным от г-на Розенберга, русские не будут чинить затруднений Финляндии, если она попросит признать ее самостоятельность. Но пока в переговорах о перемирии или мире не достигнуто соглашения, с признанием со стороны Германии следует по соображениям целесообразности подождать до тех пор, пока русское правительство достигнет сначала соглашения по этому вопросу с Финляндией. Я прошу рекомендовать представителям Финляндии срочно обратиться к правительству России с предложением о признании самостоятельности Финляндии. Наше признание следует сразу же после заключения договора с русскими»³⁷. 17 декабря Люциус сообщил в германское МИД, что попросил

³³ Y. Nurmio. Op. cit., s. 20.

³⁴ Ibid., s. 27, 29.

³⁵ J. Hellner. Memorandum rörande Sveriges politik i förhållande till Finland under tiden från Finlands självständighetsförklaring till det finska inbördeskrigets slut. Stockholm, 1936, s. 6.

³⁶ Y. Nurmio. Op. cit., s. 21.

³⁷ Ibid., s. 23.

Ельта «добиться в Хельсинки соответствующего обращения к правительству России...»³⁸

О важном значении, которое придавал и кайзер позиции Советского правительства в вопросе о независимости Финляндии, можно судить по следующей телеграмме Грюнау, представителя МИД при императорской главной квартире, в МИД 22 декабря: «Его величество кайзер рекомендует, чтобы до приезда финляндской делегации поддерживали контакт с русскими. Его превосходительству фон Кюльману следовало бы сказать русским, что мы получили сведения, что Финляндия якобы должна обратиться к нам с просьбой о признании ее самостоятельности, но что мы хотели бы предварительно узнать, как отнеслась бы к этому Россия. Можно было бы теперь указать на то, что неоднократно поступали сведения о благоприятном отношении России к независимости Финляндии. Если бы русские в Брест-Литовске не смогли определить свою позицию в этом вопросе, то его превосходительству фон Кюльману нужно было бы рекомендовать им запросить об этом у Ленина. Это, вероятно, содействовало бы укреплению у Ленина доверия к нам, так как он увидит, что мы в этом вопросе действуем во взаимопонимании с Россией и не желаем чего-либо делать за ее спиной»³⁹.

Такое «внимание» империалистической Германии к позиции Советской России в финляндском вопросе показывает, что в данном вопросе Германия не оказывала на Советское правительство никакого давления — прежде всего, потому, что Советское правительство уже и до этого само стояло на позиции предоставления всем народам права на самоопределение и, исходя из давно выработанных марксистско-ленинских принципов разрешения национального вопроса, а не под давлением иностранной державы, готово было немедленно признать независимость Финляндии, а с другой стороны, потому, что Германия была слишком заинтересована в скорейшем заключении грабительского мира, чтобы позволить себе торговаться и, возможно, создавать лишние затруднения в переговорах из-за Финляндии. Шведское правительство также было информировано Германией о том, что хотя Германия благосклонно относится к стремлению Финляндии стать независимой, все же нежелательно предпринимать в этом вопросе что-либо недружелюбное по отношению к России, с которой велись тогда мирные переговоры⁴⁰.

Такова правда. Однако в финской буржуазной — да и социал-демократической литературе, как и в части буржуазной историографии других стран, десятилетиями поддерживался миф, будто Финляндия обязана своей независимостью нажиму Герма-

³⁸ Y. Nurmio. Op. cit., s. 23.

³⁹ Ibid., s. 31.

⁴⁰ Ibid., s. 18.

нии на Советское правительство. И хотя стенограммы брест-литовских переговоров были опубликованы, и из них видно, что никакого нажима со стороны Германии на Советское правительство в данном вопросе не было, фальсификаторов истории это не смущало. Ведь признать, что большевики по доброй воле предоставили Финляндии независимость, значило выбить почву и из-под других казенных версий — об «освободительном» характере гражданской войны со стороны белых, о «враждебности» Советской России к Финляндии. Вот несколько примеров, дающих представление об уровне объективности буржуазных авторов. «Как можно было заставить Ленина отказаться от Финляндии? — вопрошает Х. Гуммерус и продолжает: — Тут помогло вмешательство германской дипломатии... Под давлением германских требований 4 января Финляндия была признана Советским правительством как самостоятельное государство»⁴¹. Э. Ельт уверял, будто «только благодаря нажиму Германии было достигнуто признание со стороны России», «без нажима Германии этот результат не был бы достигнут»⁴². Ж. де Панж писал: «Наконец, Советам был предъявлен ультиматум: они должны были признать независимость Финляндии»⁴³. В таком же духе излагали вопрос Э. Ряйккёнен, Е. Ханнула, К. Энкель, В. Таннер и авторы книг «Освободительная война в Финляндии в 1918 г.», «Освободительная война в изображении участников», «Борьба за Финляндию в 1918 г.»⁴⁴ и др.

После второй мировой войны в Финляндии стало возможным более правдивое изложение этого вопроса. Добросовестно изучивший его проф. Ю. Нурмио, отнюдь не коммунист, на основании исследования материалов германского МИД пришел к следующему выводу: утверждение, будто Германия оказывала нажим на Советское правительство, чтобы заставить его признать независимость Финляндии, совершенно не соответствует действительности. Приведя телеграммы фон Розенберга из Брест-Литовска о переговорах по вопросу о Финляндии с советской делегацией, Нурмио констатирует, что в них «вовсе не говорится ни о каком упрямстве русских или о давлении, оказываемом на русских представителей». Напротив, перед русской делегацией даже заискивали. «Осторожность, которую соблюдали

⁴¹ H. Gummerus. Deutschland und die Befreiung Finnlands. Greifswald, 1938, S. 13.

⁴² E. Hjelt. Op. cit., s. 75, 76, 81, 82.

⁴³ J. de Pange. L'Allemagne depuis la Révolution française. 1789—1945. Paris, 1947, p. 222.

⁴⁴ E. Rääkkönen. Svinhufvud baut Finland. München, 1936, S. 70; J. O. Hannula. La guerre d'indépendance de Finlande 1918. Paris, 1938, p. 33; «Kampen om Finland år 1918». Helsingfors, 1938, s. 26; C. Enckell. Politiska minnen, I. Helsingfors, 1956, s. 193; «Finlands frihetskrig skildrat av deltagare», I, s. 64; V. Tanner. Kuinka se oikein tapahtui. Toinen painos. Helsinki, 1949, s. 235.

немецкие представители в финляндском вопросе, была понятна, как это уже не раз отмечалось выше. Так как Германии с точки зрения большой политики было выгодно в тот момент заключить мир с противником на Востоке, чтобы «уметь бросить свои силы в наступление против западных держав, то она при таких обстоятельствах, понятно, не хотела из-за Финляндии идти на какой-либо риск. Но немецким представителям не было надобности оказывать какое-либо давление, так как поднятый русской революцией и усвоенный тогдашними политическими деятелями России лозунг о праве народов на самоопределение помог тому, что события в этот период развивались в пользу Финляндии...»⁴⁵. Представителю белофиннов Теслеву было прямо заявлено в германском МИД, что «никакое германское правительство не могло бы в этот момент ставить на карту ради Финляндии мир с Россией»⁴⁶.

Казалось бы, после этого миф о германском нажиме на Советское правительство в этом вопросе должен был окончательно рухнуть. Однако некоторые историки продолжают его поддерживать. Американский историк К. Дж. Смит, выпустивший свою книжку годом позже Нурмио, предпочел повторить (разумеется, без тени доказательств) то, что Нурмио документально опроверг⁴⁷. А профессор Гамбургского университета Фриц Фишер и в 1962 г. все еще уверял, будто независимость Финляндии была признана Советским правительством «прежде всего под давлением Германии»⁴⁸.

На кого Германия действительно оказывала нажим, так это на Финляндию. Ей она настоятельно советовала обратиться с просьбой о независимости к Советскому правительству. 23 декабря Ельт из Берлина направил Свинхувуду сообщение, что Германия готова признать независимость Финляндии, но сначала следует получить признание независимости от правительства России⁴⁹. Германия считала дело срочным, так как была уверена, что правительство большевиков, согласное предоставить Финляндии независимость, продержится недолго. Статс-секретарь по иностранным делам Германии писал посланнику в Стокгольме Люциусу (это письмо было направлено, по-видимому, не раньше 25 декабря 1917 г.): «Так как Ельт, вероятно, находится в пути сюда, прошу обратить внимание его заместителя на то, что теперь нужно особенно спешить, так как теперешнее благоприятное для Финляндии положение, вероятно, никогда больше

⁴⁵ Y. Nurmio. Op. cit., s. 45—48.

⁴⁶ W. Thesleff. *Upplevelser under krigsåren 1914—1918*. Helsingfors, 1919, s. 96.

⁴⁷ C. J. Smith. *Finland and the Russian Revolution. 1917—1922*. Athens, Ga. [USA], 1958, p. 29.

⁴⁸ F. Fischer. *Griff nach der Weltmacht*. 2. Aufl. Düsseldorf, 1962, S. 670.

⁴⁹ C. Enckell. *Politiittiset muistelmät*, I, s. 165.

не повторится»⁵⁰. Такое же указание дали в Берлине и приехавшему туда Ельту, который 27 декабря телеграфировал Свинхувуду: «Безусловно необходимо, чтобы финляндское правительство как можно скорее сделало правительству России предложение о признании независимости»⁵¹. Для гарантии Ельт одновременно послал телеграмму финляндскому представителю в Стокгольме Грипенбергу: «Вчера был принят рейхсканцлером. Оставил ему документы. Со всех сторон горячий интерес. Необходимо получить признание с восточной стороны. Надо немедленно телеграфировать». Грипенберг тут же отправил депешу Свинхувуду, подчеркивая, что «безусловно необходимы шаги перед правительством России»⁵².

Когда 28 декабря шведские утренние газеты напечатали сообщение о том, что финляндский сенат не желает признавать большевистское правительство России и намерен обратиться со своей просьбой о независимости к Учредительному собранию (22 декабря на заседании финляндского сейма был действительно единогласно принят адрес к Учредительному собранию России по этому вопросу)⁵³, то германский посланник в Стокгольме Люциус немедленно обратился к представителю финляндского правительства Грипенбергу за разъяснением. Люциус сообщил в Берлин, что Грипенберг считает это сообщение газет не заслуживающим доверия, но признает, что, насколько ему известно, финляндское правительство еще не обращалось к правительству России по вопросу о независимости. «Я, — писал далее Люциус, — весьма серьезно повторил, что такое небрежное отношение к делу заслуживало крайнего осуждения, ибо неизвестно, как долго будут находиться у руля теперешние правители и будет ли другое правительство относиться к Финляндии так же благосклонно, как теперешнее. Государственный советник (Грипенберг. — В. Х.) ответил, что было предпринято все возможное, чтобы побудить финляндское правительство сделать запрос русскому правительству. Я еще раз подчеркнул, что всю ответственность за возможную неудачу должна будет нести Финляндия и что мы, так же как и благожелательно относящаяся к нам Швеция, в своем сочувствии (Финляндии. — В. Х.) дошли до предела»⁵⁴.

28 декабря германский рейхсканцлер принял Ельта и сказал ему, что признание Германией независимости Финляндии зависит от того, будет ли достигнуто согласие между правительствами Финляндии и России. Канцлер считал, что это согласие могло быть легко достигнуто, так как министр иностранных дел России Троцкий заявил в Брест-Литовске германским представителям,

⁵⁰ Y. Nurmio. Op. cit., s. 30.

⁵¹ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 53.

⁵² «Suomen vapaussota», I, s. 335.

⁵³ Y. Nurmio. Op. cit., s. 34.

⁵⁴ Ibid., s. 32.

что если бы Финляндия обратилась к Советскому правительству с просьбой о признании независимости, то ее просьба была бы удовлетворена⁵⁵. После этого разговора Ельт в тот же день телеграфировал Грипенбергу в Стокгольм, через которого он сносился с Гельсингфорсом: «Предложение о признании с восточной стороны обязательно. Необходимо немедленно телеграфировать»⁵⁶. 29 декабря от финляндских представителей в Берлине в Гельсингфорс была направлена такая телеграмма: «На основе полученных нами в МИД сведений убедительно просим сенат сделать правительству России предложение относительно признания независимости»⁵⁷. Не довольствуясь этим, Ельт 30 декабря направил Грипенбергу письмо, в котором опять подчеркивал важность обращения к Советскому правительству. «Мы сегодня были у фон дем Буше, исполняющего обязанности заместителя министра иностранных дел, который разъяснил, что все будет в порядке, как только финляндским правительством будет сделано предложение правительству России. Все теперь зависит от этого». «Если сенат не сделает теперь этого шага, то на него ляжет ответственность за последствия. Благоприятнейший случай будет тогда упущен...»⁵⁸.

Уступая нажиму со стороны Германии и видя, что вопрос о независимости Финляндии никак нельзя решить, минуя Петроград, правительство Свинхувуда вынуждено было обратиться к Советскому правительству. По словам германского посланника в Дании Брокдорфа-Ранцау, приехавший в Копенгаген Грипенберг сказал ему: «Нам ведь было приказано прежде всего договориться с русскими; нам нужно следовать этому указанию, хотя к большевикам мы не испытываем симпатии»⁵⁹. Ельт тоже пишет о том, с какой неохотой буржуазные политические деятели Финляндии пошли на переговоры с большевиками. «Условие, что нужно было обратиться к России, прежде чем наша независимость могла быть признана Германией, — пишет Ельт, — являлось для нас весьма неприятным, но оно оказалось весьма резонным». «Во всяком случае, пришлось ускорить решение вопроса в сенате, где с большой неохотой пошли на эту меру»⁶⁰.

Но прежде чем сенат собрался обратиться к Советскому правительству с просьбой признать независимость Финляндии, финские социал-демократы обратились с такой просьбой в ЦК РСДРП(б). Решение об этом Комитет социал-демократической партии принял 23 декабря 1917 г. Через три дня в Петроград выехала делегация социал-демократической партии в со-

⁵⁵ Y. Nurmio. Op. cit., s. 32.

⁵⁶ Ibid., s. 31; ср. «Suomen itsenäisyyden tunnustaminen», s. 40.

⁵⁷ E. Hjelt. Op. cit., s. 81.

⁵⁸ «Suomen itsenäisyyden tunnustaminen», s. 32, 39.

⁵⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 33.

⁶⁰ E. Hjelt. Op. cit., s. 81.

ставе Э. Гюллинга, К. Х. Вийка и К. Маннера. Делегация привезла письмо в ЦК партии большевиков, в котором говорилось: «В настоящее время весь финляндский народ придерживается того мнения, что независимость Финляндии должна быть осуществлена немедленно». При этом пояснялось, что «финляндский рабочий класс желает этого с точки зрения народолюбия, буржуазия же с националистической точки зрения»⁶¹. В конце письма указывалось, что исполнение этой просьбы лишит финляндских националистов их главного оружия против Советской России. 27 декабря делегация была принята Лениным, который, по свидетельству Маннера, оказал: «Разумеется, Финляндия будет самостоятельной. Мы, большевики, не противимся этому, а, как вам известно, делаем все, чтобы помочь вам»⁶².

28 декабря в Петроград прибыла и делегация финляндского сената в составе К. Энкеля и К. Г. Идмана, которая также обратилась к В. И. Ленину. Энкель сказал, что поскольку существует сомнение относительно созыва Учредительного собрания и его позиции в вопросе о независимости Финляндии, финляндский сенат намерен обратиться с просьбой о признании независимости к Советскому правительству. Ленин ответил, что Учредительное собрание будет созвано, но сенат должен сам решить, к кому обращаться; если они обратятся в СНК, то он признает независимость Финляндии. Ленин выразил убеждение, что такое решение будет утверждено ВЦИК⁶³. Энкель спросил, какие формальности нужно выполнить, чтобы получить признание независимости Финляндии. По словам Энкеля, Ленин ответил: «Это очень просто. Ваше правительство напишет нам письмо, на которое немедленно будет дан ответ»⁶⁴.

29 декабря Энкель и Идман вернулись в Гельсингфорс. Сенат в тот же день одобрил письмо к Советскому правительству, и делегация сената в составе П. Э. Свинхувуда, К. Энкеля и К. Г. Идмана выехала в Петроград. В письме сената к «правительству России» (потом по совету В. Бонч-Бруевича делегация внесла изменение, адресовав письмо к Совету Народных Комиссаров) говорилось: «К благородным свободам, признанным и провозглашенным на весь мир русской революцией, относится право каждого народа на полное самоопределение. В финском народе эта благородная декларация нашла глубокий отклик...

⁶¹ В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Ленингр. обл. изд-во, 1933, стр. 110; И. И. Сюкияйнен. Революционные события..., стр. 151, 152; «Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих» 3.1 1918 (21.XII 1917).

⁶² «Красная летопись», 1921, № 1 (10), стр. 52.

⁶³ Y. Nurmio. Op. cit., s. 35; E. Rääkkönen. Op. cit., s. 63; S.-K. Kilpi. Lenin ja suomalaiset. Helsinki, 1957, s. 114; М. И. Труш. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963, стр. 78; В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 564.

⁶⁴ C. Enckell. Poliittiset muistelmät, I, s. 170.

Освобождение русского народа принесло свободу также финскому народу... Финляндия ждет... признания Россией, от имени которой часто провозглашалось, что свобода является честью и правом каждого народа. Природа сделала финский и русский народ близкими соседями. Финский народ глубоко надеется, что отношения дружбы и взаимного уважения между этими двумя народами сохранятся навсегда...»⁶⁵. Хорошие слова! Жаль только, что буржуазные правительства Финляндии им не всегда следовали.

Большевики, конечно, понимали, что буржуазия, стоявшая в Финляндии у власти, воспользуется предоставлением независимости в своих интересах, не имеющих ничего общего с интересами народа, что она готовится к борьбе против рабочих. Они предлагали трудящимся Финляндии свой союз в классовой борьбе с буржуазией. В речи на Первом Всероссийском съезде военного флота 5 декабря 1917 г. Ленин сказал: «Если финляндская буржуазия покупает у немцев оружие, чтобы направить его против своих рабочих, мы предлагаем последним союз с русскими трудящимися»⁶⁶. Но большевики не навязывали этот союз, как не навязывали финнам советский строй. Ленин ссылаясь на Энгельса, который подчеркивал, что *«победоносный пролетариат не может никакому чужому народу навязывать никакого осчастливления, не подрывая этим своей собственной победы»*⁶⁷. Большевики непоколебимо стояли на позиции свободы отделения наций, ибо всякое отступление от этой позиции играло бы на руку буржуазии, порождало бы национальную рознь и затрудняло бы освобождение трудящихся из-под влияния национализма, этого ядовитого идеологического оружия буржуазии.

31 декабря 1917 г. делегация финляндского сената прибыла в Смольный. Короткое ожидание — и В. Бонч-Бруевич вручил делегации постановление Совета Народных Комиссаров о признании независимости Финляндии, подписанное Лениным и несколькими народными комиссарами. Делегация никак не ожидала, что вопрос будет решен так быстро и просто, и была даже смущена. Впоследствии Идман писал, что в тот момент члены делегации (а они были заклятыми врагами большевиков) испытывали искреннюю благодарность к Ленину и его правительству⁶⁸.

⁶⁵ «Suomen itsenäisyyden tunnustaminen», s. 21, 22. М. Р ю з м я. Октябрьская революция в Финляндии. — «Международная жизнь», 1957, № 9, стр. 56.

⁶⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 115.

⁶⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 51.

⁶⁸ 24 января 1959 г. в комнате В. И. Ленина в Смольном президентом Финляндской республики У. Кекконеном была открыта мемориальная доска, доставленная им из Финляндии. На ней по-русски написано: «Владимир Ильич Ленин подписал 31 декабря 1917 года в этом помещении постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР о признании государственной независимости Финляндии. Этим благородным актом он заслужил неразделимую благодарность финского народа». В своей речи Кекконен сказал: «Великая Октябрь-

Постановление СНК гласило: «В ответ на обращение финляндского правительства о признании независимости Финляндской республики Совет Народных Комиссаров в полном согласии с принципами права наций на самоопределение постановляет:

Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением:

а) признать государственную независимость Финляндской республики и

б) организовать по соглашению с финляндским правительством особую комиссию из представителей обеих сторон для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России»⁶⁹.

Мотивируя постановление СНК РСФСР на заседании ВЦИК 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.), нарком по делам национальностей И. Сталин сказал: «Понятно, что Совет Народных Комиссаров не мог иначе поступить, ибо если народ в лице своих представителей требует признания своей независимости, то пролетарское правительство, исходя из предоставления народам права на самоопределение, должно пойти навстречу». Он закончил свое выступление пожеланием, чтобы независимость Финляндии облегчила дело освобождения рабочих и крестьян Финляндии и создала прочную базу для дружбы народов⁷⁰.

В тот же день ВЦИК утвердил решение Совнаркома, признав государственную независимость Финляндии. В этом решении второй пункт, в отличие от постановления СНК, читался так: «Организовать по соглашению с Финляндским правительством и представителями финляндского рабочего класса особую комиссию для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России»⁷¹.

ская революция создала предпосылки для самостоятельности финляндского государства. Поэтому мы, финны, относимся с большой благодарностью к Великой Октябрьской революции и к великому человеку, руководившему ею» («Правда», 25.I 1959).

⁶⁹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 71; И. И. Сюзький и др. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии, стр. 290; И. Роздоржский, В. Федоров. Финляндия — наш северный сосед. М., 1966, стр. 32; 33. Постановление было подписано Председателем Совета Народных Комиссаров В. Ульяновым (Лениным), шестью народными комиссарами (Г. Петровским, И. Штейнбергом, В. Карелиным, Л. Троцким, И. Сталиным и Шлихтером), управляющим делами Совнаркома В. Бонч-Бруевичем и секретарем Совнаркома Н. Горбуновым. Наличие на документе всех этих подписей имеет немаловажное значение, свидетельствуя о коллегиальном принятии решения и о единодушии в Советском правительстве по вопросу о признании независимости Финляндии. Фотокопия этого документа целиком опубликована в финском коммунистическом журнале «Kommunisti», 1956, № 12.

⁷⁰ И. В. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 22—24.

⁷¹ Фотокопия этого документа см. в кн.: И. И. Сюзький и др. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии, стр. 291.

Однако любители «разоблачать» большевиков увидели и другую разницу между резолюциями СНК и ВЦИК. М. Грэхем уверял, будто в резолюции СНК речь шла не о независимости, а о «государственной автономии». Видимо, глубокомысленно замечает Грэхем, лишь под давлением Германии большевики согласились внести изменение, которое и вошло в резолюцию ВЦИК⁷². Всякий может сравнить фотокопии обоих документов и убедиться, что разницы, о которой говорит Грэхем, нет и в помине.

III Всероссийский съезд Советов 28(15) января 1918 г. утвердил декреты СНК и ВЦИК о Финляндии и одобрил политику СНК, направленную к проведению в жизнь принципа самоопределения народов⁷³.

Получение Финляндией независимости и образование самостоятельного финляндского государства стало возможным благодаря победе Октябрьской революции, благодаря тому, что власть в России взяли большевики. С тех пор, как возник большевизм, его борьба за свержение царизма, за право на самоопределение для всех наций, входивших в состав России, отвечала и коренным интересам финляндского народа, как и других народов России. Финляндский народ не мог в одиночку успешно бороться против самодержавной власти огромной Российской империи. Он мог просить, подавать царю петиции (которые не оказывали никакого действия), но заставить царизм прекратить свои посяательства на права Финляндии он не мог. Передовые русские люди всегда были и раньше противниками угнетательской политики царизма в отношении других народов, но тогда не было таких общественных сил, которые были бы в состоянии покончить с национальным угнетением. Только революционное рабочее движение России, руководимое большевиками и являвшееся надежным союзником финляндского народа в его борьбе за права Финляндии, представляло собой ту общественную силу, которая была в состоянии свергнуть господство эксплуататоров и вместе с тем национальный гнет. Борьба, которую в труднейших условиях царизма вели большевики, была и борьбой за свободу Финляндии. Большевики всегда подчеркивали право финляндского народа, как и других народов России, на самоопределение. Не было за всю историю большевизма ни одного случая, когда большевики уклонялись или отказались бы от признания за финляндским народом этого права. Взяв власть, они на практике осуществили те принципы, которые всегда защищали. Предоставление Финляндии независимости было закономерным продолжением прямой, честной и последовательной линии боль-

⁷² M. W. Graham. The Diplomatic Recognition of the Border States. Berkeley, Calif., Univ. of Calif. Press, 1935, p. 106.

⁷³ «Документы внешней политики СССР». т. I, стр. 93, 94.

шевиков в национальном вопросе. Никакая другая партия в России не предоставила бы Финляндии немедленно и безоговорочно полной самостоятельности. Финны и сами это понимали. «Самостоятельность Финляндии,— писал один из старейших деятелей финляндского рабочего движения Н. Р. ав Урсин,— всецело зависела от победы российского пролетариата... Кроме правительства большевиков, никакое другое правительство России не предоставило бы нам, да и не могло бы предоставить, полной самостоятельности»⁷⁴. Р. Свенто подчеркивал, что «полную внешнеполитическую независимость от России» Учредительное собрание никогда бы Финляндии не предоставило. «В этом я убежден,— писал он.— Это к тому же стало ясным из бесед с руководителями разных русских партий, которые больше всего боялись, как бы Финляндия не провозгласила себя самостоятельной еще до рассмотрения данного вопроса в Учредительном собрании... Единственным, кто признавал государственный суверенитет Финляндии без каких-либо условий, были революционные большевики во главе с Лениным. Если бы Октябрьская революция, совершенная коммунистами, не имела успеха, Учредительное собрание России не позволило бы Финляндии отделиться от России в качестве полностью независимого и свободного государства»⁷⁵.

Нужно ли пояснять, что вся подпольная деятельность так называемых «активистов» (финских буржуазных националистов, ставивших целью отделение Финляндии от России с помощью Германии ценой превращения Финляндии в вассала последней), которой в буржуазной литературе придается такое преувеличенное значение, все их переговоры, переписка и сотрудничество с Германией на получение Финляндией независимости из рук Советского правительства не оказали ни малейшего влияния!

Финляндская буржуазная пресса — та самая, которая потом писала, будто белофиннам и немцам пришлось с оружием в руках завоевывать независимость Финляндии у большевиков,— в первые дни после предоставления Советским правительством независимости Финляндии была настолько изумлена благородным актом Советского правительства, что на время даже утратила свое обыкновение по любому поводу поливать большевиков грязью и отзывалась о них неплохо. «Наш народ,— писала буржуазная газета «Хувудстадсбладет» 3 января 1918 г.,— конечно, не может без величайшей благодарности принять признание своей независимости со стороны власти имущих ныне в России. В этом мы будем видеть лучшее доказательство верности провозглашенным российской демократией идеалам по

⁷⁴ М. Рюэмя. Указ. соч.— «Международная жизнь», 1957, № 9, стр. 51.

⁷⁵ Р. Свенто. Советский Союз в центре мировой политики. М., 1961, стр. 141.

национальному вопросу и искренний отказ от учения старинного империализма о праве более сильного народа удерживать в своей власти более слабый против его воли и против его стремления к свободе. Совершенно ясно, что такой великодушный способ положит основание в будущем наилучшим отношениям между нашим и русским народом». Другая буржуазная газета «Ууси пайвя» также писала, что если раньше финляндцы предъявляли минимальные требования, то теперь они могли выставить максимальные политические требования. «Мы могли говорить откровенно и получили прямой ответ. Что бы ни говорили о большевизме, он, во всяком случае, отличается одним редким качеством. Большевики делают то, что говорят». В заключение в статье говорилось, что финляндцы отделяются теперь от России не для того, чтобы свободно ненавидеть ее, а для того, чтобы свободно любить ее⁷⁶.

На заседании сейма 8 января, посвященном признанию независимости Финляндии Советской Россией и некоторыми другими странами, председатель сейма Лундсон заявил: «Представители русской демократии от имени России первыми признали полную самостоятельность Финляндии. Таким образом, они осуществили на деле то право народов на самоопределение, которое они энергично провозглашали перед всем миром. Свободной Финляндии следует в качестве хорошего соседа проявлять благодарность к русскому народу»⁷⁷. Даже Свинхувуд, сообщив на этом заседании сейма о постановлении Совета Народных Комиссаров, подчеркнул, что «теперь русский народ в отношении Финляндии благородно выполнил свои обещания об осуществлении права малых народов на самоопределение»⁷⁸. В интервью Свинхувуд заявил, что «быстрое решение» Советским правительством вопроса о независимости Финляндии явилось для него «сюрпризом»⁷⁹.

И в письме финляндского сената Советскому правительству по поводу независимости, и в выступлениях Свинхувуда, других буржуазных политических деятелей и буржуазной прессы в те дни содержались очень хорошие высказывания о желании финляндского народа поддерживать добрососедские отношения с Россией. Трудящиеся Финляндии действительно испытывали дружественные чувства к Советской России, но для реакционных буржуазных деятелей Финляндии эти прекрасные заверения остались пустыми словами, которые они не собирались проводить в жизнь. Буквально в то самое время, когда произносились эти хорошие слова, представители финляндской буржуазии в Берлине вели переговоры о присоединении к Финлян-

⁷⁶ Цит. по «Известиям Гельсингфорского совета...», 17(4). I 1918 г.

⁷⁷ K. Härmäläinen. Op. cit., s. 68, 69.

⁷⁸ «Kommunisti», 1954, № 12, s. 755, 756.

⁷⁹ «Hufvudstadsbladet», 12. I 1918.

днии территорий Советской России и о помощи со стороны Германии в этом деле. Буржуазная пресса вскоре повела ожесточенную кампанию против еще не выведенных из Финляндии русских войск, шюцкоры готовились к нападению на них и на финляндскую Красную гвардию. И в это же время финляндская буржуазия давала приют и оказывала содействие своим «братьям по классу» — русским реакционерам и белогвардейцам, которые бежали из Советской России и строили планы, как вернуть и Россию, и Финляндию к старому.

Поддержка финляндской буржуазией этих планов, направленных против Советской России, была, в сущности, и поддержкой планов, направленных против независимости Финляндии. Если победа Октябрьской революции и установление в России Советской власти являлось условием получения Финляндией самостоятельности, то сохранение Советской власти в России было условием дальнейшего существования Финляндии в качестве самостоятельного государства, ибо влиятельнейшие круги свергнутых эксплуататорских классов России не признали независимость Финляндии и предполагали после свержения Советской власти ликвидировать и это последствие Октябрьской революции — снова аннексировать Финляндию. Сами белофинские авторы не отрицали, что «даже те русские белогвардейцы, которые в большом количестве жили в качестве беженцев в Финляндии, считали самостоятельную Финляндию лишь чем-то временным; тем более это относится к сторонникам царского режима...»⁸⁰. Среди русских белогвардейцев было вообще распространено мнение, что после свержения большевиков на очередь встанет захват Финляндии, ибо-де финляндские гавани совершенно необходимы для России. «Сейчас возьмем Петроград, а потом Гельсингфорс», — заявил, например, в 1919 г. белогвардейский полковник Ветренко⁸¹. В Финляндии многие это понимали. Социал-демократ Валпас в одном из своих выступлений в сейме сказал: «Русские социалистические рабочие кровью и жертвами осыпали нашу самостоятельность. Быть может, она еще не полностью обеспечена, так как известно, что войска Каледина и другие грозят подавить революционное движение. Если бы это теперь произошло, то мы в один далеко не прекрасный день могли бы потерять свою самостоятельность, так как в больших битвах наши силы ничего не значат»⁸².

Таким образом, революционные русские рабочие и солдаты, завоевавшие тот строй, который дал Финляндии независимость, косвенно продолжали защищать ее и после того, как она уже отделилась от России; ценой огромного напряжения сил и неис-

⁸⁰ «Finlands frihetskrig...». Del. IV, s. 32.

⁸¹ K. Kurko. Sotatoimet Pietarin valloittamiseksi 1918—1919. Porvoo — Helsinki, 1942, s. 176.

⁸² K. Hämäläinen. Op. cit., s. 59.

числимых жертв и бедствий разгромив армии русских белогвардейцев и поддерживавших их иностранных интервентов, стремившихся восстановить в России капиталистический строй, трудящиеся Советской России победили те силы, которые представляли опасность и для независимости Финляндии.

Признание независимости Финляндии Советским правительством имело большое международное значение. Прежде всего, оно имело решающее значение для признания ее другими странами. До этого правительству Свинхувуда, несмотря на все усилия, не удалось добиться признания независимости Финляндии ни одним государством; все они рассматривали признание ее правительством России как *conditio sine qua non*.

Однако многие буржуазные авторы пытались умалить значение признания независимости Финляндии Советским правительством и затушевывать тот факт, что это признание явилось первым и что оно сделало возможным признание независимости Финляндии и другими государствами. Вот несколько образчиков нарочито безразличного освещения этого факта.

Б. Фаст: «Суверенитет Финляндии был признан уже не только Швецией, Германией и Францией, но и Россией»⁸³.

Л. Хармая: «Провозглашение независимости привело почти немедленно к признанию нового государства многими правительствами; и даже Россия, которая заявила о своей готовности поддержать принцип самоопределения наций, естественно, вынуждена была уступить»⁸⁴.

Х. Игнатиус и К. Сойккели: «Многие государства признали независимость Финляндии. Среди них была и Советская Россия»⁸⁵.

Так умышленно создавалось впечатление, словно признание со стороны Советской России не являлось первым и не сыграло решающей роли.

Признание большевиками независимости Финляндии имело международное значение и в другом отношении. На фоне аннекционистской политики империалистов, которые вели войну ради захватов чужих земель и которые решали судьбы народов без учета их воли, провозглашенная и осуществленная большевиками на практике политика уважения воли народов и предоставления им права на полное самоопределение являлась разительным контрастом. Предоставление Финляндии независимости показало социалистам всего мира, какова должна быть позиция истинных марксистов в национальном вопросе, и разоблачила социал-империалистов, которые под разными предлогами уклонялись от безусловного признания и поддержки права народов

⁸³ B. Fast. Stormakterna och Norden. Malmö — Lund, 1942, s. 50, 51.

⁸⁴ L. Harmaja. Op. cit., p. 2.

⁸⁵ H. Ignatius, K. Soikkeli. La guerre d'indépendance en Finlande en 1918. Helsingfors, 1925, p. 25.

на самоопределение и фактически поддерживали аннексионистскую политику своих правительств.

Важную роль сыграло предоставление независимости Финляндии в укреплении доверия к русскому народу национальных меньшинств, входивших в состав России, так как продемонстрировало, что политика правительства Советской России не имеет ничего общего с проводившейся прежними правительствами России политикой угнетения национальных меньшинств и насильственного удержания их в пределах России. Это способствовало вызреванию условий для добровольного объединения народов России, получивших право на полное самоопределение, в многонациональный Советский Союз.

Признание Советским правительством независимости Финляндии «представляло собой важнейший исторический результат Октябрьской революции по отношению к Финляндии и создало предпосылки для всестороннего развития добрососедских отношений между народами Финляндии и Советского Союза», — пишет генеральный секретарь компартии Финляндии Вилле Песси⁸⁶. Оно убедило финляндских трудящихся, что русские рабочие и крестьяне, прогнавшие капиталистов, — не угнетатели, а друзья, что у них нет великодержавных стремлений в отношении Финляндии. Это выбило почву из-под шовинистической пропаганды, которую вела финляндская буржуазия в своих классовых целях и использовала потом в гражданской войне, так что буржуазии не удалось, как ей того хотелось бы, настроить весь финляндский народ враждебно по отношению к Советской России; ей удалось впоследствии одурачить на некоторое время и использовать для контрреволюционных целей лишь дезинформированное ею и политически отсталое крестьянство северной Финляндии. Предоставив Финляндии полную свободу, Советское правительство уничтожило реальную почву для национальных трений и национальной розни между финляндским и русским народами. Финляндской буржуазии стало труднее национализмом отвлекать трудящихся от борьбы против действительных виновников их плохого положения. Классовые противоречия выступили еще резче. Трудящиеся увидели, что и после отделения Финляндии от России их положение не улучшается, что в их бедах виноват не русский большевизм, а собственная буржуазия, что «враг в собственной стране». Предоставление Советским правительством независимости Финляндии облегчило в Финляндии, как говорил Ленин, процесс дифференциации пролетариата от буржуазии⁸⁷, а это в значительной степени определило дальнейшее развитие и обострение классовой борьбы в Финляндии.

⁸⁶ В. Песси. Значение Октябрьской революции для самостоятельности Финляндии и развития освободительной борьбы рабочего класса. М., 1957, стр. 7.

⁸⁷ См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 157, 158.

Мы, теперешние финские коммунисты, стояли на позиции парламентской социал-демократии до тех пор, пока вы, господа белогвардейцы,... не вынудили рабочий класс Финляндии подняться на революционную борьбу ради самообороны.

О. В. Куусинен. Руководителям финляндской буржуазии. 1920 г.

Поскольку ноябрьская забастовка была преждевременно прекращена, большая часть выдвинутых в начале ее насущнейших требований трудящихся осталась не удовлетворенной, и дальнейшие классовые бои были неизбежны. Объявляя о прекращении забастовки, руководители ее уверяли рабочих, будто напуганная буржуазия пойдет теперь на дальнейшие уступки. Однако буржуазия не только не собиралась этого делать, но даже взяла назад одну из уступок, к которой ее вынудила всеобщая стачка; речь идет о признании за сеймом верховной власти в стране. 4 декабря 1917 г. Свинхувуд сделал заявление не только о независимости Финляндии, но и о новой форме правления, предусматривавшей сильную правительственную власть. В противовес этому социал-демократы предложили утвердить временно принятое в дни ноябрьской стачки положение о том, что верховная власть должна принадлежать сейму. 5 декабря О. В. Куусинен выступил в сейме с большой речью по этому вопросу. Он показал, что налицо два предложения о совершенно различных правительственных системах. Предложение социал-демократов предусматривает демократическую систему, при которой правит сейм. Буржуазия же хочет сосредоточения сильной власти в руках правительства, которое не находилось бы под контролем сейма. Закон от 18 июля, сказал Куусинен, следовало бы изменить лишь в том смысле, чтобы он распространялся и на внешнеполитические и военные вопросы. Республика же, построенная в соответствии с проектом новой формы правления, являлась бы более монархией, чем многие существующие монархии, и напоминала бы Россию Николая II⁸⁸.

Однако предложение социал-демократов утвердить закон от 18 июля было отклонено 103 голосами против 91. Здесь нашло выражение прямо противоположное отношение буржуазии и трудящихся к существовавшей в Финляндии буржуазной демократии. Буржуазия хотела ее ограничить, создать независимую от сейма власть (а наиболее реакционные круги финляндской буржуазии были прямыми сторонниками монархии и только не осмеливались пока выступать открыто). В противоположность буржуазии трудящиеся хотели расширить демократию и превратить ее в подлинную власть народа. Идеалы буржуазии лежали в прошлом, идеалы трудящихся, имевших теперь перед глазами

⁸⁸ «Известия Гельсингфорского совета...», 8.XII (25.XI) 1917.

пример Советской России,— в будущем, в социалистической демократии.

Усилению в Финляндии революционных настроений невольно содействовали сами эксплуататорские классы: политика правительства Свинхувуда вызывала недовольство трудящихся и толкала их к революции, как к единственному выходу из бедственного положения.

В экономической области правительство не принимало мер для устранения тех двух зол, которые превращали в муку жизнь значительной части населения Финляндии. Одним из них был продовольственный кризис, от которого страдали в основном пролетариат и городская беднота. Другим было сохранение пережитков феодализма в аграрных отношениях, от чего страдала деревенская беднота — мелкие арендаторы и батраки. Доведя до крайней степени страдания этих классов населения, буржуазный строй сам восстановил их против себя и содействовал тому, что они стали союзниками в революции.

Все обострившийся в Финляндии продовольственный кризис делал политику сената в области продовольствия вопросом жизни каждой рабочей семьи. Продовольственные трудности были бы для трудящихся смягчены и переносились бы легче, если бы они равно касались всех классов населения. Но налицо были контрасты: одни голодали, другие жили в свое удовольствие. Чтобы избежать голода, нужно было взять на учет все имеющееся в стране продовольствие и распределять его в централизованном порядке. В Финляндии существовала карточная система на продукты; но без взятия в распоряжение государства крупных запасов продовольствия, которые находились в руках богатей и капиталистических фирм, не могла быть полностью обеспечена и выдача продовольствия по карточкам. Однако правительство не проводило эти требуемые народными массами меры, поскольку они ударили бы по интересам обеспеченных продовольствием имущих классов.

В ноябре 1917 г. под нажимом масс было создано продовольственное управление, но из-за саботажа имущих классов оно не могло по-настоящему даже произвести инвентаризацию продовольствия. Сначала предполагалось, что везде инвентаризация запасов продовольствия будет производиться совместно представителями буржуазии и рабочих. Но буржуазия инспирировала кампанию протеста против этого, и сенат охотно уступил ей: он разрешил заменять инвентаризацию свидетельствами двух «надежных» лиц, из которых одно должно было состоять на государственной или общинной службе. Буржуазия могла теперь при содействии своих доверенных лиц скрывать свои запасы. Рабочие были возмущены этим. Так, собрание правлений рабочих организаций в Сёрняйнене (пригород Гельсингфорса) выразило резкий протест против того, что сенат предоставил имущим классам

лазейку, позволявшую им избежать инвентаризации, и потребовало, чтобы все запасы продовольствия были проверены лицами, производящими инвентаризацию⁸⁹. А буржуазная пресса в то же время демагогически поднимала шум по поводу того, что рабочие отказываются-де показывать свои запасы продовольствия⁹⁰. Рабочие организации, видя, что инвентаризация превращена в комедию, запрещали своим представителям принимать в ней участие.

Поскольку против спекуляции не принималось мер, цены на продовольствие росли и становились все более недоступными для трудящихся. Даже буржуазная газета «Хувудстадсбладет» признавала, что дороговизна объясняется исключительно «плохой организованностью» и «несоблюдением законов» и что цены в Финляндии могли бы быть не выше, чем в Германии⁹¹. А в то же время буржуазия уже выражала озабоченность тем, что после заключения мира цены на продовольствие упадут слишком низко, к невыгоде для крупных землевладельцев, и призывала сенат установить нижний предел для цен⁹². Об установлении верхнего предела для цен буржуазия не хлопотала, ведь это ударило бы по спекулянтам.

Нежелание правительства разрешить продовольственный вопрос наглядно проявилось в том, что Свинхувуд не включил в состав сената председателя продовольственного управления Лавонiusa, откровенно пояснив, что правительство, в которое войдет ответственный за продовольствие, немедленно падет⁹³. В то же время деятельность продовольственного управления не находила никакой поддержки у сената. Предлагаемые управлением мероприятия, хотя и далеко не радикальные, откладывались или не осуществлялись вообще. Сенат ограничил возможность использования отпущенной сеймом суммы в 100 млн. марок для закупки на юге России продовольствия и концентрированных кормов для скота⁹⁴. В конце декабря из России в Финляндию еще было доставлено 46 вагонов хлеба⁹⁵, но уже в начале января финским закупочным комиссиям, находившимся в России, было послано около двух десятков телеграмм, предписывающих аннулировать все закупки и не допустить отправки хлеба из России в Финляндию. Прекратили ввоз уже закупленного хлеба (около 60 тыс. тонн⁹⁶); видимо, готовившаяся к развязыванию гражданской

⁸⁹ «Известия Гельсингфорского совета...», 4.I 1918 (22.XII 1917).

⁹⁰ «Hufvudstadsbladet», 5.I 1918.

⁹¹ Цит. по: «Suomen työväen vallankumous», Leningrad, 1928, s. 142, 143; «Sosialistinen Aikakauslehti», 1919, № 3, s. 28.

⁹² «Hufvudstadsbladet», 1.I 1918.

⁹³ E. R ä i k k ö n e n. Op. cit., S. 50.

⁹⁴ «Työmies», 26.I 1918.

⁹⁵ «Известия Гельсингфорского совета...», 30(17).XII 1917.

⁹⁶ «Suomen Kansanvaltuuskunnan Tiedonantoja» (далее: «Tiedonantoja»), 4.III 1918.

войны буржуазия опасалась, что хлеб попадет в руки красных, которых финские рябушинские хотели задушить костлявой рукой голода.

Неизбежным следствием этой политики был неслыханный разгул спекуляции, нужда и голод. По карточкам хлеб иногда не выдавался по две-три недели. В декабре 1918 г. продовольственная комиссия официально сообщила, что 800 тыс. финляндских граждан (чуть не четверть населения!) страдают от недостатка хлеба⁹⁷ — и это несмотря на то, что в хлеб уже раньше начали примешивать льняное семя, картофельную шелуху, древесную кору, лишайник и т. д.

Бывали случаи, когда люди от недоедания лишались чувств. 9 января «Тюэмиес» сообщила, что в одной женской школе во время утренней молитвы шесть учениц упали в обморок от голода. 17 января 1918 г. продовольственное управление признало, что не только в городах, но и в сельских местностях имеются случаи голодной смерти⁹⁸. В адрес продовольственного управления поступали с мест отчаянные письма и телеграммы с просьбой обеспечить продовольствием. Вот выдержки из некоторых.

«Хлеба только на одну неделю, после чего будут съедены все семена ржи. Просим вас как можно скорее прислать нам продовольственного хлеба» (из *Ветели*).

«У нас на этой неделе кончаются запасы, поэтому просим принять срочные меры» (из *Лаппи*).

«Жители уже неделю не получают хлеба по карточкам, умрут с голоду, если быстро не получим муки» (из *Хаукипутас*).

«Просим как можно скорее прислать нам какого-нибудь продовольственного хлеба, чтобы мы могли что-нибудь распределить среди жителей» (из *Райвола*).

«Покорнейше просим, нет ли возможности через вас получить хоть немного продовольственного хлеба» (из *Пюхьярви*)⁹⁹.

Положение продовольственного управления, на которое снизу давили голодающие массы, а сверху сытые сенаторы запрещали ввозить хлеб из России и вообще делать что-либо реальное для борьбы с голодом, стало невыносимым, и 24 января было сообщено, что председатель продовольственного управления Лавониус и члены Геёс, Валмари и Сууронен подали в отставку.

Угроза голодной смерти вынудила рабочих прибегнуть к решительным мерам. 19 января Красная гвардия в Выборге попросила произвести обыски в домах буржуазии на предмет обнаружения излишков продовольствия, а также оружия. Результаты превзошли все ожидания. Оказалось, что, в то время как трудящиеся голодали и даже умирали от голода, буржуазия имела

⁹⁷ «Sosialistinen Aikakauslehti», 1919, № 3, s. 27.

⁹⁸ Ibidem; «Kommunisti», 1955, № 1, s. 41, 42; «Suomen työväen vallankumous», s. 142.

⁹⁹ «Työmies», 15.1 1918.

огромные запасы муки, сахара, риса, мяса, а также целые погреба спиртных напитков, хотя употребление спиртных напитков было в Финляндии запрещено. Некоторые буржуа даже не знали, что существуют какие-то продовольственные карточки! Созданные из рабочих комиссии поступили по-революционному: они конфисковали обнаруженные излишки продовольствия и распределили их среди голодающих рабочих. Разумеется, возмущение буржуазии было неописуемо, ее пресса изображала это как грабеж среди бела дня.

Не было сомнения, что и в остальной Финляндии имущие классы, нажившиеся на войне, располагают крупными запасами продовольствия. Лишь кое-где их удалось обнаружить. На станции Лаппи был найден запас масла более 100 кг, в Иденсальми — склад зерна и т. д.¹⁰⁰. Рабочим стало ясно, что сытая верхушка могла бы улучшить бедственное положение своих соотечественников, но она этого не делает, ей нет дела до рабочих масс. Сохранение существующего общественного строя стало гарантией продолжения голода. Только революционные меры могли спасти рабочих и их семьи от мук недоедания и от голодной смерти. Революция превращалась в буквальный смысл в борьбу, как выразился Валпас, «за средства к жизни, за возможность жить»¹⁰¹.

Позже даже некоторые финские буржуа признавали, что причиной революции было недовольство масс, вызванное самой буржуазией. Так, капиталист Я. Линдер писал: «Роскошной жизнью, которая была следствием высоких прибылей военного времени и которую вела большая часть высших классов, и в первую очередь я сам, нашим абсолютным презрением к неудобным законам (смотри введение закона о спиртных напитках в теории и на практике) мы, само собой разумеется, возбуждали чувство зависти, которому было нетрудно превратиться в ненависть»¹⁰².

Столь же вызывающей была политика буржуазии и в отношении мелких арендаторов, положение которых стало отчаянным. 27 ноября социал-демократическая фракция сейма внесла законопроект об объявлении торпарей и бобылей независимыми от хозяев с сохранением за этими арендаторами всех выгод и прав на обрабатываемые ими участки земли до окончательного урегулирования аграрного вопроса. Ряд социал-демократических ораторов настаивал на неотложности этой (нужно сказать, половинчатой) реформы ввиду того, что уже во время обсуждения данного законопроекта в некоторых общинах происходили стачки торпарей и что отказ от реформы может побудить торпарей

¹⁰⁰ B. Jullum. Revolutionen i Finland. Hvordan kapitalistklasse fremprovoserte borgerkrigen. Kristiania, 1918, s. 13.

¹⁰¹ O. W. Louhivuori. Punakaartin kapinan syyt. Helsinki, 1920, s. 46—48.

¹⁰² T. Nerman. Svarta brigaden. Stockholm, 1918, s. 16—18.

встать на революционный путь. Куусинен подчеркнул в своей речи разницу в отношении к этому вопросу буржуазных и социал-демократических депутатов: первые хотели возложить на торпарей невероятно высокий выкуп, тогда как вторые подчеркивали иконные права торпарей на обрабатываемые ими участки земли. Законопроект был отклонен 98 голосами буржуазных депутатов сейма против 95 ¹⁰³.

В связи с этим по всей стране состоялись собрания торпарей, на которых торпари прямо заявляли, что если сейм их не освободит, то они освободят себя сами. Торпари принимали постановления о прекращении внесения арендной платы хозяевам. Так, на собрании торпарей в Санкаярви 16 ноября 1917 г. было принято решение, что если сейм не примет закон об освобождении торпарей, то они перестанут платить за аренду. Собрание торпарей в Лапусала 3 декабря потребовало от социал-демократической фракции сейма, чтобы она как можно быстрее приняла меры для освобождения мелких арендаторов от тяжкого ига, под которым они стонут уже несколько столетий; арендаторы должны стать владельцами участков, которые они обрабатывают. Если же сейм, говорилось в постановлении, не примет немедленно закона об освобождении мелких арендаторов, то им придется самим добиться этого революционным путем; они немедленно объявят всеобщую стачку и прекратят всякие платежи. Собрание торпарей и бобылей в Кодистьйоки 6 января 1918 г. выставило требование о превращении торпарей и бобылей в свободных хозяев и о переходе всей земли в собственность государства; земледельцы должны арендовать землю у государства, и переход земли по наследству должен допускаться только в том случае, если земледелец старательно обрабатывает землю.

Даже буржуазные авторы признавали, что огромное недовольство мелких арендаторов своим положением было одной из причин последовавшей революции. Палач финляндской революции в Финляндии «почва была готова, и не только в промышленных центрах, но, к сожалению, также и в сельской местности, где мелкие крестьяне были большей частью не собственниками, а лишь арендаторами земли. Арендная система, как некогда в древнем Риме, создала в сельской местности очень большое недовольство и была причиной того, что даже среди прилежного, преданного, честного сельского населения Финляндии многие маленькие люди поддались ошибочному учению русского коммунизма и из социал-демократов стали большевиками» ¹⁰⁴. Другой буржуазный автор пишет, что социал-демократы в Финляндии «находили много приверженцев не только среди городских рабочих, но и

¹⁰³ «Известия Гельсингфорского совета...», 11.XII(28.XI) 1917.

¹⁰⁴ R. von der Goltz. Als politischer General im Osten (Finnland und Baltikum) 1918—1919. Leipzig, 1936, S. 20.

среди торпарей — «безземельных людей», которые в обмен за право обрабатывать свои маленькие клочки земли отдавали свой труд и продукцию землевладельцу. Существование этого класса уже давно признавалось источником опасности для государства...»¹⁰⁵. Таким образом, мелкие арендаторы также были поставлены перед необходимостью революционных действий для спасения себя от гибели. Перед такой же дилеммой оказались и лишенные средств к существованию безработные, которых с членами семей насчитывалось несколько десятков тысяч.

Уже одних этих экономических причин было достаточно, чтобы побудить пролетариат и деревенскую бедноту к революционным действиям. А пока социал-демократическая партия не давала для этого общего сигнала, на почве экономических трудностей там и сям возникали то стихийные выступления безработных, то самочинные действия местных отрядов Красной гвардии. Страна буквально бурлила. Распространенным еще с весны 1917 г. приемом стал арест муниципальных или общинных властей красногвардейцами или безработными и содержание их под стражей до тех пор, пока они не согласятся выполнить предъявленные требования. Стихийные выступления, не санкционированные социал-демократической партией и нередко сопровождавшиеся эксцессами, имели место в Або (Турку), Бьёрнеборге (Пори), Котка, Нейшлоте (Савонлинна), Фредриксгамне (Хамина), Борго (Порво) и его окрестностях и т. д.¹⁰⁶.

Но, помимо экономических, существовали и политические причины, до крайности обострившие классовые противоречия и сделавшие вооруженную борьбу неминуемой.

Правительство Свинхувуда провозгласило своей целью установление «порядка». Оно поставило вопрос о создании армии. Социал-демократы выступили против, указывая, что интересы независимости Финляндии не требуют создания армии и что в действительности армия нужна буржуазии для подавления рабочего класса. Во время прений в сейме по этому вопросу 7 декабря Э. Валлас заявил: «Вздор, будто здесь нужны солдаты против русских; ни с какой стороны на рубежах нашей страны я не нахожу войск, против которых нам нужно было бы вооружаться. Стало быть, простой вывод состоит в том, что армию снаряжают исключительно против внутреннего врага»¹⁰⁷.

Такой вывод подтверждался и откровенными высказываниями некоторых буржуазных газет. Так, в конце 1917 г. «Хувудстадсбладет» опубликовала обращение, призывающее освободиться от «насильственной власти социалистов» при помощи на-

¹⁰⁵ J. Buchan. The Baltic and Caucasian States. Boston — New York, 1923, p. 30.

¹⁰⁶ См. «Известия Гельсингфорского совета...», 15(2).XII, 16(3).XII, 19(6).XII, 20(7).XII, 30(17).XII 1917; 12.I.1918 (30.XII 1917).

¹⁰⁷ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 35—37.

сильственных, а если нужно, то и кровавых методов. «Давайте действовать, давайте действовать энергично и давайте действовать быстро!»¹⁰⁸ — говорилось в обращении.

Рабочие не могли не замечать этих зловещих признаков и должны были принимать свои меры. Раз им угрожали кровавой расправой, надо было вооружаться! В декабре 1917 г. из Або, Таммерфорса, Лахти и Выборга представители организованных рабочих приехали в Петроград и обратились к тамошней финской Красной гвардии (ее создали проживавшие в Петрограде рабочие финской национальности) с просьбой помочь оружием. «Мас-сы готовы, да не хватает оружия»¹⁰⁹, — рассказали они о ситуации в Финляндии. Финские красногвардейцы Петрограда помогли им получить оружие. 18 декабря в Куопио был направлен вагон, в котором находилось 500 винтовок и 50 тыс. патронов; его сопровождали Юкка Рахья и 7 красногвардейцев. Но как только вагон был прицеплен к поезду, об этом немедленно узнали белофинские агенты по всей линии железной дороги. В Куопио вооруженные шюцкоровцы уже ждали вагон и попытались его захватить; только наличие пулеметов у охранявших вагон красногвардейцев заставило шюцкоровцев отступить¹¹⁰. В середине декабря красногвардейцам Васы было доставлено 3 ящика винтовок, красногвардейцам Йонсуу — 5 ящиков винтовок¹¹¹. В конце декабря Красная гвардия Або получила из Петрограда один вагон оружия, Красная гвардия Вильманстранда (Лаппеенранты) — вагон оружия, и, кроме того, в ее адрес прибыло на ст. Рахья 19 ящиков оружия из Тулы¹¹². В конце же декабря рабочим Лахти было послано из Петрограда 500 винтовок с запасом патронов. Позднее партии оружия были направлены красногвардейцам Уусикирко и Райвола (ныне Рошино).

В Петрограде действовала и подпольная финская буржуазная организация для приобретения оружия и отправки его шюцкорам; сенат Свинхувуда специально ассигновал этой организации средства. Финская Красная гвардия Петрограда по мере сил препятствовала ее деятельности. «Во многих случаях, — рассказывает один член этой петроградской Красной гвардии, — этим контрабандистам приходилось иметь дело с красногвардейцами, и они получали по заслугам»¹¹³.

Финская буржуазия тем временем пыталась провести законопроект о создании армии. 9 января 1918 г. он обсуждался в сейме. Но почти половина голосов (91 против 94) была подана

¹⁰⁸ Цит. по: «Түб», 8.I 1918.

¹⁰⁹ A. U. p. Pietarin suomalaisen punakaarti. — «Punakaarti rintamalla. Luokkasodan muistoja». Toim. J. Lehtosaari, Leningrad, 1929, s. 263—267.

¹¹⁰ Ibidem.

¹¹¹ «Известия Гельсингфорского совета...», 16(3).XII 1917.

¹¹² «Известия Гельсингфорского совета...», 2.I 1918 (20.XII 1917).

¹¹³ «Punakaarti rintamalla», s. 263—267.

против передачи его в комиссию, т. е. фактически против самого законопроекта. Его сторонники поняли, что необходимых двух третей голосов им не собрать, и от законопроекта отказались. Буржуазия решила достичь своей цели другим путем: было внесено предложение о предоставлении сенату полномочий для создания сильной полиции, подчиненной только сенату и якобы необходимой для борьбы с растущей в стране «анархией». Сенатор Кастрен заявил, что сейм должен уполномочить правительство принимать все те меры, какие оно сочтет необходимыми для создания в стране твердой власти и поддержания порядка. Фактически речь шла о предоставлении сенату чрезвычайных полномочий. Полицейские силы, заявил Кастрен, нужны правительству для того, чтобы не позволить Красной гвардии и русским войскам устраивать инциденты, которые наносят ущерб внутреннему порядку и независимости страны. Сенатор Араярви заявил, что вооруженные силы могут быть только у правительства. Следовательно, Красную гвардию предполагалось ликвидировать; рабочий класс должен был остаться безоружным.

Поскольку для принятия решения о предоставлении сенату просимых полномочий достаточно было простого большинства голосов, у социал-демократов не было возможности не допустить этого. Поэтому они прибегли к обструкции, произнося длинные речи против этого предложения, а во время выступления Свинхувуда подняли такой шум, что тот не смог говорить и председатель сейма вынужден был объявить перерыв. Социал-демократы предупредили, что предоставление сенату просимых полномочий будет равносильно объявлению войны рабочему классу. Но предупреждение не подействовало. После неслыханно бурных прений, продолжавшихся и ночью с 11 на 12 января, сейм вечером 12 января 97 голосами против 85 предоставил сенату чрезвычайные полномочия. Решение это социал-демократы встретили протестами и возгласами: «Долой правительство!», «Его следовало бы немедленно арестовать!».

Сенат сразу же создал два полицейских подразделения и стал спешно приобретать оружие. 11 января Свинхувуд направил финляндскому представителю в Стокгольме Грипенбергу зашифрованную телеграмму следующего содержания: «Прошу вас уполномочить Теслева (он находился в Германии. — В. Х.) по постановлению правительства произвести закупки оружия и припасов. Предложите ему заключить соглашение об отзывании обратно находящихся на германской службе граждан свободной и нейтральной Финляндии (т. е. егерей. — В. Х.) и незамедлительно отправить этих людей на судне прямо в Финляндию, причем им надо взять с собой ранее закупленное оружие и припасы»¹¹⁴.

¹¹⁴ «Kommunisti», 1933, № 1, s. 42.

В другой телеграмме Гриппенбергу говорилось: «Ускорьте отправку закупленного в Швеции оружия в Васу»¹¹⁵. 19 января уполномоченные финляндского сената Ельт, Эрих и Сарии, находившиеся в Германии, обратились к Людендорфу с просьбой о скорейшей отправке в Финляндию финского егерского батальона, оружия и военных материалов¹¹⁶.

Интересно, что несколько раньше финская буржуазия просила оружия и у противника Германии — у Франции, имевшей склады вооружения в Архангельске. На просьбу, направленную в декабре 1918 г., был дан отрицательный ответ: Франция не хотела вмешиваться в отношения между Россией и Финляндией¹¹⁷. Но в январе 1918 г., после признания независимости Финляндии, французский военный атташе сам предложил финляндскому правительству оружие из французских складов в Архангельске¹¹⁸. Однако правительство Свинхувуда не воспользовалось этим предложением. Оно смекнуло, что связи с Францией могут помешать ему получить куда более эффективную помощь от Германии. Франция не могла прислать войска в Финляндию, а Германия могла.

Решение буржуазной части сейма о предоставлении сенату чрезвычайных полномочий рабочие газеты расценивали как подготовку гражданской войны, опубликовав по этому вопросу статьи под заголовками: «Перед гражданской войной» («Вапаа сана»), «Буржуазия объявила гражданскую войну» («Кансан тахто»), «Буржуазия ведет опасную игру» («Сосиалидемократити») и т. п. Позже шведская газета «Дагенс нюхетер» приравнивала решение сейма к государственному перевороту¹¹⁹. 13 января состоялись большие демонстрации трудящихся против решения сейма и создания вооруженных сил; в демонстрациях участвовало много женщин. Боевое настроение масс характеризует заявление одной женщины, опубликованное в «Тюэмиес»: «Я вижу, что буржуа радостно смеются по поводу этого решения. Но я говорю: вы, которые сейчас смеетесь, скоро заплачете»¹²⁰.

В этот же день в Гельсингфорсе состоялась 15-тысячная демонстрация молодежи под лозунгами «Долой кровавых буржуазных депутатов!», «Долой милитаризм!», «Никаких войск ни в какой форме!», «Мы не допустим никакого казарменного воспитания!». Участники демонстрации устроили митинг, на ко-

¹¹⁵ «Vapaus», 1918, № 1, s. 7.

¹¹⁶ Y. Nurmio. Op. cit., s. 59.

¹¹⁷ W. Hubatsch. Unruhe des Nordens. Studien zur deutsch-skandinawischen Geschichte. Göttingen — Berlin — Frankfurt, 1956, S. 116.

¹¹⁸ C. Enckell. Poliittiset muistelmani, I, s. 253.

¹¹⁹ «Dagens Nyheter», 26.III 1918.

¹²⁰ S.-K. Kilpi. Suomen työläisnaisliikkeen historia. Pori, 1953, s. 153.

тором была принята резолюция против милитаризма ¹²¹. 18 января комитет социал-демократического союза молодежи опубликовал воззвание против милитаризма ¹²².

Политические вопросы о чрезвычайных полномочиях сенату, о полиции и об армии не могли отвлечь рабочих от экономических вопросов, от повседневной нужды. 14 января руководство гельсингфорсской Красной гвардии приняло резолюцию, гласившую, что нужно как можно скорее решить продовольственный вопрос, вопрос о безработице и осуществить другие требования, перечисленные в заявлении «Мы требуем», для чего «политическая власть должна быть взята социал-демократической партией». Резолюция заканчивалась словами: «Если положение потребует, то высшее командование гвардии должно взять руководство революцией в свои руки» ¹²³.

15 января эта резолюция была полностью опубликована в «Тюэмиес». Буржуазия приняла к сведению, что Красная гвардия ставит вопрос о революции. Уже и до этого власти энергично вели приготовления к гражданской войне. Своей базой контрреволюция избрала среднюю и северную часть страны, населенную в основном крестьянством. Запасы продовольствия и стратегических материалов сосредоточивались в Эстерботнии, туда же стягивались шюцкоры, ценности Финляндского банка были тайно перевезены в Куопио ¹²⁴. Бывшим военным еще 6—7 января были разосланы секретные предписания немедленно взять отпуска и «по личным делам» выехать в Эстерботнию ¹²⁵. Опубликование резолюции Красной гвардии подстегнуло буржуазию ускорить приготовления, чтобы опередить противника. В «Хувудстадсбладет» был напечатан открытый призыв разоружить Красную гвардию, хотя бы для этого пришлось применить силу ¹²⁶. 16 января Свинхувуд негласно утвердил главнокомандующим вооруженными силами Финляндии генерала Маннергейма.

До этого барон Густав Маннергейм приобрел в Финляндии героистратову славу своей верноподданнической преданностью царю, душившему Финляндию. Этому гвардейскому офицеру, успешно делавшему карьеру (во время коронации Николая II он был удостоен чести стоять рядом с троном), не было никакого дела до насилий царизма над его родиной Финляндией. Нелегальная газета «Фриа урд», издававшаяся сторонниками так называемого пассивного сопротивления руссификаторской полити-

¹²¹ P. Notko. Op. cit., s. 159; «Известия Гельсингфорского совета...», 14(1), I 1918.

¹²² P. Notko. Op. cit., s. 159.

¹²³ «Työmies». 15.I 1918.

¹²⁴ G. Mannerheim. Erinnerungen. Zürich — Freiburg, 1952, S. 167.

¹²⁵ «Työ». 29.I 1918.

¹²⁶ «Hufvudstadsbladet», 17.I 1918.

ке царизма в Финляндии в начале 900-х годов, включила Маннергейма в позорный список финляндских офицеров, отказавшихся уйти в отставку в знак протеста против политики царизма в Финляндии. Между прочим, жертвами политики царизма в Финляндии стали и родственники самого Маннергейма: его старший брат Карл Маннергейм, директор банка, был изгнан из Финляндии и поселился в Швеции, куда предпочел переехать и его младший брат Юхан. Когда Густав Маннергейм пожелал отправиться на японскую войну, его родня выразила удивление, как он может воевать за царя, который угнетает его родину¹²⁷. Все же Маннергейм участвовал и в японской, и в первой мировой войне. Уволившись после февральской революции, которая застала его генералом, он вернулся в Финляндию и смекнул, что финляндской буржуазии как раз нужна «твердая рука», нужен Кавеньяк, и что отныне ему так же выгодно стать патриотом Финляндии, как до этого было выгодно не быть им. Этого человека, служившего угнетателю Финляндии, даже не знавшего финского языка (Маннергейм происходил из шведского аристократического рода), буржуазия и сделала вождем «патриотического» движения.

По свидетельству сенатора Арайрви, «сенат еще в Гельсингфорсе вручил Маннергейму верховное командование над всеми вооруженными силами страны. В продолжение военных операций все чиновники и остальные граждане должны были безусловно и немедленно выполнять его приказы и распоряжения... Он один должен был принимать решение о том, каких мер требовала тогдашняя обстановка для восстановления порядка, причем он был обязан в случае надобности лишь представлять сенату соответствующие дела для контроля»¹²⁸. Таким образом, буржуазия добровольно вручала власть военному диктатору, который должен был железной рукой разгромить революционный пролетариат и навести «порядок». Но пока назначение Маннергейма являлось тайной — о нем было сообщено лишь 27 января.

Зная о плохом вооружении рабочих гвардий, о крайне низкой боеспособности находившихся в Финляндии русских войск, представлявших собой остатки разлагавшейся царской армии, а с другой стороны, о хорошем вооружении шюцкоров, Маннергейм был абсолютно уверен в быстрой победе над «красными» и заранее заботился о том, чтобы лавры победителя достались одному ему и их не пришлось бы с кем-либо делить. «Господин сенатор,— сказал он Свинхувуду в день своего назначения главнокомандующим,— у меня к вам только одна просьба: обещайте мне, что вы не будете просить об иностранной интервенции!».

¹²⁷ «Historiallinen aikakauskirja», 1965, № 1, s. 40, 41.

¹²⁸ A. Beranek. Mannerheim. Berlin, 1942, S. 120.

Из Швеции и Германии, пояснил генерал, понадобится только оружие, но не войска ¹²⁹. Свинхувуд ответил, что и не собирается просить об интервенции, если его не принудит к этому необходимость (на самом деле Свинхувуд еще раньше направил Ельта в Германию, чтобы просить о присылке немецких войск).

18 января 1918 г. Маннергейм инкогнито выехал в Эстерботнию для организации последних приготовлений к войне. В вагоне поезда в Таммерфорсе русским солдатам показалась подозрительной военная выправка и прекрасное знание русского языка у одетого в штатское человека, предъявившего документы на имя негодянта Мальберга. Его сочли переодетым белогвардейским офицером и уже хотели арестовать, но финляндские железнодорожные служащие, к которым тот обратился по-шведски, убедили солдат, что у него документы в порядке, и ему позволили продолжать путь. Это был генерал Маннергейм. В это же время в южную Эстерботнию для организации нападения на Красную гвардию и русские войска выехал и существовавший при сенате так называемый Военный комитет, преобразованный в генеральный штаб белой армии.

Таким образом, контрреволюционные силы были в основном стянуты на исходные позиции в среднюю часть страны, главным командующий и его штаб заняли свои места. Последние дни десяти перед началом гражданской войны Финляндия жила в тревожном ожидании, в предчувствии грозных классовых столкновений, неизбежность которых становилась очевидней с каждым днем. И раньше бывали стычки между шюцкорами и Красной гвардией, но после того, как шюцкоры были превращены в вооруженные силы правительства, они стали действовать еще агрессивнее и наглее, а рабочий класс Финляндии не мог позволить им третировать себя и давал отпор если не в том же месте, так в другом. Участвовавшие столкновения представляли собой в сущности первые авангардные бои надвигающейся классовой войны.

18 января шюцкоры разоружили красногвардейцев в Таавети. То же было сделано в Бьёрнеборге и его окрестностях. Тогда в Выборге, где перевес был у Красной гвардии, последняя стала производить обыски с целью обнаружения спрятанного буржуазией оружия. 19 января красногвардейцы нашли большой склад оружия на одном заводе Выборга. Засевшие там шюцкоровцы встретили красногвардейцев огнем, но в результате перестрелки были выбиты. На складе оказались пулеметы, винтовки, ручные гранаты, взрывчатые вещества. Красная гвардия конфисковала это оружие, как и обнаруженные запасы продовольствия. Это привело буржуазию в ярость. Немедленно были мобилизованы шюцкоры всей Финляндской Карелии. В Выборг

¹²⁹ E. Rāikkönen. Op. cit., s. 105.

прибыло около 4000 белогвардейцев, тогда как красновардейцев там было не более 200 человек¹³⁰. Белогвардейцы разгромили товарную кладовую, захватили 140 винтовок, большое количество патронов, пулеметных лент, полевых телефонов, лыж¹³¹, овладели железнодорожной станцией.

Захватом железнодорожной станции в Выборге белогвардейцы отрезали от России оставшиеся в Финляндии русские войска, которые оказались как бы в мешке. Находившееся в Выборге командование 42 армейского корпуса, в который входили эти войска, вынуждено было принять меры для устранения столь опасного положения. Белой гвардии был предъявлен ультиматум: сдать оружие и покинуть Выборг. В резолюции армейского комитета 42 армейского корпуса говорилось, что если русские войска будут вынуждены принять решительные меры для защиты как своих интересов, так и интересов мирных граждан, то «эти меры будут направлены не против финского народа и не против его независимости, а исключительно против самочинных организаций, приносящих вред русским войскам, находящимся в состоянии войны с Германией»¹³². Председатель армейского комитета 42 армейского корпуса в связи с этим телеграфировал в Народный комиссариат по военным и морским делам: «Нами принимаются меры к ограждению жизни и имущества мирных граждан, будь то русский, финн, швед и других национальностей. По городу наш усиленный патруль. Войска держат себя вполне лояльно. Армейским комитетом 42 и Выборгским советом сделано распоряжение войсковым частям разоружать появляющихся на улицах вооруженных винтовками, будь то белая или красная гвардия»¹³³.

Белая гвардия не выполнила упомянутый ультиматум и была вытеснена из Выборга совместными усилиями Красной гвардии и русских войск. Буржуазия усмотрела в этом вопиющее нарушение «порядка» и произвела мобилизацию шуцкоров по всей стране. Видя это, и руководство Красной гвардии Гельсингфорса призвало красновардейцев быть наготове, ибо в любой момент могут произойти серьезные события. «Порядок и дисциплина — первое условие нашей победы, — говорилось в воззвании. — Поэтому сплывайте силы! Пусть каждый будет готов ко всяким случайностям!»¹³⁴.

Ввиду серьезности обстановки руководство социал-демократической партии должно было предпринять определенные шаги. В Партийный комитет тогда входили О. В. Куусинен, К. Маннер,

¹³⁰ ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 126, лл. 14—16.

¹³¹ ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 28, л. 144.

¹³² ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 126, лл. 14—16; ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 28, л. 166, 189.

¹³³ ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 28, л. 154.

¹³⁴ «Työmies», 22.I 1918.

Ю. Сирола, М. Туркиа, Э. Гюллинг, К. Х. Вийк и Э. Элоранта. Часть членов комитета была настроена революционно. Маннер рассказывает, что на него решающее влияние оказала беседа с Лениным в декабре 1917 г., когда К. Маннер, Э. Хуттунен и Э. Салин приезжали в Петроград по вопросу о независимости Финляндии. «По крайней мере, на меня эта встреча с тов. Лениным оказала такое влияние, что во мне созрела смелость и решительность стать на путь захвата власти, на который мы затем в конце января и вступили, правда, и тогда еще с колебаниями»¹³⁵, — писал Маннер. Примерно такой же была позиция Куусинена и Сирола. Но из-за присутствия в Партийном комитете членов, настроенных не революционно, он не пользовался полным доверием более решительно настроенных масс. Комитет это чувствовал и потому готов был уступить политическое руководство такому органу, который представлял бы не только партию, но и другие рабочие организации.

Предложения комитета на этот счет и оценка обстановки были изложены еще в воззвании от 15 января, озаглавленном: «Сплачивать силы пролетариата! Сенат собирается атаковать рабочий класс силами лахтарей!». Предоставление сенату диктаторских полномочий расценивалось в воззвании как намерение буржуазии легализовать шюцкоры и уничтожить Красную гвардию. «Но нет никаких гарантий, что не последует и еще худшее, если сенату удастся эта затея»; ведь сенат ведет в Швеции переговоры об уступке Аландских островов за присылку шведских войск в Финляндию для «наведения порядка». «Пролетариат Финляндии, — говорилось далее в воззвании, — неделю за неделей ожидал помощи в нужде, но нужда и голод только обострялись, так что, наконец, начались голодные волнения и другие беспорядки»¹³⁶. Партийный комитет напоминал, что во время ноябрьской забастовки представители аграрного союза и некоторые буржуазные деятели обещали поддержать требования трудящихся, но нарушили эти обещания «и теперь вместо хлеба, демократии и освобождения торпарей сулят недовольным пролетариям нагайки и пули». Но рабочие по-прежнему выдвигают требования об облегчении продовольственного кризиса и положения безработных, об освобождении торпарей от власти хозяев. Они требуют также отставки теперешнего сената, мер против бюрократизма и обеспечения действительной демократии. В воззвании подчеркивалось, что в настоящей обстановке Рабочая гвардия порядка «совершенно необходима для защиты рабочего класса». «Нужно сплотить, укрепить и привести в готовность свои ряды на случай всяких событий». Далее комитет предупреждал: «Итак, пусть знает буржуазия, которая теперь

¹³⁵ «Красная летопись», 1924, № 1(10), стр. 50—52.

¹³⁶ «Helsingin työväenyhdistys 40-vuotias». Tampere, 1924, s. 136—137; A. Hyytiäinen. Suurten tapahtumien vuodel, s. 96, 97; «Työmies», 15.1 1918.

клеветает на всю Рабочую гвардию, и сенат, который хочет напасть на нее вооруженными силами, что это было бы нападением на весь рабочий класс Финляндии. В ответ на такие угрозы трудящиеся должны укреплять Рабочую гвардию, а также следить за тем, чтобы внутренними распрями и разрозненными выступлениями, а также самовольными и анархическими действиями не помешать успеху борьбы трудящихся». В воззвании признавалось вероятным, что «вследствие наглой политики буржуазии, направленной к захвату власти, классовая борьба в нашей стране может в ближайшее время сильно обостриться и может возникнуть ситуация, которую заранее нельзя предугадать»; комитет считал, что в такое время для сплочения сил рабочего класса и обеспечения единства действий особенно важно, чтобы вопросы тактики регулярно обсуждались и решались таким органом рабочего движения, в котором были бы представлены различные части этого движения и которому они могли бы больше всего доверять. «Мы заметили теперь также, что особенно та часть партийных товарищей, которая стоит на позиции более решительных действий, не верит в той степени, как это было бы необходимо, в решительность теперешнего Партийного комитета». Поэтому комитет намерен предложить совету партии возможно скорее созвать партийный съезд, а до него «доверить руководство политической деятельностью нашей партии специально избранной делегации, в которую будут введены также представители Организации профсоюзов Финляндии и Рабочей гвардии порядка», в ведении же Партийного комитета останутся лишь текущие дела¹³⁷.

Сразу после событий в Выборге, 22 января 1918 г., Партийный комитет обсудил сложившееся в стране положение. Представители Красной гвардии требовали взятия власти. Партийный комитет перенес этот вопрос на заседание Партийного совета, который собрался на следующий день. Куусинен в своем докладе на заседании Партийного совета охарактеризовал положение как революционное, которое должно привести к вооруженной схватке с буржуазией за власть, и предложил образовать Революционный комитет из сторонников решительных действий. Ю. Сирола и Ю. Рахья поддержали это предложение. Но большинство партийного совета было против создания Революционного комитета. «Тогда О. В. Куусинен, Ю. Сирола и некоторые другие заявили, что выйдут из правления партии в случае, если Революционный комитет не будет создан»¹³⁸. В конце концов был достигнут компромисс: в состав Партийного комитета включили пятерых сторонников революционных действий из руководства Красной гвардии (А. Тайми, А. Кивиранта, Э. Хаапа-

¹³⁷ «Helsingin työväenyhdistys 40-vuotias», s. 136, 137; A. Hyvönen. Suurten tapahtumien vuodelä, s. 96, 97; «Työmies», 15.I 1918.

¹³⁸ И. И. С ю к и я й н е н. Указ. соч., стр. 173.

лайнена, Л. Летонмяки, Э. Эло¹³⁹), а вместо предлагавшегося Революционного комитета решено было образовать Рабочий исполнительный комитет, который должен был, действуя в тесной связи с Партийным комитетом, руководить деятельностью парторганизаций и Рабочей гвардией порядка таким образом, чтобы пресекать всякие посягательства буржуазии на свободу и права рабочих. Совет записал в своей резолюции, что для отражения планов реакции и соблюдения интересов трудящихся может стать необходимым — и, возможно, скоро — взятие власти в руки рабочих; в связи с этим Исполнительный комитет должен дать организациям соответствующие указания.

Однако принимать решение о взятии власти можно было, по мнению совета партии, только убедившись, что такую тактику поддерживает большинство рабочих. Чтобы выяснить настроение на местах, Исполнительный и Партийный комитеты должны были организовать обсуждение местными организациями требований рабочих, приняв за основу требования, упомянутые в воззвании Партийного комитета от 15 января. 10 февраля намечалось начать большое совещание представителей местных рабочих организаций с указанием числа голосов, поданных за различные предложения. Располагая такими статистическими данными о настроениях организованных рабочих во всей стране, следовало, по мнению совета партии, в апреле или мае 1918 г. провести партийный съезд, на котором, учитывая мнение большинства рабочих, и принять решение о дальнейшей тактике. Таким образом, за какую-нибудь неделю до начала гражданской войны совет партии еще рассчитывал на мирное развитие событий в течение нескольких месяцев. Эти проекты были опрокинуты жизнью.

Куда более реальное значение имело решение совета партии об изменении состава Партийного комитета: благодаря введению в него пяти дополнительных членов сторонники взятия власти стали составлять в нем подавляющее большинство. К тому же Партийный комитет в соответствии с решением совета партии выделил из своей среды Рабочий исполнительный комитет в составе именно этих пяти новых членов. Председателем Исполнительного комитета был избран Э. Хаапалайнен, секретарем — Л. Летонмяки¹⁴⁰. В сущности, получился тот самый Революционный комитет, который предлагали создать левые члены совета партии, только название было иным. Таким образом, оба руководящих органа — Партийный комитет и Рабочий исполнительный комитет — занимали революционную позицию в отличие от большинства Партийного совета и сеймовой фракции.

¹³⁹ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918. Porvoo — Helsinki, 1957, s. 69.

¹⁴⁰ И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917—1918 гг., стр. 173, 174; J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 70.

Это изменило к лучшему положение в руководстве рабочим движением по сравнению с ноябрьской забастовкой: тогда не было руководящего органа, способного вести массы на революцию (если не считать местного штаба Красной гвардии).

Но так как в партии были и левые, и центристы, и правые, то параллельно с подготовкой Партийного комитета и Рабочего исполнительного комитета к революции делались и попытки избежать революции. Они нашли выражение даже в центральном органе партии «Тюэмиес» (ее главным редактором был Валпас). 23 января эта газета, укоряя имущие классы за то, что они хотят отнять у рабочих их завоевания и нанести им удар вооруженными силами, писала: «Неужели нельзя мирным путем добиться всеобщего счастья для нашего народа? Есть еще время. Вернитесь с узкого, сөөкорыстного пути. Если вы это сделаете, то мы уверены, что оружие выпадет из рук как красной, так и охранной гвардии, ибо оно тогда не будет нужным»¹⁴¹. Буржуазия не собиралась следовать таким наивным призывам.

А в то же время, 24 января, на заседании Партийного комитета Ю. Сирола предложил план революционных мероприятий. Членов сената предполагалось арестовать, сейм распустить, установить временно диктатуру. Все это должно быть осуществлено быстро, чтобы не дать буржуазным политикам бежать в Эстерботнию, так как там у них сосредоточены шюцкору и отсюда легко установить связь с границей. Программа революционного правительства, по мнению Сирола, должна была быть радикальной, но не настолько чтобы вызвать слишком сильное сопротивление в либеральных кругах. Эти наметки были потом осуществлены во время революции, за исключением ареста сенаторов.

25 января «Тюэмиес» опубликовала сообщение из Выборга о том, что по распоряжению сената и губернатора происходит мобилизация шюцкоров. Это вызвало возмущение рабочих. В Выборге гвардия порядка выдвинула требование об отставке сената; при этом подчеркивалось, что если этого не удастся достичь парламентским путем (а таким путем этого и нельзя было добиться, так как в сейме у буржуазии было большинство), то должны быть применены такие средства, какие массы сочтут подходящими¹⁴².

На следующий день Рабочий исполнительный комитет, главный штаб Рабочей гвардии порядка и штаб гельсингфорсской Красной гвардии опубликовали совместное воззвание «К организованным рабочим Финляндии и рабочей гвардии порядка». Оно начиналось словами: «Товарищи! Момент серьезен. Завоевания рабочего класса выскальзывают у него из рук». В воззвании

¹⁴¹ Цит. по: «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне». М.—Л., 1932, стр. 83, 84.

¹⁴² «Työmies», 26.I 1918.

сообщалось, что ввиду контрреволюционных стремлений буржуазии, которые вызывают растущее возмущение рабочих масс, по решению совета партии в состав Партийного комитета введены пять дополнительных членов и создан Исполнительный комитет. Этот комитет, говорилось в воззвании, «является тем высшим революционным органом, решениям и указаниям которого должны следовать организованные рабочие Финляндии и их гвардии. Это требуется для единства рабочего революционного движения и для успеха нашей освободительной борьбы». Воззвание заканчивалось словами: «Товарищи! Теперь — плечо к плечу! Теснее ряды! Будьте готовы!»¹⁴³.

В то же время со стороны некоторых социал-демократов была предпринята попытка достичь компромисса с буржуазией. О. Токой 27 января вел переговоры с председателем сейма Лундсоном. Токой выдвинул следующий план: сенат Свинхувуда должен уйти в отставку, его место займет коалиционный сенат, в котором социал-демократы будут иметь 7 мест, а буржуазия 6. Буржуазия должна отказаться от стремления к установлению твердой власти и согласиться осуществить некоторые пункты выдвинутой социал-демократами программы. И шюцкеры, и Красная гвардия должны быть разоружены, а русские войска выведены из страны¹⁴⁴. Это компромиссное предложение несколько не заинтересовало буржуазию, ибо она вообще не собиралась идти на компромисс: еще накануне сенат поручил членам своим членам тайно выехать на север, в Васу, чтобы выполнять роль буржуазного правительства во время гражданской войны. Таким образом, гражданская война была буржуазией уже предрешена. Выражая настроение ее воинственных кругов, А. Эклунд позже писал: «Компромисс, соглашение только продлили бы это невыносимое положение... Вместо этого мы взяли за оружие — и атмосфера сразу стала чистой и свежей»¹⁴⁵. Эклунд считал «счастьем», что гражданская война была начата.

Однако Свинхувуд, явно для того, чтобы иметь лишнее доказательство невозможности компромисса, поручил сенатору Таласу выяснить, на каких условиях социал-демократы могли бы пойти на соглашение. Талас попросил Лундсона поговорить с Маннером. В отличие от умеренного Токая, который был непрочь прийти к соглашению с буржуазией (именно он весной 1917 г. возглавил коалиционный сенат), Маннер был теперь сторонником революции и потому, чтобы не позволить буржуазии откупиться мелкими уступками, как в ноябре, изложил заведомо неприемлемые для буржуазии условия: шюцкеры должны сдать свое оружие Красной гвардии, а вместо сената Свинхувуда

¹⁴³ «Työmies», 26.I 1918.

¹⁴⁴ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 76.

¹⁴⁵ B. Jullu m. Op. cit., s. 8, 9.

должно быть образовано чисто социал-демократическое правительство¹⁴⁶. Но и до этого бескомпромиссного ответа Маннера буржуазия сожгла мосты к примирению: в это время выделенные сенаторы уже катили в Васу, Маннергейм вел последние приготовления к войне, а шюцкоры в Эстерботнии уже получили его приказ об открытии военных действий.

Прежде чем начинать действия по подавлению рабочего движения в промышленной южной Финляндии, белые считали необходимым очистить свой тыл — избранную ими в качестве базы Эстерботнию. Там имелись и отряды Красной гвардии, и русские войска, хотя и в небольшом количестве. Обезвредить тех и других нужно было, по мнению белых, в первую очередь. После событий в Выборге белые знали, что в критических для Красной гвардии обстоятельствах не исключена помощь ей со стороны русских войск, а также передача оружия. Поэтому в качестве первой операции Маннергейм наметил разоружение русских войск в Эстерботнии. Этим сразу исключалась всякая помощь с их стороны сравнительно слабой здесь Красной гвардии, с которой после этого шюцкоры должны были справиться без труда. К тому же нападение на русские войска должно было дать белым ряд важных выгод. Ввиду низкой боеспособности русских войск, малочисленности и разрозненности гарнизонов в Эстерботнии и Карелии и внезапности нападения операция сулила верный и легкий успех и захват значительного количества оружия и военных материалов. Первый крупный успех должен был окрылить белых, поднять их боевой дух, вселить в них уверенность в победе и в то же время оказать угнетающее действие на революционных рабочих Финляндии, симпатизировавших русским солдатам и отчасти рассчитывавших на их помощь в классовой борьбе. Самое же главное, нападение на русские войска должно было затушевывать истинный характер начинаемой войны — войны буржуазии против рабочих, шюцкоров против Красной гвардии, т. е. явно классовой, — и придать ей видимость национальной войны против русских.

25 января Маннергейм отдал секретный приказ сосредоточенным в Эстерботнии шюцкорам произвести в ночь на 28 нападение на русские войска и обезоружить их¹⁴⁷.

Но до этого вооруженного массированного нападения сначала на них были начаты усиленные нападки в буржуазной прессе. Проводя политическую подготовку к классовой войне, буржуазная пропаганда непомерно раздула вопрос о русских войсках, словно он являлся проблемой номер один.

Что же представляли собой в это время русские войска в Финляндии и являлось ли их присутствие угрозой для ее незави-

¹⁴⁶ O. T a l a s. Ei se niin tapahtunut, s. 58, 59.

¹⁴⁷ G. M a n n e r h e i m. Erinnerungen, S. 171.

симости? Русские войска находились в Финляндии в связи с войной между Россией и Германией. Их задача заключалась в отражении возможной высадки германских войск в Финляндии. После Октябрьской революции численность их быстро уменьшалась. Из этих войск формировались отряды, направлявшиеся на борьбу с Калединым¹⁴⁸; в Петроград в связи с саботажем чиновников были вызваны из Финляндии все военнослужащие, прежде работавшие бухгалтерами, служащими банков и других учреждений министерства финансов¹⁴⁹; приказом Народного комиссариата по военным делам № 42 от 16 января 1918 г. из армии увольнялись все солдаты призыва 1904—1907 гг., а также все солдаты, которым к 23 января исполнился 31 год¹⁵⁰. Данные о численности 42-го армейского корпуса перед финляндской революцией сильно расходятся (хотя речь идет о русских источниках). По одним данным, в нем уже к началу 1918 г. насчитывалось не более 10 тыс.¹⁵¹ человек вместо 60—70 тыс., положенных по штату; по другим, в нем и на 20 января 1918 г. числилось все еще около 21 тыс. человек¹⁵². Но о том, что представляли собой так называемые «полки», видно из донесения командира этого корпуса от 26 (13) января 1918 г. Он писал, что «главное ядро корпуса — 106-я пехотная дивизия, расположенная в районе Сейняйоки — Таммерфорс — Рихимяки — Або, имеет в своих полках не более как по 500 штыков в каждом. Артиллерийский дивизион 106-й артиллерийской бригады, ссылаясь на свою небоеспособность, настаивает на его полном расформировании. Гарнизон Выборгской крепости также малочислен, главное его ядро составляют 509-й и 511-й полки, имеющие не более 250—300 штыков в каждом»¹⁵³. Однако и после признания независимости Финляндии Советское правительство не могло сразу же вывести из нее все войска, так как пока не был заключен мир с Германией, опасность нападения последней на Петроград через Финляндию оставалась. Следует иметь в виду, что хотя финляндское правительство в письме к командованию русских войск в Финляндии и обещало, что «в качестве самостоятельной, независимой страны Финляндия будет поддерживать нейтральные, дружественные отношения с Россией»¹⁵⁴, официально Финляндия все же не провозгласила себя нейтральной страной вроде Швейцарии. К тому же для Советского правительства не были секретом оживленные связи финляндской буржуазии с Германией и большой интерес, который Германия проявляла к Фин-

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. 2262, оп. IX, д. 12, л. 301.

¹⁴⁹ Там же, л. 316.

¹⁵⁰ ЦГВИА, ф. 2262, оп. I, д. 358, л. 29.

¹⁵¹ «Красный архив», 1940, № 2 (99), с. 38.

¹⁵² ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 28, лл. 402, 403.

¹⁵³ «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сб. документов», сост. А. М. Федотов. Госиздат КФССР, 1944, стр. 14—15.

¹⁵⁴ ЦГВИА, ф. 2262, оп. I, д. 44, лл. 25, 44.

ляндии. Все это делало весьма вероятным использование Германией территории Финляндии для нападения на Советскую Россию. После захвата Германией Моонзундских островов осенью 1917 г. опасность высадки немецких войск в Финляндии особенно возросла. Поэтому задача 42-го армейского корпуса в приказе по корпусу от 9 ноября 1917 г. была сформулирована так: «прикрывать подступы к Петрограду со стороны Ботнического и Финского заливов и сухопутной границы к северу от Ботнического залива»¹⁵⁵. «Финляндия,— говорилось в резолюции Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии,— должна рассматриваться как часть открытого фронта — защитницей подступов к Петрограду»¹⁵⁶. «Пока не заключен мир, мы не можем оголять подступы к Петрограду,— писали «Известия Гельсингфорсского совета депутатов армии, флота и рабочих» 20(7) декабря 1917 г.— Мы сами уйдем, как только к этому представится возможность». Таким образом, присутствие русских войск являлось временным и не представляло опасности для независимости Финляндии. Это были войска страны, правительство которой уже на деле доказало свое уважение к праву финляндского народа на самоопределение, к его национальной свободе.

Временное оставление русских войск в Финляндии буржуазные авторы изображали как свидетельство того, что Советы не хотели-де выпускать Финляндию из своих рук, хотя формально и признали ее независимость¹⁵⁷. Они охотно пускались в рассуждения о том, что полный суверенитет несовместим с таким положением, когда в стране остаются войска, подчиненные правительству иностранной державы. Эти строгие правоведы безусловно предпочли бы, чтобы молодая Советская республика, окруженная врагами, которые себя не обременяли соблюдением норм международного права, скрупулезно соблюдала эти нормы, подставляя себя под удары. Между тем временное оставление русских войск в Финляндии, продиктованное только заботой об охране подступов к столице Советского государства до заключения мира, было в тысячу раз более оправданным, чем пребывание на чужих территориях войск империалистических держав.

Оборона тогдашней столицы Советской России Петрограда была издавна рассчитана на использование укреплений в Финляндии, и было нелегко сразу же с отделением Финляндии заменить их чем-то другим. Только из-за этого 42-армейский корпус, по своему действительному составу не стоивший одной

¹⁵⁵ ЦГВИА, ф. 2262, оп. I, д. 7, л. 3.

¹⁵⁶ «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 39.

¹⁵⁷ См., например, T. Junnila. Suomen taistelu turvallisuudestaan ja puolueettomuudesta. Katsaus Suomen ulkopoliittikkaan maan itsenäisyyden aikana. Porvoo — Helsinki, 1964, s. 16; E. Heinrichs. Mannerheim Suomen kohtaloissa. I. Helsinki, 1957, s. 23, 24.

нормальной дивизии, и был оставлен в Финляндии до заключения мира с Германией. Правда, боеспособность этих войск была низка и всё больше падала. Уставшие от многолетней службы солдаты рвались домой, дисциплина была слабой; это ведь была не Красная Армия, а остатки развалившейся царской армии. Но хоть каким-то военным фактором эти войска все еще являлись, и за неимением лучшего приходилось использовать и их.

Оправданность этих соображений фактически признал и финляндский военный автор Хейнрикс, который писал: «Если бы русские войска были выведены из Финляндии, то на северном фланге западного фронта России образовался бы вакуум. Этот вакуум... мог бы возбудить у немцев интерес к такому направлению операций, которое отнюдь не было чуждо германскому верховному командованию и к которому сторонники финляндской независимости (имеются в виду «активисты». — В. Х.) надеялись привлечь внимание немцев уже с первых лет мировой войны»¹⁵⁸. Другими словами, вывод русских войск из Финляндии мог бы привлечь германский удар на Петроград через Финляндию.

Однако буржуазия требовала скорейшего вывода русских войск. Еще 14 декабря 1917 г., когда правительство Свинхувуда рассчитывало и без обращения к Советскому правительству добиться признания независимости Финляндии другими странами, оно потребовало от командира 42-го корпуса и командующего Балтийским флотом «безотлагательного вывода расположенных в Финляндии русских войск»¹⁵⁹. Вынужденное затем обратиться к Советскому правительству за признанием независимости Финляндии, правительство Свинхувуда первое время само признавало обоснованность соображений советской стороны об оставлении некоторого количества русских войск в Финляндии до заключения мира с Германией. В интервью Свинхувуд заявил, что вывод русских войск будет произведен по обоюдному соглашению, причем финляндцы не будут в этом вопросе слишком назойливыми. Он признавал, что эта мера может быть проведена лишь в зависимости от военно-технических условий и обстановки¹⁶⁰. Но фактически буржуазия начала настоящую травлю русских войск, к которым она испытывала понятную классовую ненависть за то, что это были войска революционные.

Но как ни тщились буржуазная пропаганда изобразить русских солдат и матросов источником всех зол, как ни раздувала и ни преувеличивала она отдельные случаи совершаемых анархистскими и преступными элементами безобразий, с которыми вели борьбу революционные органы самих войск и которые в сущности являлись следствием преступления самой финской

¹⁵⁸ E. Heinrichs. Mannerheim Suomen kohtaloissa. I, s. 23.

¹⁵⁹ ЦГВИА, ф. 2262, оп. 1, д. 44, лл. 25, 44.

¹⁶⁰ «Hufvudstadsbladet», 12.I 1918; «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 94.

буржуазии — незаконной продажи ею спиртных напитков, — восстановить финляндских рабочих против русских войск так и не удалось. Финляндский пролетариат оказался достаточно зрелым политически, чтобы с презрением отвергнуть попытку буржуазии совлечь его с классовой позиции пролетарского интернационализма на позицию буржуазного национализма. Если буржуазия требовала немедленного вывода революционных русских войск (хлопоча в то же время о присылке в Финляндию контрреволюционных германских или шведских войск), то финляндские рабочие и их партия проявляли полное понимание позиции Советского правительства в этом вопросе. Социал-демократическая партия считала, что русские войска должны быть выведены по соглашению с Советским правительством после заключения мира между Россией и Германией. Сирола в своем выступлении в сейме 7 декабря 1917 г., отметив, что мир еще не заключен и война между Россией и Германией может возобновиться, заявил: «Находящиеся здесь русские солдаты покамест защищают революционный Петроград от этой, возможно, грозящей опасности, и пока эта опасность существует, я ни в коем случае не желаю быть соучастником политики, которая могла бы привести к тому, что войскам какой-нибудь иностранной державы был бы, возможно, открыт путь к столице революции. Ибо если потерпит поражение русская революция, то мало останется гарантий самостоятельности Финляндии»¹⁶¹. Совет социал-демократической партии в опубликованном 25 января обращении «К русским товарищам» заклеил провокационные цели буржуазии, обливающей грязью тех самых революционных солдат, «которые без колебаний, следуя своим принципам, сразу же признали право финляндского народа на самоопределение и государственную независимость Финляндии». Совет исчерпывающе изложил позицию партии по этому вопросу. Даже отдавая себе отчет в том, что присутствие русских войск в какой-то степени усугубляло продовольственные трудности в Финляндии, страдавший от этих трудностей финляндский пролетариат все же готов был перенести и дополнительные лишения, чтобы только содействовать безопасности революционного Петрограда. Это было замечательное проявление пролетарского интернационализма и самоотверженности. В обращении говорилось: «В Финляндии не должны будут, конечно, оставаться русские войска, как только их вывод отсюда станет возможным, и во всяком случае — после заключения мира. Но с выдвигаемым в провокационной форме требованием буржуазии, чтобы войска были выведены отсюда немедленно, рабочий класс не согласен, несмотря на царящий в стране жестокий продовольственный кризис, который присутствие русских войск делает еще более

¹⁶¹ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 40; «Kommunisti», 1955, № 1, s. 43.

тяжелым для трудящихся и который мы надеемся облегчить при энергичной помощи русских товарищей, так как мы хорошо понимаем, что сейчас, пока не заключен мир, присутствие по крайней мере части русских войск в Финляндии может быть необходимо для защиты революционного Петрограда от нападения империалистического правительства»¹⁶².

Следует отметить, что русские войска, когда имели возможность, оказывали продовольственную помощь трудящимся Финляндии. 24 января 1918 г. газета «Арбетет» (Або) сообщала, что органы русских войск предоставили продовольственной комиссии в Торнео 17 тонн хлеба. Когда положение с хлебом стало опять очень трудным, рабочие обратились к солдатскому комитету, и тот выделил еще 10 тонн хлеба для распределения среди голодающих. Впоследствии в иностранной прессе признавалось, что русские войска в Финляндии «благодаря открытию продовольственных магазинов заслужили благодарность народа»¹⁶³.

Социал-демократы выступали против зародившегося при царизме националистического тезиса о том, будто Россия является кровным врагом Финляндии. Выступая в сейме, социал-демократ К. Х. Вийк заявил: «Отныне наш народ не может считать Россию кровным врагом, так как пролетарское влияние в теперешней жизни России настолько сильно и развитие в демократическом направлении настолько ясно, что борьба против России теперь была бы уже борьбой не против реакции, а против свободы народа. Неужели вы действительно верите, — говорил Вийк, обращаясь к буржуазным депутатам, — что рабочий класс Финляндии пошел бы когда-либо на такую борьбу?! Будьте уверены, что этого не случится, несмотря на бессовестное подстрекательство против находящихся в Финляндии революционных солдат... Я уверен в том, что между рабочим классом Финляндии и Россией и в дальнейшем будет существовать нерушимый братский союз»¹⁶⁴.

Руководство социал-демократической партии пригласило русские войска провести вместе с финскими рабочими 20 января «праздник свободы». «Ваше место — с этой стороны, а не с господами», — говорилось в воззвании. Стремление к свободе со стороны буржуазии — это стремление к классовой власти и к грабежу, а со стороны рабочих — к демократии и социализму. Социализм, говорилось в заключение, сделает излишними политические барьеры. Буржуазные газеты не раз писали про «опасное братание» финских трудящихся с русскими солдатами¹⁶⁵.

Симпатии финляндского рабочего класса к русским войскам объяснялись и тем, что в них он видел возможных защитников

¹⁶² O. T a l a s. Muistelmia. Porvoo — Helsinki, 1960, s. 66—68.

¹⁶³ «Pester Lloyd», 22.VII 1930.

¹⁶⁴ «Valtiopäivät 1926. Pöytäkirjat», III, Helsinki, 1927, s. 2855.

¹⁶⁵ «Hufvudstadsbladet», 12.I 1918.

и союзников. Со стороны буржуазии раздавались откровенные угрозы, что как только уйдут русские войска, будет произведена расправа с революционными рабочими¹⁶⁶. С своей стороны, рабочие выражали надежду на то, что русские братья по классу не оставят их в беде. «Товарищи солдаты! — обращались, например, рабочие Таммерфорса к русским солдатам. — Мы боремся за одни и те же цели, за которые борется рабочий класс России. Ведь русская революция — в то же время и наша революция, ваша победа — в то же время и наша победа, и ваше порабощение явилось бы в то же время и нашей гибелью... Между нами должно существовать твердое единение. Мы не сомневаемся, мы уверены в том, что в случае вооруженного столкновения между нами и буржуазией с ее белой гвардией мы будем бороться вместе в одном строю. Товарищи солдаты, вместе с нами против нашего общего врага! Мы протягиваем таким образом, к вам, товарищи солдаты, нашу руку и надеемся, что вы будете вместе с нами»¹⁶⁷.

В обстановке все более наглых нападений шюцкоровцев рабочие обращались к русским войскам с просьбами об оружии. 20 января Сент-Михельский комитет социал-демократической партии направил Областному комитету армии, флота и рабочих Финляндии (орган русских войск в Финляндии, избранный в апреле 1917 г. на Областном общешинляндском съезде русских солдат, матросов и рабочих) такое письмо: «Товарищи! Будьте так добры, привезите оружие для Красной гвардии в гарнизон Михельской губернии: 200 винтовок и пули — в город Сент-Михель, Народный дом, А. Каннисто; 200 винтовок и пули — Иоган Иогансон, вокзал Путикко»¹⁶⁸. Руководящие органы русских войск не отказывали, если было лишнее оружие. Армейский комитет 42-го корпуса 22 января дал русским войскам в Выборге распоряжение «обсудить в спешном порядке вопрос о вооружении винтовками финской Красной гвардии, расположенной в казармах 8-го Финляндского стрелкового полка, ибо невозможно быть безучастным зрителем возможной гибели на глазах русского пролетариата невооруженного финского пролетариата»¹⁶⁹. 26 января армейский комитет 42-го корпуса приказал коменданту Выборгской крепости выдать «для финской Красной гвардии 300 штук винтовок и по 60 штук на каждую винтовку патронов»¹⁷⁰.

Одновременно финские рабочие обращались за оружием в Петроград. С такой просьбой туда прибыл Ю. Рахья, после

¹⁶⁶ ЦГВИА, ф. 2262, оп. IX, д. 12, л. 353.

¹⁶⁷ «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 41.

¹⁶⁸ «Красный архив», 1940, № 2(99), стр. 39.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же.

беседы с которым В. И. Ленин 20 января 1917 г. дал такое распоряжение:

«Тов. Мехоношину

Податель — тов. Рахья, старый партийный работник, лично мне известный, заслуживает абсолютного доверия. *Крайне* важно помочь ему (для финского пролетариата) выдачей оружия: ружей около 10 000 с патронами, около 10 трехдюймовых пушек со снарядами. *Очень* прошу выполнить, не убавляя цифр.

Ваш Ленин»¹⁷¹.

В последние дни перед началом гражданской войны шюцкоры совершили ряд нападений на русские войска. 23 и 24 января они обезоружили пограничный пост в Сердоболе (Сортавала) и захватили 150 винтовок и около 10 000 патронов, обезоружили 50 солдат саперного батальона в Иёнсуу и взяли 70 винтовок, захватили следовавший в Улеаборг (Оулу) транспорт, в котором было 202 винтовки, напали на солдат в Васе. Сердоболь, Иёнсуу, Антреа и Вуоксенниска оказались в руках шюцкоров¹⁷². Командование русских войск выразило протест против нападений на войска. В ответ Свинхувуд заявил: «Держите своих солдат в рамках дисциплины, не наша вина, если происходят сражения»¹⁷³. А бывший статс-секретарь по делам Финляндии Энкель объяснил командиру 42-го корпуса действия белофиннов тем, что они желают вооружиться за счет русских¹⁷⁴.

25 января сенат обратился с воззванием «К финскому народу». В воззвании осуждалось «грубейшее вмешательство» русских войск во внутренние дела Финляндии (имелись в виду события в Выборге). Революционные настроения в Финляндии изображались как результат влияния русских, а солидарность с русскими войсками приравнивалась к государственной измене. Сенат призывал добропорядочных граждан «сплотиться, чтобы совместно защитить мир в нашем доме, жизнь, собственность, личную свободу и неприкосновенность наших близких»¹⁷⁵. В сущности, воззвание имело целью мобилизацию контрреволюционных сил. Но в нем содержалось знаменательное признание, что Финляндия пользуется независимостью: «Наш народ недавно увидел осуществленными свои сокровеннейшие надежды. Он добился государственной независимости, которая уже признана многими государствами Европы. Теперь на пути развития финского народа нет больше никаких внешних препятствий. Высшая власть в стране осуществляется сеймом и ответственным перед ним правительством»¹⁷⁶. Всего через несколько дней буржуазная пропаганда уже стала уверять в другом: для дости-

¹⁷¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 27.

¹⁷² «Разгром белофинских интервентов...», стр. 13—15.

¹⁷³ ЦГВИА, ф. 2262, оп. IX, д. 12, л. 316.

¹⁷⁴ «Разгром белофинских интервентов...», стр. 15.

¹⁷⁵ H. Söderhjelm. Op. cit., s. 90—92.

¹⁷⁶ Ibidem.

жения независимости нужно-де изгнать русские войска и разбить финскую Красную гвардию.

Хотя Маннергейм уже отдал приказ о нападении на русские гарнизоны, сенат обратился с нотой к Совету Народных Комиссаров, требуя немедленно принять эффективные меры против участия русских войск в насильственных действиях по отношению к финляндским гражданам и вообще вмешательства во внутренние дела Финляндии. Для завершения пропагандистской подготовки к войне сенат направил правительствам государств, признавших независимость Финляндии, протест против пребывания в Финляндии русских войск, поведение которых изображалось в самых черных красках ¹⁷⁷.

Таким образом, выпячивание вопроса о русских войсках стало как бы стержнем идеологической и политической подготовки буржуазии к гражданской войне и было рассчитано на то, чтобы сплотить против революционных сил не только тех, кто являлись их врагами ввиду своего социального положения и классовых интересов, но и политически отсталые слои, которые можно было увлечь псевдопатриотическими, националистическими и шовинистическими лозунгами. В то же время за границей дело представлялось так, что Советская Россия через свои оставленные в Финляндии войска вмешивается в ее внутренние дела.

В действительности же политика Советского правительства и органов русских войск в Финляндии и до признания независимости Финляндии, и после этого признания заключалась в том, чтобы не вмешиваться во внутренние дела Финляндии. В декабре 1918 г. Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии, Центробалт и Гельсингфорсский исполнительный комитет Совета депутатов армии, флота и рабочих обратились ко всему русскому населению Финляндии со следующим воззванием: «В разное время местными высшими демократическими организациями издавались распоряжения и приказы, в которых местному русскому населению категорически запрещалось принимать участие во внутренних делах Финляндии. Настоящим все эти распоряжения лишний раз подтверждаются, и все русское население Финляндии призывается к соблюдению абсолютного невмешательства в финляндские дела. Виновные в неисполнении сего приказа будут привлекаться к ответственности и судимы по всей строгости военного и революционного времени» ¹⁷⁸, 22 (9) января 1918 г. председатель военного отдела Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии в телеграмме армейскому комитету 42-го армейского корпуса указывал на необходимость «не вмешиваться в дела Финляндии, ибо Финляндия — самостоятельное государство» ¹⁷⁹.

¹⁷⁷ Текст обоих документов см. в кн.: Н. Söderhjelm. Op. cit., S. 89, 90.

¹⁷⁸ «Известия Гельсингфорского совета...», 25(12).XII 1917.

¹⁷⁹ ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 41, л. 13.

26 (13) января 1918 г. народный комиссар по военным делам Подвойский направил командиру 42-го армейского корпуса следующее распоряжение: «Отменяю мое приказание от 11 января сего года относительно обезоружения белогвардейцев (это приказание было вызвано упомянутыми враждебными действиями в Выборге, начатыми самой белой гвардией против русских войск и ставившими под угрозу выполнение ими их боевой задачи по охране подступов к Петрограду от возможного десанта германских войск.— В. Х.), если, конечно, не будет со стороны последней нападений на воинские части и отдельных солдат. Приказываю держаться нейтралитета в борьбе финляндских граждан. Казенное оружие никому не выдавать. Усилить охрану складов оружия и другого военного имущества»¹⁸⁰. На следующий день армейский комитет 42-го армейского корпуса в соответствии с этим направил телеграфное распоряжение командованию всех русских частей в Финляндии: «Необходимо соблюдение строжайшего нейтралитета в борьбе финляндских граждан, но требуется быть в готовности отразить всякое нападение на наши части. Казенное имущество и боевые припасы ни в коем случае не должны быть передаваемы населению»¹⁸¹. Комитету 1-й группы батарей в Васе также было направлено предписание держаться нейтралитета и действовать силой только в случае нападения белогвардейцев¹⁸². Революционный штаб корпуса 26 (13) января 1918 г. отдал распоряжение русским войскам «быть бдительными и внимательными за действиями белой гвардии; в случае попыток с ее стороны к обезоружению русских солдат — действовать против белогвардейцев оружием и ни в коем случае не допускать захвата оружия белогвардейцами»¹⁸³. (Советская позиция невмешательства была изложена и в ответе Наркома по иностранным делам РСФСР на упоминавшуюся ноту сената, но этот ответ был дан уже после свержения сената, 29 января)¹⁸⁴.

27 января Свинхувуд, испытывавший колебания, телеграфировал Маннергейму, чтобы тот подождал осуществлять свое решение о нападении на русские войска, так как Россия обязалась оставаться нейтральной. Однако Маннергейм опасался, что обстановка изменится к худшему. Он запрятал телеграмму подальше и никому о ней не сказал, решив, что жребий брошен.

По любопытному совпадению и белые, и красные, не зная точно, когда противная сторона перейдет к решительным действиям, наметили свои выступления на одно и то же время.

¹⁸⁰ ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 23, л. 13. Фотокопию этого документа см. в кн.: С. Enckell. Poliittiset muistelmiani. I, s. 272, 273.

¹⁸¹ ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 41, л. 10.

¹⁸² Там же, д. 28, л. 231.

¹⁸³ Там же, л. 206.

¹⁸⁴ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 94.

И начало революции, и массированное нападение Маннергейма на русские войска было назначено на ночь с 27 на 28 января.

Глубокой ночью с 27 на 28 января белая армия вероломно напала на русские гарнизоны в северной половине страны и в Карелии, где они были немногочисленны и изолированы друг от друга. Армейский комитет 42-го армейского корпуса обрисовал создавшееся положение так: «Мелкие гарнизоны корпуса, особенно в северной части Финляндии и по всей карельской линии в большинстве случаев обезоружены белой гвардией и подвергаются самым наглым и бесцеремонным издевательствам. Продукты также отбираются, и люди обречены на голодную смерть»¹⁸⁵. В телеграмме оберквартирмейстера 42-го армейского корпуса ситуация в Карелии характеризовалась следующим образом: «Мелкие части и посты наши в Сердоболе (Сортавале.— В. Х.), Иоеенсуу, Савитайпале, Вуоксенниска обезоружены, и захвачены наши склады оружия и боевых припасов... В Вуоксенниска разоружена Сайменская флотилия... В течение 14 и 15 января (по старому стилю.— В. Х.) наши войска в Николайстаде (Васе.— В. Х.) обезоружены, много убитых и раненых, остальные захвачены в плен...»¹⁸⁶.

В некоторых местах — Якобстаде (Пиетарсаари), Кристинстаде (Кристинна) — финские красновардейцы пришли на помощь русским войскам, подвергшимся нападению шюцкоров¹⁸⁷.

Агрессивные действия финских белогвардейцев вынудили русские войска принимать ответные меры в целях самозащиты. В упомянутой ноте народного комиссара по иностранным делам РСФСР председателю Финляндской республики указывалось, что «контрреволюционные и шовинистические элементы финляндского населения вероломно атакуют наших солдат, стреляют по поездам и пр., чем вызывают естественные меры самообороны»¹⁸⁸.

Что буржуазия начала войну для подавления рабочего класса собственной страны, проскальзывает даже в первых воззваниях Маннергейма, выпущенных им сразу после вероломного нападения на русские войска. В одном из них он писал: «Совершаемые худшими элементами общества в союзе с русскими войсками насилия, грабежи и убийства мирного населения, из которых события в Выборге вызвали особенно сильное возмущение свободолюбивых крестьян Эстерботнии, вынудили меня обезоружить русские войска в Васе, Лаппо, Улистаро, Сей-няйоки, Гамлакарлебу (Коккола) и многих других местах. Если

¹⁸⁵ ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 28, л. 314.

¹⁸⁶ «Красный архив», 1940, т. 2(99), стр. 26, 27.

¹⁸⁷ «Ilkan ja Poutun pojat. Etelä-Pohjalaisten sotaalbumi». Toim. A. Leinonen. Helsinki, 1918, s. 81.

¹⁸⁸ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 94.

красногвардейцы не подчинятся законному правительству, то ожесточенные крестьянские войска с оружием в руках вынесут приговор изменникам государства»¹⁸⁹.

Из воззвания видно, что начинаемая война направлена против красногвардейцев, названных «худшими элементами общества» и «изменниками государства».

В другом воззвании Маннергейма — к тем русским войскам, на которые он не смог напасть, говорилось: «К храбрым русским солдатам! Находящиеся под моим командованием крестьянские войска независимой Финляндской республики сражаются не против России; они поднялись на защиту свободы и законного правительства, чтобы беспощадно сразить те шайки хулиганов и бандитов, которые открыто угрожают самому порядку страны и собственности»¹⁹⁰.

Таким образом, Маннергейм сам раскрыл фальшь основного тезиса буржуазной пропаганды о якобы национально-освободительном характере войны и признал ее классовый характер: ведь «хулиганами и бандитами» он называл не кого иного, как финляндских революционеров.

Но одновременно с вооруженным выступлением сил контрреволюции началось и революционное выступление пролетариата, чаша терпения которого переполнилась. Было ли это революционное выступление оправдано обстоятельствами? Безусловно.

Рабочему классу Финляндии, пишет коммунистический историк А. Хювёнен, «нужно было... выбрать один из двух путей: либо без борьбы примириться с тем, чтобы бразды правления нашей страны были отданы одной буржуазии, которая хотела разгромить рабочее движение и усилить эксплуатацию больше прежнего, либо подняться на борьбу в защиту прав рабочего класса и всех трудящихся, в защиту независимости нашей страны и ее мирной, дружественной по отношению к Советской России политики. Решения нельзя было достичь прежними парламентскими средствами борьбы, даже если бы они были подкреплены массовыми стачками и демонстрациями. Буржуазия взялась за оружие и пустила его в ход. Поэтому и рабочему классу пришлось подняться на вооруженную борьбу против своих угнетателей»¹⁹¹.

Однако буржуазные фальсификаторы истории старались затушевать эти внутренние причины финляндской революции. Чтобы ее скомпрометировать, они изображали ее делом рук большевиков. Так, Х. Игнатиус и К. Сойккели утверждали, буд-

¹⁸⁹ E. Linder. Från Finlands frihetskrig. Stockholm, 1920, s. 207; A. Berganek. Op. cit., s. 117.

¹⁹⁰ В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии..., стр. 173; «Пролетарская революция», 1928, № 4, стр. 114.

¹⁹¹ A. Huvonen. Luentoja Suomen työväenliikkeen historiasta.— «Komunisti», 1955, № 1, s. 43, 44.

то революция произошла потому, что «между правительством Советской России и руководителями рабочей партии Финляндии было заключено соглашение»¹⁹². Ф. Байер уверял, будто сами большевики заявили всему миру 1 февраля 1918 г. через радиостанцию в Детском Селе, что «переворот в Финляндии был подготовлен большевистским правительством»¹⁹³. Шведские буржуазные газеты утверждали: «Революция в Финляндии — это работа Смольного»¹⁹⁴. Финляндская революция, писал Ляшеснэ, была просто-напросто «политической операцией правительства Ленина»¹⁹⁵. Делались многозначительные сопоставления: в начале января 1918 г. Ленин ездил в Финляндию на отдых — и меньше чем через месяц там произошла революция¹⁹⁶. Многие объясняли возникновение революции тем, что Троцкий как раз накануне прислал телеграмму финской Красной гвардии; приводили даже ее текст, впрочем, каждый раз противореча друг другу¹⁹⁷. Третьи «определяли», что тут рука не Троцкого, а Зиновьева. «Поддерживаемые и руководимые из Петербурга председателем Коммунистического Интернационала Зиновьевым (Коминтерн был основан более года спустя! — В. Х.), эти революционеры-романтики попытались захватить власть при помощи вооруженной силы, рассчитывая на быстрое присоединение всего скандинавского севера»¹⁹⁸, — писал Бирнбаум в 1959 г. Германские генералы Куль и Дельбрюк изобразили причину финляндской революции так: «Оставшиеся там большевистские войска захватили в конце января власть (1) и организовали в Финляндии большевистское (?) правительство»¹⁹⁹. Западнгерманский профессор Ф. Фишер в книге, изданной в 1962 г., пишет о том же следующим образом: «Социалисты, поддерживаемые петербургским правительством, стремились к автономии внутри большевистской России и прежде всего к установлению коммунистического государственного порядка»²⁰⁰. Черчилль изложил дело в таких словах: «Большевики, которые 4 января присоединились (?) к французскому и шведскому правительствам в признании независимости Финляндии, вторг-

¹⁹² H. Ignatius, K. Soikkeli. Op. cit., p. 37.

¹⁹³ F. Beyer. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige Intervention. Braunschweig — Berlin — Hamburg, 1928, S. 42.

¹⁹⁴ V. Hytönen. Vapaussotamme. Katsaus sen syihin ja tapahtumiin. Helsinki, 1918, s. 28.

¹⁹⁵ La Chesnais. La guerre civile en Finlande (janvier — avril 1918). Paris, 1919, p. 6, 7.

¹⁹⁶ «Hamburger Echo», 20.II 1918.

¹⁹⁷ «Le Temps», 8.III 1918; V. Hytönen. Op. cit., s. 28; O. W. Louhi-vuori. Op. cit., s. 45; E. Räikkönen. Op. cit., S. 123.

¹⁹⁸ «Problems of Communism», 1959, September-October, p. 42.

¹⁹⁹ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935, стр. 49.

²⁰⁰ F. Fischer. Op. cit., S. 670.

лись в Финляндию (?) и 28 января 1918 г. захватили Гельсингфорс (?)»²⁰¹.

Так «объясняли» финляндскую революцию многие буржуазные авторы.

Впрочем, не уступали им подчас и правые социал-демократы. Датская газета «Сосиаль-демократен» сообщила 29 января 1918 г. о финляндской революции под кричащим заголовком на первой странице: «Большевики воюют с Финляндией!». Германская «Форвертс» без комментариев перепечатала заметку из «Морнинг пост», где утверждалось, что «революция в Финляндии — дело Смольного»²⁰². (Подробнее об отношении германских и шведских социал-демократов к финляндской революции будет сказано ниже.) Таннер и его единомышленники в воззвании к рабочим Финляндии, опубликованном после взятия немцами Гельсингфорса²⁰³, изобразили большое историческое событие, словно в камере-обскуре, в перевернутом и преуменьшенном виде. Виновником этого «несчастья», утверждали авторы воззвания, был «Восток», т. е. Советская Россия. По их словам, «русские солдаты в Финляндии и петроградские большевики навязывали финляндским рабочим оружие и оказывали постоянное давление на руководство партии». На самом деле большевики не отказывали финским рабочим, когда те просили оружия (а это имело место не раз с лета 1917 г.), но о навязывании не было и речи. Никакого «давления» со стороны русских солдат или петроградских большевиков на партийное руководство, разумеется, не оказывалось. Давление исходило не с русской, а с финской же стороны — со стороны финских рабочих. Они, а не большевики, требовали от руководителей взятия власти еще в ноябре и были тогда возмущены прекращением забастовки. Урок этот даром не прошел. Решительное настроение масс, осознавших, что революция является единственным путем к прекращению невыносимого положения, было характерной чертой атмосферы в январе 1918 г. «Влияние и власть «уличного парламента» все росли, — писал о кануне революции Элиель. — В последние дни перед началом революции «уличный парламент» был среди рабочих единственным могучим фактором. Вожди должны были идти вместе с массами под давлением масс. И уже не являлось решающим, исходит ли это давление от организованных социал-демократических рабочих или же большинства «уличного парламента», состоявшего из неорганизованных рабочих»²⁰⁴. Участник революции А. Валден с возмущением писал о таннеровцах: «У нас еще и теперь находятся

²⁰¹ W. Churchill. The Aftermath. New York, 1929, p. 92, 93.

²⁰² «Vorwärts», 6.IV 1918.

²⁰³ Текст этого воззвания опубликован в кн.: H. Ryömä. Vallankumousvuoden tapahtumista. Helsinki, 1918, s. 75—84.

²⁰⁴ J. Eliel. Der Klassenkrieg in Finnland. [o. O., o. D], S. 46, 47.

«социалисты», которые утверждают, что революция была вызвана искусственно и что ее можно было еще избежать. Напротив, у нас дело обстояло так, что массы говорили: «Теперь мы пойдем, идите вы, руководители, с нами, если хотите»²⁰⁵.

Не смешно ли объяснять такое массовое движение, каким была финляндская революция, давлением большевиков на нескольких лидеров? Еще выдающийся финляндский общественный деятель XIX в. Снелльман писал, что «мало веры тем, кто говорит, будто революция — это результат тайных интриг со стороны кучки демагогов». Люди больше всего ценят мир, продолжал он, и никакой демагог не смог бы поднять их на бунт, «если бы глухой ропот недовольства в народе, чувство собственного угнетения и смутное сознание того, что гнет исходит от правительств, не заставляли народ хвататься за каждый подходящий случай, чтобы изменить свое положение. Всегда должна быть действительная, причем веская причина для того, чтобы народ захотел любой ценой добиться перемены»²⁰⁶.

Президент Финляндии К. Стольберг не отрицал, что почвой для революции послужили «как действительные недостатки, требовавшие исправления, так и воображаемые недостатки, а также продовольственный кризис»²⁰⁷. Правда, после второй мировой войны и некоторые некоммунистические финские историки стали признавать, что главной, или, во всяком случае, важной причиной революции была крайняя нужда, до которой были доведены трудящиеся. Так, Л. А. Пунтила в «Политической истории Финляндии» (издана в 1963 г.) пишет: «Мы не сможем объяснить ни размаха, который приобрело движение, ни того, что оно даже под угрозой гибели решительно держалось начатого пути, если не вспомним о... недостатках финляндского общества...». Пунтила поясняет свою мысль так: «Жизненные условия заводских рабочих были скверными, рабочие находились в беззащитном положении. Безземельное население деревни зависело от меняющейся экономической конъюнктуры и жило под угрозой безработицы в случае депрессии. Торпари находились в исключительной зависимости от арендного договора, заключенного с землевладельцем или его родителями, и жили под постоянной угрозой выселения. Когда социалистическое движение пообещало улучшение положения, к нему присоединились, а когда подошел момент осуществления идеи — взяли оружие в руки и пошли... на борьбу». В общем, заключает Пунтила, «экономические условия в Финляндии

²⁰⁵ А. Валден. О действиях финляндской красной гвардии в районе Среднего фронта. 1917—1918 гг. — «Финляндская революция», М., 1920, стр. 85, 86.

²⁰⁶ Цит. по кн.: Э. Карху. Финляндская литература и Россия. 1800—1850 гг. Таллин, 1962, стр. 234.

²⁰⁷ K. J. Ståhlberg. Puheita. 1919—1925. Helsinki, 1925, s. 161, 162.

сложились такие, что массы были готовы к восстанию»²⁰⁸. К кино-му выводу не может прийти никакой мало-мальски объективный историк.

Правдивое объяснение причин революции давали коммунисты. «Вооруженная борьба между рабочими и буржуазией Финляндии стала неизбежной совершенно независимо от того, хотело этого руководство социал-демократической партии или нет, — справедливо замечает участник революции и видный деятель финляндской компартии Т. Лехен. — Партия могла присоединиться к боевому фронту рабочих или не присоединиться, но она не могла предотвратить возникновения войны»²⁰⁹.

Финляндская социал-демократия была так тесно связана с массами, в которые она же сама внесла организацию и социалистические идеи, что и в трудный час не изменила рабочему классу — не призвала его покориться буржуазии и не осталась в стороне от борьбы (исключение представляли лишь несколько правых лидеров — сторонников Таннера). Она смело пошла на революцию и повела массы. Этому способствовало и сознание абсолютной неизбежности борьбы, которую теперь никак нельзя было даже оторочить. «В борьбу, — говорится в книге «Из истории Коммунистической партии Финляндии», — по мере возможности включились все рядовые члены партии, а также почти все работники аппарата социал-демократической партии и профсоюзов. Так или иначе в борьбе участвовали все до единого наиболее известные руководители рабочего движения, а вовсе не только особенно ненавистные Таннеру и его клике и поносимые ими руководители более решительного «силтасааревского» крыла О. В. Куусинен, Юрье Сирола, Эдвард Валпас и Куллерво Маннер или считавшиеся более «умеренными» Эдвард Гюллинг, К. Х. Вийк, Суло Вуолийоки, Хилья Пярсинен и др. В борьбу включились также зачинатели рабочего движения в нашей стране «старец» Урсин, Эту Салин и Юрье Мякелин. На борьбу поднялись все честные участники рабочего движения и даже те, кто раньше высказывались против вооруженной борьбы. Какие бы различные течения ни появлялись внутри старой социал-демократической рабочей партии до начала революционной борьбы, при вступлении в борьбу и в ходе ее партия была настолько единой, насколько это вообще было возможно в создавшейся тогда обстановке. Вызывавшее восхищение единство может основываться только на сознании того, что вооруженная борьба сделалась необходимой и что со стороны ставших объектом нападения рабочих масс велась справедливая борьба, оставаться в стороне от которой считалось трусостью»²¹⁰. Один

²⁰⁸ L. A. Punttila. Suomen poliittinen historia. Helsinki, 1963, s. 114.

²⁰⁹ «Из истории Коммунистической партии Финляндии», М., 1960, стр. 18.

²¹⁰ Там же.

из старейших и виднейших лидеров финляндской социал-демократии Ю. Мякелин выразил свое убеждение в справедливости и неизбежности революции в таких словах: «Это должно было произойти... Без сомнения, история оправдывает это действие финляндского рабочего класса... Это было неизбежным»²¹¹.

Так, мимоходом опровергая тезис оппортунистов о якобы неприменимости революционных большевистских методов для цивилизованных стран, на путь пролетарской революции, как на единственный в данных условиях путь к спасению и освобождению, вслед за своими российскими братьями по классу вступил хорошо организованный, прошедший школу демократических учреждений, почти поголовно грамотный финляндский рабочий класс. Из «варварской» России революционный пожар перекинулся в страну западноевропейского уклада жизни и культуры. Революция начала распространяться на запад.

²¹¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 23.II 1918.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЛАСТИ

Народными массами... новый тип государства создан... Этот тип советской власти себя показал, если он перебросился на столь отличную во всех отношениях страну, как Финляндия, где нет советов, но тип власти опять-таки новый, пролетарский.

(В. И. Ленин. Доклад на VII съезде РКП(б) о пересмотре программы и изменении названия партии)

26 января 1918 г., т. е. на другой день после того, как Маннергейм отдал приказ о нападении на русские войска, Рабочий исполнительный комитет отдал приказ рабочим гвардиям о подготовке к захвату всех правительственных учреждений и стратегических пунктов. В нем говорилось: «Мобилизация рабочих гвардий назначается на 26 января в 12 часов ночи и должна быть закончена в течение 3 дней. Лиц, поименованных в особых списках, которые будут вам даны, арестовать и препроводить в назначенное вами место, где вы несете ответственность за безопасность и хорошее обращение с арестованными... По получении приказа (имелся в виду не данный приказ, а специальный приказ о начале революции, который должен был быть издан позднее.— В. Х.) захватить при присутствии назначенных комиссаров сейм, университет, губернские управления, органы высшей власти и банки.

Главный штаб имеет право по своему усмотрению занять необходимые для своих нужд здания и места, также транспорт и телефон»¹.

27 января Рабочая гвардия порядка и Красная гвардия объединились, приняв название последней. В 11 часов вечера ее отряды по распоряжению штаба приступили к занятию выше-

¹ «Красный архив», 1940, т. 2(99), стр. 34, 35.

упомянутых объектов в Гельсингфорсе. На башне Рабочего дома загорелся красный сигнал и взвился красный флаг — символы начавшейся революции. Власть в столице перешла в руки рабочих без кровопролития. Финские рабочие продемонстрировали свое обычное умение действовать деловито и без лишнего шума. Шюцкоровцы, не уехавшие в Эстерботнию, не показывались, понимая безнадежность сопротивления; до прихода немцев они так и отсиживались в погребах.

Начало революции было ознаменовано прекращением работы на всех предприятиях, за исключением электрических и газовых станций, водопровода, транспорта, торговли, производства продовольственных товаров, а также пожарных команд и лечебных учреждений. Рабочий исполнительный комитет объявил всю страну «на революционном положении». Все не принадлежавшие к революционной рабочей гвардии обязаны были в течение 24 часов сдать оружие, боеприпасы и взрывчатые вещества, если они у них имелись. Несдавшие, говорилось в объявлении, будут рассматриваться как враги, борющиеся против революции с оружием в руках. Характерным было стремление революционных органов не допустить совершения в связи с революцией никаких анархических или преступных актов. Объявлялось, что будет наказываться со всей строгостью не только контрреволюционная деятельность, но и всякие бесчинства, грабежи, порча пищевых и других товаров².

В тот же вечер Рабочий исполнительный комитет опубликовал «Революционное воззвание финляндскому народу». «Пробил великий час революции финского рабочего класса, — говорилось в нем. — Сегодня рабочие столицы отважно низвергли тот темный главный штаб господствующих, который объявил кровавую войну против своего собственного народа». Причины, побудившие рабочих столицы начать революцию, излагались так: «Члены преступного сената готовили в столице страны гнусное пролитие братской крови и нападение на организованных рабочих. Наряду с этим они, прибегая к государственной измене, обратились к другим монархистским правительствам, прося у них помощи для избития финляндского трудового народа. Вся свобода и жизнь нашего народа была в величайшей опасности». Рабочие были принуждены восстать «ради своего спасения, равно как и ради спасения всего народа от тех несчастий и бедствий, в пропасти которых народ чуть не очутился благодаря преступной, капиталистической политике», ибо «чтобы захватить в свои руки государственную власть, принадлежащую на самом деле самому народу, сенат нарушал законы. Главной целью сената, по-видимому, было кровавым образом уничтожить рабочее движение, заковать все демократические

² «Työmieks», 28.I 1918.

стремления рабочих в цепи и похоронить все весенние надежды страдавшего народа».

Рабочий исполнительный комитет, «как высший орган революции финского рабочего класса», объявлял, что «вся революционная власть в Финляндии принадлежит организованному рабочему классу и его революционным органам». Сообщалось, что немедленно будет образовано революционное правительство. В воззвании содержался призыв к соблюдению революционного порядка и к решительной борьбе. «Строгий революционный порядок необходимо сохранить при этом в наших руках... Ни малейшего колебания, ни отступления! С коварным вооруженным врагом не следует вступать в долгие переговоры. Рабочую победу следует довести до конца!»

В противоположность разжигаемой белофиннами ненависти к русским войскам, Рабочий исполнительный комитет подчеркивал, что «к русским войскам следует повсюду относиться дружелюбно, ибо сознательные русские товарищи — друзья революционного рабочего класса».

Предвидя, что буржуазия будет запугивать революцией те слои населения, которым в действительности революция должна принести улучшение, Рабочий исполнительный комитет заявлял: «Мирным гражданам, не желающим содействовать врагам рабочего класса, не следует бояться революции. Небогатые люди в деревнях и городах, не верьте той лжи, будто рабочие хотят отнять вашу собственность. Напротив, победа рабочих улучшит и ваше социальное положение.

Сила рабочих — справедливая сила, которая стремится избежать ненужного насилия и страдания невинных людей...

Рабочая революция возвышенна и сурова. Она сурова по отношению к наглым врагам народа, но защищает право всех угнетенных и бедных»³.

В заключение выражалась надежда, что будущие поколения рабочего народа будут благословлять эту революцию, с которой начнется новая, более счастливая эра для Финляндии.

Однако уже в самом начале проявилась недостаточная быстрота и решительность действий революционеров, которая позволила членам буржуазного сената скрыться. Даже буржуазный автор Э. Хорнборг, отнюдь не сочувствующий революции, отмечает, что «когда руководство красных объявило о революции, оно не действовало с необходимой энергией и быстротой. Ошибкой было то, что немедленно не захватили сенаторов»⁴. Сенаторы моментально попрятались и исчезли, хотя находились в Гельсингфорсе. Сенатор О. Талас, например, благодаря содействию медицинского персонала одной больницы превратил-

³ «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 230, 231.

⁴ E. Hornborg. Det fria Finland. En återblick på de fyra årtiondena 1917—1957. Helsingfors, 1957, s. 37, 38.

ся в мнимого больного и под именем агронома Сааринена пролежал в больнице до взятия города немцами⁵. Свинхувуд, первое время тоже скрывавшийся в столице, выпустил воззвание от имени «законного» правительства и призвал служащих саботировать мероприятия революционного правительства.

Четыре сенатора, до начала революции выехавшие в Васу, чтобы выполнять функции правительства во время гражданской войны, не успели доехать до Таммерфорса, как город оказался в руках Красной гвардии. Но сенатор Я. Кастрен успел телеграфировать из Гельсингфорса начальнику станции Рихимяки, чтобы четырех сенаторов предупредили, что через Таммерфорс следовать нельзя, и обеспечили бы их подводой. На станции Лемпяля сенаторы сошли с поезда и сели в ожидавшие их сани. Группа стоявших поблизости красногвардейцев заметила богато одетых господ, и те слышали, как один сказал: «Вот этих чертей надо бы проверить». Но его беспечные товарищи сочли, что не стоит, и сенаторы укатили. «Не знали красногвардейцы на станции Лемпяля, какую драгоценную добычу они упустили! — замечает по этому поводу в своих воспоминаниях один из этих сенаторов, Талас. — Еле-еле удалось правительству добраться до Васы, а если бы в Васе не было законного правительства, война могла бы принять другой оборот»⁶. Действительно, сенаторы для контрреволюции играли такую же роль, как «законный» наследник престола у одной из сторон в династической войне. Они стали символом «законного» правительства для всех враждебных революции сил. О том, какие последствия имела оплошность красных, не арестовавших сразу же членов сената, можно судить по следующему высказыванию того же Таласа: «Если бы красные действовали тогда посмелее (имеется в виду — в Гельсингфорсе в начале революции. — В. Х.), им, вероятно, удалось бы задержать всех членов сената... Арест правительства мог бы оказать такое действие, что война закончилась бы совсем по-другому. Без содействия васаского правительства Маннергейм вряд ли смог бы добиться в Северной Финляндии такого народного подъема, который был необходим для разгрома красных (буржуазии, как будет показано ниже, удалось восстановить против революции значительную часть дезинформированного и политически отсталого крестьянства Северной Финляндии. — В. Х.). Красные, естественно, заклеили бы Маннергейма как генерала, который прибыл из России и поднял мятеж против «законного» правительства. Поскольку Маннергейм в то время был еще неизвестен финскому народу, такие речи во всяком случае оказали бы влияние на население нашей страны»⁷. Так красные из-за неоправданной медли-

⁵ O. T a l a s. Muistelmia. Porvoo — Helsinki, 1960, s. 76—80.

⁶ Ibid., s. 71.

⁷ Ibid., s. 72.

тельности, против которой как раз предостерегал Сирола за несколько дней до взятия власти, упустили опаснейших организаторов борьбы против революции.

Руководители буржуазных фракций сейма тоже не были изолированы и поэтому могли вести контрреволюционную деятельность. Они выпустили обращение «к финляндскому народу», в котором поносили революцию как «неслыханное насилие», от имени «большинства народа» выражали энергичный протест против «наглого захвата власти меньшинством» и призывали подчиняться только «законному» правительству⁸. Все это направляло и организовывало силы контрреволюции.

В Гельсингфорсе управление городом временно взял в свои руки Гельсингфорсский сейм рабочих организаций. Текущие дела он поручил своему исполнительному комитету. Последний предупредил владельцев домов и всех граждан, что те, у кого в домах или квартирах будут укрываться контрреволюционеры, будут сами рассматриваться как враги народа. Весть о революции с быстротой молнии распространилась по Финляндии. В южной ее части, где расположены наиболее промышленные города, революция победила быстро и почти без жертв. Поступавшие в столицу сообщения рисовали положение в этой части страны в первые дни революции в следующем виде. В Лахти Красная гвардия без сопротивления овладела ратушей. Буржуазные газеты были закрыты, в банки были назначены рабочие комиссары. Милиция присоединилась к Красной гвардии. В городе царил полный порядок. Шюцкоровцы бежали из города и прятались в окрестностях. Настроение у рабочих было бодрое и решительное. В Таммерфорсе рабочие без сопротивления заняли вокзал и учреждения. В отделении Финляндского банка были назначены рабочие комиссары. Рабочие обнаружили тайную радиостанцию белых и уничтожили ее. В Або рабочие заняли вокзал, электростанцию, телефон, телеграф, установили рабочий контроль над банками. Учреждения продолжали работать. В городе было спокойно, Красная гвардия и милиция поддерживали образцовый порядок. В Бёрнеборге все главные учреждения находились в руках рабочих. Работа продолжалась. В городе было спокойно. Вооруженные белогвардейцы ушли на север. В Вильманстранде (Лаппеенранта), Коувола, Куусанкоски и во многих других местах переход власти к рабочим произошел просто и естественно, так как буржуазия не смела оказывать сопротивления. Шюцкоровцы бежали. Красная гвардия везде поддерживала полный порядок и была хозяином положения. В Выборге Красная гвардия фактически овладела положением уже за неделю до революции и окончательное взятие власти

⁸ Обращение опубликовано в кн.: «J. K. Paasikivi. Itsenäisyys — rauha — valtiollinen sivistys». Kolmas uudistettu painos. Toim. Kauko Kare. Hämeenlinna, 1960, s. 32, 33.

произошло без особых трудностей. В Кямьяра (близ Выборга) произошел бой между белыми и красными, закончившийся победой последних. Упорное сопротивление оказали шюцкоровцы в Борго (Порво), но их буквально сбросили в море — они спаслись на островах. Некоторые пункты важной в стратегическом отношении железной дороги Васа — Хапаями — Ювяскюля — Пьексамаями — Нюслотт (Савонлинна) — Элисенваара, соединяющей побережье Ботнического залива с Карелией и законченной только накануне революции, оказались в руках местной Красной гвардии. Так, Хапаями белым взять не удалось, и они удовлетворились тем, что взорвали полотно в окрестностях города, в результате чего сошел с рельс пассажирский поезд. В Пьексамаями белым сначала не удалось справиться с Красной гвардией, но потом они подбросили туда подкрепления, что и решило исход борьбы. Ювяскюля удерживали белые.

Упомянутая железная дорога приблизительно и составляла границу между зоной красных и зоной белых. Дальше к северу господствовала белая гвардия. Рабочий класс там был сравнительно немногочислен, и его революционные выступления белым, имевшим превосходство в численности и особенно в вооружении, удалось подавить. Но, например, в Улеборге красногвардейцы сначала чуть не одержали победу над местными шюцкоровцами; тех спасло только прибывшее к ним подкрепление. За город развернулась упорная борьба, в ходе которой сгорело много домов. Только 3 февраля она закончилась победой белых. Над Торнео белые установили свой контроль еще позже — 6 февраля, в Куопио они справились с красными лишь 8 февраля, а в Варкаусе — только 21 февраля⁹.

Таким образом, под властью контрреволюции оставалось около четырех пятых территории¹⁰. Но эта цифра не должна вводить в заблуждение: не надо забывать, что сюда входили громадные и почти безлюдные просторы Лапландии за Полярным кругом и другие сравнительно малонаселенные области страны. Промышленная часть страны с важнейшими экономическими и культурными центрами оказалась в зоне красных, и в ней проживало около половины населения Финляндии. Здесь была сосредоточена большая часть пролетариата, инициатора и главной движущей силы финляндской революции. Таким образом, соотношение между территориями белых и красных было не таким уж неблагоприятным для последних. И если белая Финляндия могла рассчитывать на помощь соседней Швеции и других капиталистических стран, то революционная Финляндия граничила с Советской Россией, сразу ставшей для нее гораздо больше, чем добрым соседом, — другом и братом.

⁹ V. Hytönen. Vapaussotamme, Katsaus sen syihin ja tapahtumiin. Helsinki, 1918, s. 41, 42; «Otavan iso tietosanakirja», 8 osa, Helsinki, 1964, s. 533.

¹⁰ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, Porvoo — Helsinki, 1957, s. 167.

28 января Рабочий исполнительный комитет опубликовал сообщение о революционном правительстве. В соответствии с демократическими традициями финляндского рабочего движения он вносил свое предложение по этому вопросу на обсуждение трудящихся. «Сегодня мы решили, — говорилось в этом документе, — предложить рабочим Финляндии, чтобы... в качестве революционного правительства страны был создан Совет Народных Уполномоченных, а также Главный Рабочий Совет для контроля за его деятельностью и для выполнения совместно с ним функции управления, пока рабочий народ Финляндии не решит иначе. Революционное правительство должно быть социал-демократическим. Окончательное назначение его членов должно быть предоставлено Главному Рабочему Совету. До тех пор, пока соберется Главный Совет, предлагаем одобрить Совет Народных уполномоченных Финляндии в составе следующих товарищей:

председатель — редактор Куллерво Маннер;

уполномоченный по иностранным делам — редактор Юрье Сирола;

уполномоченные по внутренним делам — представитель союза пильщиков Финляндии Ээро Хаапалайнен и слесарь Адольф Тайми;

уполномоченные по делам юстиции — редактор Лаури Лехтонен и столяр Антти Кивиранта;

уполномоченный по делам просвещения — редактор Отто Вильгельм Куусинен;

уполномоченный по финансам — редактор Яло Кохонен;

уполномоченный по делам рабочих — председатель Организации профсоюзов Финляндии Йохан Хенрик Лумивуокко;

уполномоченный по сельскому хозяйству — редактор Эверт Элоранта;

уполномоченный по продовольственным вопросам — председатель Организации профсоюзов Финляндии Оскар Токой;

уполномоченный по транспорту — машинист Константин Линдквист;

уполномоченный по делам почт и информации — редактор Эмиль Эло, прокурор — партийный секретарь Матти Туркка»¹¹.

¹¹ «Helsingin työväenyhdistys 40-vuotias». Tampere, 1924, s. 138, 139. Главнокомандующим Красной гвардией был вначале назначен А. Аалтонен. 20 марта было объявлено о следующих изменениях: комиссариат внутренних дел был разделен на два — комиссариат военных дел (уполномоченные — Э. Хаапалайнен и А. Тайми) и комиссариат внутренних дел (уполномоченные — М. Айрола и Х. Кархи); из комиссариата труда был выделен комиссариат по социальным делам (уполномоченные Арьянен и Х. Пярсинен); управление транспортом и связью было объединено («Suomen työväen vallankumous», Leningrad, 1928, s. 182; J. Elstel, Der Klassenkrieg in Finnland. Die finnische Sozialdemokratie im Kampfe gegen die Reaktion 1905—1918. [Э. О. у. Д.], S. 110, 111).

Для контроля за работой Совета Народных Уполномоченных предлагалось избрать Главный Рабочий Совет из 35 человек; 10 представителей должен был избрать совет партии, 10 — руководство организации профсоюзов, 10 — Красная гвардия и 5 — Гельсингфорсский сейм рабочих организаций. Бюрократический же аппарат сената упразднился.

29 января с воззванием «К рабочим и гражданам Финляндии» обратилось и вновь сформированное революционное правительство. Члены его прежде всего заявляли, что готовы по мере сил выполнять функции правительства лишь в том случае, если этого желают трудящиеся. «Но если вы, товарищи, — говорилось далее, — захотите поставить других людей на выполнение обязанностей революционного правительства, то скажите это в любой момент через собрания наших общих организаций — и каждый из нас готов передать бразды правления тем, кому вы предложите»¹². Таким образом, революционное правительство, которое буржуазные авторы до сих пор противопоставляют «демократическому» сенату Свинхувуда, на самом деле представляло собой гораздо более демократическую власть с точки зрения подлинной демократии для трудящихся.

Свою программу революционное правительство излагало так: «Мы — социал-демократы, поэтому вы знаете, какова наша программа действий. Она — программа социалистическая... По нашему мнению, в Финляндии теперь надо стремиться смелыми, продуманными приемами изменить весь государственный строй. Власть бюрократии надо разрушить так, чтобы она даже позднее не могла господствовать над народом. Надо раз и навсегда покончить со своеволием судов. Все государственное устройство должно основываться на принципах демократизма в соответствии с интересами рабочего класса. Налоги и обременения надо перенести с плеч неимущих на плечи богачей-эксплуататоров. Страхование от старости и нетрудоспособности надо ввести практически уже до того, как будет издан постоянный закон о страховании. Торпари и бобыли должны быть немедленно освобождены от власти хозяев. Еще основательнее надо взяться за эксплуататорский режим капитализма. Банковский капитал должен быть подчинен общественному контролю, чтобы мы таким путем могли возможно скорее начать держать в узде промышленный и торговый капитал. Собственность малоимущих должна быть неприкосновенной. В тех областях, где общая народная нужда уже определенно требует изъятия в общественную собственность предприятий крупных эксплуататоров, пусть их право собственности будет отменено». Движение вперед по пути социалистической революции, говорилось в воззвании, в ре-

¹² A. Hyvönen. Suurten tapahtumien vuodet 1917—1918. Helsinki, 1957, s. 101—103; И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962, стр. 294, 295.

волюционный период «может совершаться только через революционные постановления, издаваемые революционными органами власти, о реализации которых позаботится главным образом сам революционный народ со своими организациями». Указывалось на необходимость создать в стране твердый порядок, но для защиты бедноты, на помощь угнетенным. «Мы, как и вы, — заявляли народные уполномоченные, — пошли на революцию не для игры, а по глубокому убеждению, что только в ней спасение трудового народа Финляндии, что на это дело надо пожертвовать все, что только потребуется». Но от самих рабочих зависит, насколько значительные результаты будут достигнуты в революции. «Теперь требуются силы и единодушие! Великие жертвы и неутомимость! От них теперь зависит победа рабочего класса Финляндии»¹³.

Многочисленные собрания рабочих обсудили обращения Исполнительного комитета и Совета Народных Уполномоченных (СНУ). И состав правительства, и его решимость взять на себя заботу о делах страны вызвали всеобщее одобрение рабочих. Но что касается его программы, то у части рабочих вызвала разочарование ее половинчатость. Так, рабочие фабрики Кюммене отмечали в своей резолюции, что если народные уполномоченные — социал-демократы, то «программа его (Совета Народных Уполномоченных. — В. Х.) деятельности в таком случае должна быть чисто социалистической. Недостаточно лишь неопределенных слов о социальных и общественных переворотах, которые встречаются в манифесте». Рабочие считали, что манифест «в некоторых пунктах колеблется между мелкобуржуазными стремлениями к реформам и экономическими революционными принципами, он является не вполне удовлетворительным для революционного рабочего класса»¹⁴. Намеченную СНУ экономическую политику рабочие Кюммене охарактеризовали как «буржуазное крохоборство»¹⁵. «Собственно социалистических преобразований, направленных на изменение экономической основы общества, как, например, национализация средств крупного производства, программа Совета Народных Уполномоченных, опубликованная 29 января 1918 г., не предусматривала»¹⁶, — отмечал ЦК Компартии Финляндии в обращении по поводу 40-летия финляндской революции.

Но власть в результате революции была установлена действительно рабочая. Согласно директиве ведомства внутренних

¹³ И. И. Сюкияйнен. Революционные события..., стр. 294, 295; А. Ну-
вöнен. Op. cit., s. 101—103.

¹⁴ «Arbetarnas Notisblad», 9.II 1918 (цит. по: Д. И. Попов. Финляндия.
М., 1957, стр. 56).

¹⁵ H. Söderhjelm. Der rote Aufruhr im Jahre 1918. Leipzig, 1918, S. 125;
J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 88.

¹⁶ «Новая и новейшая история», 1958, № 2, стр. 123, 125—126.

дел от 1 февраля, в губерниях власть осуществлялась социал-демократическими органами главного города губернии, а в общинах — социал-демократическими органами общин и местными сеймами рабочих организаций; иногда власть на местах осуществляли штабы Красной гвардии. Органы самоуправления избирались трудящимися. Вот, для примера, какой социальный состав имел избранный рабочими городской совет Гельсингфорса: среди его 60 членов и 20 кандидатов было десять домохозяек, восемь рабочих-металлистов, пять рабочих-электриков, четыре чернорабочих, три плотника, три маляра, три обойщика, три кочегара, трое рабочих (специальность не указана), три редактора, три каменщика, два жестянщика, один пекарь, один дворник, один слесарь, один портной, один столяр, один машинист, один строительный рабочий, один электромонтер, один литейщик, один штукатур, один токарь, один кузнец, один модельщик, один шорник, одна учительница, одна домработница, одна швея и т. д. Все это были люди труда. В муниципалитете теперь не было ни одного капиталиста, тогда как до революции там заправляли богачи. Аналогичным было положение и в других органах самоуправления революционной Финляндии. Так решила финляндская революция вопрос о власти на местах. Ленин с полным основанием констатировал, что в Финляндии «тип власти... новый, пролетарский»¹⁷.

Согласно положению, утвержденному Главным Рабочим Советом 18 февраля, этот совет (куда потом было введено еще пять представителей от совета партии) вместе с Советом Народных Уполномоченных должен был осуществлять высшую власть до избрания нового органа власти в соответствии с будущей конституцией. Члены СНУ имели в Главном Рабочем Совете право совещательного голоса, а по вопросам законодательства — право решающего голоса. Избранные в Главный Рабочий Совет могли быть в любое время отозваны избирателями. Главный Рабочий Совет назначал и смещал народных уполномоченных, которые отчитывались перед ним и обязаны были давать ответы на его запросы. Утверждение законов производилось также Главным Рабочим Советом.

Совет партии на своем заседании 4 февраля одобрил мероприятия СНУ и вообще совершившуюся революцию, как имеющую «характер социальной революции» и «исторически неизбежную». Однако он считал, что «при первой же возможности» наиболее важные революционные законы, а также проект конституции следует поставить на всенародное голосование, чтобы народ мог их окончательно одобрить или отвергнуть¹⁸. В этом отразилось, с одной стороны, стремление к максимально береж-

¹⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 51.

¹⁸ «Suomen työväen vallankumous», s. 185.

ному сохранению и развитию укоренившихся в Финляндии демократических традиций, а с другой стороны, глубокое убеждение в том, что мероприятия революционного правительства отвечают интересам большинства народа и в случае всенародного голосования будут им одобрены.

Революционное правительство немедленно и энергично принялось за решение продовольственного вопроса, которое не терпело отсрочки. Готовясь к гражданской войне, буржуазный сенат заранее тайно сосредоточивал продовольствие и стратегические материалы в Северной Финляндии, которую буржуазия надеялась удержать в своих руках. В результате этого та часть Финляндии, которая находилась под властью революционного правительства, оказалась в гораздо более тяжелом положении, чем часть страны, занятая белыми. Таким образом, в начале революции подавляющая часть продовольствия находилась в руках контрреволюции: если брать всю Финляндию — то в той части, которая оставалась под властью эксплуататоров, а если брать южную Финляндию, — то у той части населения, которая принадлежала к эксплуататорским классам.

Партийный совет социал-демократической партии в своем постановлении от 4 февраля дал указание Главному Рабочему Совету и Совету Народных Уполномоченных как можно быстрее принять решительные меры для смягчения продовольственных трудностей, «во всяком случае такие меры, чтобы продовольственные трудности не затронули рабочих раньше, чем другие слои населения»¹⁹. Правительство уже и до этого начало действовать в таком направлении. Инвентаризацию имеющихся запасов продовольствия, которую буржуазная власть превратила в комедию, революционная власть провела всерьез. Декретом от 31 января были расширены права продовольственных комиссий: им поручалось «в любое время производить посредством уполномоченных ими лиц общий подсчет и проверку продовольственных запасов» и принимать «любые меры», основываясь на распоряжениях СНУ²⁰. Интересно, что на местах рабочие стали кое-где по своей инициативе проявлять хозяйскую заботу о продовольствии еще до того, как правительство успело дать какие-либо указания. Так, в Выборге сразу же, как только произошла революция, местная «центральная организация рабочих» и штаб Красной гвардии распорядились, чтобы везде были избраны революционные комитеты, которые должны были взять в свои руки власть и следить за тем, чтобы не допускалось никаких злоупотреблений в отношении продовольственных запасов и общественной собственности²¹. 3 февраля правительст-

¹⁹ «Suomen Kansanvaltuuskunnan Tiedonantoja» (далее: «Tiedonantoja»), 5.II 1918.

²⁰ J. Eliel. Op. cit., S. 126.

²¹ «Työmies», 30.I 1918.

во распоряжилось произвести новую инвентаризацию, так как были обнаружены тайные склады продовольствия. В Таммерфорсе был найден склад мяса — около 350 тонн солонины²², в Луопионсе (близ Таммерфорса) склад хлеба в 500 тонн²³, в Або — большой склад продовольствия и спиртных напитков, помещавшийся... в здании суда.

Там, где хлеб еще был не обмолочен, революционные органы принимали меры к обмолоту. Например, Нюландский губернский совет народных уполномоченных обратился ко всем социал-демократическим комитетам и организациям губернии с призывом взять продовольственное дело под свой контроль, и в частности — добиться обмолота всего хлеба, а если хозяева будут отказываться это сделать, произвести обмолот за их счет²⁴.

Чтобы увеличить количество продовольственного хлеба, правительству пришлось санкционировать использование для продовольствия части семенного зерна и части овса, предназначенного для корма скоту. Были приняты меры для более равномерного распределения хлеба: из тех общин, где хлеба было больше, часть его передавалась в те, где его было совсем мало. Для устранения неравенства в снабжении с 1 апреля на карточную систему были переведены хозяйства, до этого находившиеся на самообеспечении; раньше им при инвентаризации оставлялась известная часть хлеба для личного потребления, теперь же хлеб забирался и выдавался по карточкам²⁵.

Были взяты на учет и реквизированы все запасы картофеля; для потребления оставлялось по литру картофеля в сутки на человека; семенной картофель распределялся между общинами, нуждающимися в нем²⁶. 4 марта были введены ограничения в столовых и ресторанах: на одного человека должно было отпущаться не больше двух блюд, причем масло и сыр не могли подаваться в дополнение к мясным блюдам²⁷. Заботясь о том, чтобы трудящиеся могли покупать для детей молоко, правительство установило на него предельную цену, дороже которой оно не могло продаваться²⁸.

В каждой губернии продовольственным снабжением ведал назначенный социал-демократической организацией и утвержденный СНУ комитет из трех человек, которому подчинялись местные продовольственные комиссии. Последние должны были назначаться местными комитетами социал-демократической

²² «Tiedonantoja», 11.II 1918.

²³ «Tiedonantoja», 5.II 1918.

²⁴ «Tiedonantoja», 16.II 1918.

²⁵ «Suomen työväen vallankumous», s. 188, 189.

²⁶ «Tiedonantoja», 12.III 1918.

²⁷ «Tiedonantoja», 5.III 1918.

²⁸ «Tiedonantoja», 8.III 1918.

партии²⁹. Однако первое время продолжали существовать продовольственные комиссии, созданные еще при Свинхувуде и нередко состоявшие в основном из буржуазии, защищавшей, естественно, отнюдь не интересы рабочих. 11 февраля правительство призвало рабочих обеспечить в продовольственных комиссиях преобладающее влияние рабочих³⁰. Это было сделано не без сопротивления буржуазии. В Выборге, например, буржуазные члены продовольственной комиссии отказались предоставить большинство рабочим. Тогда рабочим пришлось доказать, что власть все-таки у них: буржуа были отстранены³¹. В Гельсингфорсе продовольственная комиссия была освобождена от буржуазных членов 23 февраля³².

Революционное правительство приняло срочные меры и для закупки и ввоза хлеба из России. Советское правительство во всем пошло навстречу, и начавшееся вскоре поступление хлеба из России ослабило остроту продовольственного кризиса в революционной Финляндии. СНУ попытался получить продовольствие из США. 17 февраля Токой и Сирола вели в Петрограде переговоры с американским послом Френсисом о том, чтобы хлеб, закупленный Финляндией в США еще в 1917 г., был направлен не белофиннам, а через посредство Норвегии и Швеции в красную Финляндию³³. Разумеется, ничего из этих переговоров не вышло.

Таким образом, революционная власть не обманула надежд голодавших людей: она действительно взяла на учет все имевшееся в наличии продовольствие, не останавливаясь перед обысками в домах буржуа, приняла меры для закупок хлеба за границей, покончила, насколько это было в ее силах, с бесхозяйственным отношением к необмолоченному хлебу и с излишествами состоятельных слоев, ввела строгое централизованное распределение продовольствия по карточкам, позаботилась о детях бедняков. Буржуазии предоставлялся такой же паек, как и рабочим.

Следующим большим и уже давно стоявшим на повестке дня вопросом был вопрос об освобождении свыше сотни тысяч деревенских бедняков — мелких арендаторов от власти владельцев земли. Революция сразу дала торпарям и бобылям то, за что они боролись и о чем мечтали столетия. 31 января они были объявлены не зависимыми от своих хозяев. В законе говорилось, что торпарь и бобыль могли отныне «без арендной платы беспрепятственно обрабатывать участки, на которых они до сих пор жили, и владеть этими участками со всеми относящимися к

²⁹ «Tiedonantoja», 7.II 1918.

³⁰ «Tiedonantoja», 11.II 1918.

³¹ «Tiedonantoja», 16.II 1918.

³² «Tiedonantoja», 26.II 1918.

³³ «Tiedonantoja», 19.II 1918.

ним выгодами»³⁴. Это сделало торпарей и бобылей опорой революции в деревне, укрепив союз между пролетариатом и беднейшим крестьянством. Вдобавок эта мера должна была привести и к некоторому уменьшению безработицы, так как часть безработных могла быть занята на обработке земли хоз-яев, прежде обходившихся за счет труда торпарей.

Однако этот закон не представлял собой радикального решения аграрного вопроса. Уничтожались лишь пережитки феодализма, капиталистическая же собственность на землю и неравномерное распределение земли сохранялись. У крупных землевладельцев оставалась вся не отданная в аренду земля, т. е. они и после этого владели большим количеством лучшей земли (СНУ потом лишь в некоторых случаях национализировал землю акционерных обществ — например, землю акционерного общества «Стениус»). Мелкие же арендаторы получили в собственность лишь ту землю, которую они арендовали, т. е. они превращались в крестьян самостоятельных, но малоземельных, заведомо обреченных на прозябание в бедности. Малоземельным же крестьянам, бывшим и до этого самостоятельными, вообще не дали дополнительно земли, а ее не хватало и им. Что касается такой категории сельского населения, как батраки, которые до этого земли не имели, то наделение их землей не предусматривалось, они должны были оставаться наемными рабочими крупных землевладельцев. Еще Маркс отмечал, что «социальная революция *серьезно* должна начаться с самых основ, то есть с земельной собственности»³⁵. Он же писал, что для того, чтобы пролетариат «имел хоть какие-нибудь шансы на победу, он должен быть в состоянии *mutatis mutandis* сделать для крестьян непосредственно по меньшей мере столько же, сколько французская буржуазия во время своей революции сделала для тогдашнего французского крестьянина»³⁶. Финляндская революция не приняла решительных мер для радикального преобразования в этой области и для завоевания малоземельного и среднего крестьянства, ограничившись привлечением на свою сторону лишь части крестьянства — торпарей и бобылей. Этим она ослабила себя и невольно усилила своего врага. Массы были в некоторых случаях революционнее правительства. Так, в манифесте рабочих организаций и штаба Красной гвардии Выборга выдвигалось требование о наделении землей безземельного крестьянства за счет конфискации имений крупных землевладельцев и об удовлетворении нужд малоземельных крестьян³⁷.

³⁴ «Suomen asetuskokoelma», 1918, № 11, s. 1, 2.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 32, стр. 452.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 612.

³⁷ И. И. С ю к и я н е н. Революционные события..., стр. 196, 197.

Правда, правительством предусматривался ряд мер, облегчавших положение не только арендаторов, но и всего крестьянства: содержание дорог и конной почты было взято на государственный счет, революционное правительство намечало проводить мероприятия по осушению болот и озер, по улучшению обработки почвы и т. д.³⁸

В опубликованном 30 января обращении Аграрного комитета к арендаторам, мелким крестьянам и сельскохозяйственным рабочим говорилось: «Для улучшения положения сельскохозяйственных рабочих во всех отраслях труда законодательным порядком будет введен 8-часовой рабочий день, а посредством особых правил он будет введен также и для рабочих, нанимающихся на целый год, хозяевам которых будет предписано строгое его соблюдение. Коммунальные власти, как только рабочий класс станет иметь там влияние, энергично возьмутся за улучшение жилищных условий сельскохозяйственных рабочих. Законы об охране труда во всем их объеме распространяются на все категории этих рабочих»³⁹.

Свои мероприятия по урегулированию аграрного вопроса революционное правительство разъясняло крестьянам в статьях и брошюрах. В них доказывалось, что революция целиком соответствует интересам крестьян и направлена только против господ. В то же время революционное правительство пыталось донести правду о революции и до крестьянских масс, находившихся на территории белых, и вырвать их из-под влияния буржуазной пропаганды. В одном таком обращении к крестьянам, вовлеченным в белую армию, говорилось: «В прошлые годы вас уверяли, что социалисты хотят разделить вашу землю. Нет, братья, вас ввели в заблуждение. Обработанных вами полей не тронет ни один рабочий, они ваши. Но социализм хочет и вас заставить от эксплуатации, он хочет установить законы, чтобы никто не мог по дешевке обманом приобретать у вас леса, которые вам приходится продавать из-за нужды в деньгах. Помните, что Хейкки Ренвалль (член правительства Свинхувуда. — В. Х.), ради властолюбия которого вы сейчас сражаетесь, Хейкки Ренвалль, который ввел для вас воинскую повинность, является крупнейшим в Финляндии спекулянтом-лесоторговцем... Создавайте власть крестьянских и рабочих советов, так как ваша выгода — и наша выгода... Мы — не разбойники, мы — страдающие ваши собратья, сыны вашего же народа. Не воюйте против нас! Не воюйте за чужую власть!»⁴⁰. «Помните, — говорилось в этом же воззвании по поводу кабальных договоров, заключенных правительством Свинхувуда с Германией, — вас продали так же, как и нас, ибо тот договор, который заключен

³⁸ J. Elie l. Op. cit., S. 115—118.

³⁹ Ibid., S. 118—121.

⁴⁰ «Tiedonantoja», 13.IV 1918.

в Германии, касается не только Гельсингфорса и Нюландской губернии — он касается всей финской земли и ее народа». Но практических возможностей донести эту правду до широких слоев крестьянства северной половины Финляндии было мало, и оно оставалось во власти дезинформации.

Революционные власти заботились и о том, чтобы сельскохозяйственное производство не пострадало в результате революции. Нюландский губернский совет народных уполномоченных призвал комитеты социал-демократической партии следить за тем, чтобы в крупных хозяйствах не падало производство; если владелец имения или его уполномоченный не пытаются восполнить недостающую рабочую силу (поскольку торпары теперь были освобождены и не работали на хозяев) и поддерживать производство на прежнем уровне, чтобы способствовать устранению продовольственного кризиса, то их предлагалось рассматривать как врагов революции и сообщать о них губернскому совету⁴¹.

Некоторые владельцы крупных имений в страхе перед революцией бросили свои хозяйства и бежали на север. Заботу об этих имениях брали на себя трудящиеся. Еще до того, как правительство издало соответствующее распоряжение, провинциальные органы власти стали сами действовать в таком направлении. Так, 20 февраля Нюландский губернский совет уполномоченных предписал организациям трудящихся в тех местах, где есть брошенные хозяевами имения, избирать в каждом случае комитет из трех человек, который и должен взять на себя заботу об имении до возвращения хозяина. Вначале комитет должен в присутствии двух надежных свидетелей произвести опись скота и другой собственности. «Во всяком случае, нужно хорошо заботиться о хозяйстве, чтобы за всем был уход и чтобы скот был накормлен»⁴², — говорилось в распоряжении. 22 февраля СНУ принял решение о создании комитета, который должен был ведать брошенными имениями, а 25 февраля было опубликовано распоряжение сельскохозяйственного отдела СНУ о брошенных хозяйствах. Оно гласило, что трудящиеся должны заботиться об оставшихся без присмотра хозяйствах. «При организации ухода за имением нужно стараться все делать как можно рациональнее, применять передовую сельскохозяйственную технику. Хищения или хищническое пользование землей допускать нельзя»⁴³. Предписывалось заботиться о скоте, особенно племенном и молодняке. Запрещалось брать из имений корма, необходимые скоту, семенной хлеб и продовольствие.

Эти распоряжения, проникнутые хозяйской заботой о производстве и сохранении плодов человеческого труда, лишней раз

⁴¹ «Tiedonantoja», 16.II 1918.

⁴² «Tiedonantoja», 20.II 1918.

⁴³ «Tiedonantoja», 25.II 1918.

свидетельствовали о лживости буржуазных измышлений относительно разрушительных и анархических тенденций революционной власти.

Огромные трудности с первого же дня встали перед революционным правительством в области финансов. Правительству нужны были сразу же огромные средства, чтобы оказать немедленную помощь бедствующим безработным, чтобы содержать быстро растущую Красную гвардию и революционные органы власти, чтобы вести гражданскую войну. Рабочие, начавшие революцию забастовкой, тоже не получали зарплаты от предпринимателей. Между тем заботами буржуазии казна была пуста, доходов не было, банки с началом революции закрылись, а банковские чиновники по решению банковского объединения объявили саботаж, к которому присоединились и служащие банков, не входивших в это объединение (например, Гельсингфорсского акционерного банка, Кредитного банка и Ремесленного банка). Финансовый мир встретил революцию сплоченной враждебной стеной.

В своем отношении к банкам революционное правительство Финляндии остановилось на полпути между Парижской коммуной и Октябрем. Частные банки и вклады богачей не были национализированы. Даже в момент борьбы не на жизнь, а на смерть с контрреволюционной буржуазией оно не посягнуло на богатства последней, нажитые эксплуатацией трудящихся. Но Финляндский банк революционное правительство 1 февраля взяло в свои руки⁴⁴; саботировавшие чиновники были уволены, хранилища банка были вскрыты.

Однако золотой запас из Финляндского банка был заблаговременно вывезен буржуазией в Куопио и Ювяскюля, осталась лишь часть бумажных денег: в самом банке — около 180 млн. марок⁴⁵ и в его филиалах в Або, Бьернеборге, Таммерфорсе, Тавастгусе, Выборге, Котка и Петрограде — около 25 млн. марок⁴⁶. Финляндский банк начал функционировать, руководимый уполномоченным революционного правительства и дирекцией, назначенной Гельсингфорским представительством рабочих организаций. Кое-где в провинции рабочие организации тоже устанавливали свой контроль над банками. Так, уже 6 февраля сообщалось, что в Котка рабочие взяли в свои руки банки, руководители которых бежали, захватив ключи от сейфов; все же через несколько дней банки начали работать. 8 февраля было опубликовано сообщение, что в Гангё (Ханко) частные банки функционируют под контролем правления из четырех человек, назначенного местным советом рабочих. В Або саботировавшие банковские чиновники были уволены, и Западно-Финляндский

⁴⁴ «Suomen työväen vallankumous», s. 115.

⁴⁵ Ibid., s. 115—117.

⁴⁶ «Hufvudstadsbladet», 29.IV 1918; H. Söderhjelm. Op. cit., S. 130.

акционерный банк, Абоский акционерный банк и Сберегательный банк стали действовать под контролем рабочих⁴⁷.

Однако большинство частных банков остались закрытыми, и 8 февраля законом СНУ их функции были переданы Финляндскому банку, если они не желали продолжать свою деятельность под контролем государства (а они такого желания не выражали). В законе подчеркивалось, что банки не должны помогать контрреволюции⁴⁸. Таким образом, центральную роль в финансовой системе стал играть Финляндский банк. Практически дело было организовано так: вкладчики не функционирующих частных банков имели право получать за счет своих вкладов ограниченные суммы — обычно 100—150 марок в неделю; более крупные суммы могли выдаваться только предпринимателям для выдачи зарплаты рабочим и для нужд предприятий. Свои заявки на получение денег клиенты закрытых частных банков сдавали в специально учрежденные платежные конторы. Здесь заявки рассматривались и, если назначение суммы не вызывало подозрений, на просимую сумму выдавался чек в Финляндский банк, где она и выплачивалась. Одновременно эта сумма списывалась с находившегося в Финляндском банке лицевого счета того банка, где лежали деньги вкладчика⁴⁹. Таким образом, Финляндский банк расплачивался по вкладам, вложенным не в него, а в частные банки. Не удивительно, что в Финляндском банке средства быстро таяли, так как они шли и на государственные нужды, и на выплаты по заявкам огромного количества вкладчиков различных не работающих банков, тогда как в самих этих банках их денежные запасы оставались в неприкосновенности. В то же время в Финляндский банк не поступало новых средств, кроме налогов: у рабочих в тех условиях о сбережениях не могло быть и речи, а буржуа не собирались делать вклады в банк, контролируемый революционным правительством. Существовало, правда, рабочее кооперативное объединение «Эланто», имевшее оборотные средства, которые оно могло бы сдавать в Финляндский банк и тем помочь революционному правительству в решении финансовых трудностей. Член СНУ Э. Хаапалайнен пытался убедить руководителя «Эланто» сделать это, но тот наотрез отказался: ведь это был Таннер⁵⁰. Скоро революционное правительство вынуждено было прибегнуть к эмиссии бумажных денег; их было выпущено на сумму более 77 млн. марок⁵¹. Неизбежным следствием было падение их ценности и рост цен. В то же время старые деньги стали исчезать из обращения: обыватели их придерживали, смекнув, что в случае поражения революции деньги,

⁴⁷ «Tiedonantoja», 12.11 1918.

⁴⁸ «Työmies», 8.11 1918.

⁴⁹ «Suomen työväen vallankumous», s. 114—117.

⁵⁰ V. T a n n e r. Kuinka se oikein tapahtui. Helsinki, 1949, s. 260, 261.

⁵¹ «Suomen työväen vallankumous», s. 115—117.

напечатанные революционным правительством; будут объявлены недействительными (так потом и было). В своих мемуарах Таннер рассказывает, что так же поступал и он: из выручки «Эланто» отбирались бумажные деньги, выпущенные революционным правительством, и их-то и старались в первую очередь сбыть, а старые поддерживать. Несмотря на финансовые трудности, революционная власть не посягнула на ценности неработающих частных банков, национализация богатств которых, возможно, позволила бы избежать и эмиссии бумажных денег, и инфляции.

Правительство, хотя и не сразу, приняло меры против утечки ценностей за границу. 21 февраля оно запретило вывоз ценных бумаг и перевод движимого и недвижимого имущества за границу без особого своего разрешения. Гражданам, выезжавшим за границу (на что тоже требовалось разрешение СНУ), можно было брать с собой не более 1500 марок⁵².

Уже с первых дней революции правительство не могло не обратиться к такому источнику средств, как налоги. Налоговая шкала революции имела ярко выраженный классовый характер; налоги были прогрессивными и ложились всей тяжестью на состоятельные слои и особенно на богачей, беднейшие же слои населения освобождались от них совсем. 31 января был издан временный закон о налоге на получаемые из банков вклады. Изъятие менее 500 марок в неделю налогом не облагалось, при получении суммы от 500 до 1000 марок налог составлял 1%, но дальше он быстро возрастал и для сумм выше 9000 марок достигал 10%⁵³. Таким образом, налог бил по карману только богачей.

1 февраля был издан закон об общинном налоге. От налога освобождались горожане, доход которых в 1917 г. не достигал 2400 марок, и сельские жители с доходом ниже 1400 марок. По мере увеличения дохода необлагаемая его часть все уменьшалась, и начиная с дохода в 4400 марок для горожан и с 2600 марок для сельских жителей налог начислялся со всей суммы доходов без всякой скидки. До определенного уровня дохода предоставлялись еще льготы в зависимости от числа детей⁵⁴. 9 февраля был издан закон об обложении больших доходов. Был отменен обязательный налог в пользу церкви. 7 марта последовал закон о квартирном налоге, 21 марта — о налоге на недвижимую собственность⁵⁵. Каждый такой декрет вызывал ярость буржуазии.

Революционное правительство один за другим издавало законы в интересах людей труда. Одной из самых бесправных категорий трудящихся была до революции домашняя прислуга.

⁵² «Tiedonantoja», 15.II 1918.

⁵³ «Suomen asetuskokoelma», 1918, № 11, s. 3, 4.

⁵⁴ J. E. I. el. Op. cit., S. 54.

⁵⁵ Ibid., S. 132, 133.

Нанявшись к хозяину, прислуга оказывалась в такой полной зависимости от него, что уже не могла уйти до срока. В случае ее самовольного ухода хозяин мог на основании законов, изданных еще в 1865, 1879 и 1888 гг., добиться через суд заключения ее в тюрьму или оштрафования. Революция в первые же дни покончила с этой чуть ли не крепостной зависимостью. 31 января революционное правительство отменило упомянутые законы; прислуга получила право по своему желанию увольняться с предупреждением за две недели⁵⁶.

2 февраля был издан декрет, обязывающий предпринимателей выплатить рабочим зарплату за время забастовки, которой в некоторых местах было отмечено начало революции. Предпринимателям вменялось также в обязанность выплачивать рабочим зарплату, если последние становились безработными в результате локаута или по не зависящим от рабочих причинам⁵⁷. 11 марта был издан закон об обязательном соблюдении 8-часового рабочего дня, так как некоторые предприниматели нарушали принятый сеймом еще до революции закон о 8-часовом рабочем дне и устанавливали на своих предприятиях 9—10-часовой рабочий день⁵⁸.

Несмотря на то, что трудящиеся Финляндии добились политических прав для женщин еще в 1906 г., существовали преграды, мешавшие женщинам занимать общественные должности наравне с мужчинами. Революция сделала важный шаг к ликвидации фактического неравенства женщин и тем самым к расширению демократии. Декрет от 9 февраля гласил: «Настоящим отменяются все распоряжения и предписания, имевшие целью недопущение женщин на службу в государственных и общинных учреждениях. Отныне женщина, как замужняя, так и незамужняя, имеет равные с мужчиной права на занятие всех таких должностей и постов»⁵⁹.

Одной из самых трудных проблем, доставшихся революционному правительству в «наследство» от сената Свинхувуда, была проблема безработицы и обеспечения средствами к жизни трудящихся, которые еще не могли быть обеспечены работой. В первое время безработица даже возросла: ведь часть предпринимателей закрыла свои предприятия, и вновь пущены в ход они были не сразу. Во второй половине февраля число рабочих, имеющих работу, составляло в революционной Финляндии в среднем лишь три четверти по сравнению с кануном революции (в Або эта доля равнялась 88 %, в Таммерфорсе — 74 %, в Выборге — 67 %, в Гельсингфорсе — 58 %) ⁶⁰. Это значило, что в каждом большом (по

⁵⁶ J. Elie l. Op. cit., S. 128.

⁵⁷ «Финляндская революция». М., 1920, стр. 59.

⁵⁸ Э. Торниайнен. Рабочая революция в Финляндии. Краткий очерк развития революции и взгляд на причины ее крушения. М.—Пг., 1919, стр. 25.

⁵⁹ J. Elie l. Op. cit., S. 133.

⁶⁰ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 72.

финским масштабам) промышленном городе было по крайней мере больше тысячи безработных.

Революционное правительство приняло ряд эффективных мер, чтобы облегчить их положение. Были быстро организованы биржи труда. 6 февраля отдел труда СНУ опубликовал распоряжение о том, что прием на работы, организуемые государством или общинами, производится только через биржи труда или комитеты безработных. Правительство приняло решение о выдаче безработным денежного пособия в размере от 40 до 80 марок, в зависимости от степени нуждаемости, и о бесплатной раздаче безработным продовольствия и товаров. На пособия безработным было отпущено около 15 млн. марок; кроме того, общинам, особенно тем, в составе которых были крупные промышленные города, предоставлялись займы на сумму около 20 млн. марок для пособий безработным. Были организованы общественные работы, возобновили работу остановленные предприятия⁶¹. Сделать что-либо большее революционная власть вряд ли и могла.

Относительно промышленности в СНУ не было единодушия. Элоранта предложил ее национализировать, однако большинством в два голоса победила точка зрения, что национализация следует производить лишь в отдельных конкретных случаях⁶².

Революционной власти пришлось сразу же браться за организацию промышленного производства, которое частично было прекращено из-за саботажа предпринимателей. После окончания всеобщей стачки, ознаменовавшей начало революции, некоторые предприниматели все же не пустили свои предприятия, выдвигая иногда совершенно несостоятельные объяснения. Например, хозяева суконной фабрики в Экенэсе (Таммисаари) заявили, что фабрика не может работать из-за недостатка сырья, хотя до сих пор сырья хватало. В действительности, однако, саботаж проводился организованно по решению Всеобщего союза предпринимателей Финляндии. Рабочим механического завода Стенберга в Гельсингфорсе прямо объявили, что 4 февраля союз предпринимателей постановил не открывать заводы до тех пор, пока не станет возможной «нормальная предпринимательская деятельность»⁶³. Фабриканты хотели приостановить промышленное производство, еще больше увеличить безработицу, вызвать недовольство рабочих новой властью, дезорганизовать и ослабить экономику революционной Финляндии и вызвать ее крах.

Но они просчитались. Уже 3 февраля Гельсингфорский сейм рабочих организаций предложил профсоюзам позаботиться о налаживании деятельности промышленных и торговых предприятий, назначив туда своих уполномоченных; так как часть рабочих вступила в Красную гвардию, предлагалось заменить их безра-

⁶¹ «Suomen työväen vallankumous», s. 188, 189.

⁶² J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 88.

⁶³ «Tiedonantoja», 6.11 1918.

ботными, что облегчило бы и проблему безработицы. 5 февраля отдел труда СНУ в обращении к промышленным рабочим квалифицировал действия предпринимателей как контрреволюцию и заявил, что планы их будут сорваны совместными усилиями революционных рабочих.

Сами рабочие остановленных предприятий вовсе не собирались почитительно ждать, пока фабриканты соизволят возобновить работу. 15 февраля рабочие табачной фабрики Бургстрёма единогласно постановили, что, если хозяин не хочет пустить предприятие, они сделают это сами. На следующий день Совет уполномоченных Нюландской губернии обратился с призывом к комитетам и организациям социал-демократической партии вновь организовать работу всех неработающих предприятий. Рабочие машино- и мостостроительного завода в Валлила, спичечной фабрики в Мянтсяля, стекольного завода в Нуутаярви предложили СНУ возобновить деятельность этих предприятий. Революционное правительство поддержало эту инициативу снизу.

17 февраля отдел труда СНУ опубликовал положение о заводских и цеховых комитетах на предприятиях, возобновивших работу с разрешения СНУ⁶⁴. В каждом цехе должна была избираться тройка доверенных лиц (цеховой комитет). Руководители таких троек составляли заводской комитет. Его председателем являлся назначаемый Советом Народных Уполномоченных комиссар. Заводские и цеховые комитеты должны были следить за порядком на производстве, за поддержанием надлежащей интенсивности работы (т. е. производительностью труда), за охраной труда и соблюдением законов о труде и зарплате. Прием на работу и увольнение, а также установление расценок почасовой и сдельной оплаты производилось только по согласованию с цеховыми и заводскими комитетами. На комиссара же возлагалась обязанность руководить предприятием в целом, контролировать поступление сырья и заказов, следить за тем, чтобы администрация предприятия и те, кто практически руководил работами, выполняли свои обязанности (плохих работников он мог увольнять по согласованию с заводским комитетом). Комиссар мог созывать заводской комитет для обсуждения вопросов организации производства, повышения производительности труда, введения новых методов работы, изменения норм и расценок и т. п. Споры между рабочими и руководителями работ должна была разрешать комиссия под председательством комиссара, в которую каждая из сторон должна была избрать по два представителя. Споры между завкомом и комиссаром должен был разрешать отдел труда СНУ. Если рабочие считали, что комиссар или начальник конторы предприятия не соответствует своему назначению, они могли требовать его увольнения перед отделом труда

⁶⁴ «Tiedonantoja», 18.II 1918; «Työmies», 17.II 1918...

СНУ. Заводской комитет, комиссар и начальник конторы вместе с двумя представителями, которых назначал отдел труда СНУ, образовывали правление предприятия.

20 февраля были опубликованы дополнительные указания. Если рабочие желали пустить предприятие, они должны были оформить это как решение рабочего собрания и избрать комитет из трех — пяти представителей различных цехов, причем было желательно, чтобы один из членов этого комитета был способен руководить предприятием. Комитет должен был обратиться к предпринимателю с вопросом, желает ли он возобновить работу предприятия под контролем рабочих. В случае отрицательного ответа комитет должен сообщить об этом СНУ и просить разрешения на пуск предприятия.

При этом требовалось указать данные о запасах сырья, о количестве готовой продукции, о наличии заказов и т. п. В случае разрешения на пуск нужно было произвести инвентаризацию и после этого возобновить работу.

Мысль Энгельса о том, что буржуазия уже не является необходимым для производства классом⁶⁵, финские рабочие доказали пуском вопреки ей целого ряда заводов. В Гельсингфорсе возобновили работу мосто- и машиностроительный завод, электромеханический завод фирмы Стремберг, Николаевский механический завод, завод металлических изделий общества Сульберг, завод водопроводного оборудования фирмы Хуберг, верфи Хиэсталахден-Лайватокка и Лайваверви, типо-литография акционерного общества Тильгман; в Котка — электрозавод, завод электрокабелей, железнодорожные мастерские и т. д.

Предприятия, не закрытые их владельцами, были поставлены под контроль рабочих. Некоторые предприниматели, опасаясь конфискации предприятий, выбирали сотрудничество с новой властью, как меньшее зло: так стали работать таммерфорские фабрики, заводы Або и Хёгфорса, многие предприятия других промышленных центров. Руководители общества Кюми, владевшего крупными бумажными фабриками, сначала не согласились на пуск их в ход под рабочим контролем. Тогда рабочие избрали комиссию из девяти человек (по три представителя от каждой фабрики), и она наладила производство, фабрики стали выпускать бумагу. Большая часть служащих подписала обязательство, в котором выражала согласие работать под новым руководством. После этого и владельцы фабрик согласились признать СНУ законным правительством и выполнять его распоряжения. Они утверждали, что у них нет враждебных намерений против новой власти. Однако у этих «лояльных» фабрикантов были обнаружены целые склады винтовок, револьверов и патронов. В конце марта революционный трибунал в Коувола, рассмотрев

⁶⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 299.

дело об отказе этого акционерного общества уплатить рабочим зарплату за неделю стачки, вынес решение о конфискации его имущества⁶⁶.

Начатая буржуазией гражданская война вынудила рабочих выпускать на некоторых заводах не мирную, а военную продукцию. На железодельных заводах в Або изготовлялись трехдюймовые орудия и части для пулеметов. В Гельсингфорсе целиком на нужды войны работал Николаевский механический завод и отчасти верфь Хизталахден-Лайватокка и машино- и мостостроительный завод. Железнодорожные мастерские в Фредриксберге выпускали бронепоезда для Красной гвардии. Выпуск военной продукции особенно наглядно показывал, что революционные рабочие ведут производство наперекор буржуазии, которая, понятно, никак не хотела бы способствовать вооружению ненавистой ей Красной гвардии и укреплению военных сил революции.

За поддержанием общего порядка на производстве следили доверенные лица, избранные на самих предприятиях. Распоряжение об избрании доверенных лиц было издано отделом труда СНУ 6 февраля. Они были также обязаны наблюдать за тем, чтобы прием на работу осуществлялся через биржи труда или комитет безработных, чтобы каждый рабочий своевременно приходил на работу, не уходил с нее в рабочее время и выполнял поручения и указания руководителя работы. Рабочий, игнорирующий предупреждения доверенных лиц, мог быть ими уволен. Доверенные лица должны были улаживать споры, если таковые возникали между рабочими и руководителем работы.

Революционная власть стремилась укрепить трудовую дисциплину на предприятиях через доверенных лиц, через цеховые и заводские комитеты, а также обращаясь к революционному сознанию рабочих. В опубликованном 7 февраля воззвании отдела труда СНУ к организованным рабочим указывалось, что если прежде они работали на капиталистов, то «теперь дело изменилось в результате революции. Большая часть выполняемых работ является теперь для трудящихся — и прямо, и косвенно — своим делом. То общество, которое старается каждому своему члену гарантировать работу и защиту, вправе ожидать от каждого своего члена непоколебимого чувства долга... Сейчас, когда идет строительство новой, демократической и рабочей Финляндии, нам всем надо понять, что для этого требуются совместные усилия всех... Если мы хотим осуществить нашу обширную программу, обеспечить самих себя на случай нетрудоспособности и старости, развить производство в стране, чтобы обеспечить всем комфорт, то мы должны теперь напрячь силы. В первую очередь нужно с помощью технических усовершенствований повышать

⁶⁶ «Työmies», 30.III 1918.

производительность труда»⁶⁷. Значительно, что во время революции, как констатировал отдел труда СНУ, производительность труда на предприятиях Финляндии повысилась по сравнению с месяцами, предшествовавшими революции. Финский рабочий класс за очень короткое время, предоставленное ему историей — какие-то три месяца — наглядно показал, что он может наладить производство и быть хозяином.

Предметом забот правительства в области экономики были не только вопросы, немедленного решения которых властно требовала сама жизнь, но и проблемы, касавшиеся более отдаленных перспектив. Так, уже 8 февраля 1918 г. СНУ рассматривал предложение своего ведомства труда об организации финского торгового флота для торговых перевозок по Ладожско-Волжской водной системе⁶⁸, и ведомству труда было поручено принять необходимые меры. Другими словами, речь шла об использовании в будущем дешевых водных путей для расширения торговли с Советской Россией. Торговля с Россией имела и раньше огромное значение для Финляндии, и развитие ее отвечало интересам Финляндии. Был также организован Совет государственных работ, чтобы ведать, в частности, строительством каналов. Совет немедленно приступил к сбору сведений о начатых, но не законченных работах по строительству каналов⁶⁹. Было принято решение о поддержании в порядке шоссейных дорог; на это выделялась часть средств от подоходного налога. Вынужденные вести гражданскую войну, финские революционеры мечтали о будущем мирном строительстве, о развитии торговли и производительных сил страны.

Революция успела оказать благотворное влияние даже на народное образование. Оно проявилось по крайней мере в трех аспектах.

Во-первых, в заботе о беднейших школьниках. В феврале общинам было дано указание выделить бедным ученикам на питание и одежду по 10 марок на человека; государство с своей стороны отпускало на это еще по 20 марок⁷⁰. Правлениям школ рекомендовалось продумать способы привлечения для этого дополнительных средств за счет более состоятельных родителей.

Во-вторых, было покончено с засилием реакционеров и духовенства в школах. До революции в правлениях школ состояли представители эксплуататорских классов, а руководящую роль играли опытные или люди, находящиеся под их влиянием. Поэтому в школах царил дух формализма и нетерпимости к прогрессивным идеям. Уже в своей первой декларации от 29 января Совет Народных Уполномоченных заявил, что «в руководстве народным

⁶⁷ «Tiedonantoja», 6.II 1918.

⁶⁸ «Tiedonantoja», 9.II 1918.

⁶⁹ «Tiedonantoja», 11.III 1918.

⁷⁰ «Tiedonantoja», 18.II 1918.

просвещением должно быть устранено все реакционное»⁷¹. Революционное правительство разъяснило, что, поскольку большинство в школах составляют дети трудящихся, трудящиеся должны оказывать и решающее влияние на руководство народными школами. В правления школ должны избираться люди, пользующиеся их доверием⁷². Это и было осуществлено, в школьные советы были введены прогрессивно настроенные люди. Передовое учительство и трудящиеся встретили эти меры с большим удовлетворением.

В-третьих, была начата перестройка всего школьного обучения. Об этом ходатайствовало само передовое учительство, которое лишь теперь смогло поднять голову. Например, коллектив школы в Янаккола-Хювиккяля на своем собрании 20 февраля выразил следующие пожелания: 1) отменить преподавание закона божьего; 2) изучение истории не должно представлять собой лишь рассказ о жестоких войнах, проникнутый восхищением перед правителями; на первое место должно быть выдвинуто изучение истории народов, их культуры; 3) как можно быстрее включить в число учебных предметов науку об обществе. Подобные пожелания снизу были учтены⁷³. 11 марта финляндский совет по делам школ опубликовал указания, в которых с одобрением говорилось об инициативе правлений многих школ, уже прекративших преподавание закона божьего, отменивших утреннюю и вечернюю молитвы в школе, заучивание и пение псалмов и посвящавших это время изучению родного языка, естествознания и т. п. Далее говорилось, что из материалов для чтения по родному языку необходимо исключить те, которые не соответствуют классовым понятиям трудящихся, и включить такие, которые побуждали бы учащихся хорошо трудиться и выполнять свой долг. При обучении истории нужно перестать изображать королей и князей церкви в качестве благодетелей народа. В исторической литературе короли ставятся в центре событий, хотя, говорилось в инструкции, чаще всего они не совершали ничего такого, что давало бы им право на большее, чем простое упоминание только ради фактической точности. При изучении крестовых походов нужно подчеркивать их захватнический и грабительский характер. Рекомендовалось зато шире показывать народные движения и борьбу между различными классами в обществе, а также уделять внимание экономическому развитию, изменению форм производства. Указывалось на необходимость более основательного изучения естествознания⁷⁴. Таким образом, революция означала для финской школы переход на более высокую

⁷¹ И. И. Сюкияйнен. Революционные события..., стр. 294, 295.

⁷² «Tiedonantoja», 25.II, 16.III 1918.

⁷³ «Tiedonantoja», 25.II 1918.

⁷⁴ «Tiedonantoja», 11.III 1918.

ступень и в смысле ее демократизации, и в смысле повышения научного уровня преподавания общественных наук.

И так во всех областях жизни, которых коснулась революция, — она проделала положительную и прогрессивную работу, направленную к благу трудящихся и соответствующую правильно понятым интересам народа.

Однако тогдашняя буржуазная пропаганда и последующая буржуазная историография ставила целью всяческое очернение революции. Одним из приемов была клевета на ее руководителей. Их изображали изменниками, агентами большевиков. В отношении некоторых из них выдвигались столь же нелепые дополнительные обвинения. Примером служит следующее сообщение норвежской газеты «Дагбладет»: «Не следует, однако, удивляться тому, что красные поступают так бессердечно и бесчеловечно. Ведь перед ними пример их главнокомандующего, «генерала» Токоя. Пять лет назад он был приговорен к пожизненному заключению за убийство своего брата. Он отсидел три с половиной года и был освобожден революцией»⁷⁵. Токой не совершал убийства, не сидел в тюрьме; до Февральской революции он был не только депутатом сейма, но в 1913 г. и председателем его, а в 1917 г. являлся вице-председателем сената; во время революции он был вовсе не военным, а ведал продовольствием. Ю. Сирола в «Хувудстадбладет» был назван «агентом Антанты» (?), и т. п. Но эти поклепы были тогда пущены в ход в пылу ожесточенной борьбы. Удивление вызывает современный американский историк К. Дж. Смит, который по прошествии десятилетий смог написать следующее: «В начале революции подвалы Финляндского банка были взломаны — операция, выполнение которой облегчалось благодаря тому, что министр финансов Эдв. Гюллинг в прошлом был вором-взломщиком»⁷⁶. Эдвард Гюллинг был известным и уважаемым в Финляндии человеком: в 1908—1909, 1911—1914 и 1917—начале 1918 г. он — депутат сейма, причем в 1917 г. был председателем бюджетной комиссии сейма. С 1910 г. он — доцент Гельсингфорского университета⁷⁷. В социал-демократической партии он считался специалистом-аграрником и являлся автором научных трудов и партийных документов. Так что если в связи с замечанием Смита и возникают сомнения в чьей-то порядочности, то во всяком случае не в порядочности Гюллинга.

Моральный облик руководителей финляндской революции, их скромность и отсутствие у них корыстных интересов достаточно

⁷⁵ «Dagbladet», 30.IV 1918. Цит. по: B. Jullum. Revolutionen i Finland. Hvordan kapitalistklasse fremprovoserte borgerkrigen. Kristiania, 1918, s. 21.

⁷⁶ C. J. Smith. Finland and the Russian Revolution. 1917—1922. Athens, Ga. [USA], 1958, p. 56.

⁷⁷ «Ottavan iso tietosanakirja», 3. osa. Helsinki, 1962, s. 215; «Известия Гельсингфорского совета...», 25(12).XII 1917.

характеризует такой факт. Главный Рабочий Совет установил членам Совета Народных Уполномоченных зарплату в размере 1500 марок в месяц и добавку на дороговизну в сумме 500 марок. СНУ, рассмотрев этот вопрос на своем заседании 23 февраля, предложил Главному Рабочему Совету снизить зарплату членам СНУ до 1200 марок, а добавку платить на жену, если она нигде не работает, 100 марок и на каждого члена семьи моложе 16 лет — 25 марок; если жена работает, добавка на нее не выплачивается. Тем самым зарплата члена правительства приравнивалась к зарплате красногвардейца-артиллериста. В случае болезни или смерти члена правительства предлагалось выплачивать его семье такое же пособие или пенсию, как и семье погибшего красногвардейца. 25 февраля Главный Рабочий Совет утвердил это предложение. Члены какого буржуазного правительства поступили когда-либо подобным образом?!

Другим приемом дискредитации финляндской революции было изображение ее в буржуазной пропаганде и историографии как разгула дикой стихии жестокости и убийства. В действительности финляндские революционеры были воодушевлены идеалами гуманности и справедливости. Предупреждение о недопустимости жестокости было неременной частью чуть не каждого революционного воззвания. Гуманизм руководителей революции особенно ярко проявился в том, что в первые же дни своего существования Совет Народных Уполномоченных издал закон об отмене смертной казни. «Грубая жестокость не должна запятнать наш высокий идеал, — говорилось в мотивировочной части этого закона. — ...Социал-демократически мыслящий пролетариат везде возвышал свой голос против смертной казни, он всегда заявлял, что смертная казнь есть нетерпимая жестокость и преступление против жизни». Сам закон был сформулирован поразительно кратко:

«§ 1. Смертная казнь отныне не применяется.

§ 2. Вместо смертной казни суды применяют лишение свободы»⁷⁸.

Сотни томов буржуазной литературы, фальсифицирующей историю революции и гражданской войны в Финляндии, не смогут заставить человечество забыть об этих неизменно замалчиваемых буржуазными авторами лаконичных двух пунктов закона рабочего правительства. Взяв власть, пролетариат не только не собирався использовать ее для мести своим классовым врагам, принесяшим ему столько горя, но выразил отвращение ко всякой жестокости. Можно упрекать революционное правительство в наивности, идеализме, непонимании необходимости в известных условиях и террора для обеспечения победы нового общественного строя, но в одном ему нельзя отказать: в человечности, в намере-

⁷⁸ J. E. I. el. Op. cit., s. 134, 135.

нии покончить с жестокостью, которой так богата история господства эксплуататорских классов.

Революционные власти сделали поистине все, что было в их силах, чтобы не допустить на контролируемой ими территории актов мести, жестокости, грабежей и т. п.

Прежде всего они апеллировали к сознательности трудящихся, публикуя обращения и статьи, в которых призывали рабочих не только самим не становиться на путь мести и анархических действий, но и пресекать подобные действия преступных элементов, так как такие действия наносят огромный ущерб революции.

2 февраля революционное правительство в обращении к трудящимся подчеркивало, что, хотя жестокости белых и возбуждают ненависть и желание мести, от мести нужно удерживаться. «Если мы в этом случае будем платить той же монетой, то мы запятнаем высокие идеалы рабочего класса и повредим самой революции». В доказательство правильности такой позиции Совет Народных Уполномоченных ссылался на пример большевиков. «Когда недавно в Петрограде стало известно о двух случаях такого самосуда, виновниками которого оказались солдаты и красногвардейцы, то революционные власти расценили эти действия как тягчайшее преступление и против виновных были приняты строжайшие меры наказания»⁷⁹.

2 февраля, в тот же день, когда Совет Народных Уполномоченных объявил Красную гвардию государственной вооруженной организацией, призванной охранять завоевания революции, главное командование Красной гвардии обратилось к красногвардейцам и всем рабочим с воззванием. Враги революции, говорилось в этом воззвании, пытаются всячески дискредитировать революцию. Они организуют провокации и тайными выстрелами из-за угла заставляют рабочих прибегать к насильственным действиям. «Товарищи! Рабочие! — говорилось в воззвании. — Будьте бдительны, пусть такие провокации не выводят вас из равновесия! Наш чистый боевой щит должен оставаться незапятнанным, в нашей борьбе мы должны постоянно помнить о том, чтобы, несмотря на все провокации, сохранить величие и благородство нашего знамени, как того требует наш идеал. Лишь так сможем мы отбить последнюю попытку врагов. Поэтому, товарищи, необходимо соблюдать железную дисциплину! Нужно следить за тем, чтобы никто из нас не позволил совлечь себя с пути и увлечь на действия, которые могли бы опозорить нашу великую борьбу». Дальше предписывалось следующее:

«1. По отношению к невооруженным военнопленным строго воспрещается всякое применение насилия.

⁷⁹ J. E. I. el. Op. cit., S. 135, 136; «Tiedonantoja», 2.II 1918.

2. Все преступники за преступления, совершенные во время революции, должны передаваться военным судам рабочего класса. Это относится и к взятым в плен врагам; плохое обращение и несправедливость по отношению к ним недопустимы. К этому обязывает нас честь революционного народа. Создаваемые теперь же военные суды расследуют и разбирают также все преступления контрреволюционеров; самовольная месть со стороны отдельных красногвардейцев строго воспрещается»⁸⁰.

Совет социал-демократической партии в постановлении от 4 февраля указывал на необходимость энергично «пресекать анархические и самовольные действия», ибо «анархия является худшим врагом рабочего класса, и революция вовсе не то же самое, что преступное насилие». Популярный деятель социал-демократической партии Юрье Мякелин опубликовал за своей подписью обращение к народу, в котором подчеркивал, что борцы за свободу и демократию должны быть выше своих противников в нравственном отношении. «Чувство мести должно быть чуждо борцу за дело пролетариата... Своим оружием рабочий должен удерживать все дурные элементы, которые обыкновенно выплывают наружу в революционные времена. К таким принадлежат, например, грабители... Они не менее опасны для пролетариата, чем те, кто в настоящее время с оружием в руках борются против рабочих..., так как многие даже из тех, кто относится с симпатией к стремлениям рабочего класса, будут по недоразумению преступления этих элементов приписывать рабочим. Мы хотим быть уверены в том, что мы перед богом истории и перед международным пролетариатом осмелимся отвечать за каждый выстрел, сделанный из наших рядов»⁸¹.

Однако революционные власти не ограничивались одними призывами, а принимали действенные меры против тех, кто не вял словам. В упомянутом обращении Главного командования Красной гвардии говорилось, что «все без исключения позволившие себе совершить такие поступки (речь идет об актах мести, о плохом обращении с пленными врагами. — В. Х.), подлежат строгому приговору революционного суда»⁸². В заявлении выборгских рабочих организаций и местного штаба Красной гвардии также говорилось: «Строго запрещается совершение отдельными лицами насильственных действий и бесчинств... Во всех случаях преступников немедленно предавать суду»⁸³. О недопустимости самовольных расправ с взятыми в плен врагами говорилось и в приказе по Красной гвардии от 10 февраля.

Совершались ли, несмотря на все это, жестокости в красной Финляндии? Этого никогда не отрицали и красные. Но эти же-

⁸⁰ J. Eliel. Op. cit., S. 144, 145; «Tiedonantoja», 2.II 1918.

⁸¹ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 23.II 1918.

⁸² J. Eliel. Op. cit., S. 144, 145.

⁸³ «Työmies», 30.I 1918.

стокости имели место не по указанию и не при попустительстве командования и правительства, как это было в белой Финляндии, а наоборот, вопреки самым категорическим предупреждениям и запрещениям правительства, командования и революционных властей, да и совершали такие действия не организованные рабочие, а главным образом не имевшие ничего общего с рабочим классом подонки буржуазного общества, уголовные элементы да анархисты, всегда использующие обстановку больших социальных потрясений для своих преступных целей. Чтобы не возбуждать подозрений, они принимали вид красногвардейцев, а для этого достаточно было нацепить красный бант на шапку; ведь формы у Красной гвардии не было, одеты были кто как (за исключением части красногвардейцев, которым достались присланные из Петрограда шинели). Часть таких негодяев смогла проникнуть и в Красную гвардию, но для очищения от них принимались все меры. 21 февраля главнокомандующий и начальник штаба Красной гвардии издали приказ, где говорилось: «В ряды нашей революционной армии пролезли элементы, которые сознательно стоят на анархистских позициях или хотят использовать возможность для достижения своих личных выгод и которые готовы с оружием в руках совершать грабежи, убийства и другие злодеяния. Эти элементы нужно немедленно удалить из наших рядов, как заклятых врагов революции. Поэтому приказываем, чтобы командующие всех округов, местных отрядов и фронтов, а также начальники штабов немедленно приняли самые энергичные меры для удаления преступных элементов из рядов гвардии»⁸⁴. Предпринималось ли белофинским начальством что-нибудь подобное этим мерам, хотя в белой армии преступления были не единичными, а массовыми? Нет.

Чтобы ликвидировать одну из главных причин преступлений, революционные власти приняли решительные меры против продажи и употребления спиртных напитков. Еще в приказе № 1 Исполнительного комитета штабу Красной гвардии, отданном накануне революции, 26 января, содержалось такое указание: «Склады спиртных напитков при нахождении уничтожаются. Грабежи немедленно подавляются вооруженной силой»⁸⁵. 30 января народный уполномоченный по внутренним делам Э. Хаапалайнен издал распоряжение, где со свойственной декретам финляндской революции энергичной краткостью было сказано: «1. Лица, предлагающие спиртные напитки бойцам, привлекаются к революционному суду для наказания. 2. У всякого, кто имеет спиртные напитки, кем бы он ни был, последние отбираются и уничтожаются»⁸⁶. Это лаконичное распоряжение выполнялось самым буквальным образом. Только в Або, например,

⁸⁴ «Tiedonantaja», 22.II 1918.

⁸⁵ «Красный архив», 1940, т. 2(99), стр. 34, 35.

⁸⁶ J. E. I. el. Op. cit., S. 150, 151.

красногвардейцы конфисковали и вылили на землю спиртных напитков на 2 млн. марок⁸⁷. Видимо, это был перегиб: вина могли пригодиться для подкрепления сил раненых. Но в неукоснительном уничтожении спиртных напитков проявилось давнее стремление рабочего класса Финляндии покончить с употреблением алкоголя. Еще в конце 90-х годов прошлого века в Финляндии развернулось массовое движение против производства и продажи спиртных напитков. В 1907 г. социал-демократам удалось даже добиться принятия сеймом соответствующего закона, но он не был окончательно утвержден из-за сопротивления влиятельных кругов буржуазии. В 1917 г. такой закон вступил в силу, но буржуазия тайно нарушала его. Взяв власть, пролетариат силой заставил ее соблюдать этот закон и пресек возможности для спаивания неустойчивых элементов и для распространения преступлений, большая часть которых обычно совершается в состоянии опьянения.

Для предотвращения грабежей было введено ночное патрулирование красногвардейских троек. Принятые меры подействовали: преступники убедились, что с революционной властью шутки плохи. Статистика показала, что при революции преступность сократилась, как это наблюдалось и в Париже в дни Коммуны. Если в январе 1918 г. в Гельсингфорсе было совершено 769 преступлений, причем стоимость украденных ценностей составляла 471 059 марок, то в феврале число преступлений снизилось до 468, а стоимость украденных вещей — до 158 819 марок. В Або, как сообщала милиция, преступность с началом революции почти совсем исчезла. За две недели февраля было совершено лишь два преступления, тогда как прежде ежедневно задерживали шесть-семь преступников⁸⁸.

Для рассмотрения преступлений против революции декретом от 1 февраля были созданы революционные суды, которые должны были действовать временно до создания общего демократического судопроизводства. Каждая община создавала свой революционный суд, состоящий не меньше чем из четырех членов, избираемых из лиц, отличающихся честностью и правдивостью. Обвиняемому предоставлялось право иметь защиту, причем если он не использовал свое право, то защиту назначал ему суд. «Революционный суд, — говорилось в § 6 этого декрета, — основывает свой приговор на заслуживающих доверия показаниях свидетелей, на правдивых фактах, причем суд должен принимать во внимание характер обвиняемого, а также особые обстоятельства дела и другие факторы, особенно то обстоятельство, в какой мере это действие наносит ущерб интересам рабочего класса и революции»⁸⁹.

⁸⁷ Ibidem; «Tiedonantoja», 25.II 1918.

⁸⁸ «Правда», 22(9).II 1918.

⁸⁹ J. E. Iiel. Op. cit., S. 129, 130.

Суд имел право накладывать такие наказания: лишение собственности, свободы или каких-либо личных или общественных прав или преимуществ. Смертная казнь и телесные наказания исключались. Обвиняемый имел право в течение 20 дней после объявления приговора обжаловать его. Верховный суд мог и без апелляции осужденного отменить или изменить приговор. Суд мог отложить исполнение приговора с перспективой его полной отмены в случае, если данное лицо в течение определенного времени не провинится снова⁹⁰.

Таким образом, несмотря на обстановку ожесточенной борьбы, революционный пролетариат не отказывал даже своим активным врагам, дела которых должны были рассматривать революционные суды, в справедливом рассмотрении дела. 4 февраля ведомство юстиции призвало местные власти к срочному созданию революционных судов, чтобы предотвратить «произвол, несправедливость и самосуды»⁹¹.

Но создав революционный суд, чтобы карать преступления против революции, революционное правительство не создало органа типа ЧК для того, чтобы раскрывать тайные преступления контрреволюции. Поэтому в поле зрения революционной власти попадали лишь явные контрреволюционные действия. Это создавало благоприятные условия для тайной деятельности классовых врагов пролетариата, тем более, что даже в случае поимки с поличным им не грозила смертная казнь, а только арест, которого они не так уж боялись, надеясь, что Маннергейм с иностранной помощью быстро подавит революцию. Буржуазные авторы в своих мемуарах откровенно рассказывают, как находившаяся в тылу у красных буржуазия активно занималась подрывной, шпионской и диверсионной деятельностью, широко пользуясь недостаточной бдительностью и строгостью революционных властей.

Представление руководителей финляндской революции о государственном строе той будущей Финляндии, за которую они вели тяжелую борьбу, отразилось в опубликованном 23 февраля проекте конституции. В обращении к народу в связи с его опубликованием правительство сообщало, что после окончания гражданской войны оно намерено провести референдум для принятия предлагаемой конституции. В референдуме должны будут участвовать все достигшие 20-летнего возраста — следовательно, и буржуазные классы. «Посредством этого финляндский народ будет иметь возможность публично высказаться, стоит ли он за действительную демократию и какая часть народа еще высказывается за ликвидированное господство высших классов», — говорилось в этом обращении. «Пришло время основа-

⁹⁰ J. Eliel. Op. cit., S. 129, 130.

⁹¹ Ibid., S. 131.

тельно подумать, решаете ли вы в пользу дальнейшего господства крупных акционеров, финансовых воротил и крупных землевладельцев, хотите ли вы поддержать мощь бюрократии и власть угнетателей дворянства и их сторонников!»⁹² Впрочем, революция и гражданская война ясно показывала, что рабочие и деревенская беднота не хотят господства прежних эксплуататорских классов, а сами эти последние стараются восстановить свое господство, о чем убедительнее референдума говорила их вооруженная борьба.

Согласно проекту конституции, Финляндия — республика (ст. 1), в которой вся государственная власть принадлежит народу. Высшая власть в государстве принадлежит однопалатному народному представительству (ст. 2) из 200 депутатов, избираемых прямым голосованием по округам пропорционально численности населения. Выборы должны производиться каждые три года, но народное представительство имеет право назначать их и раньше этого срока (ст. 16). Пассивным и активным избирательным правом, а также правом голоса при референдуме пользуются все граждане с 20-летнего возраста (ст. 17). Правительство не правомочно ни созывать, ни распускать народное представительство; эти вопросы может решать только оно само (ст. 18).

Народное представительство должно избрать из своей среды ряд комиссий, в том числе комиссию для контроля за деятельностью правительства и соблюдением законов в стране (ст. 20). Народное представительство имеет право в любое время проверить решение правительства и либо утвердить его, либо отменить и заменить другим (ст. 26).

Таким образом, вся деятельность правительства должна была находиться под контролем народного представительства, первое было лишь исполнительным органом последнего. На случай чрезвычайных обстоятельств народное представительство обладало весьма широкими полномочиями (ст. 41 и 42).

На случай злоупотребления депутатами доверием народа и совершения ими государственного переворота проект содержал ст. 43, гласившую: «Если произойдет невероятное и само большинство народного представительства захочет полностью уничтожить эту конституцию и путем нарушения этих установлений передать страну насильственной диктатуре меньшинства, то народ должен разогнать такое представительство и позаботиться о том, чтобы в течение трех месяцев были проведены новые конституционные выборы и избрано новое народное представительство. Депутаты, избранные на таких выборах, в течение месяца собираются в сейм, и первым актом такого сейма должно быть торжественное подписание всеми присяги народу следующего

⁹² Ibid., S. 152.

содержания: «В случае несоблюдения и неверного осуществления доверенной народом власти согласно одобренной народом конституции я подлежу суду народа»⁹³.

Проект конституции предусматривал широкие возможности для проявления народной инициативы в области законодательства и решения важных государственных вопросов. Народ мог вносить новые законопроекты не только через избранных им депутатов, но и непосредственно; такой законопроект должны были подписать 10 тыс. человек, пользующихся правом голоса; народное представительство обязано было рассмотреть его в срочном порядке (ст. 45). Закон мог быть поставлен и на народное голосование, если требование об этом поддерживали не менее трети депутатов народного представительства или не менее 5% избирателей от числа голосовавших на последних выборах (ст. 48). Путем референдума могло быть отменено любое решение народного представительства, правительства и любой другой инстанции, а также любой судебный приговор; требование о постановке этих решений на народное голосование должно было быть поддержано также 5% избирателей (ст. 51).

Правительство должно было избираться на три года (ст. 58, 59). Чиновники государственных учреждений назначались или избирались на пять лет, но в случае плохого выполнения своих обязанностей могли быть смещены раньше истечения этого срока (ст. 52—54). Вооруженные силы должны были подчиняться гражданскому управлению и не должны были вмешиваться в конфликты между рабочими и работодателями (ст. 11).

Проект конституции содержал ряд статей, ограждающих права личности: ст. 12 и 13 ограждали граждан от произвольного ареста и незаконного осуждения, ст. 14 отменяла смертную казнь, телесные наказания и наказания, наносящие ущерб здоровью; ст. 15 ограждала права национальных меньшинств.

Несмотря на то, что в проекте конституции был последовательно проведен принцип демократизма и продуманы гарантии против возможных попыток злоупотреблений властью и доверием народа, проект имел весьма существенный недостаток. Он, как и декларация революционного правительства от 29 января, не предусматривал ликвидации экономической мощи эксплуататорских классов, национализации средств производства, фабрик, заводов, банков, не предусматривал социалистического преобразования экономической основы общества. Но классы, господствующие экономически, в состоянии добиться и добиваются и политического господства, в результате чего в обществе, где существует капиталистическая эксплуатация «государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих клас-

⁹³ Текст проекта конституции см. в кн.: J. Elie. *Op. cit.*, S. 153—169.

сов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих»⁹⁴.

Оценивая позже, в 1949 г., этот проект конституции, О. В. Куусинен писал: «Опубликованный нами во время революции 1918 г. проект демократической конституции, который был подготовлен мной, заслуживает, конечно, критики, но не потому, что он был демократичен, а потому, что он был недостаточно демократичен, иначе говоря, прежде всего потому, что в нем не было важнейших реальных гарантий действительной демократии, таких, как взятие крупных промышленных предприятий и банков в руки принадлежащего народу государства, конфискация земельных угодий и лесов у крупных землевладельцев и лесопромышленных обществ и т. д.»⁹⁵.

Даже противники революции не замечали в проекте конституции радикальных изменений политического строя. Так, Х. Седерьельм, анализируя его, приходил к выводу, что «красные не думали ни о какой социальной революции», ибо этот проект «ничего не говорит о национализации средств производства»⁹⁶. В. Таннер характеризовал проект как «австро-марксистский»⁹⁷. В. Хютönen отмечал, что согласно конституции сейм предполагалось оставить почти без изменений⁹⁸. Седерьельм не отрицал, что «проект, несомненно, демократичен». Это важное признание контрреволюционного автора опровергает клевету буржуазной пропаганды, будто революционеры были противниками демократии и хотели установить власть меньшинства. Отмечая последовательно проведенный в конституции принцип контроля народа над властью, Седерьельм писал: «С психологической точки зрения он (проект конституции. — В. Х.) представляет собой возведенное в систему недоверие. Исходят из предположения, что всякий, кто обладает властью, стремится только к тому, чтобы ею злоупотреблять, поэтому он должен находиться под эффективным контролем «народа»»⁹⁹. Именно этот ненавистный реакции принцип демократического контроля над облеченными властью и является крупнейшим достоинством проекта конституции, делаая его гораздо более демократичным, чем конституция любого буржуазного государства.

Обстановка ожесточенной классовой борьбы заставила рабочее правительство действовать более революционно, чем предусматривали его программные документы. Столкнувшись с саботажем чиновников на железных дорогах, в банках и в других

⁹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 18, стр. 253.

⁹⁵ O. W. Kuusinen. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta, 1949, s. 30, 31.

⁹⁶ H. Söderhjelm. Op. cit., S. 132, 133.

⁹⁷ «Suomen sosialidemokraattinen työväenliike 1899—1949». Helsinki, 1949, s. 174, 175.

⁹⁸ V. Hytönen. Op. cit., s. 61.

⁹⁹ H. Söderhjelm. Op. cit., S. 132, 133.

учреждениях, с саботажем предпринимателей и нанятого ими технического персонала, революционная власть приняла меры, которые диктовались необходимостью и здравым смыслом: она устранила старый буржуазный аппарат и заменила его аппаратом, созданным из рабочих. Буржуазные газеты уже в первую неделю революции (2 февраля) были «пока» закрыты¹⁰⁰, буржуазные организации распущены, буржуазия была фактически лишена политических прав. Таким образом, сама логика борьбы привела к тому, что финляндские революционеры, не говорившие ни слова в своих программных документах о диктатуре пролетариата, на практике все-таки осуществляли диктатуру пролетариата, хотя и недостаточно твердую и последовательную.

ЦК КПФ в обращении «40 лет рабочей революции в Финляндии» отмечал: «Рабочая революция в Финляндии по своему характеру была социалистической, хотя у революционного правительства в начале борьбы и не было ясной социалистической программы»¹⁰¹. В 1963 г. председатель компартии Финляндии А. Аалтонен на митинге в Або, посвященном 45-й годовщине финляндской революции, отметил, что «созданная финляндской революцией форма власти представляла собой действительно народную власть. Ее основу составляли избранные организованными рабочими представительства рабочих организаций. Эта форма власти имела значительные отличия от установившейся в России. Ленин говорил о ней, что это новая, пролетарская форма... Финляндская рабочая революция, несмотря на некоторые свои слабости, по своему основному характеру была социалистической»¹⁰².

* * *

Революционная Финляндия осуществляла и внешние сношения: обращалась к международному пролетариату, вступала в определенные отношения с другими странами, революционными и буржуазными. Сразу же после взятия власти рабочий класс Финляндии направил братские приветствия трудящимся тех двух стран, где уже существовали советские правительства — России и Эстонии. В обстановке капиталистического окружения три революционные республики были связаны горячими классовыми симпатиями, общностью целей и сознанием необходимости взаимной поддержки. Каждая из них готова была оказывать бескорыстную посильную помощь другой, но возможностей для этого у всех было мало. (О дружественных отношениях между революционной Финляндией и Советской Россией будет сказано ниже.) Советское правительство Эстонии прислало революционному правительству Финляндии следующее приветствие: «Рабо-

¹⁰⁰ J. Elie l. Op. cit., S. 125, 126.

¹⁰¹ «Новая и новейшая история», 1958, № 2, стр. 122.

¹⁰² «Kansan Uutiset», 27.I 1963.

чие Эстонии, свергнувшие в декабре буржуазную власть, протягивают вам с другой стороны залива товарищескую руку. Да здравствует рабочая диктатура! Да здравствует международная рабочая советская власть!»¹⁰³. Эстонские товарищи, которые сами вели борьбу не на жизнь, а на смерть с силами контрреволюции, все же снарядили в помощь финским революционерам военное судно; однако оно было захвачено белофиннами¹⁰⁴. Позже, когда 23 февраля белоэстонцы взяли Таллин и Эстонская Коммуна пала, часть эстонских революционеров прибыла на судах в Финляндию. Здесь они сразу же заявили: «Мы собираемся вступить в вашу Красную гвардию, чтобы бороться против буржуазии вашей страны»¹⁰⁵. В Финляндии уже и до этого был создан из проживавших там эстонских рабочих эстонский краснопартийский отряд численностью около 200 человек, с начала революции вошедший в финскую Красную гвардию. Его руководители Э. Тейтер, Р. Кийман, Триип и Хаузен являлись советниками при ее штабе. Эстонцы проявили большое мужество в борьбе против германских интервентов¹⁰⁶.

Комитет социал-демократической партии Финляндии обратился через Международную социалистическую комиссию в Стокгольме к пролетариату всех стран. Сообщая о совершившейся в Финляндии революции и о программе революционного правительства, социал-демократическое руководство ставило вопрос о том, что имело теперь жизненное значение для судьбы финляндской революции — о практических действиях международного пролетариата в ее защиту.

«Имущие классы Финляндии,— говорилось в обращении,— апеллируют тоже к международной солидарности эксплуататорских классов и стараются получить помощь от некоторых иностранных правительств. Финляндский пролетариат надеется, что ни в одной стране классово сознательный пролетариат не окажет военной помощи финской буржуазии против финского рабочего класса. Мы надеемся также на то, что товарищи из тех стран, которые имеют экономические связи с Финляндией, сделают все от них зависящее, чтобы помешать уморить голодом финских рабочих».

В обращении опровергались распространяемые буржуазией слухи о том, будто в революционной Финляндии царит хаос и анархия: «Мы доводим до вашего сведения, что в стране царит революционный порядок, который поддерживается Красной гвардией, и что порядок нарушается только провокациями бур-

¹⁰³ «Suomen luokkasota. Historiaa ja muistelmia». Toim. A. Halonen. Superior, Wis. [USA], 1928, s. 52.

¹⁰⁴ Ibidem.

¹⁰⁵ «Tiedonantoja», I.III 1918; «Työmies», I.III 1918.

¹⁰⁶ Г. И. Мосберг. Из истории связей эстонских и финских трудящихся (до 1918 г.) — «Скандинавский сборник», V. Таллин, 1962, стр. 161.

жуазной контрреволюции. Революционные рабочие уважают права иностранцев, и только мятежи буржуазии против правительства рабочих вызывают нарушение порядка»¹⁰⁷.

В заключительной части воззвания говорилось: «Подобно тому, как эксплуатация и угнетение являются интернациональным, и борьба против них должна носить интернациональный характер. Кровь финских и русских революционеров льется теперь в общей борьбе против угнетателей. Мировая война увеличила предпосылки для интернационального действия, так как это действие стало необходимостью. Из страны в страну распространяется революционное движение рабочего класса. Когда оно разовьется во всеобщую международную революцию?

Рабочие! Мужчины и женщины! Вы, которые организовались на принципе классовой борьбы, чтобы свергнуть капитализм, прислушайтесь к голосу русского пролетариата, который зовет вас к борьбе. Поднимайтесь против власти господствующих классов, против этой роковой ужасной силы, которая именно при помощи своей системы эксплуатации и угнетения ввергла человечество в нищету и ужасы мировой войны. Кончайте войну, свергайте капиталистические правительства, принимайте участие в руководстве обществом на благо рабочего класса и всего человечества! Особенно обращаем мы, рабочие маленькой страны, наш боевой призыв к вам, рабочие крупных капиталистических стран; спасите человечество от гибели! Дело идет о благе растущих поколений! Борьба рабочих масс должна распространяться от страны к стране.

Да здравствует международная социалистическая революция!»¹⁰⁸.

Призыв этот звучал в то время отнюдь не утопией. Положение рабочих воюющих европейских стран, особенно центральных держав, было вряд ли лучше, чем положение финских рабочих, и не было сомнения, что революция зреет и там. Уже кое-где замечались признаки приближения ее вулканической деятельности. Ведь австрийские рабочие еще до финляндской революции, а германские почти одновременно с ней поднялись на всеобщую забастовку. Сама революция в Финляндии оказывала известное революционизирующее влияние на международную обстановку, хотя по силе этого воздействия ее, конечно, нельзя и сравнивать с Октябрьской. Финляндская революция еще больше подчеркивала и усиливала впечатление от Великого Октября, представ-

¹⁰⁷ J. Elie. Op. cit., S. 89—91. Клевету об анархии в революционной Финляндии опровергали, впрочем, даже некоторые враги революции. Так, немецкий адмирал Мойер писал, что красные «заботятся о поддержании известного порядка. Общие грабежи не допускаются. Средства сообщения содержатся в порядке» (цит. по кн.: F. Beyer. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige Intervention. Braunschweig — Berlin — Hamburg, 1928, S. 101).

¹⁰⁸ J. Elie. Op. cit., S. 89—91.

ляя собой как бы его продолжение и распространение на запад. Впрочем, на некоторые отряды международного рабочего движения большое революционизирующее влияние оказала именно финляндская революция. Речь идет о финских рабочих в США и Канаде. Известие о революции на их родине вызвало у них большое воодушевление. Тиражи финских рабочих газет в этих странах сразу резко возросли. Канадские финны прислали СНУ следующую телеграмму: «С глубоким сочувствием мы следим за вашей героической борьбой. Надеемся на вашу окончательную победу, желаем вам помочь»¹⁰⁹. Финские рабочие Канады и США действительно оказали помощь, они собрали средства для «Бюро Нуортева» (о нем ниже), распространяли правдивую информацию о финляндской революции и разоблачали клевету на нее. «Финляндская революция, — говорилось в книге «Классовая война в Финляндии», изданной в 1928 г. в США, — дала урок большевизма финским трудящимся Америки. Без классовой войны в Финляндии финские трудящиеся Америки не познакомились бы с революционным движением и не поняли бы необходимости коммунистической партии в такой мере, как они понимают это сейчас»¹¹⁰.

Революция в Финляндии воодушевила и рабочих некоторых европейских стран. Это видно, например, из воззвания венгерских революционных социалистов, опубликованного сразу после начала революции в Финляндии. В нем говорилось: «Следуя примеру наших русских товарищей, и наши финские товарищи поднимают знамя революции. Они прогнали свое буржуазное правительство... Социалистическая революция вспыхнула и на Украине, и ее окончательная победа является вопросом дней. Наши немецкие товарищи сотнями тысяч бросают работу и обращают оружие всеобщей стачки против своего империалистического правительства... Братья-рабочие! Подумайте о своих русских братьях и готовьтесь к бою! Венгерские рабочие! Будьте готовы к пролетарской революции!»¹¹¹. Таким образом, финские революционеры бросали свои призывы международному пролетариату в явно предреволюционной обстановке в Европе.

В то же время в отношении буржуазных государств они придерживались осторожной и лояльной политики, стремясь избежать репрессалий и интервенции с их стороны. Еще накануне революции, в приказе № 1 Исполнительного комитета штаба Красной гвардии от 26 января, подчеркивалось: «Защищать от всяких насилий жизнь и имущество иностранных подданных и представителей»¹¹².

¹⁰⁹ «Suomen luokkasota», s. 57; «Tiedonantoja», 21.III 1918.

¹¹⁰ «Suomen luokkasota», s. 495.

¹¹¹ «Dokumentumok a magyar párttörténet tanulmányozásához. II. 1917 november — 1919 augusztus». Budapest, 1954, old. 20, 21.

¹¹² «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 34, 35.

Революционное правительство попыталось закупить продовольствие в США. Американский консул в Гельсингфорсе Хейнс неофициально ответил на зондаж, что «у Америки нет продовольствия для растранижирования в гражданской войне и что сейчас невозможно обсуждать что-либо официально»¹¹³. С красными явно не хотели вступать в какие-либо переговоры, кроме обсуждения вопросов о защите интересов американских граждан в Финляндии.

Революционное правительство попыталось установить контакт с правительством и продовольственным управлением США через находившегося в Америке финского социал-демократа (впоследствии коммуниста и работника НКВД) Сантери Нуортева, который согласился выполнять функции представителя революционной Финляндии. У него сразу нашлось много помощников в лице членов Финской социалистической организации, объединявшей финских рабочих в США. Для помощи представителю было создано «Бюро Нуортева» и Комитет по финским делам, в состав которого вошли Ф. Сюръяля, В. Аннала, П. Халко, Г. Виитала и Ю. Халонен. Финская социалистическая организация производила сборы средств, необходимых для деятельности «Бюро Нуортева», которое, в частности, публиковало правдивую информацию о финляндской революции.

Нуортева хлопотал прежде всего о продовольствии для Финляндии. Он сначала устно, затем письменно обратился в Продовольственное управление, которым руководил Гувер. «Финляндия голодает, — писал Нуортева. — Большая часть 3,5-миллионного народа Финляндии не имеет хлеба. Мало и других продуктов. Лишайник и размолотая древесная кора служит главной пищей сотен тысяч финнов. Тысячи людей уже умерли от голода. Тысячи голодающих медленно умирают»¹¹⁴. От имени временного революционного правительства Финляндии Нуортева выражал уверенность, что «крик финнов не останется неслышанным» в США. Поскольку американское правительство опасалось, как бы предоставленное Америкой продовольствие не попало немцам, Нуортева предлагал организовать эффективную систему контроля за его распределением с участием американских и шведских граждан.

Продовольственное управление сослалось на то, что для продажи и экспорта в Финляндию некоторого количества продовольствия необходима санкция правительства США. 26 февраля Нуортева направил письмо президенту Вильсону. Не получив никакого ответа, Нуортева 9 марта обратился с письмом к государственному секретарю. Он просил, во-первых, разрешения

¹¹³ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 747, 748.

¹¹⁴ Ibid., p. 767. В опубликованном тексте письма Нуортева употреблено не слово «lichen» — «лишайник», а слово «leeches» — «пиявки». Это явная опечатка.

госдепартамент на продажу, перевозку в Финляндию и распределение продовольствия, о котором шла речь в его письме в Продовольственное управление; во-вторых, права пользоваться трансатлантическим кабелем для сношений с временным революционным правительством народной республики Финляндии по вопросам, касающимся закупки и транспортировки продовольствия; в-третьих, выдачи паспорта одному американцу финского происхождения, который в качестве представителя Нуортева должен выехать в Швецию и Финляндию для урегулирования вопросов, связанных с поставкой и распределением продовольствия из США. К своему письму Лансингу Нуортева приложил записку, в которой показывалось, что финляндская революция явилась закономерным результатом предшествовавшего исторического развития, и характеризовалось правовое положение революционного правительства¹¹⁵.

Только 20 марта госдепартамент соблаговолил ответить. Однако ответ, кроме подтверждения, что письма Нуортева президенту и государственному секретарю получены, содержал всего одну фразу: «Как вы, возможно, знаете, положение в Финляндии тщательно изучалось и изучается госдепартаментом»¹¹⁶. Вот и все! Просьбы Нуортева удовлетворены не были.

К белофиннам империалистическая Америка относилась благосклоннее. Им она была готова предоставить продовольствие. 21 февраля советник госдепартамента Полк писал представителю военно-торгового комитета Мансону: «Мы получили телеграмму от американского посланника в Швеции, в которой говорится, что сторона, защищающая закон и порядок (так американец называл белофиннов. — В. Х.), контролирует сейчас север Финляндии и что, следовательно, первые поставки продовольствия для Финляндии можно осуществлять через Нарвик...»¹¹⁷. Госдепартамент требовал немедленно договориться с представителем белофинского правительства о поставке первых 8000 тонн продовольствия. 27 февраля представители белофинского правительства Рейтер и Игнатиус были благосклонно приняты государственным секретарем Лансингом. Сам Лансинг записал об этом приеме: «Я ответил, что правительство США весьма симпатизирует стремлению Финляндии к независимости, что мы расположены признать существующее там правительство де факто и что мы искренне надеемся, что вскоре будет создано прочное конституционное правительство»¹¹⁸. Излишне пояснять, что под существующим правительством Лансинг понимал белофинское, а не революционное правительство; он сам сказал далее, что когда в Финляндии будут ликвидированы «беспорядки

¹¹⁵ Ibid., p. 763.

¹¹⁶ Ibid., p. 768.

¹¹⁷ «FRUS. 1918. Supplement II». Washington, 1933, p. 577.

¹¹⁸ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 755, 756.

и неразбериха», то он будет рад видеть представителей белофинского правительства снова¹¹⁹. Адрес, переданный ему Рейтером и Игнатиусом, Лансинг обещал лично передать Вильсону. Благожелательное отношение правительства США к представителям белофиннов проявилось и в том, что оно помогало им сноситься со своим правительством: телеграммы Рейтера и Игнатиуса передавались как телеграммы Лансинга посланнику США в Стокгольме Моррису для передачи белофинскому представителю в Швеции. В тот же день, 27 февраля, Игнатиус телеграфировал финской миссии в Стокгольме, что 8000 тонн овса готовы для немедленной отправки в Финляндию, дело за судами¹²⁰. 30 марта Лансинг телеграфировал посланнику в Стокгольме Моррису: «Департамент уведомил здешнего финского (т. е. белофинского. — В. Х.) уполномоченного, что он одобряет поставку первых 2000 тонн продовольствия в Финляндию»¹²¹. Только возражения Морриса и французского, английского и итальянского посланников в Стокгольме, что после заключения белофинскими договоров с Германией «давать хлеб Финляндии значит помогать непосредственно противнику», а также оскорбительное обращение белофиннов с английскими и американскими офицерами, посетившими белую Финляндию, заставили госдепартамент отменить свое разрешение на вывоз туда продовольствия¹²².

Попытки СНУ через своего представителя Нуортева получить в США продовольствие оказались безрезультатными. По словам самого Нуортева, его обращения к правительству и к «обществу» США были гласом вопиющего в пустыне. В открытом письме к американским либералам Нуортева подчеркивал, что финляндские рабочие, боровшиеся против германских интервентов, объективно помогали союзникам, тогда как белофинны были в союзе с Германией. «И все же только эта другая сторона (т. е. белофинны. — В. Х.) получали и все еще получают от вас поддержку, меня же никогда не пожелали благосклонно и серьезно выслушать»¹²³. Классовые симпатии американской буржуазии были целиком на стороне врагов финляндской революции. «Да если бы мы были самими архангелами порядка, творческих политических способностей и здравого смысла, — писал в том же открытом письме Нуортева, — нас все равно клеймили бы как разбойников, пока мы не отказались бы от социальных целей, которые являются естественным ближайшим шагом в социальном прогрессе мира».

¹¹⁹ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 755, 756.

¹²⁰ «FRUS. 1918. Supplement II», p. 577.

¹²¹ Ibid., p. 580.

¹²² Ibid., p. 581.

¹²³ «The Class Struggle» (New York), September — October 1918, p. 449—

В июне 1918 г. Нуортева узнал от вернувшегося в США представителя американского Красного креста в России Раймонда Робинса, что последний вел переговоры с некоторыми членами СНУ (в частности, с Токоем) о возможности оказания союзниками помощи финским красновардейцам в борьбе против белых и немцев¹²⁴. Сам Робинс считал это возможным; но ведь он был и сторонником признания Советской России, а США признали СССР лишь через полтора десятка лет. Разумеется, никаких последствий его переговоры с членами СНУ не имели и иметь не могли.

Симпатии и содействие капиталистического мира были обеспечены Финляндии Маннергейма и Свинхувуда, банкиров и земельных магнатов, революционной же Финляндии нечего было рассчитывать на какую бы то ни было помощь со стороны буржуазных государств. Зато всяческую посильную помощь ей готова была оказать соседняя революционная Россия.

ДРУЖЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФИНЛЯДИЕЙ

Во время борьбы нашей против знакомых и вам затруднений на путях рабочей революции мы с удовольствием можем удостоверить, что получили существенную помощь от русских товарищей... Ныне течет кровь финских и русских рабочих в совместной борьбе на снежном поле брани.

Из приветствия, переданного от имени рабочих революционной Финляндии Э. Торнийянемом и Ю. Сирола трудящимся Советской России на заседании ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Февраль 1918 г.

После Великого Октября трудящиеся тех стран, в которых происходила революция, неизменно обращались с первым словом приветия к рабочему классу Советской России, всемирно-исторические победы которого вдохновляли и их в революционной борьбе и в котором они видели своего «старшего брата».

Как только революционное правительство Финляндии было сформировано, оно направило Совету Народных Комиссаров приветствие, в котором после информации о переходе власти в руки рабочего класса говорилось: «Доволя о сем до вашего сведения, просим вас, товарищи народные комиссары, передать российскому революционному пролетариату привет от финляндского революционного народа и выразить сердечное пожелание, чтобы в борьбе за свержение капитализма среди рабочих Рос-

¹²⁴ «Suomen luokkasota», s. 499.

сии и Финляндии существовала прочная солидарность. Да здравствует международная революция пролетариата!»¹²⁵.

С ответным приветствием от Совнаркома 30 января в Гельсингфорс прибыл нарком почт и телеграфа Прошьян. «Революционное пролетарское правительство России,— заявил он,— сердечно приветствует новое социалистическое правительство Финляндии. Когда недавно финские социал-демократы приезжали с просьбой о признании независимости Финляндии, мы ее поддерживали, веря, что пройдет немного времени — и пролетариат Финляндии поднимется на революционную борьбу и возьмет бразды правления своей страны в собственные руки. Надежды оправдались быстрее, чем можно было ожидать». Подчеркнув, что революция со временем станет международной, представитель Советского правительства продолжал: «Поэтому таким радостным и ободряющим является то, что из цепи буржуазного господства выпало еще одно звено. Это — новый стимул для народов, побуждающий их вступать на путь социалистической революционной борьбы. Братское правительство России надеется, что финские товарищи смогут довести начатую борьбу до счастливого конца и обещает всяческую поддержку в борьбе против буржуазии, которая, будучи международным эксплуататором, является врагом рабочих»¹²⁶.

В ответном слове председатель СНУ Маннер поблагодарил за приветствие, тем более радостное, сказал он, что оно исходит от русских товарищей, борьба которых создала предпосылки для пролетарской революции в Финляндии и вдохновила их на борьбу. На нашем пути, продолжал Маннер, имеются большие трудности, и поэтому нас радует помощь и поддержка русских товарищей. Веря в зрелость и силы пролетариата, мы будем продолжать нашу борьбу¹²⁷.

Русские революционные организации в Финляндии — Гельсингфорсский совет рабочих и солдатских депутатов, Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии и Центральный комитет Балтийского флота — на другой же день после начала революции приветствовали «социалистическое правительство Финляндской республики» и выражали глубокое убеждение, что «под знаменем социалистической революции, поднятым на развалинах буржуазной власти в Финляндии, объединятся все трудящиеся страны. Сыны свободной России,— говорилось в заключение, — шлют свой горячий братский привет революционным трудящимся Финляндии»¹²⁸.

¹²⁵ «Suomen työväen vallankumous», s. 183, 184; «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот» 1.II (19.I) 1918.

¹²⁶ «Suomen työväen vallankumous», s. 184.

¹²⁷ Ibidem.

¹²⁸ Ibidem; «Työmies», 31.I 1918.

Советская делегация, ведущая мирные переговоры в Брест-Литовске, послала революционному правительству Финляндии телеграмму: «Мы приветствуем героический рабочий класс Финляндии, вырвавший государственную власть из рук буржуазии. Ныне молодая северная республика с ее культурным и организованным пролетариатом станет образцовым опытным полем социалистического хозяйства. Весть о вашей победе воспламенит сердца рабочих всех стран и придаст им новые силы в борьбе против войны и капитализма. Здесь, в Брест-Литовске, в борьбе с империалистическими притязаниями центральных империй, мы чувствуем себя укрепленными вестью о вашей победе. Упорство и выдержка финляндских трудящихся масс служит лучшей порукой, что вы справитесь со всеми трудностями и выведете ваш народ на широкий путь социалистической революции. Новые узы пролетарской солидарности связывают отныне свободную Финляндию со свободной Россией. У нас с вами и одни враги, и одни друзья, у нас общие идеалы и общие пути, наши сердца бьются заодно с вашими сердцами. Да здравствует братская социалистическая Финляндия!»¹²⁹.

В ответ Маннер и Сирола от имени СНУ телеграфировали советской делегации в Брест-Литовске: «Товарищи! Благодарим за ободряющее приветствие! Мы с энтузиазмом следили за вашими энергичными выступлениями в пользу идеалов рабочего класса. Мы надеемся, что скоро пролетариат всех стран встанет на путь борьбы, указанный революционным пролетариатом России. Да здравствует мир трудовых народов! Да здравствует международная революция!»¹³⁰.

Обычным явлением стало присутствие на торжественных заседаниях, происходивших в Петрограде и в Гельсингфорсе, представителей от братской социалистической республики. В середине февраля на заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов присутствовали Ю. Сирола и Э. Торнийнен. Они от имени революционного народа Финляндии приветствовали представителей революционных трудящихся России. Председатель ЦИК Я. М. Свердлов в своем ответе сказал, что русский пролетариат не хочет смотреть со стороны на борьбу финляндского рабочего класса, он привык вести борьбу вместе с финскими товарищами еще против самодержавия. Свердлов пожелал успеха в этой совместной борьбе¹³¹.

Несколькими днями позже в Гельсингфорс приехала направлявшаяся в Западную Европу делегация ВЦИК в составе

¹²⁹ «Правда», 1.II (19.I) 1918; «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 1.II (19.I) 1918.

¹³⁰ «Arbetarnas Notisblad», 5.II 1918.

¹³¹ «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне». М.—Л., 1932, стр. 85.

Коллонтай, Берзина и левых эсеров Натансона и Устинова. По этому случаю 19 февраля состоялось торжественное заседание революционного правительства, на котором с приветственными речами выступили А. М. Коллонтай и К. Маннер, а вечером Коллонтай на большом рабочем собрании в национальном театре рассказала о положении в Советской России. Ее вдохновенная речь, завершенная здравицей в честь «родившейся в России и поддержанной смелым и героическим пролетариатом Финляндии социалистической революции», вызвала бурную овацию, перешедшую в пение «Интернационала»¹³².

Хотя Советская Россия сама находилась в исключительно тяжелом положении, страдая от разрухи и испытывая смертельную опасность со стороны империалистической Германии, она выполнила свой интернациональный долг и сделал все, что было тогда в ее силах, чтобы оказать всестороннюю помощь революционной Финляндии.

Помощь эта понадобилась сразу же: в Финляндии одновременно с революцией началась пражданская война, а Красная гвардия имела недостаточно оружия¹³³.

Финский революционер К.М. Эвя вспоминал, что из населенных пунктов под Таммерфорсом «людей посылали группами в Таммерфорс за оружием. Из всех окрестностей к нам группами приходили красногвардейцы и просили оружия. Но мы не могли его дать. Оружия не было»¹³⁴. Русский гарнизон не мог им ничего выделить: приходилось лишь по винтовке на солдата»¹³⁵. Видимо, оружия было не вполне достаточно и у самих солдат, ибо В. И. Ленин 30 января дал указание выдать 25 тыс. винтовок и 30 пулеметов для защиты русских солдат в Финляндии¹³⁶. Но там, где русские войска имели лишнее оружие, они его передали красногвардейцам. Например, комиссар 42-го корпуса телеграфировал председателю революционного комитета в Вильманстранде (Лаппеенранта): «Все имеющееся оружие выдать комитету Красной гвардии»¹³⁷. Нет надобности приводить другие аналогичные распоряжения. Со стороны Советского правительства и всех советских органов просьбы Красной гвардии об оружии встречали самое внимательное отношение и по мере сил выполнялись.

9 февраля В. И. Ленин телеграфировал в Центробалт (Гельсингфорс): «Предписывается Центробалту и местным комитетам флота предоставлять, по первому требованию, армейского коми-

¹³² «Пролетарская революция», 1928, № 4, стр. 111, 112; «Tiedonantoja», 19. II 1918.

¹³³ «Luokkasodan muisto». Helsinki, 1947, s. 28; «Punakaarti rintamalla», Leningrad, 1929, s. 13.

¹³⁴ «Punakaarti rintamalla», s. 42.

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ См. В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 32.

¹³⁷ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 41.

тета Ревельского укрепленного района, транспорт для перевозки оружия и продовольствия в Гельсингфорс»¹³⁸.

А. Тайми рассказывает, что Ленин, приняв его 22 февраля 1918 г. в Смольном, подробнее расспросил о положении в Финляндии и направил его в Комиссариат по военным делам с запиской: «Просьбу т. Тайми следует удовлетворить полностью». Для ленинского стиля работы характерно и все дальнейшее, что рассказывает Тайми: «Когда я пришел с этой запиской в Военный комиссариат, то оказалось, что там уже знают обо мне — Владимир Ильич звонил по телефону. В тот же день мне вручили наряд на получение различного оружия, боеприпасов и амуниции из складов в Петропавловской крепости и в Арсенале.

...Вскоре в Гельсингфорс один за другим прибыли два эшелона с винтовками, пулеметами, патронами, сапогами, шинелями и другим вооружением и снаряжением, в котором мы ощущали самую острую нужду.

Двумя эшелонами, присланными из Петрограда, дело не ограничилось. Вскоре мне сообщили, что для нас выделено оружие и припасы со складов, находившихся в Эстонии. Это было в марте, навигация уже началась, и мы снарядили в Эстонию два парохода под охраной красногвардейцев. Все было получено и доставлено. Для меня несомненно, что и это было отпущено нам по распоряжению Владимира Ильича»¹³⁹.

Благодаря помощи Советской России Красная гвардия Финляндии получила достаточно вооружения и снаряжения. Без этой помощи она не могла бы и думать о серьезных военных действиях против белой армии, получившей оружие и все необходимое из-за границы. Следует заметить, что, поскольку часть финских красногвардейцев получила русскую военную форму, у белофиннов создавалось преувеличенное представление о числе русских солдат в рядах Красной гвардии.

Красногвардейцы были незнакомы с военным делом. Русские военные научили их обращаться с оружием, старались дать им хоть элементарную военную подготовку. Но обучение затруднялось тем, что красногвардейцы не знали русского языка, а русские военные — финского. В Таммерфорсе лишь двое рабочих говорили по-русски¹⁴⁰. «Незнание русского языка нанесло нам непоправимый ущерб»¹⁴¹, — писал позже Сирола, имея в виду, конечно, не только военную область, но и тогдашнюю трудность для финнов познакомиться с работами Ленина. Для обучения красногвардейцев часть их зачислили в русские войска. Уже 27 января Особый отдел Армейского комитета 42-го корпуса распоря-

¹³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 363.

¹³⁹ А. Тайми. Страницы пережитого. М., 1956, стр. 221, 222.

¹⁴⁰ «Punakaarti rintamalla», s. 38, 39.

¹⁴¹ Ю. Сирола. Национальный вопрос в Финляндии. — «Коммунистический Интернационал», 1920, № 9, стр. 1270.

дился о включении в 509-й пехотный полк 75 финнов «для обучения народогвардейцев строю и боевым действиям»¹⁴². На следующий день начальник 106-й дивизии Свечников отдал войскам, расквартированным в Западной Финляндии, приказ, в котором говорилось: «Ввиду беспрестанного уменьшения русских отрядов по мере увольнения старших возрастов: 1) немедленно зачислить в ряды частей русских войск национальных солдат Финляндии по рекомендации финской Красной гвардии: 10 человек в каждую роту, 5 человек в батарею и пулеметную команду, чтобы общее число финских добровольцев в полках не превышало 200 человек пехоты и 30 артиллеристов»¹⁴³. Из них предписывалось подготовить инструкторов для Красной гвардии. 7 февраля этот приказ был повторен¹⁴⁴. Кроме того, в отряды финской Красной гвардии добавляли стойких русских солдат и матросов¹⁴⁵, которые должны были служить примером в боевых действиях. Позже, в марте, в Гельсингфорсе и на острове Сорнес при участии русских военных были организованы для красногвардейцев пехотная, пулеметная, артиллерийская, кавалерийская, инженерная и авиационная школы. Некоторое количество военных инструкторов для Красной гвардии прибыло из Петрограда¹⁴⁶.

Имела значение, особенно в самом начале гражданской войны, и непосредственная помощь Красной гвардии со стороны русских солдат, матросов и командиров. Еще накануне революции финские рабочие выражали надежду, что в предстоящих классовых боях русские солдаты будут с ними вместе. Последние и сами высказывались так же¹⁴⁷. Когда началась гражданская война, финские рабочие обращались к русским солдатам с просьбой не уходить из Финляндии, пока она не кончится¹⁴⁸.

В то же время Маннергейм обратился к русским войскам с призывом соблюдать нейтралитет, поскольку он-де воюет не против них. (Буржуазному миру он, напротив, заявлял, что начал войну против русских войск).

В руководящих органах русских войск не было единства. 29 января 1918 г. пленарное собрание армейского комитета 42-го корпуса, обсудив обстановку, созданную нападением белофиннов на русские войска, признало необходимым объявить, что с 29 (16) января «войска 42-го корпуса считаются в состоянии военных действий по отношению к финской буржуазной белой гвардии». Подчеркивая вынужденный характер принимае-

¹⁴² «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 39.

¹⁴³ М. С. Свечников. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 гг. (Воспоминания и материалы). М., 1923, стр. 75, 76.

¹⁴⁴ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 47, 48.

¹⁴⁵ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 75, 76.

¹⁴⁶ Там же, стр. 76.

¹⁴⁷ Там же, стр. 49.

¹⁴⁸ ЦГВИА, ф. 2262, оп. IX, д. 12, лл. 353, 353а.

мых мер, собрание категорически требовало выполнения их «в целях сохранения воинской силы и спасения народного достоинства в виде разного имущества, стоящего колоссальных сумм». Резолюция собрания заканчивалась призывами: «Смело, товарищи, в бой! Умрем, но победим кроважадную буржуазию. Да здравствует мировая революция!»¹⁴⁹.

Но, с другой стороны, еще накануне командир 42-го корпуса генерал Надежный и комиссар корпуса Заонегин телеграммой из Выборга и в разговоре по прямому проводу приказали начальнику 106-й дивизии Свечникову, штаб которого находился в Таммерфорсе, направить два полка в Выборг, а остальные части дивизии сосредоточить в Рихимяки¹⁵⁰. Выходило, что Таммерфорс нужно оставить. Это означало, по существу, добровольную сдачу позиций белым. Однако из Гельсингфорса от Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии было получено противоположное распоряжение: перейти в решительное наступление и отбить у белых Васу. Из Петрограда никаких указаний не поступало. На следующий день из Выборга было подтверждено прежнее приказание комкора. Штаб финской Красной гвардии не был согласен с этим приказом командования 42-го корпуса и 1 февраля телеграфировал в Наркомат по военным делам Н. И. Подвойскому и в СНК, прося распустить штаб 42-го корпуса, как «бесполезный и консервативный»¹⁵¹. Свечников по соглашению с Военным отделом Областного комитета Финляндии и главным штабом финской Красной гвардии отказался подчиниться распоряжению командира корпуса¹⁵². Свое решение он объясняет так: «Учитывая все обстоятельства — с одной стороны, необходимость не допустить, чтобы и войска таммерфорского гарнизона постигла участь, подобная другим гарнизонам Северной Финляндии, а с другой — необходимость общего фронта с рабочими финнами по борьбе с белогвардейцами — чтобы не подорвать авторитета русской армии среди населения Финляндии, я вполне самостоятельно без колебаний принял решение выступить с войсками не только гарнизона Таммерфорса, но и всей дивизии на защиту рабочего класса Финляндии»¹⁵³. 4 февраля председатель Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии Смилга доложил на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов: «Мы, русские, поняли нашу задачу в Финляндии так, чтобы всеми силами способствовать победе финляндского пролетариата»¹⁵⁴. 30 января Свечников был назначен командующим русскими войсками в Запад-

¹⁴⁹ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 39, 40.

¹⁵⁰ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 54—56.

¹⁵¹ Там же, стр. 59.

¹⁵² Там же, стр. 57.

¹⁵³ Там же, стр. 50.

¹⁵⁴ «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот», 6. II (24. I) 1918.

ной Финляндии. Одновременно штаб финской Красной гвардии назначил его главнокомандующим Красной гвардией Таммерфорского фронта.

Инициативный командир, крупный военный специалист (в старой армии он был полковником генштаба), горячо сочувствовавший финским рабочим, Свечников сосредоточил в своих руках в начальный период гражданской войны командование и русскими войсками, и финской Красной гвардией в Западной Финляндии. Но это были небольшие силы, если иметь в виду не только численность, а и боеспособность. Как уже говорилось, после проведенной демобилизации ряда возрастов и категорий военнотружущих названия «полк», «дивизия» совершенно не соответствовали обычному значению этих слов. «Полк» был подчас меньше батальона. Главное же — эти «части» совсем не годились для серьезных военных действий. Смилга говорил, что уже в ноябре 1917 г. они были «абсолютно к войне неспособны»¹⁵⁵. Еще более справедливо это было для января — февраля 1918 г. Большая часть солдат не хотела воевать ради чего бы то ни было, разве только будучи вынуждена к самообороне. Поэтому призыв Маннергейма соблюдать нейтралитет произвел на них впечатление. 30 января исполнительный комитет Бьёрнеборгского гарнизона ответил на предложение Маннергейма, что «войска гарнизона решили при могущих быть столкновениях между финскими гражданами соблюдать строжайший нейтралитет на следующих условиях: 1) гарантия от нападений с вашей стороны на русские войска, 2) оставление оружия всем частям гарнизона и оставление всех на местах»¹⁵⁶. По свидетельству Свечникова, «большинство гарнизона Таммерфорса» тоже было настроено в том смысле, что «не нужно вмешиваться в гражданскую войну». «Положение в этом отношении еще больше обострилось, когда в гарнизоне была получена радиотелеграмма генерала Маннергейма на имя начальника гарнизона, в которой была обещана неприкосновенность русских войск, если последние не будут вмешиваться в финляндские дела. Среди дивизионного комитета также не было полного согласия, и только одна партия большевиков стояла за необходимость бороться, предоставив мне инициативу действий»¹⁵⁷.

1 февраля Военный отдел Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии отдал приказ, напоминавший воззвание. В нем содержался призыв без колебаний выступить на защиту своих финских товарищей. Этот призыв подействовал лишь на немногих русских солдат, как видно из опубликованного 6 февраля воззвания того же Военного отдела Областного

¹⁵⁵ «Седьмой экстренный съезд РСДРП(б)». М., 1962, стр. 54.

¹⁵⁶ «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 82, 83.

¹⁵⁷ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 43.

комитета армии, флота и рабочих Финляндии. В нем говорилось: «Товарищи, на наш призыв к некоторым частям с просьбой о помощи финскому пролетариату многие части отказались идти, мотивируя тем, что они устали и не хотят вмешиваться в финские дела, вследствие чего из крупной части идет желающих несколько человек и те надежды, которые возлагают на нас революционная Россия, не могут быть оправданы. Обращая внимание товарищей солдат, матросов и рабочих на недопустимость сего явления, Военный отдел Областного комитета Финляндии призывает всех товарищей солдат, матросов и рабочих помочь нашим революционным финским товарищам — Красной гвардии, для чего предлагается всем советам, ротным, полковым, дивизионным и гарнизонным комитетам образовать добровольные специальные боевые отряды и направлять их в распоряжение командующего войсками Западного района против белой гвардии тов. Свечникова»¹⁵⁸.

Более сознательным элементам удалось все же убедить солдат, что обещаниям белогвардейцев верить нельзя и что если белая армия хлынет в южную Финляндию и одолеет Красную гвардию, то русские войска окажутся отрезанными от России и тогда им не сдобровать. Поэтому оборонять занимаемые позиции солдаты еще могли, этого требовали интересы самосохранения; но для активных наступательных действий большая часть их совершенно не годилась. Однако среди этих почти небоеспособных остатков старой царской армии было некоторое количество солдат, матросов и офицеров с высоким революционным сознанием и чувством пролетарского интернационализма. Они не могли остаться в стороне от отчаянной борьбы, на которую поднялся рабочий класс и деревенская беднота маленькой страны; в буржуазии другой нации они видели и своего классового врага. По собственному желанию готовы они были разделить с финскими братьями по классу все тяготы этой опасной борьбы, не щадя своей крови и жизни.

Свечников разработал военные планы, отличительной чертой которых были активные наступательные действия против белых. Для таких действий он мог использовать лишь русских добровольцев и финских красногвардейцев. Но первых было сравнительно немного — основная часть войск оставалась пассивной, а вторые были необучены, да первое время и невооружены. Все же сформированные из добровольцев и красногвардейцев отряды, используя военную технику войск — артиллерию, бронепоезда, броневики, в Або — канонерскую лодку, повели активные боевые действия. Прежде всего было начато продвижение по железным дорогам на север и запад от Таммерфорса. На первом направлении была занята ст. Оливеси (около 40 км

¹⁵⁸ «Известия Гельсингфорсского совета...», 6.II (24.I) 1918.

от Таммерфорса), на втором — ст. Локиа (около 20 км от Таммерфорса). Наступление на север продолжалось. Тщетно белые пытались захватить ст. Люлю — они были отброшены. Лишь у ст. Вильпула, примерно в 30 км от ж. д. узла Хапамяки, взятие которого перерезало бы важную для белых железную дорогу, белым удалось остановить наступление. 4 февраля Свечников в сводке указывал: «Дальнейшей задачей ставлю занятие станции Вильпула и Хапамяки, после чего предполагаю развить активные действия в направлении Сейняйоки и Ювяскюля»¹⁵⁹ (в Сейняйоки находился штаб Маннергейма). Позже, в приказе № 8 от 28 февраля по войскам Западной Финляндии ставились такие задачи: войскам, расположенным в районе Таммерфорса — «взять ст. Хапамяки», войскам района Бьернеборга — «взять Кристиненстад», войскам района Або — «ликвидировать белую гвардию во всем этом районе»¹⁶⁰. Но осуществить эти задачи не хватило сил.

В первые недели войны, пока красногвардейцы не вооружились и не научились обращаться с оружием, русские добровольцы, хотя и меньшие по численности, играли все же заметную роль. Это видно из следующих данных Свечникова: в районе Раумо (Раума) «руководство борьбой с белой гвардией взял на себя 421-й пехотный Царскосельский полк под командой командира полковника Бунина»¹⁶¹. В районе Або «войсками командовал сначала полковник 421-го пехотного Царскосельского полка Булацель, а затем капитан первого ранга Вонляровский. Борьба велась матросами и имела своим объектом район Иляне в 25 км к северо-востоку от Або, где замечены были крупные формирования белогвардейских отрядов. Эти отряды были рассеяны»¹⁶². К северо-востоку от Рихимяки белогвардейцы «были оттеснены частями 424-го пехотного Чудского полка и отошли к северу»¹⁶³. Из местечка Лавиа (примерно посередине между Таммерфорсом и Бьернеборгом) белых выбил «отряд в составе двух рот русских с небольшой частью красногвардейцев и двумя пулеметами»¹⁶⁴. С 1 февраля в Бьернеборге «начались бои между белой гвардией, сформированной в его районе силой до 1000 человек, и гарнизоном краевых, которым помогали русские войска, состоявшие из пограничной стражи, матросов и артиллеристов второй группы позиционных батарей»¹⁶⁵. В район Таммерфорса, где в начале войны велись наиболее активные действия, на подкрепление к гарнизону прибыли с 31 января следую-

¹⁵⁹ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 45, 46.

¹⁶⁰ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 69, 70.

¹⁶¹ Там же, стр. 66.

¹⁶² Там же, стр. 66, 67.

¹⁶³ Там же, стр. 67.

¹⁶⁴ Там же, стр. 65.

¹⁶⁵ Там же, стр. 65, 66.

щие русские отряды: «отряд разведчиков 421-го Царокосельского полка (добровольцы) с 10 пулеметами; около 250 добровольцев 114-го пехотного полка; ...отряд матросов-анархистов в 250 человек»¹⁶⁶, тоже добровольцев: они сразу попросили направить их в самое опасное место.

Итак, бремя борьбы с белыми не было с первого же дня целиком вложено на неокрепшую Красную гвардию, часть его сначала приняли на себя русские друзья. Это сорвало расчет Маннергейма разгромить Красную гвардию, пока она не успеет мобилизоваться, организовать, вооружиться, получить элементарную военную подготовку. Белый генерал знал о развале старой русской армии и делал ставку на ее пассивность и небоеготовность. Но он недооценил наличие в этой армии хотя и небольшого, но здорового ядра — людей, преданных революции, интернационалистов, опосованных на самопожертвование и героизм. И как раз эта лучшая часть русских войск уже в самом начале сорвала планы Маннергейма! Энергичными действиями подразделений из русских добровольцев при все возрастающем участии красногвардейцев наступление белых было в основном остановлено, попыткам захватить пролетарский Таммерфорс был дан твердый отпор. Красная гвардия получила возможность увеличить свои ряды, организовать, укрепить. Все это имело важные последствия для дальнейшего хода войны.

Но утверждение Свечникова, что в этот период «борьба с финскими белогвардейцами в защиту рабочего класса велась почти исключительно русскими войсками под руководством русских офицеров, солдат и матросов»¹⁶⁷ является неточным. Во-первых, активные боевые действия, составлявшие основное содержание военных планов, разработанных Свечниковым, вели не вообще русские войска, а добровольцы, хотя сформированные из них отряды носили названия рот и т. п. Сам же Свечников признавал: «Надо заметить, что для оборонительных действий я еще мог использовать все русские войска, но для наступательных операций можно было пользоваться только добровольцами да финскими красногвардейцами»¹⁶⁸. В конце февраля число русских, сражавшихся в Финляндии против белых, составляло всего около 3 тыс. человек¹⁶⁹.

Во-вторых, неверно и утверждение, что в указанный период борьба велась «почти исключительно» русскими. Уже в первые дни гражданской войны роль красногвардейцев отнюдь не была незначительной. Сам же Свечников отмечает, что русских добровольцев было «мало»¹⁷⁰ и что подкрепление, присланное

¹⁶⁶ Там же, стр. 62.

¹⁶⁷ Там же, стр. 74.

¹⁶⁸ Там же, стр. 71.

¹⁶⁹ J. Elie l. Op. cit., S. 37.

¹⁷⁰ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 71.

Красной гвардией уже с конца января в район Таммерфорса, было порядочным. Туда прибыло «несколько отрядов финской Красной гвардии различной численности» и «блиндированный поезд, сооруженный своими средствами финской Красной гвардии в гор. Гельсингфорсе»¹⁷¹. А 4 февраля «в Таммерфорс прибыло 500 красногвардейцев из Гельсингфорса с 8 пулеметами и 7 орудиями»¹⁷². Словом, прибывшее в район Таммерфорса красногвардейское подкрепление было численно больше русских. Для наступления на Нюстад (Уусикаупunki) был выделен «отряд Красной гвардии в количестве 600 человек с придачей им артиллерии и 200 человек наших солдат»¹⁷³, т. е. и тут финнов было значительно больше, чем русских. При этом соотношение быстро изменялось в пользу Красной гвардии. Она с каждым днем росла и брала на себя все большую часть боевой задачи, а вскоре взяла и всю ее целиком.

Разумеется, союз финских рабочих с русскими солдатами и матросами против финской буржуазии изображался последней как предательство. Играя на националистических чувствах, она лицемерно ужасалась тому, что красные шли с «чужими» против «своих», хотя для национальных интересов Финляндии опасность представлял как раз ее союз с германским империализмом. «Если финляндская буржуазия, — резонно пишет в связи с этим коммунист Л. Коскелайнен, — без колебаний, беззастенчиво прибегла к помощи реакционных империалистических войск ради своих эгоистических классовых интересов, то разве у финляндских рабочих и торпарей, подвергшихся этому грубому нападению, не было в тысячу раз больше морального права прибегнуть к помощи прогрессивных, демократических войск ради защиты правого дела в оборонительной войне?»¹⁷⁴.

Буржуазия старалась внести хотя бы рознь между финскими трудящимися и русскими войсками. Для этого пускались в ход провокации и ложные слухи. Переодетые в форму русских солдат шюцкоровцы творили бесчинства, чтобы вызвать негодование рабочих. Штаб Красной гвардии Гельсингфорса писал в Военный отдел Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии: «Белогвардейцы одеваются в военные формы и стараются переодетыми провоцировать, устраивать грабежи, стрелять из домов и стараются также вникнуть в нашу среду, которое доказывает, что их желание посеять раздор и таким образом устроить бой между красногвардейцами и солдатами»¹⁷⁵. Получив этот сигнал,

¹⁷¹ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 62.

¹⁷² «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 46.

¹⁷³ Там же, стр. 48.

¹⁷⁴ L. Koskelainen. Suomen luokkasota ja venäläinen sotaväki. — «Kommunisti», 1948, № 1-2 (108-109), s. 3.

¹⁷⁵ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 42 (стиль подлинника).

органы русских войск дали указание проверять документы у подозрительных лиц в военной форме.

С другой стороны, контрреволюционеры предпринимали попытки восстановить и русских солдат против финских красногвардейцев. Распускались слухи, будто красногвардейцы ведут переговоры с белыми и собираются выторговать выгодные условия за счет предательства русских друзей. Однако русские солдаты слишком хорошо знали своих финских братьев по классу, чтобы верить этой клевете. 26 февраля революционное правительство обратилось к ним с воззванием на русском языке. В нем говорилось, что распространяемые буржуазией слухи — ложь и клевета. Воззвание заканчивалось словами: «Мы восхищаемся борьбой русских товарищей. Мы пожимаем с благоговением вашу сильную руку, которой вы уже так много помогли в нашей борьбе за свободу в деле международной пролетарской революции. Ваше дело и наше есть общее дело пролетариата, тесно связанное жизнью и смертью».

Еще одним видом помощи революционной Финляндии со стороны Советской России была, как видно из опубликованных советских документов, отправка из Петрограда отрядов для борьбы с белой армией. Просьбы о присылке отрядов поступали в Петроград от руководящих органов как Красной гвардии, так и русских войск. 30 января штаб гвардии порядка Выборга сообщал в Петроград: «В Карелии, на западе и севере Финляндии преимущество на стороне белогвардейцев; они достаточно организованы... Местная Красная гвардия организована недостаточно и очень плохо вооружена даже в таком пункте, как Выборг... Общее положение такое, что войска вынуждены перейти к открытым военным действиям против белой гвардии, но им необходимо подкрепление, о котором штаб корпуса просил народного комиссара по военным делам, но просьба до сих пор не уважена. Если подкрепление не будет прислано и будет сохраняться нейтралитет, то ворота к Петрограду в скором времени окажутся открытыми, а поэтому примите все меры к тому, чтобы немедленно в Выборг было прислано подкрепление из 1000 человек стрелков, 34 пулеметов с прислугой и лентами (системы «Максима»), 2 тыс. винтовок для вооружения местной Красной гвардии, 3—4 батареи легких орудий. Наша задача прежде всего обезвредить Карелию, а затем двинуться на север»¹⁷⁶. С своей стороны Областной комитет армии, флота и рабочих Финляндии 5 февраля телеграфировал в Совнарком: «Если можете, высылайте на подкрепление сознательных людей, крайне нуждаемся. Оружие вышлите, возможное количество броневиков и пулеметов в распоряжение Военного отдела»¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Там же, стр. 25, 26.

¹⁷⁷ Там же, стр. 46.

Помощь из Петрограда была отправлена. Прежде всего, сразу же помогли рабочие. Было послано несколько красногвардейских отрядов, в том числе отряд, сформированный из путиловских рабочих¹⁷⁸. Кроме того, как ни трудно было военное положение самой Советской России, в Финляндию были посланы и войсковые подкрепления. 1 февраля штаб Петроградского военного округа в предписании ревкомом 60-, 61- и 62-го полков, кратко обрисовав обстановку в Финляндии, писал: «Рабочие Петрограда уже откликнулись на призыв помощи со стороны финляндских братьев, и туда направились отряды красногвардейцев, но этого мало. Финский народ ждет, что и товарищи солдаты откликнутся на призыв борьбы за общее дело и выделяют из своей среды всех свободных товарищей на защиту интересов пролетариата». Комитетам полков предписывалось «немедленно выделить все, что можно, из состава полка и направить отряд на Финляндский вокзал для отправки в город Выборг в распоряжение комитета 42-го армейского корпуса»¹⁷⁹. Как видно из сводки оперативного отдела при штабе Петроградского военного округа за 31 января и 1 февраля, аналогичные распоряжения были даны ряду других полков: Белгорайскому полку — «приготовить немедленно команду в составе 300 человек для сопровождения в г. Выборг бронированного поезда»¹⁸⁰; 1-му самокатному батальону — создать команду из «всех свободных от нарядов людей» и отправить в Выборг; Кексгольмскому полку было дано приказание «о немедленной организации одного эшелона в 250 человек с пулеметами, кухнями и своим довольствием для отправки в Финляндию для борьбы с белой гвардией. Эшелон должен прибыть в полной боевой готовности к отправке в 18 часов 20 января (стиль старый.— В. Х.) с г. Второй эшелон такой же численности должен быть готовым к отправлению к 6 часам вечера 21 января; третий — к 6 часам вечера 22 числа и четвертый — к 6 часам вечера 23 числа сего месяца». 6-му Тукумскому латышскому стрелковому полку было приказано «немедленно организовать отряд в 150 человек с пулеметами, кухней и своим продовольствием для отправления в Финляндию на борьбу с белой гвардией... Остальные наличные силы полка привести в полную боевую готовность...». Союзу трудового казачества было дано распоряжение «немедленно организовать отряд — сотню в 100 человек для отправки туда же»; казаки должны были выполнять роль разведчиков. Такие же приказы были отданы и еще целому ряду воинских частей¹⁸¹. Обсуждался вопрос о посылке

¹⁷⁸ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 17; А. М. Федоров. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). М., 1940, стр. 90.

¹⁷⁹ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 41.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же.

в Финляндию латышского полка. Об этом свидетельствует следующая телеграмма находившегося в Гельсингфорсе члена исполнительного комитета латышских стрелков Калнина от 27 февраля 1918 г., адресованная Дыбенко: «В штабе финской Красной гвардии нами решено обратиться с просьбой прислать вчера вами предложенный второй пулеметный полк под Таммерфорс, где на днях ожидается решающий бой; поддержка необходима; если возможно, сообщите приблизительно количество наличных людей этого полка, сообщите решение военного совета по вопросу о присылке в Гельсингфорс одного из латышских полков; последнее одобряется финляндским рабочим правительством»¹⁸².

Советская Россия оказывала помощь революционной Финляндии, несмотря на то, что это могло осложнить переговоры с Германией о мире, который был жизненно необходим Советской стране. 10 февраля генерал Гофман заявил советским представителям в Брест-Литовске протест против, как он выразился, крупных перебросок войск в Финляндию как не соответствующих духу соглашения о перемирии¹⁸³.

Из Петрограда поступала помощь не только к красным, но и к белым. Трещина, расколовшая Финляндию на красную и белую, разделила и финское население Петрограда. Как уже говорилось, финские рабочие организовали там Красную гвардию, помогали отправке оружия рабочим Финляндии, а когда началась гражданская война, петроградских красногвардейцев-финнов нельзя было удержать: они отправились на родину, на самый опасный участок — под Таммерфорс и проявили там замечательную храбрость. Они прогнали четыре роты белофиннов и рвались наступать дальше, да были удержаны командованием¹⁸⁴. Но в то же самое время в Петрограде тайно создана и белофинская боевая организация численностью около 300 человек. Она посылала белым оружие и тайно переправляла в белую Финляндию желавших сражаться в армии Маннергейма. Руководил организацией бывший итальянский консул в Выборге Грёнрос, находившийся в связи с бывшим статс-секретарем по делам Финляндии К. Энкелем, который в течение всей революции, до мая 1918 г., окрывался в Петрограде. Финские красногвардейцы Петрограда знали, что Энкель в городе, разыскивали его, но не нашли, а он жил напротив Таврического дворца у своих знакомых и поддерживал тайную связь с белой Финляндией, шведским посланником, русской контрреволюционной организацией и представителями буржуазной Эстонии.

¹⁸² «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 86.

¹⁸³ «Мирные переговоры в Брест-Литовске с 22 (9) декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. I. Пленарные заседания. Заседания Политической комиссии». М., 1920, стр. 206, 207.

¹⁸⁴ «Luokkasodan muisto», s. 118.

Наступление немцев перед заключением Брестского мира открыли контрреволюционеров, и белофинская организация уже выработала план действий на случай падения Петрограда. Эти расчеты не сбылись, но, когда в апреле в Россию стали прибывать финские революционные эмигранты, организация поставила вопрос о тайных репрессиях против них. Энкель, по его собственным словам, будто бы предостерег ее от этого¹⁸⁵. Ей предназначалась роль поважнее — стать пятой колонной в случае похода Маннергейма на Петроград. Насколько надежно работала связь между этой организацией и белой Финляндией, видно из следующего. Когда Маннергейма информировали о существовании в Петрограде этой организации, готовой к действию, он, желая проверить достоверность сообщения, попросил доставить ему ящик особых сигар, которые могли быть только в одном известном ему магазине на Невском проспекте. На десятый день сигары были доставлены. Вскоре он попросил еще пару ящиков таких сигар — и получил их через три дня¹⁸⁶. Письмо от Свинхувуда Энкелю было доставлено за три дня.

Мирные переговоры, которые Советская Россия вела в Брест-Литовске с Германией, в течение небольшого времени несколько удерживали Германию от предоставления помощи белофиннам. Германское правительство не решалось выполнить просьбу белофиннов об отправке финского егерского батальона в Финляндию, опасаясь, что это будет истолковано русской стороной как недружественный акт и помешает успеху переговоров. Несмотря на то, что Людендорф, как сообщалось в телеграмме находившегося при нем легационного советника Лерснера в министерство иностранных дел 25 января 1918 г., считал, что ни отправка егерского батальона в Финляндию, ни отправка туда оружия для белофиннов не противоречат перемирию с Россией, статс-секретарь по иностранным делам Кюльман в своей телеграмме из Брест-Литовска от 31 января все-таки рекомендовал отложить отправку оружия в Финляндию, «если мы не хотим попасть в ложное положение перед русскими». Правда, 2 февраля Кюльман через Лерснера сообщил Людендорфу, что он снимает свои возражения, если отправка оружия в Финляндию будет организована как чисто частное предприятие и будет по возможности засекречена¹⁸⁷.

Но когда Троцкий отказался подписать предложенные Германией условия мира, принятие которых было единственным средством получить мирную передышку, то это имело тяжелые последствия не только для революционной России, но и для революционной Финляндии. Впоследствии О. В. Куусинен указывал,

¹⁸⁵ C. Enckell. Politiska minnen, II. Helsingfors, 1956, s. 111, 112.

¹⁸⁶ A. Sihvo. Muistelmiani. I. Helsinki, 1954, s. 284, 285.

¹⁸⁷ Y. Nurmio. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo — Helsinki, 1957, s. 132—134.

что «театральное» поведение Троцкого во время первых переговоров в Брест-Литовске в январе — феврале 1918 г. содействовало в конечном счете поражению финляндской революции. «Тогдашние условия мира, выдвинутые германским правительством, — писал О. В. Куусинен, — были более благоприятны не только для Советской России, но и для финляндского рабочего правительства, чем мир, продиктованный позже... Если бы тогда был подписан мир между Советской Россией и Германией, то германское правительство, по всей вероятности, не направило бы войска в Финляндию. Это видно из опубликованных после войны воспоминаний некоторых немецких военных деятелей». Но Троцкий отверг германские условия мира. «Прошел драгоценный месяц без мира, а за этот месяц немцы взяли у Советской России Ревель и другие города. А у нас в Финляндии в тылу высадились германские оккупационные войска»¹⁸⁸. Офицер политического отдела германского генерального штаба капитан Гюльзен также признавал, что перерыв переговоров между Советской Россией и центральными державами был выгоден для белой Финляндии¹⁸⁹. Ельт также считал, что разрыв переговоров в Брест-Литовске имел для белофиннов «решающее значение», так как германское командование получило свободу рук и смогло помогать белой Финляндии¹⁹⁰.

«Мы сделали, что могли, помогли революции в Финляндии, а теперь не можем»¹⁹¹, — говорил Ленин на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля при обсуждении вопроса о принятии германских условий мира. Ленин предлагал ради спасения революции подписать любые условия, если даже они будут включать требование о выводе войск из Финляндии и о невмешательстве в дела Украины, Финляндии, Лифляндии и Эстляндии¹⁹².

3 марта советская делегация подписала мирный договор с Германией, в ст. VI которого, между прочим, говорилось: «Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а финские порты — от русского флота и русских военно-морских сил... Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Финляндии»¹⁹³.

Во исполнение договора Советское правительство вывело войска из Финляндии; правда, это было бы сделано все равно, если бы даже и не оговаривалось в договоре, ибо войска и были оставлены в Финляндии только до заключения мира с Германией.

¹⁸⁸ O. V. Kuusinen. Epäonnistunut esitys Saksan Lokakuusta. — «Kommunisti», 1925, № 3, s. 115.

¹⁸⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 134, 135.

¹⁹⁰ «Finlands frihetskrig skildrat av deltagare». Del I. Helsingfors, 1921, s. 68; Y. Nurmio. Op. cit., s. 138.

¹⁹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 337.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 122, 123.

5 марта начальник штаба 42-го армейского корпуса телеграфировал начальнику штаба Северного фронта, что «части корпуса заканчивают демобилизацию, причем некоторые части фактически уже расформированы, остальные расформировываются и почти расформированы. Штабы частей корпуса также приступили к демобилизации. Полное расформирование управления корпуса намечается к середине марта»¹⁹⁴. 7 марта ликвидационная комиссия постановила окончательно ликвидировать 42-й корпус, «большая часть войсковых частей, управлений и учреждений которого фактически уже почти не имеет солдат»¹⁹⁵.

Факт вывода русских войск из Финляндии не отрицала и буржуазная пресса. Так, «Фоссише цейтунг» писала 5 марта, что в Петроград ежедневно прибывает много поездов из Финляндии с войсками и что «русское влияние в Финляндии прекратилось совершенно». Эвакуация войск была закончена к середине марта, за исключением небольшой охраны у складов и небольшого числа матросов на кораблях. Корабли не могли уйти из Финляндии, так как море было сковано льдом. Позже, когда в Финляндию начали прибывать немецкие войска, русские корабли, несмотря на труднейшие ледовые условия, совершив героический ледовый поход, прибыли из Финляндии в Кронштадт.

Но даже и после принятия тяжелейших условий мира, продиктованных империалистической Германией, Советская Россия не прекратила помощи революционной Финляндии. Мирная передышка давала для этого больше возможностей. «Сколько нам дали дней передышки, — мы не знаем, но она дана, — говорил Ленин на VII съезде партии. — Надо скорее демобилизовать армию, потому что это больной орган, а пока мы будем помогать финляндской революции»¹⁹⁶. «Если бы следовали правильной стратегии, мы имели бы месяц передышки, а так как вы, — говорил Ленин, обращаясь к виновникам неподписания первоначальных предложений Германии, — последовали стратегии неправильной, мы имеем только пять дней передышки...»¹⁹⁷. «За эти пять дней мы помогли нашим финским товарищам, — я не скажу, сколько, они это сами знают»¹⁹⁸.

Военная помощь революционной Финляндии продолжалась в виде удовлетворения ее просьб о предоставлении оружия. «В договоре приказано вывести из Финляндии наши войска, войска заведомо негодные, — говорил Ленин в своем докладе на VII съезде партии, — но нам не запрещено ввозить оружие в Финляндию»¹⁹⁹. «Всякий понимает, что, подписывая мир с немцами, мы

¹⁹⁴ ЦГВИА, ф. 2262, оп. 1, д. 44, л. 53.

¹⁹⁵ Там же, л. 54.

¹⁹⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 22.

¹⁹⁷ Там же, стр. 29.

¹⁹⁸ Там же, стр. 32.

¹⁹⁹ Там же.

не прекращаем нашей военной помощи: мы посылаем финнам оружие, но не отряды, которые оказываются негодными»²⁰⁰.

Германия в ноте от 23 марта заявила протест против этих поставок оружия, утверждая, что это противоречит ст. VI абз. 3 мирного договора, «согласно которому Россия обязалась прекратить всякую агитацию или пропаганду, направленную против правительства или общественных учреждений Финляндии»²⁰¹, хотя, как видно и из этой цитаты, поставки оружия не являлись нарушением буквы договора. В ответной ноте НКВД от 27 марта отмечалось, что «в договоре нет запрещения ввозить оружие в Финляндию из России, и если считать..., что ввоз оружия в Финляндию кем бы то ни было из России есть вмешательство во внутренние дела финского народа, то русское правительство не может не отметить, что острое вмешательство во внутренние дела Финляндии началось с момента занятия Аландских островов германскими войсками и германского десанта в Финляндии. Последнее вызвало в свое время наш протест»²⁰².

В связи с демобилизацией командование русских войск в Финляндии передавало финляндской Красной гвардии лишнее вооружение (в том числе артиллерию и броневики), боеприпасы, военное снаряжение и лошадей²⁰³. Желавшим принять участие в борьбе за дело рабочего класса Финляндии была представлена возможность демобилизоваться из русской армии и вступить в качестве добровольцев в финляндскую Красную гвардию. «Мы из наших войск ни одного хорошего человека не увели и не уведем»²⁰⁴, — говорил по этому поводу Ленин. В Красной гвардии осталось около тысячи русских добровольцев²⁰⁵.

Оказание помощи Финляндии было чревато для Советской России неприятностями в отношениях с Германией. «Да, конечно, мы нарушаем договор, мы его уже тридцать — сорок раз нарушили»²⁰⁶, — говорил по этому поводу Ленин и добавлял, что немцы могут нас на этом поймать. Выполняя свой интернациональный долг по отношению к революционным рабочим Финляндии, Советская Россия шла на это. Но когда возникла опасность серьезных осложнений, советская сторона вынуждена была официально отозвать русских красногвардейцев из Финляндии. 1 апреля 1918 г. В. И. Ленин направил председателю Совнаркома Петроградской Трудкоммуну распоряжение: «Согласно Вашему заявлению по телефону ожидаем, что будут немедленно и

²⁰⁰ Там же, стр. 25.

²⁰¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 218.

²⁰² Там же, стр. 217, 218.

²⁰³ См. ЦГВИА, ф. 2262, оп. VIII, д. 23, л. 33; д. 28, л. 639; оп. X, д. 3, лл. 5, 16, 17, 19, 26, 32; д. 5, л. 2.

²⁰⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 32.

²⁰⁵ М. С. Свечников. Указ. соч., стр. 74.

²⁰⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 22.

формально отозваны отряды красногвардейцев, хотя и в незначительном числе, но проникших в Финляндию вопреки воле советских властей. Настаиваем на том, чтобы об этом было вынесено формальное постановление Совкома Петроградской коммуны»²⁰⁷. Употребленная Лениным формулировка подсказывала, в какие выражения должно было быть облечено формальное решение, чтобы его можно было сообщить германскому правительству.

Огромное значение для революционной Финляндии имела советская помощь продовольствием. В начале февраля на заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов выступили встреченные овациями представители революционной Финляндии, которые, между прочим, передали просьбу о помощи хлебом. Им было тут же заявлено, что петроградский пролетариат с радостью отдает из своего полуголодного лайка 10 вагонов хлеба для красной Финляндии, доблестно охраняющей тыл русской революции²⁰⁸. В «Радиограмме всем, всем» Ленин сообщал: «Сегодня, 22.I 1918 старого стиля, петроградские рабочие дают 10 вагонов продовольствия на помощь финляндцам»²⁰⁹. О. Токой, который в качестве члена революционного правительства Финляндии вел в Петрограде переговоры, рассказывает, что Ленин обещал ему, что будет сделано все возможное для помощи финнам продовольствием. Это обещание было выполнено. Финнам было разрешено отправить поезд за хлебом в Сибирь. 19 февраля такой поезд вышел из Гельсингфорса. В Сибири поезд был так нагружен хлебом, что на подъемах паровоз не смог его везти. Часть вагонов пришлось оставить в Омске; 30 марта этот первый финский поезд из Сибири доставил в Гельсингфорс 36 вагонов хлеба²¹⁰. Однако и до этого в Финляндию из России было доставлено много продовольствия. «В марте, — пишет А. Тайми, — мы направили группу наших делегатов в Петроград с просьбой о хлебе... В самой России, особенно в таких центрах, как Петроград и Москва, ощущалась в то время страшная нужда в хлебе. Но нам не отказали. Хлеб был дан»²¹¹.

Уже 18 марта газета «Тиедонантоя» сообщала, что из России получено 14 вагонов пшеницы, 8 вагонов риса, 10 вагонов овса, 4 вагона ячменя; кроме того, от русского интендантства в Выборге было получено 19 вагонов продовольствия и в Гельсингфорсе еще несколько вагонов продовольствия. Газета добавляла, что Уральский окружной совет рабочих и солдатских депутатов направил в революционную Финляндию 3 вагона пшеничной муки, которая уже прибыла в Петроград, и что из Сибири в Финлян-

²⁰⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 54—55.

²⁰⁸ «Известия Гельсингфорсского совета...», 7.II (25.I) 1918 г.

²⁰⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 322.

²¹⁰ «Tiedonantoja», 2.IV 1918; H. Ahmala. Tokoin viljajunan mukana Siiperiaan. — «Työväen kalenteri XXXI. 1938». Helsinki, 1937, s. 169—172.

²¹¹ А. Тайми. Указ. соч., стр. 222, 223.

дию направляется еще несколько поездов с продовольствием. 28 марта «Тюэмиес» сообщила о прибытии 75 вагонов хлеба. Много хлеба находилось на пути в Финляндию, но поезда не успели туда прибыть до поражения революции. Со своей стороны, русские войска в Финляндии по-братски делились продовольствием (мукой и печеным хлебом) с финской Красной гвардией²¹².

Вся эта помощь продовольствием со стороны трудящихся Советской России была тем более великодушной, что сами они голодали не меньше финнов. 28 января 1918 г. В. И. Ленин писал Серге и Антонову в Харьков: «Ради бога, принимайте *самые* энергичные и *революционные* меры для посылки *хлеба, хлеба и хлеба!!!* Иначе Питер может околеть»²¹³. Но финнам хлеб давали. Американский военный атташе в Вологде отмечал в своем донесении, что в то время как поезда с хлебом направляются в Финляндию, «народ в Северной России не может достать хлеба»²¹⁴. В воззвании, которое было утверждено Главным Рабочим Советом 25 февраля, говорилось: «Рабочие Питера сидели без хлеба не только дни, но недели, питаются только капустой и огурцами, но, несмотря на это, среди них царит революционный энтузиазм, они верят в окончательную победу революции. В этом отношении нам нужно очень многому у них поучиться». Только благодаря братской помощи трудящихся Советской России рабочие революционной Финляндии были спасены от голодной смерти и финляндская революция не была задушена «костлявой рукой голода».

Белофинская агентура пыталась помешать доставке продовольствия из России в красную Финляндию. 19 февраля на пограничной советской станции было получено приказание задержать идущий в Финляндию поезд из 28 вагонов, груженных хлебом. Распоряжение было выполнено, хлеб конфисковали. Оказалось, что оно было фальшивым. Комиссар, ставший жертвой белофинской мистификации (ее автором являлся барон Херцен), был арестован.

Большие трудности переживала Финляндия с кормами для скота. Советская Россия оказала помощь и в этом. 18 марта «Тиедонантоя» сообщала, что «на прошлой неделе» получено 20 вагонов жмыхов и на пути из Петрограда в Финляндию находится еще 36 вагонов жмыхов. Кроме того, в Финляндию из России поставлялись нефть, ткани, кожи и другие товары. В связи с переводом столицы в Москву в Петрограде продавалось большое количество накопившихся во время войны товаров по низким ценам; красной Финляндии было продано таких товаров на 30 млн. рублей²¹⁵. Нужно ли добавлять, что все это предоставля-

²¹² ЦГВИА, ф. 2262, дп. VIII, д. 28, л. 187; оп. IX, д. 12, лл. 607, 619.

²¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 30.

²¹⁴ «FRUS. 1918. Russia», vol. III, p. 231, 232.

²¹⁵ «Suomen työväen valtakunta», s. 112.

лось Финляндии отнюдь не потому, что в России это некуда было девать! Наоборот, истощенная войной Россия крайне нуждалась во всех этих товарах; но с революционной Финляндией делились последним.

В марте из Петрограда в Финляндию было послано два санитарных поезда с оборудованием и медицинским персоналом²¹⁶.

Моральной и политической поддержкой для революционной Финляндии явился договор с РСФСР об укреплении дружбы и братства. Сознание общности борьбы и чувство искренней бескорыстной дружбы побуждало к сближению эти две социалистические республики, окруженные враждебным капиталистическим миром, который стремился их задушить.

В начале февраля 1918 г. Совет Народных Уполномоченных Финляндии предложил Совету Народных Комиссаров РСФСР начать переговоры о заключении договора. Вскоре была назначена комиссия, в которой каждая из сторон была представлена равным числом членов. С советской стороны в нее вошли А. Л. Шейнман, В. М. Смирнов, А. В. Шотман и К. Шишко, с финской — Э. Гюллинг, Э. Валпас, О. Токой, Арьяне²¹⁷. Комиссия подготовила проект договора, после чего он был внесен на рассмотрение Совета Народных Комиссаров и Совета Народных Уполномоченных. Активное участие в обсуждении и формулировании статей договора принял В. И. Ленин.

Со стороны Советской России не было и тени навязывания небольшой Финляндии каких-либо не выгодных для последней условий. Советское правительство внимательно и доброжелательно относилось ко всем пожеланиям финнов, в том числе и к тем, которые касались территориальных изменений в пользу Финляндии. В то время как империалистические державы вели ради захвата новых территорий разбойничью войну, первые в мире социалистические республики решали вопросы о взаимных территориальных претензиях в духе дружеского взаимопонимания, без каких-либо затруднений.

Так, 25 февраля СНК принял следующее написанное Лениным постановление: «Признать в принципе справедливость желания финских товарищей о передаче Финляндской Социалистической Рабочей Республике указанной в финском добавлении к § 6 проекта договора части территории. Поручается Согласительной Комиссии разработать способы практического осуществления этой передачи»²¹⁸.

28 февраля СНК, рассматривая вопрос о границе между Финляндской и Советской республиками, постановил вернуть проект договора в Согласительную комиссию для добавления, что «Лап-

²¹⁶ А. Т а й м и н. Указ. соч., стр. 223.

²¹⁷ И. И. С ю к и я й н е н. Указ. соч., стр. 238.

²¹⁸ «Ленинский сборник XXI», стр. 244.

ландия присоединяется к Финляндии, если население, свободно опрошенное, выскажется за такое присоединение»²¹⁹.

Когда в ходе переговоров возникали разногласия о проведении границы, то неизменно принималось предложение финской стороны. Участвовавший в переговорах Токой пишет, что между русскими и финскими представителями возникло разногласие о том, по какому берегу пограничной реки должна проходить граница. «Вопрос был доложен самому Ленину, который разрешил его характерным для него образом, сказав, что граница должна проходить так, как этого хотят финские товарищи»²²⁰. В другом случае разногласия касались границы по фиорду Муоткавуоно, богатому рыбой. Русский эксперт по вопросам международного права проф. Рихтер защищал один вариант, финны — другой, гораздо более для них выгодный. Вечером 1 марта вопрос был представлен на решение СНК. Как передает Токой, Ленин решил его просто, сказав: «Если финские товарищи так упорно требуют, чтобы граница проходила так, как говорится в их проекте, то пусть так и будет»²²¹. Вопрос был исчерпан, и договор был подписан в тот же вечер. Ленин делом доказал, что его цитированные выше замечательные слова о том, что рабочие не разойдутся между собой по вопросу о границе, не были фразой с его стороны.

В этой готовности советской стороны пойти навстречу территориальным пожеланиям народа, в прошлом угнетавшегося Россией, большую роль сыграло отмеченное и Токоем личное влияние Ленина. Некоторое подтверждение этому можно увидеть в следующем высказывании самого Ленина на VIII съезде партии: «С красным финским правительством... мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал немало возражений чисто шовинистических: «Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали». Это — такие возражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста — и найдешь великорусского шовиниста»²²².

По предложению Ленина в проект договора был внесен ряд поправок политического характера. Так, название «Финляндская Республика» было заменено на «Финляндская Социалистическая Рабочая Республика»; это должно было указывать на то, что целью рабочей власти в Финляндии являются социалистические преобразования и построение социализма. Правда, по свидетельству представителя финляндской стороны Э. Гюллинга, «Совет Народных Уполномоченных был не совсем доволен этим переименованием, так как оно не подходило к находившемуся в

²¹⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 1, л. 156.

²²⁰ O. Tokoi. *Sisu*. New York, 1957, p. 165.

²²¹ O. Tokoi. *Kuin Petsamo liitettiin Suomeen*. — *Työväen kalenteri XXXI. 1938*, s. 62—64.

²²² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 183.

стадии разработки и принятому впоследствии проекту государственного устройства Финляндии»²²³.

Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской Социалистической Рабочей Республикой был подписан в Петрограде 1 марта 1918 г. Это был первый в истории договор между социалистическими государствами, но в нем уже были те особенности, которые характерны для всех последующих договоров между социалистическими странами: он был равноправным и взаимно выгодным и он закреплял отношения дружбы и братства, которые связывают социалистические страны.

Первые семь статей договора²²⁴ касались передачи каждой договаривающейся стороне расположенного на ее территории имущества другой договаривающейся стороны (хотя в находившемся в Финляндии русском имущество было вложен неизмеримо больший капитал), а также передачи Российской Федеративной Республикой Финляндской Социалистической Рабочей Республике в интересах содействия национализации торгового флота Финляндии всех кораблей, принадлежавших финляндской казне, обществам или частным лицам, но реквизируемых русским правительством до или во время войны. Слова о том, что это делается в интересах содействия национализации финляндского торгового флота, были внесены в текст договора по предложению Ленина; это должно было подсказывать финляндским революционерам правильный путь социалистических преобразований²²⁵.

Ст. 9 предоставляла судам каждой договаривающейся стороны право свободного пользования морскими, озерными и речными гаванями, якорными стоянками и лоцманскими учреждениями другой стороны и право свободной и беспрепятственной погрузки и разгрузки товаров. Ст. 10 предусматривала установление между российскими и финляндскими железными дорогами постоянного беспересадочного и бесперегрузочного сообщения, а ст. 11 — заключение особого соглашения о пользовании телеграфом, почтой и шоссейными дорогами на территории друг друга. Эти статьи договора создавали условия для оживленных экономических связей между Финляндией и Россией, которые всегда имели важное значение для обеих стран.

²²³ Э. Гюллинг. Первый договор между социалистическими республиками и Ленин (Финляндия и РСФСР в 1918 г.). — «Красная летопись», 1923, № 1 (28), стр. 11—13; «Ленинградская правда», 27.1 1928.

²²⁴ Полный текст договора см. в кн.: И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962, стр. 296—300. В сокращенном виде договор опубликован в кн.: Ю. В. Ключников, А. Сабанин. Международная политика новейшего времени в договорах, нотатах и декларациях. Часть II. М., 1926, стр. 120, 121.

²²⁵ Э. Гюллинг. Указ. соч., стр. 11—13; «Ленинградская правда», 27.1 1928.

Поскольку между Россией и Финляндией исторически сложился обмен рабочей силой (один Петроград, как крупный промышленный центр, притягивал обычно около 30 тыс. финляндских рабочих²²⁶ и некоторое количество русских рабочих было занято в Финляндии), договор предусматривал урегулирование вопроса о политических правах трудящихся одного государства на территории другого. Ст. 13 гласила, что РСФСР предоставляет все политические права российских граждан финляндским гражданам в России, принадлежащим к рабочему классу или крестьянству, не пользующемуся чужим трудом, если они проживают на территории России для трудовых занятий. Со своей стороны Финляндская Социалистическая Рабочая Республика обязывалась предоставить гражданам РСФСР в Финляндии наиболее легкие условия для получения политических прав, особенно принимая во внимание интересы трудового населения, не имеющего постоянной оседлости. По этому вопросу финляндские представители сначала предлагали, чтобы каждая сторона предоставила проживающим на ее территории гражданам другой стороны права гражданства. СНК по предложению Ленина обратил внимание на то, что «формальное равноправие финских и русских граждан (в вопросе об использовании ими политических прав за границей) было бы на деле явной привилегией для русской буржуазии», поскольку много русских буржуа выехало в Финляндию. Ленин предложил предоставлять политические права только рабочим и не эксплуатирующим чужого труда крестьянам²²⁷. Поправка Ленина нашла отражение в окончательном тексте договора.

Ст. 14 содержала обязательство Финляндской Социалистической Рабочей Республики не чинить никаких препятствий и содействовать продолжению и скорейшему окончанию начатой эвакуации из пределов Финляндской Социалистической Рабочей Республики сухопутных и морских вооруженных сил РСФСР. Эта статья выбивала почву из-под ложных утверждений буржуазной пропаганды об «империалистических» целях Советской России в отношении Финляндии.

Газета «Трудонантос» так оценивала договор с Советской Россией: «Резок контраст, когда сравниваешь в уме... договор, который заключили господа (т. е. договор, который белофинны заключили с Германией. — В. Х.), с тем ценным договором между Финляндией и Россией, который подписали первого числа этого месяца в Петрограде представители Совета Народных Уполномоченных и члены Совета Народных Комиссаров России. Русские представители не пытались обеспечить России какие-либо такие выгоды, в каких могут быть заинтересованы угнетатели и эксплу-

²²⁶ «Ленинский сборник XXI», стр. 244.

²²⁷ Э. Гюллинг. Указ. соч., стр. 11—13; «Ленинский сборник XXI», стр. 244, 245; «Ленинградская правда», 27.I 1928.

ататоры, и вообще что-либо такое, что ограничивало бы свободу и независимость Финляндии. Россия не потребовала никакой опеки над финским законодательством относительно таможенных пошлин и никак не ограничила свободу торговли Финляндии. Напротив, Россия позволила финским торговым судам свободно и беспрепятственно во всякое время заходить во все русские морские, озерные и речные порты, якорные стоянки и каналы. Таким образом, Россия открыла финскому народу возможность экономического подъема...»²²⁸.

Сопоставление документов социалистической дипломатии и буржуазной дипломатии в самом деле весьма поучительно. В обоих случаях дело шло об отношениях между большой страной и малой страной. Когда обе эти страны представляли собой социалистические республики, их отношения строились на основе равноправия и взаимной выгоды, ибо большая страна — Советская Россия — была дальше всего от намерения навязывать Финляндии невыгодные ей условия, а рабочее правительство малой страны — революционной Финляндии — не делало ничего, что противоречило бы ее национальным интересам. Во втором случае обе страны являлись буржуазными государствами и их отношения строились на основе волчьих законов капитализма: большая страна — империалистическая Германия — навязала малой стране — белой Финляндии — невыгодные для последней условия, и белофинское правительство согласилось на них, ради своих классовых интересов пойдя на предательство национальных интересов. Пролетариат, взявший власть, ценит и уважает независимость и своей страны, и других стран, а буржуазия, находящаяся у власти, не уважает независимости других, более слабых стран и не дорожит независимостью собственной страны, которой она готова пожертвовать, если это диктуется ее эгоистическими классовыми выгодами.

Революционные трудящиеся Финляндии были благодарны Советской России за все, что она сделала для их страны. Эти чувства были выражены Э. Торнийненом в речи на VII съезде РСДРП(б). Передавая привет от финляндской социал-демократической партии и революционного правительства, он сказал: «Ваша самоотверженная борьба служила для нас примером в борьбе против буржуазии нашей страны, поддерживала энергию финляндского пролетариата... По примеру своих русских братьев наш пролетариат встал, как один человек... Мы обязаны благодарить вас за многое: вы оказали нам серьезнейшую поддержку. Кроме признания во имя принципов международного пролетариата независимости нашей республики, вы приняли самое горячее участие в нашей борьбе. Многие из вас, русские товарищи, пожертвовали уже жизнью на полях Финляндии за общее

²²⁸ «Tiedonantoja», 11.III 1918.

дело пролетариата. Придерживаясь революционных принципов социализма, вы пришли к соглашению с финляндской рабочей республикой, заключили выгодные для Финляндии договоры. Это доказывает вашу интернациональную солидарность: это является образцом социалистического государства, гарантирующего свободу рабочего класса». Свое выступление Торниайнен закончил словами: «За все это финляндский революционный пролетариат вам выражает искреннюю благодарность. Да здравствует русский великий революционный пролетариат! Да крепнет единство между трудящимися всех стран! Да здравствует международная рабочая революция!»²²⁹.

Председатель съезда Свердлов в кратком ответном слове сказал: «Позвольте мне, товарищи, от имени съезда и от имени всей нашей партии выразить твердую уверенность в том, что вся та помощь, вся та поддержка, которую мы можем оказать финляндским рабочим в их борьбе против финляндской буржуазии, и впредь будет нами оказываться в полной мере... Та работа, которую проделали финские товарищи в Финляндии в борьбе со своей буржуазией, была тесно связана с нашей русской революцией. Многие наши товарищи, особенно питерские, действительно положили свои головы на полях Финляндии. Я не сомневаюсь в том, что впредь весь питерский пролетариат приложит все усилия к тому, чтобы власть, вырванная из рук буржуазии в Финляндии, осталась в руках рабочего класса и укрепились. В этом мы видим залог единения рабочего класса всех стран...»²³⁰.

В апреле, после высадки в Финляндии немецких войск, наступил труднейший период для финляндской революции. Советские коммунисты старались оказать финским товарищам моральную поддержку. 4 апреля 1918 г. Северная областная конференция РКП(б) направила социалистам Финляндии и Украины следующую приветственную телеграмму: «В трудный для финских и украинских рабочих и крестьян момент конференция шлет свой братский привет социалистам Финляндии и Украины. Мы — с вами и все честные рабочие Европы и Америки — с вами»²³¹. 5 апреля 1918 г. в Смольном на торжественно-траурном заседании, посвященном годовщине похорон жертв революции, был оказан теплый прием представителям красной Финляндии Э. Торниайнену, Ю. Сирола и О. Токою. Торниайнен произнес краткую приветственную речь. Он подчеркнул полное единодушие, которое существует и будет существовать между трудящимися обеих стран: пролетариат Финляндии, который тоже борется сейчас против своей буржуазии, всегда чувствует себя связанным братскими узами с пролетариатом России и других стран. Год назад, продолжал Торниайнен, в Финляндии тоже отмечали память

²²⁹ «Седьмой экстренный съезд РСДРП(б)», стр. 91—93.

²³⁰ Там же, стр. 93.

²³¹ «Туд», 10.IV 1918.

павших за революцию и сейчас вместе с русскими товарищами помнят о благородном деле этих героев. С теплым ответным словом выступил председатель собрания Володарский²³².

В апреле на территорию Советской России стали переходить беженцы, финские трудящиеся, не желавшие остаться под властью буржуазии. Их принимали по-братски, они нашли здесь приют и работу; для многих Страна Советов стала второй родиной. Многие из них помогли оборонять ее от врагов, в частности от белофиннов.

Советская Россия сделала максимум возможного для поддержки революционной борьбы финляндского пролетариата, но эта поддержка не могла спасти финляндскую революцию от поражения, с одной стороны, потому, что сами возможности Советской России были в то время ограничены, а с другой стороны, потому, что на судьбу революции оказал решающее влияние такой фактор первостепенной важности, как германская интервенция.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ДО ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

Пролетарская гражданская война может выступать с открытым изложением народу своих конечных целей, привлекая этим симпатии трудящихся, а буржуазная гражданская война только сокрытием своих целей и может пытаться вести часть масс.

В. И. Ленин. Русская революция и гражданская война. 1917 г.

В Финляндии гражданская война была запланирована и подготовлена буржуазией еще в то время, когда не было известно, что революция произойдет. С началом революционного выступления рабочих на юге совпало заранее намеченное выступление контрреволюционных сил на севере. Революция родилась в момент, когда ее враги уже приступили к военным действиям, чтобы не дать ей родиться или тут же ее задушить. Сразу стало очевидно, что в северной части страны революция пока победить не сможет. Уже в первые дни определилась приблизительная граница между зонами господства белых и красных. Красная гвардия выдвинулась на этот северный рубеж революционной Финляндии, чтобы закрыть армии Маннергейма путь на юг.

Фронт длиной около полутысячи километров, хотя не сплошной и четко обозначенный только в районах дорог, протянулся через всю страну от Ботнического залива до Ладожского озера. Он начинался у Мерикарвиа (километрах в 50 севернее Бьёрнеборга), шел на восток до Икаалинен (примерно в 50 км к северо-западу от Таммерфорса), поворачивал к северу до ст. Виррат

²³² «Туб», 10.IV 1918.

(около 50 км на запад от Хапаяки), затем продолжался приблизительно в юго-восточном направлении через Руовеси, Вильппула, Ямса до Луси, несколько отклонялся севернее к Мянтюхарью, затем опять южнее к Савитайпале и далее примерно в юго-восточном направлении через Йоутсено — Антреа — Хейпйюки — Рауту до Ладожского озера. Таким образом, схематично можно считать основой линии фронта прямую от места несколько севернее Бьёрнеборга (Пори) на Рауту (ныне Сосново), но от этой прямой фронт в ряде мест несколько отклонялся к северу, а напротив Таммерфорса он сильно выгибался к северу почти в виде полукруга, центром которого был Таммерфорс.

У красных не хватило сил продвинуть таммерфорский выступ фронта еще дальше к северу, до важного железнодорожного узла Хапаяки, и перерезать находившуюся в распоряжении белых железную дорогу, которая на восток от Хапаяки шла приблизительно параллельно линии фронта и имела важное стратегическое значение, позволяя белым маневрировать резервами и обеспечить снабжение своих войск по всему фронту. Но и у белых не хватило сил в начале войны взять Таммерфорс, важный железнодорожный узел и пролетарский центр, и тем самым отрезать западный фронт красных от среднего и восточного. Между тем захват Таммерфорса был одним из важнейших пунктов военного плана Маннергейма. После этого он рассчитывал бросить крупные силы на Выборг, отрезать красных от России и добить в этом котле. Красная гвардия сорвала эти планы; ни один из этих важных пунктов Маннергейму не удалось осуществить до германской интервенции. Фронт в основном стабилизировался. Это свидетельствовало о силе сопротивления красных.

Белые стали наращивать силы. 18 февраля 1918 г. они ввели на занимаемой ими территории всеобщую воинскую повинность для мужчин в возрасте от 21 до 40 лет, объявив вступившим в силу закон 1878 г. о военнообязанных. Буржуазия насильственно мобилизовала трудящихся в белую армию. Отказавшихся вступать в их армию белофинны сажали в концлагери или расстреливали²³³. Однако в ряде мест население саботировало воинскую повинность. Так, в Раутъярви старики отказывались отдавать своих сыновей в армию Маннергейма, а сами сыновья — вступать в нее. Там же крестьяне отказывались давать белым хлеб²³⁴. Бегство от воинской повинности стало в белой Финляндии обычным явлением. Так, в округе Йонсуу из 60 тыс. призванных не явилось на призыв около 15 тыс., в Ювяскюля из 20 тыс. призванных не явилось около 6 тыс.²³⁵ Из пограничных районов северо-восточной Финляндии уклоняющиеся от

²³³ «Luokkasodan muisto», s. 42; «Helsingin työväenyhdistys 40-vuotias», s. 142.

²³⁴ «Tiedonantoja», 6.III 1918.

²³⁵ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 187, 188.

мобилизации в белофинскую армию бежали в Восточную Карелию, т. е. на территорию Советской России. Нередко беглецы-призывники пробирались целыми группами в районы, занятые красными, и добровольно вступали в Красную гвардию. В прессе сообщалось, что только за один день 5 марта в Вильманstrand (Лаппеенранта) прибыло из Тайнионкоски около 300 трудящихся, бежавших от воинской повинности; все они добровольно записались в Красную гвардию²³⁶. Любопытно, что даже помещики и купцы, ради интересов которых и велась война армия Маннергейма, не горели желанием вступить в нее и нередко за солидные вознаграждения в 3—4 тыс. марок искали на свое место охотников²³⁷.

Но наряду с насильно мобилизованными и не желавшими воевать в белой армии было достаточно и убежденных врагов революции из буржуазных классов, а также введенных в заблуждение крестьян. Буржуазия позаботилась о том, чтобы на подвластной белым территории внушить крестьянам страх перед революцией, которая якобы отберет у них землю, и ненависть к революционным рабочим и к русским солдатам. С этой целью совершались преступные провокации. Газета «Арбетет» (Або) сообщала: «В Карелии и Эстерботнии белая гвардия именует рабочих разбойниками. В местности, занятой белой гвардией, рабочих иначе и не называют. Это по меньшей мере смешно, ибо сама буржуазная гвардия совершает ограбления, а ее предводителем является известный во всей Карелии грабитель Матти Лахениemi». Газета рассказывала, что, например, «в деревне Мааселкя Раутуского прихода белогвардейцы, одетые в солдатскую форму и в масках... ограбили... два бедных двора, взяв в одном 150 марок, а в другом — 70. Грабителями объявили рабочих и русских солдат. Это грязное преступление имело целью вызвать у владельцев дворов желание мести в отношении рабочих и таким образом побудить их вступить в белую армию. Однако обман на этом не закончился. На следующий день было произведено следствие, и в качестве виновников этого преступления арестовали невинных рабочих»²³⁸. В другой деревне белогвардейцы явились к рабочему Васалайнену, который был дома с женой и братом, вызвали его на двор и смертельно ранили. Газета «Кякисалмен саномат» изобразила его не жертвой убийства, а жертвой столкновения между белофиннами и Красной гвардией²³⁹. Не удивительно, что в белой армии нередкой фигурой был необразованный крестьянин, поверивший в то, что револю-

²³⁶ «Tiedonantoja», 6.III 1918.

²³⁷ М. Майзель. Страницы из революционной истории финляндского пролетариата. Л., 1928, стр. 85.

²³⁸ Z. Höglund, F. Ström. Demokratien och den finska revolutionen. Stockholm, 1918, s. 19, 20.

²³⁹ Ibidem.

лионеры и безбожники несут его стране зло, что они хотят опять подчинить Финляндию России, а у него отобрать последний клочок земли. Под влиянием этой вбитой в него мысли он со всем крестьянским упорством и добросовестностью старался «сокрушить «злые силы». Он напоминал ту набожную старушку, которая в убеждении, что вносит посильную лепту в борьбу со злом, принесла пучок соломы в костер, на котором сжигали Яна Гуса. Истинный смысл событий дошел до сознания такого крестьянина лишь позже. Корреспондент шведской газеты «Нюа даглит алеханда» Вестберг засвидетельствовал этот процесс в сознании финляндских крестьян после поражения революции. Он приводил такие их высказывания: «Скоро мы все будем социалистами. Нас подло обманули. Не следовало поднимать оружие против революции»²⁴⁰. Вот что скрывается за большим процентом участия крестьян в борьбе на стороне контрреволюции.

Применяя насилие и дезинформацию, буржуазии удалось создать большую по финляндским масштабам армию, которая в начале апреля насчитывала 36 тыс. человек, а к концу войны — около 70 тыс. человек²⁴¹. У белых было много офицеров: 11 генералов, 480 выпускников кадетского корпуса, 403 офицера и 724 унтер-офицера из обучавшихся в Германии егерей; 118 унтер-офицеров белые получили из организованной в Вейюри военной школы. Много офицеров прибыло к Маннергейму из Швеции. В рядах белофиннов сражалось также некоторое количество немецких, датских, норвежских и русских белогвардейских офицеров. Всего у белых было более 1700 офицеров²⁴². Большое количество квалифицированного командного состава составляло главное преимущество белой армии над Красной гвардией.

Белая армия была хорошо вооружена. Начиная с октября 1917 г., белофинны получили из Германии 147 тыс. винтовок, 82,5 млн. русских винтовочных патронов, 10,8 млн. немецких винтовочных патронов, 280 пулеметов, 505 тыс. ручных гранат, 32 орудия, 17 400 снарядов, 8 минометов и 3 самолета²⁴³. В результате неожиданного нападения на русские войска в северной Финляндии белофинны захватили русское военное имущество и оружие: 12 орудий, 10 пулеметов, 7880 винтовок и 1148 тыс. патронов²⁴⁴. После взятия Таммерфорса (это произошло уже после высадки немцев) белофинны имели около 100 орудий²⁴⁵. (В этот перечень не включено вооружение, которое имели прибывшие потом в Финляндию германские интервенты.) Таким образом, в

²⁴⁰ Цит. по: «Kumous», 10.VIII 1918, s. 26.

²⁴¹ «Kommunisti», 1955, № 1, s. 44, 45; «Suomen luokkasota», s. 82; H. Ignatius, K. Soikkeli. La guerre d'indépendance en Finlande en 1918. Helsingfors, 1925, p. 36.

²⁴² «Kommunisti», 1955, № 1, s. 44; «Suomen luokkasota», s. 79.

²⁴³ «Suomen luokkasota», s. 81, 82.

²⁴⁴ Ibid., s. 79; «Kommunisti», 1955, № 1, s. 44.

²⁴⁵ «Suomen luokkasota», s. 82.

оружии недостатка не было. У белофиннов было 15 самолетов; 8 из них были предоставлены шведской буржуазией, 3 — Германией, 4 были куплены у русских белогвардейцев. Из летчиков не было ни одного финна: 11 летчиков прибыли из Швеции, 2 — из Германии, 1 — из Дании; кроме того, летчиками у Маннергейма служили два русских белогвардейца²⁴⁶.

В необходимых для войны денежных средствах у белофиннов подавно не было недостатка. Капиталисты Финляндии и других стран не жалели денег для Маннергейма, в котором они увидели «сильную руку», способную подавить революцию. На другой день после назначения Маннергейма главнокомандующим директор банка Эрнрут привел его на совещание банкиров. Маннергейм заявил, что ему нужны деньги, но у него нет времени ждать их от сената, так как он завтра должен уехать в Эстерботнию. Эрнрут обратился к присутствующим с кратким, но доходчивым призывом: «Если все будет хорошо, господа получают свои деньги обратно, а если нет, то все равно все будет потеряно». Толстосумы тут же достали чековые книжки и предоставили генералу кредит на 15 млн. марок, которые он мог получить в Васа²⁴⁷. Когда сенатор Фрей спросил Маннергейма, какой суммой он располагает и сколько ему еще нужно денег, Маннергейм ответил, что у него есть 15 млн. марок и что для «установления порядка в стране» ему понадобится еще по крайней мере 25 млн. марок. Фрей заверил Маннергейма, что деньги сенат достанет²⁴⁸. Действительно, у Маннергейма, по словам историка Шибергсона, в деньгах недостатка не было²⁴⁹; генерал испытывал *embarras de richesse* в буквальном смысле, его засыпали деньгами и предложениями о кредите. Собравшиеся в Васа на совещание директора ряда банков — Финляндского банка, Национального акционерного банка, Объединенного банка, Северного акционерного банка выразили Маннергейму доверие и готовность употребить, «если это понадобится, все их средства для установления в стране законного порядка»²⁵⁰. Банкиры хорошо поняли дилемму, которую так выразительно сформулировал Эрнрут. Для нужд войны белофинны собирались использовать также капитал Финского пароходного акционерного общества, составлявший около 200 тыс. марок, но в этом не оказалось надобности.

Белофинны получали деньги и от буржуазии других стран. Скандинавское кредитное акционерное общество предоставило им кредит в 1 млн. крон по поручительству барона К. Ланген-

²⁴⁶ «Suomen luokkasota», s. 82.

²⁴⁷ G. Mannerheim. Erinnerungen. Zürich — Freiburg, 1952, S. 167, 168.

²⁴⁸ A. Beranek. Mannerheim. Berlin, 1942, S. 118.

²⁴⁹ M. G. Schybergson. Politische Geschichte Finnlands 1809—1913. Gotha — Stuttgart, 1925, S. 445.

²⁵⁰ «Finlands frihetskrig...» Del IV, s. 27.

шельда²⁵¹. Шведские банкиры, относившиеся с большим сочувствием к борьбе белофиннов против революции, предложили заем на 10 млн. крон и, кроме того, заем на 12,5 млн. крон под вексельные обязательства, скрепленные поручительством фирм, заинтересованных в победе финляндской буржуазии; кроме этого, оставалась перспектива получить еще 10 млн. крон на тех же условиях²⁵². 7 февраля 1918 г. белофинское правительство сообщило своей миссии в Стокгольме о согласии гарантировать первый заем; позднее выяснилось, что шведские банкиры любезно увеличили его до 30 млн. крон. Норвежские банкиры предоставили белофиннам заем на 1,5 млн. крон. Германия также предоставила белофиннам кредит²⁵³. На нужды контрреволюционной войны поступали крупные частные пожертвования от финских и иностранных капиталистов; акционерное общество «Гутцейт» подарило белофиннам 500 тыс. крон²⁵⁴.

Всего белофинны получили в 1918 г. от своей и иностранной буржуазии для подавления революции свыше 800 млн. марок²⁵⁵. Это позволило им с каждым месяцем увеличивать военные расходы втрое. В феврале эти расходы составили 10 млн. марок, в марте — 30 млн., в апреле — 87 млн.; в мае, хотя война была закончена, военные расходы составили 38 млн. марок. Сюда не включены расходы на оружие, составившие 40 млн. марок. Общие же издержки белофиннов в связи с войной составили около полу-миллиарда марок²⁵⁶. Денег на подавление революции было предоставлено так много, что сотни миллионов марок еще остались.

Военным действиям белых помогали их многочисленные агенты в красной Финляндии, ловко пользовавшиеся недостаточной бдительностью красных и отсутствием у них органов контрразведки. Эти агенты действовали подчас очень ловко и дерзко. Прежде всего белофинны, находившиеся в Гельсингфорсе, наладили регулярную связь с белой Финляндией и даже со Шведцией и Германией. Этому способствовала контрреволюционная позиция большинства телеграфных чиновников. Саботаж они прекратили, телеграф стал работать, но отчасти... на белых. Уже в первые дни революции буржуазия из Гельсингфорса поддерживала телеграфную связь с белой Финляндией посредством проведенного в частный дом отвода от железнодорожного телеграфа. Через несколько дней красные раскрыли это. Тогда белые установили телеграфную связь с Васой и штабом Маннергейма через Бьёрнеборг (Пори). Созданная буржуазией в красной Финляндии

²⁵¹ Ibid., s. 63.

²⁵² Ibid., s. 63, 64; A. Anderson. Den svenska Ålandsexpeditionen och förhållandena i Stockholm under frihetskriget. Helsingfors, 1919, s. 17, 18.

²⁵³ «Finlands frihetskrig...» Del IV, s. 65.

²⁵⁴ Ibid., s. 64, 65.

²⁵⁵ «Kommunist», 1925, № 4, s. 187.

²⁵⁶ «Kumous», 1918, № 3, s. 31.

тайная информационная организация, с одной стороны, собирала сведения с мест о дислокации, действиях и приготовлениях Красной гвардии, которые регулярно передавались в штаб Маннергейма по телеграфу и даже по телефону; с другой стороны, эта организация рассылала директивы и информацию из центра своим членам на территории красной Финляндии. 12 марта красные раскрыли и эту связь с Маннергеймом, хотя и не нашли виновников. После этого те же сведения передавались Маннергейму через шведского курьера.

Белые предупредили немцев, чтобы они при занятии Таллина привели в порядок телеграфный кабель № 254, связывавший Таллин с Гельсингфорсом. Красным не о чем было разговаривать с Таллином, занятым немцами, и они кабель не использовали. Белофинские же телеграфисты, переодевшись в русскую форму, среди бела дня сделали себе ответвление от этого кабеля и установили прямую связь с немцами. Эта связь с Германией дублировалась через Стокгольм. До Брестского мира немцев особенно интересовал план отхода русских войск в случае германского наступления в Прибалтике. Белофинским агентам удалось узнать этот план, и 17 февраля он был сообщен германским представителям в Стокгольме²⁵⁷.

Революционные власти подозревали телеграфистов в нелояльности и хотели назначить финских комиссаров на телеграфные станции. Телеграфные чиновники решительно воспротивились, угрожая забастовкой: они заявили, что телеграф в Финляндии — русское государственное учреждение, не подлежащее контролю финских властей. Против русских контролеров чиновники не возражали; им нечего было опасаться контролеров из русских солдат и матросов, не знавших ни финского, ни шведского языка. Сочувствовавшие белым телеграфисты задерживали телеграммы революционных органов, передавали секретные сведения Маннергейму и за границу, используя фальшивые подписи Сирола и других членов правительства²⁵⁸.

Белые издавали в Гельсингфорсе нелегальную газету «Свободное слово» на финском и шведском языках, печатавшуюся на машинке²⁵⁹; в тайной типографии печатались воззвания белофинского правительства, а также листовки с обвинениями против революционных властей, выпущенные будто бы «рабочими Таммерфорса»²⁶⁰. Для закупки оружия у русских солдат белые создали особую организацию с русским названием «Ермак». В переносе оружия участвовали и женщины из буржуазных кругов, прятая-

²⁵⁷ «Finlands frihetskrig...», IV, s. 66, 67; J. Öhqvist. Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit. Berlin, 1923, S. 163—166.

²⁵⁸ В. Смирнов. Указ. соч., стр. 158, 159.

²⁵⁹ G. Landtman. Finlands väg till oavhängighet. Helsingfors, 1910, s. 278, 279; «Пролетарская революция», 1928, № 4, стр. 108, 109.

²⁶⁰ «Tiedonantoja», 2.III 1918.

шие винтовки под длинными платьями, а пистолеты и патроны — в детских колясках.

Белофинны осуществили целый ряд диверсий, нанесших красным серьезный ущерб. В ночь на 7 марта в Гельсингфорсе был взорван пороховой погреб²⁶¹. Буржуазные агенты подкупили командира русского ледокола «Тармо»; 2 марта на ледокол под видом русского инженера прибыл не кто иной, как скрывавшийся в Гельсингфорсе глава белофинского правительства Свинхувуд, а также министр Я. Кастрен и группа белогвардейцев. На следующий день, когда ледокол был выведен из гавани и оказался в море, белофинны овладели им и привели в Таллин, откуда Свинхувуд выехал в Германию хлопотать о германской интервенции. 29 марта белофинны под видом рабочих и лоцманов проникли на русский ледокол «Волынец», капитан которого был подкуплен, и овладели им (ледокол «Сампо» белофинны захватили хитростью еще накануне революции, 26 января)²⁶².

Серьезное содействие реакции оказывала и церковь. В армии Маннергейма было немало попов, внушавших солдатам, что они ведут справедливую войну. «Духовенство... поставляло самых непримиримых белых лидеров в гражданской войне»²⁶³, — пишет буржуазный историк. На территории красных церковникам приходилось действовать осторожнее. Здесь они не рисковали обращаться к рабочим с прямой контрреволюционной пропагандой, а призывали не нарушать заповедь «не убий». Выходило, что не нужно воевать против белых.

В этом же духе руководство союза христианских рабочих Финляндии в феврале призвало членов рабочих христианских обществ, состоящих в красной или белой гвардиях, немедленно выйти оттуда. В белой гвардии рабочих было мало, так что практически это был призыв к уходу рабочих из Красной гвардии.

Маннергейм знал, что духовенство ему сочувствует, и старался его использовать. В феврале у пастора в с. Падасйоки, на территории красных, было найдено предписание Маннергейма священникам объявить в церквях, что 3 февраля в 3 часа дня белые овладели Таммерфорсом²⁶⁴. (Осуществить это на самом деле Маннергейм смог только через два месяца с лишком — после прибытия в Финляндию германских войск.) Фактически духовенство представляло собой агентуру контрреволюции; моральный дух белых оно старалось поднять, а моральный дух красных подорвать.

²⁶¹ «Tiedonantoja», 7.III 1918.

²⁶² «Finlands frihetskrieg...», VII, s. 38, 39; В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии..., стр. 160; «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 98.

²⁶³ J. H. Jackson. Finland. New York, 1940, p. 159.

²⁶⁴ «Tiedonantoja», 23.II 1918.

Иностранные консулы и отдельные иностранцы, принадлежавшие к эксплуататорским классам и находившиеся на территории, где победила революция, тоже, как правило, не соблюдали нейтралитет, а старались помочь белофиннам. Еще до начала гражданской войны некоторые иностранные консулы, злоупотребляя своим положением, хранили в зданиях консульств оружие шюцкоров. С началом войны все консулы вдруг ощутили необходимость посылать курьеров с каждым пароходом. В качестве курьеров отправлялись финские буржуа. Многие из них были таким образом переправлены в Швецию. Позже революционные власти пресекли эту практику. Персидскому консулу было, например, заявлено, что вряд ли интересы самой Персии требуют столь оживленных и срочных сношений с западными странами. Французский консул занялся скупкой в революционной Финляндии платины. В ряде консульств печатались контрреволюционные листовки. Некоторые иностранцы (например, группа иностранцев в Бьёрнеборге) занимались шпионажем в пользу белофиннов²⁶⁵. Революционное правительство, не желавшее обострять отношений с другими государствами, ограничивалось высылкой шпионов.

Таким образом, все, что было контрреволюционного на территории страны, либо открыто, либо тайно вело борьбу против пролетарской власти. Но на защиту последней решительно встали рабочие и деревенская беднота революционной Финляндии. Свидетельством их воодушевления и готовности отстоять свою революцию явился необычайно быстрый рост Красной гвардии, хотя она первое время комплектовалась только из добровольцев. Как потом отмечали финские коммунисты в открытом письме Ленину 3 сентября 1918 г., если «во время революции в течение нескольких недель все же была создана Красная армия, достигающая приблизительно 75 000 человек, на территории, на которой проживала едва половина из трехмиллионного населения страны, в стране, в которой в течение 15 лет не было никакого своего войска и в которой в распоряжении рабочего класса не было почти лиц, получивших военное образование или вообще знакомых с военной техникой, то это, безусловно, явилось большим доказательством развития общих организаторских способностей рабочего класса»²⁶⁶.

В начале гражданской войны Красная гвардия испытывала нехватку вооружения, но вскоре благодаря помощи Советской России она имела его в достаточном количестве. Это было важным материальным условием для успешной защиты революции.

Самой слабой стороной финской Красной гвардии было отсутствие командиров, имеющих военную подготовку. Ее рядовой

²⁶⁵ «Suomen luokkasota», s. 59.

²⁶⁶ «Финляндская революция», стр. 27.

состав и подавно не имел такой подготовки, но в этом отношении не лучше обстояло дело и в белой армии. Поскольку финляндские граждане с начала столетия не призывались на военную службу, они не были знакомы с военным делом. Некоторое количество финляндцев служило в царской армии офицерами, и все они оказались, естественно, на стороне белых. Небольшое число русских командиров, добровольно вступивших в Красную гвардию, было каплей в море и совершенно не разрешало проблемы. Из-за отсутствия квалифицированных командиров не могло быть обычной для армии централизации: сведения рот в батальоны, батальонов в полки, полков в дивизии. Красная гвардия состояла в основном из огромного количества рот, которыми и приходилось руководить штабу.

Отсутствие у красногвардейцев военной подготовки и грамотных в военном отношении командиров было причиной многих элементарных ошибок. Не зная специфики армии, рабочие недооценивали важность единоначалия, военной дисциплины. Они перенесли в армию демократические методы из практики рабочих организаций. Командиров выбирали и переизбирали, решения о военных действиях принимались на общих собраниях после прений путем голосования. О строгом соблюдении военной тайны при этом не могло быть и речи. Разведке, охранению и связи не придавали должного значения, поэтому представление о противнике часто не соответствовало действительности, а взаимодействие с соседними частями не было организовано. Оставлять часть войск в резерве не желали, поэтому резервов не было.

Однако избранные красногвардейцами командиры иногда неплохо выполняли непривычные для них обязанности, а некоторые обнаружили даже выдающиеся военные способности, не говоря о боевых и моральных качествах. Например, о командующем Западным фронтом Хуго Салмела, рабочем-металлисте без всякого военного образования, даже враждебный революции автор писал, что это был человек мужественный и решительный, с высоко развитым чувством долга, с ярко выраженными военными способностями и с «совершенно безупречным» поведением²⁶⁷.

Член французской пропагандистской миссии в России Лапорт, который проезжал через Финляндию и наблюдал и красных, и белых, с иронией писал об отсутствии у красногвардейцев военной выправки, о том, что они с папироской в зубах обращаются к командующему и т. п., но и он вынужден был признать высокие боевые качества красногвардейских командиров. Он дал колоритное описание поведения одного из них, которого он полупиронически называет генералом, в момент опасности, когда

²⁶⁷ A. Adorjan. La Finlande rempart de l'Europe. Paris, 1940, p. 78, 79.

красные войска дрогнули: «Но вот прибывает Лехтимяки. Все вдруг преображается. У этого молодца явно нет никаких военных знаний — да и где ему было их получить? Но он обладает великолепным качеством увлекать людей, необходимым для настоящего, серьезного войскового офицера, и он на моих глазах продемонстрировал редкое мужество. Живое выскочив из своего автомобиля с красным флажком, генерал с самым спокойным видом направился к своим дрогнувшим войскам. Несколько коротких жестов, достойных настоящего командующего, — и он рассылает своих людей в указанные им места... Однако генерал считает, что этого недостаточно. Его люди снова обрели мужество, но им не хватает порыва, как хочется ему. Необходимо им его вдохнуть и в то же время показать им истинный блеск, показать, что их генерал не трусит... Теперь мост обстреливается противником с трех сторон. И вот, зная это, Лехтимяки спокойно садится в автомобиль и что-то говорит шоферу. Автомобиль движется в направлении моста, проезжает его под градом пуль, быстро продолжает свой путь к вокзалу. Я слежу глазами за маленькой серой машиной, почти исчезающей вдаль, и чувствую, что мое сердце бешено колотится. Вот машина останавливается, дает задний ход, поворачивает обратно. Шофер проделывает эти маневры самым спокойным образом. Лехтимяки рассмотрел, что ему было нужно, и сделал, что хотел. На приличной скорости он возвращается, проезжает мост все так же под огнем и, не остановившись перед своими восхищенными людьми, следует в штаб на своей машине, которая вся изрешечена пулями. Теперь пусть попробуют белые наступать, с ними тут поговорят как следует»²⁶⁸. Благодаря своему бестрепетному мужеству и умению увлечь людей на подвиги некоторые командиры Красной гвардии вполне стоили офицеров, имевших военную подготовку.

Следует отметить, что вообще красные сражались с замечательной храбростью. Даже реакционный автор пишет: «К чести этой Красной армии следует сказать, что она сражалась с мужеством и упорством... Под командой людей из народа, которые большей частью не имели военного образования, красные солдаты дали, однако, доказательства подлинной военной доблести»²⁶⁹. Сам начальник белофинского штаба признал, что «красные идут на смерть как герои»²⁷⁰.

Особенное упорство проявляли они в обороне даже против во много раз превосходящего противника. Примером может служить оборона Варкауса. Варкаус, расположенный севернее Ювяскюля, т. е. фактически в зоне белых, был взят белыми только 21 февраля после многодневных ожесточенных боев. Все во-

²⁶⁸ H. Laporte. La guerre des rouges et des blancs. Le premier échec des rouges. Russie, Finlande (Janvier — Mai 1918). Paris, 1929, p. 174—176.

²⁶⁹ A. Adorjan. Op. cit., p. 78, 79.

²⁷⁰ «Kommunisti», 1925, № 11, s. 491.

оружение местных красногвардейцев состояло из 80 винтовок с небольшим количеством патронов, наступало же на них 4 тыс. белогвардейцев с пулеметами и даже пушками. Рабочие сами изготовили пушку, но ее разорвало при первом же выстреле. Однако самодельные гранаты были эффективны. Патроны у оборонявшихся кончились в первый же день штурма. Они медленно с боем отступали и заняли здание фабрики. Место их работы стало их крепостью. Белые окружили его и повели ожесточенный обстрел. Защитники разместили женщин и детей, а также безоружных мужчин в подвале фабрики. Всю ночь рабочие точили и лили пули, изготавливали патроны и гранаты; это позволило им держаться весь следующий день. Вечером белые пошли в атаку, но были отогнаны самодельными гранатами. Белые подожгли расположенный рядом лесозавод и разрушили стенку водохранилища. Вода хлынула в подвал. Чтобы спасти женщин и детей, красные вынуждены были сдаться. Белые расстреляли 450 сдавшихся — во много раз больше, чем было защитников, имеющих оружие²⁷¹.

Защита революции воспринималась рабочими и деревенской беднотой южной Финляндии как свое кровное дело, за которое в бой шли не только мужчины, но и женщины и даже дети. Напоминая о борьбе парижских коммунаров, в которой участвовали женщины и дети, Ленин пророчески писал: «Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины не будут смотреть пассивно, как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как и в 1871 году»²⁷². Это сбылось во время финляндской революции. Пролетарские женщины, в начале войны помогавшие в снабжении армии продовольствием, в уходе за ранеными, иногда в несении охраны, с конца февраля стали создавать женские отряды Красной гвардии. Сначала Главный Рабочий Совет попытался было не допустить создания боевых отрядов из женщин, считая, что быть бойцами — дело не женское. В своих указаниях главному командованию Красной гвардии от 1 марта он разъяснял, что женщин можно принимать в Красную гвардию только для ухода за ранеными, но оружия им не выдавать. Но слишком великой и важной была борьба, чтобы дочери рабочего класса могли пассивно ждать ее исхода. Возникали все новые женские отряды Красной гвардии. В боях они проявляли не меньшую храбрость и неустрашимость, чем мужские отряды. Женские отряды Красной гвардии нанесли большие потери белым и немцам при обороне Таммерфорса и Гельсингфорса, а под Котка даже несколько раз вынуждали к отступлению закаленные в боях

²⁷¹ «Luokkasodan muisto», s. 93—95.

²⁷² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 137.

немецкие войска²⁷³. Буржуазная газета «Хувудстадсбладет», стараясь, разумеется, очернить пролетарских женщин за участие в гражданской войне, с высокомерной иронией писала: «В эти времена, когда ужас облачился в пурпурную мантию, красная женщина выполнила свою миссию и вписала себя в летописи как символ вечно неженственного»²⁷⁴. Иногда упреком врага можно гордиться. Пролетарская женщина действительно взяла на себя трудное бремя, которого потребовала суровая борьба.

Юноши и подростки — дети рабочих — тоже принимали участие в борьбе, которую вели их отцы и матери. Правда, до революции молодежь не воспитывалась в духе революционной борьбы. Руководство социал-демократического союза молодежи, как и руководство партии, этому не уделяло внимания. Однако тысячи юношей — членов союза — сражались в Красной гвардии, не дожидаясь указаний руководства союза. В атмосфере революции быстро потускнели иллюзии о возможности некровавой борьбы, громче заговорил классовый инстинкт. Вести о зверствах, творимых белыми, не запугивали, а мобилизовали на бой. Рабочая молодежь, писал Т. Антикайнен, «не осталась в стороне от этой борьбы. Она со всем воодушевлением молодости бросилась в гущу борьбы. Были созданы молодежные роты, которые честно выполнили свой долг на фронте. Все делали всё, чтобы добиться победы в борьбе»²⁷⁵. Лапорт, сочувствовавший белым, писал, не скрывая восхищения: «Право же, красные оказывают великолепное сопротивление». Упомянув, что в боях участвуют женщины и 12-летние дети, он добавлял: «Эта неистовая оборонительная борьба имеет в себе поистине что-то глубоко волнующее»²⁷⁶.

По данным, полученным от 157 секций Финляндского социал-демократического союза молодежи (всего в стране к концу 1917 г. было 470 секций этого союза с числом членов, значительно превышавшим 20 тыс.), 3398 человек, или 42,5% от общего числа состоявших в этих секциях юношей, принимали участие в гражданской войне на стороне красных. Следует учесть, что часть секций, представивших сведения, находилась на территории, занятой белыми, где члены союза молодежи не могли принимать участия в войне на стороне красных, так что на территории, занятой красными, процент участия членов союза молодежи в войне на стороне красных был еще выше. Из 631 члена этого союза, оказавшихся на территории белых и призванных в белую армию, 296 человек, т. е. почти половина, несмотря на

²⁷³ E. Rautee. Naiset kansalaissodassa. — «Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 30.

²⁷⁴ «Hufvudstadsbladet», 28.IV 1918.

²⁷⁵ T. Antikainen. Suomen työläisnuorisio luokkataistelussa. — «Kumous», 1918, № 15-16, s. 181.

²⁷⁶ H. La porte. Op. cit., p. 161, 162.

репрессии, отказалась служить у белых²⁷⁷. Правда, недостаточное внимание социал-демократической партии к воспитанию рабочей молодежи в революционном духе имело и печальные для рабочего класса последствия: значительные слои трудящейся молодежи, говорящей на шведском языке, оказались под влиянием, шведской буржуазии, вступили в шюцкору и сражались против своих братьев по классу²⁷⁸.

Революционный порыв пролетариата, его героизм в борьбе, величие целей революции привлекли на ее сторону тесно связанную с народом часть интеллигенции; выше уже упоминалось о прогрессивном учительстве. Среди безоговорочно ставших на сторону революции был известный финский писатель Ирмари Рантамала (другие его псевдонимы — Майю Лассила и Ватанен, настоящее же имя — Алгот Тьетвяйнен). Он не был социал-демократом — принадлежал к буржуазной партии старофиннов, но революцию принял и поставил ей на службу свой талант. Еще накануне революции он писал: «Величайшим историческим вершителем событий нашего времени стал тот русский рабочий человек в сером, которого называют большевиком. Этот человек силой своих принципов разбил вдребезги то империалистическое здание лжи и угнетения, которое буржуазия возводила в течение веков»²⁷⁹. Рантамала стал Тиртеем финляндской революции — ее поэтом, звавшим революционеров на бескомпромиссную борьбу с врагом. Его пламенные статьи, звучавшие как стихотворения в прозе, — образец пропаганды в художественной форме. Не боевым ли воззванием были следующие строки: «Вперед! Ибо другого пути больше нет. Позади — крепко замурованные ворота. Дороги назад открываются в могилу. Позади — смерть. Поэтому не может быть другого приказа, кроме: вперед!.. Загрубевшие от работы руки все крепче сжимают оружие. Вперед! Никакого другого приказа больше нельзя слушать, ибо он несет гибель. Жены из дома обращают к вам с мольбой свои взоры. Ваши работающие сестры, обреченные на неволю, на несчастье улицы смотрят на вас глазами, полными слез, и умоляют вас спасти их. Пусть говорит кровь. Пусть приказывает сердце. И оно приказывает только одно: вперед!.. Еще крепче упрямые ноги в землю для борьбы. Ибо ухо поработителя внемлет лишь голосу меча невольника. Позади — лишь могила свободы. Свобода — вперед. К ней!»²⁸⁰.

²⁷⁷ P. Notko. Katsauksia Suomen työtätekevän nuorison luokkataistelu-liikkeen historiaan. I. osa. Leningrad, 1935, s. 124, 125, 159—163.

²⁷⁸ Ibid., s. 162, 163.

²⁷⁹ Цит. по кн.: «Luokkasodan muisto», s. 308.

²⁸⁰ Цит. по кн.: A. Pohjanmaa. Sanan säällä taistelun tiellä. Puolen vuosisadan (1895—1945) taival Työmiehen — Suomen Sosialidemokraatin palstoilta nähtynä. Helsinki, 1948, s. 109, 110.

Революционное правительство сначала не поняло того перво-степенного значения, какое имел военный вопрос. Из крупнейших руководителей партии почти никто не занимался специально военным делом, их внимание было посвящено законодательной деятельности и организации управления. Вначале военное ведомство даже не было выделено: и внутренними, и военными делами должны были ведать народные уполномоченные Э. Хаапалайнен и Адольф Тайми. Главнокомандующим Красной гвардии являлся первый, но в его отсутствие роль эту выполнял и Тайми. Лишь 22 февраля Главный Рабочий Совет принял предложение об отделении военного ведомства от ведомства внутренних дел. Хаапалайнен и Тайми получили возможность сосредоточиться исключительно на военных делах. Примерно в это время Свечников (которого военный отдел Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии назначил командующим русскими добровольцами в Финляндии) был назначен финскими революционными органами помощником главнокомандующего Красной гвардией Э. Хаапалайнена. Позже, 20 марта, руководство всеми военными делами было поручено коллегии в составе А. Тайми, командира полка Северного фронта Э. Рахья и народного уполномоченного Э. Элоранта²⁸¹. Хаапалайнен оставался народным уполномоченным по военным делам. Пост начальника штаба Красной гвардии занимали последовательно А. Аалтонен, О. Каллио, Э. Хаузен, а с 22 февраля — А. Веслей.

Стратегический план Красной гвардии, составленный в самом начале войны исполнявшим тогда обязанности начальника штаба А. Аалтоненом и одобренный революционным правительством, предусматривал лишь оборонительные действия. Отчасти это объяснялось военной неподготовленностью и недостаточным тогда вооружением Красной гвардии. Но красные потом сами критиковали свою пассивность²⁸².

Зато белое командование великолепно понимало важность захвата территории и стремилось осуществить «бег к югу», пока красные не раскачались. На ряде участков белые сразу же взяли инициативу и захватили ту почти нейтральную полосу, которую при более решительном образе действий и красные могли бы захватить без серьезного сопротивления. Даже Маннергейм признавал: «Если бы противник в первые недели февраля энергично двинул свои силы против наших передовых позиций, нет сомнения, что положение (белых. — В. Х.) стало бы критическим»²⁸³.

Но некоторые наступательные операции уже в феврале провели и красные — не только в районе Таммерфорса, где Красной гвардией и русскими добровольцами вначале командовал Свечников, но и в других местах. Так как к востоку от Лахти фронт

²⁸¹ «Punakaarti rintamalla», s. 25—27.

²⁸² «Kommunisti», 1925, № 2, s. 77, 78.

²⁸³ G. Mannerheim Op. cit., S. 176.

проходил слишком близко от железной дороги, были предприняты безуспешные попытки оттеснить белых в ряде мест к северу. 7 февраля красные взяли Йоутсено (примерно в 20 км к северо-востоку от Вильманстранда), 11 февраля — Кавантсаари и Ахвола, а 20 февраля — Хейнола (около 40 км севернее Лахти). Попытки белых взять обратно Хейнола были отбиты. 28 февраля Красная гвардия взяла расположенные западнее и севернее Вильманстранда (Лаптеенранты) населенные пункты Леми, Тайпалсаари и Савитайпале. 9 марта красные продвинулись к северу от Хейнола и взяли Луси²⁸⁴.

В марте Красная гвардия начала наступление на фронте в 400 км. Но противник заранее был предупрежден о нем своей агентурой и подготовился, Красная же гвардия не провела тщательной разведки, не выделила войск в резерв и вообще не подготовила наступление на должном военно-техническом уровне, поэтому наступление успеха не имело. Горький опыт послужил толчком для ряда улучшений в деятельности и организации войск.

Во всяком случае, Южную Финляндию красные удерживали прочно; Маннергейму не удалось в течение февраля взять там ни одного сколько-нибудь значительного города. В первой половине марта из страны были выведены и русские войска, изображавшиеся белофинской пропагандой главным противником, а положение все не менялось к лучшему для белых. Напротив, фронт красных все больше укреплялся.

Красногвардейцы, начавшие войну совершенно неопытными в военном деле, постепенно приобретали боевой опыт. Численность Красной гвардии все росла, и революционные власти принимали меры, чтобы еще больше ее увеличить. Издавались воззвания, в которых призывали вступать в Красную гвардию всех способных носить оружие. Так, в обращении Бьёрнеборгского штаба Красной гвардии «Ко всем рабочим, всем гражданам, любящим справедливость и свободу, к рабочим союзам, молодежным организациям и Красной гвардии», опубликованном в «Известиях СНУ», говорилось: «Вся наша страна должна быть очищена от врагов народа, истязаемые товарищи должны быть освобождены от оков. Это должно произойти как раз в эти дни, когда и распутица явится нашим союзником, стесняя действия лахтарей вдали от железных дорог и опорных пунктов... Для достижения решающего результата нам нужно мобилизовать все наши силы. Каждый мужчина — на борьбу! Стоящего в стороне нужно рассматривать как врага, так как не может быть нейтральных, когда решается вопрос жизни и смерти. О таком трусе нужно объявлять, что он потерял всякое уважение своих товарищей. Жена должна

²⁸⁴ A. Manninen. Suomen kansan ajantieto. Kronologinen luettelo Suomen historian tärkeimmistä tapahtumista. Porvoo — Helsinki, 1948, s. 367—369.

отречься от мужа, невеста — от жениха, дети — от отца и мать — от сына, если он в этот решающий момент проявит трусость, изменит нашему делу»²⁸⁵.

Красные были уверены в своей окончательной победе, так как до германской интервенции были все основания считать, что время будет работать на них. Распутица должна была крайне затруднить коммуникации, особенно в северной части страны, где мало железных дорог. С наступлением времени весенних полевых работ Маннергейм никакими силами не смог бы удержать крестьян в своей армии — они непременно должны были вернуться с лошадьми домой, чтобы обработать и засеять поля. Положение с продовольствием в революционной Финляндии стало улучшаться еще благодаря помощи со стороны Советской России. Оставался еще такой резерв увеличения Красной гвардии, как введение всеобщей воинской повинности.

«Западная Финляндия уже очищена от белой гвардии, — говорилось в одном революционном воззвании. — Рабочие, торпари, бобыли, — все, страдавшие от эксплуатации и несправедливости! С каждым днем крепнет организация нового общества, способствующая прогрессу и справедливости, выгодная угнетенным и бесправным. Все контрреволюционные мероприятия реакционной буржуазии и капиталистов терпят крах перед волей и мощью народа. Рабочий класс взял власть в свои руки и уж больше не выпустит ее!»²⁸⁶. В брошюре «Крестьяне и революция» перечислялись успехи революции, отмечалось, что саботаж чиновников был сломлен за неделю и теперь железные дороги, почта, телеграф работают. «Каждый день приносит нам новые доказательства окончательной победы революции. Великое революционное воодушевление приводит к нам ежедневно столько мужчин и женщин, что мы не можем принять их всех под наши красные знамена. Вооружение нашей армии быстро улучшается. Поэтому не может быть никаких опасений и сомнений, наш фронт стоит твердо, как скала»²⁸⁷. Представитель революционной Финляндии Э. Торнийнен, присутствовавший на VII съезде РСДРП(б), заявил: «Верьте: наши русские товарищи, сами теперь переживающие тяжелую борьбу за революцию, могут быть уверены, что финляндский пролетариат одержит, без сомнения, победу»²⁸⁸. Ленин в радиোগрамме 4 февраля тоже выражал уверенность в победе финляндской революции: «В Финляндии победа рабочего финляндского правительства быстро упрочивается и войска контрреволюционной белой гвардии отеснены на север, победа рабочих над ними обеспечена»²⁸⁹. Даже против-

²⁸⁵ «Tiedonantoja», 21.III 1918.

²⁸⁶ J. Elie. Op. cit., S. 107.

²⁸⁷ Ibid., S. 116.

²⁸⁸ «Седьмой экстренный съезд РСДРП(б)», стр. 92.

²⁸⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 322.

ники революции понимали, что красные имели шансы на победу. Шведский генеральный консул в Гельсингфорсе Альстрем, горячо симпатизировавший белым и ратовавший за интервенцию Швеции, заявил, что «на стороне красных боролись не банды хулиганов, а весь рабочий класс, поднявшийся на восстание, и если бы немцы не вмешались, то красные вышли бы победителями в гражданской войне»²⁹⁰.

Напротив, белые все больше приходили к выводу, что без иностранной помощи они никогда не смогут ни одержать победу над красными, ни завоевать Восточную Карелию, ни даже взять Гельсингфорс²⁹¹. Шведский полковник Линдер, участвовавший в войне на стороне белых, считал, что положение последних является «каким угодно, только не блестящим» и что войска белофиннов «не могут рассматриваться как пригодные для наступления»²⁹². Сам Маннергейм, вначале обещавший взять Гельсингфорс и Таммерфорс в течение двух недель²⁹³, через пять недель уже заявил, что предсказать срок окончательной победы мог бы только пророк, а он таковым не является²⁹⁴. Через несколько десятков лет в своих воспоминаниях Маннергейм исправил задним числом свои неудачные прогнозы; он написал, что еще до начала гражданской войны точно предсказал, что она продлится три с половиной месяца²⁹⁵.

Без германской интервенции белые определенно не имели шансов одержать победу, если учесть, что силы были примерно равны (белая армия была численно меньше, но имела квалифицированный комсостав) и что при невероятном упорстве красных в обороне взять у них что-либо можно было только при многократном превосходстве сил. Весной же ввиду полевых работ соотношение сил должно было измениться в пользу красных.

Но тень предстоящей германской интервенции уже легла на Финляндию и до высадки немецких войск изменила обстановку в пользу белых. Уверенный в скором прибытии германских войск, Маннергейм собрал почти все свои силы и бросил их на Таммерфорс, создав здесь большой численный и качественный перевес. Красные не имели возможности сделать что-либо подобное, так как ввиду высадки немцев на Аландских островах 5 марта создавалась опасность высадки их на материке; для отражения возможного немецкого десанта приходилось держать значительные силы на побережье. К прибытию германских войск Маннергейму

²⁹⁰ Z. Höglund. Revolutionernas år. Stockholm, 1956, s. 132.

²⁹¹ W. Thesleff. Upplevelser under krigsåren 1914—1918. Helsingfors, 1919, s. 114—119; E. Råikkönen. Svinhufvud baut Finland. Abenteuer einer Staatsgründung. München, 1936, S. 157, 158.

²⁹² E. Linder. Op. cit., s. 13, 58.

²⁹³ «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне», стр. 335.

²⁹⁴ «Tiedonantoja», 11.III 1918.

²⁹⁵ G. Mannerheim. Op. cit., S. 174.

удалось срезать таммерфорсский выступ фронта, дойти до стен города и начать штурм его. Но взять его до прибытия немцев он так и не смог.

Говоря о гражданской войне в Финляндии, нельзя не сказать об отвратительной особенности ведения войны белыми — об их невероятной жестокости и попрании всех человеческих норм. Одновременно с первыми воззваниями Маннергейма, полными славословий насчет борьбы за свободу, демократию, цивилизацию, Финляндию облетели и леденящие кровь подробности о зверствах над рабочими, попавшими в руки «борцов за цивилизацию». Белогвардейцы словно старались доказать справедливость данного им рабочими ужасного прозвища «лахтари» (мясники). Армия, защищавшая богачей, обогатила анналы финской истории такими зверствами, в возможность которых в XX в. до этого вряд ли кто в стране поверил бы. Об обращении с красногвардейцами как с комбатантами, согласно нормам международного права, в белой армии, где было столько его знатоков — всяких магистров права, философии и т. п., не было и речи. Буржуазия дала себе волю, показала свое истинное лицо. «Просто» убийством пленных обычно не ограничивались — их предварительно истязали. Расправой «только» с участниками вооруженной борьбы не ограничивались — месть распространялась на их родственников по крови и вообще на их братьев по классу. Характеризуя белый террор во время гражданской войны, адвокат Вяйне Хаккила, руководитель юридической консультации для рабочих в Гельсингфорсе, рассказывал: «Людей расстреливали просто за их убеждения, т. е. социал-демократов брали и расстреливали даже там, где никакого восстания не было!»²⁹⁶. В Борго белогвардейцы в начале гражданской войны арестовали около 200 безоружных рабочих и, требуя, чтобы они сдали оружие, морили их голодом и убивали²⁹⁷. В деревне Юранге белогвардейцы расстреляли не только красногвардейцев, но даже двух стариков — ночных сторожей, из которых одному было больше 60 лет, а другому — больше 80. Красногвардейцев же не просто убивали, а истязали. «Одному была пририта ко лбу четырехдюймовыми гвоздями членская книжка рабочего общества. У другого была пробита голова, причем мозги вытекали из головы и лежали возле трупа на снегу. Третьему белые звери выкололи штыком глаза. Пишущий эти строки видел сам эти трупы»²⁹⁸. Убивали даже раненых красногвардейцев в госпиталях. Таких свидетельств множество.

Но, может быть, эти злодеяния совершались рядовыми белой армии вопреки приказам командования? Ничего подобного.

²⁹⁶ J. Elie. Op. cit., S. 87.

²⁹⁷ «Työmiehen», 2.11.1918.

²⁹⁸ А. Т-н. Воспоминания о сражениях в Хейнола. — «Финляндская революция», стр. 83.

В некоторых боевых приказах белой армии прямо указывалось: «пленных не брать»²⁹⁹; если их брали, то тут же уничтожали. Когда белые 14 апреля взяли Або, их командир Эренсвэрд опубликовал объявление, где говорилось: «С каждым красногвардейцем, который будет найден в этой местности, надлежит обращаться, как с убийцей»³⁰⁰. Белофинское правительство и командование «обосновали» это и теоретически. В феврале 1918 г. сенатор Ренвалль заявил, что революционеры повинны в государственной измене и что вождей революции нужно повесить³⁰¹. Маннергейм заявил в начале марта, что каждый революционер должен быть осужден на смерть³⁰².

Сразу же после подписания белофиннами 7 марта 1918 г. договоров с Германией (подробнее об этом см. далее), когда уже не оставалось сомнения в германской интервенции, приободрившийся Маннергейм высказался подробнее, как он представлял себе будущее. Генерал, бывший верным слугою Николая Кровавого, когда тот душил его родину, обвинил всех революционеров... в измене родине! «Наказанием за это будет смерть, — сказал он корреспонденту шведских и датских газет Нильсу Хазагеру. — Я могу сказать, что все участники восстания будут наказаны. Они будут осуждены за измену родине»³⁰³. Все участники революции! Но только в Красной гвардии их было к концу войны около 75 тыс. человек, а сколько вне ее! Около ста тысяч «изменников родины» — не многовато ли для одной страны, да еще такой, где население — три миллиона! Вожди революции, продолжал Маннергейм, заслуживают «только одного наказания: повешения». Что до остальных, то «возможно, впоследствии некоторая часть будет амнистирована, но только при условии, что они будут лишены всех гражданских прав, чтобы они не могли больше участвовать в политической жизни страны. Они будут превращены в класс париев»³⁰⁴. Такова была каннибальская программа белофиннов. Показавший себя никудышным пророком, когда дело шло о предсказании хода и сроков войны, Маннергейм позаботился о том, чтобы его высказывание насчет наказания революционеров стало возможно более точным пророчеством.

А в это время те самые вожди революции, повешения которых желали белофинны, отменили смертную казнь, призывали к гуманному обращению с белыми, а в проекте конституции предусматривали равные демократические права для всех. Финский историк Яакко Пааволайнен в изданной в 1966 г. книге «Политические насилия в Финляндии в 1918 году. I. Красный террор»

²⁹⁹ J. E. I. Op. cit., S. 33.

³⁰⁰ Z. Höglund, F. Ström. Op. cit., s. 21.

³⁰¹ «Hamburger Echo», 17.II 1918.

³⁰² «Tiedonantoja», 5.III 1918.

³⁰³ «Tiedonantoja», 11.III 1918.

³⁰⁴ Ibidem.

установил, что хотя в красной Финляндии были лишены жизни по политическим мотивам 1649 человек (надо иметь в виду, что белыми было расстреляно, по различным источникам, от 5 до 8 тысяч человек), «нет оснований говорить об организации террора. Такое обвинение должно быть снято с Совета Народных Уполномоченных и руководства Красной гвардии»³⁰⁵. Самовольные расправы были нарушением распоряжений высших органов; возможно, отчасти они были реакцией на зверства белых.

Белофинские поборники цивилизации совершали вопиющие нарушения международного права. Они употребляли отравленные пули³⁰⁶, обстреливали пассажирские поезда³⁰⁷, обстреливали и убивали персонал Красного креста³⁰⁸, обстреляли сербского и бельгийского дипломатических курьеров³⁰⁹, несмотря на национальные флаги и большой белый флаг, применяли систему заложников — если кто-нибудь стрелял в белых и виновного не находили, то расстреливали пленных красногвардейцев³¹⁰. Членам попавшей в их руки делегации из революционной Финляндии, присланной с важным поручением к рыбакам Суоменлахти, белые отрубили и отпилили пальцы, размозили головы, а трупы разрубили и спустили под лед³¹¹.

И все же именно белофинны были предметом трогательных забот со стороны представителей капиталистических государств. Против зверств белофиннов в отношении красногвардейцев эти представители и не думали протестовать. Но уже 1 февраля шведский, английский и итальянский консулы направили протест Рабочему исполнительному комитету по поводу «нарушения международного права» красногвардейцами в обращении с пленными белогвардейцами³¹². И в дальнейшем эти представители недреманным оком следили за обращением красных с белыми пленными, но не замечали жестокостей, совершаемых в стане белых. Это они считали внутренним делом белой Финляндии и не собирались вмешиваться. Когда в Киркконумми случилось 609 белофиннов на условиях, предложенных красногвардейцами, шведский консул контролировал соблюдение этих условий³¹³. Пленные были помещены в Гельсингфорсе в здании шведского реального училища. Список их был опубликован в информационном бюллетене СНУ от 2 марта со следующим объявлением:

³⁰⁵ Цит. по ред.: K. Seppänen. Väkivaltta ja vastu. — «Kommunisti», 1967, № 1, s. 35—37.

³⁰⁶ «Social-Demokraten» (Stockholm), 19.III 1918; «Tiedonantoja», 22.III 1918.

³⁰⁷ «Työmies», 2.II 1918.

³⁰⁸ «Tiedonantoja», 15.II, 4, 5.III 1918.

³⁰⁹ «Tiedonantoja», 24.III 1918.

³¹⁰ «Tiedonantoja», 27.II 1918.

³¹¹ «Tiedonantoja», 21.III 1918.

³¹² «Tiedonantoja», 22.II 1918.

³¹³ «Tiedonantoja», 3.III 1918.

«Так как продовольственные запасы Красной гвардии не очень велики, публике разрешается приносить продовольствие для пленных белогвардейцев. Прием подношений производится в месте интернирования. Дальнейший прием постельных принадлежностей прекращен, так как потребность уже удовлетворена»³¹⁴. Буржуазия понанесла этим пленным столько продуктов и вещей, что они находились в лучших условиях, чем красногвардейцы. Сдаваясь в плен, белофинны охотно вспоминали о международном праве. Шведский консул выступил посредником, когда шюц-коровцы, находившиеся на островах близ Борго, в Лильендале, в Ловисе и в других местах, пожелали сдаться, если им будет гарантировано обращение как с военнопленными³¹⁵. Им это было гарантировано: красногвардейцы привыкли воевать со сражающимся врагом, а не со сдавшимися в плен.

Какой же была война в Финляндии по своему политическому характеру? Красные называли ее классовой, гражданской. Белые рьяно отрицали то и другое, утверждая, что они, белые, ведут войну для освобождения Финляндии от власти России. Белофинское правительство официально заявило: «Война в Финляндии является борьбой между армией финляндских подданных и частями русских войск, включающих местных мятежников, и не является гражданской войной»³¹⁶. В финляндской буржуазной историографии наименование войны как освободительной не исчезло окончательно и до сих пор, несмотря на всю его нелепость.

В самом деле, о какой освободительной войне могла идти речь, если уже почти за месяц до этого Финляндия получила полную независимость из рук Советского правительства? При чем тут борьба против русских войск, если самые упорные и кровопролитные сражения всей войны происходили в апреле, когда русских войск в Финляндии давно не было? Кто же, спрашивается, противостоял белым, ведущим якобы освободительную войну? Да их же соотечественники — 75-тысячная Красная гвардия финских рабочих и деревенской бедноты.

Изображение буржуазии поборницами, а революционеров — врагами независимости напоминало негатив, где черное изображается как белое и наоборот. Именно значительнейшая часть буржуазии шла в прошлом на сделки с царским и Временным правительством, в чем социал-демократов и рабочих никак нельзя было упрекнуть. Именно рабочие первыми выдвинули идею независимости Финляндии еще в 1905 г. Внезапный интерес буржуазии к независимости в 1917 г. был тесно связан со стремлением отгородиться от революции. Даже в буржуазной «Истории освободительной войны» признается, что «многие буржуа, которые не ударили бы палец о палец, пока дело шло о борьбе

³¹⁴ J. E l i e l. Op. cit., S. 87.

³¹⁵ «Tiedonantoja». 11.III 1918.

³¹⁶ «FRUS. 1918. Russia», vol. II. Washington, 1932, p. 752.

против русских за независимость Финляндии (это говорится о периоде до Октябрьской революции.— В. Х.), увидели теперь, и особенно ясно после ноябрьской забастовки, что вопрос стоял уже не только о свободе Финляндии, но что дело шло об их собственности, может быть, об их жизни»³¹⁷. Врагами, говорится там же, буржуазия считала не только «русских» (разумеется революционеров), но и «объединившихся с ними рабочих». А ведь рабочие составляли несравненно большую часть населения, чем она сама.

Войну, которую вели белофинны, кощунственно называть освободительной и потому, что победа белых в этой войне имела не положительные, а отрицательные последствия для свободы Финляндии. Перед этой войной Финляндия была независима и не была обременена никакими кабальными договорами, после же нее она была связана ими по рукам и ногам и стала вассалом Германии. Что же тут освободительного? Провал этой «освободительной» войны, т. е. поражение белых и победа красных, имели бы только благоприятные последствия для свободы Финляндии: она пользовалась бы благами равноправного и выгодного для Финляндии договора с Советской Россией от 1 марта 1918 г.

Бессмысленность названия войны как «освободительной войны против русских» особенно очевидна из того, что белофинны в этой войне сотрудничали или шли на сговор как раз с теми русскими, которые были врагами свободы Финляндии — с русскими контрреволюционерами. Напротив, финляндские революционеры находились в дружественных отношениях с теми русскими, которые издавна выступали в защиту свободы Финляндии и безоговорочно признали ее независимость — с русскими большевиками, с революционными солдатами и матросами. Воюя против финских же красновардейцев, финляндская буржуазия весьма либерально относилась к русским белоэмигрантам, осевшим в Финляндии. Германский посланник Брюк в своем докладе от 17 апреля 1918 г. писал, что финляндское побережье Ладожского озера «кишит» русскими дворянами и влиятельными реакционерами, которые уже обзавелись в Финляндии землей. Эти белоэмигранты, писал Брюк, мечтали о восстановлении в России «порядка» (т. е. буржуазных порядков) с помощью Германии и белой Финляндии и о присоединении Финляндии к России³¹⁸.

О попытках сговора финской буржуазии с русской говорят такие факты. Во время гражданской войны в Финляндии контрреволюционная русская организация в Петрограде установила связь с тайно существовавшей там же белофинской организацией и предложила свое сотрудничество. «Она желала, — излагает это предложение К. Энкель, — сотрудничать с финскими белыми как в борьбе против большевиков в Финляндии, так и в возмож-

³¹⁷ «Finlands frihetskrig...». Del I, s. 308.

³¹⁸ Y. Nurmi o. Op. cit., s. 213—214.

ном освобождении Петрограда от власти большевистских войск»³¹⁹. Русские белогвардейцы явно хотели использовать армию Маннергейма для восстановления буржуазной власти в России. Энкель не мог дать ответа на это предложение без консультации с правительством Свинхувуда. По тайным каналам, связывавшим белофинскую организацию в Петрограде с белой Финляндией, Энкель 13 марта 1918 г. направил Свинхувуду письмо, где на всякий случай изложил все в иносказательной форме. «Брат Санкари! — писал он. — ...С помощью друзей я смог позаботиться о подготовке для нашей весенней ярмарки. Напиши мне, собираешься ли ты послать скупщиков на восток, а также достаточно ли у тебя работников или же я должен воспользоваться предложением недавно образованного здесь посреднического бюро, каковое предложение тоже посылается твоему главному инженеру. Здешние жители, собственно, непригодны для новой стройки, где следует употреблять только собственных опытных рабочих. Однако их можно использовать на здешнем местном рынке»³²⁰. Под новой стройкой здесь разумелось подавление финляндской революции, под отправлением скупщиков на восток — поход на Петроград, под главным инженером — Маннергейм. «В письме сообщалось, — поясняет и сам Энкель, — что русская контрреволюционная организация предложила свои услуги для участия в борьбе на финской территории. Я эту идею не поддерживал, но не была исключена возможность сотрудничества с этой организацией, в случае, если намечался поход на Петроград»³²¹. 17 апреля Энкель получил от Свинхувуда ответ, датированный 14 апреля. Свинхувуд писал: «Работников у нас совсем мало, но когда фундамент будет заложен, большая часть их освободится для работы в другом месте. Мы весьма склонны послать скупщиков на восток и надеемся при этом на сотрудничество с тобой и твоими соседями... Что же касается в особенности предложения твоих соседей, то я лично, как и мои коллеги-директора, считаю предложение это вполне приемлемым. Я считаю, что мы должны им помочь, но поставить некоторые условия»³²². Белофинны, уверявшие, будто ведут освободительную борьбу против русских за независимость Финляндии, собирались помочь русским белогвардейцам в восстановлении власти буржуазии в России!

Со своей стороны, русские контрреволюционеры были готовы даже кое-что «продать» финским «скупщикам», только бы те помогли им свалить большевиков. Энкель пишет, что русская контрреволюционная организация предлагала белофиннам свою

³¹⁹ C. E n c k e l l. Politiska minnen, II, s. 112, 113.

³²⁰ Ibidem.

³²¹ Ibidem.

³²² Ibid., s. 113, 114.

помощь «в случае, если финские войска приступят к действиям с целью освобождения Восточной Карелии и Петрограда и, таким образом, передвижения границы Финляндии на восток»³²³. Поборники «единой и неделимой России» готовы были помочь белофиннам захватить часть русской территории. Очутившись опять у власти, они наверняка заговорили бы с Финляндией другим языком.

Маннергейма, как и Свинхувуда, не смутила перспектива союза с русской реакцией. 15 апреля Маннергейм принял курьера, прибывшего из Петрограда с этим предложением, и ответил в том духе, что «первым условием является обязывающая гарантия со стороны влиятельных руководящих деятелей относительно удовлетворительного урегулирования вопроса о границе»³²⁴. О симпатиях Маннергейма к русским буржуазным элементам свидетельствуют записанные Брюком высказывания Маннергейма о том, что Германии следует с ними сотрудничать³²⁵; позже, в 1919 г., Маннергейм и сам обнаруживал готовность сотрудничать с Юденичем и даже заключил с ним секретный договор, но он не был утвержден финляндским правительством. Маннергейм установил связь с бывшим царским министром Треповым и достал ему 500 тыс. марок для деятельности, имевшей целью восстановление в России монархии³²⁶. Между тем именно русские монархисты были сторонниками единой и неделимой России, включающей и Финляндию. Таким образом, Маннергейм, ведший якобы освободительную войну против русских, симпатизировал и даже оказывал помощь русским реакционерам, победа которых была бы концом финляндской независимости.

Размежевание в Финляндии происходило вовсе не в зависимости от национальной принадлежности или отношения к свободе Финляндии, а в зависимости от классовой принадлежности и классовых интересов. Когда Маннергейм напал на русские войска в Эстерботнии, то в некоторых местах финские красногвардейцы вступились за них, а контрреволюционно настроенные русские офицеры, кое-где уцелевшие в русских войсках, переходили на сторону Маннергейма — не потому, конечно, что их увлек лозунг «освободительной войны», а потому, что они увидели в генерале душителя ненавистой и им революции.

Во время войны сами же буржуазные деятели, противореча версии, будто она ведется за освобождение Финляндии, подчеркивали ее антибольшевистский, т. е. классовый, характер и ее международное значение. В начале марта 1918 г. один буржуазный депутат финского сейма заявил, что «победа революции в Финляндии означала бы распространение чумы большевизма на

³²³ C. Enckell. Politiska minnen. II, s. 386.

³²⁴ Ibidem.

³²⁵ Y. Nurmio. Op. cit., s. 219.

³²⁶ «Politiken», 17.XII 1917; ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 432, л. 10.

Скандинавские страны и Западную Европу»³²⁷. Сам Маннергейм в интервью с Нильсом Хазагером, корреспондентом датской газеты «Политикен» и шведской «Дагенс нюхетер», подчеркнул: «Мы хотим создать плотину против волны большевизма, которая сейчас катится через нашу страну, вовлекая ее в волны революции... Мы с нетерпением ждем помощи, которую, мы верим, придет Европа. Ибо Европа должна понять, что ее выгоды самым тесным образом связаны с борьбой, которая идет в Финляндии. Если анархия прорвет плотину, которую мы пытаемся создать на ее пути, кровавый красный поток продолжит свой путь дальше на запад. Если наше противодействие анархии будет безуспешным, то сначала Швеция, а затем и другие страны испытают на себе большевистское восстание, какое сейчас бушует в Финляндии»³²⁸. Директор школы Э. Хорнборг на банкете в честь шведских добровольцев также заявил, что «это борьба не только за Финляндию, но и за Скандинавию и за Запад»³²⁹. Под Европой, Скандинавией и Западом подразумевался всего только буржуазный строй в этих странах. И надо сказать, что буржуазия других стран, и особенно соседних скандинавских, именно так и рассматривала классовую войну, которую вели белофинны.

Война в Финляндии была, разумеется, классовой, гражданской. Красным не было надобности это скрывать, они это призывали и подчеркивали. Буржуазии, напротив, было выгодно затушевать ее классовый характер и выдать ее за национальную, освободительную. Тогда революционеры автоматически превращались в изменников родины, а подавление революции — в патриотическое дело. Играя на национальных чувствах, которые у маленького народа, терпевшего в прошлом угнетение, особо обострены, не гнушаясь и разжиганием антирусского шовинизма (направляемого, впрочем, только против солдат и матросов, а отнюдь не против русских контрреволюционеров), размахивая национальным флагом, буржуазия смогла повести за собой политически неразвитые и дезинформированные ею слои крестьянства и даже небольшую часть рабочих. Объяви она прямо, что борется всего только за свои классовые интересы — кого бы из них она этим увлекла? Лозунг освободительной войны был ловким приемом буржуазии, ее формой борьбы за массы.

Буржуазные авторы всячески старались опровергнуть ту точку зрения, что война была классовой, а белая армия была армией буржуазии. Для доказательства якобы народного характера белой армии они ссылались на наличие в ней и представителей трудящихся классов, даже рабочих. Приводились, например, такие статистические данные. В 20 финских шюцкоровских отрядах Южной Эстерботнии 59% составляли землевладельцы и их

³²⁷ «Frankfurter Zeitung», 9.III 1918.

³²⁸ «Hamburger Echo», 17.II 1918; «Tiedonantoja», 11.III 1918.

³²⁹ E. Linder. Från Finlands frihetskrig. Stockholm, 1920, s. 206.

сыновья, 8% — торпары, 6% — батраки, 21% — рабочие и 6% — чиновники, учащиеся и т. п. Среди павших белофиннов Ювяскюльского военного округа был 1 директор банка, 2 торговца, 3 приказчика, 4 канцелярских работника, 3 руководителя лесных разработок, 3 производителя работ, 9 военных, 1 писатель, 1 врач, 1 сыровар, 4 учителя, 13 студентов, 13 школьников, 7 лицестов, 12 батраков, 12 бобылей, 30 торпарей, более 70 крестьян и землевладельцев, 59 рабочих, 1 каменщик, 1 сапожник, 1 сын кузнеца, 1 монтер и т. д.³³⁰ Разумеется, нет уверенности в том, что эти данные точны и типичны. Но даже если поверить им, они отнюдь не опровергают того, что война была классовой. Они доказывают лишь то, что во время гражданской войны в Финляндии, как и в России, в белой армии большинство составляли не представители эксплуататорских классов, которые в обществе являются незначительным меньшинством, а введенные в заблуждение трудящиеся, боровшиеся против своих правильно понятых классовых интересов. (Часть трудящихся была мобилизована в белую армию насильственно). Ленин указывал, что «никогда не бывало в истории и не может быть в классовом обществе гражданской войны эксплуатируемой массы с эксплуататорским меньшинством без того, чтобы часть эксплуатируемых не шла за эксплуататорами, вместе с ними, против своих братьев»³³¹.

Красная гвардия отличалась от белой армии высоким классовым сознанием своих членов и классовой однородностью. Здесь не было, разумеется, ни одного директора банка, ни одного крупного землевладельца, ни одного купца и т. п. Красная гвардия состояла сплошь из рабочих и деревенской бедноты. Это не могла отрицать и буржуазия. Бывший заместитель генерал-губернатора Финляндии Корф заявил, что «финляндская Красная гвардия рекрутируется почти целиком из класса промышленных рабочих...»³³². Но вместе с рабочими на защиту революции выступило и обездоленное население деревни. Так, в Абосском округе в Красную гвардию вступило 3530 человек из деревенской бедноты, в том числе из селения Паймио — 150 человек. Перниэ — 300, Юляне — 300, Лойма — 300 и т. д.³³³.

Влияние красных в деревне поражало буржуазию. Позже буржуазная газета «Хувудстадсбладет», анализируя данные об участии крестьянства в революции, писала 3 июля 1918 г.: «Эта статистика знаменательна, поскольку она показывает, как глубоко проникла чумная зараза большевизма в часть сельских об-

³³⁰ «Ilkan ja Poutun pojat. Etelä-Pohjalaisten sotaalbumi». Toim. A. Leinonen. Toinen painos. Helsinki, 1918, s. 149; «Keskisuomalaiset sotapolulla. Kappale Suomen vapaussodan historiaa». Toim. S. Kuusi. Jyväskylä, 1918, s. 315—332.

³³¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 143; см. также т. 38, стр. 10.

³³² «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 750, 751.

³³³ «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 47.

ластей. В Юляне в мятеже участвовало 322 человека, тогда как все население этого прихода немногим более 3000 человек. Если включить женщин и детей, то каждый десятый житель Юляне участвовал в восстании. Иначе говоря, если считать, что каждая семья, как это обычно бывает, состоит из пяти человек, то выходит, что половина проживающих в приходе семей поддерживала мятежное движение. Но еще более удивительно то, что из 322 мятежников 120 принадлежат к той части населения, которая владеет землей; это либо хозяева, либо их сыновья. Таким образом, класс независимых землевладельцев (т. е. имеющих собственную землю. — В. Х.) составлял добрую треть мятежников. Кроме того, в мятеже замешано некоторое число крупных хуторян и общинных доверенных лиц... Эта статистика еще не охватывает тех лиц, которым удалось сохранить так называемый нейтралитет, находясь всегда на стороне победителя, и которые, таким образом, в мятежное время одобрительно относились к восстанию».

Даже в Эстерботнии, которую белые избрали своей базой, положение их было не так уж прочно. «Социализм получил большое распространение прежде всего среди лесных рабочих, — свидетельствуют буржуазные историки. — Было значительное число отрядов красногвардейцев, тогда как шюккоры были разобщены и слабы. Белые в северной Эстерботнии не были настолько сильны, чтобы могли освободить себя сами»³³⁴. Лишь сосредоточение в Эстерботнии шюккоров чуть не со всей Финляндии изменило там соотношение классовых сил. «Таймс» писала 20 февраля 1918 г.: «В Финляндии, кажется, везде сочувствуют красным».

Концепция о якобы неклассовом и освободительном характере войны белофиннов настолько искусственна, что сами ее сторонники то и дело вступали с ней в противоречие. Например, историк Шиббергсон, с одной стороны, повторял официальную версию, что «это была война русских, а красные были только их союзниками»³³⁵, а с другой, сам же признавал, что на стороне красных были «промышленные рабочие, крестьяне, работавшие на землевладельцев, и неоседлое население»³³⁶. В предисловии к книге буржуазных финских историков «Борьба за Финляндию» говорилось, что это борьба, в которой «земляк борется против земляка» и что Красная гвардия «представляла весь рабочий класс в занятых красными частях страны»³³⁷, она «составляла значительную часть народа Финляндии и наверняка в подавляю-

³³⁴ M. G. Schybergson. Op. cit., S. 440, 441; H. Ignatius, K. Soikkeli. La guerre d'indépendance en Finlande en 1918. Helsingfors, 1925, p. 231: «Kampen om Finland år 1918». Helsingfors, 1938, s. 45—47.

³³⁵ M. G. Schybergson. Op. cit., S. 432.

³³⁶ Ibid., S. 439.

³³⁷ «Kampen om Finland», s. 67.

шей части состояла из хороших элементов, представлявших собой в то же время превосходный «солдатский материал»³³⁸. В этой же книге признается, что в некоторых местах, где бушевала эта якобы «освободительная война против русских», русских то почти и не было даже в начале войны: «В средней Финляндии и Саволаксе в начале освободительной войны не было скольконибудь достойных упоминания русских гарнизонов, зато красные имели в этих краях сильную позицию»³³⁹. Седерьельм, при всей своей ненависти к революции, которую он именует «мятежом», вынужден признать, что «рабочая партия, а с ней почти весь пролетариат были вовлечены в движение»³⁴⁰. Гуммерус, возмущаясь тем, что тогдашний министр иностранных дел Швеции Хельнер называл войну в Финляндии гражданской, а не освободительной, как белофинны, — все же и сам отмечал тот «прискорбный факт, что красная армия в большей своей части состояла из введенных в заблуждение финских мятежников»³⁴¹. Буржуазная «Хувудстадсбладет» писала 18 октября 1921 г.: «Участие русских в кампании 1918 г. имело сравнительно второстепенное значение: они дали оружие, офицеров и инструкторов, причем после освобождения Эстерботни лишь некоторые единичные части участвовали в войне. Красная армия на 90% состояла из финнов».

Таким образом, даже финские буржуазные авторы не отрицали, что противники белых — красные — представляли собой рабочих и беднейших крестьян Финляндии. Что же остается от мифа об освободительной войне?

Нефинские писатели и государственные деятели, даже буржуазные, давно признавали классовый характер гражданской войны в Финляндии. А. Лапорт так характеризовал войну в Финляндии: «С одной стороны — рабочие, подчиняющиеся большевистскому правительству (так он называет СНУ. — В. Х.), под властью которого Гельсингфорс, Таммерфорс и весь юг Финляндии. С другой стороны — энергичная буржуазия, организующая сопротивление на севере страны с помощью крестьянской партии»³⁴². «Это была война, — пишет буржуазный автор Т. Эчли, — между промышленными рабочими... и господствующими и имущими классами...»³⁴³. «Если мы хотим взглянуть на все в целом, — отмечала писательница Марика Шернштедт, — то по обе стороны баррикады стоят просто-напросто два лагеря: лагерь господствующего класса и лагерь рабочего класса, и между ними идет борьба за власть»³⁴⁴.

³³⁸ «Kampen om Finland», s. 74, 75.

³³⁹ Ibid., s. 42.

³⁴⁰ H. Söderhjelm. Op. cit., S. 178.

³⁴¹ H. Gummerus. Sverige och Finland 1917—1918, s. 13.

³⁴² H. Laporte. Op. cit., p. 9.

³⁴³ T. W. Atchley. Finland. London, 1931, p. 200.

³⁴⁴ Цит. по кн.: T. Nerman. Svarta brigaden. Stockholm, 1918, s. 12.

Прежде начисто отрицавшая эти бесспорные факты финляндская буржуазная историография сделала после второй мировой войны полшага вперед, к более объективному освещению событий 1918 г. Это объясняется отчасти повышением научного беспристрастия при рассмотрении прошлого, а отчасти и изменением обстановки в самой Финляндии, установлением дружественных отношений с СССР. Такая атмосфера не благоприятствовала появлению книг оголтело антисоветского содержания, зато стало, наконец, возможным опубликование в Финляндии работ, правдиво рассказывающих о революционных событиях 1917—1918 гг. Таковыми были, например, брошюра О. В. Куусинена «Уроки финляндского рабочего движения», работы коммунистического историка А. Хювёнена «Лекции по истории финляндского рабочего движения», «Годы великих событий 1917—1918», «История старой рабочей партии Финляндии», а также книга некоммунистического, но объективного историка Ю. Паасивирта «Финляндия в 1918 г.»³⁴⁵. С прежним безраздельным господством в финляндской историографии фальшивой концепции об «освободительной войне» было покончено. Современные буржуазные историки Финляндии вынуждены считаться с этим. Многие из них не отказались называть войну 1918 г. освободительной, но признают ее одновременно и гражданской. Этой концепции, которую, правда, выдвинул еще Х. Седерьельм сразу после революции, придерживаются теперь финляндские историки Э. Хорнборг, Л. А. Пунтила, Т. Юннила, Э. Ютиккала и др.³⁴⁶ Такой же двойственный характер приписывается этой войне и в последнем издании Большой финляндской энциклопедии³⁴⁷.

Некоторые финские буржуазные авторы уже избегают называть войну 1918 г. «освободительной». Но в школьных учебниках истории раздел о войне 1918 г. до сих пор носит заголовок «Освободительная война» — правда, она тут же называется и гражданской³⁴⁸. Так же двойственно характеризуется она и в популярной

³⁴⁵ O. W. Kuusinen. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta, 1949; A. Hyyönen. Luentoja Suomen työväenliikkeen historiasta. — «Kommunisti», 1953—1955; A. Hyyönen. Suurten tapahtumien vuodet 1917—1918. Helsinki, 1957; A. Hyyönen. Suomen vanhan työväenpuolueen historia. Helsinki, 1959; J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918. Porvoo — Helsinki, 1957.

³⁴⁶ E. Hornborg. Det fria Finland. Helsingfors, 1957, s. 40; E. Hornborg. Suomen historia. Porvoo — Helsinki, 1965, s. 263, 267; L. A. Punttila. Suomen poliittinen historia. 1809—1955. Helsinki, 1963, s. 115; C. Enckell. Poliittiset muistelmät. I osa. Porvoo — Helsinki, 1956, s. 268, 273; E. Jutikkala, K. Pirinen. A History of Finland. New York, 1962, p. 254 ff.; T. Junnila. Suomen taistelu turvallisuudesta ja puolueettomuudesta. Porvoo — Helsinki, 1964, s. 12.

³⁴⁷ «Otavan iso tietosanakirja», 8. osa, Helsinki, 1964, s. 532.

³⁴⁸ E. W. Juva, K. Merikoski, A. Salmela, E. Keskinen. Isänmaan historia sekä muiden kansojen vaiheita. Kansankoulun historian oppikirja. Kolmastoista painos. Helsinki, 1962, s. 274; S. Vehvilä. Suomen historia luki- ja opetusvarten. Heljäs, muuttamaton painos. Porvoo — Helsinki, 1965, s. 252.

книге по истории Финляндии, предназначенной для массового читателя³⁴⁹. На торжествах по случаю 50-летия независимости Финляндии, как видно из разосланных финляндским школам рекомендательных материалов, также предполагается характеризовать войну 1918 г. как «освободительную». Такой изображалась она и в радиопередаче о Маннергейме³⁵⁰.

Зарубежные историки обычно называют войну 1918 г. в Финляндии гражданской³⁵¹. Но, например, американский историк Дж. Вуоринен до сих пор именует ее «войной за независимость»³⁵².

4. ПОМОЩЬ ШВЕЦИИ БЕЛОФИННАМ

Существует своего рода братский союз буржуазных классов всех наций. Это — братский союз угнетателей против угнетенных, эксплуататоров против эксплуатируемых.

К. Маркс. Речь о Польше 29 ноября 1847 г.

Финляндская буржуазия рассчитывала на помощь соседней капиталистической Швеции, откуда удобно было перебросить войска и вооружение в северную Финляндию, находившуюся под властью белофиннов. Правда, с октября 1917 г. в Швеции было «левое» правительство Нильса Эдена, включавшее и четырех правых социал-демократов. Еще до начала гражданской войны Свинхувуд заявил шведскому поверенному в делах, что в случае войны Швеция должна будет оказать помощь «Финляндии» (т. е. финляндской буржуазии)³⁵³. 27 января 1918 г. на совещании членов финляндского правительства с частью депутатов сейма (которое фактически являлось совещанием буржуазии) раздавались голоса о необходимости немедленно предпринять шаги, чтобы добиться интервенции Швеции и Германии³⁵⁴. В тот же день, т. е. 27 января, находившийся в Стокгольме васасский губернатор Хейкель посетил министра иностранных дел Швеции Хельнера и заявил, что «финны» (т. е. белофинны) были бы рады шведской интервенции, а если таковая невозможна, то помощи в форме поставок им военных материалов (причем Хейкель подробно пере-

³⁴⁹ T. Kuosa. Jokamiehen Suomen historia. Porvoo — Helsinki, 1963, s. 1315.

³⁵⁰ A. A. Laakso. Vuoden 1918 kansallissota ja Suomen itsenäisyys. — «Kansan Uutiset», 28.1.1967; см. также «Kansan Uutiset», 3.6.1967.

³⁵¹ См. например, A. G. Mazour. Finland between East and West. Princeton. — New Jersey — Toronto — London — New York, 1956, p. 49; C. J. Smith. Finland and the Russian Revolution. Athens, Ga. [USA], 1958, p. 35 ff.

³⁵² J. H. Wuorinen. A History of Finland. New York and London, 1965, p. 202 ff.

³⁵³ «Finlands frihetskrig...», IV, s. 46.

³⁵⁴ Ibidem.

числил, что было нужно), а если и это невозможно, то белофинны просили бы Швецию разрешить транзит оружия и обеспечить бункеровку финских судов, направляющихся в Германию³⁵⁵.

После начала в Финляндии революции просьбы к шведскому правительству о помощи поступали от белофиннов одна за другой. Скрывавшийся некоторое время в Гельсингфорсе Свинхувуд поручил белофинскому поверенному в делах в Стокгольме просить о военной помощи Швеции или Германии³⁵⁶. 30 января в Стокгольм прибыла делегация белофинского правительства, повторившая просьбы, с которыми за три дня до этого Хейкель обращался к Хельнеру³⁵⁷. 3 февраля шведский генеральный консул в Финляндии Альстрем, через которого белофинское правительство сносилось со своим представителем в Швеции Грипенбергом, передал в Стокгольм для последнего следующую телеграмму: «Должны быть приняты самые энергичные меры для интервенции Швеции и Германии»³⁵⁸. (Впоследствии Свинхувуд и другие члены белофинского правительства отрицали, что ими была отправлена такая телеграмма. Доннер считает, что она была отправлена не по поручению члена правительства, а какого-нибудь другого влиятельного лица.) На следующий день Грипенберг передал устно Хельнеру эту просьбу о совместной интервенции Швеции и Германии. 18 февраля Грипенберг направил ноту шведскому правительству с просьбой о вооруженной интервенции, не связывая ее на этот раз с германской интервенцией³⁵⁹. В своей ноте Грипенберг подчеркивал крайнюю важность для белофинского правительства получить как можно скорее вооружение и снаряжение в достаточных количествах; каждый день промедления крайне опасен. Он повторил просьбу продать Финляндии из шведских государственных запасов военные материалы, разрешить поставки оружия и снаряжения из Швеции в Финляндию и осуществить вооруженную интервенцию в Финляндию не только для защиты жизни многих финнов, шведов и иностранных граждан (в действительности ни финнам, ни шведам, ни иностранцам не угрожала никакая опасность от революционных властей, если эти граждане не занимались контрреволюционной деятельностью.— В. Х.), но и якобы для защиты «культурных ценностей». «Нельзя скрывать от себя,— писал Грипенберг,— что если в скором времени не будет получена помощь, положение может стать отчаянным... Без быстрой и энергичной

³⁵⁵ J. Hellner. Memorandum rörande Sveriges politik i förhållande till Finland under tiden från Finlands självständighetsförklaring till det finska inbördeskrigets slut. Stockholm, 1936, s. 10, 11.

³⁵⁶ «Finlands frihetskrig...». Del. I, s. 68.

³⁵⁷ J. Hellner. Memorandum..., s. 11.

³⁵⁸ Ibidem; «Finlands frihetskrig...». Del. IV, s. 48; K. Donner. Fästmarkskalken friherre Mannerheim. Helsingfors, 1934, s. 124.

³⁵⁹ J. Hellner. Memorandum..., s. 11, 12; «Finlands frihetskrig...». Del. IV, s. 48.

помощи в непродолжительном времени судьба финляндских шюцкоров будет решена, а вместе с тем и будущее Финляндии»³⁶⁰.

19 февраля сам Свинхувуд направил шведскому королю письмо, в котором писал, что белофинское правительство, уже обратившееся за помощью к Германии, рассчитывает и на помощь Скандинавских стран, которым самим предоставляется решать вопрос о форме этой помощи. Убедая короля помочь белофиннам, Свинхувуд ссылаясь на «близкое соседство», подчеркивал «политическую сторону вопроса» (что являлось намеком на опасность распространения революции и на Швецию в случае победы ее в Финляндии), напоминал, что в Финляндии проживает много шведов, а также указывал на экономические интересы Швеции в Финляндии. «Достаточно напомнить, — писал он, — сфера деятельности скольких шведских экономических предприятий распространяется и на Финляндию и сколько шведского капитала вложено в деловые предприятия в этой стране»³⁶¹.

К интервенции в Финляндии пыталась склонить Швецию и Германия. Уже в один из первых дней после начала революции германский посланник в Швеции Люциус явился к Хельнеру и от имени германского правительства сделал предложение о совместной интервенции Швеции и Германии с целью подавления «мятежа» в Финляндии. Хельнер обещал доложить об этом предложении своему правительству. О большой заинтересованности Германии в шведской интервенции свидетельствовало то, что в течение ближайших дней Люциус еще не менее двух раз приходил к Хельнеру с тем же предложением. Кроме того, явно по поручению Германии турецкий посланник в Швеции Джевад-бей также пытался убедить Хельнера, что Швеция «в своих собственных интересах» должна осуществить интервенцию в Финляндии³⁶².

Любопытно, что французский посланник в Стокгольме тоже уговаривал шведское правительство послать войска на помощь белофиннам³⁶³. Английский посланник рекомендовал своему правительству побудить Швецию оказать помощь белой Финляндии³⁶⁴. Американский посланник заявил высокопоставленным лицам в Швеции, что финская белая гвардия «наносит за Германию удар по большевикам»³⁶⁵; было ясно, что США приветствовали бы всякую помощь белофиннам со стороны Швеции. Таким образом, капиталистические державы, находившиеся в противо-

³⁶⁰ «Finlands frihetskrig...». Del. IV, s. 49, 50.

³⁶¹ J. Hellner. Memorandum..., s. 13; J. Hellner. Minnen och dagböcker. Stockholm, 1960, s. 418.

³⁶² J. Hellner. Memorandum..., s. 13, 14.

³⁶³ «Tiedonantoja», 8.III 1918.

³⁶⁴ «FRUS. 1918. Russia», II, p. 746.

³⁶⁵ «Nya Dagligt Allehanda», 15.IV 1918.

положных военных лагерях, были единодушны, рекомендуя Швеции помочь спасти буржуазный строй в Финляндии.

Как же относилась Швеция к просьбам белофиннов об интервенции?

Революцию в Финляндии шведская буржуазия воспринимала как пожар в соседнем доме, грозящий и ее собственному дому. Но несмотря на то, что она была заинтересована в подавлении финляндской революции и что белофинны и Германия прямо побуждали шведское правительство к открытой интервенции против революционной Финляндии, последнее не решалось на это, опасаясь внешнеполитических и внутривнутриполитических осложнений.

Характеризуя внешнеполитические причины этой осторожности, тогдашний министр иностранных дел Швеции Хельнер писал: «Совместная с Германией интервенция была бы воспринята Антантой как противоречащая нейтралитету Швеции, тем более, что между Россией и Германией все еще существовало состояние войны и Россия фактически оказывала финским революционерам военную помощь. Это последнее обстоятельство было чревато для Швеции возможностью осложнений с Россией. Но если бы даже интервенция и не имела следствием войну (Швеции.— В. Х.) с Антантой или Россией, то, как мне представлялось несомненным, результатом было бы немедленное прекращение переговоров о торговом договоре, которые Швеция начала с державами Антанты и осуществление которого шведское правительство считало одной из своих первейших целей»³⁶⁶.

Насколько болезненно воспринимала Антанта всякие переговоры между Германией и Швецией, видно из таких фактов. 24 января английский посланник в Стокгольме Эсме Говард посетил Хельнера и, сославшись на сообщение, будто Швеция приглашена в Брест-Литовск для переговоров об Аландских островах, между прочим заявил, что участие Швеции в этих переговорах произвело бы неблагоприятное впечатление в союзных странах и могло бы впоследствии помешать урегулированию вопроса об Аландских островах в интересах Швеции³⁶⁷. Через несколько дней Говард повторил свой визит и свое представление по тому же вопросу и удовлетворился только после заявления Хельнера, что о приглашении Швеции в Брест-Литовск нет и речи³⁶⁸.

В то же время Говард, как уже сказано, рекомендовал своему правительству побудить Швецию оказать поскорее помощь белофиннам, чтобы те не обратились за этим к Германии.

Но разве не могла Швеция осуществить интервенцию без Германии? Против этого Антанта не стала бы возражать. Однако в этом случае Швеция не могла помешать Германии сделать то же самое, и тогда возникло бы положение, чреватое осложнениями

³⁶⁶ J. Hellner. Memorandum..., s. 15.

³⁶⁷ Ibid., s. 14.

³⁶⁸ Ibid., s. 14, 15.

с Антантой, так как в Финляндии Швеция объективно выступала бы как союзник Германии.

Шведское министерство иностранных дел не могло отделаться от мысли, что сделанное Германией предложение о совместной интервенции — только ловушка и что истинная цель состоит в том, чтобы вовлечь Швецию в войну в качестве союзника Германии не только против революционной Финляндии, но и против революционной России, а возможно, и против Антанты (Германия уже не раз предпринимала попытки втянуть Швецию в войну). «...Можно было с уверенностью предвидеть, — писал Хельнер, — что Германия не даст Швеции в одиночку осуществлять интервенцию в Финляндии, но немедленно присоединится к шведской интервенции и тем самым создаст положение, как если бы обе стороны с самого начала осуществляли интервенцию вместе»³⁶⁹.

Шведский премьер-министр Эден также был того мнения, что если Швеция не желает быть втянутой в войну в Финляндии, а возможно — и в мировую войну, она должна воздержаться от интервенции. Ведь белая Финляндия возлагает главные надежды не на Швецию, а на Германию, и сама Германия отнюдь не склонна играть второстепенную роль и упускать сферу влияния, которая сама просится в руки³⁷⁰. Словом, Швеция не хотела попасть в положение младшего партнера Германии, с которым та не стала бы считаться. К тому же после вступления в войну США исход войны в пользу Германии становился все более сомнительным, и Швеция не хотела ухудшать свои отношения с вероятными победителями.

Как видно из приведенных высказываний Хельнера, одним из соображений, удерживавших шведское правительство от интервенции в Финляндии, было и опасение вызвать осложнения в отношениях с Советской Россией. Таким образом, Советская Россия уже одной своей дружбой с революционной Финляндией оказывала сдерживающее влияние на шведских контрреволюционеров и косвенно облегчала положение последней.

Шведское правительство не обманывалось и насчет того, что интервенция Швеции вызвала бы негодование трудящихся Финляндии, т. е. большинства ее населения. Эден заявил, например, что обвинение по адресу правительства в том, что оно своей сдержанной позицией якобы вызвало разочарование и горечь финляндского народа, «основано на незнании фактического положения»³⁷¹. А министр юстиции Лёфстрём прямо заявил, что шведская интервенция вызвала бы «враждебное чувство у населения сёмой Финляндии»³⁷².

³⁶⁹ J. Hellner. Memorandum..., s. 15. 16.

³⁷⁰ «Stockholms Dagblad», 21.III 1918.

³⁷¹ Ibidem.

³⁷² «Dagens Nyheter», 28.III 1918.

Но кроме внешнеполитических соображений, которых одних, по словам Хельнера, было бы достаточно, чтобы исключить возможность интервенции, существовали еще и причины внутривнутриполитические, имевшие ничуть не меньшее значение. Это была позиция рабочего класса Швеции, который с большим сочувствием следил за революционной борьбой своих финляндских братьев по классу, несмотря на попытки правых шведских социалистов опорочить финляндскую революцию.

Правые лидеры шведской социал-демократии осуществили в это время целую серию активных мероприятий с целью развенчать финляндскую революцию, да и идею революции вообще, и не допустить революционизирования рабочего класса самой Швеции. В публичных выступлениях руководство шведской социал-демократии старалось внушить рабочему классу, что «в наше время» революция вообще нелепа, вредна и даже противоречит-де учению Маркса.

В подписанном председателем шведской социал-демократической партии Брантингом и ее секретарем Мёллером обращении к шведским рабочим в феврале 1918 г. утверждалось, что в эпоху всеобщего избирательного права революционные перевороты потеряли всякий смысл. Умышленно толкуя революцию как попытку меньшинства установить свою власть, хотя под такое толкование не подходила ни одна настоящая революция в истории, в том числе и финляндская, авторы обращения заявляли: «Между тем социалисты со времен Маркса противопоставляют этому (т. е. революционному образу действий.— В. Х.) его учение о том, что новое общество должно быть делом не каких-то опекунов, а самого рабочего класса, просвещенного в социалистическом духе»³⁷³. Правосоциалистические фокусники пытались использовать авторитет Маркса для осуждения идеи революции, превращали Маркса в противника революции, в союзника оппортунистов.

В одном из докладов Мёллер заявил: «Социал-демократический путь нельзя сократить при помощи революции. Ближайшей стадией развития должно быть общество государственного капитализма, которое сосредоточивает в своих руках весь производственный аппарат, что мало-помалу приведет также к более справедливому распределению продуктов. Революция не может привести к изменению характера производства, и разговоры о социальной революции являются поэтому сухой чепухой... Всякая попытка в духе той, какую предприняли финны, обречена на неудачу»³⁷⁴. По Мёллеру выходило, что финские рабочие, уже начавшие умирать от голода, не должны были все же совершать революцию — ведь они еще не прошли через период госкапита-

³⁷³ «Hufvudstadsbladet», 17.IV 1918, Extranummer II.

³⁷⁴ «Dagens Nyheter», 26.III 1918.

лизм. Надо было просто терпеливо ждать этого госкапитализма — тогда «мало-помалу» будет достигнуто более справедливое распределение продуктов.

В том же обращении решительно осуждался большевизм, который, якобы «злоупотребляя именем социальной революции, компрометирует социализм, полирует демократию и в соответствии со своей собственной сущностью может только вырождаться в социальную анархию с последующей за этим реакцией»³⁷⁵. С видом людей, которым ведомы законы истории, правые лидеры предрекали большевизму гибель в качестве исторического возмездия за несоблюдение им этих законов (пятью месяцами позже их газета «Сосиаль-демократен» опять писала, что дни «максималистского режима» в России сочтены)³⁷⁶.

Впоследствии, в 1919 г., «министр» одного из русских белогвардейских правительств Маргулис спросил у Брантинга, каким образом шведским лидерам «удалось удержать Швецию от большевизма». «Исключительно сообщением точных сведений об ужасах Москвы и Петрограда», — ответил Брантинг³⁷⁷. О большевистской революции сообщались одни сплошные ужасы.

Шведские правые лидеры пытались создать у шведских рабочих самое отрицательное представление и о финляндской революции. В упомянутом февральском обращении руководства социал-демократической партии положение в Финляндии изображалось так, будто за подлинную демократию борются белые, а революционеры, направляемые кучкой злоумышленников, ведут борьбу за цели, чуждые рабочему классу, и за вмешательство русских в дела Финляндии. Как и буржуазия, правые умалчивали о классовом характере войны. «Вооруженное восстание против избранного на широчайшей народной основе парламента, — говорилось в обращении, — ...представляется нам отрицанием самого принципа демократии, провозглашением насилия меньшинства над большинством народа...»³⁷⁸. Финляндскую революцию правые социал-демократы объявили «изменой рабочему классу и демократии»³⁷⁹. 27 марта в докладе на собрании, организованном в Стокгольме рабочей коммуной в зале Аудиториум, Мёллер сказал: «Шведская социал-демократия выразила свое неодобрение финляндской революции потому, что это было преступление против демократии, т. е. нечто такое, что никогда нельзя защищать и всегда нужно осуждать»³⁸⁰. Дальше он нарекнул на желательность поражения красных, заявив, что «революция в Финляндии является страшным несчастьем не только

³⁷⁵ «Hufvudstadsbladet», 17.IV 1918, Extranummer II.

³⁷⁶ Цит. по: «Gazette de Lausanne», 19.VIII 1918.

³⁷⁷ М. С. Маргулис. Год интервенции, кн. 2. Берлин, 1923, стр. 26.

³⁷⁸ «Hufvudstadsbladet», 17.IV 1918, Extranummer II.

³⁷⁹ Z. Höglund, F. Ström. Op. cit., s. 5.

³⁸⁰ Ibidem.

для страны в целом, но, может быть, еще в большей степени — для ее рабочего класса... Победа красных была бы для финской социал-демократии еще опаснее, чем поражение»³⁸¹ (1). А ведь было уже очевидно, что поражение революции приведет к неслыханному белому террору.

И лишь когда эти продиктованные якобы благожелательностью к рабочему классу пожелания о поражении финляндской революции сбылись, когда началась вакханалия белого террора, правые социал-демократические лидеры стали выражать сожаление. Брантинг в интервью газете «Нью-Йорк геральд» заявил, что «Финляндия переживает очень большую трагедию»³⁸², а в интервью газете «Тан» задним числом признал, что «красное правительство представляло все-таки дело народа»³⁸³. А ведь само же брантинговское руководство содействовало тому, чтобы это дело народа потерпело поражение. Газета финляндской буржуазии «Хувудстадсбладет» недаром отмечала, что шведские правые социал-демократы поддерживали не красных, а «скорее противоположную сторону»³⁸⁴. А шведская левая социалистическая газета «Политикен» писала, что в Швеции сложился «священный союз» — от лидера правых Трюггера до социал-демократа Пальмшерна — для борьбы против рабочего класса Финляндии³⁸⁵.

Аналогичную позицию занимала и руководящая профсоюзная бюрократия. Так, доверенные лица шведского союза металлистов выразили солидарность с финляндским помещиком Энгельбертом, который устраивал в Швеции митинги, призывая к помощи белофиннам, и осудили «красный мятеж» в Финляндии, как якобы «означающий смерть для социализма»³⁸⁶.

Своей кампанией против финляндской революции правые лидеры шведского рабочего движения объективно оказывали услугу белофиннам и всей международной реакции. Буржуазные газеты охотно перепечатывали из правой социал-демократической прессы все плохое, что там говорилось о финляндской революции. В германском рейхстаге сторонники отправки войск в Финляндию при характеристике «ужасного режима красных» обычно ссылались на «рабочую» прессу Скандинавии.

Правые лидеры шведской социал-демократии попытались добиться прекращения гражданской войны в Финляндии. Прибывшая 28 февраля в Гельсингфорс делегация шведских правительственных социалистов во главе с Мёллером предложила свое посредничество в примирении красных с белыми. Однако

³⁸¹ Ibidem.

³⁸² «Hufvudstadsbladet», 7.VI 1918.

³⁸³ «Hufvudstadsbladet», 21, 23.VII 1918.

³⁸⁴ «Hufvudstadsbladet», 4.VI 1918.

³⁸⁵ «Tydningen», 5.III 1918.

³⁸⁶ «Hufvudstadsbladet», 4.V 1918.

примирения не хотели ни красные, ни белые: красные потому, что мирные средства уже до революции были исчерпаны, а ее победа представлялась во время визита шведской делегации вполне вероятной, так как о предстоящей интервенции Германии точно еще не было известно; белые же не хотели примирения потому, что уже получили от Германии твердое обещание о присылке войск и были теперь уверены в победе. Некоторые представители белофиннов считали желательным лишь временное перемирие, которое помогло бы белым накопить силы.

Делегация шведских правых социал-демократов сделала даже попытку совлечь правительство красной Финляндии с революционного пути. Присутствовавший 5 марта на заседании Совета Народных Уполномоченных Мёллер стал осуждать образ действий революционного правительства. Он утверждал, что финляндская революция наносит ущерб деятельности социалистов в других странах, что финские революционеры стремятся установить диктатуру олигархии, опирающуюся на штыки. В это время уже был опубликован проект конституции, абсолютно не оставлявший почвы для таких вздорных обвинений. С отповедью Мёллеру выступил Куусинен, защищавший революционную тактику³⁸⁷.

А тем временем социал-демократический военно-морской министр Швеции барон Пальмшерна предпринимал практические действия другого рода. 4 февраля народный уполномоченный по иностранным делам Ю. Сирола обратился к нему с письмом, в котором просил его посоветоваться со своими коллегами о том, что можно сделать, чтобы рассеять подозрения относительно возможности вмешательства Швеции на стороне белофиннов. Пальмшерна ответил на это своеобразно: он внес в парламенте предложение об оказании помощи... белофиннам. 5 февраля Пальмшерна записал в своем дневнике: «Когда я внес предложение об оказании белым помощи оружием, Герман Линдквист, сидевший на председательском месте, побагровел как рак. «Как ты можешь думать о том, чтобы стрелять в финских рабочих?», — воскликнул он»³⁸⁸. Чтобы оказываемую белофиннам помощь сделать менее заметной для шведских рабочих, Пальмшерна считал, что военные грузы следует отправлять в Финляндию не по железной дороге, а морским путем³⁸⁹. В дневнике Пальмшерна пишет, что король попросил его помочь уговорить члена кабинета, социал-демократа Турссона согласиться на поставки оружия белофиннам. Король и Пальмшерна принялись «обрабатывать» Турссона, и, когда тот уступил, король и Турссон «бросились друг другу в объятия»; «Тур похлопывал короля по спине, а у то-

³⁸⁷ J. Paasivirta. Op. cit., s. 137.

³⁸⁸ Z. Höglund. Revolutionernas år, s. 135.

³⁸⁹ К. Бекстрем. История рабочего движения в Швеции (1902—1917). М., 1966, стр. 371.

го на глазах блестели слезы»³⁹⁰, — описывает Пальмшерна эту умилительную сцену единения «рабочих» лидеров с королем в деле помощи врагам финляндской революции. У короля были не только идеологические счета с последней, а самые материальные: победы она — и в самой Швеции мог бы рухнуть трон.

Социал-демократический морской министр Швеции имел к помощи белофиннам и еще более непосредственное отношение. Левая «Фолккетс дагblad политикен» писала об этом в июле того же года: «Левое правительство Швеции, в составе которого было четверо социал-демократов, в том числе морской министр, тайне использовало военные корабли шведского государства для помощи убийцам финских рабочих и разгрома Финляндской рабочей республики. Мы не удивляемся, что эти гнусные преступления и вдвойне предательские действия скрывались от шведского народа и шведских рабочих, так как если бы об этом деле узнали, то по стране пронеслась бы буря негодования, которая выбросила бы г-на Пальмшерну из седла. Теперь, наконец, правда вышла наружу. Но хотя и запоздала эта буря, которую питает теперь народный гнев, вызванный гнусными действиями, это преступление не будет забыто, и правый социалист, государственный советник Пальмшерна будет заклеен на всю жизнь как шведский полковник белой гвардии... Когда будет написана трагическая история финляндской революции, то среди палачей революции рядом с Маннергеймом и Свинхувудом будет фигурировать и шведский аристократ Пальмшерна»³⁹¹.

Характеристику Пальмшерны завершает такой штрих: помогая белофиннам, он в то же время записывал в дневнике: «Правительство Свинхувуда категорически отклонило предложение о перемирии и о посредничестве. Маннергейм хочет расстрелять всех красных! Ужасно!»³⁹². О гуманность социал-демократа Пальмшерны!

Что же касается рабочих масс Швеции, то их симпатии сразу и безраздельно принадлежали их финским братьям по классу, поднявшимся на революцию. Помимо классового инстинкта, шведским рабочим помогла безошибочно разобраться в событиях и правдивая информация, которую благодаря свободе печати в Швеции имели возможность распространять левые социалисты, а отчасти и революционное правительство Финляндии. Ленин еще 6 февраля 1918 г. направил в Гельсингфорс телеграмму революционному правительству, в которой советовал: «Необходимо посылать почаще и поподробнее радио на шведском языке и телеграммы в Швецию от имени союзов шведских рабочих в

³⁹⁰ Z. Höglund. Op. cit., s. 135, 136.

³⁹¹ «Hufvudstadsbladet», 21.VII 1918.

³⁹² E. Heinrichs. Mannerheim. Suomen kohtaloissa. I osa. Helsinki, 1957, s. 113.

Финляндии для опровержения крайне лживых сообщений шведской буржуазной печати о событиях в Финляндии»³⁹³.

Меры в этом направлении принимались. Так, в феврале финляндская социал-демократическая партия совместно с социал-демократической левой партией Швеции обратилась к шведским рабочим с воззванием, в котором опровергалась ложь, распространенная буржуазной прессой о финляндской революции, приводились правдивые сведения о возникновении и развитии внутреннего конфликта в Финляндии, об эвакуации русских войск из Финляндии, о контрреволюционных планах Германии и т. д. «Везде,—говорилось в воззвании,—идет собрание сил буржуазии против революционного восстания, которое началось на востоке и охватывает всю Европу и которое имеет целью расчитаться с системами и лицами, несущими ответственность за мировые ужасы. Поражение финляндской революции равнозначно уничтожению всех завоеваний революции: социального законодательства, 8-часового рабочего дня, республиканской формы правления и всех политических и экономических свобод». Воззвание заканчивалось призывами: «Не предавайте финских рабочих! Шведские рабочие и демократы! Не допустите, чтобы финская реакция получила людей и оружие для борьбы против финских товарищей! Нерушимая солидарность есть условие победы трудящегося народа во всех странах. Да здравствует финляндская революция! Да здравствует международное освобождение рабочего класса!»³⁹⁴.

В противовес кампании, направленной против финляндской революции, левые социалисты Швеции вели кампанию в ее защиту, организовывали доклады и митинги. Лидеры левых — З. Хёглунд, О. Гримлунд и норвежец Э. Ниссен — в начале февраля побывали в революционной Финляндии, участвовали 9 февраля в заседании Совета Народных Уполномоченных, передали приветствие от шведского пролетариата рабочему классу Финляндии и по возвращении в свои страны рассказали правду о том, что там действительно происходит. По Швеции прошла волна митингов протеста против интервенционистских намерений шведских «активистов». В резолюциях, принятых после докладов, организованных левыми социалистами, шведские рабочие выражали солидарность с революционным финляндским пролетариатом и требовали от правительства невмешательства в дела Финляндии. Так, на большом митинге в Гётеборге 6 февраля после доклада «Рабочие Швеции и финляндская революция» было принято решение: энергично препятствовать вмешательству Швеции во внутренние дела Финляндии и призвать проле-

³⁹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 36.

³⁹⁴ J. Etzel. Op. cit., S. 97—103.

тариат Швеции в случае несоблюдения правительством нейтралитета начать всеобщую забастовку»³⁹⁵.

На большом рабочем митинге протеста против насилий белофиннов, состоявшемся в народном доме Стокгольма 28 апреля, после докладов З. Хёглунда и Ф. Стрёма была принята резолюция, в которой говорилось: «Собрание выражает свою симпатию и полную солидарность с пролетариатом Финляндии и его героической борьбой за социальную революцию... Собрание клеймит зверские массовые казни пленных финских и русских рабочих, мужчин и женщин, как позорные действия, не имеющие параллели в истории северных стран и сравнимые лишь с массовыми повешениями русских революционеров Николаем Кровавым и массовыми убийствами французских коммунаров генералом Галлифе. Собрание клеймит призывание в Финляндию германских войск как предательство в отношении независимости Финляндии и позорную продажу свободы страны палачу Европы. Собрание заявляет, что реакционные планы буржуазных классов Финляндии — относительно введения монархии, отмены всеобщего избирательного права, установления милитаристского режима, ликвидации свободы печати и превращения рабочего класса в бесправный класс париев — должны побудить демократию и рабочее движение всего мира на международную борьбу против бесстыдной финской буржуазии и ее тирании; и эта борьба не закончится до тех пор, пока Финляндия не будет освобождена от своих палачей и все права финляндского рабочего класса не будут целиком восстановлены. Да здравствует борющийся пролетариат Финляндии! Долой палачей и тиранов Финляндии!»³⁹⁶.

Но шведские рабочие не ограничивались резолюциями и словесными протестами. Они отказывались выполнять военные заказы для белофиннов, оказывали финским рабочим материальную помощь. Стокгольмские швейники отказались шить одежду, которая предназначалась для белофиннов. Газета левых социалистов «Политикен» призвала рабочих Швеции последовать примеру швейников столицы и сорвать попытки оказания помощи белофиннам³⁹⁷. В середине февраля рабочие военных заводов в Вестерё, узнав о поступлении новых заказов, заподозрили, не от белофиннов ли они, и постановили выяснить, откуда поступили заказы³⁹⁸. Созданный шведскими левыми с целью агитации Территориальный совет рабочих обратился к рабочим с призывом создавать местные советы и группы защиты, чтобы не допустить вмешательства Швеции в дела Финляндии. Шведская почта отказалась пересылать эти воззвания, так как они заканчивались словами: «Да здравствует революция!». А бело-

³⁹⁵ «Tiedonantoja», 15.III 1918.

³⁹⁶ Z. Höglund, F. Ström. Op. cit., s. 31.

³⁹⁷ «Työmies», 5.III 1918.

³⁹⁸ «Tiedonantoja», 15.III 1918.

финская газета «Илкка» сообщала, что в Халаранде и на крупных лесопильных заводах Северной Швеции велась агитация за создание отряда в 6 тыс. человек в помощь финским красногвардейцам. Предполагалось, что отряд вторгнется в северную Финляндию, чтобы оттянуть силы белых с юга³⁹⁹. Шведские власти, сочувствовавшие белофиннам, естественно, сделали все, чтобы не допустить ничего подобного, но уже само намерение шведских рабочих показывает, как они были настроены.

В самом начале революции рабочие северной Финляндии через своего посланца обратились к шведскому пролетариату с просьбой о материальной помощи. В обращении говорилось, что белофинские власти считают всех рабочих «красными» и относятся к ним как к париям. Многие рабочие не имели работы и никаких других источников существования, так что им и их семьям грозила голодная смерть. 10 февраля левые социалисты и союз социалистической молодежи Швеции призвали рабочий класс страны оказать экономическую помощь рабочим северной Финляндии. «Мы знаем,— говорилось в воззвании,— что шведские рабочие не оставят финских рабочих в час беды и испытаний, как и финские рабочие не оставили нас во время всеобщей забастовки 1909 г.»⁴⁰⁰. В воззвании подчеркивалась необходимость противопоставить клеветнической кампании буржуазной прессы против финляндской революции пропаганду, основанную на правдивой информации о положении в Финляндии. Среди шведских рабочих немедленно начался сбор средств для бедствующих финских товарищей.

Сочувствие шведских рабочих финляндской революции и было главным внутривнутриполитическим фактором, не позволившим шведскому правительству начать открытую интервенцию против финляндской революции. «Шведские рабочие,— пишет по этому поводу Хельнер,— рассматривали гражданскую войну в Финляндии как борьбу между буржуазией и рабочими, причем руководители последних были хорошо известны шведским рабочим. Ежедневно премьер-министр, а иногда и я, получал телеграммы, содержащие принятые собраниями рабочих резолюции против какой бы то ни было помощи белым. Социал-демократические лидеры, входившие в правительство, не могли, разумеется, игнорировать позицию шведского рабочего класса, и даже те члены правительства, которые не были связаны такими соображениями, должны были все же принимать во внимание, что решение либеральной группы государственного совета об интервенции привело бы к немедленному расколу правительства и вызвало бы смену правительства»⁴⁰¹. «Интервенцией в Финляндии,— признавал и министр юстиции Лёфстрём,— мы рисковали вызвать

³⁹⁹ М. Майзель. Указ. соч., стр. 112.

⁴⁰⁰ «Työmieks», 3.III 1918.

⁴⁰¹ J. Hellner. Memorandum..., s. 15.

восстание у себя дома»⁴⁰². Подобные соображения, по словам Хельнера, сохраняли свою силу, независимо от того, стоял ли вопрос об интервенции одной Швеции или о совместной интервенции с Германией⁴⁰³.

Эта причина (если бы даже и не было другой, внешнеполитической) делала невозможной открытую интервенцию Швеции. Таким образом, та самая революция, борьбе против которой хотела бы помочь шведская буржуазия, выбивала у последней из рук наиболее грубое и сильное средство: финляндская революция вызвала такие симпатии у шведского пролетариата, что шведская буржуазия не могла бы бросить войска на подавление революции в Финляндии, не рискуя вызвать революцию в самой Швеции. Солидарность пролетариата сдерживала проявление солидарности буржуазии.

Но горячее сочувствие шведских рабочих финским революционерам исключало даже открытый экспорт оружия в белую Финляндию или транзит через Швецию оружия для белофиннов. Некоторые социал-демократические члены правительства опасались, по словам Хельнера, что «экспорт и транспортировка оружия не могли бы не привлечь внимания шведских рабочих, и последние постарались бы силой помешать этому; из-за этого могли бы возникнуть внутренние беспорядки, и во всяком случае положение социал-демократических членов правительства стало бы невыносимым»⁴⁰⁴.

По свидетельству Хельнера, на заседании тайного комитета, а затем и государственного совета один социал-демократ, Бернхард Эрикссон, энергично выступал против предоставления белофиннам оружия из государственных запасов Швеции с той мотивировкой, что в Финляндии идет борьба между буржуазией и рабочим классом и Швеции не следует вмешиваться⁴⁰⁵.

Нужно иметь в виду, что в атмосфере сочувствия рабочих финляндской революции некоторые правые «рабочие» лидеры вынуждены были казаться левее и избегать публичной поддержки предложений о помощи белофиннам. Когда финляндский активист Гуммерус упрекнул Брантинга в том, что шведское правительство и правые социал-демократические лидеры слишком трусят, нужно-де смелее оказывать помощь белофиннам, тот ответил: «Может быть, вы и правы (!), но если бы я настаивал на предоставлении помощи, я потерял бы всякое влияние в собственной партии»⁴⁰⁶. «Старая прискорбная история! — горестно восклицает Гуммерус. — Лидеры оказываются бессильными,

⁴⁰² «Dagens Nyheter», 28.III 1918.

⁴⁰³ J. Hellner. Memorandum..., s. 15.

⁴⁰⁴ Ibid., s. 19; H. Gummerus. Sverige och Finland, s. 16.

⁴⁰⁵ J. Hellner. Minnen..., s. 410.

⁴⁰⁶ H. Gummerus. Sverige och Finland, s. 16.

когда приходят в движение инстинкты проникнутых фанатизмом масс»⁴⁰⁷.

Таким образом, сложилось оригинальное положение. Шведское правительство сочувствовало белофиннам и хотело им помочь. Хельнер, например, писал: «Что касается лично меня, то я хотел оказать ему (Маннергейму.— В. Х.) и финскому (т. е. белофинскому.— В. Х.) правительству как можно большую помощь... Будь я молодым человеком, я присоединился бы к добровольцам, которые направлялись в Финляндию, и сражался бы в армии Маннергейма»⁴⁰⁸. Но направить туда войска шведское правительство не могло по указанным внешнеполитическим и внутривнутриполитическим соображениям. Даже экспортировать оружие в белую Финляндию оно открыто не могло, опасаясь революционных выступлений рабочих. Оставалось помогать белофиннам тайно, неофициально, маскировать свою помощь всевозможными способами. На заседании государственного совета, где из-за позиции социал-демократов Эден и Хельнер вынуждены были отказаться от предоставления белофиннам оружия из государственных запасов, Хельнер все же заявил, что он по крайней мере не собирается создавать препятствий продаже вооружения белофиннам фабрикантами оружия или торговцами оружием, ибо уж это-то с точки зрения международного права не противоречит нейтралитету⁴⁰⁹.

Такова была в общем позиция шведского правительства в вопросе о помощи белой Финляндии. Поэтому, когда член руководства левой социалистической партии Ивар Веннерстрём в большой речи в парламенте подробно и объективно рассказал о причинах финляндской революции, выступил против какого бы то ни было вмешательства Швеции в эту внутреннюю борьбу и потребовал от главы правительства Эдена ясного ответа о позиции правительства в вопросе о вооруженной интервенции, поставках оружия и организации в Швеции вооруженных отрядов для отправки в Финляндию, тот вынужден был сказать, что правительство не собирается ни посылать вооруженные силы в Финляндию, ни предоставлять оружие, ни разрешать организацию отрядов, хотя его симпатии «на стороне законного правительства и порядка», т. е. белофиннов⁴¹⁰.

По этим-то соображениям на предложение Грипенберга шведскому правительству об интервенции Эден в тот же день, 4 февраля, ответил отрицательно, подробно объяснив причины такой позиции Швеции. Швеция, добавил Эден, хотела бы оказать Финляндии добрые услуги в другой форме — в форме посредничества между борющимися сторонами, а также в форме

⁴⁰⁷ H. Gummerus. Sverige och Finland, s. 16.

⁴⁰⁸ J. Hellner. Minnen..., s. 409.

⁴⁰⁹ Ibidem.

⁴¹⁰ Z. Höglund. Op. cit., s. 136.

демарша перед русским правительством по вопросу о выводе русских войск из Финляндии ⁴¹¹.

Грипенберг направил через МИД Швеции следующую телеграмму белофинскому правительству в Васе и Маннергейму: «Шведское правительство отклоняет вооруженную интервенцию как по внутриполитическим причинам, так и потому, что это привело бы Швецию к войне с Россией. Вместо этого оно предлагает посредничество между борющимися сторонами, а также серьезное представление русскому правительству о выводе войск...

Прежде всего будет установлено перемирие, во время которого наше правительство будет иметь время организовать войска, собрать военные материалы, привлечь к себе добровольцев и принять другие необходимые меры. Здешнее правительство считает борьбу против непрерывно возрастающей массы русских бесперспективной» ⁴¹².

В первоначальном тексте телеграммы Грипенберга говорилось, что он постарается обработать шведское общественное мнение при помощи прессы и принудить правительство либо осуществить интервенцию, либо уйти в отставку. Хельнер заявил, что в этой форме телеграмма не может быть послана, и Грипенберг вынужден был изменить ее конец. Таким образом, белофинны готовы были не останавливаться перед вмешательством во внутренние дела Швеции, чтобы вызвать интервенцию в свою пользу.

Как видно из телеграммы Грипенберга, посредничество с целью перемирия между белыми и красными, которое Швеция предлагала осуществить, рассматривалось не как шаг к окончательному прекращению военных действий, а лишь как временная передышка, чтобы «организовать войска, собрать военные материалы, привлечь добровольцев» (а также получить военную помощь от империалистических держав) с явной целью продолжить затем войну уже с лучшими шансами на победу. Перемирие должно было быть формой помощи белофиннам. Характерно, что Хельнер, потребовавший изменить конец телеграммы Грипенберга, не сделал никакого замечания относительно толкования предложенного им перемирия.

Белофинны отклонили предложение шведского правительства о посредничестве «прежде всего по принципиальным, но также и по техническим причинам». В частности, выражалось опасение, что «во время возможного перемирия красные будут иметь такую же возможность, как и мы, подтянуть подкрепления, достать оружие» ⁴¹³. Белофиннам нужна была более эффективная и непосредственная помощь войсками, и поскольку уже

⁴¹¹ J. Hellner. Memorandum..., s. 16, 17.

⁴¹² Ibidem.

⁴¹³ Ibidem, s. 17.

в середине февраля, как будет показано дальше, они заручились такой помощью у Германии, они не хотели думать ни о каком перемирии и жаждали скорейшего и сокрушительного разгрома рабочего класса своей страны.

Ответив на просьбы белофиннов об интервенции официальным отказом и сохранив, таким образом, видимость нейтралитета, Швеция в действительности оказывала активнейшую помощь белофиннам и сделала максимум того, чтобы на практике этот свой отказ, предназначенный для обмана рабочих, свести на нет.

Швеция оказала содействие доставке из Германии в белую Финляндию военных материалов и егерского батальона. Германские транспорты с оружием, следовавшие из Данцига и Либавы в Васу в середине и конце февраля⁴¹⁴, были проведены через территориальные воды Швеции с максимальной предупредительностью: судам был предоставлен уголь для бункеровки, путь им расчищал шведский ледокол, шведские военные суда двое суток специально ожидали их в море и затем конвоировали их, в то время как шведские самолеты производили для них разведку над Балтийским морем, а вдоль побережья были специально зажжены сигнальные огни⁴¹⁵.

Два первых парохода доставили в Васу 100 егерей, 35 тыс. винтовок, 1 млн. патронов, 12 орудий, а также пулеметы и другие военные материалы. На следующем пароходе были доставлены в белую Финляндию остальные финские егери и большое количество вооружения. На четвертом пароходе — тяжелая артиллерия и другое военное имущество для белофиннов⁴¹⁶.

Государственный совет Швеции дал разрешение на экспорт в белую Финляндию двух тысяч винтовок «Маузер» и 100 тыс. патронов⁴¹⁷. Кроме того, шведское правительство разрешило офицерам и солдатам шведской армии, желающим сражаться на стороне белофиннов, уволиться из шведской армии и уехать в белую Финляндию, взяв с собой свое оружие. По официальным данным, до 20 апреля 1918 г. по таким разрешениям было вывезено из Швеции в белую Финляндию 625 винтовок с 366 180 патронами и 360 пистолетов и револьверов с 137 825 патронами⁴¹⁸.

Кроме того, шведские власти не чинили ни малейших препятствий контрабандной перевозке оружия из Швеции в белую Финляндию. Когда массовые протесты шведских рабочих сделали невозможной открытую помощь белофиннам, Пальмшерна, ярый сторонник такой помощи, с досадой записал в своем дневнике,

⁴¹⁴ J. Hellner. Memorandum..., s. 18.

⁴¹⁵ G. Mannerheim. Erinnerungen, S. 186.

⁴¹⁶ J. Hellner. Memorandum..., s. 18.

⁴¹⁷ Ibid., s. 20; H. Gummerus. Sverige och Finland, s. 18, 19.

⁴¹⁸ H. Gummerus. Sverige och Finland, s. 19, 20; J. Hellner. Memorandum..., s. 21.

что «рабочая солидарность заметно пробивается через все», и тут же пообещал, что он будет «смотреть сквозь пальцы, если будет иметь место контрабанда»⁴¹⁹, т. е. доставка оружия белым. А о том, чтобы такая контрабанда имела место, позаботились и агенты белофиннов, и реакционные круги Швеции вообще. «Сколько оружия и другого необходимого снаряжения было... перевезено через границу в Хапаранде контрабандным путем, этого никто не знает и, вероятно, никогда не сможет узнать», — многозначительно отмечает Гуммерус⁴²⁰. Шведские власти «одолежали» белофиннам ружья, которые были оставлены русскими солдатами в Торнео⁴²¹.

Находившиеся в Швеции белофинны отправляли из Хапаранды в Финляндию много закупленного ими в Швеции вооружения контрабандой или под видом вещей дипкурьеров⁴²². Энергичную работу по закупке и отправке в Финляндию необходимых для войны материалов развернула финляндская миссия в Стокгольме. Под видом вещей дипкурьеров она посылала в Финляндию оружие, полевые телефоны, бинокли, электрические фонари, карты, компасы, а также медицинские материалы, которые благодаря посредничеству генштаба удавалось приобретать по низкой цене и которые шведские власти, проявлявшие «понимание» нужд белофиннов, разрешали вывозить в гораздо большем количестве, чем это официально допускалось⁴²³.

7 февраля в Стокгольме был создан «Комитет по организации помощи Финляндии», имевший семь отделов: бюро закупок (ведавшее закупкой оружия и боеприпасов, обучением и снаряжением добровольцев в Швеции и посылкой военных материалов на места военных действий), отдел по вопросам кредита, отдел по собиранию подписей гарантов займов, пресс-бюро, регистрационное бюро (ведавшее записью добровольцев, снабжением их необходимой информацией, урегулированием вопросов о паспортах и т. д.), санитарное бюро и финансовое бюро. Руководителем всей этой организации был фон Френкель, а его заместителем — А. Андерсон⁴²⁴.

Кроме того, приблизительно в это же время в Швеции было создано общество «друзей Финляндии». Его целью было также снаряжение и отправление в Финляндию добровольцев, желающих сражаться на стороне белофиннов. Председателем этого общества был банкир барон Юхан Маннергейм; от своего брата, белофинского главнокомандующего генерала Маннергейма, он получал задания и при помощи организации «друзей Финлян-

⁴¹⁹ Z. H ö g l u n d. Op. cit., s. 135.

⁴²⁰ H. G u m m e r u s. Sverige och Finland, s. 19, 20.

⁴²¹ «Finlands frihetskrig...». Del. IV, s. 61, 62.

⁴²² Ibidem.

⁴²³ Ibidem.

⁴²⁴ A. A n d e r s o n. Op. cit., s. 15, 16.

дии» выполнял их. В первую очередь генерал Маннергейм нуждался в высших офицерах — и меньше чем через полмесяца после возникновения общества «друзей Финляндии» он получил больше офицеров, чем то количество, в котором он, по его словам, в первую очередь нуждался. После этого от него поступило требование на 200 унтер-офицеров, 50 артиллеристов и 50 пулеметчиков, которое также было выполнено ⁴²⁵.

О помощи шведских банкиров Маннергейму уже говорилось выше. Можно добавить, что банкир Маннергейм также оказывал финансовую помощь своему брату-генералу. Шведские богачи жертвовали крупные суммы в пользу белофиннов; граф фон Розен подарил последним самолет ⁴²⁶. Шведские аристократы-военные — граф Гамильтон, граф Дуглас и прочие графы и бароны — устремились на помощь финляндской буржуазии. Война против необученных рабочих и деревенских бедняков казалась легкой и сулила быстрое повышение без большого риска. Эти господа ехали в Финляндию, где разыгрывалась величайшая народная трагедия, как на прогулку, цинично называя войну против трудящихся и расправу над ними «маннергеймовой охотой»!

Шведские высшие офицеры оказали большую помощь Маннергейму, взяв на себя руководство отделами его штаба (например, Тёрнгрэн стал начальником оперативного отдела штаба), родами войск (например, Гамильтон организовал артиллерию белофиннов) или командование частями и подразделениями. Важная роль, которую сыграли шведские офицеры в белофинской армии, общепризнана. «Без большого числа офицеров шведского генерального штаба, которые через несколько дней после начала войны прибыли в Финляндию, где они немедленно начали важную работу по организации белой армии, война не могла быть доведена до благоприятного для Финляндии (т. е. для белофиннов. — В. Х.) конца. До прибытия первых шведских офицеров именно недостаток обученного штабного персонала и командиров высших соединений был столь вопиющим, что все операции в собственном смысле слова, может быть, были бы невозможны. Первой задачей шведских офицеров была организация генерального штаба белой армии и разделение имеющихся вооруженных сил на оперативные группы» ⁴²⁷. Важную роль шведских офицеров в армии Маннергейма отмечал и фон дер Гольц. «Шведские офицеры генерального штаба, — писал он, — вошли в состав штаба Маннергейма и вместе с прежними русскими офицерами финляндской национальности обеспечили общее руководство» ⁴²⁸.

⁴²⁵ «Kampen om Finland», s. 127—130.

⁴²⁶ «Stockholms Dagblad», 22.III 1918.

⁴²⁷ B. Fast. Stormakterna och Norden. Politiska och militära relationer under fyra decennier. Malmö-Lund, 1942, s. 52—53.

⁴²⁸ R. von der Goltz. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920, S. 44.

Кроме 94 офицеров, из Швеции в помощь белофиннам прибыли 295 (по другим данным — около 600) унтер-офицеров⁴²⁹, 21 офицер ландштурма, 78 человек медицинского персонала и большое число прочих добровольцев, среди которых многочисленную группу составляли разные преступные элементы, искавшие спасения от наказания за свои преступления. В расчетах «друзей Финляндии» такие элементы играли не последнюю роль: на аудиенции у короля Густава «друзья Финляндии» попросили для облегчения вербовки амнистировать всех военных, осужденных не только за военные, но и за гражданские преступления⁴³⁰. Из шведских добровольцев была также сформирована бригада, которая за совершенные ею преступления в Финляндии получила прозвище «черной бригады». Всего из Швеции на помощь белофиннам прибыло около 1500 человек⁴³¹.

Одним из видов шведской помощи белофиннам была также посылка лазаретов с медицинским персоналом. Таких лазаретов было послано пять⁴³².

Швеция оказала белофиннам, кроме того, ряд разнообразных услуг. Финляндская миссия в Стокгольме сносилась со ставкой белофиннов при помощи шведских шифров и большей частью через шведское радио. Шведский дипкурьер использовался белофиннами Гельсингфорса для связи с белой Финляндией⁴³³. Глава правительства Эден пытался добиться от Англии и Франции признания белофиннского правительства. «Во время гражданской войны, — писал А. Андерсон (заместитель председателя «Комитета по организации помощи Финляндии»), — левое правительство оказывало нам много услуг, о которых было мало известно». «В интересах правдивости нужно признать, что мы (т. е. белофинские агенты в Швеции — В. Х.) могли, не испытывая помех, проводить нашу деятельность в желаемом направлении». Дальше Андерсон рассказывает о предупредительности прессы и о «молчаливости властей, которые, само собой разумеется, могли бы воспрепятствовать всей работе по оказанию помощи белой Финляндии»⁴³⁴.

Знаменательно, что шведское правительство, оказывавшее такую всестороннюю помощь белофиннам, протестовало против помощи, оказываемой трудящимися Советской России революционной Финляндии. 13 февраля МИД Швеции поручил своему посланнику в Петрограде сделать представление русскому правительству о выводе из Финляндии русских войск в возможно более короткий срок. Одновременно шведское правительство

⁴²⁹ «Hufvudstadsbladet», 11.V 1918.

⁴³⁰ T. N e r m a n. Op. cit., s. 20—21.

⁴³¹ «Пролетарская революция», 1928, № 4, стр. 116.

⁴³² «Kampen om Finland», s. 131.

⁴³³ «Finlands frihetskrig...». Del IV, s. 66, 67.

⁴³⁴ A. A n d e r s o n. Op. cit., s. 5, 6, 36.

поручило своим дипломатическим представителям сообщить об этом демарше правительствам Германии, Англии, Дании, Голландии и Норвегии и выразить надежду, что они поддержат его ⁴³⁵. (Так как шведский посланник не получил эту телеграмму, ему 26 февраля была послана другая, на которую он ответил, что требование об эвакуации русских войск вошло в советско-германские условия мира и что шведское представление было бы сделано *post festum* ⁴³⁶).

16 февраля представитель Швеции сделал представление и русскому Областному комитету армии и флота Финляндии, требуя вывода русских войск из Финляндии и с Аландских островов. Областной комитет сообщил об этом Совету Народных Уполномоченных, который в открытом письме-протесте дал шведскому правительству достойный ответ. В письме указывалось, что независимость Финляндии, о которой шведское правительство проявило такую «заботу», предполагает невмешательство во внутренние дела Финляндии и в ее отношения с Россией. С последней в атмосфере доброго согласия ведутся переговоры об урегулировании всех вопросов, вытекающих из независимости Финляндии. Русские войска, еще находящиеся в Финляндии, не нарушают эту независимость; Областной комитет армии и флота всегда выступал за независимость Финляндии. А вот из Швеции, говорилось далее в письме, финские контрреволюционеры получают всевозможную помощь, что не свидетельствует о большой заботе Швеции о сохранении нейтралитета в отношении внутренней борьбы в Финляндии. Высадка же шведских войск на Аландских островах позволяет с гораздо большим правом обратить против самой Швеции обвинение, которое она выдвигает против русских войск, так как подобный акт противоречит уважению независимости Финляндии и является нарушением ее самостоятельности ⁴³⁷.

В белофинской литературе благожелательная позиция Швеции в отношении белофиннов расценивается все же как недостаточно дружественная и даже как недружелюбная. По мнению некоторых белофинских историков, если бы Швеция действительно благожелательно относилась к белофиннам, она не остановилась бы перед открытой интервенцией наподобие германской. В доказательство якобы враждебной позиции тогдашнего правительства Швеции ссылаются на так называемую Аландскую экспедицию Швеции, которую Маннергейм назвал «недружественным актом». Суть дела состояла в следующем.

В феврале 1918 г. шведское правительство направило на Аландские острова свои военные суда с войсками и оккупиро-

⁴³⁵ J. Hellner. Memorandum..., s. 17, 18.

⁴³⁶ Ibid., s. 18.

⁴³⁷ «Tiedonantoja», 21, 22.II 1918.

вало их, а находившиеся там русские войска, финские красногвардейцы и шюцкоровцы (шюцкоровцы бежали туда из южной Финляндии) были перевезены в Швецию. Шведское правительство утверждало, что эта миссия имеет чисто гуманный характер: Швеция не хотела распространения военных действий на Аландские острова. В действительности оккупацией Аландских островов Швеция явно хотела предопределить их будущую судьбу: великошведские круги давно мечтали о присоединении этих островов к Швеции.

СНУ опубликовал протест против высадки шведов на Аландских островах, являвшейся нарушением суверенитета Финляндии⁴³⁸.

Шведы вывезли финских шюцкоровцев с Аландских островов, действительно, вопреки воле Маннергейма. Чтобы добиться этого, шведской дипломатии пришлось пойти на хитрость, несколько напоминавшую известный трюк Бисмарка с эмской депешей. Пользуясь тем, что связь между Маннергеймом, белофинским посланником в Стокгольме Грипенбергом и шюцкором на Аландских островах осуществлялась не непосредственно, а через шведские каналы, шведы умышленно извратили распоряжение Маннергейма, чтобы добиться желательного для них результата. Дело происходило так. 17 февраля Грипенберг телеграфировал Маннергейму о высадке шведов на Аландских островах. Полученный им через шведов ответ не поддавался расшифровке. Было запрошено разъяснение, и снова от Маннергейма через шведов была получена какая-то абракадабра. Между тем шведы убеждали шюцкоровцев, что эвакуация их с Аландских островов соответствует воле Маннергейма. 18 февраля военно-морской министр Швеции Пальмшерн распорядился передать шюцкору на Аландские острова такое сообщение: «Генерал Маннергейм сам на прошлой неделе просил шведской помощи, чтобы перевезти морским путем шюцкор с Аландских островов через Швецию в Финляндию. Поэтому не может быть никакого сомнения, что он и теперь одобряет наше предложение. Грипенберг повторяет свой призыв шюцкору (последовать предложению шведов. — В. Х.)»⁴³⁹. 19 февраля капитан шведского корабля «Тур» Старк писал командиру шюцкора на Аландских островах: «...шведское правительство в соответствии с желанием генерала Маннергейма предложило перевести (шюцкор) в Финляндию с оружием и снаряжением... Я должен добавить, что если в ходе теперешних боев (имеются в виду бои на Аландских

⁴³⁸ «Tiedonantoja», 5.III 1918. В. И. Ленин, узнав о высадке шведов на Аландских островах, запросил революционное правительство Финляндии о его отношении к этому, а в радиোগрамме Центробалту выразил возмущение тем, что революционный флот это допустил (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 50, стр. 41—42).

⁴³⁹ «Finlands frihetskrig...». Del III, s. 194.

островах между шюцкором и красногвардейцами.— В. Х.) шюцкор будет разбит, шведское правительство не сможет придерживаться своего предложения, но, если шюцкор будет тогда искать у нас убежища, его придется разоружить и интернировать в Швеции»⁴⁴⁰. Через несколько дней выяснилось, что в «не поддававшихся расшифровке» телеграммах Маннергейм требовал оставления шюцкора на Аландских островах. Пальмшерна рассказывает, что король посоветовал ему «положить телеграмму Маннергейма себе в карман и забыть о ней». «Если ты не хочешь этого сделать,— сказал король,— то у меня достаточно вместительный карман»⁴⁴¹. Телеграмму Маннергейма действительно не передали шюцкору на Аландские острова; вместо нее дважды передали чепуху, не поддававшуюся расшифровке.

Но оккупация шведами Аландских островов не только не нанесла белой Финляндии какого-либо ущерба, но, напротив, была в конечном счете для нее лишь выгодна. На принадлежность островов Финляндии в дальнейшем это не оказало никакого влияния, зато шведы спасли находившихся на Аландских островах шюцкоровцев от уничтожения красногвардейцами, которые уже и так превосходили их численно и должны были в ближайшее время еще получить подкрепление. Шюцкоровцы же с Аландских островов были доставлены в Швецию, откуда они попали в северную Финляндию и смогли быть использованы в боях.

Из шведских планов в отношении Аландских островов ничего не вышло. Через неделю после высадки шведов на островах германский посланник в Швеции Люциус довел до сведения министра иностранных дел Хельнера, что германское правительство решило удовлетворить просьбу белофиннов об интервенции и использует Аландские острова в качестве базы для операций, поэтому Швеции во избежание осложнений и несчастных случаев предлагается отвести свои суда из района Аландских островов.

Шведское правительство было шокировано резкой формой этого представления. Король заявил, что он «не примирится с подобным образом действий Германии»⁴⁴², и направил Вильгельму II телеграмму, в которой выражал мнение, что Аландские острова должны остаться вне сферы военных действий. 25 февраля от кайзера был получен ответ, подтверждавший намерение Германии. Чтобы позолотить пилюлю, Люциусу было поручено заявить Хельнеру, что Германия поддержит претензии Швеции на Аландские острова и готова вести об этом переговоры со Швецией после установления мира или, если того желает Швеция, немедленно. Люциус заявил шведскому правительству, что,

⁴⁴⁰ «Finlands frihetskrig...», III, s. 196.

⁴⁴¹ Y. Nurmiö. Op. cit., s. 106.

⁴⁴² J. Hellner. Memorandum..., s. 33.

по мнению германского правительства, Аландские острова должны принадлежать Швеции. Однако верховное командование расходилось в этом вопросе с МИД. 5 марта легационный советник Лерснер телеграфировал из главной квартиры в МИД: «Генерал Людендорф поручает телеграфировать: из полученных из Швеции сообщений у меня сложилось твердое мнение, что Швеция верит, что мы при заключении мира предоставим ей Аландские острова, и что финны уже стали испытывать сильные подозрения. Этим мы сильно обманули бы Финляндию, которая доверчиво обратилась к нам, и в будущем мы не имели бы в Финляндии той опоры против России, в которой мы неизбежно будем нуждаться и которую Швеция никогда нам не даст. При выборе между Швецией и Финляндией нам по военным причинам следует принять решение в пользу Финляндии». Такое же мнение о будущей принадлежности Аландских островов выражали германский военный атташе в северных странах полковник Гизе и посол Гинце⁴⁴³. Из высказывания Людендорфа ясно видны намерения немецкой военщины использовать белую Финляндию в войне против Советской России.

5 марта немецкие войска высадились на Аландских островах, а 15 марта было официально объявлено об эвакуации шведских войск с Аландских островов. Немцы стали готовить из населения островов добровольческий батальон, который вскоре был отправлен в Финляндию на помощь белофиннам. Занятие Аландских островов немцами было подготовкой к интервенции в Финляндии. В дополнение к шведской помощи белофиннам, которая оказалась недостаточной для их победы, на помощь им направлялись гораздо более крупные силы империалистической Германии, которые и должны были решить исход гражданской войны в Финляндии.

⁴⁴³ Y. Nurmio. Op. cit., s. 141, 166, 171.

**ПРОСЬБЫ БЕЛОФИННОВ О ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ
И ЗАКЛЮЧЕНИЕ ИМИ КАБАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ
С ГЕРМАНИЕЙ**

... Когда дело касается до классовых прибылей, буржуазия продает свою родину и вступает в торгашеские сделки против своего народа с какими угодно чужеземцами.

В. И. Ленин. Речь на объединенном заседании ВЦИК 29 июля 1918 г.

Еще накануне мировой войны центральные державы рассчитывали в случае войны с Россией поднять антирусские восстания в Финляндии и Эстляндии, а также побудить Швецию выступить на стороне Германии и Австро-Венгрии и оккупировать Финляндию. Незадолго до начала войны австро-венгерский правительственный советник (регирунгсрат) барон Гаймерле посетил Лифляндию. В своем отчете, направленном им в Вену 8 июля 1914 г., он писал: «Если в случае войны России с европейскими державами шведская армия двинется в Финляндию (что было бы нетрудно сделать) и, будучи принята там с распростертыми объятиями, организует восстание финнов и эстонцев, то она сможет, не встречая большого сопротивления, продвинуться до русско-финляндской границы и оказаться почти в 30 км от Петербурга. Насколько иначе выглядело бы наступление Австро-Венгрии и Германии на Россию, если бы одновременно столице страны угрожала сильная шведская армия, расположенная от нее всего в 30 км! Насколько более значительные силы русской армии были бы тогда связаны на севере!»¹.

Аналогичные мысли вынашивались и руководящими деятелями Германии. 2 августа, на другой день после начала войны между Россией и Германией, начальник германского генерального

¹ «Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914», Bd. VIII. Wien — Leipzig, 1930, S. 358—360.

штаба в письме в МИД излагал следующие планы, имевшие отношение и к Финляндии: «Следует добиваться того, чтобы Швеция немедленно мобилизовала все свои вооруженные силы и как можно скорее придвинула свои шесть дивизий к финляндской границе. Нужно, чтобы своими действиями Швеция вызвала и поддерживала у России опасение перед возможностью движения шведских войск через Финляндию или их высадки на русском побережье. Всем желаниям Швеции, касаются ли они обратного присоединения Финляндии или чего-либо еще, мы, безусловно, должны пойти навстречу, поскольку они совместимы с германскими интересами»².

В первые же дни мировой войны Германия установила связи с сепаратистскими элементами в Финляндии. Вдруг возникшее у германской военщины «сочувствие» к финляндскому народу (который она была бы готова отдать Швеции в качестве платы за вступление в войну) объяснялось военными расчетами. Стратегическое положение Финляндии было исключительно важным: от нее было близко до тогдашней столицы России и до построенной в 1916 г. Мурманской железной дороги, по которой союзники, хотя и недостаточно, снабжали Россию военными материалами. В Финляндии находились базы и стоянки Балтийского флота России. Финнов не призывали в царскую армию, так что в Финляндии было много неиспользованного солдатского материала. И притом эта окраина России была населена народом, у которого руссификаторская политика царизма вызывала недовольство и ненависть. Вооружить этот народ и поднять на восстание, чтобы использовать его как орудие в борьбе против России,— такая была цель Германии. Какое значение придавалось финляндскому вопросу, видно из того, что в Берлине были созданы следующие организации: в сентябре 1914 г.— комитет помощи финнам, в ноябре того же года — финляндское бюро, позже — комитет по финляндским делам, а весной 1915 г.— финляндское военное бюро.

Финские сепаратисты (они себя называли «активистами», т. е. сторонниками активной борьбы против царизма) охотно согласились сотрудничать с Германией. Это были главным образом буржуазные интеллигенты, ненавидевшие царизм. Хотя они называли себя сторонниками независимости Финляндии, они, в сущности, стремились лишь к независимости Финляндии от России, но ничуть не возражали против того, чтобы после отделения от России Финляндия оказалась в полной зависимости от Германии. Наоборот, стараясь заинтересовать Германию в «освобождении» Финляндии, они доказывали, что это будет выгодно самой

² «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914», Bd. III. Berlin, 1927, S. 125.

же Германии: она сможет превратить Финляндию в свой опорный пункт против «Востока», а немецкий капитал сможет участвовать в эксплуатации ее природных богатств. Некоторые из «активистов», разумеется, без каких-либо полномочий от финляндского народа, даже предлагали герцогу Мекленбургскому стать королем будущей «независимой» Финляндии. Больше того: они подсаживали в Германии планы поражения других народов и делали попытки вовлечь Швецию в войну на стороне Германии, о чем последняя хлопотала и сама, да безуспешно. Короче, «активисты» стали просто добровольными агентами Германии. Они организовали в Стокгольме свое бюро, а в Финляндии в начале 1915 г. — военный комитет, занимавшийся в основном разведкой. Через созданную ими тайную сеть, имевшую ответвления далеко в России, они стали добывать для Германии важные сведения о русской армии, флоте и военной промышленности. В Финляндии ими был организован ряд диверсий — взрывы складов, судов.

Для подготовки военных руководителей восстания в Финляндии немцы в феврале 1915 г. открыли в Локшtedтском лагере близ Гамбурга военные курсы для финнов. Вначале курсы были рассчитаны на 200 человек. В апреле 1915 г. начальник генштаба Фалькенгайн распорядился расширить их до 1 тыс. человек. В августе военный министр Гогенборн приказал еще расширить их примерно вдвое.

На полученные от Германии средства «активисты» развернули в Финляндии тайную вербовку на эти курсы. Атмосфера не была неблагоприятной. Многие в Финляндии желали царизму поражения, поэтому к врагу России — Германии — относились с известной симпатией, ожидая, что ее победа создаст условия для свободы Финляндии. Молодые люди были не прочь получить военную подготовку, чтобы принять участие в возможной вооруженной борьбе за освобождение родины. Привлекала молодежь таинственность и риск самой переправы в Германию. Иногда вербуемым говорили, будто их вербуют на работу. Поэтому на курсы попали не только авантюристы, но и часть патристически настроенных молодых людей из студенчества, мелкой буржуазии и даже социал-демократических рабочих. Большая часть финской буржуазии — промышленники, выполнявшие военные заказы для России, аграрии, поставлявшие продукты для армии, торговцы, ведшие выгодную торговлю с Россией, — относилась к деятельности «активистов» равнодушно и даже враждебно. Она не хотела отделения от России, выгодные экономические связи с которой ее великолепно устраивали. Социал-демократическая партия в общем не возражала против участия своих членов в этой затее, хотя некоторые ее левые лидеры (в частности, Си-рола) были против какого бы то ни было сотрудничества с германским империализмом.

Разумеется, Германия тратила средства на вербовку, содержание и обучение финнов не ради свободы Финляндии. Когда у Германии появилась надежда на заключение сепаратного мира с Россией, она совершенно охладела к финнам. В один из таких моментов кайзер даже распорядился закрыть финские курсы в Локштедте. Но надежда на сепаратный мир рассеялась, и курсы распушены не были. Сформированный из финнов егерский батальон немцы бросили в бой на восточном фронте. Егери не так представляли себе борьбу за свободу Финляндии. Среди них начались волнения. Батальон был отозван в Либаву. Свержение самодержавия похоронило надежды Германии на сепаратный мир с царем, но показало и политическую непрочность бывшей царской империи. Считая момент подходящим, Германия стала требовать от «активистов» организации восстания в Финляндии летом 1917 г. в Данциге было срочно сосредоточено большое количество русского трофейного оружия для переброски в Финляндию. «Активисты» вместе с буржуазией провели большую работу по созданию шюцкоров. Но буржуазия, вовсе не жаждавшая отделения от России, связывала с ними прежде всего классовые расчеты, а «активисты» — националистические. Буржуазии шюцкору были нужны для борьбы против революционных элементов, кто бы они ни были — финские рабочие или русские солдаты. Недаром «Хувудстадсбладет» писала позже, 18 октября 1921 г.: «Уверения, будто шюцкору были образованы для освобождения страны от русского гнета, не совсем правильны. Их задачей являлась защита общественного строя, жизни и имущества граждан от кровавого террора красных» (на самом деле шюцкору сами применяли террористические методы против стачечников). «Нельзя также согласиться с тем, — продолжала газета, — что главной задачей шюцкору во время войны была борьба против внешнего врага». «Активисты» же видели в шюцкорах зародыш вооруженных сил, которые с немецкой помощью должны были изгнать русские войска и обеспечить отделение Финляндии, которая должна была потом превратиться в зависимое от Германии государство.

Однако по вопросу о намечаемом восстании в Финляндии между немцами и «активистами» возникли существенные разногласия. Каждая сторона хотела «уступить» другой основное бремя борьбы. Немцы хотели, чтобы восстание в Финляндии началось по их заказу без немецких войск. «Активисты» считали высадку немецких войск непременным условием начала восстания. Германия считала высадку десанта пока невозможной, но продолжала поставки оружия для шюцкору. В октябре 1917 г. из Германии к берегам Финляндии направился пароход «Эквити» с военным грузом. Для маскировки на его борту было по-русски написано «Мир», а на мачте развевался революционный красный флаг. Он доставил в район Васы 6500 винтовок,

100 пулеметов, около 3 млн. патронов, 1,5 тыс. гранат, 2 тыс. пистолетов, 8 мотоциклов, большое количество взрывчатых веществ³. (Следует сказать, что одновременно финская буржуазия тайно закупала оружие в России через открыто существовавшие организации с невинно звучащими названиями, вроде Выборгское окружное управление или Карельский гражданский союз).

Финский егерский батальон немцы держали в Либаве готовым для переброски в Финляндию. В батальоне было некоторое количество социал-демократов, которые образовали свой комитет. 9 сентября 1917 г. этот комитет принял резолюцию о том, что поведение егерей — социал-демократов будет определяться тактикой социал-демократической партии. 21 сентября социал-демократы батальона приняли решение не подписывать обязательство о верности буржуазному правительству Финляндии. А после Октябрьской революции, во время ноябрьской забастовки в Финляндии, они решили обратиться к германской социал-демократии с просьбой добиться прекращения тайных германских поставок оружия в Финляндию, так как это оружие попадает, вероятно, только в руки буржуазии. Таким образом, егеря — социал-демократы стояли на позиции классовой борьбы и готовы были следовать указаниям социал-демократической партии. Но та недооценила важность разъяснительной работы в егерском батальоне, и это сыграло роковую роль: буржуазия позаботилась о том, чтобы информировать егерей в нужном ей духе и использовать их в интересах контрреволюции, изолировав наиболее левых.

Октябрьскую революцию финская буржуазия восприняла как сигнал опасности. Вмиг были забыты остатки разногласий с «активистами». Даже те слои буржуазии, которые были заинтересованы в экономических связях с Россией, теперь ориентировались на Германию и жаждали прибытия немецких войск, если не в Финляндию, то хотя бы на Аланды. Уже на другой день после Октябрьской революции так называемая заграничная делегация центрального комитета по освобождению Финляндии (в нее входили «активисты» Гуммерус, Сивен и Теслев) передала в германский военно-морской штаб меморандум по этому вопросу⁴. 11 ноября та же делегация направила самому германскому правительству просьбу «перейти к действиям» в финляндском вопросе и для начала оккупировать Аландские острова⁵. Германии было тогда не до этого, для нее первостепенную важность

³ «Suomen vapaussota vuonna 1918», I. Helsinki, 1921, s. 289; «Luokkasodan muisto», Helsinki, 1947, s. 27; И. И. Кяйвярйянен. Истоки германо-финского антисоветского блока. — «Ученые записки Карело-Финского государственного университета», т. III, 1948, вып. 1. Исторические и филологические науки, стр. 35; «Пролетарская революция», 1928, № 2, стр. 59—60.

⁴ «Suomen vapaussota...», I, s. 318.

⁵ Ibidem; W. Thesleff. Upplevelser under krigsåren 1914—1918, s. 81.

имел вопрос о сепаратном мире с Россией. Но она продолжала посылать в Финляндию военные материалы. 12 ноября 1917 г. к берегам Финляндии направилась немецкая подводная лодка, которая 17 ноября доставила к окрестностям Ловисы 3 т взрывчатых веществ, 100 маузеров, ручные гранаты, 2 радиоприемника, а также радиокоманду и саперную команду; первая должна была осуществлять радиосвязь с Германией, вторая — перерезать сообщение между Финляндией и Петроградом⁶.

Во время ноябрьской забастовки, когда власть финской буржуазии повисла на волоске, ее просьбы о немецком десанте стали еще настоятельнее. Нет надобности излагать эти вариации на тему о необходимости прислать войска в Финляндию или хотя бы на Аланды для «защиты Финляндии от большевизма». Финская буржуазия торопила, чувствуя, что земля горит под ногами, но Германия все не предпринимала просимых действий. 21 ноября на совещании у генерала Бартенверфера в Берлине «активист» Теслев раздраженно воскликнул, что если Финляндии не поможет Германия, то придется просить помощи «у Франции, Англии, Китая, Японии или какой-либо другой державы»⁷. Это произвело впечатление. Япония и Китай были не в счет, но разве не могли финны обратиться к Англии? Финских представителей вызвал сам Людендорф. Его беседа с ними состоялась 26 ноября 1917 г. в главной квартире в Крейцнахе. Выслушав очередную просьбу о высадке немецких войск в Финляндии или в крайнем случае на Аландских островах, подкрепленную всевозможными доводами о выгодности этого и для Германии, и для финской буржуазии, Людендорф объяснил, что из-за вероятности перемирия с Россией в текущем году об оккупации Аландов не может быть речи; в будущем году перспективы такого предприятия благоприятны при условии, что положение на Востоке будет иным. Людендорф обещал отправить егерский батальон в Финляндию и продолжать поставки оружия.

Хотя после Октябрьской революции планы восстания в Финляндии с целью отделения ее от России потеряли всякий смысл, так как благодаря позиции Советского правительства стало возможным свободное отделение Финляндии, Германия продолжала снабжать шюцкоры оружием. Ей было важно сохранить роль покровительницы финской буржуазии и не допустить переориентации ее на другую империалистическую державу. Поставки оружия являлись и профилактической мерой против революции, ибо укрепляли силы финской реакции. Эти поставки смягчали впечатление от фактического отказа Германии послать войска в Финляндию или на Аланды. Но Германия была не склонна выделять нужные ей в других местах войска только ради успокоения

⁶ «Suomen vapaussota...», I, s. 308; «Finlands frihetskrig...». Del I, s. 241. 242.

⁷ «Finlands frihetskrig...». Del I, s. 254, 255; «Suomen vapaussota...», I, 319, 320; W. Thesleff. Op. cit., s. 82.

нервничавшей финской буржуазии, пока та не находилась в действительно критическом положении. Людендорф считал, что финская буржуазия сможет укрепить свое положение и без немецких войск. Но сама она была другого мнения. «В декабре 1917 г., — пишет Маннергейм, — сенат обратился в Берлин с просьбой о вооруженной помощи, однако это ходатайство было отклонено по той причине, что подобная интервенция могла бы серьезно затруднить происходившие тогда в Брест-Литовске германско-русские мирные переговоры»⁸. Информировав Кюльмана о переговорах с финнами, Людендорф высказывался за то, чтобы продолжать поставки оружия в Финляндию, постепенно перебросить туда егерский батальон и «помочь стране» (т. е. финской буржуазии) создать хорошие вооруженные силы. Но ни о каком намерении послать германские войска в Финляндию Людендорф в это время не упоминал.

Германские поставки оружия Финляндии имели и антисоветскую направленность. Хотя Германия вела с Советской Россией переговоры о перемирии и мире, она уже в это время планировала войну против нее. Вооружая финскую реакцию, Германия имела в виду использовать ее потом в войне против Советской России. Знаменательно, что Германия сразу же решительно выступила против намерения умеренных политических кругов Финляндии провозгласить Финляндию нейтральной наподобие Швейцарии. Германский посланник в Стокгольме Люциус в беседе с финляндским посланником Грипенбергом выразил сомнение в целесообразности провозглашения нейтралитета Финляндии, так как Финляндия-де неспособна защитить свой нейтралитет⁹. По мнению германского верховного командования, нейтралитет Финляндии «не принес бы пользы ни Финляндии (?), ни Германии», ибо первая не могла бы тогда прибегнуть к германской помощи в борьбе против «угрожающей ей красной тирании», а Германия не могла бы рассчитывать на помощь Финляндии при наступлении немецких войск на Петроград. Выражалось также опасение, что если Финляндия будет нейтральной, то Антанта использует ее в своих интересах — например, для прохода своих войск. Людендорф считал, что надо поскорее заключить с Финляндией, пока она не объявила о своем нейтралитете, военные и экономические договоры, гарантирующие Германии те первоочередные выгоды, каких нельзя было бы получить после провозглашения Финляндией нейтралитета¹⁰. Нейтральной Финляндия себя не объявила. Этого не хотели и те влиятельные круги в Финляндии, которые мечтали о создании «великой Финляндии». Их, естественно, интересовал не нейтралитет, а военный

⁸ G. Mannerheim. *Erinnerungen*. Zürich — Freiburg, 1952, S. 167.

⁹ Y. Nurmio. *Suomen itsenäistyminen ja Saksa*. Porvoo — Helsinki, 1957, s. 63.

¹⁰ *Ibid.*, s. 61, 62.

союз с Германией для захвата Восточной Карелии. В связи с революцией вопрос о посылке войск в Финляндию, который германское командование до этого решало в отрицательном смысле, встал куда более серьезно: дело шло о существовании буржуазного строя в Финляндии и распространении революции на Запад, на Европу. С началом гражданской войны просьбы белофиннов к Германии о помощи посыпались градом. Маннергейм сразу же через своего представителя Хейкеля, направленного в Стокгольм, адресовал Германии просьбу немедленно прислать ему в помощь двух немецких офицеров генерального штаба и около 100 егерей, а также по крайней мере 10—20 тыс. винтовок, 50 пулеметов с боеприпасами, полевые телефоны и радиостанции¹¹. Уполномоченные белофинского правительства в Германии Э. Ельт, Р. Эрих и В. Теслев в письмах к Людендорфу и статс-секретарю по иностранным делам Кюльману сообщали, что их правительство «находится в отчаянном положении» и что-де «финляндский народ» «стоит перед своей гибелью» (дело шло всего только о власти буржуазии!) и «в крайней нужде просит Германию о помощи»¹². В это же время белофинский поверенный в делах в Стокгольме Грипенберг получил из белой Финляндии телеграмму о необходимости принять «самые энергичные меры», чтобы добиться интервенции Швеции и Германии¹³. 8 февраля Ельт пытался ускорить получение германской помощи, пугая немцев тем, что отсутствие таковой может толкнуть Финляндию к Антанте, которая ведет в Швеции агитацию за присоединение Финляндии к Швеции¹⁴. 9 февраля Ельт письменно просил верховное командование сделать все для «спасения Финляндии», так как якобы «вопрос стоит о жизни или смерти финляндского народа»¹⁵. 15 февраля Свинхувуд направил Ельту в Германию письмо, в котором писал: «Необходимо, чтобы вмешались иностранные державы — прежде всего, конечно, Германия, так как она наиболее энергична и может оказать наиболее быструю и эффективную помощь, но также и скандинавские страны, если с этой стороны можно ожидать какой-нибудь помощи. Мы просим иностранные державы защитить людей и собственность в южной Финляндии, просим защиты от красного террора и от коварного русского правительства. Как и в какой форме может быть оказана помощь, мы должны предоставить

¹¹ W. Hubatsch. *Unruhe des Nordens. Studien zur deutsch-skandinavischen Geschichte*. Göttingen — Berlin — Frankfurt, 1956, S. 117.

¹² F. Beyer. *Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige intervention*. Braunschweig — Berlin — Hamburg, 1928, S. 54; Y. Nurmi o. Op. cit., s. 65.

¹³ J. Hellner. *Memorandum rörande Sveriges politik i förhållande till Finland under tiden från Finlands självständighetsförklaring till det finska inbördeskrigets slut*. Stockholm, 1936, s. 11.

¹⁴ F. Beyer. Op. cit., S. 54.

¹⁵ Y. Nurmi o. Op. cit., s. 134, 135.

на решение интервентов»¹⁶. Белофинны даже предложили Германии Аландские острова за помощь в борьбе против красных¹⁷.

19 февраля Ельту было доставлено письмо от сенатора Ренвалля, члена белофинского правительства в Васе. Ренвалль уполномочивал Ельта запросить германское правительство, согласно ли оно осуществить прямую вооруженную интервенцию в Финляндии. По словам Ренвалля, Германии не понадобилось бы посылать большое количество войск, нужны в основном офицеры, а также артиллерийские, инженерные, автомобильные, авиационные и другие специальные отряды. Высадка не представляла бы больших трудностей. Ренвалль прямо указывал, что германская интервенция в Финляндии являлась бы действием, направленным и против Советской России. «Германия, — писал он, — могла бы наверняка, действуя подобным образом и *угрожая из Финляндии Петрограду* (подчеркнуто в оригинале. — В. Х.), принудить Смольный к любому миру...»¹⁸.

Германские империалисты понимали, что если они откажут финляндской буржуазии в помощи, то в Финляндии либо победит революция, либо на помощь буржуазии придет Антанта. В обоих случаях Финляндия была бы потеряна для германского влияния. Германские империалисты смекнули, что для них вопрос о Финляндии стоит так: теперь или никогда.

Действительно, Маннергейм уже обратился за помощью к Англии и Франции¹⁹, и гельсингфорские буржуа, как потом рассказывал Л. Ингман, поднимались на возвышенные места в городе и смотрели на море в бинокли, рассчитывая увидеть приближение английских кораблей²⁰. «Следует помнить, — пишет Смит, — что если бы немцы не прислали Балтийскую дивизию и если бы война протянулась на один-два месяца больше, то, вероятно, союзники, а не немцы оказали бы помощь Маннергейму»²¹. Но Антанта замешкалась из-за собственных военных трудностей, и этим не могла не воспользоваться Германия.

После разрыва Троцким брест-литовских мирных переговоров в Гомбурге 13 февраля состоялось военное совещание с участием кайзера, на котором было принято решение о переходе к активной внешней политике на Востоке. Речь шла о возобновлении военных действий против Советской России и подготовке к военным действиям против революционной Финляндии.

¹⁶ E. Hjelt. Vaiherikkailta vuosilta. Muistelmia. II. Helsinki, 1919, s. 106, 107.

¹⁷ J. Hellner. Minnen och dagböcker. Stockholm, 1960, s. 416.

¹⁸ K. Hämäläinen. Sosialistinen ulkopoliitiikka. Lahti, 1946, s. 76, 77.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, л. 106, л. 4.

²⁰ «Valtiopäivät 1927. Pöytäkirjat 1927 vuoden varsinaisilla valtiopäivillä». Helsinki, 1927, s. 387.

²¹ C. J. Smith. Finland and the Russian Revolution. 1917—1922. Athens, Ga. [USA], 1958, p. 212.

На другой день после совещания в Гомбурге, 14 февраля, германское командование предложило Ельту официально попросить о присылке немецких войск в Финляндию²². Ельт и Эрих тут же составили меморандум и направили его рейхсканцлеру и верховному командованию. В нем говорилось, что «законное» правительство Финляндии просит о скорейшей и энергичной интервенции в пользу «Финляндии», которой «грозит гибель». Существует опасность, говорилось в меморандуме, что белая армия потерпит поражение, если будет предоставлена самой себе и если не будет оказана иностранная помощь. Лучшей помощью была бы присылка немецких войск. В меморандуме предлагалось направить России категорическое требование о выводе войск из Финляндии и выражалось предположение, что если Германия начнет интервенцию, то не останется в стороне и Швеция, ибо «каждый культурный народ обязан сообразно со своими силами вести борьбу против всемирной опасности большевизма»²³. Таким образом, подавление финляндской революции рассматривалось как часть общего похода буржуазии против большевизма вообще.

Германия немедленно оказала белофиннам помощь силами... пока самих же финнов: в середине февраля из Либавы в Финляндию вышли пароходы «Арктурус» и «Кастор» с финскими егерями на борту. Чтобы слухи об отправке в Финляндию воинских частей не вызвали трудностей в заключении мира с Россией, была разыграна маленькая комедия с переодеванием: финский егерский батальон был распущен, егери переодеты в гражданское платье и без оружия доставлены в Финляндию, где опять превратились в военных. Перед отправкой с них взяли письменное обязательство, что они прослужат год в финляндской армии, и присягу на верность «законному» (т. е. белофинскому) правительству. Другими словами, Германия обязала егерей подавлять революцию. Егерям были присвоены воинские звания. Звание майора получило 13 человек, капитана — 41, старшего лейтенанта — 66, лейтенанта — 126, прапорщика — 157, фельдфебеля — 50, вице-фельдфебеля — 188, унтер-офицера — 423 и ефрейтора — 66 человек²⁴. 25 февраля этот большой отряд командного состава для белофиннов прибыл в Финляндию, куда за несколько дней до этого на двух судах из Германии же было доставлено оружие и боеприпасы.

В Финляндии не было тайной пребывание Ельта в Германии по поручению Свинхувуда, и не требовалось большой проницательности, чтобы догадаться, что он хлопочет там о присылке в

²² «Kampen om Finland år 1918». Helsingfors, 1938, s. 208; G. Mannerheim. *Erinnerungen*, S. 196.

²³ Y. Nurmio. *Op. cit.*, s. 134—136; F. Beyer. *Op. cit.*, S. 55, 56.

²⁴ «Finnlands frihetskrig...». Del I, s. 171.

Финляндию войск для разгрома Красной гвардии. Революционное правительство сделало попытку парализовать эти хлопоты. 21 февраля представитель революционной Финляндии в Стокгольме Артур Усениус послал германскому правительству следующую телеграмму народного уполномоченного по иностранным делам Ю. Сирола: «Настоящим имеем честь вам сообщить, что в Финляндской Республике правительство, которое привело страну к гражданской войне, свергнуто. Чтобы спасти страну от анархии, был временно создан Народный Комиссариат Финляндии, деятельность которого контролируется Центральным Советом Рабочих. Мы надеемся, что дружественные отношения между народами Германии и Финляндии останутся неизменными. Одновременно сообщаем вам, что Народный Комиссариат принял решение об аннулировании полномочий сенатора Эдварда Ельта»²⁵.

Однако этот дипломатический ход революционного правительства не имел никаких последствий. В тот же день, 21 февраля, Людендорф пригласил Ельта в главную квартиру в Крейцнах и сообщил ему, что верховное командование решило послать в Финляндию войска; сначала будут оккупированы Аландские острова, которые послужат базой для операций, затем в Финляндию будут направлены более крупные силы — 5—6 немецких батальонов. Эти силы будут впоследствии пополняться всеми родами войск, необходимыми для ведения войны. Белофинские власти, сказал Людендорф, должны объявить населению, что немцы идут не как завоеватели, а как освободители страны от «красной анархии». Людендорф заверил Ельта, что германское военное вмешательство быстро положит конец власти красных. После этого Ельта принял Гинденбург, выразивший свое удовлетворение тем, что давнее желание сторонников германской интервенции теперь исполнится. Получив от Ельта «окрыляющую» весть о скором прибытии немецких войск, белофинское правительство сразу же отправило германскому канцлеру благодарственную телеграмму²⁶. У финской буржуазии вырвался вздох облегчения, она теперь была уверена в победе. Белофинское правительство сделало официальное заявление, что издержки германской интервенции Финляндия берет на себя²⁷.

Однако в конце февраля в шведских газетах было опубликовано самоуверенное заявление Маннергейма, что белофинны в немецких войсках не нуждаются и «освободят» Финляндию собственными силами. Людендорф вызвал Ельта и спросил, что это

²⁵ F. Beyer. Op. cit., S. 42, 43.

²⁶ E. Hjelt. Op. cit., s. 108; «Kampen om Finland...», s. 208; «Finlands frihetskrig...», del I, s. 69; K. Hämäläinen. Op. cit., s. 78; И. И. Кяйвя-рйянен. Указ. соч., стр. 44.

²⁷ Y. Nurmio. Op. cit., s. 178, 179; F. Beyer. Op. cit., S. 56.

значит. Нужна ли, в конце концов, немецкая помощь? Тот стал уверять, что немецкая помощь совершенно необходима²⁸.

Поскольку отправка немецких войск в Финляндию несколько задерживалась, белофинны нервничали. 3 марта Ельт направил в германское министерство иностранных дел письмо, в котором умолял: «От имени моего правительства я еще раз настоятельно прошу об уже обещанной военной помощи со стороны Германии. Надежды моего правительства и финского народа, который прилагает сейчас все силы, чтобы спасти страну от анархии и гибели, построены, как и раньше, на осуществлении этой помощи»²⁹.

Германия не была бы империалистической державой, если бы не воспользовалась отчаянным положением финляндской буржуазии. Непременным условием получения Финляндией помощи она объявила подписание договоров, которые должны были поставить Финляндию в зависимость от Германии. Белофинны были готовы на все. 7 марта Гертлингом от имени Германии в Эрхимо и Ельтон, получившими от Свинхувуда неограниченные полномочия, от имени белой Финляндии были подписаны германо-финский мирный договор, соглашение о торговле и мореплавании и дополнительные протоколы к договору и соглашению. Вопреки нормам международного права, все эти документы были составлены на языке одной стороны — немецком; в этом отразилось и неравноправие сторон, и спешка, вызванная критическим положением белофиннов.

Мирный договор ограничивал внешнеполитическую самостоятельность Финляндии. I-я глава договора носила название «Подтверждение дружбы между Германией и Финляндией и обеспечение самостоятельности Финляндии»³⁰. Первая же статья противоречила второй половине заголовка. В этой статье после заявления, что между Германией и Финляндией не существует состояния войны и что они исполнены решимости жить отныне в мире и дружбе, говорилось, что Германия будет выступать за то, чтобы другие державы признали независимость Финляндии. За это Финляндия обязуется не уступать никакой части своих владений иностранной державе и не предоставлять такой державе сервитута на своей территории, не согласовав предварительно этот вопрос с Германией. Обязательству, которое брала на себя Германия, была грош цена, потому что после признания независимости Финляндии Советским правительством для признания ее другими державами не было серьезных препятствий. Таким препятствием стала сама зависимость Финляндии от Германии. Англия и США не признавали потом Финляндию некоторое время

²⁸ E. Räckkönen. Svinhufvud baut Finnland. Abenteuer einer Staatsgründung. München, 1936, S. 162, 163.

²⁹ E. Hjelt. Op. cit., s. 110; F. Beyer. Op. cit., S. 58.

³⁰ Тексты договоров взяты из кн.: K. Strupp. Die Friedensverträge, Bd. I. Berlin, 1918, S. 417—441.

именно потому, что она превратилась в сателлита Германии. Но сама эта статья и показывала, что Финляндия уже находится в зависимости от Германии: статья запрещала Финляндии распоряжаться своей территорией по своему усмотрению, требовало предварительное согласие Германии.

В ст. 6 говорилось, между прочим, что в отношении коллективных договоров политического содержания, в которых участвуют и другие воюющие страны, обе стороны резервируют свои позиции до заключения всеобщего мира. Эта статья имела целью не допустить переговоров и сближения Финляндии со странами антигерманской коалиции и привязать Финляндию к Германии.

Ст. 19, в которой говорилось о репатриации каждой из сторон интернированных ею гражданских лиц другой стороны, возлагала на Финляндию еще дополнительную обязанность: она должна была хлопотать перед русским правительством об освобождении тех немцев, которые были задержаны на финляндской территории, но находились вне пределов Финляндии, на территории России.

Согласно ст. 26, Финляндия должна была передать Германии те немецкие торговые суда и их грузы, которые были в ходе войны захвачены Англией и Россией и находились в момент подписания договора в Финляндии. Следовательно, Финляндия должна была отказаться от нейтральной позиции и выступить фактически в роли союзника Германии, совершая действия, враждебные Англии и России. Это делалось с явной целью сделать невозможным сближение Финляндии с Антантой и облегчить вовлечение Финляндии в войну на стороне Германии.

Из ст. 30, предусматривавшей порядок решения судьбы Аландских островов, явствовало, что Финляндия, у берегов которой расположены эти острова и для которой их судьба имела особо важное значение, не могла иметь влияния при выборе участников соглашения по этому вопросу, тогда как Германии предоставлялась в этом отношении решающая роль.

Кроме того, мирный договор взваливал на Финляндию, словно на побежденную страну, бремя разного рода «возмещений» за ущерб, который был нанесен Германии не Финляндией.

Так, ст. 3 обязывала каждую из сторон возместить ущерб, который в связи с войной был причинен на ее территории консульствам другой стороны и их чиновникам. Другими словами, Финляндия должна была отвечать материально за действия, которые совершались в то время, когда она еще входила в состав царской России, правительству которой и принадлежала верховная власть в Финляндии.

Ст. 4 гласила: «Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения военных издержек, т. е. государственных расходов на ведение войны, а также от возмещения военных убытков, т. е. того ущерба, который был причинен им и их под-

данным в зоне военных действий вследствие военных мероприятий, включая все произведенные во вражеской стране реквизиции». Финляндия, не имевшая войск, не могла нанести Германии никакого ущерба в зоне военных действий. Германия «великодушно» отказывалась от возмещения Финляндией этого ущерба, равного нулю, но в обмен на эту «уступку» Финляндия должна была отказаться от возмещения вполне реального ущерба, который был нанесен Финляндии и финляндским гражданам немецкими войсками на всех оккупированных ими территориях.

В ст. 25 было сказано: «Торговые суда одной договаривающейся стороны, которые в момент начала войны находились в портах другой договаривающейся стороны, так же, как и их грузы, возвращаются или, если это невозможно, их стоимость возмещается деньгами. За использование таких судов, подвергнутых эмбарго, должен быть выплачен обычный поденный фрахт». Если Германия должна была при этом отвечать за финляндские суда и их грузы, которые она сама захватила и использовала, то с Финляндией дело обстояло иначе. Финляндия в начале войны входила в состав России, и немецкие суда и их грузы, находившиеся в Финляндии, были захвачены русскими военными властями, за действия которых Финляндия не могла нести ответственности. И все же эта статья обязывала Финляндию выплатить фрахт за конфискованные русскими властями в Финляндии немецкие суда и возместить стоимость конфискованных русскими властями грузов.

Правда, в ст. 4 подписанного в тот же день «Дополнительного протокола» говорилось: «Налагаемое ст. 25 мирного договора на финляндское правительство обязательство возвратить немецкие торговые суда и их грузы или возместить их стоимость в отношении тех судов и грузов, которые были уведены или уничтожены русским правительством, не применяется в том случае, если русское правительство возвратит их или возместит их стоимость в течение года после ратификации мирного договора. Поскольку такие суда используются русским правительством, аналогичное имеет силу и в отношении вознаграждения за использование судов».

Германия «великодушно» отказывалась дважды получить — с русских и с финнов — одно и то же судно и груз или их стоимость. Если же Германия не удавалось получить суда, грузы или их стоимость с России, то платить должна была все же Финляндия, хотя она и не имела отношения к причинам этих потерь.

Статьи 14, 15 и 16 предусматривали возмещение каждой из сторон подданным другой стороны (в частности, акционерам), потерпевшим ущерб на ее территории в результате конфискации, ареста, продажи имущества или лишения права на доходы. Здесь умышленно говорится не об ущербе, нанесенном в результате

действий властей данной стороны, а об ущербе, который был нанесен на территории данной стороны (безразлично какими властями). Это позволяло возложить на Финляндию обязанность возместить ущерб, который был нанесен германским подданным «на территории Финляндии» властями царской России. Чтобы позолотить эту пилюлю, немцы в ст. 2 «Дополнительного протокола» обещали «приложить усилия», чтобы ущерб, ответственность за который, согласно ст. 15, несет Финляндия, был возмещен Финляндии русским правительством, если он возник из-за противоречащих международному праву насильственных актов русских государственных органов.

Ряд статей, предусматривающих, казалось, полное равноправие Финляндии и Германии, в действительности предоставляли преимущественные выгоды Германии. Так, ст. 7 отменяла ограничения, которые каждая из сторон в связи с военным временем ввела для физических и юридических лиц другой стороны. Для Германии это не представляло ни малейшей опасности, тогда как для Финляндии существовала реальная угроза, что через некоторое время ключевые позиции в ее экономике окажутся в руках немцев. Ст. 13, касавшаяся вопроса о земельных владениях на территории другой стороны и о владении предприятиями или участии в предприятиях, позволяла немецким капиталистам вернуть то, что они потеряли в Финляндии в связи с войной, а потеряли они немало,— тогда как в Германии, где господствовали гигантские монополии, фирмы маленькой Финляндии не могли занимать большое место.

В ст. 20 говорилось, что подданные одной стороны, которые в момент начала войны имели на территории другой стороны свое местожительство или местопребывание в связи с занятием промышленностью или торговлей и не могли остаться на этой территории, теперь туда могли вернуться, коль скоро другая сторона не находится больше в состоянии войны; визы для этого не требуются. Эта статья предоставляла фактическое преимущество немцам: ведь немецкие дельцы могли вернуться в Финляндию для продолжения своей деятельности сразу после подавления революции, а финские дельцы могли возвратиться в Германию только после прекращения состояния войны для Германии (такой момент наступил лишь после заключения Версальского мира, когда уже и германо-финские договоры потеряли силу).

Столь же невыгодным для Финляндии было и соглашение о торговле и мореплавании.

Ст. 1 предусматривала максимальное уменьшение обеими сторонами экспортных и импортных ограничений и ввозных пошлин. Вдобавок к этому в ст. 8 говорилось, что внутренние сборы на территории каждой стороны для продуктов другой стороны не могут быть выше, чем для собственных продуктов. Таким образом, Финляндия лишалась возможности защищать свою про-

мышленность от конкуренции несравненно более развитой немецкой промышленности, которая должна была стать особенно опасной после войны. Финляндская промышленность не могла бы выдержать такой конкуренции, и если бы договор действовал значительное время, то она должна была бы либо исчезнуть, либо быть поглощенной немецкими монополиями и фактически превратиться в немецкую.

В ст. 2 говорилось: «Подданные каждой договаривающейся стороны должны пользоваться на территории другой стороны такими же правами и льготами всякого рода в отношении торговли и остальных занятий, какие предоставляются или будут предоставлены гражданам этой страны. Они должны, подобно гражданам этой страны, иметь право приобретать, владеть и управлять движимой или недвижимой собственностью, а также располагать ею. Ни они лично, ни их земельная собственность, их доходы или их имущество не должны облагаться большими общими или местными налогами или сборами, чем имущество граждан этой страны». Эти формально равные возможности открывали дверь для полного экономического подчинения Финляндии Германией. Правда, согласно финляндским законам в правлениях акционерных обществ могло быть не больше 50% нефиннов. Однако белофинские представители тут же заявили о своей готовности отказаться от этого последнего препятствия, которое хоть в какой-то мере могло мешать немцам в подчинении финляндской экономики. В день подписания этих договоров белофинские представители направили германскому правительству ноту, в которой говорилось, что «финляндское правительство с возможной поспешностью представит финляндскому сейму закон, который даст возможность уравнивать подданных Германии с жителями Финляндии и в этом отношении, и сделает все, что в его силах, чтобы добиться принятия и вступления в силу этого закона»³¹. В моменты наибольшей зависимости Финляндии от России русские не имели в Финляндии таких прав, какие теперь получили немцы. В частности, русские не могли участвовать в банковских предприятиях, а их участие в промышленных предприятиях и их права там были ограничены финляндскими законами³².

По ст. 4 стороны устанавливали друг для друга принцип наибольшего благоприятствования в отношении ввоза, вывоза, транзита, пошлин, железнодорожных тарифов и прочих сборов. Однако ст. 6 лишала Финляндию этого наибольшего благоприятствования. В этой статье говорилось, что Финляндия не будет пользоваться льготами, которые Германия, возможно, предоста-

³¹ K. Strupp. Op. cit., S. 447, 448.

³² «Conférence politique russe. Mémoire sur la question finlandaise». Paris, 1919, p. 22.

вит Австро-Венгрии, или другой стране, или своим колониям, или колониям других стран, имеющих таможенный договор с Германией.

В ст. 9 предусматривалось, что торговцы, фабриканты и другие дельцы одной договаривающейся стороны, имеющие удостоверение о том, что они платят в своей стране все надлежащие налоги и сборы, могут лично или через своих агентов производить на территории другой договаривающейся стороны закупки всех товаров, насколько там это разрешено и гражданам собственной страны, не платя никаких особых сборов. Финляндским деловым кругам эта статья обещала мало корысти: в Германии, четвертый год ведущей войну с крайним напряжением всех сил, нельзя было закупить ни продовольствия, ни потребительских товаров, ни машин. Зато немцы имели гораздо больше возможностей для беспошлинных закупок в Финляндии леса, целлюлозы, некоторых продуктов. Можно сказать, что фактически и эта статья была выгодна только немцам.

Ст. 10 гласила: «Во время существования данного соглашения по отношению к Германии будут применяться финляндские таможенные тарифы по состоянию на 1 января 1914 г. В течение этого времени эти тарифы не могут быть ни повышены, ни распространены на те товары, которые на 1 января были свободны от пошлин. Однако финляндское правительство оставляет за собой право предписать, чтобы пошлина, выраженная в названном таможенном тарифе в финских марках, взималась либо золотом, либо, по выбору стороны, платящей пошлину, в бумагах по золотой стоимости». Финляндия должна была сделать одностороннюю уступку, восстановив и не имея права изменить в отношении одной только Германии низкие довоенные пошлины. Вдобавок нужно учесть, что во время войны стоимость финской марки упала, так что пошлины, выражавшиеся той же цифрой, что и в начале 1914 г., фактически были значительно ниже. По финляндским тарифам, существовавшим на 1 января 1914 г., зерно и мука были свободны от пошлин. Таким образом, нуждавшаяся в хлебе Финляндия не могла теперь воспрепятствовать беспошлинному вывозу хлеба в Германию.

Статьи 11 и 12 конкретизировали принцип «равных возможностей» в применении к железнодорожному и морскому транспорту и к ввозимым, вывозимым и транзитным грузам.

Ст. 16 гласила, что каждая сторона будет разрешать временный выезд своих подданных на территорию другой стороны для работы в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях и что представители организаций, которые будут основаны на территории одной стороны для вербовки таких рабочих, должны немедленно допускаться на территорию другой стороны и иметь право беспрепятственно осуществлять там свою деятельность. Эта статья нужна была только Германии, отражая ее заинтере-

сованность в получении из Финляндии рабочей силы. Финляндия должна была стать для Германии и рынком рабочей силы.

Соглашение о торговле и мореплавании должно было действовать до заключения «окончательного договора», но во всяком случае срок его истекал не раньше 31 декабря 1920 г. Начиная с этого времени оно могло быть денонсировано с предупреждением не менее, чем за год. Таким образом, оно должно было действовать по меньшей мере до 31 декабря 1921 г.

Помимо этих договоров, 7 марта Германия предъявила белофинским представителям целый ряд секретных требований, которые были изложены в ноте за подписью заместителя статс-секретаря по иностранным делам фон Штумма. Белофинские представители немедленно приняли немецкие условия, засвидетельствовав это нотой.

Фактически это был тоже германо-финский договор, заключенный посредством обмена нотами. Заместитель начальника германского военно-морского штаба фон Белов в письме к германскому военному атташе в Стокгольме предупреждал, что «этот секретный договор ни при каких обстоятельствах не должен быть опубликован»³³. Финляндская буржуазия тоже имела основания не желать его опубликования: он был лишним доказательством предательства ею национальных интересов.

В упомянутой ноте за подписью Штумма говорилось, что для того, чтобы Германия «не потерпела ущерба» из-за того, что она «восстановила внутренний порядок в Финляндии» (как будто Германия делала все это не ради собственной выгоды и уже «мирный договор» и соглашение о торговле и мореплавании не гарантировали ее от всякого подобия ущерба!), и чтобы воюющие против Германии страны не извлекли из этого выгоды, германское правительство должно подчеркнуть необходимость выполнения ряда его «пожеланий». Смысл этих «пожеланий» сводился к тому, что Финляндия должна была вести себя не как нейтральное государство, а как военный союзник Германии, не останавливаясь перед враждебными актами против стран, с которыми Германия вела войну. Так, п. 2 обязывал финляндское правительство интернировать находящиеся в Финляндии или могущие прибыть в Финляндию военно-морские силы держав, воюющих против Германии и ее союзников. П. 3 обязывал Финляндию помогать германским военно-морским силам, действующим в водах Финляндии. П. 7 требовал, чтобы Финляндия запретила командам всех находящихся в Финляндии иностранных судов, сходить на берег, если члены этих команд не являются финляндскими гражданами. Подобные действия Финляндии должны были неизбежно испортить ее отношения со странами антигерманской коалиции. Это не только должно было лишить ее возможности

³³ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 772.

получить оттуда продовольствие (Финляндия рассчитывала на получение продовольствия из США), но могло привести к разрыву и даже к войне с этими странами.

П. 4 предоставлял Германии право создавать в любом месте финляндской территории германские военно-морские базы. П. 10 предусматривал создание в Торнео германского контрольного пункта для борьбы против иностранного шпионажа. Пункты 5, 6 и 8 устанавливали контроль Германии над финляндской торговлей и судоходством.

Вот, для примера, что гласит п. 8: «Финляндское правительство будет следить за тем, чтобы теперешние запасы страны, а также дальнейшая продукция экспортируемых товаров употреблялись как можно больше на пользу Германии и ее союзников в течение периода, предусмотренного в п. 5 (т. е. до восстановления всеобщего мира.— В. Х.). Эти запасы и продукты будут использоваться в качестве платы за военные материалы, доставленные Германией. В соответствии с этим финляндское правительство в течение указанного времени издает и будет сохранять в силе запрещения на экспорт, в особенности на экспорт необработанной и обработанной древесины, деревянных судов, целлюлозы, картона, бумаги, шкур и кож, шерсти, льна и других текстильных материалов, олова, никеля, меди и медных сплавов и других дефицитных материалов и на расходование их, а также минеральных масел, каучука и старой резины. Исключения из этих запретов могут быть сделаны только с согласия германского правительства»³⁴. Германия, правда, изъявляла согласие сделать исключение для экспорта некоторых изделий из древесины в скандинавские страны. С другой стороны, в п. 6 говорилось, что «просьбы германского правительства о разрешении экспорта в Германию или в союзные с нею страны должны удовлетворяться в максимально возможной степени, поскольку этому не препятствуют соображения о собственных потребностях Финляндии»³⁵.

Анализ договоров, заключенных белофиннами с Германией, показывает, что они были неравноправными и не только не выгодными, а прямо кабальными для Финляндии. Финляндия отныне не была свободна ни в отношении политических сношений, ни в отношении торговли, ни в отношении сохранения своего нейтралитета в войне; фактически эти вопросы должны были теперь решаться в Берлине. Она должна была широко открыть двери германскому капиталу для эксплуатации ее национальных богатств и не имела права принимать какие-либо меры против его засилия, до какой бы степени оно ни дошло. Были созданы условия, при которых в течение срока действия этих договоров клю-

³⁴ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 771, 772.

³⁵ Ibidem.

чевые позиции в финляндской экономике должны были неминуемо оказаться в руках германских монополий. Весь смысл существования Финляндии должен был свестись теперь к разного рода обслуживанию Германии: к снабжению ее сырьем, дефицитными материалами и рабочей силой, к «компенсации» за ущерб, нанесенный Германии в Финляндии еще в то время, когда Финляндия не существовала как самостоятельное государство, к предоставлению своей территории для размещения немецких войск и устройства военных баз, а в дальнейшем — и к поставкам «пушечного мяса». Выражение «вассальная зависимость» могло быть теперь с полным правом отнесено к Финляндии и не являлось преувеличением.

Финляндская буржуазия не остановилась перед тем, чтобы поставить свою страну в такое положение ради торжества своих классовых интересов. То, что она клеветнически приписывала красным — «предательство национальных интересов», «подчинение страны иностранной державе», она сама совершала в действительности. Разумеется, от этих кабальных договоров должна была отчасти страдать и сама финляндская буржуазия, потому что ей предстояло теперь быть оттесненной в своей же стране на второстепенное место, превратиться в младшего партнера, поступиться частью прибылей. Но буржуазия считала это меньшим убытком по сравнению с последствиями победы революции; главное — сохранялись буржуазный строй и возможность эксплуатации.

«Финская буржуазия продала свою страну» — такими словами, писала «Тюэмиес» 20 марта, «выдающийся финский писатель» (вероятно, это был Рантамала) охарактеризовал заключенную белофиннами сделку. Знаменитый датский хирург Эйлер Чернинг, член Комитета датской скорой помощи в Финляндии, направил председателю этого комитета открытое письмо, в котором отказывался участвовать в его работе на том основании, что Финляндия стала вассалом Германии³⁶. Норвежская газета «Сосналь-демократен» писала, что обращение белой Финляндии к Германии «означает смерть для недавно достигнутой свободы Финляндии»³⁷.

Кабальный характер германо-финских договоров для Финляндии признается даже в буржуазной литературе. «Перед осуществлением военной акции германское правительство потребовало заключения мирного и торгового договоров с Финляндией, — писал М. Г. Шибергсон, совершенно умалчивая еще о третьем, наиболее секретном договоре. — В них содержались далеко идущие требования, которые ставили Финляндию в полити-

³⁶ «Le Temps», 11.III 1918.

³⁷ «Social-Demokraten» (Kristiania), 4.III 1918.

ческую и экономическую зависимость»³⁸. Седерберг признает: «... те условия, на основании которых был заключен договор с Германией, были весьма тяжелы для Финляндии. Эти тяжкие условия обнаружились также и в торговом договоре, заключенном с Германией, текст которого невыгодным образом связывал Финляндии руки и поставил бы Финляндию в фактическую — во всяком случае экономическую — зависимость от Германии, если бы упомянутый договор оставался в силе»³⁹. Л. Хармая отмечал, что торговый договор был связан с тарифным соглашением, которое предоставляло «максимальные выгоды Германии». Германия получила право ввозить в Финляндию свои промышленные товары по тарифам, которые существовали до войны, а Финляндия не имела права повышать пошлины. Германские торговцы и промышленники получили право действовать в Финляндии на таких же условиях, как и сами финны; немцам разрешалось владеть недвижимым имуществом и другой собственностью в Финляндии. Эти меры представляли серьезный риск для будущего экономического развития Финляндии. В самом деле, продолжает Хармая, Германия даже потребовала права контролировать внешнюю торговлю Финляндии в течение войны⁴⁰.

«Договор между Германией и Финляндией, — констатировал один из видных деятелей шведской народной партии Г. Шауман, — закрепил нашу полную внешнеполитическую зависимость от могущественного помощника. Целью Германии является создание маленького военного государства на Севере, тесно связанного с Германией. Вместе с полной политической зависимостью от Германии следовала и торгово-политическая... Во всяком случае новая торгово-политическая ориентация должна была привести к потере в будущем важнейших рынков сбыта для финляндского экспорта; в 1913 г. экспорт в Россию, Великобританию и Францию составлял 260 млн. марок из общей суммы экспорта 404 млн. марок, тогда как экспорт в Германию составлял в 1913 г. всего 52 млн. марок»⁴¹. Торговый договор, — пишет Ю. Нурмио, — «был явно выгоден для Германии, но соответственно тем тяжелее для Финляндии»⁴².

Даже в официальных белофинских изданиях по истории гражданской войны, которую буржуазия именует освободительной, можно встретить такие «деликатные» признания, что германо-

³⁸ M. G. Schybergson. Politische Geschichte Finnlands 1809—1913. Gotha — Stuttgart, 1925, S. 461, 462.

³⁹ A. Cederberg. Suomen uusinta historiaa 1898—1942. Helsinki, 1943, s. 173, 174.

⁴⁰ L. Harmaja. Effects of the war on economic and social life in Finland. New Heaven, Yale University press. London, 1933, p. 81.

⁴¹ G. Schauman. Vid vändpunkten. Tankar rörande Finlands utrikespolitik. Helsinki, 1918, s. 4, 5.

⁴² Y. Nurmiö. Op. cit., s. 148.

финский торговый договор был «более невыгоден для Финляндии, чем это, может быть, было необходимо» (?) ⁴³ и что «когда эти договоры стали более или менее известны публике, они вызвали большое удивление» ⁴⁴. Само белофинское правительство отметило 7 апреля 1918 г., что некоторые пункты в договоре с Германией «узурпировали права сейма и что прежде всего секретный торговый договор может стать гибельным для Финляндии» ⁴⁵.

Наконец, сам генерал Маннергейм, меньше всего желавший изображать в черных красках положение, в котором страна оказалась при его содействии, писал: «В мирном договоре с Германией от 7 марта 1918 г... Финляндия принесла в жертву свой нейтралитет уже в первом параграфе, который возлагал на Германию задачу побудить те страны, которые еще не признали независимость Финляндии, сделать это. В таком же духе было заключено и приложенное к мирному договору соглашение о торговле и мореплавании, в § 2 которого, между прочим, устанавливалось, что в отношении торговли и другой экономической деятельности «подданные обеих договаривающихся сторон должны пользоваться теми же правами и преимуществами всякого рода, какие предоставляются или будут предоставляться в будущем жителям собственной страны». Такой шаг в отношении великой предприимчивой нации, как немцы, мог иметь неисчислимые последствия. Да и особое секретное соглашение..., по которому Германия имела право... устраивать, где она захочет, опорные пункты в Финляндии, вряд ли находилось в согласии с сохранением нейтралитета страны. Все эти соглашения были заключены во время войны; это показывает, как мало верило правительство в собственные силы страны» ⁴⁶.

В финской буржуазной литературе иногда делается попытка извратить ответственность за подписание столь невыгодных договоров на Ельта, который-де не имел возможности поддерживать тесную связь с белофинским правительством и, действуя по собственному усмотрению, санкционировал то, на что другие буржуазные деятели не согласились бы. Ельт действительно перед отъездом в Германию получил *carte blanche*. «Сенатор Свинхувуд, — рассказывал сам Ельт, — в качестве главы правительства подписал массу пустых бланков полномочий, в которые затем текст вписывался в Стокгольме... Такое предоставление полномочий на дела государственной важности может показаться несколько легкомысленным, но «беда не считается с законом» и важные

⁴³ «Finlands frihetskrig...». Del IV, s. 35.

⁴⁴ «Suomen vapaussota», V, s. 309.

⁴⁵ «Finlands frihetskrig...». Del IV, s. 37.

⁴⁶ G. M a n n e r h e i m. Erinnerungen, S. 227.

интересы этого требовали»⁴⁷. Попытка сделать козлом отпущения Ельта не выдерживает критики. По свидетельству немецкого офицера Гюльзена, благодаря услугам германских радиостанций Ельт мог быстро связываться с белофинским правительством⁴⁸. Кроме того, 10 марта в Берлин приехал Свинхувуд и одобрил образ действий своих представителей, а 10 июня договоры были ратифицированы буржуазной частью сейма⁴⁹. 29 мая белая Финляндия заключила торговое соглашение с Австро-Венгрией, сходное по содержанию с германо-финским⁵⁰. Тут уж Ельт был ни при чем. Все это показывает, что заключение кабальных договоров — дело не одного Ельта, а всей финляндской буржуазии. В официальной «Истории освободительной войны» говорится, что Ельт и Эрих, подписывая эти договоры, «принесли эти связывающие нашу страну жертвы из патриотических чувств» (?) и что истинными виновниками заключения кабальных договоров с Германией были... красные: они-де «сами привели к такому положению дел»⁵¹.

Резкий контраст составляли эти кабальные договоры с равноправным и выгодным для Финляндии договором, который заключило революционное правительство Финляндии с правительством Советской России.

В Германии договоры с белой Финляндией были встречены с нескрываемым удовлетворением и утверждены рейхстагом. Заместитель статс-секретаря по иностранным делам фон дем Гадденгаузен заявил в рейхстаге 18 марта, что «наши интересы и в этом случае соблюдены нашими представителями наиболее выгодным образом, ибо внесен ряд улучшений по сравнению с прежним положением»⁵². «Значение этого мирного договора, — писала «Гамбургер эхо», — заключается не столько в окончании состояния войны, которое между Германией и Финляндией, собственно, вряд ли и существовало, сколько в тесной связи Финляндии с Германской империей, которая становится некоторым образом патроном Финляндии и в качестве такового получает привилегии по сравнению с другими державами. Нетрудно догадаться, что острие договора направлено против Англии и Америки, которые предпринимали попытки подчинить Финляндию своему влиянию»⁵³. Социал-демократическая газета умышленно умалчивала, что в неменьшей степени договоры были направлены против Советской России.

⁴⁷ E. Hjelt. Op. cit., s. 116—117; И. И. Сюкияйнен. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 гг. Петрозаводск, 1948, стр. 60.

⁴⁸ «Finlands frihetskrig...». Del I, s. 238.

⁴⁹ M. G. Schybergson. Op. cit., S. 461, 462.

⁵⁰ L. Harmaja. Op. cit., p. 81.

⁵¹ «Suomen vapaussota», V, s. 309.

⁵² «Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode, II Session. Bd. 311. Stenographischer Bericht». Berlin, 1918, S. 4427 B.

⁵³ «Hamburger Echo», 18.III 1918.

Заключение столь выгодных для Германии договоров увеличило заинтересованность Германии в интервенции, которая являлась теперь средством превратить обещаемые ими возможности в действительность.

ЦЕЛИ ГЕРМАНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ

«Не финляндские, а исключительно германские интересы привели наши войска в Финляндию».

Людендорф.

По вопросу о посылке войск в Финляндию возникли разногласия между кайзером и военными — с одной стороны и канцлером Гертлингом, некоторыми министрами и высшими чиновниками — с другой. Разногласия между военными и штатскими высшими инстанциями проявлялись более или менее заметно на протяжении всей войны. В этом нет ничего удивительного: среди империалистов наряду с более склонными к авантюрам кругами есть и сторонники более умеренной, осторожной, трезвой политики, которые преследуют тоже империалистические цели, но более ограниченные и, по их мнению, более реальные. Кайзер и верховное командование возглавляли крайнюю военную партию, были носителями наиболее агрессивных и экспансионистских тенденций. Впоследствии, после поражения Германии, некоторые немецкие военные и политические деятели видели одну из причин поражения в том, что верховное командование задавалось «фантастическими целями» и вместо того, чтобы сосредоточить на западном фронте все силы для решающего наступления в 1918 г., распылило силы на операции в Палестине, Македонии, Грузии, Крыму, на Украине и в Финляндии⁵⁴.

Канцлер Гертлинг сомневался в целесообразности отправки военной экспедиции в Финляндию и во всяком случае настаивал на ее отсрочке. В пространной телеграмме, направленной им кайзеру 7 марта 1918 г., он указывал, что отправка экспедиции, которая вела бы в Финляндии борьбу против финляндской Красной гвардии и против русских войск, вызывает сомнения, так как с точки зрения международного права экспедиция могла рассматриваться как поход против Великобритории, с которой только что подписан мир. По мнению канцлера, новый поход явился бы нарушением условий мира и подверг бы опасности ратификацию мирного договора. В самой Финляндии, продолжал Гертлинг, к немецкой экспедиции относились по-разному. У социалистов в финляндском сейме было 90 мест из 200, у аграрного союза было около 20 мест, но их позиции немцы не знают. В Финляндии, подчеркивал канцлер, немецкая экспедиция вызывала симпатии

⁵⁴ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 года. М., 1935, стр. 149, 150.

лишь у чисто буржуазных кругов (любопытное признание со стороны противника революции). Гертлинг ссылаясь также на некоторые внутривнутриполитические и внешнеполитические причины (затруднения с финансированием экспедиции, которая потребует сотен миллионов марок, вероятное сопротивление левых в рейхстаге, возможная неблагоприятная реакция скандинавских стран), на не совсем благоприятное отношение Маннергейма к прибытию немецких войск и считал необходимым, чтобы до отправления экспедиции, которое было назначено на 10 марта, кайзеру был представлен совместный доклад представителей главнокомандующего военно-морскими силами адмирала Гольцендорфа, канцлера и фельдмаршала Гинденбурга. До тех пор Гертлинг просил кайзера отложить экспедицию⁵⁵.

Кайзер в тот же день ответил Гертлингу, что он, кайзер, вместе с Гинденбургом считает, что экспедицию нужно послать безотлагательно, и что только из-за ледовых условий она не может быть послана раньше 13 марта. Кайзер указывал, что финляндское правительство само просило о помощи и он уже обещал ее предоставить, поэтому пока Финляндия (т. е. белая Финляндия) продолжает поддерживать свою просьбу, это обещание не должно быть нарушено. Отправка экспедиции, подчеркивал Вильгельм, диктуется «высшими интересами» Германии⁵⁶.

Гинденбург, по-видимому, узнав, что канцлер против посылки войск в Финляндию, отправил кайзеру 9 марта длинную телеграмму, в которой доказывал необходимость интервенции в Финляндии. Телеграмму он заканчивал так: «По всем этим, прежде всего военным и военно-политическим причинам, я покорнейше прошу ваше величество сообразоваться дать распоряжение о том, чтобы экспедиция вышла в море, как только будут закончены последние приготовления. Всякая отсрочка способна поколебать доверие финнов к нам и затруднить выполнение задачи по умиротворению страны»⁵⁷.

Все же кайзер поручил Гертлингу дать заключение о дипломатических и государственно-правовых аспектах этого вопроса. Поэтому Гертлинг созвал 11 марта совещание с участием вице-канцлера Пайера, ряда статс-секретарей и представителя верховного командования. Некоторые участники совещания отметили, что отправка войск в Финляндию является враждебным актом в отношении Советской России и противоречит заключенному с нею договору. Так, статс-секретарь юстиции Краузе выразил сомнение в том, что эта экспедиция согласуется с международным правом, «так как поскольку экспедиция была бы направлена против России, она являлась бы нарушением перемирия.

⁵⁵ Y. Nurmi o. Op. cit., s. 149, 150.

⁵⁶ Ibid., s. 151, 152.

⁵⁷ Ibid., s. 154, 155.

заключенного с Россией»⁵⁸. Вице-канцлер Пайер высказался за то, чтобы русскому правительству было дано время ратифицировать договор и вывести в соответствии с ним войска из Финляндии. Статс-секретарь по делам колоний Зольф высказал мнение, что от экспедиции следует пока отказаться и прибегнуть к ней лишь тогда, когда Германия будет вынуждена к этому действиями Советского правительства.

Но присутствовавший на совещании представитель верховного командования полковник Винтерфельдт заявил, что верховное командование по стратегическим соображениям придает большое значение занятию в южной Финляндии фланговой позиции против Петрограда, которая необходима для того, чтобы оказывать сильное давление на правительство России и якобы обеспечить соблюдение условий мира.

Совещание единогласно пришло к выводу, что «с точки зрения международного права имеются сомнения относительно военных действий против русских войск, пока Россия не отказалась от ратификации договора или не будет действовать против своих обязательств», а также «имеются сомнения внутривнутриполитического характера относительно вмешательства в борьбу партий в Финляндии для помощи одной и для подавления другой». Совещание предлагало отложить экспедицию до ратификации Брестского договора Россией, а публично объяснить отсрочку ледовыми условиями на Балтике, рекомендовав, впрочем, газетам вообще «как можно меньше предавать гласности» все относящееся к этому вопросу⁵⁹.

12 марта вопрос об отправке экспедиции в Финляндию обсуждался на совещании под председательством кайзера. Гинденбург специально попросил у кайзера разрешения присутствовать на нем. Статс-секретарь по иностранным делам Кюльман отсутствовал — он находился в Бухаресте, но в телеграмме, присланной в этот день Гертлингу, он в общем не возражал против экспедиции. По его мнению, бояться ухудшения отношений с Россией было нечего, так как «Россия бессильна». Кюльман лишь считал, что с финнами надо заключить договор об их участии в покрытии издержек экспедиции, а во главе последней поставить искусного и тактичного военного, который позаботился бы о том, чтобы военное вмешательство Германии в дела Финляндии вызвало как можно меньше трений. Из письма заместителя статс-секретаря фон дем Буше германскому посланнику в Стокгольме от 13 марта видно, что на совещании 12 марта канцлер, статс-секретари финансов и юстиции, а также фон дем Буше выступали за отсрочку финляндской экспедиции до ратификации договора с Россией. Кайзер, учитывая неблагоприятные ледовые условия

⁵⁸ Ibid., s. 157.

⁵⁹ Ibid., s. 158—160.

в Балтийском море, согласился на отсрочку экспедиции до 1 апреля⁶⁰. Но Аландские острова были заняты немцами уже 5 марта.

В этот момент правительство революционной Финляндии попыталось предотвратить неблагоприятное для нее развитие событий. Занятие немцами Аландских островов и заключение договоров между белофиннами и Германией (факт их заключения стал известен сразу) ясно свидетельствовали о сговоре с целью подавления революции. Совет Народных Уполномоченных принял, с одной стороны, дипломатическую акцию, а с другой — пропагандистскую. Он через посредство находившихся в Финляндии немецких военнопленных довел до сведения германского правительства о своем желании вступить с ним в контакт. Пример только что заключившей Брестский мир Советской России показывал возможность внешнеполитического лавирования для спасения революции.

Одновременно революционное правительство Финляндии попыталось воздействовать на те силы в Европе и особенно в Германии, которые могли бы создать помехи возможной германской интервенции. В ночь на 12 марта 1918 г. оно передало по радио обращение «Всем в Европе». От имени Совета Народных Уполномоченных К. Маннер, Ю. Сирола и О. Токой заявляли протест против заключения Германией договора с финскими контрреволюционерами и против высадки ею 5 марта войск на Аландских островах. «У членов свергнутого сената, местонахождение которых большей частью сейчас никому в Финляндии неизвестно, тем менее права заключать от имени Финляндии договоры с иностранными государствами, что финляндский сенат не имел на это законного права без согласия законного сейма,— говорилось в обращении.— Мы убеждены, что громадное большинство финляндского народа осуждает такие договоры и считает вступление войск иностранной державы на территорию Финляндии грубым посягательством на независимость страны». Авторы воззвания заявляли, что они являются представителями не какого-то случайного повстанческого движения, а доверенными лицами рабочего класса; они занимали должности председателя и вице-председателей сейма в 1908, 1913 и 1917 гг., а один из них (Токой) был в 1917 г. и вице-председателем сената. «Мы желаем,— говорилось в заключении,— чтобы Финляндия была самостоятельной демократической республикой, которая могла бы жить и делать свое дело в мире и беспрепятственно развивать свою культуру в соответствии со свободной волей народа и решениями подлинно народного представительства, в дружественных отношениях с другими народами, но оставаясь свободной какот политической, так и экономической опеки. Мы надеемся, что германское правительство откажется от нападения на наш

⁶⁰ Y. Nurmio. Op. cit., s. 160, 161, 171—173.

народ и что если оно от этого не откажется, то рабочее движение европейских стран и просвещенное общественное мнение осудят такие нападения и окажут могучую моральную поддержку борьбе финляндского народа за свою независимость и свободу»⁶¹.

Правительство революционной Финляндии обратилось и непосредственно к немецким солдатам, прибывшим на Аландские острова. «Не может быть, — говорилось в этом обращении, — чтобы немецкие солдаты прибыли сюда воевать против финских рабочих и помогать кровавым палачам задушить революцию, которую поддерживает подавляющее большинство финского народа. Красная гвардия является новой армией демократической Финляндии, а белая гвардия — только банда контрреволюционных мятежников. Гельсингфорское правительство, состоящее из известных представителей рабочих Финляндии и бывших депутатов сейма, действует в согласии со всей социал-демократией Финляндии, которая считает теперешнюю революцию единственным средством создать лучшее будущее. Цель, которую она ставит, — это сделать из Финляндии свободную, независимую и демократическую республику, которая жила бы в мире и занималась развитием своей культуры». «Немецкие рабочие, — говорилось далее, — не допустите того, чтобы вас заставили воевать против нашей страны. Уже ваши собственные представители в рейхстаге энергично протестовали против вашей отправки в Финляндию. Надо надеяться, что общественное мнение Германии заставит германское правительство вскоре отозвать вас отсюда домой. До этого сохраняйте строгий нейтралитет! Зачем вам, немцам, препятствовать победе угнетенного народа? Наша Красная гвардия не хотела бы сделать по вас ни одного выстрела. Мы хотели бы обращаться с вами по-дружески. Но если вас поведут в бой против нас, наша Красная гвардия с своей стороны готова бороться против вас всеми своими силами»⁶².

13 марта на Аландские острова была направлена делегация Совета Народных Уполномоченных в составе Г. Болдта, Р. Эстермана и Ю. Лайне. Немцы гарантировали представителям неприкосновенность, но фактически обращались с ними как с пленными.

15 марта представители СНУ прибыли на немецкий линкор «Рейнланд». По поручению своего правительства они осведомились, какие цели преследует высадка немецких войск на Аландских островах и предполагается ли присоединение островов к Германии, и заявили, что рабочий класс Финляндии готов прекратить гражданскую войну сразу же, как только народу

⁶¹ «Suomen Kansanvaltuuskunnan Tiedonantoja» (далее: «Tiedonantoja»), 12.III 1918; «Suomen luokkasota. Historiaa ja muistelmia». Toim. A. Halonen. Amerikan Suom. Sos. Kustannusliikkeiden Liiton kustantama. Työmiehien Society Print, Superior, Wis., 1928, s. 114.

⁶² «Bulletin de la presse de Finlande», 14.III 1918, p. 3—4.

будет обеспечена свобода, поэтому они готовы вести переговоры с командованием немецких войск, полагая, что Германия не собирается подавлять свободу народа. Командир «Рейнланда» ответил, что Германия не признает Совет Народных Уполномоченных, но так как «признанное Германией правительство Финляндии» попросило о защите, Германия направила свои войска на Аландские острова с целью «установить порядок и мир». Представители революционного правительства передали просьбу к германскому правительству вступить в переговоры. Командир корабля ответил, что не знает, согласится ли на это германское правительство, но просьбу обещал передать⁶³.

Сообщение о желании революционного правительства Финляндии вступить в переговоры с Германией вызвало интерес у тех кругов германского МИД, которые сомневались в целесообразности отправки войск в Финляндию. У них возникла идея, нельзя ли уладить вопрос в интересах Германии и без экспедиции или, во всяком случае, сведя ее к минимуму. 13 марта фон дем Буше дал указание германскому посланнику в Стокгольме направить к Эккерё тайного советника Рицлера. Если бы красные выразили пожелание заключить с белофиннами договор при посредстве немцев, то Рицлер должен был всячески способствовать осуществлению такого решения. Однако он должен был заявить красным, что немцы твердо решили во всяком случае «отразить волну большевизма» и очистить Финляндию от русских (в это время в Финляндии уже не было русских войск, за исключением небольших команд на кораблях). Красные должны были также признать мирный и торговый договоры, заключенные белофиннами с Германией (что обеспечивало превращение Финляндии в вассала Германии), а «в остальном» Германия-де не собирается вмешиваться во внутренние дела Финляндии. Фон дем Буше выражал надежду на то, что в случае переговоров с красными Германией не понадобится посылать войска в Финляндию⁶⁴. План этот был, разумеется, абсолютно нереален уже потому, что революционное правительство не собиралось идти на мировую с белыми, а тем более признавать кабальные договоры. Но он отпал не из-за позиции красных, до выяснения которой дело даже и не успело дойти, а по другим причинам.

Во-первых, белофинны всполошились, пронюхав о каких-то контактах между красными и Германией; они испугались, как бы Германия не раздумала послать свои войска для их спасения. В Берлине сразу были получены просьбы и от представителя белофинского правительства Ельта, и от самого Маннергейма не вести переговоров с красными⁶⁵. Белые, конечно, понимали,

⁶³ F. Beyer. Op. cit., S. 91, 92.

⁶⁴ Y. Nurmio. Op. cit., s. 142, 143.

⁶⁵ Ibid., s. 144.

что германские империалисты сочувствуют им, а не красным, и не предадут их, а наоборот, могут заставить красных пойти на компромисс, на уступки. Но финская буржуазия не хотела слышать ни о каком компромиссе: в своей жажде мщения она не согласилась бы ни на что меньшее, чем сокрушительный разгром рабочего движения. Буржуазия считала, что если не довести дело до конца, не обескровить совершенно рабочий класс, не дать ему такой урок, чтобы запомнился навеки, то через небольшое время можно опять ждать революции. Поэтому половинчатый план некоторых кругов германского МИД белофиннов абсолютно не устраивал и если бы эта позиция была принята Германией, то белофинны могли бы отвернуться от нее и обратиться к Антанте, чтобы с ее помощью осуществить свою «мечту» о неслыханной кровавой бане. Об этом осторожно, но довольно ясно белофинны намекали немцам. Представитель политического отдела германского генштаба Штейнвакс 21 марта телеграфировал из Стокгольма, что в Финляндии уже знают о возражениях в Германии против отправки экспедиции. Свинхувуд, сообщал Штейнвакс, «также слышал, якобы Германия откажется от экспедиции или ограничит ее минимальными размерами. Он, как и все финские господа, считает, что, действуя таким образом, Германия утратит свое значение не только в Финляндии, но на всем Балтийском море»⁶⁶.

Этот намек Германия не могла игнорировать. 19 марта германское МИД с ведома белофинских представителей в Берлине направило главе СНУ К. Маннеру следующую депешу: «Германское правительство не имеет возможности вести переговоры с правительством народных комиссаров, так как оно до сих пор не признало правительство народных комиссаров. Однако нет никаких препятствий к тому, чтобы уполномоченный комиссаров прибыл на Аландские острова и сообщил..., что они хотят передать германскому правительству»⁶⁷. Но какой смысл имели дальнейшие контакты с правительством, которое не намерено вступать в переговоры? 16 марта представители СНУ уехали с Аландских островов. Дипломатические шаги революционного правительства не могли предотвратить интервенцию, ибо она была делом решенным.

Во-вторых, о том, чтобы не посылать войска в Финляндию, в Берлине уже не могло быть и речи, ибо просьбы белофиннов о германской помощи все больше напоминали крик утопающего. «Нужна была срочная непосредственная помощь. Одни поставки оружия были недостаточны»⁶⁸, — писал Людендорф, оценивая положение. Начавший войну с полной уверенностью в победе без

⁶⁶ Ibid., s. 178.

⁶⁷ Ibid., s. 143, 144.

⁶⁸ E. Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. Sechste unveränderte Auflage. Berlin, 1920, S. 503, 504.

посторонней помощи, Маннергейм еще в середине февраля сообщил корреспонденту «Кельнише цейтунг», что белофинны ожидают от немцев лишь поставок оружия. «Мы, — заявил Маннергейм, — гордый народ с настолько сильно развитым национальным сознанием, что лучше освободим себя сами; мы считаем себя достаточно сильными для этого»⁶⁹. Когда немцы обещали Ельту прислать войска, сенатор Ренвалль спросил Маннергейма, могут ли белофинны без помощи немцев одержать победу. «Я абсолютно убежден в этом», — театрально ответил Маннергейм. Ренвалль тут же поручил В. Теслеву выехать в Берлин и передать там, что белофинны отклоняют немецкую помощь. Теслев категорически отказался передавать такое заявление, считая немецкую помощь необходимой. Тогда Маннергейм заявил, что он немедленно уйдет, как только первый немецкий солдат вступит на землю Финляндии (угроза уйти в отставку была у Маннергейма довольно обычным приемом). Впрочем он тут же снял свои возражения против прибытия немецких войск⁷⁰. А вскоре он понял, что без них ему победы не одержать. 5 марта Маннергейм послал Людендорфу телеграмму, в которой просил передать кайзеру благодарность за обещанную Германией помощь, «без которой мы теперь не могли бы твердо и победоносно выстоять»⁷¹. В середине марта Маннергейм уже считает положение «роковым, если не высадятся немцы»⁷², а 20 марта он телеграфирует: «Прошу сообщить Теслеву, что я считаю его неотложным долгом ускорить прибытие немецкой экспедиции. Промедление будет роковым»⁷³. Не знаменательно ли, что эти отчаянные вопли о помощи белофинский главнокомандующий стал испускать тогда, когда русские войска эвакуировались? Против кого же Маннергейм просил иностранную помощь? Против Красной гвардии финляндских рабочих и торпарей. И эту войну называют «освободительной»? Приведенная телеграмма Маннергейма показывает, что германской интервенции еще до

⁶⁹ F. Beyer. Op. cit., S. 58.

⁷⁰ E. Råikkönen. Op. cit., s. 157, 158; W. Thesleff. Op. cit., s. 114—119.

⁷¹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 156.

⁷² R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 45.

⁷³ O. Talas. Suomen itsenäistymisen ja Mannerheimin muistelmät. Hämeenlinna, 1953, s. 11; R. von der Goltz. Den tyska hjälpaktionen. — «Finlands irihetskrig skildrat av deltagare», del VII. Helsingfors, 1922, s. 12. Последнюю фразу телеграммы Маннергейм в своих воспоминаниях опустил — уж очень она противоречила его прежним самоуверенным заявлениям. Талас не без основания указывает, что именно эта фраза опрокидывает утверждение Маннергейма, будто он торговил с немецкой помощью только ради того, чтобы облегчить положение Южной Финляндии. «Эти последние слова показывают, что дело шло не только об оказании быстрой помощи Южной Финляндии, а о благоприятном исходе всей войны. Представляется странным, — не без язвительности замечает Талас, — что Маннергейм позабыл именно эти слова, которые придают телеграмме характер почти крика о помощи» (O. Talas. Suomen itsenäistymisen ja Mannerheimin muistelmät, s. 12).

ее начала придавалось решающее значение, и для этого были все основания: она действительно сыграла решающую роль в исходе войны⁷⁴.

Германское командование понимало, что надо спешить. Людендорф еще в середине марта несколько раз ставил вопрос об отправке экспедиции в Финляндию, считая ее необходимой и срочной. Чтобы ускорить ее, он торопил с ратификацией Брест-Литовского договора, которой он придавал «тем большее значение, что с помощью ратификации обеспечивалась возможно большая свобода действий для финляндской экспедиции»⁷⁵. (Все-российским съездом Советов договор был ратифицирован 15 марта.)

Из германских документов видно, как спешили немцы с интервенцией после ратификации Брест-Литовского договора и после получения отчаянной просьбы Маннергейма. 21 марта германский военный атташе телеграфировал из Стокгольма в Берлин: «Когда военные приготовления будут закончены, рекомендую как можно скорее направить войска в Финляндию»⁷⁶. В тот же день находившийся в Стокгольме представитель политического отдела германского генерального штаба Штейнвакс телеграфировал в Берлин, что «Свинхувуд горячо просит максимально ускорить экспедицию». 22 марта вечером Людендорф телеграфировал в МИД: «Я только что узнал от посланника в Стокгольме и от военного помощника, что экспедиция еще отложена и сокращена». Приведя просьбу Маннергейма, Людендорф подчеркивал: «Маннергейм ни в коем случае не может один освободить Финляндию»⁷⁷. Представитель МИД при генштабе Лерснер в телеграмме Грюнау, представителю МИД в ставке кайзера, повторил текст телеграммы Людендорфа и добавил от себя: «По моему мнению, следовало бы направить экспедицию в Финляндию, как только позволят ледовые условия. Будьте добры получить распоряжение его величества»⁷⁸.

Под влиянием просьб Маннергейма и Свинхувуда кайзер 25 марта дал распоряжение отправить войска в Финляндию как можно быстрее. Лерснер телеграфировал в МИД: «Генерал

⁷⁴ Решающее значение германской интервенции для победы белых позже признали и Маннергейм, и Свинхувуд. 15 апреля 1918 г. фон Брюк сообщал рейхсканцлеру, что после взятия Таммерфорса Маннергейм сказал ему, что он хотел, чтобы белофинская армия и сама добилась каких-то успехов «до прибытия решающей немецкой помощи». 17 апреля Брюк писал рейхсканцлеру, что после прибытия немецких войск Маннергейм очень хорошо видит, что «львиная доля задачи падает на немецкие войска» (Y. Nurmio. Op. cit., s. 197, 212). В благодарственной речи, которая была зачитана кайзеру 30 июля 1918 г. от имени Свинхувуда, говорилось, что помощь Германии явилась для белых «необычайно ценной и решающей» («40 vuotta Suomen työvän vallankumouksesta». — «Kansan Uutiset», 22.I 1958).

⁷⁵ Y. Nurmio. Op. cit., s. 176.

⁷⁶ Ibid., s. 177.

⁷⁷ Ibid., s. 176.

⁷⁸ Ibid., s. 178.

Людендорф сообщил мне, что его величество распорядился, чтобы предназначенная для Финляндии экспедиция была отправлена как можно скорее»⁷⁹. Критическое положение белофиннов заставило немцев пересмотреть вопрос и о численности военной экспедиции: первоначально намеченная численность в 5 тыс. человек была увеличена приблизительно в три раза. Кайзер сам дважды выезжал в Дания, чтобы ускорить подготовку к отправлению войск в Финляндию (за что белофинское правительство выражало ему впоследствии особую благодарность)⁸⁰.

Непосредственной и очевидной целью германской интервенции в Финляндии было подавление там революции. Но это делалось не столько ради спасения финляндской буржуазии, сколько в интересах самой же Германии. Чтобы получить выгоды от кабальных договоров, надо было восстановить в Финляндии буржуазную власть. Победа красных в Финляндии означала бы распространение на запад того революционного пожара, для которого почва становилась все более благоприятной и в самой Германии, о чем свидетельствовали деятельность спартаковцев, всеобщая стачка в январе 1918 г., братание и революционизирование войск на восточном фронте, волнения во флоте, рост недовольства в связи с затягиванием войны и продовольственными затруднениями и т. д. «Великодушно» спасая от революции финляндскую буржуазию, германский империализм стремился отразить на дальних подступах революционную волну, угрожающую ему самому. Хотя и не велика Финляндия, победа революции в ней явилась бы новым ударом по капиталистической системе и усилила бы революционизирование войск и трудящихся масс в Германии; а войска, проникнутые революционными настроениями, для империалистической войны не годятся, зато годятся для гражданской.

Руководящие деятели империалистической Германии прямо называли интервенцию в Финляндию мероприятием против распространения революции на запад. По словам кайзера, «если бы большевизм победил в Финляндии, то катастрофа вряд ли ограничилась бы Северной Европой, но та же самая опасность грозила бы и Германии у ее собственных дверей». Стабилизация белофинского правительства и восстановление в Финляндии «мира и порядка» были, по мнению кайзера, надежнейшим оплотом против «распространения большевизма на Северную Европу», ибо «Скандинавия не является плотиной против большевизма»⁸¹. Германское верховное командование подчеркивало, что при посылке войск в Финляндию Германией руководит стремление сломить власть большевиков, представляющую опас-

⁷⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 178, 200.

⁸⁰ «Hufvudstadsbladet», 15.IV 1918; E. Räikkönen. Op. cit., s. 210.

⁸¹ I. und W. Wilhelmus. Der Kampf um die Lösung der nationalen und sozialen Frage 1917/18 in Finnland.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, H. 1, S. 51, 52.

ность для всей Европы»⁸². Людендорф утверждал, что «большевистский хаос» в России «в соответствии со своей тенденцией направлен против Германии»⁸³. Характеризуя задачи направляемой в Финляндию Балтийской дивизии, Людендорф писал в приказе: «Балтийская дивизия должна стать опорой финляндского правительства в его борьбе против большевиков»⁸⁴. «Борьба против финско-русских красных, Германия защищала и себя изнутри и извне»⁸⁵, — подчеркивал руководивший интервенцией генерал фон дер Гольц. (Разумеется, никакой внешней угрозы для Германии революционная Россия и Финляндия не представляли.) Германский военный атташе в Стокгольме указывал на заинтересованность Германии в том, «чтобы была создана плотина против красной волны, которая из Финляндии угрожает прежде всего Швеции, а затем и Германии. Победа Красной гвардии в Финляндии усилит подрывные элементы у нас»⁸⁶.

Но подавление революции в Финляндии было не конечной, а лишь промежуточной целью германских империалистов. Не маленькая Финляндия, а Советская Россия была главным очагом революции, воздействия которой так боялись империалисты. Подбирая самые уничижительные слова для характеристики этого влияния, Леопольд Баварский назвал его «моральной инфекцией», которой «теперешняя Россия старается заразить все страны мира»⁸⁷. Интервенция в Финляндии была лишь первым этапом кампании, которая в дальнейшем должна была иметь целью «уничтожение большевизма» в России. Для этого германским войскам и нужно было занять удобный исходный рубеж в Финляндии для удара на красный Петроград. Еще до начала интервенции, в феврале 1918 г., германский военный атташе в Стокгольме изложил эти расчеты так: «Овладение Финляндией дает нам то дополнительное военное преимущество, что мы оказываемся близ ворот Петербурга; такое положение обеспечивает нам в данном случае большие военные возможности»⁸⁸. Ельт не преувеличивал, характеризуя германскую интервенцию в Финляндии как звено в германском наступлении против России⁸⁹. Лишь ожесточенная борьба на Западном фронте вынуждала Германию отложить на время выполнение этих планов, чтобы сосредоточить как можно больше сил для «решающего наступления» до прибытия крупных контингентов американских войск. Но что такие планы уже намечались,

⁸² Фон Куль и Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 50.

⁸³ Y. Nurmio. Op. cit., s. 155.

⁸⁴ «Suomen vapausot», osa V, s. 313.

⁸⁵ R. von der Goltz. Den tyska hjälpkaktioner. — «Finlands frihetskrig...», del VII, s. 7—9.

⁸⁶ W. Hubatsch. Op. cit., S. 118.

⁸⁷ «Пролетарская революция», 1928, № 2, стр. 136; «Известия», 19(6).II 1918.

⁸⁸ W. Hubatsch. Op. cit., S. 118.

⁸⁹ «Hufvudstadsbladet», 16.VII 1918.

видно из заявления Гинденбурга Кюльману, что от России при заключении мира нужно потребовать таких территориальных уступок, которые обеспечат левому флангу германской армии достаточный простор для действий во время ближайшей войны против России⁹⁰.

Интервенция в Финляндии являлась со стороны Германии подготовкой к войне против Советской России и в другом отношении: Финляндия, находящаяся под контролем Германии, должна была подготовить, а затем дать в распоряжение последней свою армию. Немцы рассчитывали сделать из Финляндии сравнительно сильное государство, чтобы его руками, почти без затраты собственных войск, осуществлять свои антисоветские планы. Еще до интервенции, 5 марта 1918 г., Людендорф заявил, что Аландские острова нужно передать Финляндии, ибо если они будут переданы Швеции, то «в будущем мы не имели бы в Финляндии той опоры против России, которая нам неизбежно понадобится...»⁹¹. Гинденбург, убеждая кайзера в необходимости интервенции в Финляндии, писал: «Внутренне усмиренная и пользующаяся нашей военной поддержкой Финляндия, принимая во внимание ее географическое положение относительно Петрограда, наряду с позицией, занятой нами в Эстонии, будет оказывать целительное (?) давление на Великороссию... Финляндия и Украина являются естественными союзниками Германии против Великороссии не только во время войны, но и во время мира»⁹². Людендорф, выступая за интервенцию, подчеркивал, что на границе с Россией должно быть создано сильное государство, которое «облегчило бы» Германии выполнение ее «задач на Востоке» и позволило бы перебросить побольше германских войск на Запад. Такого облегчения Германия, по его словам, могла ждать от Финляндии. «Мы, — продолжал Людендорф, — дали бы Финляндии лишь немного войск (несколько батальонов). Мы хотели бы за это использовать все силы Финляндии против России...»⁹³.

Однако планами удушения революции в Финляндии, а позже и в России цели германской интервенции не исчерпывались. Как ни далеко находилась Финляндия от главного театра военных действий, на котором решался вопрос об исходе войны, сама борьба между империалистическими гигантами с их соперничавшими во всех частях света интересами приобрела настолько всеохватывающий, всемирный характер, что и германская акция в «захолустной» Финляндии была одной из операций войны между двумя империалистическими группами. Посылая войска в Финляндию, Германия руководствовалась и военно-политиче-

⁹⁰ А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1956, стр. 109.

⁹¹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 141.

⁹² Ibid., s. 154.

⁹³ Ibid., s. 155, 156.

скими расчетами, имевшими прямое отношение к ее борьбе против Антанты.

Германия и Англия с большой подозрительностью следили за действиями друг друга на севере Европы. С классовой точки зрения, подавление Германией финляндской революции не вызывало у Антанты возражений. Белофинский представитель в Англии Холсти встретил в Форин оффис полное понимание того, что обращение белофиннов к Германии было «необходимым», поскольку Швеция отказалась от открытой интервенции⁹⁴. Но с военно-политической точки зрения, высадка, а следовательно — и закрепление германских войск в Финляндии, меньше всего соответствовала интересам Антанты. Ведь из Финляндии немцы могли захватить большие и слабо охраняемые военные склады Антанты на Мурмане, могли захватить участок Мурманского побережья и создать там базу для своих подводных лодок, перерезав тем самым важнейший путь сообщения Антанты с Россией, которому империалисты Антанты и США придавали большое значение в своих планах вмешательства в дела России. Из Финляндии немцам было бы нетрудно перерезать и Мурманскую железную дорогу, опять-таки отрезав Антанте сообщение с Россией. Выход немцев на Мурманское побережье означал бы брешь в морской блокаде, которой Англия подвергала Германию.

Предположение о намерении Германии проникнуть через Финляндию на побережье Ледовитого океана и создать там базу для операций против северных коммуникаций Англии отнюдь не было порождено чрезмерной подозрительностью англичан. Из немецких источников известно, что Германия действительно имела это в виду. Адмирал Мойрер, командовавший эскадрой, которая доставила германские войска в Финляндию, считал эту операцию направленной в основном против Англии, подтверждение чему он видел и в болезненной реакции на нее со стороны Англии. Он считал, что Германия, получив через Финляндию новый выход в открытое море, сделала бы крупный шаг к освобождению от английской блокады⁹⁵. Другой офицер германского военно-морского флота Кип полагал, что «возможно здесь, в Финляндии, ключ к стратегическому положению Германии в войне на два фронта» и что нужно подвести под военные действия против Англии новую основу, «а именно — перенести действия через Балтийское море и Ботнический залив на Мурманское побережье»⁹⁶.

Англия зорко следила за каждым шагом Германии в отношении Финляндии. После высадки немцев на Аландских островах 5 марта и заключения 7 марта договоров в Берлине с бело-

⁹⁴ C. Enckell. Poliittiset muistelmani. Osa I. Porvoo — Helsinki, 1956, s. 307.

⁹⁵ F. Beyer. Op. cit., S. 70.

⁹⁶ Ibidem.

финнами стало уже совершенно очевидно, что следующим шагом будет высадка германских войск в Финляндию. В Лондоне еще до этого сделали соответствующие выводы. 9 марта был высажен английский десант на Мурмане. Помимо антисоветских, преследовались и антигерманские цели: Англия хотела не допустить выхода немцев или белофиннов к океану. Позже Ллойд-Джордж говорил, что одной из причин мурманской экспедиции было стремление «не дать возможности финнам овладеть с помощью немцев Мурманским побережьем»⁹⁷.

В свою очередь Германия была обеспокоена английским десантом на Мурмане. Сам-то по себе этот незначительный десант не представлял опасности. Но в Германии великолепно знали об усилиях Антанты и США восстановить Восточный, т. е. русский, фронт против Германии. В Берлине не считали невозможным, что с Мурманского войска Антанты могут двинуться на Петроград, объединиться с контрреволюционными силами в России, свергнуть большевиков и поставить у власти в России проантантовское правительство, которое снова бросило бы русских солдат против Германии. Послав немецкие войска в Финляндию, можно было отрезать мурманский десант от Петрограда, хотя бы Антанта и увеличила этот десант. С точки зрения Германии английский десант на Мурмане делал германскую интервенцию в Финляндии тем более необходимой, что благодаря ему Англия могла быстро прийти на помощь финской буржуазии. Если бы подавить революцию помогла Англия, то она уже и установила бы свой контроль над Финляндией, ввела бы часть своего флота в Балтийское море и получила бы еще лучшие возможности для осуществления своих планов восстановления Восточного фронта. Предупреждение этой гипотетической опасности стало одной из важных целей Германии. Кайзер, мотивируя необходимость интервенции, указывал, что если Германия не поможет белой Финляндии, то последняя обратится к Антанте⁹⁸. Людендорф также доказывал целесообразность интервенции, между прочим, тем, что отказ Германии привел бы к тому, что «Финляндия бросилась бы в объятия Англии. Это произошло бы сразу, как только увидели бы, что Германия, которая обещала ей помощь, оставляет ее». Торопя с отправкой войск в Финляндию, он подчеркивал: «Финляндия из-за Архангельска и Мурманской железной дороги имеет всемирно-политическое значение для нас и для Англии»⁹⁹.

Впоследствии Гинденбург писал в своих воспоминаниях: «Мы надеялись привлечением Финляндии на свою сторону максимально затруднить Антанте военное воздействие из Архан-

⁹⁷ «FRUS. Paris Peace Conference, 1919», vol. V, p. 316.

⁹⁸ F. Beyer. Op. cit., S. 84—85; I. und W. Wilhelmus. Op. cit.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, H. 1, S. 51.

⁹⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 155, 156.

гельска и с Мурманского побережья на дальнейшее развитие событий в Великороссии»¹⁰⁰. «Чтобы предотвратить образование нового Восточного фронта и укрепить себя в военном отношении, — писал и Людендорф в своих воспоминаниях, — Германия удовлетворила просьбу Финляндии (т. е. белофиннов. — В. Х.) о помощи войскам»¹⁰¹. Германия, закрепившись в Финляндии, продолжал Людендорф, могла не допустить закрепления англичан на Мурманском побережье. «К тому же Мурманская железная дорога фланкируется из Финляндии по всей своей длине, так что серьезные действия англичан против Петербурга были уже невозможны. Английский десантный корпус, оккупировавший Мурманское побережье, оставался там закрытым»¹⁰². Командовавший немецкими интервенционистскими войсками в Финляндии генерал фон дер Гольц также указывал, что одной из главных целей Германии в Финляндии было «парализовать английское влияние на Россию; Англия захватила незамерзающее Мурманское побережье и Мурманскую железную дорогу. Она могла оттуда оказывать давление на Петроград, свергнуть большевистское господство, использовать стоявший в Кронштадте русский флот. У Германии возник бы на Востоке новый противник на море и на суше. Ибо господство красных в России было не настолько прочным, чтобы Англия не могла вызвать выступление своих сторонников внутри страны. Немецкие войска и корабли в Финляндии образовали оплот немецкого господства на Балтийском море, они угрожали Петрограду и фланкировали Мурманскую железную дорогу, эту английскую дорогу вторжения в Россию»¹⁰³. «Финляндия нужна была как опора на Балтийском море против англичан на Мурманском побережье и против Советской России в Петрограде»¹⁰⁴.

Германские военные авторы Куль и Дельбрюк также признавали, что Балтийская дивизия была отправлена в Финляндию по причинам военного и военно-политического характера; в частности, учитывалось, что германские войска в Финляндии будут расположены параллельно Мурманской железной дороге, которая вела из незамерзающего порта Александровска в Петербург, и что английскому десантному корпусу на Мурманском побережье будет закрыт путь вперед¹⁰⁵. В многотомном немецком издании «Мировая война 1914—1918 гг.» цели германской интервенции в Финляндии излагаются так: «При этом решающую роль играли германские интересы. Нужно было предотвратить создание нового вражеского фронта, так как англичане уже

¹⁰⁰ P. Hindenburg. Aus meinem Leben. S. 307, 308.

¹⁰¹ E. Ludendorff. Op. cit., S. 503, 504.

¹⁰² Ibid., S. 505, 506.

¹⁰³ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 48, 49.

¹⁰⁴ Ibid., S. 100, 101.

¹⁰⁵ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 50.

заняли Мурманскую железную дорогу. Немецкие войска и корабли в Финляндии угрожали Мурманской дороге и имели важное значение для господства на Балтийском море, прежде всего над входом в Финский залив и вместе с тем над подступами к Петербургу»¹⁰⁶.

Интервенция должна была установить господство Германии в Финляндии и тем самым — на Балтике, а это, в свою очередь, должно было дать Германии новые возможности для давления на Швецию, которую она давно пыталась вовлечь в войну на своей стороне, но безуспешно. Командовавший интервенционистскими войсками генерал фон дер Гольц писал: «Мы были бы рады иметь Швецию на своей стороне». Он считал, что для достижения этого не нужно останавливаться и перед прямой угрозой. По его мнению, следовало бы «объяснить парламентскому правительству (т. е. Швеции.— В. Х.), дружелюбно настроенному к Антанте, что Стокгольм находится в пределах досягаемости орудий германских кораблей, против чего господствовавший тогда на морях Альбион ничего не мог поделать»¹⁰⁷.

Политические расчеты Германии в связи с интервенцией в Финляндии не ограничивались периодом войны, а простирались и на более отдаленное будущее. Финляндия должна была не только сама стать объектом германского влияния и эксплуатации, но в дальнейшем и базой для распространения этого влияния на ближние страны. Еще интервенция не началась, были только заключены кабальные договоры с белофиннами, а кайзер, как сообщала «Таймс» 9 марта 1918 г., уже обрисовал последствия этих договоров и интервенции следующим образом: «Германизация Балтийских стран теперь обеспечена навсегда».

Таким образом, предпринимая интервенцию в Финляндию в разгар напряженнейшей войны с Антантой и США, германский империализм преследовал целый ряд военно-политических целей, среди которых само спасение финской буржуазии от революции занимало второстепенное место.

Но это не все. Нельзя умолчать и об экономических целях интервенции. Хотя в исторической литературе встречаются утверждения, будто такого рода соображения не имели значения¹⁰⁸, это неверно. Уже из рассмотренного выше торгового соглашения видно, как Германия была заинтересована в проникновении в финляндскую экономику. Захватывая в то время Прибалтику, Украину и восточные области России, Германия рассчитывала путем беспощадного ограбления этих территорий, вывоза оттуда продовольствия, фуража, лошадей, стратегического сырья укрепить свою экономическую базу и военный потенциал и благодаря этому добиться победы. Точно так же она расчи-

¹⁰⁶ «Der Weltkrieg 1914—1918», Bd. 13. Berlin, 1942, S. 371.

¹⁰⁷ R. von der Goltz. *Meine Sendung...*, S. 100, 101.

¹⁰⁸ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 50.

тывала, по выражению Либкнехта, высосать соки и из Финляндии, как и из других оккупированных территорий. Сам Гинденбург сформулировал эту мысль в телеграмме кайзеру от 9 марта 1918 г. так: «Хочу еще подчеркнуть, что мы ожидаем облегчения экономического положения от получения финляндского сырья и что мы уже по этой причине должны обратить внимание на возможно более быстрое усмирение страны»¹⁰⁹. Кайзер смекнул это и сам. Он еще 1 марта в телеграмме рейхсканцлеру в числе выгод, которые сулила интервенция, упоминал «вывоз руды, льна и других продуктов» из Финляндии и даже возможность заполучить какао и кофе, завезенные туда из России¹¹⁰. Людендорф тоже подчеркивал, «как бесконечно важны» для Германии «Украина и Финляндия, эти краугольные камни Востока, богатства которых невозможно оценить»¹¹¹.

Немецкие капиталисты были весьма заинтересованы в интервенции как с точки зрения защиты своих прежних капиталовложений в Финляндии, так и с точки зрения возможности новых капиталовложений и разработки естественных богатств Финляндии. Так, 1 февраля 1918 г. компания «Альгемейне локаль-унд штрассенбангезельшафт» потребовала защиты своей собственности в Финляндии. Капиталовложения этой компании в железнодорожном и газовом хозяйстве Выборга составляли около 4,5 млн. марок¹¹². Когда в марте 1918 г. глава белофинского правительства Свинхувуд приехал в Берлин, высшие деловые круги проявили к нему большой интерес. Г. Стиннес и А. Баллин устроили в его честь завтрак 14 марта. «Они,— рассказывает сенатор Кастрен,— почували в наших железных дорогах, наших лесах и речных порогах выгодные объекты для эксплуатации». Сразу после завтрака «Стиннес и Баллин начали разговор о железных дорогах, лесах и порогах. Стиннес прежде всего заинтересовался железными дорогами. Он предложил переделать железные дороги широкой колеи на дороги нормальной колеи, сказав, что Финляндия должна продать свои паровозы и вагоны России и закупить все это в Германии... Эти крупные промышленники непременно хотели также основать немецко-финское общество, которое взяло бы в свои руки всю торговлю Финляндии. Учредительное собрание общества должно было состояться через две недели». (Все это происходило еще до начала германской вооруженной интервенции). «Они все расспрашивали и расспрашивали нас и приставали к нам,— рассказывал Свинхувуд,— а затем основали-таки какое-то акционерное общество под свою ответственность»¹¹³.

¹⁰⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 154.

¹¹⁰ I. und W. Wilhelmus. Op. cit.—«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, H. 1, S. 51.

¹¹¹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 155.

¹¹² F. Beyer. Op. cit., S. 58.

¹¹³ E. Räikkönen. Op. cit., S. 193, 194.

Интервенция в Финляндии позволяла Германии в некоторой степени разрешить вопрос о прорыве экономической блокады и использовать Финляндию в качестве транзитного пути для импорта из Швеции и Норвегии высококачественной железной руды. Один влиятельный немецкий промышленник (фамилия его не называется) в письме к рейхсканцлеру обращал внимание на то, что «благодаря призыву со стороны Финляндии Германия получает возможность обеспечить ввоз шведской и норвежской железной руды и шведского чугуна, что необходимо для положения Германии и Австрии как мировых держав. Громадные запасы в Швеции и Норвегии бедных и богатых фосфором руд, по содержанию железа совершенно равноценных рудам бассейна Брией, но превосходящих их по качеству, расположены в основном в Лапландии между портом Лулео и Нарвиком. Они необходимы для рейнско-вестфальской промышленности, для Силезии, Богемии, Австрийской Силезии и Моравии, которые одновременно являлись для них естественным рынком сбыта. Они доставляют также немецкому сельскому хозяйству важную для него то-масовскую муку. Лишь с помощью этой руды Германия и Австрия могли обеспечить свою тяжелую промышленность лучшим сырьем, а крупные заводы специальных сталей — необходимым чугуном, полученным на древесном угле, который только Швеция может поставлять в большом количестве при превосходном качестве. Шведские и норвежские руды и шведский чугун, полученный на древесном угле, для Германии еще важнее и необходимее, чем бассейн Брией, потому что они делают возможным для нас мощное производство специальных сталей. Германии следовало бы использовать свое теперешнее хорошее положение на Балтийском море для того, чтобы путем интервенции в Финляндии поставить в зависимость от себя рудные области Швеции и Норвегии. Финляндия сможет удерживать свое положение в отношении России лишь в случае, если Германия будет оказывать ей поддержку, а это возможно только в случае, если Финляндия передаст важнейшие стратегические пункты Германии. Поскольку между Англией и Норвегией существуют хорошие отношения, весьма возможно, что Англия получит в Нарвике «угольную станцию». Если Германия не будет иметь тогда в Финляндии надежной опоры, то обеспечение ее рудой в случае войны станет невозможным, и вместе с этим ее положение как мировой державы будет утрачено»¹¹⁴. Так промышленные магнаты обосновывали необходимость интервенции в Финляндии.

Наконец, социал-демократическая «Гамбургер эхо» поделилась со своими читателями следующими соображениями в связи с германской интервенцией: «Мирный договор с Финляндией позволяет ясно различить, куда нацелена германская политика на

¹¹⁴ F. Beyer, *Op. cit.*, S. 58, 59.

Востоке: сношения через Балтийское море должны снова получить свое наивысшее развитие... Само собой разумеется, что... Курляндия, Литва, Латвия и Эстляндия превратятся в складские пункты для немецкого-балтийской торговли. Но планы германской экспансии идут, по-видимому, гораздо дальше.

Во всяком случае, по всему видно, что военное вступление Германии в Финляндию продиктовано экономическими интересами мирового масштаба. Лишь наивные души в немецком тылу могут думать, что тушить революционный пожар в Финляндии Германию побудила только достойная ночного сторожа забота о том, чтобы добрые обыватели смогли там снова спокойно спать»¹¹⁵.

Разумеется, немцы рассчитывали вывезти из Финляндии и те стратегические материалы, которые там не добывались, а были импортированы раньше. Германия потом действительно «очистила» Финляндию от цветных металлов, — финнам пришлось отдать немцам даже медные дверные ручки. Финская буржуазия начала содействовать ей в этом еще до высадки немецких войск в Гангё. Красной гвардии удалось задержать целый поезд металлического лома, в основном меди, предназначавшегося буржуазией для немцев. Сказанное не оставляет никаких сомнений в том, что с интервенцией в Финляндии Германия связывала и важные экономические интересы.

И Гинденбург, и Людендорф, и фон дер Гольц признавали, что интервенция в Финляндии была для Германии выгодным делом и окупилась с лихвой. Все это делает понятным, почему Германия, несмотря на ожесточенную войну на Западе, выделила войска для отправки их в район, столь далекий от Западного фронта, и почему верховное командование и кайзер так холодно отнеслись к родившемуся в МИД проекту добиться «соглашения» между белыми и красными в Финляндии и не отправлять туда войска. Германские милитаристы считали, что важно было не только то, чтобы в Финляндии победила буржуазия, но и то, чтобы туда были направлены и там оставались немецкие войска. Тем более, что войск в Финляндию потребовалось сравнительно немного, немногим больше дивизии. Ведь против русских войск немцам не нужно было там воевать, они после подписания мира были оттуда выведены; немецким войскам нужно было бороться только против финляндской Красной гвардии. Но Красная гвардия и так уже вела трудную борьбу с многочисленной, хорошо вооруженной и имеющей квалифицированный командный состав белой армией. Немцам приходилось не воевать против всех вооруженных сил, имеющихся в Финляндии, а только помогать одной части этих вооруженных сил справиться с другой частью их; не целиком своими силами завоевывать Финляндию, чтобы

¹¹⁵ «Hamburger Echo», 8.III.1918.

подчинить ее себе, а только помочь белофиннам, уже продавшим независимость Финляндии, отвоевать для подчинения Германии и остальную часть страны, которую еще защищали сторонники ее действительной независимости — красные войска. В таких условиях германская дивизия должна была оказать решающее влияние, как меч, брошенный на чашу почти уравновешенных весов. Если на Западе даже ценой потери дивизии немцы не достигали подчас и тактических успехов, то в Финляндии было достаточно дивизии, чтобы поставить под контроль Германии всю страну, превышающую по территории Британские острова, с ее природными богатствами, с ее важным стратегическим положением, с ее будущей армией. Интервенция в Финляндии была поистине выгоднейшим гешефтом, сулящим такую же баснословную прибыль, как прибыль, которую капиталисты выколачивают из колоний.

Итак, осуществляя интервенцию в Финляндии, Германия была дальше всего от бескорыстия, альтруизма или жертвенности: она действовала исключительно в своих собственных эгоистических, империалистических интересах. Тем забавнее выглядели усилия германской и белофинской пропаганды, в частности финской буржуазной прессы, изобразить эту интервенцию как подвиг великодушия, благородства и т. п. Весь цинизм прожженных политиканов Германии и белой Финляндии проявился в том, что если они публично так и говорили, то всерьез так, разумеется, не думали. «Не финляндские, а исключительно германские интересы привели наши войска в Финляндию», — писал Людендорф¹¹⁶. Кайзер еще накануне интервенции признал, что решающими в этом вопросе были «значительные и непосредственные интересы Германии»¹¹⁷. Депутату рейхстага от партии центра Греберу принадлежит удачное сопоставление двух сторон интервенции: в чьих интересах она проводилась и кто за нее платил. Он сказал: «Господа, в Финляндию наши немецкие войска вступили, конечно, так же, как и на Украину..., в первую очередь в интересах самой Германии. Интересы Финляндии стояли не на первом месте... Издержки экспедиции несет, само собой разумеется (!), финляндское государство»¹¹⁸. Руководящие белофинские деятели тоже, конечно, понимали, что Германию побудило к интервенции не бескорыстие, а противоположные расчеты. Сенатор Стенрот об этом прямо писал, понимал это и Ельт, сам подписавший кабальные договоры с Германией. Сенатор Холсти отмечал, что интервенция была вызвана не желанием оказать помощь, а крупными политическими причинами¹¹⁹. Не глупее был и Маннергейм, отнюдь не германофил. Но «для народа»,

¹¹⁶ E. Ludendorff. Op. cit., S. 505, 506.

¹¹⁷ F. Beyer. Op. cit., S. 84, 85; Y. Nurmio. Op. cit., s. 151.

¹¹⁸ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 313, S. 5615.

¹¹⁹ J. Ilvessalo. Suomi ja Weimarin Saksa. Helsinki, 1959, s. 51, 52.

подобно тому, как войну продолжали изображать освободительной даже после вывода русских войск и прибытия немецких, так и присылку последних изображали великодушным жестом со стороны Германии. Маннергейм в приказе по этому случаю лицемерно толковал о «великой жертве, которую благородный народ Германии приносит ради нашей страны»¹²⁰. Жертвой в подобных заявлениях была лишь правда.

В связи с этим нельзя оставить без опровержения содержащиеся в книге Ф. Байера «Германская интервенция в Финляндии в 1918 г. как интервенция, соответствующая международному праву» утверждения, сущность которых выражена в заглавии этой книги. О германской интервенции в Финляндии Байер пишет: «Эта интервенция являлась дозволенной с точки зрения международного права, так как она опиралась на соответствующие положения международного права. Таковыми являлись: а) в отношении России—право на интервенцию в соответствии с правом репрессалий, основанное на деликте—нарушении русскими абз. III ст. 6 германско-русского мирного договора путем неисполнения обязанности эвакуировать войска, что требовало мер пресечения; б) в отношении Финляндии—ее согласие. Последнее было предоставлено как для осуществления права репрессалий против России в пределах финляндского государства, так и для внутригосударственной интервенции в самой Финляндии. Это согласие было предоставлено посредством формального немецко-финляндского договора об интервенции, формальные недостатки которого были исправлены»¹²¹.

Сказанное Байером является насквозь фальшивым.

В утверждении «а» элементом истины является лишь признание антисоветской направленности этой интервенции. Но Германия, как документально доказано выше, еще до заключения Брест-Литовского договора дала финляндской буржуазии обещание относительно интервенции. Закабалавшие Финляндию договоры, подписание которых представителями финляндской буржуазии Германия ставила предварительным условием интервенции, разрабатывались одновременно с Брест-Литовским договором. Кстати, специального договора об интервенции не было заключено между Германией и белофиннами — Байер считает таковым, по-видимому, так называемый «мирный» договор. На совещании статс-секретарей и представителя верховного командования, созданном Гертлингом 11 марта, через неделю после заключения Брестского мирного договора, никто из участников не говорил о нарушении его Россией. А ведь решение верховного командования послать в Финляндию войска было давно принято — о нем Людендорф сообщил Ельту еще 21 февраля. Интервен-

¹²⁰ C. Enckell. Poliittiset muistelmani, I, s. 255.

¹²¹ F. Bayer. Op. cit., S. 156.

ция, на антисоветские цели которой указывали и кайзер, и Гинденбург, и Людендорф, готовилась Германией еще до того, как стал существовать договор, мнимое нарушение которого Советской Россией Байер пытается выдать за правовое основание для интервенции. Империалистам, уже принявшим решение об интервенции, было необходимо какое-то подобие юридических оправданий этой интервенции, и одним из них и явился приводимый Байером надуманный довод. Его пустили в ход еще германские дипломаты, тоже старавшиеся изобразить интервенцию в Финляндии как якобы ответную меру на нарушение договора Советской Россией. В радиограмме от 1 апреля 1918 г. германское МИД заявило, что в Финляндию прибывают русские краснотвардейцы и что в случае, если русское правительство окажется не в состоянии выполнить свои договорные обязательства, германское правительство, к своему сожалению (!), будет вынуждено предпринять шаги «для восстановления положения, соответствующего договору»¹²². Это говорилось в то время, когда вопрос о «шагах», которыми грозило германское правительство «в случае, если» и т. д., был им уже давно и безоговорочно решен: германские войска задолго до этого в качестве подготовки заняли Аландские острова, и германские корабли уже направлялись в Финляндию с экспедиционным корпусом на борту, высадка которого началась через день после этой радиограммы. Позднее Германия таким же образом оперировала фальшивым утверждением, будто в боях в Финляндии участвовал 42-й корпус русской армии, хотя он уже давно не существовал¹²³.

Злостным нарушителем Брест-Литовского мирного договора была Германия. Подписав договор, в 1 ст. которого говорилось, что стороны «решили впредь жить между собой в мире и дружбе», Германия на практике непрерывно продолжала враждебные Советской России действия. Германия фактически продолжала наступление. В нарушение мирного договора она оккупировала Крым, высадила войска на Таманском полуострове и начала захват черноморского побережья. На Черном море Германия и ее союзники, тоже подписавшие Брест-Литовский договор, обстреливали и захватывали русские торговые суда¹²⁴. На Донском фронте немецкие военные власти отказались установить демаркационную линию, чтобы не связывать себя. Но и там, где демаркационная линия была установлена, германские войска продвигались за нее и нападали на русские войска. Так было в Орловской, Курской, Смоленской губерниях и во многих других местах¹²⁵. На Псковском участке постоянным явлением было вторжение германских отрядов и отдельных лиц не только в ней-

¹²² «Документы внешней политики СССР», т. I. М., 1957, стр. 222.

¹²³ Там же, стр. 277.

¹²⁴ Там же, стр. 308.

¹²⁵ Там же, стр. 307, 308, 316, 327—329, 373, 435, 436, 453.

тральную полосу, но и за демаркационную линию с целью пропагандирования среди прифронтового населения идеи о том, что немцы готовы прийти «для наведения порядка»¹²⁶. Карл Либкнехт с полным основанием отмечал: «Брест-Литовский «мир» не является миром, ибо война против «Великороссии», с которой заключен мир, продолжается, прямо и косвенно, в Прибалтике, в Финляндии, на «Украине», в Крыму, в Донской области, на Кавказе, на всем Востоке...»¹²⁷. Волюющим нарушением договора были поддержка, финансирование и вооружение Германией русских белогвардейцев для свержения Советской власти. Советское правительство не раз ставило вопрос о необходимости прекратить нарушения договора со стороны Германии¹²⁸, но безрезультатно.

В качестве второго довода, оправдывающего интервенцию, Байер ссылается на согласие «Финляндии» на эту интервенцию. Но в Финляндии шла классовая гражданская война, и если эксплуататорские классы были сторонниками интервенции, то рабочий класс и деревенская беднота были ее безусловными противниками и сражались против интервентов с оружием в руках. Сам канцлер Гертлинг признавал, что германская интервенция вызвала симпатии лишь у чисто буржуазных кругов Финляндии¹²⁹.

Впоследствии германский посланник в Финляндии В. Блюхер писал, что половиной населения Финляндии германская интервенция была воспринята с чувством ненависти¹³⁰. Эксплуататорские классы, готовые продать свою страну ради помощи в подавлении революции и удержавшиеся у власти исключительно милостью интервентов, — это еще не Финляндия. Байер умышленно применяет неточные термины.

Прославление Германии в качестве блюстителя международного права тем более кощунственно, что действия Германии во время первой мировой войны представляли собой цепь возмущавших весь мир нарушений международного права. Достаточно напомнить о попрании ею гарантированного ею самого нейтралитета Бельгии, о применении отравляющих веществ, о бомбардировках мирных городов, о бесчеловечном обращении с военнопленными. После подписания Брест-Литовского договора Германия совершала по отношению к Советской России действия, которые представляли собой нарушение не только этого договора, но и общепризнанных норм международного права. В Черном море военные суда Германии и ее союзников обстрели-

¹²⁶ ЦГАСА, ф. 1, оп. 2, д. 8, л. 15.

¹²⁷ K. Liebknecht. Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß. Berlin, 1921, S. 13.

¹²⁸ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 269—271, 311—313, 319—321, 410, 453—455.

¹²⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 149, 150.

¹³⁰ W. von Blücher. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Erinnerungen aus den Jahren 1935—1944. Wiesbaden, 1951, S. 94.

вали суда, перевозившие больных¹³¹. У Мурманского побережья германские подводные лодки без предупреждения атаковали и топили рыбацкие суда поморов и суда, перевозившие продовольствие для поморов, причем людей, спасавшихся на лодках, немцы обстреливали¹³². Принудительный увод мужского населения некоторых деревень, вырезывание целых семей вместе с детьми по подозрению в принадлежности кого-нибудь из семьи к партизанам, сожжение целых деревень, сопровождавшееся расстрелом их населения из пулеметов, ограбление населения — таковы были разбойничьи действия кайзеровской Германии на оккупированной ею территории Советской России.

Столь же вопиющими нарушениями международного права сопровождались и действия германских интервентов в Финляндии. «Гуманность» этих «защитников культуры» проявилась в использовании шеренг из пленных и из жен и детей рабочих для прикрытия своих войск во время боя, в зверском обращении с военнопленными и массовом уничтожении их, не исключая и женщин (например, только в один день немцы расстреляли в Лахти и другом населенном пункте 158 пленных женщин¹³³). Интервенты не сдерживали, а поощряли белофиннов, которые также попирали все нормы международного права: зверски истязали и массами расстреливали пленных, применяли разрывные и медные пули, вызывающие отравление¹³⁴, сжигали строения с людьми¹³⁵.

И эту-то интервенцию, сопровождавшуюся попранием международного права и осуществлявшуюся державой, для которой его нарушение стало обычаем, немецкий буржуазный юрист изображает как воплощение торжества международного права!

Если обратиться к курсу международного права буржуазного теоретика Л. Оппенгейма, то окажется, что среди семи случаев, в которых, по мнению автора, интервенция является допустимой, нет ни одного, к которому можно было бы отнести германскую интервенцию в Финляндии¹³⁶.

Книга Байера — один из примеров того, как история и право фальсифицируются адвокатами империализма и как вокруг некоторых реакционных и сопровождавшихся ужасными жестокостями действий создается задним числом ореол «справедливости» и «гуманности».

Итак, финляндская буржуазия добилась германской интервенции, хотя, как признают и буржуазные авторы, было заранее очевидно, что эта интервенция «с политической точки зрения являлась рискованной, если не сказать опасной. Финляндия рис-

¹³¹ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 308.

¹³² Там же, стр. 305, 310; ЦГАСА, ф. I, оп. 1, д. 240, л. 61.

¹³³ Н. Б. Крушкoл. Палачи финского народа. Л., 1941, стр. 29.

¹³⁴ ЦГАСА, ф. 25888, оп. 5, д. 7, л. 4.

¹³⁵ Там же, д. 33, л. 15.

¹³⁶ См. Л. Оппенгейм. Международное право, т. I, полутом I. М., 1948, стр. 280—283, 285.

ковала быть вовлеченной в мировую войну на стороне Германии. В случае победы Антанты это означало бы, что Финляндия должна разделить участь побежденных. Если бы победили центральные державы, Финляндия, по всей вероятности, стала бы германским вассалом»¹³⁷. (Не «по всей вероятности», а совершенно определенно, ибо будущее вассальное положение Финляндии было юридически закреплено в договорах почти за месяц до высадки германских войск в Финляндии.) Бедствие не только для трудящихся, но и для страны в целом при любом исходе мировой войны, — таковы должны были быть плоды классовой политики финляндской буржуазии, такой ценой должен был быть сохрaнен буржуазный строй в этой стране.

ОТНОШЕНИЕ РАБОЧИХ ПАРТИЙ ГЕРМАНИИ К ГОТОВЯЩЕЙСЯ ИНТЕРВЕНЦИИ

На нашей стране лежала и лежит главная ответственность за весь тот вред, который наносит мировая война интернациональному пролетариату, социализму. Вот почему так безмерно велика историческая вина германского «большинства»; поэтому его позорная коалиция с правительством Гогенцоллернов заслуживает самого сурового приговора истории...

Карл Либкнехт. Тактика и принцип, 1917.

Из Финляндии неслись не только призывы буржуазии о помощи, но и призывы революционных рабочих и пролетариату других стран о солидарности. В первые же дни революции было опубликовано воззвание к международному пролетариату. «Финляндский пролетариат надеется, — говорилось в нем, — что ни в одной стране классово сознательный пролетариат не ответит финляндской буржуазии посылкой военной помощи против финляндского рабочего класса»¹³⁸. Этот призыв относился и к рабочему классу Германии — и к нему даже больше, чем к рабочему классу других стран, ибо именно на интервенцию Германии возлагала финляндская буржуазия главные надежды.

Но рабочий класс Германии находился в тяжелом положении. Социал-демократические вожди в самом начале войны изменили решениям Интернационала, перешли на позиции империалистической буржуазии, поставили ей на службу аппарат рабочих организаций — социал-демократической партии и профсоюзов — и стали проповедовать классовый мир со своей буржуазией.

Все же лучшие люди немецкого рабочего движения смогли правильно разобраться в событиях, устояли против шовинистического угара и сохранили верность марксизму и интернациона-

¹³⁷ «Kampen om Finland...», s. 142.

¹³⁸ J. Elie. Der Klassenkrieg in Finnland. Die finnische Sozialdemokratie im Kampfe gegen die Reaktion. 1905—1918, S. 89—91.

лизму. Этому содействовали антивоенные выступления Карла Либкнехта, заявившего, что «враг — в собственной стране», «Письма Спартак» и печатные органы интернационалистов «Интернационал» (запрещенный после первого же номера), «Кампф» (одним из руководящих сотрудников которого был В. Пик), «Социальдемократ», «Арбейтерполитик». Но все они не были объединены в боевую революционную партию и в условиях военного режима имели крайне мало возможностей для пропаганды среди масс и для организации массового действия.

Как же отнеслись немецкие социалисты к намерению германского империализма задушить финляндскую революцию? Что они были бессильны помешать интервенции — этого нельзя сказать. Ведь правые (шейдемановцы) и центристы (независимые социалисты) были представлены в рейхстаге (который должен был ратифицировать договоры с белой Финляндией и ассигновать средства на отправку туда экспедиционного корпуса), а шейдемановцы — даже и в правительстве. Что до левых — спартаковцев, то в рейхстаге и правительстве их, конечно, не было, они были обильно представлены в казенных учреждениях другого рода — в тюрьмах: именно там находились Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин, Франц Меринг и многие другие интернационалисты. Правые и независимые имели легальную прессу. С социал-демократическим руководством была тесно связана верхушка профсоюзов. Таким образом, у правых и у центристов были даже и легальные возможности для борьбы против интервенции.

Такой борьбе благоприятствовали распространившиеся среди рабочих, а также в армии и флоте усталость от войны, желание мира, симпатии к революционной России. Требования быстрее заключения предложенного Советским правительством мира без аннексий и контрибуций, выдвигавшиеся во время многочисленных забастовок, в том числе и во время массовой январской стачки, начавшейся почти одновременно с революцией в Финляндии, свидетельствовали об осуждении рабочим классом Германии империалистической политики.

Хотя в выдвинутых во время январской стачки требованиях ничего не говорилось о Финляндии, где как раз началась революция, из самого духа этих требований с несомненностью явствует, что передовой части немецких рабочих были совершенно чужды те цели, которыми руководствовались германские империалисты, направляя войска в Финляндию. Передовые немецкие рабочие симпатизировали и революционной России, и революционной Финляндии. Сама январская стачка была попыткой рабочего класса Германии покончить с империалистической политикой, проявлением которой была и интервенция против революции. В феврале 1918 г., в то время, когда верховное командование обе-

шало белофиннам прислать войска для подавления революции в Финляндии, оно вынуждено было принимать меры на случай революции в самой Германии. В распоряжении «о внутренних беспорядках» пехотным частям 3-го гвардейского корпуса, 4- и 5-го корпусов предписывалось по условной телеграмме «подготовиться к защите от стачки» привести части в мобилизационную готовность; по телеграмме «защита от стачки» — вооружить части по-походному; по телеграмме «подготовить окружение» части должны были прибыть в назначенные места; по телеграмме «окружение» 3-, 4- и 5-й корпуса должны были идти на Берлин до окружной железной дороги, в то время как гвардейский корпус должен был наступать на «мятежные массы» из центра города, тесня их к этой дороге. Указывалось, что в дальнейшем в дело должны быть пущены пулеметы¹³⁹. Такова была обстановка в самой Германии в то время, когда она готовилась к интервенции в Финляндии.

Для публичного оправдания готовящейся интервенции в реакционных кругах Германии выдвинули пару концепций, одна нелепее другой. Во-первых, Германия-де отнюдь не вмешивается в дела Финляндии; войска направляются туда просто для выполнения полицейской акции. Депутат центра Ференбах так пояснил это в рейхстаге 18 марта: «Что касается нашей деятельности в Финляндии, то я подчеркиваю — это недвусмысленно явствует и из заявления господина рейхсканцлера, — что дело никоим образом не идет о воздействии Германии на внутреннее политическое положение в Финляндии. Для нас дело идет не о вмешательстве в борьбу между тамошними партиями, буржуазной и социалистической..., но для нас дело идет о том, чтобы очистить несчастную страну от большевистских разбойничьих банд, к которым, конечно, могли присоединиться и некоторые введенные в заблуждение люди из собственной страны»¹⁴⁰. Так благочестивый лидер христианской партии сам пытался ввести в заблуждение «людей из собственной страны».

Несмотря на всю вздорность этой чисто пропагандистской мотивировки, кайзер и Гинденбург использовали ее даже в своей закрытой переписке, в которой они изложили и действительные цели интервенции в Финляндии, о которых говорилось выше. Так, кайзер в телеграмме Гертлингу от 7 марта характеризовал предстоящую экспедицию в Финляндию как «чисто полицейское мероприятие, осуществляемое по просьбе признанного Германией правительства» и направленное против «шляющихся по стране шаек и против тех русских воинских частей, которые, несмотря на распоряжение русского правительства, не покинули страну, а продолжают участвовать во внутривнутриполитической борьбе в Фин-

¹³⁹ «Spartakusbriefe». Berlin, 1920, S. 176.

¹⁴⁰ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 4427.

ляндии»¹⁴¹. Через два дня Гинденбург в телеграмме кайзеру утверждал, что «цель экспедиции — оказать финнам помощь в борьбе против грабителей, совершенно так же, как мы делаем это на Украине, в Литве и в Эстонии и после того, как с Великороссией подписан мир»¹⁴². Можно подумать, что Германия посылала свои войска на Украину, в Литву, в Эстонию, а теперь и в Финляндию затем, чтобы вести там борьбу против грабителей! Да не сами ли немцы были наихудшими грабителями в этих странах? Фон дем Буше в телеграмме посланнику в Стокгольме не стал притворяться и подчеркнул, что посылаемую в Финляндию экспедицию «нужно изображать» (вот именно!) как направленную против «бандитов» и избегать всего, что могло бы вызвать осуждение военных мероприятий немцев в Финляндии как направленных против социалистических принципов¹⁴³.

Впрочем, интервенция действительно была полицейской акцией, только в ином смысле, чем хотела представить буржуазия. Ведь в буржуазном государстве полиция используется не только для борьбы с преступниками, но и с рабочим движением. Империалисты пытались выдать интервенцию в Финляндии за полицейскую акцию в смысле борьбы с «бандитами», тогда как на самом деле она была полицейской акцией для борьбы с рабочим движением, для подавления революции, боровшейся с бандитизмом энергичнее и эффективнее, чем буржуазия.

Другое официальное объяснение посылки войск в Финляндию было не менее смехотворным. Финляндских революционеров изобразили противниками мира, которые сами не хотят мира с Германией. Уже из соображений миролюбия-де Германии приходится идти на них войной. И хотя революционное правительство на весь мир заявило по радио, что оно желает мира с Германией, в рейхстаге звучали патетические речи такого рода: «Разве красное правительство, против которого мы поддерживаем в Финляндии белое правительство, было готово заключить с нами мирный договор? И не является ли это правительство — безразлично, пользуется ли оно теперь или не пользуется большевистской помощью из Петербурга, — именно тем, которое не хотело мирного договора с нами, но старалось саботировать и сделать невозможным этот мир?» Так ораторствовал граф Вестарп и заключал: «Уже из этого следует, что мы для того, чтобы прийти к мирному договору с Финляндией, должны были вмешаться»¹⁴⁴. Но мирный договор, как уже говорилось, был для Финляндии кабальным, и красные, естественно, не хотели идти в подчинение к Германии (а значит, они «не желали мира»!).

¹⁴¹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 152.

¹⁴² Ibid., s. 153, 154.

¹⁴³ Ibid., s. 178.

¹⁴⁴ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 4467.

Нашлись и другие деятели, пресерьезно обосновывавшие интервенцию строптивостью самих красных. Штреземан в речи 19 марта сначала ссылками на «Форвертс» и шведскую «Сосиаль-демократен» «доказал», что революция в Финляндии представляет собой цепь разбойничьих действий, нарушений права и т. п. (для такой картины правая социал-демократическая пресса давала предостаточно материала), а затем заявил, что красные якобы сами «отказались от всякого соглашения и посредничества в отношениях с Германией»¹⁴⁵. Впоследствии, в начале мая 1918 г., вице-канцлер фон Пайер так изложил побуждения Германии: «Своим вступлением в Финляндию мы вовсе не хотели вмешиваться в ее внутривнутриполитические дела»; «главная идея нашего выступления состояла в том, чтобы создать на севере определенное состояние мира как в военном, так и в политическом отношении»¹⁴⁶. О, благородные миротворцы, начавшие мировую войну за передел мира! Но один авторитетный человек разоблачил фарисейство этих заявлений фон Пайера. Это сделал... сам фон Пайер. В другом выступлении он прямо сказал: «Когда мы, несмотря на атаку на Западе, проникли в Финляндию, то при этом решающими являлись важные военные и политические требования»¹⁴⁷. Как уже говорилось и как будет еще показано дальше, Германия жаждала не мира на Севере, а создания там своей базы для расширения войны.

Как же вели себя социал-демократы и независимые социалисты при обсуждении в рейхстаге договоров с Финляндией и вопроса о предстоящей интервенции?

Планируемая интервенция в Финляндии ставила лидеров рабочих партий Германии перед деликатной проблемой. Германские войска и до этого воевали против революционной России и революционной Эстонии. Но целью наступления против Советской России было не только подавление русской революции, но прежде всего принуждение принять грабительские условия мира. В случае отказа Советского правительства от их принятия Германия, конечно, продолжала бы наступать, пока какое-либо правительство России не согласилось бы на еще более тяжкий мир. Но принятие Брестских условий временно избавило Советскую Россию от большой войны с Германией.

Таким образом, здесь Германия выступала против революционной страны пока с целью ликвидации фронта на Востоке и создания более благоприятных стратегических условий для войны на Западе. Революционную Эстонию Германия, конечно, раздавила, но «мимоходом», двигаясь через нее наиболее выгодным путем на Советскую Россию.

¹⁴⁵ Ibid., S. 4460.

¹⁴⁶ «Stockholms Dagblad», 8.V 1918.

¹⁴⁷ «Kumous», 1918, № 6, s. 68.

С Финляндией дело обстояло иначе. Войска должны были быть посланы туда специально для подавления революции. Политика германского империализма в ходе войны не раз требовала от социал-шовинистов все более гнусного предательства по отношению к пролетарскому интернационализму и международному рабочему движению, и каждый раз они сдавали этот экзамен... можно было бы сказать «с честью», если бы речь не шла о вещах, не совместимых с ней. На сей раз история поставила их перед альтернативой: быть или не быть пособниками палачей революции свободолюбивого и культурного рабочего класса маленькой страны. Речь шла не о каких-то территориальных и экономических уступках, как в случае с Советской Россией, а о самой судьбе финляндской революции. И этот вопрос лидеры германской социал-демократии решили без гамлетовских сомнений, хотя и не без приличествующих обстоятельствам монологов с трибуны рейхстага.

Между империалистическими кругами и лидерами социал-демократов во время войны установилось своеобразное взаимодействие. Упомянутые лидеры, поддерживая империалистическую политику в общем, позволяли себе в частных вопросах легкую оппозицию, облекая ее подчас в слова, взятые из марксистского лексикона. Империалисты, конечно, предпочли бы, чтобы в их адрес не было и такой критики; и все же они ее терпели, понимая, что именно благодаря ей рабочие массы не отворачиваются окончательно от этих лидеров и тем поэтому могут своим авторитетом удерживать массы от «крайностей» (сорвали же они январскую стачку!). Без этой критики рабочие лидеры перестали бы быть лидерами и их влияние в рабочих массах, а значит и их ценность для империалистов стали бы равны нулю. Но оппортунистические лидеры были достаточно осторожны, чтобы не хватить в своей критике через край, не задеть чересчур верхи и не взбудоражить слишком низы. Многолетний опыт соглашательства позволял им так дозировать критические выступления, чтобы и видимость оппозиции сохранять, и не переставать быть верноподданными кайзера. И потому никого их критика не пугала, никаких последствий она не имела, а сами они после своих филиппик против реакционеров оставались с ними добрыми коллегами по парламентской работе. Именно в этом свете надо рассматривать и некоторые критические выступления социал-демократов, а также более левых, но непоследовательных, колеблющихся независимых социалистов по вопросу о германской интервенции в Финляндии.

В первых числах марта в рейхстаге обсуждался вопрос о занятии Аландских островов. Было нетрудно догадаться, что отправление войск к берегам Финляндии имеет прямое отношение к событиям в этой стране и к просьбам белофиннов об ин-

тервенции. Однако лидеры социал-демократов и независимых и не подумали привлечь внимание рабочих к этой явной подготовке нападения на революционную Финляндию. Эберт ограничился заявлением, что занятия Аландских островов он не одобряет¹⁴⁸. Давид и Гаазе в своих речах воздержались даже и от неодобрения.

В дальнейшем метод правых и независимых состоял в том, чтобы, с одной стороны, что-то во всей этой интервенционистской затее покритиковать и этим показать рабочим: мы, мол, не дремлем, стоим на классовой точке зрения; а с другой стороны, свести эту критику на нет клеветой на финляндскую революцию под видом беспристрастной оценки событий.

Вот как, например, выглядело выступление социал-демократа Давида 18 марта. Часть первая — критика. Возражая канцлеру, утверждавшему, будто Германия, посылая войска, не хочет вмешиваться во внутренние дела Финляндии, Давид смело разоблачил этот тезис, поскольку он уж больно нелеп. Давид оказал, что в действительности Германия вмешивается во внутренние дела Финляндии. Там происходит гражданская война, и когда представляют дело так, будто в Финляндии существует одно финляндское правительство, которое поддерживается всем народом и борется против русских, то это — искажение фактов. Но классового характера гражданской войны в Финляндии Давид не раскрыл. Идет борьба между самими финнами, «каждое из двух правительств утверждает, что оно является законным», а какое из них «правильное» — поди, мол, разберись!

Возражая против уверений, будто немцы только хотят навести в Финляндии порядок, ибо там-де царят разбой и насилие, Давид сказал, что в самом Берлине, в этом упорядоченном городе упорядоченного государства, ежедневно совершается 300 краж и ограблений, а во всей Германии их тысячи. Что сказали бы немцы, если бы в Германию вступили иностранные войска для того, чтобы обеспечить порядок и безопасность в стране и неприкосновенность собственности жителей? А в Финляндию вводятся немецкие войска якобы только потому, что красное правительство не навело порядок в мгновение ока. Германская интервенция, предупредил Давид, вызовет ненависть трудового народа Финляндии к Германии¹⁴⁹.

Все это сказано неплохо, и, рассуждая последовательно, Давид, казалось бы, должен был закончить требованием: руки прочь от Финляндии! Ничуть не бывало. Дальше следовала вторая часть речи — клевета и такие предложения, какие, в сущности, не противоречили интересам империалистов. Чтобы очернить революционную Финляндию, Давид ставит ее на одну доску с белофиннами и утверждает, что оба правительства в Финляндии

¹⁴⁸ «Vossische Zeitung», 5.III 1918, № 117.

¹⁴⁹ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 4438—4440.

ведут лживую кампанию в прессе. В отношении белофинского правительства это было верно, но в отношении революционного правительства утверждение Давида являлось клеветой, по существу — частью той лживой кампании против революционной Финляндии, которую вела вся буржуазная пресса. Это выступление было не такого рода, чтобы вызвать у рабочих и солдат симпатии к финляндской революции и побудить их к действиям в духе пролетарского интернационализма ¹⁵⁰.

Далее в этом же выступлении Давид заявил, что если уж Германия вмешивается (а против этого вмешательства — ни слова!), то следовало бы выслушать и другую сторону, «а не пускать в дело штыки без дальнейших разговоров». «Итак, — витийствовал Давид, — пусть сделают попытку склонить и другое правительство к принятию этого мирного договора. Другое правительство, я убежден (!), тоже встанет на почву заключенного договора». Достигнув этого, можно будет потребовать вывода русских войск. (К этому времени их там уже не было.) Задача Германии заключалась, по словам Давида, в мирном урегулировании спора между сторонами ¹⁵¹.

Империалистическая Германия должна была, по мнению этого социалиста, вмешаться в справедливую, революционную войну, которую вел рабочий класс Финляндии и надеялся довести до победы, — и «мирно урегулировать» спор, не дать красным победить, навязать и им кабальный договор, который даже финляндская буржуазия подписала только потому, что находилась в отчаянном положении. Зависимость от Германии — тот общий знаменатель, к которому, по мнению Давида, надлежало привести и белых, и красных — всю Финляндию. Не то же ли самое предлагал заместитель статс-секретаря по иностранным делам фон дем Буше? Своей интервенцией Германия, собственно, это и сделала — распространила договоры, заключенные белофиннами, на всю Финляндию; естественно, что этого нельзя было сделать без подавления революции.

Сам Шейдеман при решении вопросов о договорах с Финляндией и интервенции предпочитал говорить поменьше. 19 марта он, разыгрывая неосведомленного, сослался на то, что он-де не располагает достаточными данными для политического обсуждения этого важного вопроса ¹⁵². Член правительства, лидер парламент-

¹⁵⁰ Только позже, когда финляндская революция была уже подавлена, Давид раскрыл ее классовый смысл: «Мы, — заявил он в рейхстаге 24 июня 1918 г., — оказали там поддержку во внутриполитической борьбе имущим классам — помещикам, капиталистам и т. д. против большей части рабочих, мелких арендаторов и других сельскохозяйственных пролетариев. Затем после подавления социал-демократических вооруженных сил под защитой немецких войск был устроен кровавый суд мести над пленными противниками» («Verhandlungen des Reichstags», Bd. 313, S. 5619).

¹⁵¹ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 4438—4440.

¹⁵² «Правда», 8.III (23.II) 1918.

ской фракции, несомненно находившийся в курсе всего, что касалось этих вопросов, притворился неосведомленным в момент, когда совершалось предательство интересов рабочего класса. Это был жульнический прием с целью избежать ответственности. А 22 марта, когда нужно было выразить мнение социал-демократической фракции о договоре с Финляндией, Шейдеман лаконично заявил, что фракция его одобряет¹⁵³. Позже в своих двухтомных мемуарах Шейдеман ни о финляндской революции, ни об отношении его партии к ней не упомянул ни словом, хотя уделил место в некоторых случаях даже описанию кушаний, которые ел в том или другом месте.

Социал-демократ Фридлендер де Роберт Брейер, ставший впоследствии, при правительстве Шейдемана, руководителем министерства печати, хоть откровенно признал экспансионистские цели Германии. 21 марта 1918 г. он писал под псевдонимом «Германикус» в «Вельтбюне»: «Через завесу «права на самоопределение народов» мы можем ясно видеть, как удовлетворяется стремление Германии к расширению на Востоке. Зачем фразы? Происходит необходимое. Финляндия, Аландские острова, Рига, приславшая герцогскую корону на сохранение в Берлин, и зависимые от Германии Лифляндия, Эстляндия и Литва, до самой Одессы: положение ясно...»

Лидеры независимых при обсуждении договоров с белой Финляндией и вопроса об интервенции занимали более левую позицию, чем шейдемановцы, и прямо выступали против интервенции, но кончали обычно ложкой дегтя.

Так, Ледебур, выступая в рейхстаге 19 марта, сказал, что именно революционное правительство Финляндии является законным, потому что правительство Керенского противозаконным актом распустило сейм, где большинство составляли социалисты, незаконно объявило выборы в новый сейм, а буржуазное большинство этого незаконно избранного сейма образовало правительство. «Если, таким образом, исходить из права, как это делаете вы, — сказал Ледебур, обращаясь к буржуазным депутатам рейхстага, — то именно красное правительство является законным. Вы вмешались во внутренние дела Финляндии, оказав поддержку незаконному белому правительству против законного красного... Интервенция (имеется в виду высадка на Аландах. — В. Х.) была предпринята потому, что германское правительство чувствовало потребность выступить против социалистического правительства. Это является выступлением реакции против социализма, за капитализм. Осуществляя свою интервенцию в Финляндии, германское правительство действует как неприкрытый орган капитализма в классовой борьбе против социализма. Как

¹⁵³ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 4536.

могут социалисты оказывать в какой-либо форме поддержку такому правительству — мне, право, совершенно непонятно»¹⁵⁴.

Другой лидер независимых социалистов, Гаазе, выступая в рейхстаге 22 марта, тоже сказал немало правильных слов. «Мирный договор с Финляндией,— сказал он,— это чисто притворный маневр, так как заключение договора с государством, с которым не находится в состоянии войны, противоречит всякой логике. Кроме того, договор заключен с людьми, не представляющими никакого правительства, ибо правительство может опираться только на фактическую силу, а люди, которые заключают здесь договор, не имеют за собой органов власти, обладающих действительной властью. Власть в Финляндии фактически имеют социалисты, которые составляют большинство народа. Игнорируя этот факт, оказывают помощь одной части населения в Финляндии против другой и тем самым нарушают принцип невмешательства во внутренние дела». «Весь мирный договор является лишь предлогом для интервенции в Финляндии. Злоупотреблением самого худшего рода является то, что солдаты, которых здесь набрали, чтобы вести войну против враждебных держав, используются теперь в стране, которая не ведет с нами никакой войны, используются против партии, которая никогда не замышляла против нас враждебных действий, против партии, которая первой провозгласила самостоятельность, против профсоюзов и социал-демократов Финляндии, чтобы растоптать их». «Есть еще время воздержаться от этого. Если же мы станем на сторону белой гвардии и поможет ей одержать победу, то в Финляндии большинство населения надолго проникнется ненавистью к Германии»¹⁵⁵.

Положительной стороной этих выступлений было раскрытие классового характера событий в Финляндии и возражение против интервенции, как ни далек от марксизма такой довод, как ссылка на нецелесообразность отправки туда войск, предназначенных для действий против воюющих с Германией стран. Но и лидера независимых социалистов отличало то же «достоинство», что и щедринского либерала: «Никогда и ничего он не требовал, наступая на горло, а всегда только по возможности», а «если нельзя по возможности, так хоть что-нибудь». По поводу контакта германских военных властей на Аландских островах с тремя представителями социал-демократической партии Финляндии Гаазе сказал: «Мы можем лишь настоятельно просить, чтобы эти переговоры велись честно, а не в таком духе, чтобы подавлять большую партию, обладающую в настоящее время властью, в угоду классам, имеющим привилегии»¹⁵⁶. Этому сладенькому пожеланию была грош цена. Как будто германские империа-

¹⁵⁴ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 311, S. 4482, 4483.

¹⁵⁵ Ibid., S. 4543, 4544.

¹⁵⁶ Ibid., S. 4553.

листы могли действовать не в интересах привилегированных классов!

Закончил же Гаазе, как щедринский либерал, — «применительно к подлости». Красные войска подчинены теперь строгой дисциплине, сказал Гаазе; «последние недели вы уже не читаете в газетах о зверствах в Финляндии»¹⁵⁷. Выходило, будто зверства в Финляндии совершали именно красные, и только они: стоило им укрепить дисциплину — и зверства прекратились! И это говорилось, несмотря на то, что зверства в Финляндии совершали белые (пока помогать им не прибыли и немцы).

Во время обсуждения финляндского вопроса в Берлине находились Свинхувуд и сенатор Я. Кастрен. Они опасались, что социал-демократы и особенно независимые социалисты создадут большие трудности в вопросе об интервенции. Но все оказалось проще. По словам биографа Свинхувуда Рййккёнена, Давид и Гаазе были против акции в Финляндии¹⁵⁸, но Свинхувуд без особого труда преодолел их сопротивление, скорее демонстративное, чем энергичное, обрисовав перед правительством и комитетом рейхстага ситуацию в Финляндии с белофинской точки зрения. От имени Финляндии Свинхувуд взял обязательство целиком возместить издержки интервенции. Операция, которую Германия проводила в собственных интересах, не должна была стоить ей ни пфеннига.

Фракция независимых социалистов все же внесла в комитете рейхстага проект предложения против вмешательства во внутренние дела Финляндии, против отправки туда войск или поставок оружия. Этот проект был, разумеется, отвергнут, и независимые не стали вносить его на обсуждение всего рейхстага, что позволило бы привлечь внимание публики к этому вопросу. Большевики не пренебрегли бы подобной возможностью использовать трибуну парламента. Но тут и не думали о действительно серьезной практической борьбе против разбойничьей интервенции. На общем заседании рейхстага, где были фракции двух «рабочих» партий, даже не фигурировало предложение против интервенции в Финляндии. Дальше некоторых «недовольных» высказываний дело не пошло. Договоры с белой Финляндией были приняты при нескольких воздержавшихся, но без замечаний. Впоследствии буржуазные деятели Финляндии тепло отзывались о германских социал-демократах. Так, депутат Кокко заявил в сессии 29 апреля 1919 г.: «Немецкие социалисты... не делали запросов в парламенте, не мешали тому, чтобы немцы помогли финнам против красной опасности...»¹⁵⁹ Убийственная похвала!

Вряд ли будет преувеличением сказать, что правая социал-демократическая пресса оказывала германским империалистам

¹⁵⁷ Ibidem.

¹⁵⁸ E. R ä i k k ö п е н. Op. cit., S. 196.

¹⁵⁹ «Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjat», I. Helsinki, 1920, s. 184.

еще большую услугу, чем их собственная. Именно социал-демократическая пресса воздействовала на рабочих. Эти газеты действовали не так грубо, как буржуазные. Они, например, говоря об Октябрьской революции или о революции в Финляндии, не выступали против пролетарской революции вообще — такую газету рабочих не стал бы читать. Социал-демократические газеты делали вид, что они признают законность пролетарской революции, да только-де и Октябрьская, и финляндская революция совсем не то. Даже теоретический журнал социал-демократов «*Нейе цейт*» утверждал, что строй в России и после Октябрьской революции не что иное, как... капитализм! ««Диктатура пролетариата», — писал журнал, ставя эти слова в иронические кавычки, — стала в России действительностью. Однако ликвидация классов, несмотря на все декреты, не осуществлена — и не может быть осуществлена, так как Россия, несмотря ни на какие провозглашения социалистической республикой, осталась, как и прежде, капиталистическим государством. Социалистическая Россия среди капиталистических государств Европы просто не может существовать»¹⁶⁰.

События в Финляндии, по словам социал-демократической прессы, тоже вовсе не являлись революцией. «О революции в Финляндии сейчас не может быть больше и речи», — писала «Гамбургер эхо» 16 февраля 1918 г., осылая на информацию из Стокгольма. Что же там происходит? «То, хуже чего нельзя и придумать», — отвечала газета, — убийства, поджоги, разбой, грабежи». Дальше намекалось на то, что действия финских рабочих якобы противоречат национальным интересам Финляндии: «Финские рабочие взяли на себя ужасную ответственность, поставив на карту только недавно достигнутую самостоятельность своей страны». И наконец, газета объявляла преступлением революцию — не всякую, а именно финляндскую: в условиях такой полнейшей демократии, какая существовала в Финляндии, «революция представляет собой бессмыслицу, преступление в отношении страны и народа и даже всей международной демократии». Даже Гаазе, характеризуя позицию этой газеты, заявил: «Останется неслыханным для всех времен, что газета, которая называется социал-демократической, «Гамбургер эхо», защищает белую гвардию против финляндских рабочих»¹⁶¹. Но и журнал «Глокке», издававшийся социалистом Парвусом, изображал финляндскую революцию в таких красках, что поверивший всему этому рабочий мог только желать ей поражения. Журнал же «Нейе цейт» финляндскую революцию вообще игнорировал: ни во время революции, ни в течение нескольких месяцев после нее он так и не упомянул о ней, хотя помещал статьи о таких ужасно

¹⁶⁰ «Die Neue Zeit», I. III 1918, S. 515.

¹⁶¹ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 313, S. 5668.

актуальных вопросах, как политические взгляды Гоббса, Аахенский конгресс Священного союза в 1818 г. и т. п., и, разумеется, обзоры театрального и оперного репертуара, рекламы книг о венерических болезнях и призывы подписываться на военный заем (подкрепленные цитатой из... Шиллера).

26 апреля, когда заканчивалась неравная борьба финских революционеров с белофиннами и германскими интервентами, главный орган социал-демократической партии «Форвертс» опубликовал одну из своих гнуснейших статей. Она была озаглавлена «Свободная Финляндия» (!). В ней говорилось: «В то время как будущая судьба русских лимитрофов еще неизвестна, Финляндия, которую с Россией связывала лишь личная уния, добилась полной свободы, гарантированной Германией (!). Как мы ни сожалеем, что должны были вмешаться во внутренний хаос в этой стране, вызванный в значительной части русской Красной гвардией, все же есть надежда, что в будущем Финляндия будет жить с нами в прочном мире и дружбе».

Дальше говорилось: «Когда в России будет осуществлено право народов на самоопределение, Финляндия получит значительное территориальное приращение. Великая Финляндия будет больше Германской империи, так же как теперешнее великое княжество больше Пруссии». Клевеща на Советскую Россию, где будто бы еще не было претворено в жизнь право народов на самоопределение, социал-демократический орган обещал буржуазной Финляндии приращение за счет социалистической России. Далее газета нарисовала лучезарное будущее для финляндской экономики, которая удостоится чести служить нуждам Германии. «В будущем финляндская экономика будет еще теснее смыкаться с германской. ...В возможной экономической войне в будущем со звездой северных стран Финляндия, находящаяся в тесном союзе с Германией, будет иметь немалое значение». И, наконец, покровительственным тоном газета обещала: «При поддержке Германии она (Финляндия.— В. Х.) станет культурным европейским государством». Что было бы, упаси боже, если бы империалистическая Германия отказала в такой великодушной поддержке? Ведь так и осталась бы несчастная Финляндия некультурной!

Отповедь газете «Форвертс» от имени финляндской социал-демократии дал Ю. Сирола в полной горечи и презрения статье. Каждую фразу статьи из «Форвертс» он разобрал и показал ее лживость. На весь мир, как пощечина германским социал-империалистам, прозвучали гневные слова: «Мы, финляндские социалисты, заявляем всему миру: нет такой гнусности, какую немецкие правительственные социалисты не могли бы совершить!.. Мы обвиняем вас перед всем миром»¹⁶².

¹⁶² O. V. Kuusinen, Y. Sirola. Suomen työväen tulikoe. Superior, Wis., 1923, s. 143—145; J. Elie. Op. cit., S. 103—106; «Klassekampen» (København), 26.VIII 1918.

О поражении финляндской революции и начале эры зверского белого террора социал-демократическая «Гамбургер эхо» с ликованием оповестила огромным заголовком: «Восстановление порядка в Финляндии»¹⁶³. А за четыре дня перед этим журнал «Нейе цейт» в номере от 3 мая 1918 г. в связи со столетием со дня рождения Маркса разразился статьей о Марксе. В те самые дни, когда солдаты фон дер Гольца, среди которых, по свидетельству самого генерала, было немало социал-демократов, после палаческих трудов отмывали с рук кровь финляндских революционеров,— теоретический орган социал-демократической партии, игнорировавший финляндскую революцию, которую Маркс с восторгом приветствовал бы, как и Парижскую коммуну, если бы был жив, орган партии, содействовавшей кровавому подавлению этой революции,— в длинной статье свидетельствовал свое уважение памяти Карла Маркса! Это был поистине венок от ренегатов.

Все лучшее, что было в международном рабочем движении, заклеимило предательскую роль германских социал-империалистов в отношении финляндской революции. Газета датской социалистической рабочей партии «Классекампен» писала 14 июня 1918 г.: «Финская буржуазия подавила своих рабочих с помощью германских рабочих! Позорный столб от земли до неба был бы недостаточен, чтобы измерить тот позор, который навлекли на себя немецкие и австрийские социал-демократы большинства тем, что в этот роковой для всего мирового пролетариата час не использовали крайние средства с целью не допустить того, чтобы немецкая армия и немецкие пушки на службе реакции сокрушали революционный русский и финский рабочий класс; а теперь они снова предоставляют этому правительству новые миллионы на продолжение империалистической войны».

Тем отраднее констатировать, что в то время как разбойничий германский империализм при содействии шейдемановцев готовил, а затем и осуществлял кровавую расправу над революционными рабочими Финляндии, в Германии были люди, которые держали знамя пролетарского интернационализма незапятнанным, которые были верными друзьями революционных рабочих Финляндии и понимали весь ужас и гнусность палаческой акции, совершаемой по приказу германских милитаристов в Финляндии, хоть и были бессильны этому помешать. Это были Либкнехт и его сторонники, издававшие «Письма Спартака».

Прямых высказываний спартаковцев об интервенции в Финляндии немного, что неудивительно, ибо эту интервенцию, решившую судьбу революции в небольшой Финляндии, затмили события мирового значения, происходившие в тот период.

¹⁶³ «Hamburger Echo», 7.V 1918.

Позиция Либкнехта и его сподвижников в отношении финляндской революции вытекала из их общих взглядов на задачи революционных марксистов. Задача революционных социал-демократов, учил Либкнехт, состоит в интернациональной классовой борьбе, в борьбе против империалистической войны. Действия социалистов отдельных стран должны быть подчинены интересам общего, международного революционного движения, «чтобы достичь наибольшей возможной мощи пролетариата как единого целого... Нужно всегда стремиться к максимальному достижимому взаимодействию в революционном смысле, всегда принимать во внимание и учитывать влияние политического положения не только в собственной стране, но и в других странах»¹⁶⁴. «Не война между государствами, а классовая борьба является средством пролетариата как во внешней, так и во внутренней политике; классовая борьба в отдельной стране и за границей — для внутренней политики, классовая борьба за границей и в собственной стране — для внешней политики»¹⁶⁵.

Следовательно, долгом революционных социал-демократов Германии была максимальная помощь классовой борьбе пролетариата в других странах, а значит — и помощь финляндской революции.

Либкнехт гневно клеймил правительственных социалистов за измену революции, за то, что они вместе с империалистами борются против революционного движения и внутри страны, и за ее пределами, заключают новый Священный союз «против революционных народов, для подавления русской революции и для того, чтобы растоптать Италию, в которой начался революционный подъем!»¹⁶⁶ Нет сомнения, что таким же преступлением считали Либкнехт и его сторонники и подавление финляндской революции.

Спартакосцы разоблачали всю смехотворность и дикость мысли о том, будто германский или какой-либо другой империализм может содействовать освобождению народов. «Ни одна угнетенная нация, — говорилось в резолюции группы «Спартак», — не может получить свою независимость и свободу в результате политики империалистического государства и в результате империалистической войны. Маленькие нации, правящие классы которых являются только содействующим придатком правящих классов великих держав, играют роль пешек на шахматной доске этих держав. Во время войны они, подобно рабочему классу, играют роль простого орудия, а после войны они будут принесены в жертву капиталистическим интересам»¹⁶⁷. Эти заявления помогали немецким рабочим понять истинную цену утверждений

¹⁶⁴ K. Liebknecht. Op. cit., S. 7, 8.

¹⁶⁵ Ibid., S. 53.

¹⁶⁶ Ibid., S. 10, 11.

¹⁶⁷ «Правда», I. IV (19. III) 1917.

буржуазной пропаганды, будто Германия помогает освободительной борьбе финляндского народа и других народов.

Либкнехт подчеркивал, что всякий союз с Германией, каковы бы ни были его формы, обрекает малые народы на вассальное подчинение, на эксплуатацию. «Союз,— писал Либкнехт,— является в настоящее время лишь наиболее утонченным методом подчинения»¹⁶⁸. Это положение удачно характеризует то отношение вассальной зависимости, в котором оказалась белая Финляндия в результате союза с Германией.

От спартаковцев не ускользнули намерения Германии в отношении Финляндии. Сообщение о прибытии в Васу 8 марта 1918 г. трех немецких офицеров, обучавших финских егерей, наводит Либкнехта на мысль, что это обучение велось еще до заключения мира с Россией (сведения об обучении в Германии финских егерей держались в секрете). В заметке «Немецкая фабрика революций» Либкнехт пишет, что финнов «заманивали в Германию на революционный сбор»¹⁶⁹ (слово «революционный» употреблено, конечно, иронически).

В отношении германской интервенции в Финляндии спартаковцы подчеркнули в первую очередь то, что старались затушевать шейдемановцы: ее классовый характер. Военная интервенция вообще, писал Либкнехт, «конечно, является классовой борьбой, классовой борьбой в форме войны, интернационализированной гражданской войной»¹⁷⁰. Ссылаясь на исторические примеры, Либкнехт отмечал, что эксплуататорские господствующие классы не раз вызывали иностранное вторжение, когда были сами не в силах справиться с «внутренним врагом» — трудящимися массами. Совершенно так же поступила и буржуазия Финляндии. «Сегодня мы видим, как на Украине, в Финляндии, в Прибалтике желание царской интервенции обывается в виде буржуазной интервенции; имущие классы, ни минуты не колеблясь, прибегли к мечу внешнего врага... против пролетариата собственной страны. Интернационал «порядка» стал сегодня действительностью»¹⁷¹.

Как только стали заметны приготовления Германии к интервенции в Финляндии, «Союз Спартака» выпустил в марте 1918 г. гневную листовку, в которой говорилось: «Маски спали. После месяцев болтовни о мирных соглашениях без аннексий и контрибуций, о праве народов на самоопределение, германский империализм представился теперь миру в своей полной звериной наготе... У российской революции отняты области, превосходящие по своей величине всю Германию... Германские войска вступают и в Финляндию. Германия высосет из всех этих стран все их хозяйственные соки, разорит их реквизициями и пре-

¹⁶⁸ K. Liebknecht. Op. cit., S. 57.

¹⁶⁹ Ibid., S. 94, 95.

¹⁷⁰ Ibid., S. 83, 84.

¹⁷¹ Ibidem.

вратит их впоследствии в германские буферные государства и в подданных германского милитаризма, и все это будет происходить под флагом благодарности этих стран за германское «освобождение» от России... Во всех этих странах при помощи германских штыков наводится «порядок», прусский порядок! ...В Финляндию направлены германские полчища для того, чтобы свергнуть победоносное правительство социал-демократического пролетариата и чтобы помочь реакционному буржуазному правительству, которое должно будет блюсти эту колонию «германской культуры»...»¹⁷².

Либкнехт указывал, что германская интервенция направлена и против революционной России. По мнению прусско-немецкой реакции, революционная Россия «угрожает внутривосточной и социальной позиции господствующих классов германского государства» — и именно в этом, указывал Либкнехт, нужно искать смысл операций немцев на Востоке¹⁷³.

Спартакосцы опровергали измышления империалистов, будто одной из причин германской интервенции в Финляндии является несоблюдение Брест-Литовского договора Россией. Они указывали, что после заключения Брест-Литовского мира в действительности мира «не было ни минуты», война продолжалась непрерывно, только она приняла особую форму — велась одной стороной, Германией¹⁷⁴.

Из сказанного ясно, что спартакосцы старались раскрыть немецким трудящимся глаза на истинный смысл интервенции в Финляндии и помешать этой интервенции, но предотвратить ее они были не в силах.

Рабочий класс Германии не выполнил свой интернациональный долг в отношении своих финляндских братьев по классу. Он не предотвратил интервенции германского империализма в защиту финляндской реакции, интервенции, в которой в качестве солдат принимали участие и немецкие рабочие и социал-демократы. Со стороны немецкого рабочего класса это было предательством по отношению к рабочему классу Финляндии. Но то, что рабочий класс Германии содействовал трагическому поражению финляндской революции, явившись орудием в руках ее палачей, было и его собственной трагедией. Он действовал вопреки собственным интересам, к радости классовых врагов пролетариата — немецкой и финляндской буржуазии, по воле которой проливалась кровь и немецких, и финляндских рабочих. Главная ответственность за это падает на правых и центристских социал-демократических вождей, предавших дело рабочего класса и искусными софизмами оправдывавших это предательство. Ленин писал:

¹⁷² Р. Мюллер. Мировая война и германская революция, т. I. М., 1924, стр. 242, 243.

¹⁷³ K. Liebknecht. Op. cit., S. 13.

¹⁷⁴ Ibidem.

об этом в своей работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский»: «Когда пролетарии Европы обвиняют в измене,— пишет Каутский,— то это обвинение против неизвестных.

Ошибаетесь, господин Каутский! Посмотрите в зеркало, и вы увидите тех «неизвестных», против коих это обвинение направлено. ... Обвинение это выставляли и выставляли немецкие «левые», спартаковцы, Либкнехт и его друзья. Обвинение это выражает *ясное сознание* того, что немецкий пролетариат совершал предательство русской (и международной) революции, когда душил Финляндию, Украину, Латвию, Эстляндию. Обвинение это направляется прежде всего и больше всего не против *массы*, которая всегда забита, а против тех *вождей*, которые, подобно Шейдеманам и Каутским, *не исполняли* своего долга революционной агитации, революционной пропаганды, революционной работы в массах против их косности, которые действовали фактически *наперерез* революционным инстинктам и стремлениям, всегда тлеющим в глубине массы угнетенного класса»¹⁷⁵.

Однако лучшая часть немецкой социал-демократии и немецкого пролетариата осуждала империалистическую политику, одним из проявлений которой была интервенция в Финляндии. Пока рабочий класс не мог выступить всей или почти всей своей массой, он не мог опрокинуть систему, которая при помощи хитрости и обмана, насилия и жестокости использовала его в империалистических целях. Но имеющиеся данные, хотя и очень скудные, не оставляют сомнения, что воззвания спартаковцев и обращения по радио революционного правительства Финляндии к немецким солдатам падали не на бесплодную почву: среди части немецких солдат имели место выступления против интервенции в Финляндии. «Некоторые товарищи рассказывали,— писал Сирола,— что в Германии проводились — и, кажется, отчасти успешно,— активные мероприятия, чтобы помешать отправке войск в Финляндию». Сирола, например, слышал, что «какой-то солдат отказался ехать в Финляндию»¹⁷⁶. Нет сомнения, что этот неизвестный товарищ был настоящим интернационалистом, симпатизировавшим революции в Финляндии. Сирола пишет, что упомянутого солдата «в наказание отправили на передовую».

Выступления против подавления финляндской революции имели место и среди немецких матросов, прибывших в Финляндию. После взятия немцами Гельсингфорса, 16 апреля, «матросами «Гобеля» и «Вестфалии» был устроен митинг на одном из островов близ Свеаборга. На митинг собралось довольно значительное количество матросов. На нем произносились речи, в которых призывалось к удалению командного состава и свержению правительства. Особенно оппозиционные речи были со стороны матро-

¹⁷⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 302, 303.

¹⁷⁶ «Suomen luokkasota», s. 57.

сов «Вестфалии». О митинге на Зеленом острове было донесено германскому командованию, которое окружило остров верными ему судами и вызвало сухопутные войска. На следующий день военно-полевой суд приговорил 46 участников митинга к расстрелу»¹⁷⁷. Финляндская земля была обагрена кровью и немецких революционеров. Неуклонно, хотя и медленно, проникали революционные идеи в массу тех самых немецких солдат, которые дали себя использовать в качестве палачей революции.

Так зрели субъективные предпосылки для революции и в Германии. Они созрели, когда германский империализм уже сделал свое палаческое дело; но красная Финляндия, погибая, как бы передала революционную эстафету немецкому рабочему классу.

ВЫСАДКА НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В ФИНЛЯНДИИ И ПОДАВЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Вмешательство регулярных немецких вооруженных сил действительно решило исход гражданской войны в пользу белых.

*Обращение ЦК Компартии Финляндии
«40 лет рабочей революции в Финляндии»*

Еще до высадки немецких войск в Финляндии и немцы, и белофинны постарались максимально использовать предстоящее прибытие германских вооруженных сил для внесения замешательства и паники в ряды красных и для ободрения белофиннов и буржуазии, находившейся в тылу у красных. Был сделан ряд заявлений и выпущен ряд листовок, содержащих «предупреждения» и угрозы по адресу финляндских революционеров и старающихся внушить им, что теперь их дело безнадежно. Еще в феврале, как только стало известно об обещании немцев прислать войска в Финляндию, Маннергейм поспешил использовать эту весть в своем воззвании к шюцкорам финляндской Карелии, чтобы ободрить их. В начале марта немецкие самолеты разбросали над Финляндией обращение «К народу Финляндии», датированное 1 марта и отпечатанное в 130 тыс. экземпляров (30 тыс. экз. на немецком языке и по 50 тыс. экз. на финском и шведском). В нем говорилось: «Вы зовете нас в час нужды. Мы идем, друзья, чтобы помочь вам в вашей борьбе против банд убийц, которые уничтожают порядок, закон и свободу в вашей стране. Нас побуждает к этому голос человеколюбия (!). Мы идем не как завоеватели и не хотим присвоить ни одной пяди вашего дорогого отечества, мы идем и не для того, чтобы вмешиваться в ваши внутренние партийные споры»¹⁷⁸. Под такой маской немцы начинали интервенцию, о целях которой говорилось выше. Кроме

¹⁷⁷ «Правда», 15.IV 1918.

¹⁷⁸ «Finnlands frihetskrig...». Del VII, s. 37.

того, над территорией революционной Финляндии немцы разбросали листовку, в которой, между прочим, говорилось: «В согласии с финляндским правительством я, главнокомандующий прибывающими немецкими войсками, предостерегаю всех и каждого в Финляндии от совершения насилий, грабежей, разбоя, убийств и саботажа или от применения того или иного вида принуждения в отношении населения и особенно пленных белогвардейцев. Подобные преступления будут строго наказываться»¹⁷⁹. В первой декаде марта белофинское правительство сделало заявление о предстоящем прибытии немецких войск; в нем было сказано: «Главномкомандующий войсками Финляндской республики информировал финляндское правительство, что мы, после того, как нас снабдили оружием, могли бы собственными силами довести борьбу до успешного конца, но многочисленные жестокости, совершаемые в южной Финляндии, недостаток продовольствия у населения и ежедневное прибытие крупных отрядов большевиков побудили правительство ради благополучия страны принять руку помощи могущественного друга»¹⁸⁰. 14 марта Маннергейм обратился с воззванием к Красной гвардии; в нем он старался внушить красногвардейцам страх перед немцами, утверждая, что немцы «побеждали везде». После высадки немцев Маннергейм выпустил воззвание, в котором говорилось, что теперь (т. е. после прибытия немецких войск) поражение Красной гвардии неизбежно. Воззвание заканчивалось угрозой сурово покарать тех, кто будет продолжать борьбу¹⁸¹. Насчет расправы он не обманул.

Утром 3 апреля 1918 г. германская эскадра, вышедшая 1 апреля из Данцига и насчитывавшая более 50 судов, в том числе 2 линкора, 3 крейсера, 10 больших океанских пароходов, ряд транспортных судов, минных тральщиков и торпедных катеров, появилась на рейде Гангё (Ханко), и Балтийская дивизия начала высадку. Немцы высадили в Гангё следующие силы: гвардейскую кавалерийскую бригаду, состоявшую из двух гвардейских уланских полков и одного полка карабинеров (эти части, считавшиеся кавалерийскими, действовали в качестве пехоты); резервную пехотную бригаду, состоявшую из 3 егерских батальонов; эскадрон кирасир; две батареи 100-мм орудий и одну батарею 150-мм орудий; два пулеметных взвода; саперную роту; разные специальные подразделения: войска связи, автомобильные части, санитарные отряды и даже группу кинооператоров. На вооружении Балтийской дивизии было 18 орудий, 10 минометов и 165 пулеметов¹⁸².

¹⁷⁹ «Finlands frihetskrig...». Del VII, s. 37.

¹⁸⁰ «FRUS, 1918, Russia», vol. II, p. 778.

¹⁸¹ H. Söderhjelm. Der rote Aufruhr in Finnland im Jahre 1918, Leipzig, 1918, S. 168.

¹⁸² «Finlands frihetskrig...». Del VII, s. 9, 10. H. Ignatius, K. Soikkeli. La guerre d'indépendance en Finlande en 1918. Helsingfors, 1925, p. 158.

В немецкой и белофинской литературе высадка немецких войск в Гангё преподносится как омая операция, сопряженная с риском. Это чистейший вздор. Высадка немцев являлась для Красной гвардии неожиданностью, и находившийся в этом городке небольшой отряд Красной гвардии не мог и думать оказать эффективное сопротивление такой массе вооруженных до зубов немецких войск, находившихся под защитой орудий линкоров и крейсеров, которые в несколько часов могли бы сравнять город с землей.

Но это были только главные силы. 6 и 11 апреля близ Ловизы был высажен доставленный из Ревеля на двух ледоколах и двух пароходах отряд Бранденштейна, состоявший из пехотного полка, велосипедного батальона, половины эскадрона гусар, артиллерийских батарей и специальных родов войск; общая численность отряда составляла около 3 тыс. человек. Отряд Бранденштейна должен был перерезать железную дорогу Рихимяки — Выборг, чтобы отрезать красных от Выборга и от России и лишить их возможности перебрасывать подкрепления к Гельсингфорсу. Кроме того, в Финляндию потом был переброшен с Аландских островов немецкий егерский батальон. Общая численность высаженных в Финляндии немецких войск составляла около 15 тыс. человек¹⁸³.

¹⁸³ Данные по этому вопросу расходятся. Фон дер Гольц писал, что Балтийская дивизия едва насчитывала 12 тыс. человек (R. von der Goltz. *Meine Sendung in Finnland und im Baltikum*. Leipzig, 1920, S. 47). В финском переводе этой книги указывается цифра 15 тыс. (R. von der Goltz. *Toimintani Suomessa ja Baltian maissa*. Porvoo, 1920, s. 74). В приложении к VII тому «Освободительной войны в изображении участников» указывается численность людского состава всех подразделений Балтийской дивизии. Итоговые данные таковы. На 27 марта в штате Балтийской дивизии числилось 368 офицеров и 9097 рядовых, в том числе строевых 235 офицеров и 6774 рядовых. На 21 апреля в той же дивизии (к этому времени в нее вошел переброшенный 10 апреля с Аландских островов егерский батальон) числилось 387 офицеров и 9582 рядовых, в том числе строевых 244 офицера и 7088 рядовых. Кроме того, в отряде Бранденштейна на 21 апреля состояло 111 офицеров и 2923 рядовых, из них строевых 76 офицеров и 2074 рядовых («*Finnlands frihetskrig...*». Del VII, bilaga 3 och 4, s. XI—XII). По данным германского официального издания, высадившаяся вместе с фон дер Гольцем дивизия насчитывала около 10 тыс. человек, а после высадки отряда полковника Бранденштейна численность немецких войск в Финляндии составляла около 13 тыс. человек («*Der Weltkrieg 1914—1918*». Bearbeitet und herausgegeben von der kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres. Bd. 13. Berlin, 1942, S. 371, 373). Маннергейм, стараясь преуменьшить помощь, оказанную интервентами, указывал лишь боевой состав, да и то с округлением в сторону уменьшения. Он писал, что в Гангё высадились 7 тыс. человек, а в Ловизе — 2 тыс. («*Les mémoires du maréchal Mannerheim. 1882—1946*» [Paris], Hachette, 1952, p. 96, 97). В финской буржуазной литературе численность высадившейся в Гангё Балтийской дивизии оценивалась то в 9 тыс. (H. Ignatius, K. Soikkeli. *Op. cit.*, p. 158), то в 10 тыс. (*ibid.*, p. 160), то в 12 тыс. (A. Cederberg. *Op. cit.*, s. 177). Свечников считал, что в Гангё высадились 18 тыс., а в Ловизе — 2 тыс. (М. С. Свечников. *Революция и гражданская война в Финляндии*. М., 1923, стр. 95). Иногда приводились и значительно более высокие оценки численности не-

Во главе этой карательной экспедиции стоял генерал фон дер Гольц, реакционер и аннекционист до мозга костей, заклятый враг рабочего движения и особенно коммунизма, впоследствии с воодушевлением приветствовавший приход Гитлера к власти, методы и планы которого он, впрочем, отчасти предвосхищал. «Я не остановился бы ни перед какими средствами, чтобы прийти к власти»¹⁸⁴, — заявил он на одном офицерском собрании в 1924 г. Действительно, генерал был неразборчив в средствах — как в борьбе против красных в Финляндии, так и в своей деятельности на родине. Позже стала известна одна его тайна... не совсем военная: как сообщила «Форвертс» 16 февраля 1926 г., он занимался грязными финансовыми операциями, дававшими ему ежегодный доход в десятки тысяч марок. В этом свете напускаемый им на себя тон высоконравственного негодования, когда он говорит в своих мемуарах о революционном правительстве Финляндии, члены которого, в противоположность ему, были настолько бескорыстны, что потребовали снижения себе жалованья, звучит довольно забавно. «Многое, что я в 1920 г. еще не мог сказать открыто, — писал фон дер Гольц в 1936 г. — я смог откровенно высказать после прихода Гитлера к власти, в том числе и мои собственные последние планы...»¹⁸⁵ Таким образом, для подавления революции в Финляндии был направлен генерал, для идей и планов которого даже и кайзеровская, а затем веймарская Германия была недостаточно реакционна и только фашизм являлся наиболее благоприятной атмосферой. Более беспощадного врага революции вряд ли можно было и найти.

Высадка немецких войск в Финляндии не могла не оказать громадного влияния на дальнейший ход гражданской войны.

Во-первых, большое значение имело уже подкрепление, полученное белофиннами в результате высадки интервентов. В общей численности войск, противостоящих теперь Красной гвардии, немецкие регулярные войска составляли приблизительно пятую часть, однако их значение в боевых операциях было гораздо больше, чем их относительная численность. Это были регулярные, хорошо вооруженные и обученные войска, имеющие боевой опыт и квалифицированный командный состав. Их действия поддерживались военными кораблями и авиацией. Слабость военной подготовки красногвардейцев и почти полное

мецких войск в Финляндии: 25 тыс. (P. Notko. Katsauksia Suomen työtätekevään nuorisoon luokkataisteluliikkeen historiaan. I osa. Leningrad, 1935, s. 155). Позже, летом 1918 г., когда Германия собиралась начать военные действия против Советской России, в Финляндии было уже около 55 тыс. немецких войск (C. Maunard. The Murmansk Venture. London, p. 111; E. Ironside. Archangel 1918—1919. London, 1953, p. 17).

¹⁸⁴ «Vom Bürgerkrieg» (Wien), Ende Oktober 1924, H. 16, S. 30.

¹⁸⁵ R. von der Goltz. Als politischer General im Osten (Finnland und Baltikum) 1918—1919. Leipzig, 1936, S. 5, 6.

отсутствие у них квалифицированного командного состава нигде не проявлялись столь заметно, как в боях с вымуштрованными и опытными немецкими войсками. С момента своей высадки в Финляндии именно немецкие войска представляли для красногвардейцев главную опасность. И если все же в ряде случаев красногвардейцы не только удерживали свои позиции, но и приносили к отступлению эти войска, среди офицерского состава которых было немало светлостей, высочеств, графов и баронов, то это объяснялось замечательным мужеством красногвардейцев и самопожертвованием, характерным для людей, борющихся за правое дело.

Во-вторых, высадка немцев значительно ухудшила стратегическую обстановку для Красной гвардии и улучшила ее для белофиннов. Красная гвардия, и без того вынужденная держать фронт, тянувшийся через всю страну от Ботнического залива до Ладожского озера да еще на побережье, получила теперь в тылу опаснейшего врага. Отныне ей приходилось вести борьбу на два фронта, она оказалась между двух огней. Война в такой стратегической обстановке вызвала распыление сил Красной гвардии, тяжелые последствия чего сказались сразу же. Когда после оккупации немцами Аландских островов в Або прибыл отряд немецких лыжников в 200 человек, командование Красной гвардии, опасаясь высадки немцев, собрало в Або крупные силы за счет ослабления обороны Гельсингфорса и железной дороги, связывающей Гельсингфорс с Выборгом и Петроградом. Эта мера, правильная по идее, не только не достигла своей цели из-за того, что прибытие лыжников было просто диверсией и настоящую высадку немцы произвели в совсем других, неожиданных для красных войск местах, но дала некоторым образом прямо противоположные результаты, так как отвлечение сил от Таммерфорса и Гельсингфорса помогло белофиннам взять первый, а немцам второй. Из-за отсутствия стратегических резервов командование Красной гвардии не имело возможности усилить какие-либо участки фронта, не ослабляя одновременно других, что в условиях обороны от превосходящего противника было чревато особо тяжелыми последствиями.

В-третьих, резкое ухудшение военного положения и перспектив борьбы в связи с прибытием немецких войск произвело удручающее впечатление на значительную часть красногвардейцев; оборона и отступление, которые являлись теперь главным видом боевых действий Красной гвардии, не могли способствовать поднятию ее боевого духа. Среди наименее устойчивых элементов появились настроения пессимизма, безнадежности, обреченности, «немцебоязни». Однако вскоре немцебоязнь была преодолена. После первых же столкновений с интервентами красногвардейцы убедились, что немцы не так уж непобедимы, что их удастся и задержать, и даже оттеснить. В Красной гвардии

вошла в употребление поговорка: «Пуля убивает и немца». В боях против немцев красные проявляли подчас даже большее ожесточение, чем против белых. Один красный командир сказал: «Факт, что там, где против немцев оказываются даже самые плохие части, — они все равно дерутся как бешеные»¹⁸⁶. В общем Красная гвардия, несмотря на неблагоприятное для нее соотношение сил, не пала духом и продолжала борьбу с мужеством, удивлявшим даже ее врагов. Сенатор Талас писал, что красногвардейцы «не проявляли трусости» и «много раз обнаруживали храбрость, почти граничившую с безрассудством»¹⁸⁷. Недаром газета «Сосналисти» (Або) в связи с началом германской интервенции заверяла: «Мир может быть уверен, что мы, как спартанцы, сможем защищать эту свободу, если понадобится, до последней капли крови. Все на фронт!»¹⁸⁸

Но одновременно звучали и совсем иные призывы: с прибытием германских войск подняли голову капитулянтские, пораженческие элементы, имевшиеся и в руководстве социал-демократической партии. Это были правые лидеры вроде Таннера, державшиеся в стороне от революции и лишь болезненно реагирующие на все неприятности, причиняемые ею буржуазии. Они неоднократно предлагали прекратить вооруженную борьбу и пойти на соглашение с буржуазией. И газеты красной Финляндии без комментариев публиковали такие предложения. Даже воззвание Свинхувуда «К гражданам Финляндии», призывавшее всех не подчиняться революционному правительству, было целиком напечатано в «Тюэмиес» 31 января.

Наряду с призывами еще больше напрячь силы для победы рабочий читатель подчас находил в своих газетах и статьи, порождавшие сомнения в успехе и целесообразности борьбы, и мудрствования насчет того, что хорошо бы сложить оружие и красным, и белым. Так, в Выборгской газете «Тюэ» была опубликована статья о желательности соглашения между красными и белыми, хотя автор не знал сам, каким образом такое соглашение может быть достигнуто. В «Тюэмиес» была опубликована статья, в которой предлагалось сторонникам мира и соглашения, принадлежащим к разным партиям, собраться и попытаться достичь примирения. Когда немцы высадились в Финляндии, но находились еще далеко от Гельсингфорса, правые лидеры — Таннер, Вуолийоки и другие — пытались склонить красногвардейцев отказаться от «напрасного сопротивления» и сдать Гельсингфорс шюцкоровцам, которые скрывались в погребах. Рабочие с негодованием отвергли это предложение¹⁸⁹. 8 апреля главный редактор «Тюэмиес» Валпас опубликовал

¹⁸⁶ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918. Porvoo — Helsinki, 1957, s. 223.

¹⁸⁷ O. Talas. Muistelmia. Porvoo — Helsinki, 1960, s. 72.

¹⁸⁸ «Sosialisti», 13.III 1918.

¹⁸⁹ «Kommunisti», 1955, № 2, s. 181.

свой проект соглашения между красными и белыми. 10 апреля в «Тюэмиес» была помещена статья «Сложить оружие!» за подписью «Нейтральный», в которой поддерживалось предложение о мире с белыми, изложенное в опубликованной ранее статье за подписью «О. К.». В тот же день в «Тюэмиес» появился проект соглашения, предложенный Таннером и его сторонниками. По этому проекту, Совет Народных Уполномоченных и главный штаб Красной гвардии — с одной стороны — и сенат и главный штаб белофиннов — с другой — должны были вступить в переговоры и договориться о прекращении военных действий. После этого все депутаты сейма должны были съехаться в Або и окончательно установить условия мира. В проекте перечислялись демократические свободы, которые должны были быть гарантированы. После заключения окончательного мира белые и красные должны были распустить свои армии и Совет Народных Уполномоченных и сенат должны прекратить свою работу. Сейм должен избрать временное правительство, назначить новые выборы и объявить себя распущенным. После новых выборов должен был собраться новый сейм и заняться упорядочением дел в стране¹⁹⁰.

Предложения правых о мирном соглашении с буржуазией принесли финляндской революции немалый вред. Они ослабили у красногвардейцев волю к борьбе, оказывали разлагающее действие на менее устойчивых и менее сознательных красногвардейцев, порождали у них нерешительность, сомнения в необходимости суровой борьбы и надежды на мир без существенных уступок буржуазии. Эти надежды были вредными, беспочвенными, несбыточными.

Сея иллюзии насчет мира и соглашения с буржуазией, правые не могли не знать, что их предложения несбыточны, ибо возможность соглашения была исключена и ввиду непримиримой позиции буржуазии. Финляндская буржуазия нигде и ни разу не выражала желания заключить мир с революционерами. Она могла пойти на любые уступки немецким империалистам, но на уступки своим революционным рабочим она идти не собиралась. Прибывшие к этому времени немецкие войска коренным образом изменили военную обстановку в пользу белых, и последние, считавшие теперь свою победу обеспеченной, меньше всего были склонны к компромиссам с красными. Удовлетворить белых могла только кровавая месть. И в такое-то время правые социал-демократические сирены запели о мире! Своими предложениями, сеявшими несбыточные иллюзии, морально демобилизовавшими красных, правые приносили вред революции и пользу буржуазии.

¹⁹⁰ V. Tanner. Kuinka se oikein tapahtui. Toinen painos. Helsinki, 1949, s. 270—272.

С момента высадки немецких войск борьба, которую вел революционный рабочий класс Финляндии, приобрела черты национально-освободительной борьбы, так как рабочие боролись против белофиннов и иностранных интервентов, которые стремились подавить революцию, чтобы поставить Финляндию в полную зависимость от кайзеровской Германии, что уже было обусловлено договорами, которые были заключены между белофиннами и Германией.

Немецкие войска должны были, согласно договоренности между Гинденбургом и Маннергеймом, с момента своей высадки подчиняться Маннергейму. Разумеется, о действительном подчинении немцев белофиннам не могло быть и речи. Было бы странно, если бы командующий германскими войсками в Финляндии, которые играли теперь решающую роль в войне, зависел от белофинского главнокомандующего, судьба которого зависела от прибытия немцев. Бранденштейн счел нужным установить связь с Маннергеймом только 20 апреля, а фон дер Гольц снизошел до этого лишь в конце апреля, т. е. в самом конце войны.

Не докладывая Маннергейму и не интересуясь его мнением, фон дер Гольц после высадки направился на Гельсингфорс, так как взятие столицы Финляндии имело для Германии гораздо большее политическое значение, чем наступление по линии Хювинге—Рихимяки, которое для белофиннов было бы важнее¹⁹¹. Один батальон под командованием Гамильтона фон дер Гольц направил несколько в сторону, к станции Карья. Этот батальон, натолкнувшись на энергичное сопротивление Красной гвардии, вынужден был отступить и просить помощи у основных сил. Фон дер Гольц направил ему на подмогу один батальон и артиллерийскую батарею, но и этого оказалось недостаточно, и туда была направлена еще пехотная бригада под командованием генерала Вольфа. В донесениях об этой операции немецкие офицеры указывали, что число красных, оборонявших станцию, составляло «по меньшей мере 3 тыс. человек». Белофинские историки увеличили эту цифру до 8 тыс. человек. В действительности эту станцию обороняли три роты красногвардейцев, располагавшие из артиллерии всего одним орудием с бронепоезда, так что общее число защитников станции не превышало 500 человек¹⁹². Такие дикие преувеличения, являющиеся в буржуазной литературе системой, служат своего рода отражением беспримерной храбрости финляндских красногвардейцев. Столь же бессовестно фальсифицирует буржуазная литература цифры потерь немцев и белофиннов, с одной стороны, и красногвардейцев, с другой. Не редкость встретить «сообщения» в духе барона

¹⁹¹ H. Ignatius, K. Soikkeli. Op. cit., p. 162.

¹⁹² «Luokkasodan muisto», s. 33—34.

Мюнхаузена о том, что немцы и белофинны уничтожали сотни красногвардейцев, сами не неся потерь.

Двигаясь на Гельсингфорс, немцы встречали все более сильное сопротивление. В частности, упорное сопротивление было оказано им у станции Карис. Красногвардейцы хорошо использовали три железнодорожные линии, сходящиеся к этой станции (по четвертой линии наступали немцы), для подвоза подкреплений из Гельсингфорса, Хювинге и Або. Упорные бои продолжались два дня. Немцы имели преимущество артиллерии, что в конце концов и решило исход сражения¹⁹³.

Что касается отряда Бранденштейна, то при своей высадке он, естественно, не встретил сильного сопротивления, так как она была неожиданностью для красных. Как только о ней стало известно, ему тоже было оказано энергичное противодействие. Батальон Шрадера, выступивший в направлении на город Котка, был отброшен 8 апреля с большими потерями; значительную часть небольшого отряда красных, обратившего в бегство немецкий батальон, составляли женщины¹⁹⁴.

Одновременно с боями основных сил немцев за Гельсингфорс Бранденштейн атаковал станцию Ньюбу (Уусикиюля) между Лахти и Коуволы, чтобы отрезать Гельсингфорс от Выборга и России. 13 апреля эта слабо защищенная станция была после боя занята одним батальоном немцев, но уже через день красногвардейцы выбили немцев со станции и отбросили к югу. Бранденштейн вынужден был бросить на отвоевание станций всю свою бригаду, насчитывающую около 3 тыс. человек, в то время как численность защитников станции составляла самое большее 700 человек. Вечером 15 апреля Бранденштейн, не будучи в состоянии снова занять станцию, несмотря на многократный перевес сил, так обрисовал положение фон дер Гольцу: «В настоящее время поступившие в бригаду сообщения заставляют считать положение крайне критическим. Сообщают, что крупные силы артиллерии и пехоты красных движутся к Лапптраяски и Артъярви, а также со стороны Каусала и Элимяки. Красные движутся также с севера. Полковник барон фон Бранденштейн видит себя вынужденным принять трудное решение. Один, во вражеской стране, окруженный численно во много раз превосходящими силами, он не мог допустить того, чтобы его отрезали от опорного пункта в Ловизе...»¹⁹⁵ Так приходилось оправдывать свое отступление интервентам, убедившимся,

¹⁹³ «Finlands frihetskrig...». Del VII, s. 18, 19; R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 37.

¹⁹⁴ «Luokkasodan muisto», s. 34; A. Stenman. Saksalaisten mukaantulo ylätti.—«Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 26; E. Rautee. Naiset kansalaissodassa.—«Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 30.

¹⁹⁵ «Luokkasodan muisto», s. 35.

что перед ними не «шайки бандитов», а Красная гвардия революционных рабочих и деревенской бедноты.

Как уже говорилось, Маннергейм хотел во чтобы то ни стало взять Таммерфорс до прибытия немцев, так как это имело бы большое политическое значение: это доказало бы, что и без немцев белофинны способны наносить красным решительные поражения и брать крупные города. Это намерение Маннергейма излагается в буржуазной литературе. «Главкомандующий... решил осуществить свой план наступления на Таммерфорс, составленный еще в феврале. К этому решению его толкнуло не столько растущее нервничанье в тылу, сколько скорое прибытие немцев. Командующий действительно считал необходимым для независимой Финляндии и для ее будущего, чтобы финский народ сам завоевал свою свободу (так пишет буржуазная литература о победе буржуазии в классовой войне.— В. Х.) и чтобы финны (т. е. белофинны.— В. Х.) достигли значительных успехов еще до прибытия немцев»¹⁹⁶.

Шведские офицеры считали наступление на пролетарский Таммерфорс настолько малообещающим, что предложили наступать лучше на Бьёрнеборг, если по каким-то другим мотивам, кроме военных, необходимо наступление¹⁹⁷. Но ничто другое Маннергейма не устраивало. Впоследствии он писал в своих воспоминаниях: «Для меня быстрое решение под Таммерфорсом было единственно приемлемым решением. Чтобы этого достигнуть, пришлось сконцентрировать все имеющиеся в моем распоряжении силы»¹⁹⁸.

Опасность, нависшая над Гельсингфорсом и другими городами южной Финляндии в связи с высадкой немцев, лишила красных возможности перебрасывать оттуда подкрепления к Таммерфорсу и позволила белофиннам перерезать железнодорожное сообщение между Гельсингфорсом и Таммерфорсом. (Раньше по этой дороге можно было оказать помощь защитникам Таммерфорса; например, рабочие столицы прислали изготовленный ими бронепоезд.) Между тем, в отличие от противника, имевшего все в изобилии, защитники Таммерфорса находились в очень тяжелом положении. 1 апреля они подсчитали, что патронов хватит только на пять дней боев, а снарядов — всего на два дня. Для белых это не было секретом: благодаря своим агентам они наладили подслушивание телефонных разговоров штаба Красной гвардии и были в курсе всех затруднений оборонявшихся. Вдобавок осажденные голодали: они получали хлеба 100—50 граммов на человека в день, мяса — 75 граммов в день, сыра — 200 граммов в неделю. Ни сахара, ни молока, ни овощей не было. Белые могли действовать наверняка.

¹⁹⁶ H. Ignatius, K. Soikkeli. Op. cit., p. 85—86.

¹⁹⁷ Ibid., p. 87.

¹⁹⁸ G. Mannerheim. Erinnerungen, S. 204.

ка. Максимально используя и моральный фактор, белофинны с самолетов сбросили над городом листовки, в которых говорилось, будто на Таммерфорс движется 30-тысячный отряд немецких войск. Защитники же Таммерфорса не могли ждать подкреплений.

Незадолго перед решающими боями за Таммерфорс, во второй половине марта, туда прилетали из Гельсингфорса Сирола и Куусинен. На созванном по инициативе Куусинена собрании командиров и представителей Красной гвардии 23 марта было избрано новое командование обороной города, так как прежнее было переброшено в другие места. Главнокомандующим обороной был выбран Хуго Салмела, его помощниками — В. Лехтимяки, Весула и К. Л. Куло.

Финская буржуазия, стараясь оправдать свое обращение за помощью к немцам, уверяла, будто она позвала немецкие войска для того, чтобы предотвратить разрушение городов и предприятий Финляндии. В действительности об этом белофинны меньше всего заботились. Они непрерывно в течение двух дней варварски обстреливали Таммерфорс из тяжелых орудий, сносивших целые кварталы, затем пошли на штурм. Однако горящий, окутанный дымом город не сдавался. Ожесточеннейшие бои шли за каждый дом; иногда борьба за дом длилась целый день. Красные ничего не оставляли без упорнейшего сопротивления. 4 апреля белые передали красному командованию следующее предложение: «Главнокомандующий войсками таммерфорского участка предлагает красному главнокомандующему сдать город. Командиры, русские, оружие и боеприпасы должны быть переданы войскам таммерфорского участка. Рядовым гарантируется свобода»¹⁹⁹. Ответом был категорический отказ. Красные не собирались выдавать своих командиров и русских добровольцев. Защитники города подсчитали свои ресурсы: патронов осталось по 8 штук на человека, а снарядов во всем городе только 30²⁰⁰. Рабочая газета «Кансан лехти» опубликовала призыв стрелять по врагу только с короткого расстояния, чтобы не было промаха. Два дня еще продолжался этот ад, когда на шквал орудийного, пулеметного и ружейного огня противника защитники города могли отвечать лишь редкими выстрелами. Пушки красных безмолвствовали. В тяжелую минуту рабочие увидели рядом с собой на линии огня своих боевых подруг — пролетарские женщины не могли оставаться безучастными, когда шел «последний, решительный бой», жены рабочих сражались бок о бок с мужьями. Буржуазной армии противостоял весь рабочий Таммерфорс. По воспоминаниям красногвардейцев, женщины проявляли иногда еще большее презрение к смерти,

¹⁹⁹ «Punakaarti rintamalla». Leningrad, 1929, s. 75.

²⁰⁰ «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 50.

чем мужчины. Так, во время боев в одном из пригородов Таммерфорса женщины под убийственным огнем с пением пошли в наступление, безнадежность которого была очевидна²⁰¹. Оборона Таммерфорса принадлежит к самым героическим страницам мирового рабочего движения.

6 апреля Таммерфорс пал — пал, в сущности, потому, что у защитников совершенно кончились боеприпасы — для борьбы не оставалось средств (Кристиненстад, между прочим, белые тоже взяли только после того, как у красных нечем стало защищаться).

Даже буржуазные авторы отмечали замечательный героизм защитников Таммерфорса. Не склонный к похвалам противнику Маннергейм признавал, что красные «дрались упорно» и проявляли «отчаянную волю к победе»²⁰². Игнатиус и Сойккелли пишут: «В некоторых домах сражались шаг за шагом от погреба до чердака. Наиболее солидными опорными пунктами были театр и городская ратуша. Последнюю, где находились также женские отряды и батальон смерти, защищали с ожесточением. Интенсивный пулеметный огонь, направленный в окна ратуши, не сломил сопротивления оборонявшихся, и только применение артиллерии, грозившее превратить все здание в руины, заставило красных сдать»²⁰³. «Рабочее население Таммерфорса, — пишет Шибергсон, — с самого начала присоединилось к восстанию»²⁰⁴.

Свою победу над этим-то рабочим населением Таммерфорса (к которым присоединилось и некоторое количество русских добровольцев) Маннергейм в своем приказе от 7 апреля изображал так: «Это сражение является самым крупным и самым кровопролитным, какое когда-либо происходило в Финляндии. Эта победа является также самой блестящей, какую одерживали финляндские войска. Эта победа является также победой всей мировой культуры над русскими большевиками и над их ниспровергающими мир и губительными для культуры учениями»²⁰⁵. Победа над рабочими Таммерфорса и их женами — какая это была действительно «блестящая» победа «во имя культуры»! Но белые дорого оплатили свою победу — в их частях потери составляли от половины до двух третей состава. От шведской «черной бригады» осталось немного. «Маннергейм, — пишет историк Нопанен, — спешил со взятием Таммерфорса, несмотря на недостаточную подготовку. Следствием было множество неудач и большие потери среди наступающих.

²⁰¹ «Punakaarti rintamalla», s. 32.

²⁰² G. Mannerheim. *Erinnerungen*, S. 206, 207.

²⁰³ H. Ignatius, K. Soikkeli. *Op. cit.*, p. 142.

²⁰⁴ M. G. Schybergson. *Op. cit.*, S. 462—463.

²⁰⁵ H. Ignatius. *Gustaf Mannerheim. Luonnekuva, puheet, sähkösanomat vapaustaistelun ajoilta*. Helsinki, 1918, s. 44.

Когда Таммерфорс был, наконец, взят 6 апреля, то понесенные людские потери думали затмить уничтожением бесчисленного числа взятых в плен красных». Из-за недостатка боеприпасов красные и так понесли разв в три большие потери, чем белые. Однако Маннергейму этого показалось недостаточно, и он прибеж к расстрелам. Германский посланник фон Брюк сообщал своему правительству, что Маннергейм «допустил в Таммерфорсе ненужное кровопролитие»²⁰⁶.

Взятие Таммерфорса было первым крупным успехом Маннергейма, да и тот он одержал благодаря немцам.

Финская буржуазная историография преувеличивала сверх всякой меры значение взятия Таммерфорса, чтобы выпатить успехи белофиннов и затушевать решающую роль германской интервенции. Договаривались даже до того, будто «взятие Таммерфорса фактически решило исход борьбы между красными и белыми»²⁰⁷, хотя на самом деле прибытие немцев решило и исход борьбы между красными и белыми вообще, и исход самой борьбы за Таммерфорс. В сочинениях финских буржуазных историков сначала говорится о взятии белыми Таммерфорса и только потом о высадке немцев, происшедшей на несколько дней раньше (иногда даже дату высадки немцев переносят на несколько дней позже, чтобы преуменьшить значение военных операций немцев для борьбы за Таммерфорс). Таким образом хотят создать впечатление, будто Таммерфорс был взят до прибытия немецких войск и последнее не оказало влияние на эту борьбу. В нефинской буржуазной литературе признается, что прибытие немцев помогло белым взять Таммерфорс²⁰⁸.

8 апреля в связи с приближением немцев к Гельсингфорсу революционное правительство переехало в Выборг. В этот день в последнем номере газеты «Тюэмиес» было опубликовано воззвание Главного Рабочего Совета, в котором, между прочим, выражалась несбывшаяся, к сожалению, надежда, что немецкие рабочие не позволят своему империалистическому правительству подавить финляндскую революцию. Главный Рабочий Совет призывал к упорной борьбе для защиты завоеваний революции и независимости страны. «Никогда еще эта скупая земля, Финляндия, не была нам так дорога, как теперь,—говорилось в воззвании.—Трудовой народ Финляндии раскорчевал эту землю, распахан поля, и он должен пользоваться плодами своего труда. Такова цель революции финских рабочих. На этой земле не должны господствовать шведско-немецкие капиталисты. Дела этой страны должно вершить большинство трудового народа

²⁰⁶ A. Nopanen. Carl Gustaf Emil Mannerheim vuoteen 1919 saakka. Lahti, 1963, s. 46—47.

²⁰⁷ H. Ignatius, K. Soikkeli. Op. cit., p. 154.

²⁰⁸ «Peace handbooks issued by the Historical Section of the Foreign Office, vol. VIII. Poland and Finland». London, 1920, p. 61.

Финляндии. Вперед на борьбу за отечество, каждый финский рабочий! Вперед, солдаты революции! Поражение означало бы гибель нашей страны и рабство для рабочего класса. Итак, к оружию, рабочие, вперед, на разорителей! Пусть каждый мужчина и каждая женщина выполняют свой долг, и тогда победа обеспечена. Не только победа вооруженного восстания финских рабочих, но и победа революционной борьбы пролетариата во всех странах. Да здравствует победоносная революция финского рабочего класса! Да здравствует международная революция!»²⁰⁹

11 апреля немецкие войска подошли к Гельсингфорсу, а на рейде стали германские военные корабли. В гельсингфорсской гавани было много русских боевых судов, которые не могли уйти в Россию из-за льда. Они обязаны были соблюдать нейтралитет уже в силу Брест-Литовского договора, да на них и оставались лишь небольшие команды. Но помимо того, с русскими морскими силами, находившимися в Гельсингфорсе, немцы заключили особый договор, согласно которому русские военные суда должны были сохранять нейтралитет, за что им была обещана возможность, когда позволят условия, уйти в Кронштадт.

Еще до начала штурма Гельсингфорса члены шведской миссии в Финляндии, имевшие телефонную связь с войсками фон дер Гольца, пытались, по свидетельству фон дер Гольца, убедить защитников Гельсингфорса сдаться. Парламентеры красных предложили перемирие. Фон дер Гольц потребовал капитуляции, предоставив для окончательного ответа три часа — срок, который нужен был ему самому для подготовки к штурму города. «Я требовал не безусловной капитуляции,— писал фон дер Гольц,— чтобы не побудить их к отчаянному сопротивлению, что для меня не могло быть желательным, но гарантировал им жизнь, не касаясь законного финляндского судопроизводства»²¹⁰. С его стороны это был хитрый и лицемерный ход: он старался внушить осажденным надежду, что в случае сдачи им гарантируется жизнь, но этому обещанию была грош цена, если сдавшиеся должны были рассматриваться не как военнопленные, а как подсудимые перед лицом «законного финляндского судопроизводства», т. е. перед классовым судом буржуазии, что было равносильно смерти или истязаниям. Лицемерно гарантируя сдавшимся жизнь, фон дер Гольц на самом деле гарантировал им жестокую расправу и смерть. Красногвардейцы это понимали и не собирались сдаваться. Когда парламентеры сообщили в Гельсингфорс об условиях фон дер Гольца, это было встречено негодованием. Красный Гельсингфорс не сдавался.

Немцы начали штурм города 11 апреля, но сопротивление было таким упорным, что в этот и в следующий день они почти

²⁰⁹ H. Söderhjelm. Op. cit., S. 169—171.

²¹⁰ R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 40.

не продвинулись, хотя наличие военных кораблей, обстреливавших город, позволило немцам высадить у южных укреплений отряд морской пехоты, так что осажденные подвергались атакам с фронта и с тыла. Когда интервенты оказались в черте города, началась ожесточенная борьба за каждый дом. Красногвардейцы мастерски использовали имевшиеся у них несколько бронев автомобилей, которые проходили по улицам и сеяли опустошение и смерть среди немецких солдат.

Значительную роль в обороне Гельсингфорса сыграли женщины. Один из участников борьбы рассказывает об этом: «Казалось, исход боя уже предрешен, бой уже стал затихать, со всех сторон наступали немцы, улицы заполнялись «освободителями», когда появились вооруженные женщины и молодые девушки. Сражающиеся женщины уже и раньше были в Красной гвардии, но теперь они появились во множестве. И их появление в Гельсингфорсе среди сражающихся красногвардейцев влило в последних бодрость и воодушевление. «Тюэмиес» в своем последнем номере еще писала с полной уверенностью, что красные амазонки могли бы еще оказать решающее влияние на исход борьбы. И женщины мужественно вышли и включились прямо в самый жаркий бой... Они одели свои лучшие платья, понимая, что это в последний раз в жизни»²¹¹. Они с ожесточением сражались, не испытывая никакого страха перед смертью, даже пренебрегая укрытиями. Занявшие табачную фабрику Бургстрёма 175 работниц в течение шести часов сдерживали наступление противника. Почти все они погибли²¹².

Возможно, именно героическую оборону Гельсингфорса или Таммерфорса имел перед глазами финский рабочий поэт Кэсси Каатра, когда он писал в своей «Легенде о красном знамени»

Дымилась кровью мостовая;
Ценой неслыханных смертей
Мужчин, и женщин, и детей
Держался город...

Немецким интервентам пришлось испытать на себе, какой героизм способен проявить трудовой народ, борющийся за свободу. Сам генерал фон дер Гольц, руководивший штурмом Гельсингфорса, писал об этом: «Происходили труднейшие уличные бои со стрелками на крышах, с вооруженными бешеными женщинами, с бронев автомобилями, вооруженными пулеметами»²¹³. Особенно долго шли бои в рабочем квартале столицы Серняйнен. Упорство и мужество красных поражали немецких офицеров, которые говорили: «Если бы у нас был такой челове-

²¹¹ J. Elief. Op. cit., S. 59.

²¹² «Punakaarti rintamalla», s. 33.

²¹³ R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 42.

ский материал!»²¹⁴ Красногвардейцы, пишет Шибергсон, были проникнуты энтузиазмом, порожденным ненавистью к буржуазному обществу²¹⁵.

А американский историк Смит смеет еще утверждать, будто красные отдали Гельсингфорс «почти без боя»²¹⁶.

Но интервенты не довольствовались преимуществами, какие давал им перевес в военной технике и военном искусстве командиров, во взаимодействии с флотом, они прибегли в ходе боев за Гельсингфорс к самым гнусным методам. В ряде мест они при наступлении гнали перед собой пленных красногвардейцев, прячась за их спинами. «Атакуя опорные пункты красных на улицах, немцы впереди своих наступающих войск гнали военнопленных»²¹⁷, — писала и «Таймс». Дьявольская изобретательность цивилизованных варваров этим не ограничивалась: чтобы пленные не легли под огнем, им особым образом привязывали доски к груди, плечам и рукам²¹⁸. В рядах интервентов был и Франц Байер, впоследствии заработавший степень доктора права за сочинение, в котором доказывал, что германская интервенция в Финляндии якобы от начала до конца строго соответствовала международному праву.

Белофинны, участвовавшие в штурме Гельсингфорса, взяв пример с интервентов, при наступлении гнали перед собой около 150 женщин и детей рабочих, заставляя их держать руки вверх или, если те уже были не в силах это делать, опускать их на время на голову. После того, как белые в течение пяти часов пользовались этим живым щитом, в нем осталось около 50 человек²¹⁹. Остальные пали на мосту, отделявшем центр города от рабочих кварталов. Конечно, и красные могли бы при желании найти предостаточно людей из буржуазных кругов, чтобы прикрываться ими при наступлении. Но им и в голову не приходило прибегать к таким варварским методам.

Несмотря на отчаянное сопротивление красных, 14 апреля Гельсингфорс был в руках контрреволюционеров. Задача, которую сами белофинны считали для себя непосильной, была выполнена немцами.

Когда кончился бой, из подвалов и других убежищ вылезли жаждавшие мести буржуа, шюцкоровцы, егеря, которые начали свою кровавую оргию мести. Никогда за всю свою историю столицы Финляндии не видела столько расстрелов. Это «разделение труда» между шюцкоровцами и немцами стало типичным для гражданской войны: обученные военному делу интервенты выполняли палаческую функцию в основном во время боя, шюцко-

²¹⁴ H. Ignatius, K. Soikkeli. Op. cit., p. 245.

²¹⁵ M. G. Schybergson. Op. cit., S. 445, 446.

²¹⁶ C. J. Smith. Op. cit., p. 68.

²¹⁷ «The Times», 14.VI 1918; «Luokkasodan muisto», s. 129.

²¹⁸ J. Eliel. Op. cit., S. 58.

²¹⁹ «Финляндская революция». М., 1920, стр. 98.

ровцы — в основном после боя. «Важнейшей практической работой, которую выполняли шюцкеры, была охрана и участие в арестах и обысках», — пишет буржуазный автор Ландтман. «В Або работа шюцкеров проходила примерно в тех же условиях, что и в Гельсингфорсе. Большая часть времени уделялась охране и полицейской службе, обыскам и арестам»²²⁰.

После взятия Гельсингфорса В. Таннер и В. Вуолийоки были вызваны в гостиницу Кямппи, где разместился немецкий штаб, и один из штабных офицеров предложил им написать воззвание к красногвардейцам с призывом сложить оружие. Распространить воззвание брались немцы. Таннер созвал собрание правых социал-демократов. В разгар собрания нагрянула белофинская полиция, прослышавшая о каком-то социал-демократическом сборище и вообразившая, что собрались революционеры. Но увидя, какая тут публика, полицейские принесли извинения и удалились. Собравшиеся состряпали заказанное немцами воззвание. 16 апреля германские самолеты разбросали над территорией красных пространное «заявление». Революция объявлялась в нем бессмысленной и преступной, а вооруженная борьба — ненужной. «Во всяком случае нужно немедленно сложить оружие, — требовали авторы воззвания. — Так нужно сделать как на тех фронтах, где еще идут бои, так и в тех местах, где борьба уже проиграна, но где отдельные безответственные лица еще оказывают безрассудное сопротивление и таким образом подвергают опасности жизнь и собственность всех мирных жителей. Уже достаточно пролито крови нашего рабочего класса и граждан, не нужно новых жертв и не нужно ставить рабочий класс в еще более тяжелое положение... Итак, сложим оружие и вернемся к методам борьбы западной социал-демократии, вернемся к конструктивной парламентской работе и к мирной организаторской деятельности»²²¹.

Под заявлением стояли следующие 25 подписей с указанием занимаемых или занимавшихся постов: А. Аалто, секретарь союза фабричных и неквалифицированных рабочих Финляндии; Э. Аарнио, редактор; Ю. Айлио, бывший сенатор; В. Хаккила, кандидат юридических наук; К. Хейнонен, бывший казначей социал-демократической партии; Л. аф Хёрлин, председатель правления рабочего сберегательного банка; В. Хупли, секретарь центрального союза потребительских кооперативных обществ; Р. Итконен, редактор газеты «Кулуттайин лехти»; Й. В. Кето, ответственный редактор газеты «Кулуттайин лехти»; В. Кивиниеми, депутат сейма; М. Лоужайнен, депутат сейма; А. Ф. Люлю, маляр, член правления рабочего сберегательного банка;

²²⁰ G. Landtman. *Finlands väg till oavhängighet*. Helsingfors, 1919, s. 329, 332.

²²¹ H. Ryömä. *Vallankumousvuoden tapahtumista*. Helsinki, 1918, s. 83.

М. Паасивуори, депутат сейма; А. Паасонен, депутат сейма; Э. Пеккала, редактор рабочей спортивной газеты; П. Раиттинен, директор торгового объединения «Кооперативная оптовая торговля Финляндии»; Х. Рюэмя, председатель административного совета кооперативного общества «Эланто»; Т. Салмио, председатель правления центрального союза потребительских кооперативных обществ; А. Сало, депутат сейма; К. В. Сакселл, канцелярский работник; Мийна Силланпяя, бывшая депутатка сейма; О. Суутала, депутат сейма, и. о. секретаря партии; В. Таннер, директор-распорядитель кооперативного объединения «Эланто», бывший депутат сейма; И. Виртанен, вице-председатель общества трезвости «Който»; В. Вуолийоки, председатель совета правления торгового объединения «Кооперативная оптовая торговля Финляндии»²²². В книге «Из истории Коммунистической партии Финляндии» они характеризуются так: «Большинство из них занимали хорошо оплачиваемые должности и успели либо полностью отойти от рабочих, либо с самого начала примкнули к рабочему движению, побуждаемые чисто деляческими соображениями... Осенью 1917 г. рабочие в различных районах страны, в частности на окружных собраниях социал-демократической партии в Пори и Выборге, единогласно потребовали исключения Вийнэ Таннера из социал-демократической партии... Что касается Вийнэ Вуолийоки, участвовавшего вместе с Таннером в интригах, которые плелись в штабе генерала фон дер Гольца, то в старом рабочем движении он был известен как истинный буржуа. Третьим «героем» 16 апреля является Каарло Хейнонен, более известный под именем «Каарловойна», которое он получил позднее, будучи уже знающим себе цену бравым военным министром в правительстве Таннера в 1926—1927 гг. Хотя он и происходил из «рабочего сословия», но всем своим существом был типичным зазнавшимся выскочкой-буржуа, финляндским Густавом Носке. Было бы неправильно отождествлять с Таннером всех подписавшихся под обращением от 16 апреля. Среди них были и честные, руководствовавшиеся хорошими побуждениями люди, которые, поставив свое доброе имя под обращением, вероятно, надеялись способствовать прекращению кровопролития. Некоторые из них оказались позднее добросовестными участниками рабочего движения»²²³.

Авторы воззвания искушали людей, ведущих неравную борьбу, перспективой мирной парламентской деятельности. Но ведь выбирать можно было не между неравной вооруженной борьбой и мирной парламентской деятельностью, а между теперешней борьбой и террористической, кровавой диктатурой буржуазии,

²²² H. Ryömä. Op. cit., s. 83—84.

²²³ «Из истории Коммунистической партии Финляндии». М., 1960, стр. 15, 16.

между смертью в бою и смертью в плену. Кто складывал оружие, у того шансов на спасение жизни было не больше, чем на войне: пленных ждали расстрел или тюрьма, где люди массами гибли от истязаний, голода и болезней. После высадки немецких войск шансов на победу революции уже, конечно, не было, но возможность пробиться на Восток, на советскую территорию, отнюдь не была исключена. К этому, а не к сдаче на «милость» беспощадных победителей должны были бы призывать красногвардейцев их истинные друзья.

Воззвание правых О. В. Куусинен расценивал позже как «удар ножом в спину» революции²²⁴. Заявление такого значительного числа видных социал-демократов не могло не породить в рядах красногвардейцев замешательства, сомнения в правильности действий вождей революции, в целесообразности дальнейшей борьбы. Оно усилило действие воззвания Маннергейма, где содержался тот же призыв сложить оружие. Оно било в ту же точку, что и распускаемые белофиннами ложные слухи о том, что с красногвардейцами, добровольно сложившими оружие, белые не только не будут расправляться, но даже снабдят их средствами для возвращения домой. Под влиянием всех этих призывов некоторые красногвардейские отряды, имевшие возможность для продолжения борьбы, иногда вели ее недостаточно энергично или капитулировали. В результате этого десятки тысяч лучших сынов рабочего класса Финляндии, которые, возможно, вели бы себя иначе, если бы знали ожидавшую их судьбу, — последовав призыву правых социал-демократов, попали в руки белых и были замучены.

После падения Таммерфорса и Гельсингфорса остались две основные группы красных войск: восточная (выборгская) и западная; кроме того, в руках красных находилась долина реки Кюммене (Кюми), участок от Коуволы до Финского залива, города Котка и Фридрихсгамн (Хамина). После того как немецкие войска под командованием Бранденштейна взяли, хотя и с большим трудом, Котка и удерживали, несмотря на ожесточенные атаки красных, этот город, железнодорожное сообщение между восточной и западной армиями было прервано. Западная армия получила приказ двигаться на восток. Неопытность и некоторая анархичность красных войск проявились в том, что они не хотели оставлять позиции без боя и упустили время для предусмотренного этим планом отступления. Тайми рассказывает, что сразу после высадки немцев Главное командование Красной гвардии приказало войскам Западного фронта отходить в сторону Карельского перешейка, чтобы избежать окружения. Однако красногвардейцы никак не хотели отступать. Когда Тайми

²²⁴ O. W. Kuusinen. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta, 1949, s. 15.

по телефону передал приказ командующему фронтом, тот был, рассказывает Тайми, «буквально разъярен нашим приказом, называл его предательским. «Мы,— кричал он,— занимаем прекрасные позиции, а в некоторых местах ведем даже успешное наступление, а ты говоришь — отступать!..» Я,— пишет Тайми,— потребовал выполнения приказа. Но все же часть западного фронта вовремя не отошла...»²²⁵ Этим воспользовались немцы и белофинны, старавшиеся совершенно изолировать одну армию красных от другой. После взятия Гельсингфорса главные немецкие силы двинулись на север и 21 и 22 апреля после ожесточенных боев взяли важные железнодорожные узлы Хювинге и Рихимяки. 26 апреля им удалось взять Тавастегус (Хямеенлинна), но соединиться с находившимися севернее войсками Маннергейма для того, чтобы окончательно отрезать красным путь на восток, не удалось: их атаковала западная армия красных.

Несмотря на то, что немцы как раз и имели целью задержать эту армию и что они уже в ходе сражения получили подкрепления, они не могли устоять против напора красногвардейцев и обратились в бегство, бросая пулеметы, минометы и даже орудия. «Красные проявили больше мужества и ловкости, чем предполагали немцы», — заявляет по этому поводу Шибергсон²²⁶. Со стороны красных в сражении участвовали и женщины²²⁷. Сражение у Сюрьянтака в буржуазной литературе характеризуется как «кровавый день для немецких войск». Вот как оно изображается даже в буржуазной литературе, которая, как правило, преувеличивает храбрость и боевые успехи немцев и белофиннов. «Около 9 часов штурмовые колонны красных прорвали линию немцев. Среди последних, видимо, распространилась паника. Некоторые взводы были отброшены к Лампис и впоследствии собраны майором фон Реденом к востоку от Суолиярви. Части эскадрона Мерца пробились к Туулосу. Многие [немцы] спрятались в камышах на берегу озера, другие пытались его переплыть, но большая часть была убита. Большинство [немцев] бежало до самого Лиесо. Потери немцев были велики. Группа Редена потеряла около половины состава. Прорвавшаяся колонна красных в несколько сот человек направилась к Лампис, где вступила в бой с группой фон Эренкрока, которая была разгромлена и рассеяна. В то время, когда разыгрывались эти события, немецкие войска, находившиеся по соседству, пытались сделать все, что было в их силах, чтобы помочь своим соотечественникам в этом отчаянном положении. Велосипедная рота в 5 часов утра вышла из Туулос, чтобы обойти левый фланг красных у Сюрьянтака, но встретила стойкое сопротивление и вы-

²²⁵ А. Тайми. Страницы пережитого. М., 1956, стр. 227, 228.

²²⁶ M. G. Schybergson. Op. cit., S. 479—481.

²²⁷ C. J. Smith. Op. cit., p. 83.

нуждена была отступить. Тогда против красных выступил генерал Вольф, преисполненный решимости «уничтожить врага», но чуть не был уничтожен сам: красные атаковали его с такой яростью, что немцы вынуждены были отступить и едва успели спасти свою артиллерию. Лишь после прибытия резервов из Тавастегуса немцам удалось, дорого оплачивая каждый шаг, восстановить положение»²²⁸. Реакционный шведский автор Клейн пишет, что никогда в своих сводках сами немцы не упоминали о «в высшей степени унижительных для их престижа» случаях вроде сражения к северо-востоку от Тавастегуса, когда они «бежали сломя голову», побросав «как пулеметы, так и пушки»²²⁹. Сам фон дер Гольц дает следующее описание этого боя в районе Сюрьянтака — Туулос — Хаухо, не обходясь, конечно, без попытки принизить то, что вдохновило красных на такой героизм: «Отчаянные красные все снова и снова, день и ночь, пытались, рыча как тигры, пробиться на юг. Захваченное у нас оружие они использовали против нас, причем дистанционные взрыватели устанавливались точно — доказательство, что среди красных были русские артиллеристы. В первых рядах — женщины в штанах. Многие в русской форме. Положение было крайне серьезным. Даже французы вряд ли ходили в атаку так молодцевато, как эти фанатичные приверженцы нового евангелия некультуристности... Создавалась большая опасность прорыва здесь или у Бранденштейна и Вольфа; даже моя главная квартира в Рихимяки подвергалась опасности»²³⁰.

Группа красных в несколько тысяч человек прорвалась к Лахти, но дальше продвинуться им не удалось: на подкрепление защищавшим Лахти войскам Бранденштейна были срочно брошены все имевшиеся в распоряжении силы Балтийской дивизии, так что у немцев и белофиннов было многократное численное превосходство. Но красные, по словам Маннергейма, «с презрением к смерти» делали отчаянные попытки прорваться»²³¹. Генерал Хейнрикс так описывает это сражение: «В боях между Лахти и Хямеенлинна красные войска сражались с героизмом отчаяния, со всем неистовством безнадежности. Немецкие ветераны боев на Западе свидетельствовали, что и закаленные беспощадной войной французы вряд ли сражались так, как эти финские красные... Разбитая западная армия красных наступала неудержимо, как сонм фурий. Ее попытки прорыва были наконец сломлены в районе Лахти, когда на выполнение этой задачи были брошены почти все находившиеся в стране немецкие войска плюс части западной армии Ветцера (т. е. белофинской армии. — В. Х.). Только с крайним напряжением сил они смогли

²²⁸ «Finnlands frihetskrig...». Del VI, s. 290, 291.

²²⁹ E. Klein. Vita och röda. Stockholm, 1918, s. 110.

²³⁰ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 69.

²³¹ G. Mannerheim. Erinnerungen, S. 212.

остановить наступательную волну красных. В Гельсингфорсе в этот момент почти не осталось военных»²³².

Впоследствии немецкий офицер говорил сенатору Таласу, что «если бы на фронте мировой войны какая-нибудь воинская часть попала в такое окружение, как красные у Лахти, то ее командир сдался бы, не раздумывая». Немец объяснял «безрассудную храбрость» красных только тем, что «их командиры, не имевшие офицерского образования, не знали всей безнадежности положения»²³³. Тем более странно, что немцы, имевшие образованных офицеров и знавшие «всю безнадежность положения» противника, почему-то не проявляли такой храбрости и удирали от «некультурных» красногвардейцев — рабочих и работниц!

Окруженные со всех сторон неизмеримо превосходящими силами, смертельно уставшие от непрерывного неистового сражения, продолжавшегося несколько суток, обессиленные ранами, не имея никакой возможности отдохнуть, оправиться, находясь под непрерывным огнем со всех сторон, красные в конце концов вынуждены были сдать, поскольку дальнейшая борьба означала просто верную смерть не только для самих красногвардейцев (на это они шли без страха), но и для их семей, которые следовали за красными войсками, так как не могли оставаться на территории, захваченной белофиннами и немцами, где им угрожала месть буржуазии.

В конце апреля происходили бои за Выборг. 25 апреля члены русского ликвидационного комитета предложили, чтобы ответственные финские товарищи отплыли в Россию на последнем пароходе, который был подготовлен ликвидационным комитетом и должен был отойти 26 апреля. Силы красных в западной и центральной частях страны были изолированы друг от друга и путь на восток им был отрезан. После ликвидации этих групп белые и немцы имели возможность бросить все свои силы против Выборга. В создавшихся условиях белые могли отрезать Выборг от России и захватить в свои руки революционное правительство и всех руководящих деятелей финляндской революции. Физическое уничтожение авангарда финляндского рабочего класса, который воплощал теперь богатый опыт революционной борьбы, было бы величайшим торжеством для контрреволюции и бедой для революционного движения. Нельзя было позволить буржуазии обезглавить рабочий класс: нужно было думать и о грядущих боях. Настойчивое предложение советских товарищей было подвергнуто серьезному обсуждению на заседании Главного штаба, Главного командования и командования отдельных частей Красной гвардии и представителей русского ликвидационного комитета, которое состоялось поздно вечером 25 апреля.

²³² E. Heinrichs. Mannerheim Suomen kohtaloissa. Osa I. Valkoinen kenraali 1918—1919. Helsinki, 1957, s. 96.

²³³ O. Tala s. Muistelmia, s. 72.

Решение было принято за пару часов до отхода парохода. В час ночи 26 апреля Совет Народных Уполномоченных, командование Красной гвардии и группа ответственных финских товарищей использовали последний оставшийся шанс на спасение, отплыв на советском пароходе. Белые торопились отрезать отступление и морским путем, и только потому, что несколько опоздала их артиллерия, которая должна была потопить этот пароход (у орудий береговых укреплений красные вынули замки), были спасены руководители финляндской революции, основавшие вскоре Коммунистическую партию Финляндии²³⁴.

Оставшиеся в Выборге красные войска упорно оборонялись под руководством старого красногвардейца Рантала и члена революционного правительства Гюллинга, который отказался уехать. Выборг штурмовала белофинская армия под командованием шведского генерала Лёфстрёма, состоявшая из 9 пехотных полков с артиллерией и другими войсками, общей численностью в 30 тыс. человек, к которым спешили подкрепления. Красных было около 20 тыс., подкреплений им ждать было откуда. В неравной борьбе красный Выборг пал 29 апреля.

«После взятия Выборга, — сообщала шведская газета «Социаль-демократен», — белые устроили в этом городе настоящую резню. Не только взрослые — нет, даже дети в колыбелях умерщвлялись и даже рожаящие женщины становились жертвой зверств...». «В этих массовых убийствах нельзя было найти абсолютно никакой цели, это убийства из каннибальской жажды крови, из желания убить...» В Выборге в первый день было расстреляно 4000 красногвардейцев, русских и поляков без какого-либо суда. О польских жителях Выборга было известно, что они во время войны симпатизировали белым. Но они были славяне — этого оказалось достаточно для расправы²³⁵.

После падения Выборга в течение нескольких дней были разбиты последние разрозненные отряды красногвардейцев. Кое-где они оказывали отчаянное сопротивление. В других местах оно было сломлено не силой оружия, а коварством. Среди красногвардейцев распространились воззвания некоей «комиссии мирных переговоров», которая якобы договорилась о прекращении военных действий; руководил ею сенатор Кари. Комиссия призвала всех не делать больше ни одного выстрела, если даже будут приказывать начальники. У людей, понимавших абсолютную бесперспективность дальнейшей борьбы и валившихся с ног от усталости после многодневных беспрестанных боев, это создало некоторые иллюзии, они послушались... и оказались в плену. Разгадавшие обман не сдались, а постарались скрыться.

²³⁴ «Suomen työväen vallankumous». Leningrad, 1928, s. 193, 194.

²³⁵ «Hufvudstadsbladet», 17.VII 1919; J. Eliel. Op. cit. S. 48, 49; «Social-Demokraten», 5, 12.VII 1918.

Члены штаба Центрального фронта в Котка, по словам одного из них, «распрощались товарищески друг с другом, объединившись под следующим лозунгом: «Ни один член штаба средней армии не должен быть пленным белогвардейцев. Если он не сможет спастись для пользы будущей могучей революции пролетариата, то пусть падет в борьбе или от своей руки»»²³⁶.

Великий праздник трудящихся Первое Мая стал для пролетариата Финляндии днем траура и скорби. Его героическая попытка свергнуть власть эксплуататоров кончилась неудачей: объединенными силами финской буржуазии и германских интервентов революция в Финляндии была подавлена.

²³⁶ О. Зундман. О действиях средней армии финляндской Красной гвардии в 1918 г.— «Финляндская революция», стр. 76, 77.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРАЖЕНИЯ
РЕВОЛЮЦИИ

РЕАКЦИЯ И БЕЛЫЙ ТЕРРОР

Цивилизация и справедливость буржуазного строя выступают в своем истинном, злобещем свете, когда его рабы и угнетенные восстанут против господ. Тогда эта цивилизация и эта справедливость являются ничем не прикрытым варварством и беззаконной местью.

К. Маркс. Гражданская война во Франции. 1871 г.

Подавление финляндской революции было воспринято буржуазией всех, особенно соседних скандинавских стран, с радостью и ликованием. Революционный пожар, начавший распространяться в сторону запада, был потушен. Реакционные круги во всем мире отмечали, что этим они обязаны кайзеровской Германии и белофиннам. «Хувудстадсбладет» писала 16 июня 1918 г. в передовой статье, что если бы «Финляндия» (т. е. финская буржуазия) с германской помощью не победила «большевистскую анархию», то «диктатура пролетариата» укрепились бы не только в Финляндии, но и распространилась бы на Западную Европу. «Правительства союзников не могут оспаривать,—говорилось в статье,—что Финляндия, воздвигнув с помощью Германии плотину против волны большевизма, оказала значительную услугу европейской культуре и западному правопорядку...» В официальных кругах США считали заслугой белой Финляндии то, что она «остановила разрушительное распространение большевизма на запад»¹. Одна шведская газета писала, что поражение белых в Финляндии «могло бы стать гибельным как для нас, так и для нашего западного соседа»², т. е. Норвегии. Шведские буржуазные круги даже выражали опасение, что вывод германских войск из Финляндии приведет к возобновлению революции.

¹ «FRUS. The Paris Peace Conference. 1919», vol. XI, Washington, 1945, p. 183, 184.

² Цит. по: «Kumous», 1918, № 1, s. 3.

Позже английский буржуазный автор писал, что Германия заслуживает «большой похвалы» за то, что она «положила конец» гражданской войне в Финляндии³.

«Буржуазия всех стран ликует по случаю подавления финляндской революции,— писала норвежская «Сосиаль-демократен» 3 июня 1918 г. — В Финляндии и на Украине, в Эстонии и в Лифляндии класс крупных землевладельцев сохранил свое господство с помощью немцев. Несмотря ни на какие «проантантовские» чувства, буржуазия всех стран радуется тому, что Германия выступает в качестве ее резервной армии, которую в случае надобности можно позвать на помощь. Финляндская революция особенно ясно показала международный характер классовой борьбы».

Палачи финляндской революции стали героями дня для скандинавской буржуазии и в то же время объектом ненависти и презрения для трудящихся скандинавских стран. Когда Маннергейм приехал в Швецию в июне 1918 г., король Густав V наградил его Большим крестом ордена Меча «за услуги, которые он оказал Швеции посредством освободительной войны». Принимая награду, Маннергейм полюбопытствовал, что понимается под этими услугами. Король ответил: «Я могу вам сказать, что только после вашей победы мы почувствовали себя спокойно в собственной стране»⁴. Не довольствуясь этим, король во время следующего приезда Маннергейма в Швецию в феврале 1919 г. наградил его еще орденом Серафима. Совсем иначе отнеслись к палачу революции шведские трудящиеся. Рабочие Стокгольма встретили приезд Маннергейма массовыми демонстрациями протеста. Газета «Фолькетс дагblad» поместила резкую статью о Маннергейме; за это ее редактора на полгода посадили в тюрьму. Когда в том же феврале 1919 г. Маннергейм по приглашению датского короля Христиана X прибыл в Копенгаген, народ забросал проезжавших по улице короля и его гостя тем, что было под рукой: комьями снега. Король наградил Маннергейма орденом Слона. Белофинский генерал рассчитывал проследовать далее в Норвегию, куда был приглашен королем, но в Копенгагене узнал от норвежского посланника, что в случае приезда Маннергейма в Христианию левые элементы собираются устроить всеобщую забастовку и прекратить подачу электричества и воды в королевский дворец. И хотя король заверял, что подача воды и электричества будет обеспечена во что бы то ни стало, генерал не пожелал наэлектризовывать атмосферу в норвежской столице — он вовремя заболел, и визит не состоялся.

Столь же противоположным было отношение господствующих классов и демократических слоев Скандинавии к вернувшимся

³ T. W. Atchley. Finland. London, 1931, p. 201.

⁴ G. Mannerheim. Erinnerungen. Zürich — Freiburg, 1952, S. 226.

из Финляндии добровольцам, воевавшим на стороне белых. Народные массы называли их убийцами и буквально подвергали бойкоту. Рабочие исключали их из профсоюзов, требовали их увольнения. Например, на собрании пекарей в Эстерзунде было решено призвать рабочих всех предприятий, где работают такие добровольцы, добиваться их увольнения⁵. Атмосферу моральной изоляции, которой окружили шведские рабочие этих палачей финляндской революции, можно представить из следующего письма одного члена «черной бригады», опубликованного газетой «Хувудстадсбладет» 19 августа 1918 г.: «Я не знаю, имеете ли вы там, в Финляндии, правильное представление о ненависти и преследованиях, которым мы, шведские участники войны в Финляндии, подвергаемся тут у себя дома, в Швеции, со стороны социалистов и особенно левых социалистов, которые прямо-таки кипят от бешенства по поводу той помощи, которую мы оказали братской стране в роковой для нее час... Когда наше судно подошло здесь к пристани в Стокгольме, то народ молчал, никто не помахал платком, не поприветствовал нас по случаю возвращения домой, не раздалось ни одной патриотической песни... (печатаая это письмо, «Хувудстадсбладет» разоблачила собственную ложь насчет восторженного приема, якобы оказанного в Швеции вернувшимся из Финляндии добровольцам.—В. Х.). В Стокгольме нельзя, например, даже ходить спокойно. Если покажешься с прекрасным крестом за свободу (награда, полученная добровольцами от белофиннов.—В. Х.), то слышишь, как тебя называют «убийцей». Когда кто-нибудь проходит мимо, то слышишь шопот «убийца». Даже члены риксдага титулуют нас убийцами. Сама наша жизнь и здоровье не находятся в безопасности. Откроешь молодежную социалистическую газету — обычно есть заметка насчет какого-нибудь грубого нападения на «черногвардейца», как нас тут называют. Люди ликуют и гордятся тем, что смогли кого-нибудь из нас избить до полусмерти, с восторгом рассказывают, что переломали ребра, и хвастаются тем, что нападавших на человека из «черной дьявольской бригады» было много... Где бы ни появился кто-нибудь из нас, его преследуют. Он не может показаться на танцевальной площадке, не может участвовать в спортивных состязаниях, не получит кофе в каком-нибудь дешевом кафе. В Лулео забастовала пожарная команда оттого, что был принят обратно на работу участник боев в Финляндии».

Итак, ложь буржуазии насчет якобы освободительного характера войны, которую вели белофинны, будто бы защищавшие свободу и демократию, не ввела в заблуждение трудящихся скандинавских стран. Они расценили поражение финляндской революции как поражение сторонников подлинной демократии и

⁵ «Hufvudstadsbladet», 20.VII 1918.

свободы в Финляндии и поэтому так ненавидели врагов революции.

Поражение революции в действительности открыло самый мрачный период, какой когда-либо переживала Финляндия за всю свою историю. Внутри страны — разгул дикой реакции, неслыханный белый террор, во внешнеполитическом отношении — окончательное закрепление зависимости Финляндии от Германии — таковы были результаты победы буржуазии над теми общественными силами, которые действительно боролись за социальное и национальное освобождение финляндского народа. Поправки демократии, жестокость, предательство национальных интересов — все те обвинения, которые буржуазия клеветнически выдвигала против финляндских революционеров, в применении к ней самой оказались целиком и полностью справедливыми.

«Война кончилась. Началась охота на людей. Массовые расстрелы стали в порядок дня»⁶, — так характеризовал положение в Финляндии свидетель, который был дальше всего от желания чернить белофиннов: он был членом шведской «черной бригады» и сам сражался на их стороне. Белый террор в Финляндии по своим масштабам и жестокости превосходил даже «кровавую майскую неделю», которой французская буржуазия отпраздновала свою победу над Парижской Коммуной: он продолжался многие месяцы, свирепствовал не в одной столице, а во всей наиболее населенной южной Финляндии, и отличался еще более зверскими методами расправы. Хватали и тех, кто не имел отношения к военным действиям, достаточно было одной принадлежности к классам, совершавшим революцию. Что же касается красногвардейцев, то не только они, но и их родственники стали объектом мести буржуазии. Зная о свирепости белофиннов, от которых нечего было ждать справедливости, многие, не знаящие за собой никакой вины, но принадлежавшие к тем классам, которые вызывали у белых ненависть, предпочитали на время спрятаться, уходили в леса. На них, как на зверей, устраивали облавы, нередко с собаками, и с торжеством брали в «плен». Упомянувшийся выше член «черной бригады» описал, как выглядела одна такая группа пленных (их было 30 человек) и как с ними поступили. Это были «на вид обыкновенные добродушные крестьяне, некоторые еще мальчики, а в конце шеренги стояли две женщины и две пятнадцатилетние девочки с косами... Какого-нибудь порядочного допроса, заслуживающего этого названия, не было — только казнь»⁷.

В письме, направленном Свинхувуду 15 июня 1918 г. и оставшемся, конечно, без ответа, будущая депутатка сейма Роза Сил-

⁶ «Nya Dagligt Allehanda», 21.V 1918.

⁷ Ibidem.

ланпя нарисовала потрясающую картину белого террора, жертвами которого становились все, имевшие хоть какое-то отношение к красным. «Расстреливали санитарок, поварих, машинисток, канцелярских работников, жен и детей красногвардейцев», — писала она, подчеркивая, что «так происходит везде» в Финляндии⁸. «Почти в каждой рабочей семье хоть один человек был расстрелян или замучен на каторге»⁹, — писал А. Тайми.

Хотя лишь часть «пленных» оставалась в живых и попадала в тюрьмы и концлагери, за решеткой и колючей проволокой оказалось около 90 тыс. рабочих и деревенских бедняков, в том числе тысячи женщин. Тюрьмы были забиты до того, что негде было лечь. Помещали всех вместе без различия пола и возраста. Не щадили даже беременных; некоторым из них пришлось рожать в переполненной тюремной камере; о врачебной помощи, разумеется, не было и речи. Заключенные страдали не только от голода, холода, грязи, паразитов, но и от жажды, хотя в Финляндии нет места, где поблизости не было бы озера или реки. Все это подкашивало силы заключенных. «Хувудстадсбладет» признавала 4 августа 1918 г., что «большие группы заключенных умерли от слабости или болезней», но оправдывала это следующими соображениями: ведь «размещение и обеспечение продовольствием примерно 90 тыс. заключенных... представляло столь большие трудности, что их нельзя было бы преодолеть даже при самых лучших организаторских способностях». «Не виновато же наше общество, что число этих красных так необычайно велико!» — восклицала в заключение газета. Истязания и болезни увеличивали смертность. В Экенесе (Таммисаари) из 8 тыс. заключенных за семь недель умерло 1038 человек, из них 773 от голода¹⁰. В Свеаборге из 6—7 тыс. заключенных к августу 1918 г. умерла треть¹¹. Избитых и безнадежно истощенных людей иногда незадолго до агонии освобождали, чтобы умирающий сам убрался с территории лагеря и освободил тюремщиков от заботы о его погребении.

Для рассмотрения «дел» астрономического количества заключенных было создано 140 трибуналов. Им была разослана директива о том, что красные должны рассматриваться как орудия русского правительства и русских военных властей в Финляндии, поэтому рядовые красногвардейцы должны привлекаться к строгому наказанию за государственную измену. Таким образом, всякий рабочий или торпаль, поднявшийся на борьбу за лучшую жизнь, считался агентом иностранной державы, измен-

⁸ «Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjat», I. Helsinki, 1920, s. 325.

⁹ А. Тайми. Страницы пережитого. М., 1956, стр. 229; «Luokkasodan muisto». Leningrad, 1928, s. 254.

¹⁰ J. Eiel. Der Klassenkrieg in Finnland. Die finnische Sozialdemokratie im Kampfe gegen die Reaktion 1905—1918, S. 75—77.

¹¹ «Luokkasodan muisto», s. 254.

ником. Защищаться обвиняемые не имели возможности — буржуазные адвокаты за это, разумеется, не брались, а социал-демократические сами были на положении обвиняемых. Да буржуазные судьи и не собирались вникать в такие детали, как виновность или невиновность отдельного человека. Дела рассматривались суммарно, т. е. сразу решалась судьба целых больших групп заключенных, часто не имевших между собой ничего общего. Тех, кто были однофамильцами деятелей революции, казнили уже за одно это. В сущности, суд не карал за преступления, а сам их творил. «Судьям, которые в Финляндии осуждают людей на смерть, я не доверил бы и дела о 10 марках», — заявил финляндский посланник в Норвегии. Это высказывание стоило ему поста¹².

В мартирологе финляндской революции много женщин и детей. Что щадить трудящихся женщин нецелесообразно, это белофинские рыцари обосновали даже теоретически. «Можно спросить себя, — писала выходившая в Ювяскюля газета «Кескисуо-малайнен» в апреле 1918 г., — почему война щадит женщин?.. Может быть, потому, что они женщины? Да не предрассудок ли это или, вернее сказать, не чересчур ли это недальновидно — не наказывать именно тех, кто, как известно, позаботится об увеличении рода и об умножении сил противника?.. При охоте на волков волчица является, может быть, лучшей мишенью, чем волк, ибо охотник знает, что она производит тех отвратительных детенышей, которые в будущем принесут ему вред»¹³. Белофинскому писателю И. Кianto удалось выразить эту мысль в предельно краткой формуле: «Убивайте волчиц!»¹⁴

Но масса жертв белого террора была и вне тюрем. Это были десятки тысяч вдов и сирот. Судьба малышей, которым белые нанесли незабываемую душевную травму и лишили родителей, была особенно потрясающей.

Депутатка сейма Роза Силлания в своей речи 26 сентября 1922 г. говорила о «море детских мучений и отчаяния, когда каждый день забирали тысячи матерей и отцов из их домов, и невинным детям оставалось только лить безутешные слезы. Белый мститель без предупреждения врывается в мирный дом с обнаженным смертоносным оружием, принуждая кормильца семьи следовать за ним. И грубый окрик белопвардейца: «Проклятый красный!» и «Сейчас гадина отправится в ад!» оставался звучать в ушах детей вместо последнего прощального слова отца и матери своим малышам, в то время как самих кормильцев тащили к краю ямы, чтобы убить... Так в XX веке обращалась с невин-

¹² «Luokkasodan muisto», s. 262.

¹³ «Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjat», S. 292; V. Tanner. Det hvita skräkvädet i Finland. Kristiania, 1919, s. 81.

¹⁴ «Valtiopäivät 1922. Pöytäkirjat», I, s. 130.

ными детьми так называемая цивилизованная финская буржуазия»¹⁵.

Никакой помощи сиротам буржуазная власть не оказывала. «Нужно принять во внимание,—заявил рабочий депутат Кемпи в сейме,—какие преступления совершила буржуазия в 1918 г. по отношению к рабочим, убив несколько десятков тысяч рабочих и тем самым отняв у многих десятков тысяч детей их кормильцев, а у жен — их мужей. Эти несчастные до сих пор не получают никакой помощи от государства. Им оставалось либо кое-как перебиваться, если смогут, либо умирать в нужде и страданиях. Может ли хоть кто-нибудь из нас измерить те слезы, которые пролили за эти годы тысячи матерей, глядя на своих любимых детей, вынужденных из-за отсутствия хлеба и одежды идти по миру?»¹⁶. «Тысячи детей,—напомнила Роза Силлалая,—скитались тогда без помощи по нашей стране, живя подаянием; рабочий класс делился с ними своим последним куском... Сотни и тысячи несчастных детей погибли тогда в нашей стране от нужды, холода и голода»¹⁷. Нельзя, впрочем, сказать, что буржуазная власть ничего не предпринимала в отношении этих несчастных детей: она штрафовала тех, кто оказывал им помощь¹⁸.

«Защитники культуры от красного варварства» (так называли себя белые) посадили в тюрьмы и расстреляли прогрессивных деятелей культуры и просвещения, сочувствовавших революции. В тюрьму была брошена писательница Хильда Тихла. Финский композитор Куула, вовсе не являвшийся революционером, в мае 1918 г. на выкрик белофинского офицера «Германия превыше всего» ответил: «Финляндия превыше всего!» Белофинский «патриот» тут же застрелил композитора¹⁹. Писатель Рантамала, которого белофинны схватили и везли на пароходе, бросился в море, предпочитая утонуть, чем испытать ужасы белофинского застенка. Его расстреляли на воде, труп достали на палубу и топтали ногами. Так обстояло дело с «защитой культуры».

Даже у отдельных буржуа нервы не выдерживали творившихся в белой Финляндии злодейств. К полковнику Сихво, имевшему власть в Выборге, явились бывший губернатор Сарканен, доктор медицины Рейникайнен и фабрикант Вильск и обратили его внимание на то, что при массовых казнях могут пострадать и невинные люди. Сихво ответил: «Если один из десяти казненных виновен, то цель достигнута». Сихво поделился с упомянутой

¹⁵ Ibid., s. 129, 130.

¹⁶ Ibid., s. 131.

¹⁷ Ibid., s. 129, 130.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ «Päivän Sanomat», 18.V 1958.

делегацией и своими душевными терзаниями. С размаху всадив в стол финский нож, он воскликнул: «Я ни в чем не раскаиваюсь так глубоко, как в том, что у Тиенхара взял в плен 4 тыс. человек и не расстрелял их на месте!»²⁰.

Финский капиталист Яльмар Линдер, владелец заводов и поместий, которому его положение позволяло говорить вещи, за которые других упрятали бы в тюрьму, 25 мая 1918 г. писал в «Хувудстадсбладет»: «То, что происходит в стране, ужасно... Непрерывно продолжаются расстрелы. Красное безумие сменилось фактически белым террором. И эти расстрелы производят впечатление произвола, ибо жертвы хватают там, где не было совершено никаких насилий (имеется в виду — со стороны красных. — В. Х.), и пробуждают неутолимую ненависть там, где ее до этого не было. Тысячи вдов, десятки тысяч сирот потеряли своих кормильцев, и государство не сделало ни малейшего шага, чтобы смягчить их нужду или хотя бы дать указания об этом. В лагерях пленные мрут как мухи. В лагере для пленных в Якобстаде за первые три недели мая 21 пленный умер от эпидемии и 26 — от голода. В Свеаборге пленные находятся в неслыханно тяжелом положении. А представители добрых высших классов похаживают кругом и приговаривают: «Пусть себе мрут, они это заслужили, зараза будет уничтожена с корнем». Но простой человек в деревне, даже тот, который несмотря на угрозы и посулы, в течение всего мятежа был белым, говорит: это породит ненависть, которая не пройдет в течение поколений. Само собой ясно, что тому, кто переживет эти месяцы ужаса, тревоги и отчаяния из-за смерти своих родных, из-за уничтожения своего дома или из-за унижения отечества, тому трудно будет забыть это...»²¹

Церковь не сделала ничего, чтобы осудить преступления, совершаемые белыми. Она, по словам депутата сейма Я. Мякинена, «была верной служанкой государственной власти, и когда реакция нуждалась в помощи, церковь была готова дать ей свое благословение. Это особенно стало ясно в 1918 г., когда в этой стране бушевал белый террор; подобного ужаса не знала история нашей страны. За трудящимися охотились как за дикими зверями, долго повсюду шли казни. Тогда не нашлось ни одного представителя церкви, который бы открыто и решительно возвысил свой голос против этих казней; напротив, священники входили в штабы шюцкора и отдавали распоряжения, что рабочих нельзя отпускать по домам, а это в то время означало верную казнь. Учение мира и любви было заменено учением ненависти

²⁰ J. Eliel. Op. cit., S. 84—87; V. Tanner. Det hvite skräkvældet i Finland, s. 89.

²¹ «Hufvudstadsbladet», 25.V 1918; T. Nerman. Svarta brigaden. Stockholm, 1918, s. 16—18.

и мести. Поэтому неудивительно, что широкие слои народа стремились отойти от церкви»²².

Ответственность за белый террор в Финляндии падает и на Германию. Своей интервенцией она обеспечила победу белым и не сделала ничего, чтобы удержать их от чудовищных зверств, которые они совершали уже в ходе войны. В заявлении СНУ, опубликованном в «Тиедонантоя» 20 апреля 1918 г., говорилось, что командование белой гвардии в занятых ею районах, как, например, в Таммерфорсе, «систематически убивает беззащитных военнопленных, раненых, находящихся в госпиталях, и доверенных лиц рабочих, не принимавших участия в борьбе. И германское правительство, которое, несомненно, одним своим словом могло бы прекратить эту ужасную резню, не делает этого. Оно является твердой опорой белого террора»²³. Немцы сами подавали пример жестокости. В Таммерфорсе немецкий командир санкционировал расстрел белыми в госпитале раненых и медицинского персонала²⁴. В Лахти немцы расстреляли 158 женщин²⁵. В концлагерях немецкие охранники кололи заключенных штыками за «финскую медлительность». В общем, интервенты не пресекали, а творили и поощряли жестокости и нарушения всяких человеческих норм.

Каково было число жертв белого террора? «Согласно статистическим данным по местностям, белые казнили 18 564 рабочих и мелких земледельцев и уморили голодом в концлагерях около 15 тыс., так что общее число умерщвленных превышает 30 тыс.»²⁶. Из примерно 80—90 тыс. взятых в плен лишь 10% были освобождены без наказания, 65,5% были приговорены к тюремному заключению сроком более чем на три года, в том числе 1,3% — к пожизненному заключению, 60 тысяч человек были лишены гражданского доверия²⁷.

²² «Valtiopäivät 1922. Pöytäkirjat», I, s. 104.

²³ «Suomen työväen vallankumous», s. 191.

²⁴ «Luokkasodan muisto», s. 165, 166.

²⁵ Н. Б. Крушкoл. Палачи финского народа, стр. 29.

²⁶ N. Parkkari. Vainojen vuosina taottiin riviimme lujuuden ja yhteinäisyyden perusta. — «Kommunisti», 1958, № 12-13, s. 365. Потери в боях были значительно меньше: у красных они составили 3463 человека, у белых — 3178 («Kommunisti», 1925, № 4, s. 186). Число сирот, потерявших родителей в результате гражданской войны, превышало 20 тысяч («Vapaus», 31.I 1919).

²⁷ J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 227—228, 301. В конце 1918 г. в связи с изменением политического положения — поражением Германии и предстоявшей эвакуацией германских войск были проведены амнистии. По амнистии от 30 октября приговоренные к тюремному заключению сроком до 4 лет были освобождены условно. По амнистии от 7 декабря некоторые приговоренные к заключению сроком до 6 лет были освобождены, приговоренным к смертной казни это наказание было заменено пожизненным заключением, а приговоренным к пожизненному заключению срок снижался до 12 лет. Были также амнистированы белофинны, приговоренные к тюремному заключению за чрезмерные жестокости (Ibid., s. 301—303).

С болью и гневом следил международный пролетариат за тем, что творила финская буржуазия. Его горячее сочувствие своим финским братьям по классу и возмущение белыми палачами нашло выражение в кампании протеста против белого террора. Против зверств белофиннов протестовали трудящиеся Советской России. В конце апреля 1918 г. социал-демократические партии Швеции, Норвегии и Дании заявили протест против массовых расстрелов в Финляндии. В июле представители шведской и норвежской социал-демократических партий, социал-демократического союза молодежи Швеции и Центральной организации рабочих Швеции опубликовали совместное заявление, в котором выражали свое глубочайшее сожаление и серьезнейшую озабоченность по поводу методов управления, применяемых финляндским правительством. В заявлении подчеркивалось, что белофинские власти допускают массовые расстрелы без следствия и суда, что производятся расправы с невинными людьми, что со взятием в плен красными обращаются жестоко и т. д.²³ Всешведский совет рабочих направил циркулярное письмо к местным советам рабочих с призывом провести с 10 по 18 августа митинги протеста против белого террора в Финляндии. Аналогичный циркуляр издал социал-демократический союз молодежи. По всей Швеции были проведены массовые митинги, на которых принимались резолюции протеста против белого террора и требования освободить заключенных, не совершивших преступлений. Такая же кампания проводилась и в остальных скандинавских странах. В июле же съезд Швейцарской партии труда заявил резкий протест против кровавых расправ с финскими рабочими. Созданный в эмиграции (в Советской России) Центральный комитет финляндских рабочих обратился по радио к цивилизованным народам всего мира с призывом напрячь все силы, чтобы положить конец ужасам белого террора в Финляндии. Заявление Учредительного съезда компартии Финляндии явилось «мощным боевым кличем против господствовавшего тогда в стране террора и насилия белых»²⁴.

I Конгресс Коммунистического Интернационала в особой революции заклеймил позором белофинских палачей и особо подчеркнул гнусную роль германских интервентов: «В Финляндии, стране буржуазного демократизма, они (германские буржуа. — В. Х.) помогли финским буржуа расстрелять 13—14 тыс. пролетариев и более 15 тыс. замучить до смерти по тюрьмам. В Гельсингфорсе они гнали перед собой в качестве защиты от пулеметного огня женщин и детей. Благодаря их содействию финским белогвардейцам и шведским прислужникам удалось осуществить кровавую оргию над побежденным финским пролета-

²³ «Hufvudstadsbladet», 15.VII 1918.

²⁴ «XI съезд Коммунистической партии Финляндии», М., 1958, стр. 222.

риатом: в Таммерфорсе приговоренных к смерти женщин и детей заставляли копать себе могилы. В Выборге истребили тысячи русских мужчин, женщин и детей»³⁰.

Трудящиеся многих стран старались оказать и практическую помощь своим финским братьям. Тысячи участников финляндской революции, перешедших на территорию Советской России, встретили здесь самое горячее участие, поистине братское отношение. Для многих из них наша страна стала второй родиной. Сотни финских «красных» бежали в Швецию. Шведские левые рабочие организации приняли на себя заботу об их судьбе. Из представителей всех социалистических партий был создан Финляндский комитет помощи беженцам. Он призвал шведских рабочих оказать финским беженцам материальную поддержку путем сбора продовольствия, вещей и средств. Сбор средств в помощь финским беженцам, а также сиротам и вдовам красногвардейцев был организован и среди финского населения США и Канады. В Канаде, например, для этой цели было собрано в 1920 г. 4748 долларов, в 1921 г. — 3156 долларов, а также много одежды и других вещей. В США в 1919 г. была начата кампания с целью собрать 1 млн. марок в пользу «той левой партии в Финляндии, которая одобряет ясную позицию классово-борьбы и чуждается всякой политики компромисса с буржуазией». Такая же кампания была начата и в Канаде. В ходе ее в США было собрано 57 тыс. долларов (что составляло более 1 млн. финских марок), в Канаде — 7100 долларов³¹.

Средства эти были отправлены потом организованной в 1920 г. при участии коммунистов Социалистической рабочей партии Финляндии (реформистские элементы в США и Канаде собранные ими средства направляли социал-демократической партии Финляндии).

Белый террор в Финляндии вызвал возмущение и протесты не только прогрессивных кругов во всем мире, но даже и осуждение со стороны умеренных кругов зарубежной буржуазии. Последние были вовсе не против подавления революции, но считали, что белофинны слишком увлеклись. «За победой белых,— писала, например, «Таймс»,—последовали, естественно (!), насильственные меры, так называемый белый террор. Мятежники были подавлены с жестокостью, которая заставляет сомневаться, куда больше относится Финляндия — к Западу или к Востоку». В устах «Таймс» это звучит осуждением (хотя на Востоке — в Индии, Китае — никто не творил больше зверств, чем колонизаторы, в том числе из такой западной страны, как Англия). «Из приблизительно 80 тыс. красных, взятых в плен в конце апреля или

³⁰ «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 20.

³¹ «Suomen luokkasota. Historiaa ja muistelmia». Toim. A. Halonen. Työmiest Society Print, Superior, Wis., 1928, s. 504, 505, 511.

арестованных впоследствии, больше 30 тыс. мужчин и женщин мертвы», — констатировала «Таймс» 11 февраля 1919 г. Депутат германского рейхстага Кон заявил 14 июня 1918 г.: «Слово Финляндия нельзя произносить без краски стыда. 80 тыс. человек сидят в тюрьмах из-за своих убеждений и 20 тыс. убиты. Финляндия превратилась в кладбище лучших своих сынов, которые убиты отчасти белогвардейцами, отчасти преступно использованными для этой цели германскими войсками»³². Датская газета «Экстрабладет», во время войны энергично выступавшая на стороне белых, писала: «После того как «белые» пришли к власти, они установили такой режим террора, который... еще хуже, чем... режим, установленный в свое время красными». «Страна, где народ угнетается самыми кровавыми методами, где существует жестокая тиранния, которая издевается над всеми законами справедливости и гуманности, где «кровавая террористическая власть в руках жестокого солдатского правительства»³³, — так характеризовала эта газета белую Финляндию.

Осуждение мировой общественностью белого террора встретило его организаторов. Они приняли пропагандистские меры для опровержения такого мнения о белой Финляндии. Белый террор был объявлен выдумкой красных. Буржуазные государственные деятели, публицисты и историки стали усиленно доказывать этот тезис. Эквист заявил, что легенду о белом терроре создали социал-демократы и своими интерpellациями в сейме придают ей видимость реальности, тогда как на самом деле никакого террора нет³⁴. То же утверждал Ельт³⁵. В таком же духе стали изображать этот период и буржуазные историки. Шиббергсон с возмущением писал об убийствах, совершенных красными (к ним он причислял, конечно, и преступления анархистских элементов, с которыми боролись сами революционные власти), но не говорил о массовых убийствах, совершенных белыми. Х. Игнатиус и К. Сойккели утверждали, что «к чести белой армии», даже и во время войны жестокости с ее стороны «были очень редки» (?), да и то главнокомандующий не оставлял их без наказания»³⁶. Сведений о наказании Маннергеймом ответственных за зверства что-то не сохранилось, зато известно, что пленных он, точно, без наказания не оставлял — достаточно вспомнить то, что произошло после взятия им Таммерфорса. Известен и манифест белофинского правительства, запрещающий наказывать за какие бы то ни было действия в отношении красных. Он гласил:

³² Цит. по: J. Eliel. Op. cit., S. 3.

³³ «Extrabladet», 6.VIII 1919.

³⁴ J. Ohqvist. Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit. Berlin, 1923, S. 156.

³⁵ «Stockholms Dagblad», 17.IV 1918.

³⁶ H. Ignatius, K. Soikkeli. La guerre d'indépendance en Finlande en 1918. Helsingfors, 1925, p. 210.

«Не должны обвиняться или преследоваться люди, которые в связи с подавлением возникшего мятежа против законного порядка, или с целью предотвращения мятежа, или в своей деятельности по восстановлению порядка превысили то, что было необходимо для вышеупомянутой цели»³⁷. Это ли не индальгенция палачам? Какой контраст с распоряжениями СНУ!

Так в течение десятилетий до поражения Финляндии во второй мировой войне излагалась история этого периода. «Никто не может отрицать,— заявил в 1960 г. крупный финский писатель Вийнё Линна,— что история гражданской войны написана победителями и что она фальсифицирована... Официальная картина— это искаженная картина... Официальная идеология самостоятельной Финляндии была построена на лжи... Официальная историография утверждает, будто общее число казненных составляло 2—3 тыс. человек. Все здравомыслящие люди в Финляндии знают, что это ложь: действительное число казненных было раз в пять больше»³⁸.

Те из иностранных авторов, которые сочувствовали белофиннам, обычно поддерживали и их концепцию, что белый террор — пропаганда красных. Фон дер Гольц уверял, что «рассказы о так называемом белом терроре финнов сильно преувеличены»³⁹. Современный американский историк Смит в своей книге «Русская революция и Финляндия», говоря о действиях белофиннов, слово «зверства» ставит в кавычки и еще сопровождает эпитетом «мнимые». Правда, он признает, что «в представлении большей части финнов Маннергейм стал символом белого террора», но считает, что это несправедливо. Смит тут же показывает, как нужно судить о Маннергейме «справедливо»: он сравнивает его с ...Джорджем Вашингтоном⁴⁰.

Делались попытки дать белому террору какое-то оправдывающее «объяснение». Так, Е. Клейн давал понять, что жестокости, применявшиеся в гражданской войне в Финляндии, объясняются просто национальным характером финнов⁴¹; можно было оделать вывод, что этим же объясняется и белый террор после войны. Но спрашивается: а отмена финским революционным правительством смертной казни и его усилия с целью удерживать от жестокостей, выходит, противоречили финскому национальному характеру? Жестокость буржуазии нужно связывать не с национальными чертами финского народа, а с классовыми «интернациональными» чертами буржуазии любой нации. Везде,

³⁷ «Luokkasodan muisto», s. 189.

³⁸ «Dagens Nyheter», 13.XI 1960.

³⁹ R. von der Goltz. Als politischer General im Osten (Finnland und Baltikum) 1918—1919. Leipzig, 1936, S. 45.

⁴⁰ C. J. Smith. Finland and the Russian Revolution. Athene, Ga., [USA] 1958, p. 126, 127.

⁴¹ E. Klein. Vita och röda. Stockholm, 1918, s. 17—19.

где буржуазия одерживала победу в классовой войне, зверская расправа над посмевавшимися восстать была ее первой заботой. Другие авторы — например, Ниинилуото — напротив, ищут для белого террора оправдания в том, что примерно то же самое имело место в гражданских войнах и в других странах⁴². Разве оправдывает буржуазию то, что она зверствовала и в других странах?

В течение десятков лет финские рабочие и крестьяне, чтившие память своих родных и товарищей, погибших во время гражданской войны и белого террора, не имели возможности оградить их братские могилы от надругательств; шюшкоровцы безнаказанно творили бесчинства — похищали венки, опрокидывали памятники. Уход за этими могилами служил поводом для преследования со стороны полиции. Положение изменилось лишь после выхода Финляндии из второй мировой войны. По предложению фракции Демократического союза народа Финляндии сейм отпустил 1 млн. марок для приведения в порядок братских могил красногвардейцев⁴³. 2 сентября 1962 г. в Васе при звуках рабочего марша состоялось торжественное открытие памятника рабочим и торпарям, павшим в 1918 г. Народный депутат Георг Баклунд в своей речи сказал, что прошли десятилетия, прежде чем победители признали, что красные боролись за свои убеждения. Он привел слова, вырезанные одним из участников революции, Хуго Ахоккасом, на стене тюрьмы в Экенесе (Таммисаари): «Дух правды всегда свободен, его не задушить цепями»⁴⁴. Таково было убеждение людей, которых буржуазия изображала злодеями и уничтожала тысячами.

15 мая открылись заседания сейма, — точнее, его буржуазной части. В сейме было 32 депутата старофинской партии, 26 — аграрного союза, 24 — младофинской партии и 21 — шведской народной партии⁴⁵. Из социал-демократической фракции, насчитывавшей в сейме последнего состава 92 депутата, присутствовал только один Матти Паасивуори. Со стороны некоторых его буржуазных коллег раздавались требования удалить и его, но он как-то уцелел (через несколько недель к нему присоединился социал-демократический депутат А. Копонен). Активно участвовавшие в революции социал-демократические депутаты эмигрировали в Советскую Россию, 56 человек сидели в тюрьме⁴⁶, часть погибла. Некоторые социал-демократические депутаты пытались прибыть на заседания сейма, но были арестованы в пути.

⁴² Y. Niiniluoto. *Mitä on olla suomalainen*. Helsinki, 1958, s. 155.

⁴³ «Kansan Uutiset», 2.IX 1962.

⁴⁴ «Kansan Uutiset», 3.IX 1962.

⁴⁵ G. Schauman. *Kampen om statsskicket i Finland 1918. Fakta, betraktelser och hågkomster*. Helsingfors, 1924, s. 31.

⁴⁶ J. Paasivirta. *Suomi vuonna 1918*, s. 248.

Буржуазия получила сейм почти без оппозиции, «бесподобную палату», готовую штамповать любые нужные буржуазии законы. Выступления и интерpellации Паасивуори против царившего в стране произвола и террора и выступления в этом же духе пары депутатов-шведов звучали одиноко и не имели последствий. Этот сейм, получивший прозвище «обрубка сейма» и являвшийся воплощением беззакония, тем не менее приступил к законодательной деятельности.

Даже капиталист Я. Линдер расценивал использование охвоста сейма как «попытку государственного переворота». «После того, как мы с оружием в руках победили самую крупную партию страны,— писал он,— мы просто-напросто ликвидировали ее представительство, составлявшее 48%, и хотим простым большинством оставшихся принимать решения о судьбе Финляндии. Это противоречит парламентаризму, это бесчестно, это — политическое фокусничество, этому нельзя будет найти оправдания в будущем»⁴⁷.

«Обрубок сейма» первым делом вручил верховную власть в стране Свинхувуду. Но в действительности верховной властью в Финляндии обладал не регент Свинхувуд, а фон дер Гольц; регент и правительство только выполняли «пожелания» последнего. 27 мая был сформирован новый сенат. Его главой был директор банка Ю. К. Паасикиви, придерживавшийся в то время, как и Свинхувуд, германской ориентации, министром иностранных дел стал директор банка О. Стенрот, его заместителем — С. Сарно, военным министром — генерал В. Теслев. Новое правительство «в своей внешней политике следовало чисто германскому курсу, точнее говоря — курсу германских правых»⁴⁸, — так аттестовал его Э. Ельт, сам ярый германофил. Программа правительства «заключалась в создании королевства во главе с членом германской императорской фамилии или близко к ней стоящим принцем, а также в военном сотрудничестве с Германией с целью создания Великой Финляндии».

Сейм ратифицировал договоры с Германией. Это мог сделать только такой сейм неполного состава. Правда, даже и в нем нашлись депутаты, считавшие торговый договор с Германией национальным несчастьем и предлагавшие не ратифицировать его, пока не будут изменены некоторые статьи. Это предложение было нереально: Германия хотела иметь именно такие выгодные для нее договоры с Финляндией, а против Германии белофинское государство ничего не посмело бы сделать.

Сейм принял ряд антидемократических законов, касавшихся внутренней политики. 29 мая был принят «закон о поддержании общественного порядка и безопасности», предоставлявший

⁴⁷ T. Nerman. Op. cit., s. 17—18.

⁴⁸ Цит. по кн.: G. Schuman. Kampen om statsskicket..., s. 35.

правительству временные полномочия на издание распоряжений об ограничении свободы печати, собраний, союзов, передвижения, о расширении права производить обыски, аресты, конфискации. Белофинское правительство и до этого широко пользовалось такими средствами, дело шло лишь о том, чтобы облечь эти методы буржуазной диктатуры в юридические формулы и узаконить задним числом.

Против 8-часового рабочего дня, узаконенного еще в ноябре 1917 г. под нажимом всеобщей стачки, буржуазия начала атаку уже в апреле 1918 г., т. е. сразу, как только после прибытия немцев у нее не осталось сомнений, что рабочие, некогда вынудившие ее на эту уступку, неизбежно потерпят поражение. Крупные лесопромышленники потребовали удлинения рабочего дня. Правительство приостановило действие закона на шесть месяцев. Не давая ему опять вступить в силу, в него еще до истечения шести месяцев, 14 августа 1918 г., внесли изменения. Теперь рабочего можно было заставить, кроме ежедневных 8 часов, отработать еще 24 часа в течение каждых двух недель⁴⁹. Фактически это была легализация 10-часового рабочего дня. Правда, за работу сверх 8 часов полагалась повышенная оплата, а за нарушение этого закона предприниматель мог подвергнуться штрафу в размере 10 тыс. марок. Однако владелец крупного предприятия мог за счет дополнительной эксплуатации большого числа рабочих получить прибыль, во много раз превышающую штраф.

То, что революция предоставила торпарям бесплатно, буржуазия теперь тоже согласилась предоставить им — только за огромный выкуп. 15 октября 1918 г. охвостье сейма приняло закон об арендаторах, который давал право торпарям выкупать арендованную землю по довоенным ценам в рассрочку в течение 37 лет⁵⁰. Но до выкупа торпари Финляндии ежегодно должны были отбывать на своих хозяев около 1800 тыс. человеко-дней и около 600 тыс. коне-дней⁵¹, не считая других обязательств.

Закон о коммунальных выборах был изменен. Комиссия сейма откровенно признала в своем заключении, что прежний закон (принятый во время ноябрьской забастовки) «в некоторых пунктах был слишком демократичен»⁵², от какового «недостатка» буржуазные политики быстро его освободили. Избирательное право теперь предоставлялось не с 20, а с 24 лет, так что наиболее молодые совершеннолетние люди все еще рассматривались как политически несовершеннолетние; буржуазия учитыва-

⁴⁹ «Suomen asetuskokoelma», 1918, № 94, s. 1—2.

⁵⁰ L. H a r m a j a. Effects of the war on economic and social life in Finland. New Heaven, Yale University Press, London, 1933, p. 107.

⁵¹ «Suomen työväen vallankumous». Leningrad, 1928, s. 59, 60.

⁵² «Valtiopäivät 1919. Asiakirjat». Viides osa. Helsinki, 1921, Esitysmietintö N 7, s. 1—2.

ла, что молодежь более подвержена революционным влияниям. Кто был настолько беден, что не облагался подходящим налогом или за последние два года не выплатил какой-либо из налогов, тот лишался избирательных прав. Были введены и другие ограничения.

Разные группы представителей эксплуататорских классов стали выдвигать предложения и об отмене всеобщего равного избирательного права. 14 мая 1918 г. в финляндских газетах было опубликовано воззвание, подписанное 47 видными буржуазными деятелями — И. Р. Даниэльсоном-Кальмари, Р. А. Вреде, Ю. К. Паасикиви, Л. Эрнрутом и др. Они заявляли, что всеобщее избирательное право является «односторонним», существование его оправдано лишь там, где имеется сильное самостоятельное правительство в качестве противовеса ему. Чтобы исправить положение, предлагалось предоставить особо важным общественным группам — т. е., разумеется, имущим классам — дополнительное представительство, чтобы обеспечить их преобладание в сейме. Предлагалось также ввести монархию⁵³. Крупные землевладельцы составили меморандум, в котором выдвигалась та же идея. Назад от демократии — таково было содержание всех законов, мероприятий и проектов победившей буржуазии.

ПРЕВРАЩЕНИЕ ФИНЛЯНДИИ В ВАССАЛА ГЕРМАНИИ

*Финляндия находится целиком под господством
Германии.*

Финны стали рабами немцев.

Маннергейм. 1918 г.

Сразу же после заключения с белофиннами договоров, ставивших Финляндию в подчиненное положение, еще до высадки немецких войск в Финляндии, Германия приступила к выкачиванию из этой страны необходимых ей для продолжения войны товаров — продовольствия и цветных металлов. Уже через пять дней после заключения договоров немецкий пароход «Арктурус» прибыл в Данциг из Финляндии. На нем было доставлено продовольствие (72 тонны масла) и 100 тонн металлического лома⁵⁴.

По соглашению от 7 марта 1918 г. белофинское правительство предоставило германским войскам право производить в Финляндии реквизиции на основании немецкого закона от 13 июня 1873 г.⁵⁵ 12 марта Свинхувуд выдал фон дер Гольцу документ,

⁵³ «Hufvudstadsbladet», 14.V 1918.

⁵⁴ «Finlands frihetskrig skildrat av deltagare». Del VII. Helsingfors, 1922. s. 43.

⁵⁵ F. Beyer. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige Intervention. Braunschweig — Berlin — Hamburg, 1928, S. 102, 103.

в котором говорилось, что «государственные и общинные служащие обязаны оказывать германскому вспомогательному корпусу необходимую поддержку и заботиться о выполнении проводимых им реквизиций»⁵⁶. 5 апреля, т. е. сразу после высадки германских войск в Финляндии, белофинское правительство призвало население проявлять величайшую готовность в случаях, когда немцы будут что-нибудь реквизировать. В связи с утверждением Байера, что немцы якобы «мало» пользовались этим правом, и то почти только в отношении продовольствия⁵⁷, не лишне напомнить, что в самой Финляндии больше всего ощущалась нехватка именно продовольствия. Однако немцы выкачивали из Финляндии не только продовольствие, но и дефицитные материалы. Правда, производить конфискации самим им не было надобности: это делали белофинские власти. С весны 1918 г. в Финляндии конфискуются в больших количествах масло, чай, табак, кофе, а также ткани, медь, нефть, обувь, мыло⁵⁸. Большая часть этих товаров была получена из Англии и США на том условии, что они не будут реэкспортироваться — имелось в виду, чтобы они не попали к противнику — Германии; теперь они как раз и доставались Германии.

Немецкая и белофинская пресса старалась создать впечатление, будто все это компенсируется продовольственными поставками из Германии. Правда, Германия поставляла в Финляндию некоторое количество продовольствия (в частности, сушеные, соленые и квашенные овощи), но это далеко не возмещало вывозимых из Финляндии более высококачественных продуктов питания (особенно много вывозилось масла), а также лошадей и дефицитных материалов. Белофинское правительство в угоду немцам производило товарообмен, выгодный для Германии, но невыгодный для Финляндии. Продовольственный кризис в Финляндии немцы хотели использовать для втягивания ее в мировую войну: они побуждали финнов захватить продовольственные склады Англии, Франции и США на Мурманском побережье⁵⁹.

23 июня 1918 г. между Германией и Финляндией было заключено так называемое соглашение о компенсации, немедленно вступившее в силу. Все товары, которыми могли обмениваться Германия и Финляндия, были разделены на три класса; товары каждого класса должны были обмениваться только на товары этого же класса.

К первому классу товаров, поставляемых Германией, относились машины и детали машин. Германия могла поставлять их лишь при условии, что Финляндия компенсирует это поставкой

⁵⁶ «Finlands frihetskrig...» Del VII, s. 40.

⁵⁷ F. Bayer. Op. cit., S. 103.

⁵⁸ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 783, 787.

⁵⁹ Ibid., p. 805, 806.

соответствующих, отнесенных к первому классу, металлов в размере 130% по отношению к количеству металла, затраченного на эти машины (к железу и стали это не относилось). В известных случаях разрешалась замена одних металлов другими в определенном соотношении (напр., 100 кг олова считалось эквивалентным 300 кг меди или 180 кг никеля). Для Германии это было выгодно: она могла поставлять в Финляндию какие-нибудь ненужные ей во время войны машины и в обмен за них получать дефицитные металлы в большем количестве, чем затрачено на изготовление машин. Что касается Финляндии, то для нее было бы гораздо выгоднее покупать те же машины в какой-либо другой стране (например, в Швеции или США) без встречных поставок металлов, в которых Финляндия сама нуждалась (оговорка о замене одних металлов другими свидетельствовала о дефиците некоторых металлов в самой Финляндии).

Ко второму классу относились такие финские товары, как разного рода изделия из древесины, сульфит, сульфитцеллюлоза, бумага, фанера и т. д., и такие немецкие товары, как каменная соль, глауберова соль, минеральные красители, сельскохозяйственные машины, сепараторы, электромоторы и электрические аппараты, инструменты, трубы и т. д. Другими словами, Финляндия должна была поставлять товары, которые Германия могла получать в основном только из Финляндии, в обмен на что Германия давала товары, которые Финляндия могла бы получить и в других странах и, возможно, на более выгодных условиях.

К третьему классу относились такие товары, потребление которых каждая из сторон могла бы ограничить у себя для того, чтобы предоставить их другой стороне при условии, что и последняя согласится предоставить в обмен на это соответствующее количество товаров, относящихся к этой группе.

Финляндии запрещалось торговать со странами, воюющими против Германии и ее союзников.

«Соглашение для нас в общем выгодно», — бодро писала «Хувудстадсбладет», стараясь делать хорошую мину при плохой игре, но тут же уточняла: «если не принимать во внимание того, что товаров, относящихся к третьему классу, у нас очень мало и поэтому нам нужно расходовать их экономно»⁶⁰. Двумя месяцами раньше сама эта газета писала, что финляндские дельцы хотят добиться возможности торговать с другими странами, кроме Германии, и что на состоявшемся в середине марта совещании, в котором участвовало около 50 представителей торговых и промышленных кругов, ставился вопрос о том, «как далеко можно будет идти в уступках Германии, например в отношении ограничения свободного экспорта в другие страны, кроме Германии».

⁶⁰ «Hufvudstadsbladet», 10.VII 1918.

Совещание выразило мнение, что «лица, которые должны соблюдать экономические интересы Финляндии, должны стараться обеспечить максимально возможную свободу нашей внешней торговли, а также ни в коем случае не должны заключать какие-либо договоры без одобрения правительства и прежде, чем представители экономической жизни страны при посредстве правительства не ознакомятся с ними и не оценят их»⁶¹. А ведь соглашение о компенсации как раз навязывало Финляндии ограничение торговли с другими странами, от которого она хотела избавиться. Соглашение подчиняло финляндскую торговлю интересам Германии, превращало Финляндию в экономический придаток Германии.

Но германские империалисты думали о том, как бы выжать из Финляндии еще больше и поставить ее экономикой на службу Германии. По плану фон дер Гольца Финляндия должна была выполнять немецкие заказы для нужд войны⁶². 21 августа Людендорф в письме статс-секретарю по иностранным делам Гинце в связи с планом заключения с Финляндией военного договора подчеркивал, что особенно важно, чтобы Германия в будущем получала от Финляндии экономические выгоды. Людендорф считал, что этого было бы легко достичь, если бы Германия отказалась от возмещения расходов, вызванных участием в «освобождении Финляндии»⁶³. Промышленность Финляндии должна, продолжал Людендорф, участвовать в решении задач, которые стоят перед военной экономикой Германии. Финляндские верфи должны строить торговые суда для Германии. Германия должна получить разрешение на покупку в Финляндии лошадей, на использование гидроэнергии реки Вуоксы между озером Сайма и Ладожским озером, а также преимущественное право участвовать в разработке минеральных и особенно рудных месторождений в Финляндии (в частности, месторождений меди, марганца и молибдена). Если возможно, писал Людендорф, то Германии должно быть гарантировано и преимущественное право разработки только что открытых рудных месторождений, где работы еще не начаты⁶⁴.

Германские империалисты сразу, еще до интервенции, протянули руку к экономике и природным богатствам Финляндии.

⁶¹ «Hufvudstadsbladet», 6 V 1918.

⁶² R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 60, 61.

⁶³ В действительности Германия не отказалась от «возмещения» за интервенцию, которую она производила в собственных же целях. Кайзеровская Германия не успела взыскать это возмещение, так как сама рухнула в результате революции. Но правительство социал-предателей Эберта — Шейдемана после подавления революции в самой Германии потребовало от белой Финляндии платы за удушение финляндской революции. Белофинское правительство уплатило 18,5 млн. марок (C. J. Smith. Op. cit., p. 66).

⁶⁴ Y. Nurmio. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo — Helsinki, 1957, s. 357, 358.

Выше уже говорилось, что при посещении Свинхувудом Берлина в марте 1918 г. немецкие капиталисты основали, по словам Свинхувуда, какое-то смешанное германо-финское общество. Фирма Круппа образовала вместе с финнами компанию с капиталом в 2 млн. марок для исследования железорудных ресурсов Финляндии⁶⁵. Немецкие коммерсанты и экономические ведомства, как саранча, накинудись на Финляндию, причем, по признанию фон дер Гольца, «часто не умели провести разницу между оккупированной областью и дружественной страной и были склонны пример Украины, только что оккупированной для прокормления Германии, систематически применять к бедной и дружественной Финляндии»⁶⁶. Красноречивое признание! Видно, и сама финляндская буржуазия (часть которой была настроена дружелюбно по отношению к Антанте) терпела неприятности от своих «избавителей», если фон дер Гольцу приходилось призывать своих соотечественников-буржуа к большей осторожности и разъяснять им, что финский торговец «не хочет быть задушенным»⁶⁷.

Политику ограбления, которую империалистическая Германия проводила по отношению к Финляндии в целом, немецкие солдаты и матросы в порядке личной инициативы не без успеха применяли по отношению к отдельным финляндским гражданам. Сам фон дер Гольц признает, что его солдаты совершали в Финляндии грабежи и кражи, жертвами которых нередко становились те самые богачи, которые жаждали прибытия немецких войск. Солдаты, например, обокрали прогермански настроенного крупного землевладельца. По поводу поведения немецких матросов фон дер Гольц мягко замечает, что оно было «не столь хорошим», как поведение солдат⁶⁸. Даже артисты немецкого театра пытались тайком вывезти из Финляндии товары, не подлежащие вывозу, но были задержаны полицией⁶⁹.

Поскольку во время войны Германия нуждалась в рабочей силе и фон дер Гольц был сторонником отправки в Германию арестованных красногвардейцев (он считал этот план «одинаково выгодным для Германии и Финляндии»⁷⁰), финляндская буржуазия и в этом отношении пошла Германии навстречу. Белофинское правительство через самого фон дер Гольца направило германскому правительству предложение использовать финляндских заключенных в Германии или на оккупированных ею территориях, так как Германия нуждается в рабочей силе⁷¹.

⁶⁵ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 811.

⁶⁶ R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 60, 61.

⁶⁷ Ibidem.

⁶⁸ Ibid., S. 81.

⁶⁹ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 98, л. 61.

⁷⁰ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 95.

⁷¹ F. Beyer. Op. cit., S. 102.

31 мая депутат сейма Кайрамо предложил направить несколько тысяч арестованных в Германию⁷². Финляндский капиталист Линдер, выступавший с протестом против белого террора, предложил «строго-настрого поскорее запретить массовые расстрелы», а всех заключенных направить на каторжные работы за границу⁷³. Под заграницей понималась Германия. 16 июня был опубликован принятый охвостом сейма в интересах Германии закон об отправке заключенных на каторжные работы за границу⁷⁴. Однако ужасное физическое состояние людей, перенесших белофинский ад, заставило немецкие власти отказаться от этой сделки, достойной работорговцев.

15 июля 1918 г. газета «Хувудстадсбладет» писала о необходимости выраженных в французской прессе опасений, что Финляндия будет низведена до уровня территории, предназначенной для снабжения Германии сырьем и рабочей силой. Но Финляндия уже была низведена до этого. Сходство Финляндии с завоеванными территориями усугублялось тем, что она была оккупирована немецкими войсками и в руках генерала фон дер Гольца была сосредоточена фактически громадная власть.

В оставлении немецких войск в Финляндии были заинтересованы и белофинны, и немцы. 22 мая Свинхувуд направил фон дер Гольцу письмо, в котором писал: «Хотя мятеж можно теперь считать в общем и целом подавленным, все же было бы настоятельно необходимо, чтобы немецкие войска и дальше оставались в Финляндии»⁷⁵. Стенрот в своих воспоминаниях писал: «Все буржуазные партии в нашей стране, даже аграрный союз, единодушно поддерживали эту просьбу правительства»⁷⁶. По свидетельству фон дер Гольца, об оставлении немецких войск в Финляндии его просил и Маннергейм⁷⁷. Опасение, что после ухода немцев революция вспыхнет снова, было одной из важнейших причин этой просьбы. Фон дер Гольц писал, что немецкие войска должны были взять на себя в Финляндии защиту ее от «внутренних врагов», ибо существовала опасность, что после ухода немецких войск «внутреннее восстание вспыхнет снова»⁷⁸. Несмотря на то, что в лагерях было «около 70 тыс. пленных» (в действительности их было около 90 тыс.), писал фон дер Гольц, «красные были рассеяны по всей стране» и «не решались устроить новое восстание только потому, что в стране находились немецкие войска»⁷⁹. Белофинны чувствовали себя как на

⁷² V. Tanner. Det hvite skrækvældet i Finland, s. 90.

⁷³ T. Nerman. Svarta brigaden, s. 16—18.

⁷⁴ V. Tanner. Det hvite skrækvældet i Finland, s. 61.

⁷⁵ F. Beyer. Op. cit., S. 103.

⁷⁶ O. Stenroth. Ett halvt år som Finlands första utrikesminister. Helsingfors, 1931, s. 32.

⁷⁷ R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 55.

⁷⁸ Ibid., S. 55, 56.

⁷⁹ R. von der Goltz. Den tyska hjälpaktionen.— «Finlands frihetskrig...», del VII, s. 32, 33.

вулкане, «огонь недовольства все еще тлел среди городского населения под золой недавнего мятежа»⁸⁰. В письме в редакцию, опубликованном газетой «Хувудстадсбладет» 6 июня 1918 г., содержалось предупреждение, что «ником образом не исключена возможность того, что красные еще попытаются поднять голову». Американский полковник Раймонд Робинс в письме Лансингу от 1 июля 1918 г. писал, что установленное немцами в Финляндии так называемое правительство закона и порядка слишком слабо, чтобы удержаться в великой классовой борьбе, но оно может поддерживаться и контролироваться Германией⁸¹. Как сообщалось в обзоре бюро печати НКВД от 1 июня 1918 г., внутреннее положение в Финляндии было напряженным. Среди рабочего класса царило крайнее озлобление. Не прекращались вооруженные нападения на патрулей и казармы белофиннов и немцев. Белые спешили скорей создать свою регулярную армию, которая защитила бы их⁸².

Эта обстановка в Финляндии после подавления революции еще раз убедительно показывает, какие глубокие корни имела революция и какой неправдой было утверждение белофиннов, будто она являлась делом рук русских большевиков. В Финляндии после подавления революции и подавно не было ни одного русского большевика, около сотни финляндских рабочих — цвет рабочего движения — томились в тюрьмах и не представляли опасности для буржуазии, а она все-таки не чувствовала себя спокойной без немецких штыков.

Германия тем охотнее удовлетворила просьбу белофиннов об оставлении немецких войск в Финляндии, что это входило в ее собственные планы. Она для того и направила свои войска в Финляндию, чтобы они остались там надолго. Как уже говорилось, цель интервенции состояла в том, чтобы: 1) блокировать высадившиеся на севере России войска противников Германии и не дать им воспользоваться ресурсами России против Германии; 2) подготовить агрессию против Советской России и захватить ее ресурсы с целью использовать их в войне против Антанты и США; 3) закрепить свое господство в Финляндии. Для достижения всех этих целей Германии нужно было иметь в Финляндии свои войска.

Но политика в Финляндии была лишь частью экспансионистской политики Германии на Востоке. 16 мая 1918 г. 15 представителей крупнейших немецких монополий, среди которых были Тиссен, Стиннес, Феглер, Клекнер и др., на своем совещании в

⁸⁰ J. Buchan. Baltic and Caucasian States. Boston — New York, 1923. p. 45.

⁸¹ «FRUS. The Lansing Papers 1914—1920», vol. I. Washington, 1939, p. 366.

⁸² «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—22 гг. Сб. документов». Сост. А. М. Федотов. Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1944, стр. 23.

Штальгофе (близ Дюссельдорфа) рассматривали вопрос об освоении России, Украины, Балкан и лимитрофов. «Было единодушно отмечено, — говорилось в протоколе совещания, — что условием такого предприятия является более прочное и гораздо более широкое укрепление политических позиций Германской империи в восточных областях, чем это следует из настоящих условий мирного договора. Прежде всего необходимо, чтобы Германия и ее союзники на длительное время осуществили военную оккупацию коммуникаций, связывающих европейские страны с севером России. Следует стремиться к тому, чтобы побережье у Мурманска, а также острова Балтийского моря, в первую очередь Эзель, Аландские острова и сама Финляндия оставались под нашим военным контролем»⁸³.

Таким образом, оставление немецких войск в Финляндии соответствовало воле германских пушечных королей, ради чьих интересов велась и империалистическая война, одной из операций которой была германская акция в Финляндии.

В скорейшем создании финляндской регулярной армии были заинтересованы и белофинны, и Германия, рассчитывавшая употребить эту армию и против войск Антанты, и против Советской России (помимо трех финских дивизий создавалась бригада всех родов войск, предназначенная специально для действий в северной Финляндии и в Карелии). Создание армии происходило под руководством немецкой военщины, что еще больше усилило ее влияние в Финляндии. В качестве офицеров и унтер-офицеров для обучения белофинской армии были использованы кадры Балтийской дивизии, а также бывшие русские офицеры. Начальниками специальных армейских служб — санитарной, интендантской — также стали германские офицеры⁸⁴. Во главе всех важнейших отделов генерального штаба финляндской армии и военного министерства, а также каждой смешанной части финляндских войск стали специально командированные из Германии офицеры германского генерального штаба и военного министерства Германии. Фактически начальником генерального штаба финляндской армии стал немецкий полковник фон Федерн, потому что, по словам фон дер Гольца, подходящих финских кандидатов, которые могли бы занимать высшие посты в армии, не было⁸⁵. Разумеется, у белофиннов были высшие офицеры и тем более было достаточно средних офицеров, которые имели ничуть не меньше данных, чем немцы, чтобы руководить, например, интендантской службой в военных частях, но немцам важно было иметь всю военную машину под своим полным контролем. Американский консул Хейнс сообщал 26 августа из Финляндии в Вашингтон: «Сейчас

⁸³ А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1956, стр. 150—152.

⁸⁴ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 97, 98.

⁸⁵ Ibid., S. 99.

вся энергия немцев направлена на обучение финской армии. К каждой роте прикреплен один немецкий офицер; все приказы по армии должны быть скреплены подписью полковника фон Редерна, который сотрудничает с Тесловым, начальником генерального штаба. В настоящее время следует говорить именно о немецко-финской армии»⁸⁶. О Тесле даже Маннергейм сказал, что он «более немец, чем сами немцы»⁸⁷. В сводке штаба северного участка войск завесы от 1 июля 1918 г. сообщалось, что финские белогвардейцы полагают создать для борьбы с Россией армию в 250—300 тыс. человек. Руководителями и инструкторами являются немцы, так как финны, по отзывам немцев, не обнаружили организаторских талантов⁸⁸. Дело объяснялось, конечно, не особой талантливостью немцев по сравнению с финнами, а тем, что немцы хотели иметь в своих руках командные посты.

Предписанием германского генерального штаба от 29 июля 1918 г. фон дер Гольцу был присвоен титул «германского генерала в Финляндии». Ему, говорилось в предписании, подчинены: 1) все немецкие военные инстанции в Финляндии; 2) все офицеры и лица, командированные из Германии для организации финляндско-военно-морского флота; 3) возглавляемый полковником Редером отдел по организации финляндской армии и флота; 4) военно-политические отделы: отдел прессы (имевший задачей распространение немецкой информации), отдел контрразведки, агентурный отдел (занимавшийся сбором сведений о России, Швеции и Норвегии), отдел средств связи (имевший целью улучшение связи с Германией и «достижение наибольшего благоприятствования в отношении немецких материалов и немецкого оборудования для всех средств связи»); 5) уполномоченный военного министерства в Финляндии; 6) представитель германского военно-морского флота в Финляндии⁸⁹.

Уже одно это перечисление показывает, сколько немецких военных властей находилось в то время в Финляндии. Фактически немцы создали там своего рода оккупационный аппарат, как они делали и на других захваченных территориях. Не только армия Финляндии, но разведка, контрразведка, информационная служба находились под контролем и управлением немцев. Нити всего этого управления находились в руках «германского генерала в Финляндии» фон дер Гольца, который имел фактически неограниченную власть в стране. «Я, возможно, приобрел влияние, которое мне само по себе не подобало» и которое «не оставалось скрытым», — признавался сам фон дер Гольц, но присовокуплял, что этого-то от него и требовал «фатерланд»: «Меня,

⁸⁶ «FRUS, 1918. Russia», vol. II, p. 807.

⁸⁷ Y. Nurmio. Op. cit., s. 247.

⁸⁸ «Разгром белофинских интервентов...», стр. 23.

⁸⁹ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 293—296.

возможно, отзывали бы, я не оправдал бы своего положения, если бы из опасения и осторожности ничего не осмеливался делать на этой прекрасной целине и не проявлял бы никакой инициативы»⁹⁰. Даже дружественно настроенные по отношению к Германии газеты называли его «германским проконсулом в Финляндии». До какой степени дошло подчинение Финляндии, видно хотя бы из того, что ни один финский корабль не мог отплыть из Финляндии без разрешения немцев⁹¹, а при подписании между Советской Россией и Германией 27 августа 1918 г. добавочного договора к Брест-Литовскому договору Германия гарантировала, что со стороны Финляндии не будет произведено нападений на территорию России, в частности на Петроград (в нарушение этого обязательства Германия как раз и готовила нападение на Советскую Россию!). Американский консул Хейнс писал, что «армия и правительство (Финляндии. — В. Х.) находятся под контролем фон дер Гольца и германских вооруженных сил»⁹² и что многие из должностных лиц, «особенно те, из которых состоит сенат, являются просто германскими агентами»⁹³. Стенрот сообщает такую деталь, характеризующую политическое влияние немцев в Финляндии. В финских газетах публиковались сообщения с фронтов мировой войны не только германские, но и информационных агентств Антанты. Так как дела Германии на фронте шли все хуже, германское командование потребовало от правительства Финляндии, чтобы финские газеты публиковали только немецкие сообщения. «Пришлось этому подчиниться»⁹⁴, — пишет Стенрот. Германский консул в Финляндии Гольдбек-Лёве писал о министрах правительства Паасикиви, что они «были готовы следовать во всем за Германией»⁹⁵.

Громадное влияние Германии на финляндские дела особенно наглядно проявилось в таких мерах, явно имевших целью закрепить зависимость Финляндии от нее на долгие времена, как введение монархии и избрание немецкого князя королем Финляндии. Союзниками Германии в этом деле оказались влиятельные круги финской буржуазии. Они и раньше, — а после революции особенно — хотели твердой власти, не зависевшей от парламента, где значительную роль играли представители трудящихся. Даже президент, облеченный большими правами, их не особенно устраивал: он избирался на короткий срок, да и в выборах его могла найти отражение воля народных масс. Им нужна была монархия, причем такая, где монарх не только царствовал бы,

⁹⁰ R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 67, 68.

⁹¹ «FRUS. 1918. Russia», vol. II, p. 600.

⁹² Ibid., p. 807.

⁹³ Ibid., p. 799.

⁹⁴ O. Stenroth. Op. cit., s. 37.

⁹⁵ J. Ilvessalo. Suomi ja Weimarin Saksa. Berlin, 1959, s. 38.

т. е. существовал лишь для проформы, но и управлял бы. А чтобы придать монархии большую устойчивость и гарантировать ей помощь могучей иностранной державы как в деле расширения территории Финляндии, так и в подавлении, если понадобится, новой революции внутри, королем Финляндии хотели сделать немца. Конечно, тогда Финляндия была бы вассалом Германии, но эта перспектива буржуазию нимало не отталкивала: наоборот, она хотела иметь сильного покровителя. В Финляндии тогда еще верили, что Германия будет победителем в мировой войне. Но реакционный план установления монархии должен был вызвать возражения не только у рабочего класса — его-то сопротивление было временно сломлено зверским террором, — но и у мелкой и части крупной буржуазии и интеллигенции.

Как некоторые безвредные микробы, даже находясь в организме, не могут вызвать болезнь, пока он здоров, и подкашивают его только после того, как он чем-то ослаблен, так и реакционная идея введения монархии, давно существовавшая в консервативных кругах Финляндии, долгое время не смела проявиться открыто, и только разгром революции создал возможности для ее проявления и осуществления. Валпас еще в ноябре 1917 г. проницательно заметил: «Я совершенно уверен в том, что у нас в Финляндии среди правых есть и была большая влиятельная группа сторонников монархии... Они хотят ввести монархический строй, но они не осмеливаются выдвигать его прямо, а выступают перед народом под какой-нибудь красивой маской»⁹⁶. Но тогдашний революционный подъем вынуждал монархистов помалкивать и числиться в республиканцах; только иностранцам — германским представителям — поверяли они свои сокровенные надежды на то, что республика будет в Финляндии лишь переходной формой⁹⁷. В марте 1918 г. приехавший в Берлин Свинхувуд дал тайное обещание германскому правительству в качестве платы за интервенцию (помимо денежной платы) ввести в Финляндии монархию и предоставить престол немецкому принцу. Тогда же Германия оговорила себе право держать свои войска в Финляндии до выполнения этого обязательства и до утверждения сеймом договоров, заключенных с Германией⁹⁸. Социал-демократ Давид спросил Свинхувуда, как в Финляндии обстоит дело с монархическими тенденциями. Свинхувуд опасался, как бы социал-демократы не помешали интервенции, и притворился республи-

⁹⁶ K. Hämäläinen. Sosialistinen ulkopoliitikka. Lahti, 1946, s. 269.

⁹⁷ Y. Nurmio. Op. cit., s. 269.

⁹⁸ «Hufvudstadsbladet», 27.V 1918. В мае 1918 г. это секретное обещание Свинхувуда стало достоянием гласности: сообщение об этом было опубликовано в шведской левой газете «Политикен» и перепечатано в «Хельсингин саномат». Пытаясь замаять скандал, официальная «Хувудстадсбладет» 27 мая опровергла это сообщение как вымысел; но скоро Свинхувуд своими делами опроверг это словесное опровержение.

канцем. О монархии в Финляндии, заявил он, «не может быть и речи, в Финляндии нет ни одного человека, который думал бы об этом. Мы все как один демократы и республиканцы!»⁹⁹.

Слухи о предстоящем превращении Финляндии в монархию с немцем в качестве короля стали распространяться еще во время гражданской войны. Они вызвали беспокойство в некоторых кругах самих белофиннов, среди которых было немало сторонников республики. С февраля в сенат стали направляться письма и делегации с требованием разъяснений по поводу слухов о намерениях сената установить монархию. В одном письме, например, группа белофинских артиллеристов и егерей предупреждала, что иностранный князь сможет стать королем в Финляндии, только перешагнув через их трупы¹⁰⁰. 14 апреля совещание групп аграрного союза высказалось в поддержку республики, против монархии, со следующей мотивировкой: если королем Финляндии станет немецкий принц, то влияние Германии станет слишком сильным; «такой король мог бы также, ввиду отношений, в которых он находился бы с Германией, счесть возможным попытаться править, отстраняя демократические слои; король может привести с собой двор, который станет настолько влиятельным, что это может нарушить права народного представительства и таким образом «гельсингфорские лидеры» станут господствовать в стране»¹⁰¹.

Монархисты предпочли отложить вопрос до конца гражданской войны, чтобы не вызвать гибельные разногласия в стане белых. Но в последние дни войны, когда победа белых и немцев была уже обеспечена, сторонники монархии со всей энергией открыто приступили к осуществлению своих планов. Статьей «Дайте нам короля» в «Дагенс пресс» 23 апреля была начата кампания в газетах монархического направления. Накануне открытия сейма, 14 мая, на первых страницах столичных газет Финляндии было опубликовано пространное обращение 47 видных буржуазных деятелей «К гражданам Финляндии». Авторы обращения выражали убеждение, что при выборе между республикой или конституционной монархией нужно выбрать «только вторую». Географическое положение Финляндии, говорилось в обращении, представляет «величайшую опасность для самостоятельности Финляндии», так как в России, которая сейчас слаба и находится в «состоянии смуты», вскоре опять будет восстановлен порядок, и тогда она снова «проглотит Финляндию». Так как одна Финляндия не может себя защитить от этой опасности, она должна опе-

⁹⁹ «Hufvudstadsbladet», 8.VIII 1918; «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 313, S. 5619.

¹⁰⁰ «Finlands frihetskrig...» Del IV, s. 37.

¹⁰¹ G. Landtmann. Finlands väg till oavhängighet. Helsingfors, 1919, s. 329—330.

реться на «могучее военное государство, из вооруженной победы которого выросла самостоятельность Финляндии». В защиту монархии выдвигались и внутрисполитические соображения. «Нам нужна, — говорилось в обращении, — твердая и самостоятельная правительственная власть для защиты порядка и мира в обществе, для защиты истинной гражданской свободы», а все это «наилучшим образом обеспечивает конституционная монархия»¹⁰². В кампанию за монархию включились крупнейшие политические фигуры белой Финляндии — Маннергейм и Свинхувуд. Маннергейм 16 мая «от имени армии» выступил в сейме за то, «чтобы руль государственного корабля Финляндии был вверен в твердые руки, которые были бы недосыгаемы для партийных споров и которым не нужно было бы идти на компромиссы, ведя мелочный торг из-за правительственной власти»¹⁰³. Маннергейм рассчитывал, что руль государственного корабля вручат в его твердые руки. «Человек, который до 50 лет был верным слугой русского царя, в том числе и в тяжелые для Финляндии годы угнетения, человек, который только под давлением обстоятельств вернулся на свою родину, думал сразу же по возвращении подняться на еще не существовавший до этого трон, стать на своей родине королем!»¹⁰⁴, — пишет один из его биографов. Но в качестве короля монархистам нужен был немецкий принц.

Свинхувуд, во время войны притворявшийся республиканцем, теперь открыто и твердо высказался за монархию и даже пригрозил, что если сейм будет поддерживать республиканскую форму правления, некоторые члены правительства уйдут в отставку¹⁰⁵. Сторонники монархии в своей газете «Ууси пайвя» прямо писали, что они «составляют новый заговор» с целью «настойчиво внушать народу принцип сильной государственной власти», которая якобы только и обеспечивает безопасность и мир в будущем (хотя одной из целей установления в Финляндии монархии с немецким принцем во главе была война против Советской России для захвата Восточной Карелии). Всем противникам этого принципа монархисты объявляли «непримиримую войну»¹⁰⁶.

Однако самые многочисленные классы — крестьянство и рабочий класс — являлись противниками монархии, рядовой состав армии также был республикански настроен, а среди буржуазии сторонники и противники монархии приблизительно уравнивали друг друга. Подавляющее большинство населения было,

¹⁰² «Hufvudstadsbladet», 14.V 1918.

¹⁰³ H. Ignatius. Gustaf Mannerheim. Luonnekuva, puheet, sähkösanomat vapaussodan ajoilta. Helsinki, 1918, s. 60.

¹⁰⁴ A. Nopanen. Carl Gustaf Emil Mannerheim vuoteen 1919 saakka. Lahti, 1963, s. 54.

¹⁰⁵ Y. Nurmio. Op. cit., s. 285.

¹⁰⁶ Цит. по кн.: V. Tanner. Det hvite skrækvædet i Finland, s. 50.

следовательно, за республику. Республиканцы, виднейшим из лидеров которых был К. Й. Стольберг (позже, в 1919 г., избранный президентом Финляндии), также повели энергичную кампанию в прессе. 29 мая они опубликовали воззвание, в котором высказывались против «чужого короля, находящегося под влиянием узкого, чуждого нашему народу круга»¹⁰⁷.

Поскольку вопрос о форме правления в условиях того времени был связан с вопросом о внешнеполитической ориентации, великие державы внимательно следили за перипетиями внутренней борьбы в этой небольшой стране и не оставались безучастными. Если германские военные круги были явно на стороне монархистов, то Антанта, напротив, пыталась сорвать их планы. По имевшимся у немцев сведениям, Антанта поддерживала республиканцев в Финляндии и предоставляла денежные средства для ведения республиканской пропаганды¹⁰⁸.

Монархистов не смущало то, что они в меньшинстве. Они рассчитывали, опираясь на Германию, навязать своей стране монархию вопреки сопротивлению большинства. Участник германской интервенции Ф. Байер не скрывает, что немецкие войска в Финляндии находились в состоянии «готовности на случай восстания по поводу введения монархии»¹⁰⁹. В обстановке немецкой оккупации, белого террора и при отсутствии в сейме крупнейшей фракции народ не мог повлиять на решение вопроса о власти. Как признает Ландтман, «часть публики оставалась довольно равнодушной к этой бурной кампании, так как во всяком случае казалось безнадежным, чтобы при существовавшем тогда как внешнем, так и внутреннем политическом кризисе финляндский народ мог совершенно свободно выбрать ту государственную форму, которую он предпочитал»¹¹⁰. На это и рассчитывали монархисты.

11 июня сенат внес в сейм законопроект о введении в Финляндии конституционной наследственной монархии. Обосновывая его, глава правительства подчеркнул: «Если мы действительно хотим собрать находящиеся по другую сторону границы наши племена... в один народ и одно государство, способное стоять на собственных ногах, то осуществить эту задачу и сохранить приобретения в будущем мы сможем только при помощи монархической формы правления»¹¹¹. Вокруг законопроекта разгорелись споры, в ходе которых стороны дошли до крепких выражений. Республиканцы называли сторонников монархии «авантюристами, готовыми продать страну Германии», а те, в свою очередь, отвечали, что республиканцы хотят продать страну Антанте. Голосование пока-

¹⁰⁷ G. Landtman. Op. cit., s. 346.

¹⁰⁸ Y. Nurmio. Op. cit., s. 300.

¹⁰⁹ F. Beyer. Op. cit., S. 106.

¹¹⁰ G. Landtman. Op. cit., s. 63.

¹¹¹ G. Schauman. Kampen om statsskicket..., s. 43.

зало, что проект о введении монархии собирает немногим более половины голосов: в конституционной комиссии сейма за него голосовало 9 депутатов, против — 8, а в большой комиссии за — 16, против — 15¹¹². Результаты были совершенно неудовлетворительны для монархистов. Законопроект, имеющий конституционный характер, должен быть принят большинством в две трети, после чего он переносится через выборы (т. е. должен быть поставлен на обсуждение еще нового сейма после выборов) и может считаться окончательно принятым только в случае, если и сейм нового состава принял бы его большинством не менее двух третей голосов. Монархисты не хотели перенесения законопроекта через выборы: в сейме полного состава большинство составляли бы противники монархии. Чтобы законопроект не переносился через выборы, а решался сеймом данного состава, требовалось, чтобы не менее пяти шестых присутствующих депутатов признали его срочным и не менее двух третей поддержали его по существу. Голосования показали, что даже в охвостье сейма законопроект не провести.

Монархисты стали просить Германию оказать воздействие на их соотечественников. От Германии требовалось официальное заявление, что она заинтересована в установлении монархии в Финляндии. На часть республиканцев, считали монархисты, это должно было подействовать. Ведь республиканцы утверждали, будто вопрос о форме правления в Финляндии для Германии безразличен. Основанием для этого могли служить лицемерные заявления вице-канцлера Пайера в главном комитете рейхстага, что Германия не намерена-де вмешиваться во внутренние дела Финляндии, аналогичное утверждение фон дер Гольца (которое он опровергал делами) и заявление посланника Брюка, будто Германия считает вопрос о форме правления внутренним делом Финляндии. Просьбы об официальном заявлении в пользу монархии были направлены сразу и в политические, и в военные инстанции Германии. Свинхувуд и Сарно обратились с такой просьбой к германскому правительству через Брюка, белофинские представители в Германии Бунсдорф и Фрей подали об этом записку в германский генштаб, а личный секретарь министра иностранных дел Финляндии Прокопе высказался в этом духе в беседе с начальником политического отдела генштаба Штейнваксом. Бунсдорф и Фрей припугнули Германию, что если она не сделает такого заявления, то вся ее «благородная помощь» Финляндии пойдет насмарку: прогерманское правительство Свинхувуда падет, а Финляндия станет слабой республикой, которая будет подвержена влиянию Антанты, а Германии будет чинить

¹¹² Ibid., s. 56, 57; J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 278, 279.

только затруднения. Аналогичные доводы выдвинул и начальник отдела финляндского генштаба Суолахти в секретном письме, которое он несколько позже, 12 июля, направил в германский генштаб. Бунсдорф и Фрей подсказывали Германии и еще один сильный аргумент: аграрный союз, считали они, переметнется с республиканской позиции на монархическую, если Германия заявит, что только в случае введения монархии Германия поможет Финляндии решить вопрос о Восточной Карелии¹¹³.

Все эти доводы произвели впечатление в Германии. Людендорф считал, что безусловно необходимо сделать просимое заявление. В телеграмме канцлеру он подчеркнул, что политические интересы Германии и интересы княжеских фамилий Германии состоят в том, чтобы в качестве противовеса растущим демократическим и республиканским тенденциям добиться основания в Финляндии сильной монархии, целиком подчиненной немецкому принцу. По мнению Людендорфа, в каком-нибудь убедительном обосновании не было надобности. Полуофициальное заявление фон дер Гольца прямо привело бы к введению монархии. Руководящие деятели Финляндии ожидали только известного нажима, чтобы привлечь колеблющиеся слои на сторону монархии. В конце телеграммы Людендорф предостерегал, что республиканская Финляндия, безусловно, очень скоро окажется под влиянием Антанты. Поэтому он предлагал дать согласие на требуемое заявление, «в особенности потому, что переход Восточной Карелии до Мурманского побережья в руки Финляндии, ставшей нашим самым близким другом, в действительности еще более важен для нас»¹¹⁴.

Итак, воцарение немецкого принца в Финляндии и для белофиннов, и для германских милитаристов становилось условием осуществления захватнических планов в отношении Советской Карелии и Мурмана.

Согласие на просимое белофиннами полуофициальное заявление было дано. 6 июля из германского генерального штаба было направлено указание фон дер Гольцу заявить, что лишь монархическую Финляндию Германия может считать надежным другом и что поддержка Германией финских планов относительно Восточной Карелии будет зависеть от того, примет ли Финляндия решение о введении монархии¹¹⁵. Правда, фон дер Гольц и до этого сделал неофициальное заявление о желательности монархии. Отвечая на вопрос республиканцев о его мнении относительно монархии в Финляндии, генерал сказал: «Я сам..., естественно, убежденный монархист. Как монархист, я сомневаюсь, что молодое, раздираемое партийной борьбой государство, находящееся в

¹¹³ Y. Nurmio. *Op. cit.*, s. 315.

¹¹⁴ *Ibid.*, s. 316.

¹¹⁵ *Ibid.*, s. 305.

критическом внешнеполитическом положении, может оставаться республикой»¹¹⁶.

Вскоре фон дер Гольц сделал более сильное, полуофициальное заявление о поддержке Германией монархической формы правления, на которое он был уполномочен Людендорфом. Фон дер Гольц сообщил в Берлин, что финляндское правительство надеется получить такое же или даже еще более ясное заявление и от германского МИД. Тогда оно могло бы опровергнуть возможное возражение, что германское правительство менее заинтересовано в монархии, чем военное командование (в Финляндии знали, что между этими инстанциями бывают разногласия по финляндскому вопросу). Направляя 14 июля эту телеграмму фон дер Гольца канцлеру, Людендорф высказывался за необходимость ясного заявления и со стороны МИД, «чтобы не говорили опять, что политику делают военные»¹¹⁷.

Между тем в сейме началось второе чтение законопроекта о монархии. В своих выступлениях его сторонники, по ироническому выражению Хямяляйнена, рекомендовали монархию во главе с немецким принцем словно патентованное средство, которое должно было избавить Финляндию от всех зол¹¹⁸. В их аргументации ясно указывалось на реакционные и антисоветские цели этого шага. Так, депутат Пааволайнен заявил, что благодаря монархии «прекрасная мечта о великой Финляндии могла бы превратиться в действительность» и союз с Германией стал бы еще крепче. Депутат Кайрамо подчеркнул, что «вопрос о внешней политике и вопрос о форме правления в Финляндии неразрывно связаны между собой» — «так как Германия нам необходима, республика в Финляндии невозможна». Пастор Малмиваара привел тот довод, что от Германии еще неизбежно придется получать помощь в борьбе против «красной опасности»: «Одни мы не выдержим эту бурю, которая угрожает нам снова, если не получим помощь от наших великодушных гостей, и нам было официально заявлено, что оказание этой помощи будет зависеть от того, какую мы теперь установим форму правления для нашей страны»¹¹⁹.

При голосовании во время второго чтения 13 июля предложение о монархии было принято 57 голосами против 52 (следует помнить, что полное число депутатов сейма — 200 человек, так что в голосовании по такому важному вопросу не участвовало около половины депутатов; отсутствовала социал-демократическая фракция).

Республиканское меньшинство охвостья сейма требовало, чтобы до окончательного решения вопроса о форме правления

¹¹⁶ Y. Nurmio. Op. cit., s. 298.

¹¹⁷ Ibid., s. 320.

¹¹⁸ K. Hämäläinen. Op. cit., s. 82.

¹¹⁹ Ibidem.

были проведены новые выборы или же всенародное голосование. Монархисты наотрез отказывались от такого варианта, сулившего им верное поражение. Они надеялись добиться своего именно при этом составе сейма.

Третье, решающее чтение законопроекта, которое обычно состоит через три дня, было на сей раз вопреки всяким традициям отложено на три недели, чтобы, как откровенно писали газеты, дать время монархистам обработать колеблющихся республиканцев и собрать необходимое большинство. Однако Свинхувуд, по свидетельству германского посланника Брюка, считал перспективы весьма гуманными и находился в подавленном состоянии. Если раньше он сказал Брюку, что не ожидает от Германии более пространного заявления о монархии, ибо такое заявление воспринималось бы в Финляндии как нажим и произвело бы неблагоприятное впечатление, то теперь он уже не прочь был согласиться на самый откровенный нажим. Он хотел, чтобы фон дер Гольц напрямик заявил в сейме, что только воцарение в Финляндии немецкого князя возбудит у Германии достаточное доверие к Финляндии. 17 июля Брюк официально заявил регенту и министру иностранных дел Финляндии, что «германское правительство считает наиболее целесообразным с точки зрения интересов Финляндии (1) введение в Финляндии монархической формы правления»¹²⁰. Финнам не было надобности ломать голову над тем, что целесообразнее для их страны: это решили в Берлине. Министр иностранных дел тут же информировал фракции сейма о заявлении Брюка, чтобы монархисты могли пустить в ход этот довод в попытках склонить на свою сторону колеблющихся республиканцев. Германскому правительству была направлена благодарность за новое заявление, которое «произвело большое впечатление на республиканцев»¹²¹.

Это беззастенчивое использование сенатом давления Германии для навязывания финляндскому народу монархии вызвало возмущение даже у буржуазных авторов. «Факт,— пишет Шауман,— что по чисто внутреннему делу правительство Финляндии запросило высказывание иностранного правительства и опиралось на него, так как иначе ему не удалось бы провести свою точку зрения». «Правительство знает, что оно не имеет за собой большинства народа, и поэтому старается удержаться при помощи искусственных средств»¹²².

До решающего, третьего чтения монархисты вели энергичную обработку общественного мнения. «Монархически настроенные граждане,— писала «Хувудстадсбладет» 23 июля 1918 г.,—

¹²⁰ G. Schaubman. Kampen om statsskicket..., s. 63; J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 283, 284; O. Stenroth. Op. cit., s. 99, 100.

¹²¹ G. Schaubman. Vid vändpunkten, s. 5, 6.

¹²² Ibid., s. 5—10.

должны, пока еще есть время, . . . сплотиться вокруг правительства и словами и делами показать, что в один из важнейших периодов в политической жизни страны они едины с правительством и готовы . . . бороться за то, чего, по их мнению, требует благополучие страны». В своей агитации монархисты беззастенчиво упирали на то, что германская помощь будет обеспечена лишь монархической Финляндии. В одной брошюре, например, говорилось: «Если мы выберем республику, то можно с уверенностью предположить, что Германия либо сделает из Финляндии опекаемый немецким генералом плацдарм для германского наступления на Мурман (и тогда сама Германия будет удерживать Восточную Карелию), либо Германия выведет из Финляндии свои войска, оставив нас на произвол судьбы»¹²³. В случае неприятия монархии сулили апокалиптические ужасы. «Наша страна распадется на разрозненные части, и только волки и гены общества будут рыскать среди руин, стараясь среди обломков того, что некогда было нашей страной, найти добычу для своей алчности. Каждый будет думать только о себе и никто — обо всех»¹²⁴. Для доказательства преимуществ монархии ссылались даже на . . . биологию¹²⁵.

С своей стороны Германия делала все возможное, чтобы сломить сопротивление республиканцев и довести процесс, начатый подавлением революции, до логического конца — полнейшего подчинения Финляндии путем превращения ее в вотчину короля-немца. Официальные и неофициальные заявления в пользу монархии, о которых Германию некогда пришлось просить, теперь сыпались градом. Финские дипломаты каждой депешей сообщали о все новых доказательствах заинтересованности Германии в установлении монархии в Финляндии. И. о. министра иностранных дел фон дем Буше заявил Ельту, что теперь Германия занимает «более решительную позицию в пользу монархии»¹²⁶. Бунсдорф писал, что «высшие инстанции — верховное командование и министерство иностранных дел — желают, чтобы в нашей стране была введена монархия»¹²⁷. Немецкая пресса (за исключением социалистической и немногих буржуазных газет) из всех сил поддерживала монархистов в Финляндии, а те в своих газетах посвящали целые столбцы высказываниям немецкой прессы, вроде, например, такого места из «Норддейче альгемейне дейтунг» от 31 июля: «Германия не может стоять с закрытыми глазами в то время, как Финляндия создает себе форму правления. Участие в решении вопроса о форме правления

¹²³ Цит. по: «Kumous», 1918, № 8, s. 75.

¹²⁴ «Hufvudstadsbladet», 6.VIII 1918.

¹²⁵ Статья К. Тиандера «Монархия и республика с биологической точки зрения» («Hufvudstadsbladet», 6.VIII 1918).

¹²⁶ O. Stenroth. Op. cit., s. 100.

¹²⁷ Ibid., s. 52, 53.

является для Германии прямым долгом, так как ее интересы совпадают с интересами Финляндии»¹²⁸. 1 августа та же газета писала: «Как для Финляндии, так и для Германии чрезвычайно полезно установление в Финляндии монархической формы правления... Финляндия безусловно нуждается в Восточной Карелии, чтобы создать себе пригодную для защиты границу с Россией. Интересы как Финляндии, так и Германии требуют быстрого решения вопроса о государственной форме в пользу монархии»¹²⁹. Немецкая пресса стала пропагандистским орудием финских монархистов. Сам кайзер тщился до максимума использовать весь свой вес, чтобы добиться в Финляндии желаемого результата. Он сам заявил Ельту, как тот поспешил сообщить в Гельсингфорс 4 августа, что Германия придает особо большое значение тому, чтобы в Финляндии была введена монархия¹³⁰. Ну, в каких еще выражениях должен был кайзер передать свое желание этим непонятливым финнам? Монархисты подхватывали каждое такое заявление для обработки колеблющихся республиканцев.

Для давления на республиканцев Германия и монархисты пустили в ход еще одно средство. Еще с весны между Германией и Финляндией начались переговоры о заключении военного союза. Кто хотел расширения территории Финляндии, тот должен был желать такого союза, предусматривавшего помощь Германии в этом деле. Но Германия поставила условием такого союза и такой помощи введение в Финляндии монархии, что дало новый козырь в руки монархистам. В проекте договора о военном союзе, с которым фон дер Гольц ознакомил Свинхувуда, наряду с пунктом о германской помощи Финляндии в завоевании Советской Карелии, был пункт, гласивший, что «Финляндия обязуется ввести такую форму правления, которая гарантирует сохранение дружественной по отношению к Германии внешней политики»¹³¹, т. е. монархию.

Чтобы склонить республиканцев к отказу от своей позиции, монархисты использовали и другую приманку. В августе 1918 г. в Берлине проходили советско-финляндские переговоры. Условием нормализации отношений Финляндия выставила удовлетворение таких территориальных и материальных претензий, на какие советская сторона не могла согласиться. 7 августа Свинхувуд и Стенрот по телеграфу попросили финляндскую миссию в Берлине прислать «разъяснение» о том, что Германия поддержит финские претензии лишь в случае установления монархии. Миссия немедленно телеграфировала в ответ: «Наши претензии

¹²⁸ Цит. по кн.: G. Sch a u m a n. Kampen om statsskicket..., s. 75.

¹²⁹ «Hufvudstadsbladet», 7.VIII 1918.

¹³⁰ Y. N u r m i o. Op. cit., s. 327.

¹³¹ Ibid., s. 340.

не могут быть осуществлены без поддержки Германии. Подтверждаем наше прежнее сообщение, что поддержка Германии может быть получена только при условии немедленного введения монархии»¹³². Монархисты могли теперь заявлять, что только из-за упрямства республиканцев тормозится реализация финских претензий к РСФСР.

Все это несколько помогло монархистам: от лагеря республиканцев отпало два десятка депутатов. 7 августа состоялось решающее третье чтение законопроекта. Страна напряженно ждала результатов. Предложение монархистов о признании законопроекта срочным не собрало требуемых $\frac{5}{6}$ голосов: за него было подано 75 голосов, против — 32. Итак, законопроект не мог быть принят данным сеймом окончательно и переносился через выборы. Все старания монархистов использовать давление Германии не достигли цели. А в сейме полного состава монархистам и подавно нечего было рассчитывать на победу.

Законных, соответствующих конституции способов изменить форму правления у монархистов не осталось. Между тем и сами монархисты, и Германия придавали особо большое значение установлению монархии с немцем на троне. Это можно было сделать только с помощью мошенничества — и монархисты не остановились перед мошенничеством, перед попранием конституционных норм.

Из пыли архивов был извлечен на свет закон ... 1772 г., относившийся к тому времени, когда Финляндия была частью Швеции. Ст. 38 его гласила, что если династия вымирает, то депутаты сословий должны срочно собраться в Стокгольме и выбрать нового короля. Нелепость применения этого шведского закона полуторавековой давности была тем более очевидна, что в прошлом государственные деятели и юристы Финляндии единодушно считали этот закон утратившим силу со времени выхода Финляндии из состава шведского государства и объединения с Россией. Такое мнение высказывали не только Л. Мехелин, Р. Хермансон, Р. Вреде, но и Ю. К. Паасикиви¹³³, правительство которого теперь вдруг признало его действующим. Забавнее всего, что закон этот давно считался недействительным и в самой Швеции: в 1809 г. он был заменен новым. Позже Р. Эрих, горячий сторонник монархии, говорил по этому поводу: «Форма правления 1772 г., как согласится всякий, совсем устарела, и к тому же действительность сделала бы во всех отношениях невозможным фактическое применение ст. 38 этой формы правления. Можно указать также на то, что в Швеции в 1809 г.

¹³² W. Hubatsch. Unruhe des Nordens. Studien zur deutsch-skandinawischen Geschichte. Göttingen — Berlin — Frankfurt, 1956, S. 144.

¹³³ G. Schaubman. Kampen om statsskicket..., s. 80, 92, 93; J. Paasivirta. Suomi vuonna 1918, s. 284, 285.

сочли нужным и необходимым дать стране новый закон о форме правления»¹³⁴. Естественно, что ни после свержения самодержавия в России, ни после предоставления Советским правительством независимости Финляндии никто в Финляндии и не думал применять этот закон. Что и сами монархисты считали его вышедшим из употребления, видно из того, что они не обратились к нему сразу же, а только после того, как потерпели фиаско их попытки добиться решения вопроса о монархии без него.

Но теперь он оказался для монархистов находкой. Вопрос о форме правления из спорного превращался в решенный: ведь закон предусматривал только монархическую форму правления, монархия стала обязательной. Отпала необходимость собирать в поддержку законопроекта квалифицированное большинство, нужно было избрать короля простым большинством, которым монархисты уже располагали в охвостье сейма.

Иностранная пресса отмечала всю искусственность юридической аргументации монархистов. «Дагенс нюхетер» 9 августа в редакционной статье охарактеризовала использование закона 1772 г. как «хитрость»; ведь в декабре, писала газета, никто не говорил, что надо избрать короля. Французская газета «Тан», называя это решение скандальным, с иронией писала 13 августа 1918 г.: «Непонятно, каким образом шведская конституция может обязать финнов взять себе немецкого короля». Таннер в интервью газете «Сосиаль-демократен» назвал использование закона 1772 г. «государственным переворотом»¹³⁵.

Дальше все уже было просто. 9 августа 1918 г. охвостье сейма 58 голосами против 44 уполномочило сенат принять необходимые меры для избрания короля¹³⁶. Сенат счел желательным, чтобы президент Свинхувуд в сопровождении сенаторов Таласа, Фрея и Неванлинна и барона Бундсдорфа поехал в Германию и обсудил с кайзером вопрос о кандидатуре будущего короля Финляндии.

Вопрос этот уже давно обсуждался и в Финляндии, и в Германии. Финские монархисты сначала имели в виду (как сообщали в Берлин Брюк и германский военный атташе в Стокгольме еще в феврале 1918 г.) сделать королем герцога Мекленбургского. Сам герцог был горячим сторонником этого варианта. Он, правда, до этого носился с мыслью занять курляндский престол, но охотно соглашался и на финляндский. Едва в Финляндии закончилась гражданская война, как он, стараясь не упустить время, послал туда своего представителя камергера Брандентейна хлопотать об этом. Но чересчур усердные и бесцеремонные хлопоты произвели неблагоприятное впечатление в Фин-

¹³⁴ «Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjät», I, s. 143.

¹³⁵ Цит. по: «Hufvudstadsbladet», 29.VIII 1918.

¹³⁶ G. Schuman, Kampen om statsskicket..., s. 102—104.

ляндии, и сами монархисты стали считать эту кандидатуру неприемлемой. Сенат, как сообщал Брюк 19 мая, хотел просить в короли Людендорфа или Макензена, но отказался от этой мысли, решив, что они нужны самой Германии. Свинхувуд хотел вообще выбор правителя для Финляндии предоставить на усмотрение кайзера. Но потом было решено просить кайзера дать своего сына.

В Германии долго не могли решить, кого посадить королем в Финляндии. По поводу герцога Мекленбургского Людендорф еще в феврале 1918 г. заметил, что о нем «не может быть и речи, вместо него — принц Вюртембергский или Саксонский»¹³⁷. Но в конце марта Людендорф уже считал, что правителем Финляндии может стать только кто-нибудь из Гогенцоллернов. Немецкие военные власти в Финляндии вели агитацию за сына кайзера Оскара. Однако канцлер был против; в записке кайзеру от 15 июня он доказывал, что с точки зрения будущих интересов Германии невыгодно, чтобы королем Финляндии был принц из царствующей в Германии династии: это слишком связало бы Германию, обязывая ее во всем поддерживать Финляндию. Королем Финляндии, по мнению канцлера, мог быть кто-нибудь из менее значительных немецких князей. Кайзер согласился с этими доводами и по прочтении записки заявил, что об избрании финляндским королем принца не может быть и речи. Но против Адольфа Фридриха Мекленбургского кайзер не возражал. Однако эта кандидатура уже не устраивала финских монархистов. Кайзер, канцлер, Гинденбург и Людендорф согласились было дать финнам в короли Фридриха Вильгельма Прусского. Но Бунсдорф, Фрей и Суолахти в обращениях к Германии подчеркивали, что при существующих в Финляндии настроениях монархию можно ввести только при условии, что у правителя будет солидное имя. Речь могла идти лишь о сыне кайзера. Если принц Оскар не станет королем Финляндии, то быть ей республикой, у которой не будет сил противостоять приманкам и интригам Антанты. Гинденбург счел эти соображения настолько важными, что попросил кайзера пересмотреть решение. «То, что только Финляндия с монархическим правлением будет для нас надежным союзником, это я уже подчеркивал, — напоминал он. — Если Финляндия останется республикой, она попадет под влияние Антанты. Мы потеряем не только господство Германии на Балтийском море, но и возможность с помощью Финляндии держать в повиновении Россию»¹³⁸. Вопрос был еще раз доложен кайзеру, и он изменил свое мнение. «Установление в Финляндии монархии соответствует нашим интересам, так как Финляндия при республиканской форме правления была бы гораздо больше

¹³⁷ Y. Nurmi o. Op. cit., s. 270.

¹³⁸ Ibid., s. 317, 318.

подвержена влиянию Антанты», — как эхо повторил кайзер в своем решении; но теперь он считал, что кандидатуру прусского принца нельзя отвергать совершенно, только предварительно надо выяснить, каковы гарантии прочности монархии в Финляндии, не подойдет ли какой-нибудь другой принц и т. д.¹³⁹

Но министерство иностранных дел стояло на том, что кандидатура Оскара неприемлема. Причины выдвигались следующие: 1) обстановка в Финляндии ненадежная, и, если принц не сможет удержаться там на престоле, это будет удар по престижу всего дома Гогенцоллернов; 2) Германии пришлось бы нести ответственность за политику Финляндии, а это могло осложнить отношения со Швецией и Россией; 3) если вновь усилившаяся Россия в будущем потребует обратного присоединения Финляндии, прусский принц явился бы большим препятствием, чем всякий другой. Вопрос был в третий раз представлен на рассмотрение кайзера. Тот, будучи самым непостоянным во всей этой истории, снова согласился с доводами МИД и решил, что о кандидатуре кого-либо из его сыновей действительно не может быть речи, но на воцарение в Финляндии любого другого принца он готов дать согласие.

Такова была окончательная позиция германского правительства, когда 21 августа 1918 г. в Берлин приехал Свинхувуд с министром иностранных дел Стенротом и свитой. 26 августа Свинхувуд был принят кайзером. Свинхувуд рассчитывал склонить кайзера дать своего сына в короли для Финляндии, но ничего не вышло. Тем временем статс-секретарь по иностранным делам Гинце разъяснил Стенроту, что германское правительство уже по внутривнутриполитическим соображениям не хочет, чтобы королем в Финляндии был Гогенцоллерн, так как это слишком усилило бы Пруссию в ущерб остальным германским землям, что могло бы породить трудности и разногласия во внутривнутриполитической жизни Германии. Кроме того, Германия заинтересована в хороших отношениях со Швецией, а Гогенцоллерн на финском престоле создал бы впечатление тесной связи между Финляндией и Германией. Окончательным кандидатом в короли Финляндии был намечен шурин кайзера Фридрих Карл Гессенский¹⁴⁰.

Так в столице чужой страны был решен вопрос о том, кому править Финляндией в качестве монарха, в то время как подавляющее большинство финляндского народа не желало никакой монархии, как признавали даже официальные германские представители. Брюк сообщал в Берлин 21 августа, что население настроено «довольно равнодушно», имущие классы рады, рабочие и крестьяне, не имеющие земли, настроены враждебно. Нельзя

¹³⁹ Y. Nurmiö. Op. cit., s. 318, 319.

¹⁴⁰ O. Stenroth. Op. cit., s. 119, 120.

говорить об общем настроении в пользу какого-нибудь одного кандидата, потому что все они незнакомы. Свинхувуд, писал Брюк, «хочет принца Оскара, так как в сыне кайзера он видит надежду на осуществление великофинских планов и гарантии связи с политикой Германии в будущем». Но его политика встречает возражения даже в кругу его сторонников. Торговцы и крупные промышленники, писал Брюк, противятся слишком тесному союзу с Германией, шведоманы против планов, касающихся Карелии, и в министерстве иностранных дел по вопросу о кандидате нет полного единодушия»¹⁴¹.

После того, как будущий финляндский король был избран в Берлине одним человеком — германским кайзером, предстояло разыграть комедию «всенародного избрания» его и в Финляндии. 26 сентября была созвана чрезвычайная сессия «сейма» (т. е. охвостье сейма) для выборов короля. Финляндское правительство сделало последнюю попытку придать этим выборам видимость законности. С этой целью оно представило сейму другой проект монархической формы правления, лишь немного отличавшийся от того, который переносился через выборы. Но и этот проект не был принят окончательно. Оба эти проекта автоматически переносились через выборы. Тогда монархисты, не дожидаясь выборов в новый сейм, организовали «выборы» короля.

9 октября 1918 г. в сейме было принято решение 64 голосами против 41 избрать короля. В тот же день произошла заключительная сцена фарса: королем был «избран» Фридрих Карл Гессенский. Выборы производились не голосованием, а путем выкрикивания. Белофинские и немецкие историки утверждают, что король был выбран «без возражений». Но ведь 41 депутат только что голосовал против избрания короля! За избрание короля голосовало 64 депутата, т. е. меньше трети полного состава сейма¹⁴². Фактически тем самым монархия была отвергнута большинством в две трети (ибо отсутствовавшая социал-демократическая фракция была против монархии).

Заговор, подготовленный реакционными кругами финляндской буржуазии при помощи кайзеровской Германии, удался: был произведен настоящий государственный переворот. Финляндия должна была отныне стать вотчиной немецкого принца. Спартаконцы писали об этом в своей листовке: «Когда по немецкому приказу Финляндия должна была сделаться королевством для какого-то безработного немецкого принца, тогда даже это жалкое охвостье парламента, которое так же мало является финляндским ландтагом, как консервативная фракция немецкого рейхстага — немецким рейхстагом, — тогда даже это жалкое охвостье парламента отказалось повиноваться. Неомотря на

¹⁴¹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 338.

¹⁴² G. Schuman. Kampen om statsskicket..., s. 215—217.

охрану из немецких штыков, получить требуемое большинство в две трети не удалось. Понадобился настоящий государственный переворот, чтобы сфабриковать вожденный трон для шурина германского кайзера путем оскорбительного насилия над финским народом, подавляющее большинство которого высказало себя недвусмысленными и страстными приверженцами республики...»¹⁴³.

Установление в Финляндии монархии во главе с немецким принцем являлось большим политическим успехом для Германии, которая везде, где могла, сажала своих принцев или ставленников. «Куда ни глянешь, — говорил Давид в рейхстаге 24 июня 1918 г., — немецкие принцы предлагают себя и помогают иностранных корон и троников. Предлагают себя в Финляндии, в Прибалтике, в Литве, в Польше. Если верить турецким сообщениям, даже Грузия должна быть осаждена немецким принцем». Давид иронически замечал, что, к сожалению, «экспорт принцев оптом» не увеличивает запасы валюты в Германии¹⁴⁴. Но политические результаты такого «захвата» тронов немецкими принцами были бы для германского империализма поважнее валюты, если бы поражение в войне не лишило его плодов этих кратковременных успехов.

Франция, в свое время очень быстро — раньше Германии — признавшая независимость Финляндии, несомненно с целью привлечь симпатии Финляндии на сторону Антанты, все время ревниво следила за усилением немецкого влияния в этой стране и еще весной сделала попытку предотвратить превращение Финляндии в монархию с немцем на троне. 31 мая 1918 г. французский посланник в Стокгольме сделал финляндскому посланнику заявление, что «правительство французской республики не признает никакой политической режим в Финляндии, который будет навязан этой стране незаконными путями»¹⁴⁵. Позже, когда уже стало ясно, кого прочат на финский престол, предупреждение сделала и Англия. 19 сентября Гардинг заявил финляндскому представителю в Лондоне Р. Холсти, что союзники будут рассматривать Фридриха Карла как представителя кайзера Вильгельма и поэтому Финляндия вряд ли будет признана Англией де-юре, особенно потому, что сомнительно, чтобы выборы короля соответствовали воле большинства народа¹⁴⁶. В день «выборов» короля 9 октября Англия сделала последнее усилие предотвратить это: до сведения делегатов сейма было доведено, что английское правительство не признает самостоятельность Финлян-

¹⁴³ K. Liebknecht. Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß. Berlin, 1921, S. 136—138.

¹⁴⁴ «Verhandlungen des Reichstags», Bd. 313, S. 5622.

¹⁴⁵ O. Stenroth. Op. cit., s. 170, 171.

¹⁴⁶ Ibid., s. 173.

дин, если Фридрих Карл будет избран ее королем¹⁴⁷. Но это не подействовало на монархистов.

«Избрание» финляндским сеймом Фридриха Карла Гессенского королем было расценено за границей как доказательство полного подчинения этой страны кайзеровской Германии. 15 октября Франция взяла обратно свое признание независимой Финляндии, сопроводив это следующим заявлением: «Факт избрания немецкого принца королем Финляндии свидетельствует о поразительном незнании международной обстановки: Финляндия тем самым присоединилась к государствам, которые группируются вокруг центральных держав. При таких обстоятельствах признание Францией временного правительства Финляндии никоим образом не может *ipso facto* относиться к новой форме правления, которая может быть введена только путем нарушения основных законов и путем фактического государственного переворота. Независимо от этого Франция никоим образом не может признать монархию, главой которой является принц из страны, воюющей против Франции»¹⁴⁸.

Итак, результатом классовой политики реакционных кругов финляндской буржуазии было то, что страна оказалась в полной зависимости от Германии. Это было ясно всему миру. Американский консул в Гельсингфорсе Хейнс в докладе правительству от 15 июля 1918 г. писал, что Финляндия «теперь не может освободиться от германской оккупации, даже если бы серьезно захотела этого»¹⁴⁹. Английский генерал Кемп называл Финляндию колонией Германии. Французский представитель в Финляндии капитан Пти приравнивал Финляндию к германской аннексии. Дипломатические представители Франции и США в Швеции констатировали, что Финляндия находится под германской военной оккупацией¹⁵⁰. Норвежская газета «Тиденс тейн» писала: «Полицейская власть будет долго находиться в руках немцев, и финский народ очень скоро убедится в том, насколько опаснее, тяжелее, невыносимее немецкая опека, чем самые тяжелые времена бобриковского периода... (Бобриков — генерал-губернатор Финляндии, проводивший политику русификации. Был убит в 1904 г. — В. Х.). Немцы пришли для того, чтобы господствовать над ними (финнами. — В. Х.) исключительно в интересах Германии»¹⁵¹. «Гетеборгсхандельс- о шёфартстиднинг» констатировала: «После своего соглашения с Германией Финляндия выступает в качестве германского вассала»¹⁵². Газета «Гетеборгс постен» удивлялась: «Поистине невероятно, как господствующий класс маленькой

¹⁴⁷ G. Schouman. Kampen om statsskicket..., s. 202, 203.

¹⁴⁸ O. Stenroth. Op. cit., s. 173.

¹⁴⁹ Ibid., s. 178, 179.

¹⁵⁰ «FRUS 1918. Russia», vol. II, p. 799.

¹⁵¹ F. Beyer. Op. cit., S. 13.

¹⁵² T. Nerman. Op. cit., s. 13, 14.

страны может быть настолько ослеплен, чтобы продать иностранной державе до последней капли свободу и независимость своего народа»¹⁵³.

Даже сам Маннергейм признал, что «Финляндия находится целиком под господством Германии, и к чему приведет будущее, неясно»¹⁵⁴. Разве это не признание того, что война, которую вел Маннергейм, не имела никакого права на название «освободительной», что финляндская буржуазия привела страну в пропасть?

Так Финляндия, в результате победы Октябрьской революции ставшая независимой, в результате победы контрреволюции стала вассалом Германии.

АНТИСОВЕТСКИЕ ПЛАНЫ И ДЕЙСТВИЯ ГЕРМАНИИ И БЕЛОФИННОВ В 1918 г.

... Предметом возжеления финляндской плутократии являлись и являются прежде всего огромные лесные массивы Советской Карелии.

О. В. Куусинен. Финляндия без мас-ки. 1943 г.

И белофинны, призвавшие немецкие войска, и пославшая эти войска Германия имели, помимо цели подавления революции в Финляндии, и антисоветские цели.

Белофинны зарились на советские территории. Не успела буржуазная Финляндия получить признание своей независимости, как уже стала претендовать на никогда не входившие в состав Финляндии части России. 2 января 1918 г., через день после признания Советским правительством независимости Финляндии, представители финской буржуазии Ельт, Эрих и Сарии, обретавшиеся в Берлине, направили канцлеру меморандум с приложениями, прося Германию посодействовать присоединению к Финляндии Петсамо, Кольского полуострова и русской Карелии. В документах доказывалось, что это было бы выгодно и Финляндии, и Германии: «Финляндия, территория которой была бы целесообразно расширена, могла бы стать мощным фактором на Севере, действительно ценным союзником Германии в военном и экономическом отношении»; «немецкие капиталовложения и немецкая предприимчивость нашли бы здесь благоприятное поле для применения. Большое значение как для финляндской, так и для германской торговли имел бы непосредственный выход в Ледовитый океан»; «включение Беломорской Карелии в состав Финляндии представляет, таким образом, общий интерес для Германии и Финляндии». И в качестве заключительного аргу-

¹⁵³ T. Nerman. Op. cit., s. 13, 14.

¹⁵⁴ «FRUS 1918. Russia», vol. II, p. 797.

мента белофинские искуители приводили такой: «Германия получила бы, кроме того, ту выгоду, что английское влияние в этих областях было бы ликвидировано раз и навсегда»¹⁵⁵. Все эти доводы вряд ли содержали что-либо новое для прожженных империалистических политиков, которым они были адресованы: те сами были весьма сообразительны по части своих выгод, давно следили за Финляндией и уже прикинули, что из этого дела можно иметь. Но в тот момент Германии было не до хлопот о расширении Финляндии: ей важнее было добиться сепаратного мира на Востоке, чтобы решить главный вопрос — о победе в мировой войне.

Но белофинны не теряли надежды на помощь Германии. Хотя Маннергейм 23 февраля 1918 г. в обращении к карелам провозгласил план создания великой Финляндии и поклялся, что не вложит свой меч в ножны, пока Финляндия и Восточная Карелия не будут освобождены от красных¹⁵⁶, сами белофинны уповали не столько на этот меч, сколько на немцев. Доказывая сенатору Ренваллю, что нужно позвать немецкие войска, В. Теслев сказал: «Одни мы никогда не сможем решить вопрос об Аландских островах и о Восточной Карелии»¹⁵⁷. Когда в Германии уже шли приготовления к отправке войск в Финляндию, Ренвалль 4 марта 1918 г. заранее благодарил германское правительство за их присылку и подчеркнул, что они нужны и для того, чтобы помочь «освободить наших братьев в Восточной Карелии, что помогло бы также укрепить естественную границу против России»¹⁵⁸. От имени белофинского правительства Ренвалль выражал надежду, что немецкие войска останутся в Финляндии до тех пор, пока не будет «освобождена» Восточная Карелия. Германское правительство просьбу не отвергло, но попросило не направлять ее ему официально: это вызвало бы трудности ввиду заключения мира с Россией¹⁵⁹. Приехавший в Берлин перед отправкой немецких войск в Финляндию Свинхувуд подтвердил претензии Финляндии на Восточную Карелию и Кольский полуостров¹⁶⁰.

Но желания белофиннов росли, как в сказке о рыбаке и рыбке. Германскому посланнику Брюку Свинхувуд по возвращении из Берлина сказал, что Финляндия должна включать и Ингерманландию, Петроград должен быть превращен в город-республику, в открытый порт, Россия же должна быть отрезана от Балтийского моря¹⁶¹. Согласно некоторым белофинским планам, граница Финляндии должна была идти от Пскова через Ильмень-

¹⁵⁵ F. Beyer. Op. cit., s. 48—54.

¹⁵⁶ H. Ignatius. Op. cit., s. 39.

¹⁵⁷ E. Räikkölen. Op. cit., S. 157, 158.

¹⁵⁸ F. Beyer. Op. cit., S. 58; Y. Nurmio. Op. cit., s. 162, 163; W. H. batsch. Op. cit., S. 124.

¹⁵⁹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 163.

¹⁶⁰ «Vossische Zeitung», 12.III 1918, № 131; 13.III 1918, № 132.

¹⁶¹ Y. Nurmio. Op. cit., s. 215, 338.

озеро на Вытегру, Онежское озеро, озеро Лача и вдоль реки Онеги до Белого моря. Петроград отходил к Финляндии и превращался в «свободный город»¹⁶². Официальная финляндская делегация заявила в Швеции, что в состав Финляндии войдут Карелия, Мурман, Петроград и Новгород, а Германия получит на Мурманском побережье свободную гавань¹⁶³. Если добавить, что одновременно некоторые белофинские круги выдвинули призывания на часть территории Норвегии и Швеции¹⁶⁴, на Эстонию и даже на часть португальских колоний в Африке¹⁶⁵, то станет особенно очевидным, что стóит реакционной буржуазии оказать-ся у руля даже небольшой страны, как по части захватнических аппетитов она не отстанет от империалистов крупной державы.

Планы создания великой Финляндии требовали военного сотрудничества с Германией: без ее помощи их нельзя было осуществить. Предпринятая весной 1918 г. тремя белофинскими отрядами попытка захватить Карелию, подняв там восстание, и перерезать Мурманскую железную дорогу провалилась. Стало ясно, что без немцев не обойтись. Поэтому после подавления революции Свинхувуд в письме фон дер Гольцу от 22 мая мотивировал необходимость оставления немецких войск и тем, что, «по всей вероятности, окажется необходимым устранить постоянно существующую опасность вторжения (?) красных из Восточной Карелии путем решительной очистки этой местности... Финские войска вряд ли были бы в состоянии разрешить эту задачу, если бы немцы не остались в стране»¹⁶⁶. Опасность вторжения Свинхувуд выдумал: на «эту местность» белофинны стали претендовать еще в начале января 1918 г. Даже буржуазные авторы признавали, что немецкие войска были оставлены в Финляндии не для обороны от Советской России, а для наступления на нее. Шауман писал, что немецкие войска остались в Финляндии «отчасти для наведения порядка, отчасти для того, чтобы вместе с нашими войсками осуществить часть программы германского верховного командования, а также финской делегации и правительства, которая предусматривала завоевание русской Карелии с Кольским полуостровом и Мурманской железной дорогой, а также Ингерманландии, т. е., другими словами, создание великой Финляндии, к которой должна была присоединиться даже Эстония»¹⁶⁷.

Стараясь привлечь Германию к осуществлению планов создания великой Финляндии, белофинны воображали, что используют

¹⁶² F. Beyer. Op. cit., S. 66.

¹⁶³ «Петроградская правда», 9.V (26.IV) 1918.

¹⁶⁴ «Hufvudstadsbladet», 23.V 1918; «Vossische Zeitung», 7.III 1918, № 121; 12.III 1918, № 138.

¹⁶⁵ G. Landtman. Op. cit., S. 304.

¹⁶⁶ F. Beyer. Op. cit., S. 103.

¹⁶⁷ G. Schauman. Vid vändpunkten, s. 3, 4.

немцев для своих целей, но скорее сами попались на собственную приманку. Обещая белой Финляндии помощь в осуществлении этих замыслов, Германия могла вести ее куда угодно и оказалась в положении седока, который побуждает осла идти вперед, держа перед ним на шесте клоч сена. Германия не собиралась пока тратить силы на завоевание карельских лесов — были дела поважнее. А вот белофиннов она хотела заставить таскать для себя каштаны из огня, используя Карелию как приманку. «Финляндия готова на все условия. Надеется только на поддержку в вопросе о Восточной Карелии»¹⁶⁸, — характеризовал положение фон дер Голцы.

У Германии были собственные империалистические цели. Главной заботой для нее была война, которую она вела против Антанты и США. От ее исхода зависело будущее Германии. Этой главной задаче были подчинены и ее планы и действия в районе Финляндии и вообще на Востоке. Пробриться на Мурманское побережье и устроить там базу для подводок Германии было несравненно важнее, чем захватить Карелию или помочь это сделать белофиннам. В то же время германская военщина наметила на август 1918 г. вероломное нападение на Советскую Россию с целью свергнуть Советскую власть. Германия была против свержения Советского правительства Антантой, ибо та поставила бы в России проантантовское правительство, которое возобновило бы войну против Германии. Советское правительство в России, соблюдающее Брестский мирный договор, было, с точки зрения Германии, лучше, чем буржуазное, но враждебное ей. Однако несравненно выгоднее для Германии было бы иметь в России буржуазное прогерманское правительство. Сотрудничество с ним позволило бы Германии усилиться за счет ресурсов России в момент, когда решался исход мировой войны. К тому же прекратилось бы революционизирующее влияние, которое Советская Россия оказывала на Германию и ее армию, ослабляя последнюю. В сущности, Германия и после Брестского мира готовилась к тому, чтобы в ближайшем будущем, когда ей покажется удобным, начать войну против страны, с которой она только что подписала мир. Недаром она, грубо нарушая его, продолжала захватывать стратегические позиции, необходимые ей для будущей войны против Советской России. Штаб высшего военного совета Советской Республики, анализируя действия Германии, в своем докладе от 21 апреля 1918 г. пришел к выводу, что Германия готовит войну против Советской России. «Уже теперь, — говорилось в этом докладе, — мы наблюдаем грозные признаки частичного осуществления намеченных задач: против-

¹⁶⁸ I. und W. Wilhelmus. Der Kampf um die Lösung der nationalen und sozialen Frage 1917/18 in Finnland. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1965, H. I, S. 54.

ник методически продвигается на Севере и особенно на Юге, занимая, таким образом, охватывающее исходное положение, из которого в любой момент можно нанести нам смертельный удар...»¹⁶⁹. Об опасности войны со стороны Германии неоднократно говорил В. И. Ленин¹⁷⁰.

Подготовкой к войне против Советской России являлась и интервенция в Финляндии, в результате которой Германия заняла важные и удобные для нападения на Советскую Россию стратегические позиции. «Мы имели теперь, — писал Людендорф, — позиции на Нарве и в Выборге, которые позволяли нам в любое время предпринять наступление на Петербург, чтобы свергнуть там большевистское господство...»¹⁷¹. Гинденбург так оценивал результаты интервенции: «Мы одновременно заняли тем самым и угрожающую позицию на ближних подступах к Петрограду...»¹⁷². «Надо было подавить Советскую Россию...» писал фон дер Гольц. — Отбросив большевиков вплоть до Петербурга, их господству наносили новый чувствительный удар, и тогда в союзе с дружественной Финляндией с линии Нарва — Выборг можно было зажать в клещи русскую столицу»¹⁷³.

В Финляндии немцы начали сразу же практическую подготовку к войне против Советской России. По свидетельству самого фон дер Гольца, ими были оккупированы все стратегически важные пункты (Гельсингфорс и находящиеся перед ним острова, Выборг и его окрестности, Коувала и важные железнодорожные мосты через реку Кюми, форт Ино, самый северный пункт Финляндской железной дороги Рованиemi, острова Лавансаари и Суурсаари, а в Ладожском озере — остров Валаам и небольшие острова против Сортавала и т. д.). Был принят ряд мер, специально направленных против Советской России: в форту Ино была установлена германская артиллерия, радиостанция и наблюдательный пункт, так что Финский залив и Кронштадт находились под наблюдением; немцы теперь, по выражению фон дер Гольца, «держали в узде русский флот, находящийся в Кронштадте»¹⁷⁴. Занятие немцами островов на Ладожском озере не нуждается в комментариях. Производилась «разведывательная и другая подготовка для последующих действий, прежде всего против Петербурга»; была организована разведывательная служба для сбора сведений, касающихся Петрограда, Мурманской железной дороги и Мурманского побережья; была направлена «большая разведывательная экспедиция к востоку и к севе-

¹⁶⁹ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 34, л. 12.

¹⁷⁰ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 322—326, 333, 334.

¹⁷¹ E. Ludendorff. Meine Kriegserinnerungen. Berlin, 1920, S. 505, 506.

¹⁷² P. Hindenburg. Aus meinem Leben, S. 307, 308.

¹⁷³ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 48.

¹⁷⁴ R. von der Goltz. Als politischer General..., S. 56.

ру от Ладожского озера» (т. е. на советскую территорию). Бранденштейну было поручено разработать план «обороны» (!) против России¹⁷⁵.

Есть много свидетельств самих немецких военных и дипломатов о подготавливавшейся тогда войне против Советской России с целью свергнуть Советскую власть и захватом ресурсов России улучшить шансы Германии на победу на Западе. Существовало мнение, пишут германские генералы Куль и Дельбрюк, что положение может быть улучшено, если «повести наступление на Петербург и Москву, свергнуть Советскую республику, создать буржуазное правительство и заключить с ним союз»¹⁷⁶. Людендорф писал в своих воспоминаниях о возможности короткого удара на Петроград и наступления на Москву при помощи донских казаков, чтобы свергнуть Советское правительство и создать в России другую власть, которая сотрудничала бы с немцами; это, считал Людендорф, имело бы большое значение для дальнейшего ведения войны¹⁷⁷. Адмирал Гопман, глава комиссии по перемирию на Черном море, писал в своем дневнике: «Я с генералом Гофманом придерживались мнения, что было бы правильно путем наступления на Петроград весной и летом 1918 г. свергнуть большевистское правительство и создать временное правительство»¹⁷⁸. Генерал Гофман отмечал, что его мнение о «необходимости своевременно осуществить вмешательство в России» разделял стат-секретарь по иностранным делам Гинце¹⁷⁹. Германский посол в Советской России Гельферих считал, что «только в случае, если на место большевистского режима придет новый лорядок вещей..., мы могли бы надеяться облегчить ведение войны путем использования русских источников и запасов»¹⁸⁰. «Германскому командованию казалось правильным улучшить наше военное положение путем занятия Петрограда», — писал фон дер Гольц¹⁸¹. Штадтлер, работавший пресс-атташе германского посольства в Москве, 25 августа 1918 г. в беседе с министром юстиции Шпаном в Берлине доказывал, что «при первом удобном случае нужно наступать на Петербург и занять Петербург..., что затем, действуя из Петербурга, можно содействовать свержению большевиков и помочь прийти к власти русскому национальному правительству...». У Шпана этот план не вызывал возражений. В меморандуме, предназначенном для Людендорфа, Штадтлер призывал к разрыву с Советской Россией, нападению на нее, завоеванию Петрограда и созданию

¹⁷⁵ R. von der Goltz. *Meine Sendung...*, S. 77—80.

¹⁷⁶ Фон Куль и Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций 1918 года. М., 1935, стр. 217, 218.

¹⁷⁷ E. Ludendorff. *Op. cit.*, S. 529.

¹⁷⁸ A. Norden. *Zwischen Berlin und Moskau*. Berlin, 1954, S. 136.

¹⁷⁹ *Ibidem*.

¹⁸⁰ А. Норден. Между Берлином и Москвой, стр. 156.

¹⁸¹ R. von der Goltz. *Als politischer General...*, S. 61.

«национального русского правительства». Германский посол в России Гельферих также излагал Людендорфу аналогичные проекты, касающиеся Восточной Европы, причем Людендорф «проявил понимание» и кайзер также «не остался нечувствительным»¹⁸². В дальнейшем германская военщина планировала, как сообщить советский дипломатический представитель из Берлина, захватить всю Советскую Россию и превратить ее в тыл и базу для действий германских войск в Индии, Персии и Афганистане, откуда Германия собиралась вышибить Англию¹⁸³.

Но в момент напряженной войны на Западе Германия не могла отвлекать оттуда крупные силы, поэтому она рассчитывала осуществить свои планы свержения Советской власти с максимальной экономией собственных сил — при помощи финляндских и русских белогвардейцев.

Первоначально — в конце гражданской войны в Финляндии — у германских империалистов возникла мысль использовать для осуществления своих планов Маннергейма, прежняя верная служба которого царю позволяла ему фигурировать одновременно и в качестве финляндского, и в качестве русского генерала и возглавлять не только финляндские, но и русские белогвардейские войска. Этот проект весьма интересовал кайзера, Гинденбурга и Людендорфа, как видно из ряда германских документов. Так, по поводу доклада германского посланника в Финляндии Брюка от 17 апреля кайзер заявил, что «генерал Маннергейм мог бы быть весьма подходящим человеком для того, чтобы после прекращения беспорядков в Финляндии навести порядок в России»¹⁸⁴. Германское правительство, очевидно, выясняло на этот счет и мнение своих союзников. По крайней мере, на отчете Брюка от 15 апреля кайзер написал, что и болгарский царь считал Маннергейма подходящей фигурой для «наведения порядка» в Петрограде¹⁸⁵. По мнению кайзера, «этот генерал, которого в России уважают» (?), мог бы стать центром для кругов, стремящихся к «умиротворению» страны, т. е. для контрреволюционных кругов. Кайзер считал, что если бы у Маннергейма были такие планы или если бы развитие событий «вынудило» его вмешаться в русские дела, то Германии следовало бы ему помочь. Кайзер имел в виду помощь деньгами и военными материалами, но не прямую помощь немецкими войсками. «Им (немецким войскам) следовало бы скорее оставаться в Финляндии, чтобы освободились силы Финляндии». Эти силы и предполагалось направить против Советской России. Кайзер считал, что из пленных русских офицеров и солдат (находящихся в Германии и в Финляндии) можно было бы отобрать «надежных» и образовать ядро неболь-

¹⁸² A. Norden. *Zwischen Berlin und Moskau*, S. 135.

¹⁸³ ЦГАОР, ф. 130, оп. 2, д. 104, л. 2.

¹⁸⁴ Y. Nurmio. *Op. cit.*, s. 216, 217.

¹⁸⁵ *Ibid.*, s. 215.

шой армии, которое стало бы центром организации контрреволюционных сил сначала в каком-то ограниченном районе, откуда затем «усмирение» распространялось бы на более обширные области.

Далее в своих замечаниях на полях доклада Брюка от 17 апреля кайзер подчеркнул, что необходимо установить связь с людьми, которые наряду с Маннергеймом могли быть пригодны для этого.

Поясняя замечания кайзера, Грюнау, представитель МИД при кайзере, подчеркивал, что они были основаны на соображениях большой политики в связи с тогдашним военным положением. «Если мы слишком долго будем оставаться в стороне, то нас опередит Антанта и не упустит никаких средств закрепить свое господствующее влияние при новом положении вещей»¹⁸⁶. Грюнау писал, что кайзер, много занимавшийся этим вопросом, при первом же удобном случае обсудит его с Гинденбургом и Людендорфом и что этим вопросом в генеральном штабе занимался майор Кранц.

1 мая 1918 г. Грюнау сообщил канцлеру, что 30 апреля кайзер совещался с Гинденбургом и Людендорфом по вопросу о том, какую роль мог бы играть Маннергейм в «восстановлении порядка» в России. Кайзер сообщил Грюнау, что Гинденбург и Людендорф «были бы очень довольны, если бы Маннергейму досталась такая роль»; они считали, что Маннергейм и сам тайне вынашивал такую мысль и только ждал указания «с нашей стороны». Гинденбург и Людендорф «так же, как и кайзер, считали, что при всех попытках Маннергейму нужно сохранять видимость русско-го». «Мы, — продолжал Грюнау, — могли бы оставаться в стороне, незаметно оказывая ему поддержку». По поручению кайзера, Грюнау сообщил канцлеру, что Гинденбург был бы очень благодарен, если бы были выяснены намерения Маннергейма и если бы ему был сделан намек, из которого он мог бы почувствовать «наше одобрение». Кайзер также считал необходимым выяснить, как отнеслось бы к этому белофинское правительство¹⁸⁷.

Но Маннергейм не был германофилом, его симпатии были на стороне Антанты. Только страх поражения вынудил его сотрудничать с немцами. После подавления революции он не разделял пресмыкательства правящих кругов перед Германией, и когда главой государства стал не он, а Свинхувуд, военным же министром был назначен В. Теслев, которого Маннергейм недолюбливал, Маннергейм 31 мая демонстративно ушел в отставку, и немцы стали относиться к нему с подозрительностью. 5 июня германский посланник в Стокгольме Люциус получил указание внимательно следить за приехавшим в шведскую столицу Ман-

¹⁸⁶ Y. Nurmio. Op. cit., s. 217—219.

¹⁸⁷ Ibid., s. 218, 219.

нергеймом, в частности за тем, не ведет ли он враждебную Германию агитацию. Люциус выполнил приказание. 9 июля Маннергейм имел откровенную беседу с английским посланником Говардом в стокегольмском отеле. Разговор велся по-французски, о немцах были сказаны нелестные вещи. Собеседники не подозревали, что в смежной комнате спрятался немецкий шпион, слышавший каждое слово. Вскоре Берлин получил запись этой беседы, из которой стали очевидны антинемецкие настроения Маннергейма¹⁸⁸. Вопрос об использовании его в германских интересах отпал.

Но Германия продолжала переговоры о военном союзе с Финляндией. Этот союз должен был дать возможность немцам использовать финские войска и против войск Антанты на Севере, и против Советской России. Согласно § 5 проекта договора, финские войска предполагалось применять на северном или восточном театре военных действий, осуществляемых Германией¹⁸⁹. Другой вариант проекта предусматривал в ст. 1, что «в случае войны между Германией и державой, которая угрожала бы в то время границам Финляндии или каким-либо образом подвергала опасности жизненные интересы Финляндии, последняя обязуется произвести полную мобилизацию своей армии и ввести ее в действие в соответствии с операциями германской армии»¹⁹⁰. Финляндия должна была стать союзником Германии, против кого бы та ни начала военные действия. Из-за дружбы с Германией отношения Финляндии с Англией уже сильно обострились. Война против Антанты была совершенно не нужна Финляндии, она была нужна только Германии. Но финские правители готовы были и на это ради получения обещанной немецкой помощи в завоевании Карелии. Вовлечение в мировую войну на стороне Германии должно было еще крепче привязать Финляндию к последней.

Проект содержал и статьи, направленные прямо против Советской России. Ст. 2 предусматривала, что Германия будет «защищать» Финляндию от восточного соседа и «будет рассматривать как прямой повод к войне постоянную опасность нападения на Финляндию»¹⁹¹. Итак, стоило выдумать, что Финляндии грозит опасность со стороны Советской России — и *casus belli* налицо! Ст. 4 обещала Финляндии германскую помощь в присоединении Восточной Карелии в результате либо переговоров с Россией, либо вооруженной борьбы¹⁹².

Одновременно Германия спланировала для войны против Советской России силы русской контрреволюции. В Финляндии фон

¹⁸⁸ Y. Nurmio. Op. cit., s. 244—247.

¹⁸⁹ O. Stenroth. Op. cit., s. 78, 79.

¹⁹⁰ «Livre Rouge. Documents et correspondance diplomatique russo-finlandaise concernant la Carélie Orientale». Moscou, 1922, p. 69.

¹⁹¹ Ibid., p. 69, 70.

¹⁹² Ibid., p. 70.

дер Гольц вел переговоры с князем Волконским, бывшим министром Треповым, великим князем Кириллом. Германское посольство и консульство в Советской России стали центрами контрреволюционного заговора, имевшего целью подготовку к свержению Советской власти.

Летом 1918 г. Германия заканчивала последние приготовления к войне против Советской России. В белогвардейской прокламации, распространявшейся в Пскове, Режице и других оккупированных немцами местах, говорилось: «Германское правительство... окончательно решило сломить господство большевизма и предоставляет нам все средства, чтобы организовать сильную северную добровольческую армию... Германское правительство и весь цивилизованный мир дают нам все необходимые средства для борьбы. Германские оккупационные войска не очистят оккупированные области раньше, чем там образуется боеспособная армия»¹⁹³, 20 июня в Котка под конвоем двух миноносцев прибыл большой транспорт германских войск. В это же время немецкие войска были высажены и в Гангё. Германская дивизия сосредоточилась на северной границе в направлении Петрограда, ее штаб находился в Терйоки. На Ладожском озере было подготовлено большое число лодок для переправы¹⁹⁴. Приготовления велись с лихорадочной поспешностью. Все отпуска и кратковременные отлучки в финских и немецких войсках были отменены, на полигонах и стрельбищах велось ускоренное военное обучение белофиннов. Немецкие и финские войска заняли исходные позиции на шоссе, ведущих из Финляндии в Петроград, в Выборге готовились бронепоезда¹⁹⁵. Согласно многочисленным сведениям, поступавшим в распоряжение командования Красной Армии, войну против Советской России предполагалось начать наступлением из Финляндии на Петроград¹⁹⁶. Намерение немцев и белофиннов напасть на Советскую Россию не являлось секретом и для иностранных дипломатов, как это видно, например, из опубликованных документов внешних сношений США¹⁹⁷.

Впоследствии сам командующий германскими войсками в Финляндии фон дер Гольц подтвердил, что Германия готовилась вероломно напасть на страну, с которой недавно подписала мирный договор. Нападение было первоначально намечено на август. «По приказу верховного командования, — писал фон дер Гольц, — в августе планировалась операция по обе стороны Финского залива (против Петрограда) и при содействии флота — операция против Кронштадта... Операция обсуждалась с генерал-лейтенантом фон Эсторфом, главнокомандующим войсками, расположен-

¹⁹³ «Документы внешней политики СССР», т. 1, стр. 554, 555.

¹⁹⁴ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 98, л. 11.

¹⁹⁵ Там же, л. 77.

¹⁹⁶ Там же, лл. 73, 77, 92.

¹⁹⁷ «FRUS, 1918. Russia», vol. II, p. 791, 793, 794.

ными южнее залива..., и вице-адмиралом Бедикером; она детально изучалась на месте и была так подготовлена, что переброска войск на поездах или передвижение пешком могли начаться по первому сигналу команды»¹⁹⁸. Позже фон дер Гольц писал: «В августе германское военное командование решило захватить Петербург с суши и с моря; к сожалению, план этот никогда не был осуществлен, так как в это время было тяжелое положение на западном фронте»¹⁹⁹. Сыграло роль и брожение среди германских солдат, не желавших воевать против Советской России²⁰⁰. Советская дипломатия, с своей стороны, содействовала предотвращению войны заключением 27 августа добавочного к Брест-Литовскому договора.

Любопытно, что германские империалисты, плетя заговор против Советской России, лицемерно осуждали подобные методы. Кайзер в речи перед рабочими заводов Круппа 9 сентября 1918 г. сказал: «Вы читали, что недавно произошло в Москве: огромный заговор против теперешнего правительства. Англичане, демократический народ, управляемый парламентскими методами, пытаются свергнуть ультрадемократическое правительство, которое теперь начал создавать русский народ, потому что это правительство, соблюдая интересы своего отечества, дало народу мир, которого он требовал, а англо-саксы не хотят еще мира... Когда хватаются за такие преступные методы, это доказывает, что чувствуют свое поражение»²⁰¹. Сказанное против Англии было целиком приложимо к самой Германии. Германская военщина тоже готовила свержение Советского правительства, которое кайзер перед рабочими признал ультрадемократическим, желающим мира и соблюдающим интересы своего народа.

В августе 1918 г. германская военщина не совершила наметавшегося нападения на Советскую Россию, но планы нападения не были оставлены совсем — их лишь перенесли на зиму. Продолжались и переговоры с Финляндией о военном союзе. 21 августа Людендорф, излагая статс-секретарю по иностранным делам Гинце свои соображения об этом союзе, перечислял требования, которые Германия должна была при этом предъявить Финляндии. Экономические требования касались использования экономики этой страны в интересах Германии. Кроме того, Германия должна была организовать в Финляндии контрразведку для борьбы со шпионажем против Германии и другими способами препятствовать использованию Финляндии в целях враждебных Германии. «Ваше превосходительство понимает, какое значение с военной и политической точки зрения я придаю союзу, заклю-

¹⁹⁸ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 160.

¹⁹⁹ Цит. по кн.: O. Stenroth. Op. cit., s. 89.

²⁰⁰ ЦГАСА, ф. 3, оп. 1, д. 98, л. 105.

²⁰¹ «Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart», Bd. 2. Berlin — München, S. 380.

чаемому с Финляндией»²⁰², — писал Людендорф. Гинце поддерживал идею союза. Задача Финляндии, писал он в записке кайзеру 23 августа, состоит в том, чтобы помогать укреплять господство Германии на Балтийском море и хотя бы некоторое время, пока Россия не окрепнет, сдерживать продвижение русских на север и к Балтийскому морю. Гинце считал, что союз следует заключить ненадолго, лет на пять, так как в дальнейшем обстоятельства могут потребовать изменения отношений с Россией²⁰³.

Однако по мере того, как становилось все более очевидным поражение Германии, финская сторона стала все холоднее относиться к заключению союза. «Черный день германской армии» 8 августа показал, что Германия находится перед катастрофой. Стенрот тянул, считая, что с союзом спешить некуда — завоевание Карелии намечено все равно только на зиму, а до того многое может измениться²⁰⁴. Перенеся срок своей помощи в завоевании Советской Карелии на зиму, Германия ослабила действие этой приманки на финнов. Роли несколько переменялись: теперь не Финляндия домогалась немецкой помощи, а Германия — финской. Именно Германия хотела союза, который терял для финнов интерес. «Нет никакого сомнения, — писал Стенрот, — что германское верховное командование хотело обеспечить Германии преимущества, которые можно было приобрести посредством союза с Финляндией». Немцы явно хотели бросить финские войска на Западный фронт, где решалась судьба войны, ибо, по свидетельству Стенрота, во время переговоров «немцы, вопреки мнению финских представителей, настаивали на том, что финские войска должны будут использоваться не только на Восточном и Северном фронтах, но и на других фронтах, где это сочтет необходимым общее военное командование»²⁰⁵. Падая в бездну поражения, империалистическая Германия хваталась за соломинку — за Финляндию — и грозила увлечь туда и ее. У финских правителей все-таки хватило духа не согласиться стать союзником державы, проигрывающей войну, когда от нее уже стали отпадать союзники. После того, как 14 сентября 1918 г. Австро-Венгрия обратилась к воюющим странам с предложением о мире, а 25 сентября Болгария стала просить о перемирии, Стенрот счел, что пора уже начать заигрывать с будущими победителями и постепенно отмежевываться от Германии. 1 октября он предложил членам финляндского правительства сделать ход Маннергеймом — послать генерала в Англию и Францию для переговоров о признании Финляндии. А 5 октября он уже вежливо намека-

²⁰² Y. Nurmi o. Op. cit., s. 357.

²⁰³ Ibid., s. 359.

²⁰⁴ O. Stenroth. Op. cit., s. 81, 82.

²⁰⁵ Ibid., s. 90, 91.

нул фон дер Гольц, что, возможно, интересы Финляндии потребуют в ближайшее время вывода немецких войск из страны²⁰⁶. Потеряв надежду на помощь Германии в завоевании Восточной Карелии, Финляндия все же не хотела упустить момент слабости Советской России и 15 октября захватила Ребольскую и Порозерскую волости.

А Германия и накануне краха не оставляла антисоветских планов, предусматривавших использование Финляндии. 10 октября немцы заключили в Пскове соглашение с русскими белогвардейцами: в то время как те должны были двинуться на Петроград, из Финляндии предполагалось перерезать Мурманскую железную дорогу у Кеми и Кандавакши²⁰⁷. 2 ноября германская пресса опубликовала план свержения Советской власти путем наступления немцев из Финляндии на Петроград и русских белогвардейцев с юго-востока — на Москву²⁰⁸. Немецкие империалисты строили эти разбойничьи планы в момент, когда до капитуляции Германии оставались считанные дни.

Уже в то время, когда Германия подавляла революцию в Финляндии, замечались признаки назревания революции в самой Германии. 12 апреля, в день взятия интервентами Гельсингфорса, Людендорф издал приказ, в котором было сказано, что возвращающиеся с Восточного фронта солдаты открыто говорят, что после войны будет революция, и норовят захватить с собой оружие. Предписывалось проверять одежду и багаж отпусников и в случае обнаружения оружия сурово наказывать их²⁰⁹. 4 мая, когда фон дер Гольц мог с торжеством заявить, что революция в Финляндии задушена, прусское военное министерство в секретном циркуляре с тревогой писало о «большевистской пропаганде», которая превращается во «все более опасное политическое движение и будет играть в будущем большую роль»²¹⁰.

Эту пропаганду вели в Германии прежде всего спартаковцы. Они разъясняли немецким рабочим и солдатам, какую позорную, противоречащую их интересам, братоубийственную роль заставляют их играть немецкие империалисты, делая их орудием подавления революционного движения в других странах и подчиняя другие народы. Даже лидеры независимых социалистов по мере приближения военного краха Германии стали выступать смелее. Так, Гаазе 26 июня 1918 г. в своей речи в рейхстаге сказал: «Финская буржуазия не могла одна справиться с рабочими и крестьянами: она нуждалась в чужеземных штыках, и на пощаду ей подоспело германское правительство, готовое всюду подавлять революцию в потоках крови. Германская буржуазия

²⁰⁶ O. Stenroth. Op. cit., s. 148.

²⁰⁷ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 90.

²⁰⁸ «Документы внешней политики СССР», т. I, стр. 553, 554.

²⁰⁹ «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1953, H. 5, S. 806.

²¹⁰ Ibid., S. 807.

использовала германских солдат и рабочих с целью оказать эту дружескую услугу финской буржуазии. Мы глубоко удручены тем, что и немецкий рабочий принимал участие в этом деле». По поводу белого террора в Финляндии Гаазе заметил: «Я надеюсь, что германские рабочие, в душе сочувствующие финским рабочим, узнав об этих фактах, будут знать также, что им предпринять, чтобы помочь финнам в этой борьбе»²¹¹.

Агитация спартаковцев пробуждала классовое сознание у немецких трудящихся, одураченных социал-шовинистами. В нескольких листовках спартаковцев характеризовались, между прочим, и результаты империалистической интервенции в Финляндии. В одной из них, распространенной в немецких войсках в августе 1918 г., говорилось: «Мы видим, как наше высшее командование... пытается задушить революционную свободную Россию. Лифляндия, Эстляндия, Финляндия и Украина одна за другой попадают под власть прусско-германских штыков и пулеметов... Все свободы, которые русская революция принесла этим странам, растерзаны, разорваны»²¹².

В пламенном обращении по поводу преступного хозяйничанья в Финляндии спартаковцы писали: «Немецкие солдаты! Немецкие рабочие! Посмотрите, какую гнусную игру ведет немецкое правительство с Финляндией! Знаете ли вы, какой была Финляндия прежде? Страной с самым свободным избирательным правом — в том числе и для женщин! С восьмичасовым рабочим днем — в том числе и для сельскохозяйственных рабочих! А как выглядит эта Финляндия теперь? Что стало с этим парламентом? Социалистические депутаты разогнаны, посажены в тюрьмы или расстреляны! Остальные — под «защитой» немецких штыков... И как же обстоит дело с Финляндией? Порабощена, в когтях Германии. Свободное избирательное право отменено. Восьмичасовой рабочий день, которым,... финские рабочие были «избалованы», отменен. И ради этого вы должны проливать кровь и бедствовать?»²¹³.

Спартаковцы подчеркивали ответственность немецкого пролетариата за то, что он был использован империалистами для подавления революции в Финляндии и в других странах. «Германия, — говорилось в спартаковской листовке, — превратилась в международного жандарма капиталистической реакции для всей Европы, а германский пролетарий в военной форме — в палача свободы и социализма!.. В 1848 г. по приказанию царя полчища крепостных мужиков нагрянули на Западную Европу, чтобы задушить буржуазную революцию. Сегодня же, спустя 70 лет, на

²¹¹ «Правда», II.VII 1918.

²¹² Г. Мюллер. Мировая война и германская революция. т. 1. М., 1924, стр. 267.

²¹³ K. Liebknecht. Politische Aufzeichnungen..., S. 136—138.

север и на восток маршируют германские рабочие, организованные в социал-демократическую партию и принадлежащие к профессиональным организациям,— маршируют, чтобы задушить социалистическую революцию. Более ужасной трагедии, более глубокого позора, более предательского самооскопления не было суждено ни одному классу общества на всем протяжении всемирной истории»²¹⁴.

«Перед нами встает и дальнейший вопрос: неужели мы снова принуждены быть палачами и «кровавыми собаками» революции?»,— писали спартаковцы в другой листовке, где шла речь об установлении Германией реакционных режимов в Финляндии и на других оккупированных ею территориях. Спартаковцы призывали немецких рабочих «проснуться», ибо «настал последний час: надо спасти честь германского пролетариата»²¹⁵. «Кто за рабство народных масс на фронте, за укрепление существующих тронов и за обеспечение жаждущих власти князей новыми тронами и коронами, кто хочет бороться за угнетение и эксплуатацию чужих народов, как и своего собственного, тот пусть и дальше повинуется Гинденбургу и Гогенцоллернам. Но кто хочет бороться за свободу и счастье народов, за освобождение мирового пролетариата, тот пусть идет к нам!»²¹⁶. Подобно тому, как имущие классы Финляндии призывали германские войска на помощь, «неимущие классы тоже зовут и звали иностранную помощь — но не помощь иностранных правительств, а помощь рабочих масс, своих товарищей по классу по ту сторону границ; и не для военной интервенции, а для социальной революции, завтрашней действительности»²¹⁷.

Если германский пролетариат не найдет в себе силы порвать с империалистической политикой, предупреждали спартаковцы, то самому ему наградой за примерное послушание в выполнении преступных поручений злейших врагов трудящихся будет лишь еще более тяжкое рабство. «Позорная измена международному социализму не останется без возмездия. Давая использовать себя как раба в качестве палача свободы Европы, германский пролетариат готовит самому себе новые цепи... Палачи России и Финляндии почувствуют на своем собственном теле последствия своих рабских услуг и в отношении зарплаты, и социального законодательства, и бремени налогов, и политического бесправия... Мы, германские пролетарии, превращенные в убийц русской и финляндской свободы, мы в благодарность за это еще получим хороший пинок от германской реакции, вскормленной нашей же собственной кровью...»²¹⁸.

²¹⁴ Г. Мюллер. Указ. соч., стр. 242, 243.

²¹⁵ Там же, стр. 243, 268.

²¹⁶ K. Liebknecht. Politische Aufzeichnungen..., S. 138.

²¹⁷ Ibid., S. 83.

²¹⁸ Г. Мюллер. Указ. соч., стр. 244.

Спартакowцы были уверены, что, несмотря на военные успехи и кажущуюся несокрушимость германского империализма, насаждаемые реакционные порядки не могут быть прочными, ибо грубое насилие над целыми народами и странами должно неизбежно порождать противодействие, сила которого должна расти. Либкнехт указывал, что германский империализм не сможет длительное время осуществлять насилие над сотнями миллионов европейцев, не сможет к каждому поляку, латышу, эстонцу, финну, украинцу, русскому, румыну, венгру, чеху, сербу, словаку, болгарину, турку и т. д. поставить жандарма²¹⁹. «Так грубо, как Германия сейчас на Востоке, не может действовать даже самый мощный империализм, не роя самому себе могилу, — писал Либкнехт. — Такие методы довольно рискованны даже в отношении африканских дикарей, не говоря уже о европейских народах. Даже в рядах финской буржуазии началось брожение; кризис, выразившийся в отставке Маннергейма, говорит о многом... Фиаско в Польше, фиаско на Украине, фиаско в Финляндии, фиаско в Румынии — но они стремятся дальше навстречу року... Они (германские империалисты — В. Х.) могут как угодно стараться; во всем мире нет «реальных гарантий», чтобы надежно упрочить такую безумную политику истязания народа. Позорно и заслуженно потерпят они крах...»²²⁰.

Эти слова Либкнехта сбылись очень скоро. Германия потерпела поражение, и в ней произошла революция. Все политические и военно-стратегические расчеты, которые германские империалисты связывали с интервенцией в Финляндии, рухнули. Немецкие войска, при помощи которых Германия подавила революцию в Финляндии и собиралась еще вести войну против Советской России, да и против Антанты, должны были покинуть Финляндию по требованию последней. Среди них тоже началось брожение. Революция, подавленная ими в Финляндии, возрождалась на их родине.

Коммунистическая партия Финляндии распространяла среди немецких солдат революционные листовки на немецком языке. В одной из них, датированной 12 ноября 1918 г. и подписанной О. Куусиненом, Ю. Сирола, Л. Летонмяки, К. М. Эвя и Ю. Рахья, говорилось: «Вставайте, товарищи, как уже сделали ваши героические братья в Германии. Свергайте преступную власть генералов и всех правящих мошенников... Освободите себя и освободите при этом наших революционных товарищей, которые томятся в тюрьмах финских кровопийц... Германские войска были весной привезены в Финляндию, чтобы подавить нашу социалистическую революцию... Покажите теперь в Финляндии, что вы, немецкие солдаты и матросы, хотите быть не пособниками угне-

²¹⁹ K. Liebknecht. Politische Aufzeichnungen..., S. 100.

²²⁰ Ibid., S. 107.

тателей, а освободителями и товарищами по оружию угнетенных... Возьмите наших товарищей в Финляндии в свои ряды и дайте им в руки оружие. Тогда рука об руку, объединенными силами мы победим банды белых подстрекателей. В Финляндии и Германии, в России и других странах, во всем мире будет свергнуто господство класса эксплуататоров и вся власть будет взята действительными представителями трудящегося народа, Советами рабочих и солдат. Вперед на эту прекрасную борьбу, немецкие революционные братья по оружию! Грабительская мировая война, начатая империалистическими правителями, должна закончиться желанной победой угнетенного человечества».

Фон дер Гольцу пришлось пускаться в ход демагогии и ложь, чтобы удержать свои войска в повиновении. Примером может служить речь, с которой он обратился к своим войскам за четыре дня до их отъезда из Финляндии, 12 декабря. Генерал прибег к совершенно несвойственному ему тону и лексикону. «Товарищи!» — вдруг запросто обратился он к солдатам. И дальше в тоне дружеской сердечности объяснил им, почему они должны нерушимо сохранять дисциплину и «верность»: ведь ни один немецкий солдат не покинет-де живым Финляндию, если из-за их «неверности» опять вспыхнет красный мятеж. Уже ради самосохранения нужно служить по-прежнему. К большевикам же немецкие солдаты не должны относиться с симпатией: большевики, пояснил граф, принесли России не мир, а вечную войну. Тут же он «сообщил», что большевики отменили солдатские советы и не признают другого наказания для солдат, кроме смертной казни»²²¹. Таким-то замешанным на дезинформации идеологическим цементом была спаяна Балтийская дивизия!

Не успели интервенты уйти, как финская буржуазия уже переориентировалась на победителей. О царствовании в Финляндии немецкого принца, для которого уже стали строить замок и приобретать за границей дорогие вина, теперь не могло быть и речи. Маннергейм, выехавший в Западную Европу, телеграфировал из Лондона 17 ноября: «Мои беседы с лордом Сесилем (заместителем министра иностранных дел.— В. Х.) и чиновниками МИД и военного министерства показывают, что в отношении Финляндии существует глубоко укоренившееся недоверие, и нам следовало бы отказаться от плана возведения на престол Фридриха Карла»²²². Позже Маннергейм сообщил: «На основании бесед, имевших место здесь и в Париже, вынужден констатировать, что Антанта ни теперь, ни в будущем не признает принца. Было бы чрезвычайно важно быстрее добиться официального отречения, что является необходимым условием признания»²²³.

²²¹ R. von der Goltz. Meine Sendung..., S. 107.

²²² G. Mannerheim. Erinnerungen..., S. 234.

²²³ И. И. Сюзьянен. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 годах. Петрозаводск, 1948, стр. 64, 65.

Принц учел ситуацию и отрекся от престола, который не успел занять. Парламентские выборы весной следующего года означали смерть для кратковременной финляндской монархии без монарха. Ее сторонники могли иметь большинство лишь в охвостье сейма без социал-демократической фракции. Стоило собраться сейму полного состава, как монархисты оказались в ничтожном меньшинстве. Финляндия снова стала республикой.

Таким образом, от мрачной участи, которую уготовила Финляндии эгоистическая классовая политика ее буржуазии, от участи целиком зависимой от Германии и управляемой немецким принцем страны, Финляндию избавило чисто внешнее и для Финляндии случайное обстоятельство: не предвиденное финской буржуазией поражение Германии в мировой войне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Финляндская революция была первой из зарубежных революций, последовавших за Октябрьской. В то время огромное международное значение имел уже тот факт, что большевистская революция в России не осталась одинокой, что ее почин подхвачен рабочими другой страны, что революционная волна начала распространяться на Запад. Финляндская революция явилась первым практическим подтверждением мнения большевиков о том, что Великий Октябрь откроет целую революционную эпоху. Она в какой-то мере обогатила сокровищницу опыта международного рабочего движения, по-своему подтвердив правильность разработанных большевиками основных положений революционной тактики.

Финляндская революция происходила в условиях, отличных от российских. По укладу жизни Финляндия была ближе к Западу. Эта небольшая страна с определенными демократическими традициями стояла на одном из первых мест по грамотности, распространению газет (в том числе рабочих газет), по демократичности избирательной системы и парламента. Партия рабочего класса с самого своего основания в конце прошлого века действовала в Финляндии легально, как и профсоюзы. До 1917 г. классовая борьба между рабочими и буржуазией не принимала в Финляндии острых форм, как в России. Поэтому, когда финские социал-демократы решились на революцию, они не копировали тактику большевиков, а вырабатывали свою собственную, которую считали более соответствующей условиям Финляндии. Было бы неверно осуждать каждое отклонение финляндских революционеров от большевистских методов.

Революционное правительство, составленное из лидеров социал-демократической партии и рабочего движения, пользовалось доверием рабочих и торпарей. В исключительно трудной обстановке оно смогло, опираясь на рабочих и используя их организационный талант, быстро создать огромную по финляндским масштабам Красную гвардию и организовать вооруженную борьбу против контрреволюции, а также наладить экономическую жизнь страны, поскольку это было возможно в условиях

гражданской войны, и целым рядом мер улучшить положение трудящихся. Революционный энтузиазм рабочих масс и проявленная ими самоотверженность в защите революции были красноречивым доказательством популярности избранного революционными лидерами пути.

Политические руководители революции только в ходе борьбы стали знакомиться с работой Ленина «Государство и революция» и освобождаться от пережитков социал-демократизма. Начался процесс превращения социал-демократической партии в партию нового типа. Красная гвардия в ходе боев приобретала боевой опыт и закалялась. В ней была укреплена дисциплина, введено единоначалие. Командование Красной гвардии училось успешно вести не только оборонительные бои, но и организовывать наступательные операции. Революция в Финляндии не потерпела бы поражения, если бы ей пришлось бороться только против белофинской армии, которая по боевому духу не могла и равняться с Красной гвардией. Главным фактором, обеспечившим сохранение в Финляндии буржуазного строя, явилось вооруженное вмешательство кайзеровской Германии. А Советская Россия была тогда слаба и не могла оказать революционной Финляндии необходимой помощи против интервентов и извратить трудящихся Финляндии от ужасов белого террора.

После поражения финляндской революции все ее противники — от оголтелых реакционеров до правых социал-демократов — продолжали развенчание и дискредитацию ее целей и методов. В сущности, это являлось составной частью идеологической борьбы против коммунистов, признававших закономерной и оправданной и финляндскую революцию, и революционные методы вообще. При всем различии аргументов и тона все враги революции были едины в общем выводе: они объявляли ее бессмысленной и преступной затеей. Таннеровцы сформулировали этот тезис еще в воззвании после взятия немцами Гельсингфорса. Таннер назвал революционные действия старой социал-демократической партии глупыми и преступными¹. Лоухивуори писал, что у всех революций — у французской революции XVIII в., у революции 1830 и 1848 гг., у Парижской коммуны, у русских революций 1905 и 1917 гг. — были какие-то цели, и только у финляндской никаких-де целей не было!² Как ни странно, нелепый тезис о якобы бесцельности финляндской революции проповедуются некоторыми буржуазными авторами до сих пор. Так, в изданной в 1965 г. «Истории Финляндии» Э. Хорнборга можно прочесть: «Ответственность руководителей (революции. — В. Х.) остается тяжелой. Они были людьми с нормальным интеллектом, с высшим образованием и, следовательно, должны

¹ «Из истории Коммунистической партии Финляндии», стр. 14—17.

² O. W. Louhivuori. Punakaartin kapinan syyt. Helsinki, 1920, s. 53—57.

были понимать, что в независимой Финляндии были бы осуществлены большие социальные реформы... Хотя пропаганда и шумела о «черной реакции», в сейме царил дух реформ... Восстание было ненужным, и его руководители наверняка это понимали (?)... Оно было бесцельным и безрезультатным и не оказало никакого влияния на осуществленные в Финляндии социальные реформы»³. Разумеется, ни один из руководителей революции не считал ее ненужной. Духа реформ в сейме перед революцией и в помине не было. Напротив, полное блокирование неуступчивой буржуазией каких бы то ни было реформ и «полное подавление рабочего класса и его организаций»⁴, по словам Куусинена,— вот что было в действительности альтернативой революции.

Поражение революции оставило неосуществленным то, что сулила ее победа: быстрое и радикальное решение социальных вопросов в интересах трудящихся, освобождение от периодических кризисов и безработицы, строительство социализма подходящими для финляндских условий методами и поддержание самых дружественных отношений с Советской Россией. Если бы революция победила, Финляндия была бы избавлена от самых мрачных страниц в своей новейшей истории: белого террора и ненужных войн с восточным соседом.

Но даже и потерпевшая поражение революция оказала большое влияние на те или иные стороны в последующем развитии страны. Пережившая революцию Финляндия резко отличалась от дореволюционной обостренным чувством классовой ненависти между буржуазией и пролетариатом. Однако сами победители, несмотря на свирепые меры по искоренению революционного духа, долго не могли избавиться от страха перед повторением «красного мятежа». Они не сомневались, что стоит им начать агрессивную войну против Советской России, как у них в тылу вспыхнет новое революционное восстание. И это было одной из важных причин того, что правящие круги Финляндии, как говорится в обращении ЦК КПФ, «не осмелились... приступить к осуществлению своих планов большого военного похода на территорию Советской России сразу же после гражданской войны, когда молодое Советское государство находилось в величайшей опасности. Они ограничились лишь небольшими военными нападениями, организованными неофициально и малыми силами»⁵. В то же время любое проявление в рабочем движении левого течения, в котором подозревали революционный дух, вызывало репрессии со стороны буржуазных властей или действовавших при их попустительстве фашистских громил.

³ E. Hornborg. Suomen historia. Helsinki, 1965, s. 266—267.

⁴ O. W. Kuusinen. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta, 1949, s. 15.

⁵ «Новая и новейшая история», 1958, № 2, стр. 127.

Под несомненным впечатлением финляндской революции правящие классы вынуждены были согласиться и на наделение земель мелких арендаторов, тогда как до революции они этому упорно противились. Это была попытка укрепить социальную базу буржуазного строя в деревне. Владеющий землей крестьянин рассматривался как более устойчивый против революционных влияний. Разумеется, земля была предоставлена торпарям не безвозмездно, как во время революции, а за большой выкуп.

Но особенно серьезным было влияние революции на рабочее движение Финляндии. Поражение революции означало и конец старой социал-демократической партии. К чести этой партии, она (за исключением нескольких правых лидеров), будучи тесно связана с массами, не изменила делу рабочего класса, пошла на революцию, возглавила ее, но не смогла — в основном из-за германской интервенции — привести ее к победе и с поражением ее погибла сама. Революция ускорила размежевание между правыми и левыми, прежде «сосуществовавшими» в одной партии. Именно уроки революционной борьбы показали рабочему классу, что ему нужна партия нового типа, способная быть боевым авангардом рабочего класса и умело руководить не только парламентской, но, в случае надобности, и революционной борьбой. Лучшая часть старой социал-демократической партии подвергла глубокому разбору и беспощадной критике допущенные ошибки и в августе 1918 г. основала действительно революционную марксистскую партию нового типа — Коммунистическую партию Финляндии, которая является законной преемницей и наследницей лучших традиций старой социал-демократической партии. Однако о легальной деятельности компартии в Финляндии не могло быть и речи; она стала возможной лишь после поражения Финляндии во второй мировой войне.

Через несколько месяцев после основания компартии Таннер и другие правые лидеры организовали в противовес ей новую легальную социал-демократическую партию подчеркнуто реформистского характера, которая повела идеологическую борьбу против коммунистов.

Финляндская революция представляла собой попытку социального освобождения пролетариата посредством вооруженной борьбы. В обстановке подавляющего преобладания капиталистического лагеря над только возникавшим и еще слабым социалистическим лагерем освобождение угнетенных классов от власти эксплуататоров было невозможно без вооруженного насилия. Но с тех пор положение в мире коренным образом изменилось. Капиталистический лагерь значительно сократился, и монополия его лидеров на решение судеб мира безвозвратно ушла в прошлое. Теперь ему противостоят не одна только первая страна социализма, ставшая могучей и непобедимой державой, а целая семья социалистических стран, расположенных в трех частях

света. Мировая социалистическая система крепнет и превращается в «решающий фактор развития человеческого общества»⁶ тогда как относительное ослабление империализма усугубляется активизацией антиимпериалистических сил даже в сфере его прежде безраздельного господства. Соотношение сил на мировой арене изменилось и продолжает изменяться в пользу социализма. Все это позволило коммунистам сделать вывод о возможности перехода от капитализма к социализму в отдельных странах и без вооруженной борьбы.

«В связи с глубокими историческими изменениями на международной арене в пользу социализма,— говорилось в резолюции XX съезда КПСС,— открываются новые перспективы в деле перехода стран от капитализма к социализму». Отметив, что формы перехода стран к социализму будут все более разнообразными, съезд подчеркнул: «При этом не обязательно, что осуществление форм перехода к социализму при всех условиях будет связано с гражданской войной»⁷. XXII съезд КПСС подтвердил этот вывод⁸.

Важное принципиальное положение о возможности в современной обстановке мирного перехода к социализму признано международным коммунистическим движением. Московское совещание представителей коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 г. заявило в своей декларации: «В современных условиях в ряде капиталистических стран рабочий класс во главе со своим передовым отрядом имеет возможность на основе рабочего и народного фронта и других возможных форм соглашения и политического сотрудничества разных партий и общественных организаций — объединить большинство народа, завоевать государственную власть без гражданской войны и обеспечить переход основных средств производства в руки народа»⁹. Степень ожесточенности классовой борьбы, говорилось далее, будет зависеть не столько от пролетариата, сколько от силы сопротивления реакционных кругов воле подавляющего большинства народа, от применения насилия этими кругами на том или ином этапе борьбы. Тремя годами позже эти положения были подтверждены следующим совещанием коммунистических и рабочих партий¹⁰.

Финляндия, по мнению коммунистов, относится к числу тех капиталистических стран, в которых вероятен мирный переход к социализму. Поэтому вопрос о путях мирного перехода к социализму уже много лет является предметом изучения и обсуж-

⁶ Заявление Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. — «Правда» 6.XII 1960.

⁷ «XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. II, М., 1956, стр. 414, 415.

⁸ «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1962, стр. 300, 301.

⁹ «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 17.

¹⁰ Там же, стр. 77, 78.

дения в компартии Финляндии. В программе, принятой XI съездом КПФ в 1957 г., подчеркивается, что партия «хочет осуществления победы социализма мирным путем»¹¹. В 1958 г. ЦК КПФ в обращении по случаю 40-летия финляндской революции так обосновал возможность мирного перехода к социализму: «Развитие международного положения, так же как и изменения, происшедшие в нашей стране, привели к тому, что буржуазии стало гораздо труднее начать вооруженную борьбу и шансы на ее успех уменьшились во много раз по сравнению с 1918 г.». (А ведь и тогда буржуазия победила только благодаря иностранной помощи.) Поэтому ЦК подчеркивал: «Достижение победы социализма путем мирной борьбы масс возможно». Однако «только эффективно борясь против политики насилия реакционных кругов, можно обеспечить тот мирный путь к социализму, по которому хотят идти рабочие нашей страны и ее Коммунистическая партия»¹². XII съезд КПФ (апрель 1960 г.) снова счел нужным указать, что, «по мнению коммунистов, изменение соотношения сил между социализмом и капитализмом сделало мирный переход к социализму возможным и в нашей стране», но он «возможен опять-таки лишь при условии, что явное превосходство сил сторонников социализма заставит противников социалистических преобразований понять безнадежность попытки прибегнуть к насилию»¹³. В 1964 г. руководство КПФ опубликовало документ «О путях перехода к социализму и о диктатуре пролетариата», где тоже говорилось: «В 1918 г. мирный переход к социализму был немислим, а теперь он, по мнению коммунистов, возможен в нашей стране»¹⁴. Но для такого перехода необходимо создание единого фронта путем сотрудничества рабочих партий. В следующем году вопрос о путях перехода Финляндии к социализму явился предметом дальнейшего рассмотрения на октябрьском пленуме ЦК КПФ. В заявлении «О марксистской теории государства и пути Финляндии к социализму» ЦК КПФ указал, что для перехода к социализму недостаточно, чтобы большинство сейма занимало благоприятную для этого позицию, но «само большинство финляндского народа должно непосредственно сознавать необходимость социалистических преобразований, должно быть готово активно действовать для достижения их и быть в состоянии всеми силами организованных масс поддерживать деятельность сейма»¹⁵.

Таким образом, финляндские коммунисты, считая совершенно правильным революционный путь, на который вступили рабо-

¹¹ «XI съезд Коммунистической партии Финляндии». М., 1958, стр. 229.

¹² «Новая и новейшая история», 1958 г., № 2, стр. 128.

¹³ «XII съезд Коммунистической партии Финляндии». М., 1961, стр. 144.

¹⁴ «Kommunisti», 1964, № 12, s. 413.

¹⁵ «Kommunisti», 1965, № 10, s. 326.

чие Финляндии в 1918 г., отнюдь не собираются повторять методы 1918 г. Коренное изменение международной и внутренней обстановки позволило им совершенно изменить тактику. Они были безусловными сторонниками революционных мер лишь до тех пор, пока иначе нельзя было и думать добиться перехода власти в руки трудящихся и проведения социалистических преобразований. Но с тех пор, как открылись перспективы для достижения тех же целей мирным, ненасильственным путем, они определенно предпочитают именно этот путь. Они не зарекаются и теперь от применения трудящимися массами насилия, но, как говорится в программе КПФ, лишь для отражения насильственных действий контрреволюционных сил¹⁶. Правда, неразборчивые в средствах политические противники и сейчас еще пытаются изобразить финляндских коммунистов сторонниками непременно насильственных методов, стараясь отпугнуть от них избирателей. Как мало действуют такие запугивания, видно из того, что за Демократический союз народа Финляндии, в котором ведущую роль играет компартия, голосует около четверти избирателей.

Жизнь покажет, как будет осуществляться в Финляндии мирный переход к социализму. Успех будет зависеть от единства действий рабочих партий и всех трудящихся Финляндии в борьбе за социалистическое преобразование, а также и от дальнейших успехов всего социалистического лагеря в мирном соревновании с капитализмом.

Но каковы бы ни были дальнейшие успехи рабочего класса Финляндии на пути к социализму, он навечно сохранит священную память о своей революции, о тех своих сынах и дочерях, которые смело подняли озаренное отблеском Октября красное знамя и в невероятно трудных исторических условиях, при засилии в мире империалистических врагов и при невозможности получить эффективную помощь от слабых в то время друзей, голодные, плохо одетые, необученные, бестрепетно шли в бой с маннергеймовской и кайзеровской армиями, веря в то, что рано или поздно их дело победит. Финляндская революция навсегда останется не только ярчайшим событием в революционном прошлом финляндского пролетариата, но и одной из самых героических, захватывающих и славных страниц в истории международного рабочего движения.

¹⁶ «XI съезд Коммунистической партии Финляндии», стр. 229.

Сочинения В. И. Ленина *

- Ленин В. И. Протест финляндского народа. Т. 5, стр. 352—357.
 Ленин В. И. Политическая борьба и политиканство. Т. 7, стр. 34—42.
 Ленин В. И. Пролетариат и крестьянство. Т. 9, стр. 341—346.
 Ленин В. И. О временном революционном правительстве. Т. 10, стр. 227—250.
 Ленин В. И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. Т. 11, стр. 215—224.
 Ленин В. И. Приближение развязки. Т. 12, стр. 73—80.
 Ленин В. И. Всероссийская политическая стачка. Т. 12, стр. 1—4.
 Ленин В. И. Между двух битв. Т. 12, стр. 49—58.
 Ленин В. И. Уроки революции. Т. 19, стр. 416—424.
 Ленин В. И. Царь против финского народа. Т. 19, стр. 127—130.
 Ленин В. И. Поход на Финляндию. Т. 19, стр. 218—222.
 Ленин В. И. О политике царизма по отношению к Финляндии. [Резолюция VI «Пражской» Всероссийской конференции РСДРП(б) 1912 г.]. Т. 21, стр. 155, 156.
 Ленин В. И. Ко всем гражданам России. Т. 22, стр. 135—139.
 Ленин В. И. К вопросу о некоторых выступлениях рабочих депутатов. Т. 22, стр. 197—201.
 Ленин В. И. К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации. Т. 22, стр. 202—206.
 Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения. Т. 23, стр. 125—135.
 Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. Т. 23, стр. 314—322.
 Ленин В. И. набросок резолюции по национальному вопросу. Т. 24, стр. 377—379.
 Ленин В. И. Тезисы реферата по национальному вопросу. Т. 24, стр. 382—395.
 Ленин В. И. Вопрос о мире. Т. 26, стр. 301—306.
 Ленин В. И. О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России. Т. 27, стр. 246—249.
 Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. (Тезисы). Т. 27, стр. 252—266.
 Ленин В. И. О «программе мира». Т. 27, стр. 267—274.
 Ленин В. И. Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП(б) второй социалистической конференции. Т. 27, стр. 458—469.
 Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. Т. 30, стр. 17—58.
 Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Т. 30, стр. 77—130.
 Ленин В. И. Письма из далека. Т. 31, стр. 9—59.
 Ленин В. И. Добросовестное оборончество показывает себя. Т. 31, стр. 314—316.

* Указываются по Полному собранию сочинений.

- Ленин В. И. Что понимают под «позором» капиталисты и что — пролетария. Т. 31, стр. 328, 329.
- Ленин В. И. Речь по национальному вопросу 29 апреля (12 мая). [VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). 1917 г.]. Т. 31, стр. 432—438.
- Ленин В. И. Финляндия и Россия. Т. 32, стр. 4—7.
- Ленин В. И. Защита империализма, прикрытая добрыми фразами, Т. 32, стр. 11—13.
- Ленин В. И. Печальный документ. Т. 32, стр. 14—17.
- Ленин В. И. Наказ избираемым по заводам и полкам депутатам в Совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 32, стр. 40—42.
- Ленин В. И. Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы. Т. 32, стр. 139—144.
- Ленин В. И. К проекту переработки программы. Т. 32, стр. 147—162.
- Ленин В. И. Соломинка в чужом глазу. Т. 32, стр. 250—252.
- Ленин В. И. Не демократично, гражданин Керенский! Т. 32, стр. 253, 254.
- Ленин В. И. Есть ли путь к справедливому миру? Т. 32, стр. 304, 305.
- Ленин В. И. Речь об отношении к Временному правительству 4 (17) июня. [Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917 г.]. Т. 32, стр. 263—376.
- Ленин В. И. Речь о войне. Т. 32, стр. 277—291.
- Ленин В. И. Государство и революция. Т. 33, стр. 1—120.
- Ленин В. И. Разговор с Гельсингфорсом по прямому проводу 27 октября (9 ноября) 1917 г. Т. 35, стр. 32—35.
- Ленин В. И. Письмо финским товарищам Маннеру, Сироле, Куусинену, Валласу, Вийку. Т. 35, стр. 90.
- Ленин В. И. Речь на Первом Всероссийском съезде военного флота 22 ноября (5 декабря) 1917 г. Т. 35, стр. 112—118.
- Ленин В. И. Из дневника публициста (Темы для разработки). Т. 35, стр. 187—190.
- Ленин В. И. Заключительное слово перед закрытием съезда 18 (31) января. [Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918 г.]. Т. 35, стр. 286—290.
- Ленин В. И. Доклад Совета Народных Комиссаров 13 (26) января 1918 г. [Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд. 1918 г.]. Т. 35, стр. 292—305.
- Ленин В. И. По радио всем. Мирной делегации в Брест-Литовске особенно. Т. 35, стр. 321.
- Ленин В. И. Радиogramма всем, всем. Т. 35, стр. 322.
- Ленин В. И. Речь на заседании ЦК РСДРП(б) 18 февраля 1918 г. (вечером). Т. 35, стр. 336—338.
- Ленин В. И. Заключительное слово по политическому отчету Центрального Комитета 8 марта. [Седьмой экстренный съезд РКП(б). 1918 г.]. Т. 36, стр. 27—34.
- Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой экстренный съезд РКП(б). 1918 г.]. Т. 36, стр. 43—57.
- Ленин В. И. Доклад о ратификации мирного договора 14 марта. [IV чрезвычайный Всероссийский съезд Советов. 1918 г.]. Т. 36, стр. 92—111.
- Ленин В. И. Постановление ЦК РКП(б) по вопросу о международном положении. Т. 36, стр. 315.
- Ленин В. И. Тезисы о современном политическом положении. Т. 36, стр. 322—326.
- Ленин В. И. Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского совета 14 мая 1918 г. Т. 36, стр. 327—345.
- Ленин В. И. Речь на II Всероссийском съезде комиссаров труда 22 мая 1918 г. Т. 36, стр. 365—370.

- Ленин В. И. Речь на митинге в Алексеевском манеже 2 июля 1918 г. Т. 36, стр. 485—486.
- Ленин В. И. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г. Т. 36, стр. 529—533.
- Ленин В. И. Речь на митинге Варшавского революционного полка 2 августа 1918 г. Т. 37, стр. 24—26.
- Ленин В. И. Речь на митинге в Бутырском районе 2 августа 1918 г. Т. 37, стр. 27—29.
- Ленин В. И. Письмо к американским рабочим. Т. 37, стр. 48—64.
- Ленин В. И. Речь на митинге в Политехническом музее. Т. 37, стр. 65—70.
- Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде по просвещению 28 августа 1918 г. Т. 37, стр. 74—78.
- Ленин В. И. Доклад [Объединенное заседание ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.]. Т. 37, стр. 111—125.
- Ленин В. И. Резолюция [Объединенное заседание ВЦИК, Московского совета, фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов 22 октября 1918 г.]. Т. 37, стр. 126—128.
- Ленин В. И. Речь в «День красного офицера» 24 ноября 1918 г. Т. 37, стр. 200.
- Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Т. 37, стр. 235—331.
- Ленин В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки. Т. 37, стр. 454—462.
- Ленин В. И. Доклад о партийной программе 19 марта. [VIII съезд РКП(б) 1919 г.]. Т. 38, стр. 151—173.
- Ленин В. И. Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта. [VIII съезд РКП(б). 1919 г.]. Т. 38, стр. 174—184.
- Ленин В. И. Доклад о внутреннем и внешнем положении на Московской конференции РКП(б) 12 июля 1919 г. Т. 39, стр. 85—89.
- Ленин В. И. Ответ на вопросы американского журналиста. Т. 39, стр. 113—117.
- Ленин В. И. Речь о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавкомов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива и совета общества «Кооперация» 30 июля 1919 г. Т. 39, стр. 118—130.
- Ленин В. И. Как буржуазия использует ренегатов. Т. 39, стр. 182—194.
- Ленин В. И. Ответ на вопросы корреспондента американской газеты «The Chicago Daily News». Т. 39, стр. 209, 210.
- Ленин В. И. Политический доклад Центрального Комитета 2 декабря. [VIII Всероссийская конференция РКП(б). 1919 г.]. Т. 39, стр. 342—363.
- Ленин В. И. Доклад ВЦИК и Совнаркома 5 декабря. [VII Всероссийский съезд Советов 1919 г.]. Т. 39, стр. 387—414.
- Ленин В. И. Тезисы об основных задачах Коминтерна. Т. 41, стр. 439—447.
- Ленин В. И. Речь на митинге, посвященном закладке памятника К. Либкнехту и Р. Люксембург в Петрограде 19 июля 1920 г. Т. 41, стр. 158.
- Ленин В. И. Письмо К.-Я. Брантингу 19 апреля 1901 г. Т. 46, стр. 94.
- Ленин В. И. В Всероссийскую комиссию по выборам в Учредительное собрание. 28 ноября (11 декабря) 1917 г. Т. 50, стр. 14.
- Ленин В. И. Народный комиссариат по военным делам. 17 (30) января 1918 г. Т. 50, стр. 32.
- Ленин В. И. Телеграмма К. Маниеру и К. Вийку. 24 января (6 февраля) 1918 г. Т. 50, стр. 36.
- Ленин В. И. Телеграмма К. Маниеру 14 февраля 1918 г. Т. 50, стр. 41, 42.
- Ленин В. И. Радиотелеграмма в Центробалт. 15 февраля 1918 г. Т. 50, стр. 42.
- Ленин В. И. Телеграмма Совнаркому Петроградской трудовой коммуны. 1 апреля 1918 г. Т. 50, стр. 54, 55.
- Ленин В. И. Проект радиogramмы мирной делегации в Курске. 6 мая 1918 г. Т. 50, стр. 70, 71.
- «Ленинский сборник XXI».

Документы Коминтерна, КПСС, КПФ, статьи и речи руководящих деятелей международного и финляндского рабочего движения

«Из истории Коммунистической партии Финляндии». М., 1960.

«К сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС и Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС». М., 1957.

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 7-е, ч. 1. Госполитиздат, 1953.

Куусинен О. В. Избранные произведения (1918—1964). М., 1966.

Куусинен О. В. К 15-летию финской революции.—«Карело-Мурманский край», 1933, № 1—2, стр. 27—29.

Куусинен О. В. Революция в Финляндии. (Самокритика). Пг., 1919.

Куусинен О. В. Финляндия без маски. М., 1943.

Либкнехт К. Избранные речи, письма и статьи. М., 1961.

«XI съезд Коммунистической партии Финляндии. Хельсинки, 29 мая — 2 июня 1957 г.». М., 1958.

«XII съезд Коммунистической партии Финляндии. (Хельсинки, 15—18 апреля 1960 г.)». М., 1961.

«Открытое письмо Учредительного съезда Коммунистической партии Финляндии к товарищу Ленину».— Куусинен О. В. Избранные произведения (1918—1964). М., 1966, стр. 13—23.

Песси В. Значение Октябрьской революции для самостоятельности Финляндии и развития освободительной борьбы рабочего класса. М., 1957.

«Программа Компартии Финляндии, принятая на XI съезде».— «Программные документы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран Европы». М., 1960.

«Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918». М., 1958.

«Рабочая революция в Финляндии. (Тезисы ЦК КПФ с предисловием Ю. Сиrolа)».— «Пролетарская революция», 1923, № 8 (79), стр. 167—195.

Резолюция о белом терроре [Конгресс Коминтерна].— «Коммунистический Интернационал», 1919, № 1, стр. 120.

«Седьмой экстренный съезд РСДРП(б)». М., 1962.

Сиrolа Ю. Десять лет назад.— «Карело-Мурманский край», 1928, № 1, стр. 3—5.

Сиrolа Ю. Десять лет назад.— «Правда», 2.II 1928.

Сиrolа Ю. Коммунистическая партия Финляндии. М.—Л., 1929.

Сиrolа Ю. Национальный вопрос в Финляндии.— «Коммунистический Интернационал», 1920, № 9, стр. 1267—1276.

Сиrolа Ю. Октябрьские события 1905 г. в Гельсингфорсе.— «Красная летопись», 1925, № 1 (12), стр. 83—85.

Сиrolа Ю. Пролетарская революция в Финляндии.— «Коммунистический Интернационал», 1928, № 5 (131), стр. 5—13.

Сиrolа Ю. 15-летняя годовщина финляндской рабочей революции.— «Красная летопись», 1933, № 1 (52), стр. 54—67.

«Сорок лет рабочей революции в Финляндии. Обращение Центрального Комитета Коммунистической партии Финляндии».— «Новая и новейшая история», 1958, № 2, стр. 115—128.

Сталин И. В. Речь на съезде финляндской социал-демократической рабочей партии в г. Гельсингфорсе. Соч., т. 4, стр. 1—5.

Сталин И. В. О независимости Финляндии. Доклад на заседании ВЦИК 22 декабря 1917 г. Соч., т. 4, стр. 22—26.

«Тезисы Загранбюро ЦК КПФ. 15 годовщина рабочей революции в Финляндии».— В. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Ленингр. обл. изд-во, 1933, стр. 201—213.

«Финляндская революция». Сб. статей. М., 1920.

«Kipinästä tuli sytyt. Muistinpäivät Suomen Kommunistisen Puolueen 40 — vuotistaipaleelta». Kolmas painos. Helsinki, 1958.

- Kuusinen O. V. Epäonnistunut esitys «Saksan lokakuusta». — «Kommunisti», 1925, № 2, s. 66—72; № 3, s. 111—116.
- Kuusinen O. W. Suomen työväenliikkeen opetuksia. Lappeenranta, 1949.
- Kuusinen O. V., Sirola Y. Suomen työväen tulikoe. Kirjoitelmia Suomen luokkasodan jälkeisiltä ajoilta. Amerikan suomal. sosialististen kustannusliikkeiden kustantama. Superior, Wis., 1923.
- «Kymmenen vuotta sitten». — «Kommunisti», 1928, № 1, s. 1—3.
- Liebknecht K. Politische Aufzeichnungen aus seinem Nachlaß. Berlin, 1921.
- Manner K. Valkoinen Suomi. — «Kommunisti», 1927, № 7-8, s. 325—333; № 9-10, s. 436—438; 1928, № 1, s. 44—52.
- Pessi V. SKP:n ohjelmakysymyksiä ja Suomen tie sosialismiin. — «Kansan Uutiset», 25.X, 26.X 1966.
- Pieck W. Zwei Revolutionen — zwei Wege. — «Einheit», 1947, Hf. 11.
- Sirola Y. «Jos Suomi olisi neuvostomaa...» Suomen luokkasodan 18-vuotispäiväksi. — «Kommunisti», 1936, № 1, s. 7—9.
- S. Y. Lenin sosialistisesta vallankumouksesta pienessä maassa. — «Kommunisti», 1932, № 1—2, s. 79—83.
- S. Y. Luokkasodan historiasta. — «Kommunisti», 1929, № 7-8, s. 291—296.
- Sirola Y. Miksi ei Suomessa ollut bolshevikkipuoluetta? Eräitä näkökohtia. — «Kommunisti», 1928, № 1, s. 34—36.
- Sirola Y. Suomen kommunistinen puolue. — «Kommunisti», 1928, № 7, s. 290—309.
- Sirola Y. Suomen työväen vallankumouksen kansainvälinen merkitys. — «Kommunisti», 1957, № 2, s. 52.
- Sirola Y. Suomen työväen v:n 1918 vallankumouksen johto bolshevikkien Luxemburgilaisena arvostelijana — käytännössä. — «Kommunisti», 1932, № 1-2, s. 1-8.
- Sirola Y. Ulkoasiain valtuutettuna vallankumouhallituksessa. — «Kommunisti», 1948, № 1-2, s. 10-13.
- Sirola Y. Vastaukseksi тов. Тaimelle. — «Kommunisti», 1928, N 6, s. 263—266.
- S. Y. Тов. E. Rahjan kirjoituksen johdosta. — «Kommunisti», 1925, N 5, s. 225-228.
- S. Y. «Voittaa tai sortuu». — «Kommunisti», 1925, N 2, s. 76-78.
- SKP:n Keskuskomitea. Kommunistipuolueen vetoamus luokkasodan alkamisen 7-vuotispäivän. — «Kommunisti», 1964, N 1, s. 17-19.
- SKP:n Keskuskomitea. Marxilaisesta valtioteoriasta ja Suomen tiestä sosialismiin. — «Kommunisti», 1965, N 10, s. 322—327.
- SKP:n Keskuskomitea. 40 vuotta Suomen työväen vallankumouksesta. — «Kansan Uutiset», 19, 21, 22.I 1958.
- «Spartakusbriefe». Die Ausgabe der Kommunistischen Partei Deutschlands Berlin, 1920.
- «Suomen työväen vallankumous v. 1918». — «Kommunisti», 1928, N 1, s. 4—24.
- «Suomen vallankumouksen 15-vuotispäivän johdosta (SKP:n UB: teesit)». — «Kommunisti», 1933, N 2, s. 80—90.

Архивные материалы

- Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), фонд 130, опись 2, ед. хр. 1, 106, 399, 432, 433, 615; фонд 1235, опись 2, ед. хр. 11; фонд 6978, опись 1, ед. хр. 59, 459, 460, 462.
- Центральный государственный архив Советской Армии (ЦГАСА), фонд 1, опись 1, ед. хр. 1, 126, 196, 219, 240, 394; фонд 1, опись 2, ед. хр. 1, 8; фонд 3, опись 1, ед. хр. 34, 98, 107; фонд 25888, опись 5, ед. хр. 3, 6, 7, 9, 22, 25, 33.
- Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), фонд 44-л, опись 1, ед. хр. 76, 77, 79; фонд 418-л, опись 1, ед. хр. 25, 26; фонд 2262, опись 1, ед. хр. 7, 18, 21, 44, 46, 50, 182, 196, 203, 204, 262, 358, 528; опись VIII ед. хр. 12, 14, 17, 22, 23, 28, 32, 35, Д6, Д7, 41, 82, 83, 257; опись IX, ед. хр. 12; опись X, ед. хр. 2, 3, 5, 6.

- «Балтийский флот в Октябрьской революции и гражданской войне». М.—Л., 1932.
- «Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г.» Предисловие Г. Костомарова.— «Красный архив», 1940, т. 1 (98), стр. 31—39.
- «Воззвание финляндского Рабочего исполнительного комитета в день начала революции в Финляндии». — «Новая и новейшая история», 1957, № 4, стр. 230, 231.
- «Дневник П. Н. Миллюкова». Предисловие Я. Берзина, подготовил Н. Лания.— «Красный архив», 1932, т. 5-6 (54-55), стр. 3—48.
- «Доклады С. Ю. Витте Николаю II». Сообщил В. М[аксаков]. — «Красный архив», 1925, т. 4-5 (11-12), стр. 144—158.
- «Гражданская война в Финляндии (1918 г.)». Вводная статья С. Маркова.— «Красный архив», 1940, т. 2 (99), стр. 15—51.
- «Договор между Российской и Финляндской социалистическими республиками». — «Красная летопись», 1932, № 5-6 (50-51), стр. 87—92; В. М. Смирнов. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Ленингр. обл. изд-во, 1933, стр. 222—226; И. И. Сюкияйнен. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962, стр. 296—300.
- «Документы внешней политики СССР». Т. I, М., 1957.
- «Из истории национальной политики Временного правительства (Украина, Финляндия, Хива)». Предисловие И. Галузо, подготовил Ив. Тоболня.— «Красный архив», 1928, т. 5 (30), стр. 46—79.
- «Как мы били белофиннов. Сборник воспоминаний, материалов и документов о разгроме белофинских банд в 1918—1922 гг.». Л., 1939.
- Ключников Ю. В. и Сабанин А. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М., 1926.
- «Колчак и Финляндия». — «Красный архив», 1929, т. 2 (33), стр. 83—144.
- «Мирные переговоры в Брест-Литовске. с 22 (9) декабря 1917 по 3 марта (18 февраля) 1918 г. Т. 1. Пленарные заседания. Заседания Политической комиссии». М., 1920.
- «Николай II и Финляндия». Сообщил В. Семенников.— «Красный архив», 1928, т. 2 (27), стр. 225—233.
- «Международные отношения в эпоху империализма». Серия III, т. 5. М., 1934.
- «Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. (Стенографический отчет)». Т. 1, М.—Л., 1930; т. 2, М.—Л., 1931.
- «Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина». — «Красный архив», 1924, т. 5, стр. 102—108.
- «Политические партии в Финляндии. Программы партий старофинской, шведской народной, младофинской, социал-демократической, христианского рабочего союза и аграрного союза». СПб., 1906.
- «Программа финляндской социал-демократической партии». — А. М. Коллоятая. Финляндия и социализм. СПб., [1906], стр. 74—80.
- «Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сборник документов». Составил А. М. Федотов. Гос. изд-во КФССР, 1944.
- «Сборник указов и постановлений Временного правительства». Вып. I. Пг., 1917.
- Bo g. O. Suomen puolueet ja puolueohjelmat 1880—1964. Porvoo—Helsinki, 1965.
- «Conférence politique russe. Mémoire sur la question finlandaise» Paris, 1919.
- «Congressional record containing the proceedings and debates of the second session of the sixty-fifth Congress of the USA». Vol. LVI, part I, Washington, 1918.
- «Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914». Bd. III. Berlin, 1927.
- «Deutscher Geschichtskalender». 34 Jg., Bd. I, 1. Hälfte, 1919.
- «Dokumente der deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. Bd. II. Das Zeitalter Wilhelms II». Berlin und München, 19—.

- «Dokumentumok a magyar kommunista párttörténet tanulmányozásához». Budapest, 1954.
- Drahn E. und Leonhard S. Unterirdische Literatur im revolutionären Deutschland während des Weltkrieges. Berlin — Fichtenau, 1920. (Русский перевод: Э. Дран, С. Леонард. Подпольная литература революционной Германии в годы первой мировой войны. М., 1924).
- «Finnland. Bericht der sozialdemokratischen Partei». O. O. [1910].
- Hellner J. Memorandum rörande Sveriges politik i förhållande till Finland under tiden från Finlands självständighetsförklaring till det finska inbördeskrigets slut. Stockholm, 1936.
- «Livre Rouge. Documents et correspondance diplomatique russo — finlandaise concernant la Carélie Orientale». Edition du Commissariat du Peuple pour les affaires étrangères. Moscou, 1922.
- «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia». Vol. I—III. Washington, 1931—1932.
- «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Supplement II. The World War». Washington, 1933.
- «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Lansing Papers. 1914—1920». Vol. I—II. Washington, 1939—1940.
- «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference». Vol. I—XIII. Washington, 1942—1947.
- Strupp K. Die Friedensverträge. Bd. I. Die Ostfrieden. Berlin, 1918.
- «Suomen asetuskokoelma 1917». Helsinki, 1917.
- «Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma». Toim. A. Pakaslahti. Helsinki, 1937.
- «Suomen ja Venäjän välisten Tartossa pidettyjen rauhanneuvottelujen pöytäkirja». Helsinki, 1923.
- «Suomen luokkasodan historian aineistoa». — «Kommunisti», 1933, N 1, s. 42—48.
- «Suomen sosialidemokraattisen puolueen yhdeksännnen puoluekokouksen pöytäkirja». Turku, 1918.
- Valpas E. Die Tätigkeit der sozialdemokratischen Partei Finnlands. — «Die Sozialistische Arbeiterinternationale. Bericht der sozialdemokratischen Organisationen Europas, Australiens und Amerikas an den Internationalen Sozialisten-Kongreß zu Stuttgart (18. bis 24. August 1907) über ihre Tätigkeit in den Jahren 1904—1907». Berlin, 1907.
- «Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjat». Helsinki, 1920.
- «Valtiopäivät 1922. Pöytäkirjat». Helsinki, 1923.
- «Valtiopäivät 1926. Pöytäkirjat». Helsinki, 1927.
- «Venäjän ja Suomen sosialististen tasavaltain välinen sopimus». «Kommunisti», 1934, N 3, s. 137—143.
- «Verhandlungen des Reichstags. XIII Legislaturperiode, II Session Bd. 311. Stenographischer Bericht». Berlin, 1918.
- «Österreich-Ungarns Außenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914». Bd. VIII, Wien — Leipzig, 1930.

Справочная литература и статистические издания

- «Внешняя торговля Финляндии во время войны». Пг., 1916.
- «Статистический ежегодник Финляндии, год 14. 1916 г.» Гельсингфорс, 1917.
- «Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Chronik». Teil II. Von 1917 bis 1945. Berlin, 1966.
- Manninen A. Suomen kansan ajantieto. Kronologinen luettelo Suomen historian tärkeimmistä tapahtumista. Porvoo — Helsinki, 1948.
- Nevalainen E. Työväenluokan asema Suomessa vv. 1909—1954. — «Kommunisti», erikoisnumero 3, 1955.
- «Otavan iso tietosanakirja», I—X, Helsinki, 1960—1965.
- «Suomen tilastollinen vuosikirja. Uusi sarja. 1917». Helsinki, 1918.
- «Suomen tilastollinen vuosikirja 1918». Helsinki, 1919.

Пресса

- «Известия ВЦИК». 1918.
«Известия Гельсингфорского совета депутатов армии, флота и рабочих Финляндии». 1917—1918.
«Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов». 1917.
«Петроградская правда». 1918—1919.
«Правда» 1917—1918.
«Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот». 1918.
«Речь». 1917.
«Военно-исторический журнал».
«Историк-марксист».
«Исторический журнал».
«Коммунистический Интернационал».
«Красная летопись».
«Красный архив».
«На рубеже».
«Новая и новейшая история».
«Пролетарская революция».
«Финляндия. Обзор периодической печати». Вып. XIX—XXII, СПб., 1912—1916.
«Сборник избранных статей из «Финляндской газеты» за 1916 г.» Гельсингфорс, 1916.
«Työmies», 1917—1918.
«Suurlakkotiedonantoja», XI 1917.
«Työväen vallankumouksellisen keskusneuvoston tiedonantolehti», XI 1917.
«Suomen Kansanvaltuuskunnan tiedonantoja», I—IV 1918.
«Hufvudstadsbladet», 1917—1918, 1960.
«Kumous», 1918—1919.
«Sosialistinen Aikakauslehti», 1919.
«Kommunisti», Neuvostoliiton Kommunistisen puolueen Leninigradin aluekomitean ja Karjalan aluekomitean aikakausjulkaisu, 1925—1937.
«Kommunisti», SKP:n poliittis-teoreettinen aikakauslehti, 1944—1967.
«Kansan Uutiset».
«Historiallinen aikakauskirja».
«Spartakus», 1916—1917.
«Der Kampf», 1917.
«Vorwärts», 1918.
«Vossische Zeitung», 1918.
«Frankfurter Zeitung», 1918.
«Bulletin de la presse de Finlande», 1918.
«Social-Demokraten» (Stockholm), 1918.
«Social-Demokraten» (Kristiania), 1918.
«Politiken» (Stockholm), 1918.
«Klassekampen» (København), 1918.
«Zeitschrift für Geschichtswissenschaft».
«The Class Struggle», 1918.
«Liberator», 1918.

Мемуары

- Антонов-Овсеенко В. А. Балтийский флот в дни керенщины и Великого Октября (Беглые воспоминания).— «Пролетарская революция», 1922, № 10, стр. 118—124.
Гюллинг Э. Первый договор между социалистическими республиками и Ленин (Финляндия и РСФСР в 1918 г.).— «Красная летопись», 1929, № 1 (28), стр. 7—20.
Залежский В. Гельсингфорс весной и летом 1917 г.— «Пролетарская революция», 1923, № 5 (17), стр. 115—189.

- Кийскинен А. За десятилетиями. Воспоминания. Петрозаводск, 1958.
- Кийскинен А. Незабываемое. — «На рубеже», 1956, № 6.
- Маннер К. Несколько личных воспоминаний о Ленине. — «Красная летопись», 1924, № 1 (10), стр. 50—53.
- Маргулис М. С. Год интервенции. Кн. 2. Берлин, 1923.
- Прокудин А. А. В боях с белофиннами (Воспоминания о борьбе Выборгской районной Красной гвардии с белофиннами под Рауту в марте 1918 г.). — «Красная летопись», 1933, № 1 (52), стр. 68—78.
- Рабинович С. Е. Всероссийская конференция большевистских военных организаций 1917 г. — «Красная летопись», 1930, № 5 (38), стр. 105—132.
- Рошаль М. Г. Большевики Гельсингфорса в дни революции 1917 г. — «Исторический архив», 1956, № 5, стр. 149—168.
- Свечников М. С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917—1918 гг. (Воспоминания и материалы). М., 1923.
- Сирола Ю. Воспоминания о Ленине. — «Пролетарская революция», 1930, № 1, стр. 78—84.
- Смирнов В. М. Красная осень 1917 г. в Финляндии. — «Красная летопись», 1932, № 5-6 (50-51), стр. 45—92.
- Тайми А. Страницы пережитого. Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1956.
- Фролов Ю. П. Февраль — октябрь 1917 г. на Балтийском флоте и в Финляндии (Воспоминания морского врача). — «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 163—173.
- Ховрин Н. В. 1917 г. во флоте (Воспоминания матроса). — «Красная летопись», 1926, № 5 (20), стр. 55—75.
- Цюкшо И. Октябрьские дни 1917 г. в Тавастгусе. — «Красная летопись», 1923, № 6, стр. 181—182.
- Шитиков А. И. Из прошлого Мурман (Отрывки воспоминаний о 1917—1920 гг.). — «Красная летопись», 1929, № 3 (30), стр. 273—281.
- Ahmalala H. Tokoin viljajunan mukana Siperiaan. — «Työväen kalenteri XXXI, 1938». Helsinki, 1937.
- Andersson A. Den svenska Ålandsexpeditionen och förhållandena i Stockholm under frihetskriget. Helsingfors, 1919.
- von Born E. Levnadsminnen. Helsingfors, 1954.
- von Blücher W. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Erinnerungen aus den Jahren 1935—1944. Wiesbaden, 1951.
- Douglas A. Jag blev officer. Stockholm, 1950.
- Enckell C. Poliittiset muistelmani. Osa I. Porvoo — Helsinki, 1956.
- Enckell C. Poliittiska minnen. I—II. Helsingfors, 1956.
- Enckell C. Hajanaisia muistiinpanoja suurvaltojen Suomen-politiikasta vuosina 1918 ja 1919. — «Sotamarsalkka Mannerheim 75 vuotta kesäkuun 4 päivänä 1942. Juhlajulkaisu». Helsinki, 1942.
- Eriksson K. Luokkasodan muistoja. Kirkkonien taistelusta. — «Kommunisti», 1925, № 7-8, s. 346, 347.
- «Finlands frihetskrig skildrat av deltagare». I—VIII. Helsingfors, 1921—1928.
- von der Goltz R. Als politischer General im Osten (Finnland und Baltikum) 1918—1919. Leipzig, 1936.
- von der Goltz R. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920.
- von der Goltz R. Toimintani Suomessa ja Baltianmaissa. Porvoo, 1920.
- Gummerus H. Jägere och aktivister. Helsingfors, 1927.
- Gylling E. Ensimmäinen sosialististen tasavaltain välinen sopimus. — «Kommunisti», 1928, № 1, s. 25—33.
- Hämäläinen E. Kulimme eteenpäin vainot ja vaikeudet voittaen. — «Kommunisti», 1958, № 16, s. 467, 468, 477.
- Heikkilä K. Järjestimme kujanjuoksun 500 — michiselle vihollisjoukkoille. — «Kommunisti», 1958, N 1-2, s. 27—29.
- Hellner J. Minnen och dagböcker. Stockholm, 1960.
- Hindenburg P. Aus meinem Leben. Leipzig, 1920.

- Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta. Muistelmia. II. Sotavuodet ja oleskelu Saksassa. Helsinki, 1919.
- Höglund Z. Revolutionernas år. Stockholm, 1956.
- Hornborg E. Man i ledet. Minnen och episoder 1899—1927. Helsingfors, 1959.
- von Hülsen E. Zum 10. Gedenktage der Befreiung Finnlands.—«Deutsche Allgemeine Zeitung», 8.IV 1928.
- Idman K. G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. Muistelmia. Porvoo — Helsinki, 1953.
- «Ilkan ja Poutun pojat. Etelä — pohjalaisten sotaalbumi». Toim. A. Leinonen. Helsinki, 1918.
- «Kenraali Bruno Jalanderin muistelmia Kaukaasiasta ja Suomen murroskaudelta. Muistiin kirjoittanut Aino Acktè-Jalander». Helsinki, 1932.
- «Kamp och äventyr i röda Finland». Redigerad av T. Svedlin. Del I. Helsingfors, 1918.
- «Keskisuomalaiset sotapolulla. Kappale Suomen vapaussodan historiaa». Toim. S. Kuusi. Jyväskylä, 1918.
- Kiiskinen A. Muistelmia. Työväenvallan kukistaminen ja valkoisen terrorin alku.—«Kommunisti», 1957, № 12, s. 410—413.
- Koutanen K. Muistelmia Muurmannista vallankumousajalta v. 1917—1920.—«Kommunisti», 1929, № 9-10, s. 344—351.
- Kujala T. «Ensimmäisen kerran laukaisimme vasta taistelussa...» —«Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 24, 25.
- «Kunni Suomen punaisen kaartin muistolle». —«Kommunisti», 1948, № 1-2, s. 14—17.
- Laporte H. La guerre des rouges et des blancs. Le premier échec des rouges. Russie, Finlande (Janvier — Mai 1918). Paris, 1929.
- Lepola K. Muistoja Neuvosto-Karjalan «historiantakaiselta» ajalta.—«Kommunisti», 1930, N 7, s. 276—282.
- Linder E. Från Finlands frihetskrig. Stockholm, 1920.
- Louhikko E. K. Teimme vallankumousta. Helsinki, 1943.
- Ludendorff E. Meine Kriegserinnerungen 1914—1918. 6. Aufl. Berlin, 1920.
- «Luokkasodan muisto». Helsinki, 1947.
- «Luokkasodan muistoja». —«Kommunisti», 1925, № 6, s. 274—277; № 9, s. 397—400.
- Mannerheim C. G. E. Erinnerungen. Zürich — Freiburg, 1952.
- «Les mémoires du maréchal Mannerheim. 1882—1946». Préf. du général Weigand. [Paris], Hachette, 1952.
- «Aino Pesonen muistellee SKP:n perustamiskokouksesta». —«Kommunisti», 1965, № 3, s. 108, 109.
- «Punakaarti rintamalla. Luokkasodan muistoja». Toim. J. Lehtosaari. Leningrad, 1929.
- Riikinen V. Jalon kansan parhaat pojat taistelivat... —«Kommunisti», 1958 № 1-2, s. 22, 23.
- Sadoul J. Notes sur la révolution bolchevique (octobre 1917 — juillet 1918). Moscou, 1918.
- Scheidemann Ph. Memoiren eines Sozialdemokraten. Bd. I—II. Dresden, 1928.
- Sihvo A. Muistelmani. I, Helsinki, 1954.
- Simpura J. Vallankumouskevät 1917 Suomessa. Helmikuun vallankumouksen vaikutus maassamme.—«Kommunisti», 1957, № 5, s. 144—148.
- Smirnov V. M. V. 1917 punainen syys Suomessa.—«Kommunisti», 1933, № 1, s. 23—32; № 2, s. 90—96; № 3, s. 134—142.
- Stenman A. Saksalaisten mukaantulo ylätti.—«Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 25, 26.
- Stenroth O. Ett halvt år som Finlands första utrikesminister. Handlingar och minnen. Helsingfors, 1931.
- «Suomen luokkasota. Historiaa ja muistelmia». Toim. A. Halonen. Superior, Wis., 1928.

- Talas O. Muistelmia. Itsenäisyyssenaattorina ja lähettiläänä kymmenessä maassa. Porvoo — Helsinki, 1960.
- Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui. Vuosi 1918 esivaiheineen ja jälkiselvittelyineen. Helsinki, 1949.
- Tanner V. Tarton rauha. Sen syntyvaiheet ja vaikeudet. Helsinki, 1949.
- Tokoi O. Maanpakolaisen muistelmia. Isänsä muistiinpanojen perusteella kirjoittanut Irene Tokoi. Helsinki, 1959.
- Tokoi O. Sisu. New York, 1957.
- V. V. Helsingin sosialistinen nuorisovallankumoustaistelussa 10 vuotta sitten. — «Itä ja Länsi», 1928, № 13-14, s. 213.
- Vihertaiho J. Kun Saksan keisarivallan armeija nousi maihin Hangossa... — «Kommunisti», 1958, N 5, s. 140, 141.
- Vilmi O. Viaporin kapina. Hajamuistelmia. — «Kommunisti», 1926, № 7, s. 309—313.
- Zilliakus K. Från ofärdstid och oroliga år. Stockholm — Tammerfors, 1960.

Исследования и статьи

- Арумян Х. За кулисами «Балтийского союза». (Из истории внешней политики буржуазной Эстонии в 1920—1925 гг.). Таллин, 1966.
- Бекстрём К. История рабочего движения в Швеции (1902—1917). Политический раскол рабочего движения и возникновение новой революционной рабочей партии. Предисловие и комментарии В. В. Похлебкина. М., 1966.
- Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы первой русской революции (1905—1907). Петрозаводск, 1961.
- Власова М. Н. Участие финских красновардейцев в Свеаборгском восстании 1906 г. — «Скандинавский сборник». II. Таллин, 1967, стр. 222—236.
- Вотинов А. Тойво Антикайнен. Петрозаводск, 1947.
- Гобгард Г. Финляндские торпари. СПб., 1914.
- «Гражданская война в Финляндии (Основные уроки ее)». — «Коммунистический Интернационал», 1928, № 5 (131), стр. 3, 4.
- Жербин А. С. Формирование промышленного пролетариата в Финляндии во второй половине XIX в. (Историко-экономический очерк). М. — Л., 1963.
- Зубок Л. И. Финляндия. Прибалтика (1918—1939). Стенограммы лекций, прочитанных в ВЖШ при ЦК ВКП(б) в 1940—1941 уч. году. М., 1941.
- Зыков Е. М. и Попов Н. А. Участие финских пролетариев в защите Советской республики в 1918—1922 г. — «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1961, № 1, стр. 14—27.
- Измайлов Н. Ф., Пухов А. С. Центробалт. М., 1963.
- Ильинский Я. С. Роль русского рабочего класса в национальном освободении Финляндии. — «Вопросы истории», 1953, № 3, стр. 60—79.
- Ихалайнен П. И. Из истории советско-финляндских отношений. Предоставление Советским правительством независимости Финляндии. — «Ученые записки Карельского пединститута», т. IX, 1959. Петрозаводск, 1960, стр. 3—17.
- Кан А. С. Новейшая история Швеции. М., 1964.
- Киуру М. Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965.
- Кок И. Всеобщая забастовка в Финляндии. СПб., 1907.
- Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих. Экономическое исследование. СПб., 1903.
- Коллонтай А. Финляндия и социализм. СПб., [1906].
- Кремер И. С. Германский пролетариат в борьбе за мир с Советской Россией. М., 1963.
- Крылов В. Финляндия. М. — Л., 1931.
- «Кто должник?». Сборник документальных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М., 1926.

- Фон Куль и Дельбрюк Г. Крушение германских наступательных операций 1918 г. М., 1935.
- Кяйвяряйнен И. И. Истоки германо-финского антисоветского блока.— «Ученые записки Карело-Финского государственного университета», т. III, 1948, вып. I. Исторические и филологические науки, стр. 26—50.
- Кяйвяряйнен И. И. О деятельности финских активистов в 1914—1916 гг.— «Ученые записки Карело-Финского государственного университета», т. V, 1955, вып. I, 1955, стр. 57—66.
- Кяйвяряйнен И. И. Финляндия накануне революции 1918 г.— «Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР», вып. I, Петрозаводск, 1949, стр. 55—78.
- Левидов М. Из истории союзной интервенции в России. Т. I. Дипломатическая подготовка. Л., 1925.
- Лехен Т. Финляндия. Краткий исторический, политический и военный очерк. С предисловием и под редакцией О. В. Куусинена. М., 1924.
- Майзель М. Страницы из революционной истории финляндского пролетариата. С предисловием Ю. Сирола. Л., 1928.
- Малегин Д. От имени финских товарищей...— «Советская Россия», 7.IX 1966.
- Марков С. Январская революция и гражданская война в Финляндии (1918).— «Военно-исторический журнал», 1940, № 12, стр. 36—49.
- Мосберг Г. И. Из истории связей эстонских и финских трудящихся (до 1918 г.).— «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 135—163.
- Мюллер Г. Мировая война и германская революция. Т. I. М., 1924.
- Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. М.— Л., 1948.
- Оппенгейм Л. Международное право. Т. I, полутом I. М., 1948.
- Оснос Ю. Германская интервенция в Финляндии в 1918 г.— «Исторический журнал», 1941, № 12, стр. 48—54.
- «Очерки истории Карелии». Т. 2. Петрозаводск, 1964.
- Пелтонен П. Из истории завоевания избирательных прав женщинами Финляндии.— «Скандинавский сборник», VII, Таллин, 1963, стр. 89—99.
- Петров В. Финляндия в планах империалистических держав в 1918—1920 гг. Петрозаводск, 1961.
- Попов Д. И. Финляндия. (Политико-экономический очерк). М., 1957.
- Роздорожный И. Социал-демократическая партия Финляндии.— «Мировая экономика и международные отношения», 1963, № 4, стр. 127—131.
- Рюэма М. Октябрьская революция и Финляндия.— «Международная жизнь», 1957, № 9, стр. 51—60.
- Саломая Э. Краткий очерк истории профсоюзного движения в Финляндии. М., 1960.
- Свенто Р. Советский Союз в центре мировой политики. М., 1961.
- Свечников М. Гражданская война в Финляндии.— «Правда» 2.II 1928.
- Смирнов В. К десятилетию пролетарской революции в Финляндии.— «Пролетарская революция», 1928, № 2 (73), стр. 40—70; № 4 (75), стр. 89—127.
- Сюкияйнен И. И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918—1920 гг. Петрозаводск, 1948.
- Сюкияйнен И. И. Гельсингфорский сейм рабочих организаций в 1917—1918 гг.— «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 115—134.
- Сюкияйнен И. И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962.
- Сюкияйнен И. И. Революционные события 1905—1907 гг. в Финляндии.— «Первая русская революция и международное революционное движение», ч. I. М., 1955, стр. 302—339.
- Сюкияйнен И. И. Сорок лет финляндской революции.— «На рубеже», 1957, № 4, стр. 158—166.
- Торняайнен Э. Рабочая революция в Финляндии. Краткий очерк развития революции и взгляд на причины ее крушения. М.— Пг., 1919.
- Труш М. И. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1917—1920. День за днем. М., 1963.

- Федоров А. М. Разгром контрреволюционных очагов Красной гвардией (ноябрь 1917 — февраль 1918 г.). М., 1940.
- Фомичев А. Г. Революционные события в Финляндии в 1905—1907 гг. — «Ученые записки Выборгского государственного пединститута», 1957, т. I, вып. I, стр. 21—42.
- Шумилов М. И. Во главе обороны севера России в 1918—1920 гг. Из истории местных партийных организаций. Петрозаводск, 1967.
- Ювеналий Ю. Борьба классов в Финляндии. М.—Л., 1931.
- Ahava I. Valtaki, sen synty ja vaiheet. — «Historiallinen aikakauskirja», 1925, s. 201—233.
- Adorjan A. La Finlande rempart de l'Europe. Paris, [1940].
- Antikainen T. Eräistä luokkataistelulukusymyksistä Suomessa. — «Kommunisti», 1930, № 5, s. 179—190.
- Antikainen T. Suomen työläisnuorisolo luokkataistelussa. — «Kumous», 1918, № 15-16, s. 180, 181.
- Atchley T. W. Finland. London, 1931.
- Bartel W. Die Spartakusgruppe im Kampf der deutschen Arbeiterklasse für die schnelle Beendigung des Krieges nach dem Januarstreik 1918. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1964, Hft. 5, S. 799—816.
- Beranek A. Mannerheim. Berlin, 1942.
- Beyer F. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtsmäßige Intervention. Braunschweig — Berlin — Hamburg, 1928.
- von Bonsdorff G. Självstyrelsetanken i finlandssvensk politik åren 1917—1923. Helsingfors, 1950.
- Buchan J. The Baltic and Caucasian States. Boston and New York, 1923.
- Castrén E. Civil war. Helsinki, 1966.
- Cederberg A., Ruutu Y., Toivola U. Suomen itsenäisyys. Porvoo, 1937.
- Cederberg A. Suomen uusinta historiaa 1898—1942. Helsinki, 1943.
- Churchill W. The Aftermath. New York, 1929.
- «Conditions sociales en Finlande». Helsingfors, 1926.
- Donner K. Fältmarskalken friherre Mannerheim. Helsingfors, 1934.
- Douglas W. A. Kriget i Finland 1918. Till 10-årsminnen. Stockholm, 1928.
- Elief J. Der Klassenkrieg in Finnland. Die finnische Sozialdemokratie im Kampfe gegen die Reaktion 1905—1918. Norrebro, o. J.
- Enckell O. Jääkärien tarina. Otava — Helsinki, 1956.
- Eriksson K. Suomen lahtarit luokkasodassa v. 1918. Pöytäkirjoja. — «Kommunisti», 1925, № 7-8, s. 344—346.
- Eronen S. ja Komonen A. Karjala vapaussodassa. Osa I—II. Helsinki, 1930—1934.
- Estlander B. Elva årtionden ur Finlands historia. Del V: 1917—1918. Helsingfors, 1930.
- Evä K. M. Kuinka joutuimme luokkasotaan ja tappioon Suomessa. — «Kommunisti», 1926, № 1(13), s. 4—7.
- Evä K. M. Suomen asselisten luokkasodan tappion syistä. — «Kommunisti», 1926, № 7, s. 314—321.
- «Fasismia vastaan — proletariaisen vallankumouksen puolesta. Suomen työväen vallankumouksen 13:s vuosimuisto». — «Kommunisti», 1931, № 1, s. 10—18.
- Fast B. Stormakterna och Norden. Politiska och militära relationer under fyra decennier. Malmö — Lund, 1942.
- «Finland. The country, its people and institutions». Helsinki, 1926.
- «Finnish foreign policy. Studies in foreign politics». Helsinki, 1963.
- «Finnland. Geschichte und Gegenwart». Porvoo — Helsinki, 1961.
- «Finnland im Anfang des XX. Jahrhunderts». Herausgegeben im Auftrage des Ministeriums des Auswärtigen Angelegenheiten. Helsingfors, 1919.
- Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. 2. Aufl. Düsseldorf, 1962.
- Fortuin H. La question carélienne: un différend modern de droit international. Nijhoff, 1925.

- Gadolin C. A. J. Finland av i går och i dag. Stockholm, 1938.
- «La garde civique de Nystad à Åland et l'expédition suédoise à Åland en 1918». Helsinki, 1921.
- Graham M. W. The diplomatic recognition of the Border States. Part I. Finland. Publications of the University of California at Los Angeles in Social Sciences. Vol. 3, N 2. Berkeley, California, 1935.
- Gummerus H. Deutschland und die Befreiung Finnlands. Greifswald, 1938.
- Gummerus H. Sverige och Finland. 1917—1918. Helsingfors, 1936.
- Malme V. Vienti Suomen suhdannetekijänä vuosina 1870—1939. Helsinki, 1955.
- Hagberg H. SKP syntyi taistelussa kansallisen vapauden, kansanvallan ja sosialismin puolesta.—«Kommunisti», 1958, N 15, s. 436, 437.
- Halter H. Finnlands Jugend bricht Russlands Ketten. Die Geschichte des preußischen Jägerbataillons 27. Ein Tatsachenbericht aus dem Weltkrieg. 2. Aufl. Leipzig, 1941.
- Hannula J. O. La guerre d'indépendance de Finlande 1918. Paris, 1938.
- Hannula J. O. Suomen vapaussodan historia. Porvoo — Helsinki, 1956.
- Harmaja L. Effects of the war on economic and social life in Finland. New Heaven, Yale University Press, London, 1933.
- Harra T. Eräs vaihe jääkäri liikkeen historiassa.—«Kommunisti», 1964, № 7-8, s. 271—276, 287.
- «Helsingin työväenyhdistys 40-vuotias». Tampere, 1924.
- Heinrichs E. Mannerheim Suomen kohtaloissa. I. Valkoinen kenraali 1918—1919. Helsinki, 1957.
- Henke C., Liesner G. Um Finnlands Freiheit. Berlin, 1932.
- Hermanson R. 1917 års landtdag. Några anteckningar. Helsingfors, 1917.
- von Hertzen G. E. En jägares anteckningar.—«Historiska och litteraturhistoriska studier», 39. Helsingfors, 1964, s. 182—191.
- Holsti K. J. Suomen ulkopoliittikka suuntansa etsimässä vuosina 1918—1922. Helsinki, 1963.
- Hornborg E. Det fria Finland. En återblick på de fyra årtiondena 1917—1957. Helsingfors, 1957.
- Hornborg E. Finlands historia. 5 uppl. Helsingfors, 1963. (Перевод на финский яз.: Hornborg E. Suomen historia. Porvoo — Helsinki, 1965).
- Hornborg E. Finlands hävder. 4. delen. Finlands väg till frihet. Tiden 1809—1919. Helsingfors, 1933.
- Hubatsch W. Unruhe des Nordens. Studien zur deutsch-skandinawischen Geschichte. Göttingen — Berlin — Frankfurt, 1956.
- Hytönen V. Vapaussotamme. Katsaus sen syihin ja tapahtumiin. Helsinki, 1918.
- Hyvönen A. «Antakaa meille kuningas!».—Suomi Saksan vassalina v. 1918.—«Kansan Uutiset», 1.V 1966.
- Hyvönen A. «Kuinka se kirkastui!» Sosialististen katsomusten voitto Suomen työväenliikkeessä.—«Kommunisti», 1964, № 11, s. 385 ff.
- Hyvönen A. Maa- ja talonpoikaiskysymyksen vaiheita. Ajatuksia työväen ja torpparien yhteisen taistelun kunniaksi.—«Kommunisti», 1948, № 1-2, s. 20—26; № 3; № 6, s. 142—144.
- Hyvönen A. Luentoja Suomen työväenliikkeen historiasta.—«Kommunisti», 1953—1955.
- Hyvönen A. Suomen vanhan työväenpuolueen historia. Helsinki — Kuopio, 1959.
- Hyvönen A. Suurten tapahtumien vuodet 1917—1918. Helsinki, 1957.
- Hämäläinen K. Sosialistinen ulkopoliittikka. Piirteitä Suomen ja Neuvostoliiton välisistä suhteista historian valotuksessa. Lahti, 1946.
- Höglund Z. och Ström F. Demokratien och den finska revolutionen. Röd och vit kultur. Stockholm, 1918.
- i-o. Marraskuun suurlakko ja jääkäripataljona.—«Kommunisti», 1926, № 1(13), s. 56, 57.
- Ignatius H. Gustaf Mannerheim. Luonnekuva, puheet, sähkösanomat vapaustaistelun ajoilta. Helsinki, 1918.

- Ignatius H., Soikkeli K. La guerre d'indépendance en Finlande en 1918. Helsingfors, 1925.
- Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa. Helsinki, 1959.
- «Itsenäisen Suomen ulkopoliittikan alkutaival». Toim. P. Tommila. Porvoo — Helsinki, 1962.
- J. M. Luokkasodan ja valkoisen terrorin uhrin. — «Kommunisti», 1948, № 1-2, s. 8, 9.
- J.-a. Saksan imperialistien apu Suomen kapitalisteille v. 1918. — «Kommunisti», 1933, s. 131—134.
- Jaakkola J. Die Ostfrage Finnlands. Porvoo — Helsinki, 1942.
- Jackson J. H. Finland, New York, 1940.
- Jokinen V. Hallinnon järjestely punaisessa Suomessa. — «Kommunisti», 1965, № 1, s. 20—24.
- Jullum B. Revolutionen i Finland. Hvordan kapitalistklasse fremprovoserte borgerkrigen. Kristiania, 1918.
- Junnila T. Suomen taistelu turvallisuudesta ja puolueettomuudesta. Katsaus Suomen ulkopoliittikkaan maan itsenäisyyden aikana. Porvoo — Helsinki, 1964.
- Jutikkala E. with Pirinen K. A history of Finland. New York, 1962.
- Jutikkala E. Suomen talonpojan historia. Porvoo — Helsinki, 1942.
- Juva E. W., Merikoski K., Salmela A., Keskinen E. Isänmaan historia sekä muiden kansojen vaiheita. Kansankoulun historian oppikirja. Kolmastoista painos. Helsinki, 1962.
- Juva E. W. Ministeri Hellnerin memorandum vuodelta 1936. — «Historiallinen aikakauskirja», 1960, № 2, s. 328, 329.
- Juva E. W. ja Juva M. Suomen kansan historia. Helsinki, 1964.
- Järvinen H. Suurlakko 1905 ja 1917 Loviisassa. — «Kommunisti», 1925, № 11, s. 495, 496.
- Jääskeläinen M. Itä — Karjalan kysymys. Kansallisen laajennusohjelman synty ja sen toteuttamisyritkset Suomen ulkopoliittikassa vuosina 1918—1920. Helsinki, 1961. (Перевод на немецкий язык: Jääskeläinen M. Die ostkarelische Frage. Die Entstehung eines nationalen Expansionsprogrammes und die Versuche zu seiner Verwirklichung in der Außenpolitik Finnlands in den Jahren 1918—1920. Helsingfors, 1965).
- «Kampen om Finland år 1918». Helsingfors, 1938.
- «Kansainvälisyys-kysymys Suomen työväen vallankumouksessa v. 1918». — «Kommunisti», 1935, № 1, s. 20—23.
- Kantola L. Ensimmäinen sosialististen valtioiden välinen sopimus. Suomen ja Neuvosto-Venäjän sopimus vuodelta 1918. — «Kommunisti», 1958, № 6, s. 161, 162.
- Karvonen T. Tuotantolaitosten johto ja valvonta Kansanvaltuuskunnan aikana. — «Kommunisti», 1948, № 1-2, s. 5—7.
- Kaukonen K. Oikeudenjumaletar häpeäpaalussa itsenäisessä Suomessa. — «Kommunisti», 1958, № 5, s. 136—138; № 6, s. 172—174, 180; № 8, s. 238—240.
- Kilpi S.-K. Lenin ja suomalaiset. Helsinki, 1957.
- Kilpi S.-K. Suomen työläisnaisliikkeen historia. Pori, 1953.
- Klein F. Die diplomatische Beziehungen Deutschlands zur Sowjetunion 1917—1932. Berlin, 1952.
- Kohonen J. Pintteitä ensimmäisen Suomen punakaartin historiasta vv. 1905—1906. — «Kommunisti», 1931, № 11, s. 548—556.
- Koikari. Keskustelua Suomen v. 1918 luokkasodan tappioiden johdosta. — «Kommunisti», 1933, № 3, s. 128—131.
- Koskela L. Suomen luokkasota ja venäläinen sotaväki. — «Kommunisti», 1948, № 1-2, s. 3—5.
- Kuosa T. Jokamiehen Suomen historia. Porvoo — Helsinki, 1963.
- Kurko K. Sotatoimet Pietarin valloittamiseksi 1918—1919. Porvoo — Helsinki, 1942.

- L. J. K. Tappiosta voittoon.—«Kommunisti», 1932, № 1-2, s. 52—56.
- L. T. Hiukan Suomen «punakapinasta».—«Voittamisen taito», Leningrad, 1928.
- L. T. Suomen luokkasodan kokemuksista.—«Kommunisti», 1934, № 5, s. 240—247; № 6, s. 297—299.
- Laakso A. A. Vuoden 1918 kansallissota ja Suomen itsenäisyys.—«Kansan Uutiset», 28.1.1967.
- La Chesnais P. G. La guerre civile en Finlande (janvier — avril 1918). Paris, 1919.
- Laine Y. K. Suomen poliittisen työväenliikkeen historia. I—III. Helsinki, 1944—1946.
- Landtman G. Finlands väg till oavhängighet. Helsingfors, 1919.
- Lauerman M. Jääkäriliike.—«Venäläinen sortokausi Suomessa», Toim. P. Toimila. Porvoo—Helsinki, 1960.
- Lauerman M. Suomalainen vapaustaistelija vai ko preussilainen jääkäri?—«Historiallinen aikakauskirja», 1963, № 2, s. 93—111.
- Lehen T. Toissilmäinen näkemys kansalaissotamme syistä.—«Kommunisti», 1967, № 1, s. 32—34.
- Lehen T. Vallankumouskevät 1917.—«Kommunisti», 1967, № 2, s. 53—58.
- Lehtonen U. L. Listä Suomen jääkäriliikkeen historiaan.—«Historiallinen aikakauskirja», 1927, s. 122—127.
- Lehtosaari J. Lokakuun vallankumous ja itsenäinen Suomi. (Aineksia Suomen itsenäisyyden historiaan).—«Kommunisti», 1932, № 23, s. 1096—1102; № 24, s. 1141—1148.
- Lehtosaari J. Suomen vallankumous ja maataloustuotanto.—«Kommunisti», 1928, № 2, s. 81—85.
- Lehtosaari J. Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäisyys.—«Kommunisti», 1964, № 5, s. 175—179.
- Leri J. Suomen lahtarit kauppaamassa Karjalaa imperialistiselle Saksalle.—«Kommunisti», 1929, № 5—6, s. 167—173.
- Lehtosaari J. «Suomen työväenluokan ensimmäinen nousu». Eräitä huomautuksia.—«Kommunisti», 1932, № 22, s. 1049—1057.
- Lehtosaari J. V:n 1905 vallankumous Suomessa.—«Kommunisti», 1930, № 11, s. 491—499; № 12, s. 552—562.
- Leiviskä I. Finnland in der Welt. Dresden, 1943.
- «V. I. Lenin ja pohjoismaat».—«Kommunisti», 1964, № 9, s. 319, 320.
- Lepola K. Suomen vallankumouksen maatalouspolitiikasta.—«Kommunisti», 1930, № 1-2, s. 40—51.
- Linko Y. 15 vuotta Suomen työväen vallankumouksesta. Leningrad, 1933.
- Louhivuori O. W. Punakaartin kapinan syyt. Ajatuksia kapinan aikana. Helsinki, 1920.
- Långfors A. La révolution rouge en Finlande (Janvier — Mai 1918). Paris, 1918.
- M. R. A. Suomen v. 1918 vallankumous ja kysymys valtiosta.—«Kommunisti», 1933, № 1, s. 19—22.
- Mammach K. Der Einfluß der Russischen Februarrevolution und der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution auf die deutsche Arbeiterklasse. Berlin, 1955. (Русский перевод: К. Маммах. Влияние Февральской революции в России и Великой Октябрьской социалистической революции на рабочий класс Германии. М., 1957).
- Marnard C. The Murmansk venture. London.
- Mazour A. G. Finland between East and West. Princeton, 1956.
- Menger M. Feuer über Suomi, Finnlands Rote Garde im Kampf gegen Weissgardisten und deutsche Militaristen. Berlin, 1962.
- Munthe-Kaas O. H. Norges grensevakt i nordøst fra 1918 til 1963. Oslo, 1964.
- N-on N. Parisin Kommunin 60-vuotis muisto.—«Kommunisti», 1931, № 3, s. 108—113.
- N. P. Liikehtimiset maalaisliiton keskussa kesällä 1917.—«Kommunisti», 1923, № 1, s. 43, 44.

- Nerman T. Svarta brigaden. Stockholm, 1918.
- «Neuvosto-Karjalan vaiheista». Toim. E. Haapalainen. Leningrad, 1933.
- Niiniluoto Y. Mitä on olla suomalainen. Neljäs painos. Helsinki, 1958.
- Norden A. Zwischen Berlin und Moskau. Zur Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen. Berlin, 1954. (Русский перевод: А. Норден. Между Берлином и Москвой. М., 1956).
- Norriander R. und Sario S. Die nordische Brücke. Stuttgart, 1917.
- Notko P. Katsauksia Suomen työvätekevän nuorison luokkataisteluliikkeen historiaan. I osa. Suomen sosialidemokraattinen nuorisoliitto. Leningrad, 1935.
- Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo — Helsinki, 1957.
- Ohqvist J. Das Löwenbanner. Des finnischen Volkes Aufstieg zur Freiheit. Berlin, 1923.
- Oittinen R. H. Työväenkysymys ja työväenliike Suomessa. Lappeenranta, 1948.
- «J. K. Paasikivi. Itsenäisyys — rauha — valtiollinen sivistys». Toim. K. Kare. Hämeenlinna, 1960.
- Paasivirta J. Suomen itsenäisyyskysymys 1917. I. Porvoo, 1947.
- Paasivirta J. Suomen poliittisen työväenliikkeen kehitys. Porvoo — Helsinki, 1949.
- Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo — Helsinki, 1957.
- Paasivirta J. Ensimmäisen maailmansodan voittajat ja Suomi. Englannin, Yhdysvaltain ja Ranskan sekä Suomen suhteita vv. 1918—1919. Porvoo, 1961. (Перевод на английский язык: Паасивирта J. The Victors in World War I and Finland. Helsinki, 1965).
- Pakaslahti A. Brest-Litovskin rauhan täydennyssovimuksen salaiset Suomea koskenneet lisämääräykset. — «Historiallinen aikakauskirja», 1926, s. 287—292.
- Pakaslahti A. Suomen politiikka maailmansodassa. I—II. Porvoo, 1933—1934.
- de Pange J. L'Allemagne depuis la Révolution française. 1789—1945. Paris, 1947.
- Parkkari N. Vainojen vuosina taottiin riviemme lujouden ja yhtenäisyyden perusta. — «Kommunisti», 1958, № 12-13, s. 364—369.
- Pavolini A. L'indipendenza finlandese. Roma, 1928.
- «Peace handbooks issued by the Historical Section of the Foreign Office. Vol. VIII. Poland and Finland». London, 1920.
- Peltokoski A. Demokratiamme synnytystuskat v. 1918. — «Suomen Sosialidemokraatti», 29.XI 1966.
- Pohjanmaa A. Sanan säällä taistelun tiellä. Puolen vuosisadan (1895—1945) taival Työmiehen — Suomen Sosialidemokraatin palstoilta nähtynä. Helsinki, 1948.
- «Politiikkaa ja merkkimiehiä». Helsinki, 1935.
- Punikki. Sodankäynnistä Suomen luokkasodassa v. 1918. — «Kommunisti», 1933, № 1, s. 34—41.
- Punttila L. A. Suomen poliittinen historia 1809—1955. Helsinki, 1963.
- Puro J. Lakkoliikkeet Suomessa v. 1917. — «Kommunisti», 1928, № 1, s. 39—41.
- Rahja E. Suomen luokkasodan tappion syy. — «Kommunisti», 1925, № 5 s. 223—225.
- Rantanen T. Viaporin kapinan 25-vuotispäivä. — «Kommunisti», 1931, № 7, s. 339—343.
- Rauhaia K. N. Piirteitä tasavaltataistelussa vv. 1917—1919. — «Vapaa maa», II, Helsinki, 1921, s. 5—22.
- von Raumer K. Zwischen Brest-Litowsk und Compiègne: die deutsche Ostpolitik vom Sommer 1918. Baltische Lande. Bd. 4. Leipzig, 1939.
- Rautee E. Naiset kansalaissodassa. — «Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 30, 53.
- Repo H. Scheidemann ja Suomen luokkasota. — «Kommunisti», 1929, № 7-8, s. 273—282.
- Reviewer. Vallankumous! — «Kommunisti», 1958, № 1-2, s. 20, 21.

- Rintala M. The politics of Gustaf Mannerheim.— *Journal of Central European Affairs*, vol. XXI, April 1961, № 1, p. 67—83.
- Roos S. Nationalstrejken i Finland. I—II. Helsingfors, 1906.
- Ruutu M. Suomen historia. Helsinki, 1951.
- Ryömä H. Vallankumousvuoden tapahtumista. Helsinki, 1918.
- Räikkönen E. Svinhufvud baut Finnland. Abenteuer einer Staatsgründung. München, 1936.
- Räikkönen E. Svinhufvud ja itsenäisyyssenaatti. Piirteitä P. E. Svinhufvudin ja hänen johtamansa senaatin toiminnasta ja vaiheista syksyllä 1917 ja keväällä 1918. Helsinki, 1935.
- S. «Konna on konna».— *«Kommunisti»*, 1925, № 11, s. 489—491.
- S. M. Suomen vallankumouksen tärkein opetus.— *«Kommunisti»*, 1934, № 1, s. 10—14.
- Salo A. 19 vuotta Suomen työväen vallankumouksesta.— *«Kommunisti»*, 1937, № 1, s. 27—29.
- Salomaa E. Die deutschen Einflüsse auf die finnische Arbeiterbewegung während ihrer Entstehung im 19. Jahrhundert.— *«Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst-Moritz-Arndt Universität»*. Greifswald, 1962, № 2.
- Salomaa E. Taistelun avulla 15-tunnin työpäivästä 6-tuntiseen.— *«Kommunisti»*, 1958, № 7, s. 194 ff.
- Salomaa E. Valtiollisen itsenäisyyden juhluvuosi.— *«Kommunisti»*, 1967, № 1, s. 2—4.
- Salomaa E. Viaporin kapina. 60 tuntia vallankumousta. Helsinki, 1965.
- Salomaa E. Viaporin kapina.— *«Kommunisti»*, 1964, № 2, s. 59—63.
- Schauman G. Kampen om statsskicket i Finland 1918. Fakta, betraktelser och hågkomster. Helsingfors, 1924.
- Schauman G. Vid vändpunkten. Tankar rörande Finlands utrikespolitik. Helsingfors, 1918.
- Schreiner A. Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik, 1871—1945. Bd. I. Berlin, 1952.
- Schwertfeger B. Das Weltkriegsende. Potsdam, 1937.
- Schybergson M. G. Politische Geschichte Finnlands 1809—1919. Gotha—Stuttgart, 1925.
- Seppänen K. SKPN «legalinen» lehdistö 1918—1944.— *«Kommunisti»*, 1965, № 12, s. 424—428; 1966, № 1, s. 18—21.
- S. «SKP:n vaikutus vankileirillä Suomessa 1918—1919».— *«Kommunisti»*, 1928, № 7, s. 311, 312.
- Simpura J. Irti Venäjän taantumuksesta! — *«Kommunisti»*, 1957, № 11, s. 370—373.
- Simpura J. Suomen ja Venäjän vallankumousliikkeen suhteista.— *«Suurlakkovuosi 1905»*. Kuopio, 1955, s. 135—159.
- Smith C. J. Finland and the Russian Revolution. 1917—1922. University of Georgia press, Athens, Ga., 1958.
- Smirnov V. Suomen vallankumouksellisesta historiasta vuosina 1905, 1917, 1918. Leningrad, 1935.
- Soikkanen H. Sosialismin tulo Suomeen. Ensimmäisiin yksikamarisen eduskunnan vaaleihin asti. Turku, 1961.
- «Sosialidemokraattinen puolue 25 vuotta. Muistojulkaisu». Helsinki, 1924.
- «Suomen historian käsikirja». Osa II. Porvoo — Helsinki, 1949.
- «Suomen jääkärit. Elämä ja toiminta sanoin ja kuvin». Kuopio, 1919.
- «Suomen marsalkka vapaaherra Gustaf Mannerheim. Sotilas — valtiomies — ihminen». Helsinki, 1953.
- «Suomen sosialidemokraattinen työväenliike. 1899—1949». Helsinki, 1949.
- «Suomen työväen vallankumous». Leningrad, 1928.
- «Suomen vapaussota vuonna 1918». I—VI. Helsinki, 1921—1925.
- «Suurlakko v. 1905 Suomessa». — *«Kommunisti»*, 1925, № 11, s. 491—494.
- «Suurlakkovuosi 1905». Kuopio, 1955.
- Svedlin Th. Frihetskriget i översikt. Helsingfors, 1938.

- Söderhjelm H. Der rote Aufruhr in Finnland im Jahre 1918. Eine Schilderung auf Grundlage offizieller Urkunden. Leipzig, 1918.
- Taimi A. Vieläkin miksi ei Suomessa ollut bolshevikkipuoluetta.— «Kommunisti», 1928, № 6, s. 257—262.
- Taimi A. Vielä v:n 1918 Suomen kansallissodan tappion syistä.— «Kommunisti», 1926, № 5(17), s. 216—233.
- Talas O. Ei se niin tapahtunut. Vastaus Väinö Tannerille. Toinen painos. Hämeenlinna, 1949.
- Talas O. Suomen itsenäistyminen ja Mannerheimin muistelmat. Hämeenlinna, 1953.
- Tanner V. Det hvite skrækvældet i Finland. Kristiania, 1919.
- Tervasmäki V. Eduskuntaryhmät ja maanpuolustus valtiopäivillä 1917—1939. Helsinki, 1964.
- Thesleff W. Upplevelser under krigsåren 1914—1918. Helsingfors, 1919.
- Toivola A. Piirteitä interventiosta ja kansallissodasta Karjalassa.— «Kommunisti», 1930, № 7, s. 282—289.
- Vehvilä S. Suomen historia lukiluokkia varten. Neljäs painos. Porvoo — Helsinki, 1965.
- «Venäläinen sortokausi Suomessa». Toim. P. Tommila. Porvoo — Helsinki, 1960.
- Vilmi O. V. 1905 vallankumouksen vaikutus ja merkitys Suomessa.— «Kommunisti», 1925, № 11, s. 452—457.
- «Voittamisen taito». Leningrad, 1928.
- «V. 1918 luokkasota numeroissa».— «Kommunisti», 1925, № 4, s. 186, 187.
- «Vuosi 1905 Suomessa».— «Kommunisti», 1925, № 7-8, s. 328—334; № 9, s. 380—384.
- «Der Weltkrieg 1914—1918». Bearbeitet und herausgegeben von der kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres. Bd. 13. Berlin, 1942.
- Wiik K. H. Kovan kokemuksen opetuksia. Sananen Suomen työväelle. Helsinki, 1918.
- Wilhelmus W. und I. Der Kampf um die Lösung der nationalen und sozialen Frage 1917/18 in Finnland.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1963, Hf. 1, S. 36—56.
- Wrede R. A. Självständighetsfrågan och Finlands landtdag. Helsingfors, 1917.
- Wuorinen J. H. A history of Finland. New York and London, 1965.

- Аалто А. 283
 Аалтонен А. 84, 114, 162
 Аарнио Э. 283
 Адлеркрейц 27
 Адольф Фридрих Мекленбургский 204, 328, 329
 Айлио Ю. 283
 Айрола М. 84
 Александр I 3
 Алкио С. 23
 Альстрём В. 165, 179
 Андерсон А. 195, 197
 Аннала В. 118
 Антикайнен Т. 160
 Антонов см. Антонов-Овсеев В. А.
 Антонов-Овсеев В. А. 141
 Араярви Ю. 50, 53
 Арьяне 84, 142
 Ахоккас Х. 304
- Байер Ф. 73, 245—248, 282, 308, 320
 Баклууд Г. 304
 Баллин А. 241
 Бартеверфер 207
 Бедикер 344
 Белов фон 219
 Берзин Я. 124
 Бирнбаум 73
 Бисмарк 199
 Блюхер В. 247
 Бобринков 333
 Болдт Г. 229
 Бонч-Бруевич В. 33—35
 Бранденштейн 328
 Бранденштейн О. 269, 274, 275, 285, 287, 339
 Брантинг Я. 183—185, 191
 Брейер Ф. де Р. 257
 Брокдорф-Ранцау 32
 Брюк А. фон 170, 172, 233, 279, 321, 324, 328—331, 335, 340, 341
 Булацель 130
 Бунин 130
 Бунсдорф А. 19, 321, 322, 325, 328, 329
- Бургстрём 99, 281
 Буше фон дем 32, 227, 230, 252, 256, 325
- Валден А. 74
 Валмари 45
 Валпас-Хяккисен Э. 6, 14, 39, 46, 48, 59, 76, 142, 272, 317
 Васалайнен 150
 Ватанен см. Рантамала И.
 Вашингтон Дж. 303
 Веннерстрём И. 192
 Веслей А. 162
 Вестарп 252
 Вестберг 151
 Весула 277
 Ветренко 39
 Ветцер 287
 Виттала Г. 118
 Вийк К. Х. 6, 13, 14, 24, 33, 56, 66, 76
 Вильгельм II 28, 200, 205, 225—227, 232—234, 236, 238, 241, 244, 246, 251, 252, 326, 328—332, 340, 341, 344
 Вильск 297
 Вильсон В. 118, 120
 Винтерфельдт 227
 Виртанен И. 284
 Волковский 148
 Володарский 148
 Вольф 274, 287
 Вонляровский 130
 Воронский 25, 27
 Вреде Р. А. 18, 307, 327
 Вуолийоки В. 263, 284
 Вуолийоки С. 76, 272
 Вуоримаа 22
 Вуоринен Дж. 178
- Гаазе 255, 258—260, 346, 347
 Гадденгаузен фон дем 224
 Гаймерле 202
 Галифе 189
 Гамильтон 196
 Гардинг 332
 Гельфедих 339, 340

Гертлинг 31, 212, 213, 225—227, 233,
245, 247 251, 255, 322, 323, 329, 334,
341
Гёсс 45
Гизе 201
Гинденбург 212, 226, 227, 236, 238, 241,
243, 246, 251, 252, 274, 329, 338, 340,
341, 348
Гинце 201, 310, 330, 339, 344, 345
Гитлер 270
Говард Э. 181, 342
Гогенборн 204
Гогенцоллерны 329, 330, 348
Гольдбек-Лёве 316
Голыц фон дер 47, 196, 235, 239, 240,
243, 262, 269, 270, 274, 275, 280, 281,
284, 287, 303, 305, 307, 310—312, 314,
316, 321—324, 326, 336—339, 343,
344, 346, 350
Гольцендорф 226
Голман 339
Горбунов Н. 35
Гофман 135, 339
Гребер 244
Грёнрос 135
Гримлунд О. 188
Грипенберг А. 26, 31, 32, 50, 51, 179,
192, 193, 199, 208, 209
Грэхем М. 36
Грюнау 28, 233, 341
Гувей 118
Гуммерус Х. 29, 176, 191, 195, 206
Густав V 26, 186, 187, 197, 200, 292
Гюллинг Э. 33, 56, 76, 104, 142, 143,
289
Гюльзен 137, 224
Давид 255, 256, 259, 317, 322
Даниэльсон-Кальмарн И. Р. 307
Дельбрюк Г. 73, 239, 339
Джевад-бей 180
Доннер К. 179
Дуглас 196
Дыбенко 135
Ельт Э. 19, 24, 25, 28—32, 51, 54, 137,
209—213, 223, 224, 230, 232, 235, 244,
245, 302, 305, 326, 326, 334
Заонегин 127
Зиновьев 73
Зольф 227
Игнатиус Х. 40, 72, 119, 120, 278, 302
Идман К. Г. 23, 33, 34
Ингман Л. 210
Иогансон И. 67
Иоффе А. А. 26, 27
Итконен Р. 283

Каатра К. 281
Кавеньяк 53
Кайрамо 22, 312, 323
Каледин 39, 62
Каллио О. 162
Калнин 135
Каннисто А. 67
Карелин В. 35
Кари 289
Кархи Х. 84
Кастрен Я. 50, 81, 155, 241, 259
Каутский К. 266
Кекконен У. 34
Кемп 333
Кемппи 297
Керенский 257
Кето П. В. 283
Кианто И. 296
Кивиниemi В. 283
Кивираанта А. 57, 84
Киймаа Р. 115
Кил 237
Кирилл 343
Клейн 287, 303
Клекнер 313
Кокко 259
Коллонтай А. М. 124
Кон 302
Копонен А. 304
Корф 174
Коскелайнен Л. 132
Кохонон Я. 84
Кранц 341
Краузе 226
Крупп 311, 344
Куло К. Л. 277
Куль фон 73, 239, 339
Куула 297
Куусинен О. В. 5, 6, 12—14, 21, 42, 47,
55—57, 76, 84, 113, 136, 137, 177, 186,
277, 285, 334, 349, 354
Кюльман фон 28, 136, 208, 209, 227,
236
Лавоннус 44, 45
Лайне Ю. 229
Лангеншельд К. 152
Ландтман Г. 283, 320
Лансинг Р. 118—120, 313
Ланорт А. 157, 160, 176
Лассила М. см. Раппамала И.
Лехтинен М. 150
Лелебур 257
Ленин В. И. 4—6, 11, 12, 14, 16, 21—
23, 28, 29, 33—35, 37, 41, 56, 68, 73,
78, 87, 114, 124, 125, 137—145, 148,
156, 159, 164, 174, 187, 199, 202, 265,
338, 353

Леопольд Баварский 235
 Лерснер 136, 201, 233
 Летонияки Л. 58, 84, 349
 Лехен Т. 76
 Лехтимяки В. 158, 277
 Лёфстрём 182, 190, 289
 Либкнехт К. 241, 247, 249, 250, 262—266, 349
 Линдер Э. 165
 Линдер Я. 46, 298, 305, 312
 Линдквист Г. 186
 Линдквист К. 84
 Линна В. 303
 Ллойд-Джордж 238
 Лонгфорс 22
 Лоуканен М. 283
 Лоухивуори О. В. 353
 Лумивуорко П. Х. 84
 Лундсон 13, 14, 38, 60
 Людендорф 19, 51, 136, 201, 207—209, 212, 225, 231—236, 238, 239, 241, 243—246, 310, 322, 323, 329, 338—341, 344—346
 Люксембург Р. 250
 Люлю А. Ф. 283
 Люциус 27, 30, 31, 180, 200, 208, 341, 342
 Ляшесна 73

 Макензен 329
 Малмиваара 323
 Маннер К. 6, 13, 14, 23, 33, 55, 56, 60, 61, 76, 84, 122—124, 228, 231
 Маннергейм Г. 52—54, 61, 69—72, 78, 81, 110, 121, 126, 128, 130, 131, 135, 136, 148—155, 162—167, 171—173, 178, 187, 192, 193, 195, 196, 198—200, 208—210, 212, 223, 226, 230, 232, 233, 244, 245, 267—269, 274, 276, 278, 279, 285—287, 292, 302, 303, 307, 312, 315, 319, 334, 335, 340—342, 345, 349, 350
 Маннергейм К. 53
 Маннергейм Ю. 53, 195, 196
 Мансон 119
 Маргулиес М. С. 184
 Маркс К. 91, 178, 183, 262, 291
 Меринг Ф. 250
 Мерц 286
 Мехелин Л. 327
 Мехоношин 68
 Мёллер 183—186
 Мойрер 116, 237
 Моррис 25, 120
 Мякелля Ю. 76, 77, 197
 Мякинен Я. 298

Надежный 127, 307
 Натансон 124
 Неванлинна 328
 Ниинилуото 304
 Николай II 42, 52, 167, 189, 340
 Никсен Э. 188
 Нопанен А. 278
 Носке Г. 284
 Нуортева С. 118—121
 Нурми Ю. 23, 29, 30, 222

Орджоникидзе Г. К. 141
 Опенгейм Л. 248
 Оскар, принц Прусский 329—331

Пааволайнен Я. 167, 323
 Паасивирта Ю. 177
 Паасивуори М. 284, 304, 305
 Паасикиви Ю. К. 25, 26, 305, 307, 316, 320, 327
 Паасонен А. 284
 Пайер 226, 227, 253, 321
 Палохеймо 26
 Пальмшерн 185—187, 194, 199, 200
 Панж Ж. де 29
 Парвус 260
 Пеккала Э. 284
 Песси В. 41
 Петровский Г. 35
 Пик В. 250
 Подвойский Н. И. 70, 127
 Полк III
 Прокопе 321
 Прошьян 122
 Пти 333
 Пуитила Л. А. 75, 177
 Пярсинен Х. 76, 84

Раиттиянен П. 284
 Рантала 289
 Рантамала И. 161, 297
 Раутапяя Х. 23
 Рахья Э. 162
 Рахья Ю. 49, 57, 67, 68, 349
 Реден фон 286
 Редерн фон 314, 315
 Рейникайнен 297
 Рейтер 119, 120
 Ренвальд Х. 92, 167, 210, 232, 335
 Рихтер 143
 Ридлер 27, 230
 Робинс Р. 121, 313
 Родичев 11
 Розен фон 196
 Розенберг фон 26, 27, 29
 Рюэма Х. 284
 Рьяйккёнен Э. 29, 259

- Сакселл К. В. 284
 Салли Э. 23, 56, 76
 Салмела Х. 157, 277
 Салмио Т. 284
 Сало А. 284
 Сарно С. 24, 51, 305, 321
 Сарканен 297
 Сарни 334
 Свенто Р. 37
 Свердлов Я. М. 123, 147
 Свечников М. С. 126—131, 162, 269
 Свиухувуд П. Э. 15, 17, 19, 20, 22—25, 30—33, 38, 40, 42—44, 48—54, 60, 64, 68, 70, 81, 85, 90, 92, 97, 121, 136, 155, 171, 172, 178—180, 187, 209, 211, 213, 223, 224, 231, 233, 241, 259, 272, 294, 305, 307, 311, 312, 317, 319, 321, 324, 326, 328—331, 335, 336, 341
 Седерберг А. 222
 Седерфельм Х. 22, 113, 176, 177
 Серго см. Орджоникидзе Г. К.
 Сесиль 350
 Стивен 206
 Силланпяя М. 284
 Силланпяя Р. 294, 296, 297
 Сирола Ю. 5, 6, 13, 14, 23, 24, 56, 57, 59, 65, 76, 82, 84, 90, 104, 121, 123, 125, 147, 154, 186, 212, 228, 261, 266, 277, 349
 Сяхво 297
 Смилга 127, 128
 Смирнов В. М. 142
 Смит К. Дж. 30, 104, 210, 282, 303, 310
 Снелльман 75
 Сойккелл К. 40, 72, 278, 302
 Стали И. В. 14, 17, 35
 Старк 199
 Стенберг 98
 Стенрот О. 24, 244, 305, 312, 316, 324, 326, 330, 345
 Стиннес Г. 241, 313
 Стольберг К. Й. 75, 320
 Стрём Ф. 189
 Суолахти 322, 329
 Сууронен 45
 Суутала О. 284
 Сюръяля Ф. 118
 Тайми А. 57, 84, 125, 140, 162, 285, 286, 295
 Талас О. 22, 60, 80, 81, 232, 288, 328
 Таннер В. 5, 9, 29, 74, 76, 95, 96, 113, 272, 273, 283, 284, 328, 353, 355
 Тейтер Э. 115
 Теслев В. 30, 50, 206, 207, 209, 232, 305, 315, 335, 341
 Тёрнгрэн 25, 196
 Тьетвяйнен А. см. Рантамала И.
 Тильгман 100
 Тиссен 313
 Тихла Х. 297
 Токой О. 60, 84, 90, 104, 121, 140, 142, 143, 147, 228
 Торниайнен Э. 123, 146, 147, 164
 Трепов 172, 343
 Трийп 115
 Троцкий 31, 35, 73, 136, 137, 210
 Трюотер 185
 Туркиа М. 56, 84
 Турссон 186
 Ульянов В. см. Ленин В. И.
 Урсин Н. Р. ав 37, 76
 Усениус А. 212
 Устинов 124
 Фалькенгайн 204
 Фаст Б. 40
 Феглер 313
 Фердинанд, царь болгарский 340
 Ференбах 251
 Фишер Ф. 30, 73
 Фрей А. 152, 321, 322, 328, 329
 Френкель фон 195
 Френкс 90
 Фридрих Вильгельм Прусский 329, 330
 Фридрих Карл Гессенский 330—333, 350, 351
 Фуруельм А. 23
 Хааталайнен Э. 57, 58, 84, 95, 108, 162
 Хазагер Н. 167, 173
 Хаккила В. 166, 283
 Халко П. 118
 Халонен Ю. 118
 Ханнула Е. 29
 Хармая Л. 40, 222
 Хаузен Э. 115, 162
 Хейкель 178, 179, 209
 Хейнонен К. 283, 284
 Хейнрикс Э. 64, 287
 Хейнс Т. 118, 314, 316, 333
 Хельнер 25, 176, 178—183, 190—193, 200
 Хермансон Р. 18, 327
 Херцен 141
 Хёглюнд З. 188, 189
 Хёрлин Л. аф 283
 Холсти Р. 23, 237, 244, 332
 Хорнборг Э. 22, 80, 173, 177, 353
 Христиан Х 292
 Хупли В. 283
 Хуттунен Э. 23, 56
 Хювёнен А. 72, 177
 Хютёнен В. 113
 Хямляйнен 323

Цеткин К. 250

Чернинг Э. 221

Черчилль У. 73

Шауман Г. 222, 324, 336

Шейдеман 256, 257, 266, 310

Шернштедт М. 176

Шиббергсон М. Г. 18, 22, 152, 175, 221,
278, 282, 286, 302

Шишко К. 142

Шлихтер 35

Шотман А. В. 142

Шпан 339

Шрадер 275

Штадтлер 339

Штейнберг И. 35

Штейнваск 231, 233, 321

Штейнман А. Л. 142

Штреэман 253

Штумм фон 219

Эберт 255, 310

Эвя К. М. 124, 349

Эден Н. 25, 178, 182, 190, 192, 197

Эквист И. 18, 302

Эклунд А. 60

Элиель 74

Эло Э. 58, 84

Элоранта Э. 56, 84, 98, 162

Энгельберт 185

Энгельс Ф. 34, 100

Энкель К. 29, 33, 68, 135, 136, 170, 171

Эренкрот фон 286

Эрикссон Б. 191

Эрих Р. 24, 51, 209, 211, 213, 224, 327,
334

Эрнрут Л. 152, 307

Эстерман Р. 229

Эсторф фон 343

Эчли Т. 176

Юденич 172

Юнилла Т. 177

Юттикала 177

ВВЕДЕНИЕ 3—15

Отличие политических условий в Финляндии от общероссийских (3).— Политико-просветительная деятельность социал-демократической партии Финляндии (4).— 1905 год в Финляндии (4).— Завоевание всеобщего избирательного права и избирательные успехи финляндской социал-демократии (5).— Отсутствие единства в партии (5).— «Силтасааревское» крыло и его лидеры (5—6).— Революционный подъем в Финляндии после свержения самодержавия (6—7).— Классовые союзники пролетариата в деревне (7—8).— Буржуазия начинает создавать шюнкоры (8).— Рабочие приступают к организации Красной гвардии (8).— Бесплодность коалиционного сената (9).— Роспуск сейма и выборы (9—10).— «Мы требуем» (10—11).— Ленин накануне Октябрьской революции рекомендует финским социал-демократам брать власть (11—12).— Создание Центрального революционного совета (12—13).— Буржуазия решает передать власть «трем королям» (13).— Всеобщая забастовка (13—14).— Письмо Ленина (14).— Чрезвычайный съезд социал-демократической партии (14—15).— Создание правительства Свинхувуда (15).

Глава первая

ПОЛУЧЕНИЕ ФИНЛЯНДИЕЙ НЕЗАВИСИМОСТИ. ПРЕДРЕВО-
ЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ

Предоставление Советским правительством независимости Финляндии 16—41

Фактическая самостоятельность Финляндии после Октябрьской революции (16—17).— Финляндская буржуазия становится ярой сторонницей «независимости» (18—19).— Ее ориентация на Германию (19).— Решение сейма о независимости Финляндии (19—20).— Правильной ли была позиция финских социал-демократов в вопросе о независимости? (20—21).— Ленин о «завоевании» Финляндии большевиками и искажение смысла его заявления буржуазными авторами (21—22).— Правительство Свинхувуда безуспешно пытается добиться признания независимости Финляндии буржуазными государствами до признания ее Советским правительством (22—26).— Разоблачение легенды о германском «нажиме» на Советское правительство в вопросе о признании независимости Финляндии (26—30).— Германия рекомендует Финляндии обратиться к Советскому правительству (30—32).— Обращение социал-демократической партии Финляндии к ЦК РСДРП (6) и сената — к Совнаркому (32—34).— Решения высших органов Советского государства о признании независимости Финляндии (34—36).— Отзывы финляндской буржуазной прессы и буржуазных деятелей об этом (37—38).— Значение победы советского народа в гражданской войне для сохранения независимости Финляндии (39—40).— Фальсификация в буржуазной литературе вопроса о значении признания независимости Финляндии Советским правительством (40—41).— Процесс дифференциации пролетариата от буржуазии после отделения Финляндии (41).

Буржуазия стремится к созданию сильной правительственной власти (42).— Сенат Свинхувуда не принимает мер для смягчения продовольственных трудностей (43—46).— Буржуазия отвергает предложение социал-демократов об освобождении торпалей (46—48).— Стихийные выступления трудящихся (48).— Вопрос о создании армии (48—49).— Приобретение оружия рабочими (49).— Буржуазное большинство сената предоставляет сенату чрезвычайные полномочия (49—51).— Сенат готовится к гражданской войне (50—52).— Назначение Маннергейма главнокомандующим (52—53).— Вооруженные столкновения между Красной гвардией и шюцкорами (54—55).— Изменения в руководстве социал-демократической партии (55—56).— Создание Рабочего исполнительного комитета (58).— Революционная и соглашательская тенденции в руководстве социал-демократической партии (59—60).— Маннергейм отдает приказ о нападении на русские войска (61).— Отношение буржуазии и рабочего класса Финляндии к русским войскам (61—67).— Вооружение Красной гвардии (67—68).— Обращения сената к народу и к иностранным государствам (68—69).— Распоряжения русским войскам в Финляндии о невмешательстве во внутренние дела страны (69—70).— Маннергейм начинает войну (71).— Его воззвания (71—72).— Была ли революция неизбежной? (72, 76—77).— Как буржуазные авторы и правые социал-демократы объясняли причины финляндской революции (72—76).

Глава вторая

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Начало революции и деятельность революционной власти . . . 78—121

Распоряжения и воззвания Рабочего исполнительного комитета (78—80).— Члены правительства Свинхувуда скрываются (80—82).— Победа революции в Южной Финляндии (82—83).— Соотношение между революционной и белой Финляндией (83).— Состав революционного правительства (84).— Его программа (85—86).— Мнение рабочих о ней (86).— Социальный состав новых органов самоуправления (87).— Статус Главного Рабочего Совета и Совета Народных Уполномоченных (87).— Меры революционного правительства для облегчения продовольственного положения трудящихся (90—93).— Мероприятия в области аграрного вопроса (90—93).— Финансовая политика революционного правительства (94—96).— Другие мероприятия правительства для улучшения положения трудящихся (96—97).— Борьба с безработицей и налаживание промышленного производства (97—102).— Заботы революционного правительства о водных и сухопутных путях сообщения, о торговом флоте (102).— Улучшение школьного дела (102—104).— Клевета буржуазии на руководителей революции (104).— Их действительный моральный облик (105).— Отмена смертной казни (105).— Меры против актов жестокости и преступлений (106—110).— Проект конституции (110—113).— Финляндская революция являлась социалистической и представляла собой диктатуру пролетариата (114).— Братские отношения с революционной Эстонией (114—115).— Обращение к международному пролетариату (115—116).— Финляндская революция вызывает воодушевление у финских рабочих в США и Канаде (117).— США отказываются предоставить продовольствие революционной Финляндии (118—121).

Дружественные отношения между Советской Россией и революционной Финляндией . . . 121—148

Взаимные приветствия (121—123).— Помощь революционной Финляндии оружием (124—125).— Обучение красногвардейцев (125—126).— Позиция русских войск, находившихся в Финляндии (126—132).— Попытки буржуазии поссорить финских рабочих с русскими солдатами (132—133).— Помощь революционной Финляндии из Петрограда (133—135).— Связь белофинской организации в Петрограде с Маннер-

геймом (135—136).— Влияние разрыва Троцким переговоров в Брест-Литовске на оказание Германией помощи белофиннам (136—137).— Вывод русских войск из Финляндии после подписания Брестского мира (137—138).— Продолжение поставок оружия (138—139).— Помощь Финляндии продовольствием и другими товарами (140—142).— Договор об укреплении дружбы и братства между первыми социалистическими республиками; участие Ленина в его подготовке (142—146).— Выражения взаимной солидарности народов революционной России и революционной Финляндии (146—148).

Гражданская война до германской интервенции 148—178

Линия фронта (148—149).— Введение белыми воинской повинности; саботаж ее крестьянами (149—150).— Буржуазия настраивает крестьян против революции (150—151).— Численность и вооружение белой армии (151—152).— Банкиры финансируют Маннергейма (152—153).— Белофинская агентура в красной Финляндии (153—155).— Иностранцы консулы помогают белофиннам (156).— Численность Красной гвардии (156).— Отсутствие квалифицированного командного состава (156).— Мужество красных (157—159).— Участие рабочих женщин и молодежи в военных действиях (159—160).— Писатель Тьетавяйнен — представитель интеллигенции, ставшей на сторону революции (161).— Командование Красной гвардии, его стратегический план (162).— Попытки наступательных действий Красной гвардии (163).— Уверенность красных в победе (164).— Белые не имеют шансов на победу без иностранной помощи (165).— Зверства белых (166—168).— Забота представителей буржуазных государств о белофиннах, попавших в плен (168—169).— Фальшь концепции об «освободительной» войне (169—170).— Попытка сговора между русской и финской буржуазией для борьбы против революции в Финляндии и России (170—172).— Буржуазные деятели о международном значении борьбы в Финляндии (172—173).— Классовый состав белой армии и Красной гвардии (173—174).— Буржуазные газеты о влиянии красных в Финляндии (174—175).— Оценка в исторической литературе характера происходившей в Финляндии войны (175—178).

Помощь Швеции белофиннам 178—201

Белофинны просят Швецию о помощи (178—180).— Германия и дипломатические представители других стран — за интервенцию Швеции (180).— Внешнеполитические соображения, удерживавшие шведское правительство от интервенции (181—182).— Руководство шведской социал-демократии осуждает финляндскую революцию (183—185).— Предложения шведских социал-демократов революционному правительству Финляндии о посредничестве (185—186).— Социал-демократ Пальмшерн — пособник белофиннов (186—187).— Левые социалисты — друзья революционной Финляндии (187—189).— Солидарность шведских рабочих с финляндской революцией (189—190).— Внутриполитические причины, удержавшие шведское правительство от интервенции (190—192).— Шведское правительство предлагает белофиннам посредничество между борющимися сторонами (192—193).— Фактическая помощь Швеции белофиннам (194—196).— Шведское правительство требует от Советского правительства вывода русских войск из Финляндии (197—198).— Жульнический трюк шведского правительства с телеграммой Маннергейма на высадка шведских войск на Алахдских островах (198—200).— Германия интригует Швецию с Алахдских островов (200—201).

Глава третья

ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Просьбы белофиннов о германской интервенции и заключение ими кабальных договоров с Германией 202—225

Военно-стратегические расчеты центральных держав относительно использования Финляндии против России (202—203).— Сотрудничество финских «активистов» с Германией (203—204).— Тайные германские поставки оружия в Финляндию (205—

206).— Позиция социал-демократов, оказавшихся в финском «егерском батальоне» (206).— Просьбы белофиннов о германской интервенции (206—211).— Германия против провозглашения Финляндия нейтральной (208).— Вероятность английской интервенции в случае задержки германской (210).— Отправка егерского батальона в Финляндию (211).— Решение Германии об интервенции (212).— Кабальные договоры, заключенные Германией с белой Финляндией (213—221).— Оценка их в прессе и исторической литературе (221—225).

Цели германской интервенции 225—249

Разногласия в Германии по вопросу об отправке войск в Финляндию (225—228).— Обращения революционного правительства к народам Европы и к немецким солдатам в связи с угрозой германской интервенции (228—229).— Попытка революционного правительства вступить в переговоры с Германией (229—231).— Эволюция позиции Маннергейма в вопросе о германской интервенции (232).— Белофинны торопят — Германия ускоряет подготовку к отправке войск (232—234).— Антисоветские цели германской интервенции (234—236).— Антиянглийская направленность германской интервенции (236—240).— Ее экономические цели (240—243).— Выгодность интервенции для империалистической Германии (243—244).— Опровержение концепции о якобы соответствии германской интервенции в Финляндии нормам международного права (245—248).— Пагубность классовой политики финской буржуазии для судеб страны (248—249).

Отношение рабочих партий Германии к готовящейся интервенции . 249—267

Положение в германском рабочем движении и в стране во время финляндской революции (249—251).— Официальные объяснения необходимости интервенции (251—253).— Тактика «рабочих лидеров» в рейхстаге (254—256).— Социал-демократическая фракция одобряет договоры с Финляндией (257).— Позиция независимых социалистов (257—259).— Клевета социал-демократической прессы на революцию в России и Финляндии (260).— Статья в «Форвертс» и ответ Ю. Сирола (261).— Датская рабочая газета о предательстве германской социал-демократии (262).— Позиция Либкнехта и его сторонников (262—265).— Кто несет главную ответственность за предательство германским пролеариадом русской и финляндской революций? (265—266).— Революционные настроения среди немецких солдат в Финляндии (266—267).

Высадка немецких войск в Финляндии и подавление революции . 267—290

Воззвания интервентов и белофиннов перед высадкой немецких войск (267—268).— Численность высадившихся в Финляндии интервентов (268—269).— Влияние прибытия немецких войск на военную обстановку в Финляндии (270—272).— Капитулянтские элементы поднимают голову (272—273).— Война Красной гвардии приобретает черты национально-освободительной (274).— Действия немецких войск (274—275).— Взятие Маннергеймом Таммерфорса (276—279).— Героическая оборона и падение Гельсингфорса (279—282).— Преступное использование интервентами и белофиннами гражданского населения при штурме Гельсингфорса (282).— Обращение правых социал-демократических лидеров к Красной гвардии с призывом сложить оружие (283—285).— Красногвардейцы Западного фронта не хотят отступать (286—287).— «Кровавый день немецких войск»: красногвардейцы обращают интервентов в бегство (286—288).— Отъезд руководителей финляндской революции в Советскую Россию (288—289).— Падение Выборга (289).— Окончание гражданской войны (289—290).

Глава четвертая ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРАЖЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Реакция и белый террор 291—307

Признательность международной буржуазии Германии и Маннергейму за подав-

нение финляндской революции (291—292).— Ненависть рабочих Скандинавских стран к палачам финляндской революции (292—293). Зверский террор финской буржуазии (294—296).— Призывы не шадить женщин (296).— Положение сирот (296—297).— Работники культуры — жертвы террора (297).— Выступления отдельных буржуа против крайностей террора (297—298).— Церковь не осуждает белый террор (298).— Ответственность Германии за белый террор в Финляндии (299).— Число жертв белого террора (299). Протесты международного пролетариата (300—301).— Практическая помощь рабочим других стран рабочим Финляндии (301).— Зарубежные буржуазные газеты о положении в Финляндии после подавления революции (301—302).— «Белый террор — выдумка красных» (302—303).— Начало работы «обрубка сейма» (304—305).— Избрание Свинхувуда регентом и образование сената Паасикиви (305).— Реакционная законодательная деятельность незаконного «обрубка сейма» (305—307).

Превращение Финляндии в вассала Германии 307—334

Вывоз Германией нужных ей продуктов и материалов из Финляндии (307—308).— «Соглашение о компенсации» (308—310).— Проекты использования экономических ресурсов Финляндии для нужд Германии (310—311).— План использования финских заключенных в качестве рабочей силы для Германии (311—312). Зачем были оставлены в Финляндии немецкие войска? (312—314).— Германский контроль над финляндской армией (314—315).— Фон дер Гольц — фактический правитель Финляндии (315).— Сторонники «твердой власти» начинают кампанию за введение монархии (316—321).— Поддержка их Германией (322—327).— Монархический прием монархистов: использование закона, давно утратившего силу (327—328).— Споры вокруг кандидатуры короля для Финляндии (328—330).— «Выборы» Фридриха-Карла Гессенского королем Финляндии (331).— Отношение Франции и Англии к избранию немца королем Финляндии (332—333).— Высказывания различных деятелей и органов прессы о вассальном положении Финляндии (333—334).

Антисоветские планы и действия Германии и белофиннов в 1918 г. 334—351

Белофинские проекты присоединения советских территорий (334—336).— Германские планы использования Финляндии для войны против Советской России (337—338).— Военные приготовления в Финляндии (338—339).— Высказывания германских военных и дипломатов о целесообразности войны против Советской России (339—340).— Кайзер намеревается поручить подавление революции в России Маннергейму (340—341).— Маннергейм уходит в отставку (341).— Немцы узнают об антипатиях Маннергейма к Германии (342).— Проект военного союза между Германией и Финляндией (342—343).— Германия откладывает подготовленное нападение на Советскую Россию (343—344).— Кайзер обвиняет Англию в империалистическом образе действий по отношению к Советской России (344).— Ввиду неизбежности поражения Германии белофинское правительство торжует интерес к союзу с ней (344—345).— Финляндия захватывает Ребольскую и Поросозерскую волости (345).— Рост революционных настроений в Германии; воззвание спартаковцев (345—349).— Крах германских планов в Финляндии в связи с поражением Германии (349).— Обращение финских коммунистов к немецким солдатам в Финляндии (349—350).— Переориентация белой Финляндии на Антанту; отречение Фридриха Карла от престола (350—351).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 352—358

Источники и литература 359—377

Указатель имен 378—382

В. М. Холодковский

Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция

Утверждено к печати

Институтом истории Академии наук СССР

Редактор издательства *Ю. И. Хаинсон*

Технический редактор *И. Н. Дорохина*

Художник *И. В. Царевич*

Сдано в набор 6/III 1967 г. Подписано к печати 1/VI 1967 г.
Формат 60×90¹/₁₆. Усл. печ. л. 24,25. Уч.-изд. л. 26,4. Тираж 1600
Т-07660. Тип. зак. 6641. Бумага № 1
Цена 1 р. 86 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука».

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
82	13 сл.	Бёрнеборге	Бьёрнеборге
215	10 сл.	ибп	или
220	18 сл.	надает	недаст
201	3 сл.	Pease	Pease
369	25 сл.	ВЖШ	ВПШ

*В. М. Холодковский. Революция 1918 г. в Финляндии и
Германская интервенция.*

РЕВОЛЮЦИЯ В ФИНЛЯНДИИ и ГЕРМАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ